

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

ИСТОРИЯ РОССИИ

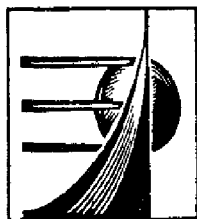
С древнейших времен
до конца XX века

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

член-корр. РАН А.Н. Сахаров (отв. редактор),
докт. ист. наук В.П. Дмитриенко (зам. отв. редактора),
академик РАН И.Д. Ковальченко,
член-корр. РАН А.П. Новосельцев

ИСТОРИЯ РОССИИ

XX век

Ответственный редактор
докт. ист. наук В. П. Дмитренко

*Рекомендовано Государственным комитетом
Российской Федерации по высшему образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению и специальности
«История»*

*Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве
учебного пособия для системы
педагогических вузов России*

Москва
АСТ
2000

Авторы: докт. ист. наук А.Н. Боханов (раздел I гл. 1 § 1—5, гл. 2 § 1, 3—6), докт. ист. наук П.Н. Зырянов (раздел I гл. 1 § 6, гл. 2 § 2), докт. ист. наук В.П. Дмитренко (предисловие, раздел I гл. 3), канд. ист. наук Н.С. Симонов, докт. ист. наук А.К. Соколов (раздел II гл. 4), канд. ист. наук М.М. Горинов (раздел II гл. 5 § 1—5), докт. ист. наук А.С. Сенявский (раздел II гл. 5 § 6), канд. ист. наук А.А. Печенкин (раздел III гл. 6), канд. ист. наук Е.Ю. Зубкова (раздел III гл. 7; раздел IV гл. 8), канд. ист. наук В.А. Шестаков (раздел IV гл. 9)

Подбор иллюстративного материала *Л.А. Неретина*
Художник *Б.С. Казаков* (оформление и макет)

Рецензенты: докт. ист. наук *Э.М. Шагин*,
докт. ист. наук *Б.С. Илизаров*

За аутентичность цитат
ответственность несут авторы

И90 История России. XX век / А. Н. Боханов, М. М. Горинов, В. П. Дмитренко и др. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 608 с.: ил.

ISBN 5-17-001681-6

© Коллектив авторов, текст, 1996
© ООО «Издательство АСТ»,
2000

Предисловие

Каждое из столетий России на ее тысячелетнем пути имело свою особую драматургию, определившуюся завоевательными войнами и вражескими нашествиями, смутами и восстаниями, периодами экономического роста и застоя, духовными исканиями и реакцией. Не преувеличим, если выделим в этом ряду XX век как один из наиболее ярких и трагичных, когда многие потери и приобретения сошлись на ограниченном историческом пространстве. Этот век вместил ряд экономических скачков, три революции, очередную передачу эстафеты власти от «верхов» к «низам» и, наоборот, разные типы политического устройства (от демократии до тоталитаризма), ряд крупных поражений и убедительных военных побед. На небосклоне ярких личностей сияли звезды величайших ученых и шарлатанов от науки, народолюбцев и диктаторов, смелых реформаторов и смиренных искателей безболезненных путей к прогрессу, великих полководцев и великих инквизиторов. В бескомпромиссной схватке сталкивались теоретические концепции общественного развития и политические программы, различные модели переустройства российского и мирового сообщества, партии и общественные движения. Много дорог было пройдено, много идей испытано и отброшено, много напрасных жертв принесено. При взгляде на крупномасштабную карту века голова может закружиться от обилия красок, событий. И чем ближе к концу столетия, тем сильнее звучат вопросы: почему Россия должна платить столь тяжелую цену за исторический прогресс? Может быть, народ несет в себе собственный ген разрушений, необузданных страстей и желаний, азарта и романтизма? Или страна в силу специфики новейшего времени попала в какие-то огромные жернова общемирового движения, которые, постоянно тяжело вращаясь, неустанно

крушат, мнут, формируют, переделывают на какой-то только им ведомый лад природу и характер российского общества, которое при этом пытается еще сохранить свое национальное лицо? История России XX века — очередной или затянувшийся «провал» в истории человечества или еще одна отчаянная попытка отстоять свою культуру, территорию, менталитет, свою веру как неотъемлемый элемент многогранной общемировой цивилизации?

С начала века отечественная и мировая наука бьется над этими непростыми вопросами. Продвигаясь вперед, обобщая пройденные исторические ступени, она затем вновь отступает перед очередным, кажущимся неожиданным поворотом. Пожалуй, в наиболее трудном положении среди тех, кто напряженно размышляет над прихотливой вязью развития страны, находятся историки. На каждом очередном повороте истории именно историки выводят среди первых на эшафот, пытаясь сделать персонально ответственными за коллективное прошлое, требуя покаяния, очередной «перестройки», коленопреклонения перед настоящим и обязательно светлым будущим.

Насколько российская история XX века была богата переменами, настолько историография, посвященная столетию, была изменчива. Пишется это не в укор прошлым и настоящим поколениям историков, а с целью напомнить об особой общественной функции этой отрасли знаний, откуда каждое новое поколение граждан страны почему-то (!) очень избирательно черпает так называемый «исторический опыт», предъявляя свой социальный заказ исследователям. Это затрудняет, но не исключает права и обязанности ученых нести эстафету научного знания и о современном обществе.

В этой книге авторский коллектив сделал очередную попытку охарактеризовать пройденный Россией — СССР столетний путь. Для читателя очевидно, что главная трудность, вставшая перед исследователями, состояла в нахождении той связующей линии, которая позволила бы за чередой разных, порой противоположных по общественному смыслу событий увидеть общую, единую линию движения. И развитие, если понимать под общественным развитием не только прямолинейное «вперед и выше», но и творческий поиск, эксперимент, попытку (нередко неудачную) целого народа заново переосмыслить и время, и себя в нем. Видимо, формула российского движения может быть понята и описана не через механическое сравнение с другими (передовыми и отсталыми) странами, не через логику самодвижения или попытку кого-то сделать целый народ заложником своих амбиций.

Авторский коллектив предлагает свой вариант описания драмы столетия. Он сводится, если формулировать кратко, к освящению лихорадочных попыток Российского государства достойно ответить на исторический вызов, брошенный ему современной цивилизацией, с ее новыми технологией, формами государственного устройства, видами вооружения и орудий массового уничтожения, общественными идеалами. Огромное отставание огромной державы, обнаружившееся на рубеже XIX и XX вв., требовало и гигантских усилий по его преодолению. Усилий от центральной власти, от всего общества, от многочисленных народов и социальных групп, от каждого гражданина. Опыт аналогичных «скачков», совершенных в XVI—XVIII вв., подсказывал, что они сопровождались энтузиазмом, самопожертвованием, ограничениями, многочисленными жертвами. Цена общегосударственных приобретений каждый раз оказывалась исключительно высокой с позиции судеб тысяч и миллионов людей. Взлеты и обогащения одних совершались на фоне падения и разорения других. И так раз за разом...

В этой цепочке событий XX век выступает очередным целостным (может быть, еще и незаконченным) этапом, в рамках которого решались глобальные задачи цивилизованного рывка. И в то же время — это совокупность разнонаправленных движений, каждое из которых укладывалось в свои временные рамки, имело различную динамику, различных участников, преследовало разные цели. Самостоятельными (но не изолированными друг от друга) блоками выступали периоды ограниченного реформаторства Николая II, Великой российской революции, ленинско-сталинского эксперимента по строительству социализма, соревнования социализма и капитализма в форме «холодной войны», исчерпания потенциала и загнивания сложившейся общественной системы, очередной крутой ломки устройства страны в конце века. В каждом из этих блоков действовали свои особые механизмы управления общественными делами, социальной активности населения, взаимодействия с внешним миром. По-разному представляла роль человеческой личности и коллективного «я». Каждый раз возникали своеобразные сочетания между общегосударственными, общенациональными и групповыми, региональными, социальными, национальными, профессиональными интересами. При этом непременно складывалась некоторая целостность, включавшая все стороны общественного развития. В рамках каждого такого этапа возникала определенная группа противоречий, которая увлекала общество вперед, заставляя использовать все новые и новые

принципы самоорганизации. Вялотекущий процесс эволюционного развития сменялся тотальным взрывом; на смену ему, после короткого (нэповского) «затишья» приходила полоса насилия; в послевоенное время (вслед за второй мировой войной) — снова замедление темпа и снова очередной взрыв (после «перестройки»). Есть ли в этих мелькающих ярких кадрах российской (и одновременно мировой) хроники внутренние пружины движения или все эти, вроде бы случайные конвульсии явились лишь проявлением «загадочной русской души», «непонятности» российской истории?

Авторы стремятся сделать шаг к осмыслению особенностей каждого из этапов и одновременно причин движения в рамках всего века. Как показывают источники (многие из которых впервые вводятся в оборот), свои мазки на протяженном историческом полотне накладывали и политические лидеры, и народные вожди, и сами «низы» в своем самоутверждении и поиске лучшей доли. Через эти столкновения разных побуждений проявлялись и мощные импульсы сплочения, мобилизации, и столь же сильные противоположные импульсы торможения, распада страны. Постоянно меняющееся соотношение того и другого определяло насыщенную хронику событий истории России в XX веке.

Как никогда в прошлом, страна демонстрировала и свою целостность, и свою разность. Она выдерживала труднейший экзамен на прочность со своими огромными территориальными приобретениями, невероятной протяженностью границ, многонациональностью, сочетанием разных географических и хозяйственных зон, многочисленными яркими очагами культурного и исторического прошлого, разными конфессиями и сферами влияния соседних государств и многим, многим другим, что вмещает в себя понятие «Россия».

История всегда имеет человеческое лицо. За всеми крутыми поворотами судьбы стояли конкретные люди со своими насущными жизненными интересами, радостями и потерями, взлетами и падениями. В каждый исторический миг шереంగా участников событий была многолюдной, вмещающей победителей и побежденных, счастливых и несчастных, опьяненных успехами и потерявших надежды.

И в этой, постоянно изменяющейся полноте и самодостаточности — самооценку каждого исторического этапа проходящего века, с его исключительной напряженностью, стремительностью движения, изменчивостью облика общества, которое по-прежнему все еще ищет и познает себя...

В.П. Дмитренко

Россия на переломе

Глава I

Годы испытаний, смуты, надежд

§1. Парадоксы социальной трансформации.

Российская буржуазия в начале XX в.

Была ли Россия капиталистической страной? Насколько буржуазные традиции и институты, право, этика и мораль были органичны российской действительности, в какой степени определяли облик всего общества? Эти вопросы вызвали общественный интерес в конце XIX — начале XX вв.; они привлекали пристальное внимание и потом, когда рухнула историческая Россия и надо было объяснить происшедшую катастрофу. В острых дискуссиях о судьбе страны прежде всего обсуждалась возможность альтернативы большевизму. Существовала ли она в действительности, а если была, то что помешало ей реализоваться? Большевики-ленинцы утверждали, что их победа в октябре 1917 г. — закономерный итог общественного развития, что только они, вооруженные марксистской теорией, смогли понять чаяния большинства населения, потребности времени, спасти страну от колониальной зависимости и вывести ее на дорогу современного прогресса.

Антиподом большевистских представлений всегда являлись либеральные воззрения. Российские либералы, сторонники европоцентристских моделей развития, приверженцы политических свобод и правовых норм общественного устройства, были уверены, что победа красных радикалов —

случайность, что Россия вполне созрела для создания правового государства, что лишь неадекватность царской власти, тактические ошибки отдельных государственных и общественных деятелей, невежество масс помешали стране стать свободным, демократическим государством. Причем последний тезис — «о невежестве масс» — получил распространение лишь после 1917 г., когда стали известны так называемые «эксцессы революции» и только неадекватные или просто глупые люди могли предаваться маниловским мечтаниям о возможности быстрого создания в стране «царства народной свободы и благоденствия» под руководством честных и умных «русских европейцев». Желание видеть в России порядки на манер западноевропейских проявилось в общественной жизни еще задолго до 1917 г., но лишь в XX в. оно приняло характер политической доктрины определенных социальных групп. Являлись ли эти представления исторически обусловленными?

Русский философ С.Л. Франк, уже в эмиграции размышляя о причинах триумфа большевизма, заметил: «Трудно было поверить, что массовая экспроприация крупной, а отчасти даже «мелкой» буржуазии может быть осуществлена так легко, при таком слабом сопротивлении, и, вероятно, сами круги, ее производившие, этого не ожидали. Собственников и собственнических интересов было в России очень много, но они были бессильны и были с легкостью попораны, потому что не было собственнического «миросозерцания», бескорыстной веры в святость принципа собственности». В свою очередь, другой известнейший отечественный философ Н.А. Бердяев считал, что «русскому народу всегда были чужды римские понятия о собственности. Абсолютный характер частной собственности всегда отрицался». По его убеждению, «русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам».

С учетом процессов буржуазной трансформации, наблюдавшихся в стране и обществе с конца XIX в., подобные заключения могут показаться парадоксальными. Но эта парадоксальность отражала реальные противоречия российской действительности. Капиталистическая эволюция непосредственно затрагивала лишь малую часть населения. Значительное же большинство подданных русского царя жило в мире представлений и норм, очень далеких от прагматизма, рационализма, индивидуализма — характерных черт капиталистических общественно-экономических систем. Социальный эгоизм никогда не пользовался признанием.

Россия являлась той удивительной страной, где истари быть бедным не считалось зазорным, где всегда больше ценились честь, доброта, христианское благочестие, преданность долгу, чем любые формы коммерческой деятельности или финансовый успех. Большие деньги не вызывали уважения, и заслужить общественное признание можно было чем угодно, только не личным обогащением. По образному выражению Марины Цветаевой, «осознание неправды денег в русской душе невытравимо». Русское национальное мироощущение (жизнепонимание) — то, что современная социология определяет понятием «менталитет», — формировалось века в русле православной духовно-нравственной традиции и было очень удалено от интересов и нужд расчетливой деловой среды. Эта атмосфера небуржуазности социального сознания делала общественное положение предпринимателя весьма ненадежным. Об антибуржуазности русского народа очень много говорили еще до революции, и некоторые политические деятели, например П.А. Столыпин, считали подобную ситуацию чрезвычайно опасной.

Но буржуазия в России являлась реальным социальным фактом, и в последние десятилетия существования монархической власти она играла весьма заметную роль не только в хозяйственной, но и в общественно-политической сфере. Однако «короли бизнеса» являлись лишь отчасти хозяевами жизни, законодателями общественной моды и общественных настроений. Да и самих предпринимателей, особенно крупных, было в России чрезвычайно мало. Но прежде чем говорить конкретно о деловых людях России, уместно прояснить некоторые исходные определения.

Категории «предприниматель», «капиталист», «буржуа» — социальные синонимы, но в российском историческом контексте подобная тождественность правомерна далеко не всегда. Выдающийся лексикограф Владимир Иванович Даль так определял эти понятия: «Капиталист — богат, у кого много денег; буржуа — среднее сословие, торговый и ремесленный люд; предприниматель — человек, предпринявший что-либо». Указанные дефиниции отражали русскую лингвистическую традицию и общественные представления середины XIX в. Лишь в конце прошлого века в литературе утверждается универсальное определение «капиталист» для характеристики тех, кто являлся владельцем средств производства, выступал носителем капиталистических отношений и творцом новой, буржуазной, реальности. Однако до самого падения монархии в России наиболее употребимым социальным титулом «капитанов бизнеса» служил термин «купец».

Это понятие появилось в российском законодательстве в XVIII в. и первоначально обозначало почти исключительно предпринимателя-торговца. По мере расширения масштабов и усложнения форм хозяйственной деятельности эта социальная группа объединила все виды предпринимательства. Вплоть до конца 90-х гг. XIX в. занятие торговлей или другим промыслом законодательно вводило в купеческое сословие. Лишь после принятия в 1898 г. закона о Государственном промысловом налоге положение изменилось. С этого времени перестала существовать прямая связь между приобретением промыслового свидетельства (право на промысел) и получением гильдейских документов. Приобретение купеческих сословных документов стало добровольным. В купеческое сословие (разделенное с 1863 г. на две гильдии) вступали, приобретая одновременно корпоративные и промысловые свидетельства. Купечество было единственным сословием, принадлежность к которому зависела исключительно от ежегодной уплаты определенной денежной суммы.

Хотя стоимость самих гильдейских документов была сравнительно невысокой, однако вместе с платежами за промысловые свидетельства, а также с различными сопутствующими сборами общая сумма достигала весьма внушительных размеров и была доступна только состоятельным лицам. На купечество распространялись сословные права и льготы. К концу XIX в., после введения всеобщей воинской повинности и отмены подушной подати, корпоративные преимущества — право визита к императорскому двору, право ношения губернского мундира, право на получение орденов и медалей и т.д. — стали носить декоративный характер. Данные привилегии распространялись почти исключительно на купцов I гильдии, составлявших, согласно закону, «особый класс почетных людей в государстве». Состоявшие в этой корпорации не менее 12 лет могли получать «по уважению особых заслуг в распространении торговли» звание коммерции советника, а за отличия по мануфактурной промышленности — мануфактур советника. Носители почетных званий, как и купцы, награжденные одним из орденов, или находившиеся в I гильдии не менее 20 лет, имели право на высшее городское сословное звание — потомственного почетного гражданина.

Единственным реальным преимуществом, распространявшимся с конца XIX в. на все купечество, была так называемая «паспортная льгота», избавлявшая от необходимости приписки, обязательной для лиц мещанского и крестьянского сословий. Это было важнейшим стимулом для приобретения сословных свидетельств. Лицам еврейской национальности получение купеческих свидетельств давало право на жительство вне черты оседлости. Кроме того, некоторые виды про-

фессиональной деятельности законодательно закреплялись за определенными социальными группами. Так, должности биржевых маклеров могли занимать лица исключительно купеческого и мещанского сословий.

Купечество имело свою корпоративную организацию на местах в виде собраний выборных и сословных старшин. Три крупнейших общества — Москвы, Петербурга, Одессы — находились в ведении купеческих управ. Права и обязанности купеческих организаций были законодательно определены и их деятельность протекала под неусыпным надзором государственной власти. До конца 1905 г. они подчинялись Министерству внутренних дел, а затем — Министерству торговли и промышленности.

С самого возникновения купеческая организация являлась как бы придатком казенных ведомств, в первую очередь фискальных. В ее обязанности входило ведение гильдейского семейного учета, предоставление государственным учреждениям различного рода сведений о лицах купеческого звания и т.д. Основная же функция состояла в сборе различных взносов с сословных и промысловых свидетельств. Купеческие общества в важнейших торгово-промышленных центрах имели крупную недвижимость и капиталы, доходы от которых широко использовались для благотворительных целей. Только в распоряжении Московской купеческой управы в начале XX в. находилось 10 богаделен, 5 домов призрения, 4 училища, а общий ежегодный расход достигал почти 2 млн. рублей. Московская купеческая сословная организация была самой известной и наиболее влиятельной в России. Но постепенно время меняло облик предпринимательской среды, ее социальный портрет. Купеческое звание уже не только не являлось больше неопременным показателем определенных промысловых занятий, но часто вообще не включало конкретного социально-экономического содержания. Многие получали гильдейские свидетельства «для звания», для достижения каких-то собственных целей, никоим образом не связанных с торгово-промышленной деятельностью. Сословные границы стирались, и российский деловой мир состоял уже из представителей всех сословий и всех групп населения.

Наиболее влиятельными в деловом мире становились организации, построенные не на сословной, а на профессиональной основе. Это были в первую очередь различные биржевые комитеты, региональные и отраслевые ассоциации предпринимателей, занятых в нефтяном, горном деле, металлообработке, в производстве и торговле льном, шерстью, лесом и лесными материалами и т.п. К числу наиболее заметных и влиятельных организаций относился Совет съездов представителей акционерных коммерческих банков, учре-

денный в Петербурге в 1873 г. и объединивший банкиров Петербурга, Москвы и нескольких крупных провинциальных центров. Важная роль принадлежала и другой организации — Совету съездов горнопромышленников Юга России, учрежденному в 1874 г. в Харькове и включавшему владельцев металлургических, машиностроительных и железорудных предприятий Донбасса и Криворожья. В 1884 г. в Баку возник Совет съездов нефтепромышленников, созданный группой ведущих предпринимателей и фирм, занятых добычей, переработкой и транспортировкой нефти и нефтепродуктов. Союзы предпринимателей действовали на основании утвержденных правительством уставов, регулярно проводили свои съезды (иногда по нескольку раз в год), на которых избиралось руководство, обсуждались тарифы, налоги, рабочее законодательство и другие проблемы торговли и промышленности.

Главной организацией, объединившей в 1906 г. крупнейший российский бизнес, стал Совет съездов представителей промышленности и торговли, включивший как отдельные фирмы и банки, так и региональные и отраслевые организации. Заседания этого, как его иногда называли, «парламента русского капитала» привлекали всегда пристальное внимание прессы. На этих заседаниях непременно выступали представители центральных министерств и ведомств, а мнение «некоронованных королей России» имело большой вес при принятии правительством решений в области экономики. В реальной жизни различие между экономическими и политическими вопросами часто было довольно условным. В конечном итоге, все, что затрагивает интересы сколько-нибудь значительного числа людей, является в той или иной степени политикой. Осуществление крупного промышленного проекта, экономическое освоение новых районов, продолжительность рабочего дня, страхование от несчастных случаев и т.д. — все это были острые социальные вопросы и при их решении мнение промышленников и финансистов являлось определяющим.

Однако немалое число предпринимателей было убеждено, что власть не уделяет торгово-промышленной сфере того внимания, которого она заслуживает, что бюрократические ведомства игнорируют потребности хозяйственного развития и не допускают самих деловых людей к рычагам государственного управления. В этом была своя правда. Действительно, длительное время капиталисты в России не имели возможности воздействовать на курс государственной политики, в том числе в области торговли и промышленности. Об этом часто говорилось тогда и писалось много потом в специальных исследованиях по истории России. При этом нередко

вообще замалчивался факт, что уже с конца XIX в., а уж тем более в начале XX в. положение существенно изменилось.

В высшем обществе империи менялись приоритеты, и жизнь заставляла принимать в расчет то, что еще совсем недавно игнорировалось, отдавать предпочтение тому, что еще вчера безусловно осуждалось. «Его величество капитал» и «господни купон» — жупелы дворянско-народнической литературы и публицистики — уже мало кого пугали, а капиталисты становились желанными гостями в аристократических особняках, в высоких кабинетах первых сановных лиц империи.

Великий князь Александр Михайлович (шурин Николая II) в своих воспоминаниях писал: «Выдающиеся представители петербургского общества включали в число приглашенных видных биржевиков. Офицеры гвардии, не могшие отличить до сих пор акций от облигаций, стали с увлечением обсуждать неминуемое поднятие цен на сталь. Светские денди приводили в полное недоумение книгопродавцов, покупая у них книги, посвященные сокровенным тайнам экономической науки и истолкованию смысла ежегодных балансов акционерных обществ. Светские львицы начали с особым удовольствием представлять гостям на своих журфиксах «прославленных финансовых гениев из Одессы, заработавших столько-то миллионов на табаке».

В XX в. уже не было редкостью, когда на собраниях акционеров крупной компании присутствовали представители аристократии. Накануне первой мировой войны акционерная хроника в газетах порой напоминала репортажи со светских раутов.

Капитал объединял и заставлял сотрудничать различных по своему положению и общественному статусу людей, которые вне деловой сферы не имели никаких общих интересов. Но отмеченные тенденции лишь в малой степени ломали психологические барьеры и исторические стереотипы критического отношения к предпринимательству. Даже являясь участником капиталистической деятельности, «благородные господа» не отождествляли себя с торговцами и промышленниками как таковыми, сохраняя несконные амбиции и предрассудки. Как писал с сарказмом русский профессор-экономист И.Х. Озеров: «Русское общество в вопросе индустриализации стояло на очень низком уровне. Подальше от промышленности — это-де дело нечистое и недостойное каждого интеллигента! А вот сидеть играть в карты, попивать при этом и ругать правительство, вот настоящее занятие мыслящего интеллигента!». Получать доход от частноголадельческого хозяйства, устраивать свое финансовое благополу-

чие при помощи «акул капитализма», «парвеню» и «денежных мешков» считалось в порядке вещей, но признать их равными себе — на это русская аристократия пойти не могла.

Но несмотря на все сложности, противоречия и парадоксы социальной действительности, предпринимательство в начале XX в. продолжало развиваться и успехи были впечатляющими. Среди организационных структур капитала преобладающее значение получила акционерная ассоциация. В этот период подавляющая часть крупных российских компаний приняла форму или паевого, или акционерного общества. Такие фирмы, в отличие от единолично частновладельческих, относились к публично отчетным, обязанным регулярно обнародовать сведения о своем финансовом состоянии (в виде отчетов и балансов), проводить собрания акционеров (пайщиков), являвшиеся высшим органом таких структур. В первом десятилетии XX в. в тяжелой индустрии и некоторых других отраслях наблюдался циклический спад, перешедший затем под воздействием ряда финансовых и политических факторов в экономическую депрессию. Но в общем экономическое развитие частновладельческого хозяйства продолжалось. В начале второго десятилетия XX в. этот процесс принял характер промышленного бума, напоминавшего времена расцвета промышленности в конце 90-х гг. XIX в.

С 1901 по 1913 г. в России возникло 22 новых акционерных коммерческих банка, что составило 2/3 частных банков, учрежденных за предыдущие почти сорок лет. В 1901 г. открылось 87 акционерных компаний, в 1902 г. — 55, в 1903 г. — 51, в 1904 г. — 51, в 1905 г. — 36, в 1906 г. — 64, в 1907 г. — 90, в 1908 г. — 79, в 1909 г. — 81, в 1910 г. — 129, в 1911 г. — 165, в 1912 г. — 238, а в 1913 г. — 242. При этом ежегодно регистрировалось значительно больше акционерных фирм, но далеко не всем из них удавалось собирать необходимые капиталы. Контингент потенциальных акционеров был чрезвычайно узким.

При всех несомненных достижениях капиталистического хозяйства социальная трансформация общества происходила очень медленно. Деятельность капиталистических компаний непосредственно затрагивала интересы лишь небольшой социальной группы, включавшей представителей нескольких сотен известнейших купеческих семей, десятки дворянских родов, небольшое число лиц из инженерного корпуса и профессуры. Они составляли основной контингент держателей акций и пополняли ряды членов советов и директоратов фирм. Интересы руководителя столичного банка, директора крупной страховой, железнодорожной или промышленной компании совпадали с интересами владельца мелкой лавчонки, провинциального коммивояжера или улич-

ного торговца лишь теоретически. Безусловно, они все относились к тому классу, который принято было называть буржуазией, но их повседневные заботы, кругозор и коммерческие интересы находились на полярных уровнях.

Уже после крушения 1917 г. известный промышленник, член правлений ряда крупных фирм В.А. Ауэрбах писал: «Не только молодость и слабость торгово-промышленного класса обрекала его на политическую пассивность, но и отсутствие опоры в более многочисленных слоях общества... Воспринявшие заветы великого противника цивилизации многие вместе со своим учителем Л.Н. Толстым видели в торговой или промышленной прибыли «грех», а марксисты «грабеж»; и только очень и очень немногие понимали, что предприниматель творит необходимое государству дело, что он открывает новые источники народного благосостояния, что он укрепляет мощь и независимость нации. И даже те, кто это понимал, нередко относились к деятельности торговли и промышленности с некоторым осуждением». До самого конца царской России крупная индустрия, а в более широком смысле вся буржуазная цивилизация в России являлись одинокими островками в чуждом и безбрежном крестьянском мире. В России не успело сложиться сколько-нибудь устойчивого среднего слоя капиталистов, которые могли бы составить надежную социальную опору крупной частновладельческой промышленности и всего капиталистического хозяйства.

§ 2. Русско-японская война. Социальное брожение в стране. Безумие русской смуты: начало революции 1905 г.

Россия всегда играла сольную партию в «концерте мировых держав», но история ее имперской судьбы носила немало специфических черт и во многом принципиально отличалась от истории Англии или Франции. Территориальные приращения России осуществлялись веками в процессе борьбы за самовывживание, против агрессии с Юга, Запада и Востока. Россия оказалась сильнее многих своих соседей, и еще задолго до Петра I начала интегрировать в свой состав разнообразные племена и обширные области. Однако Россия в общепринятом смысле никогда не была колониальной державой и тем качественно отличалась от западноевропейских империй. У нее не было метрополии как таковой: исторический центр был, а метрополии не было. Российская террито-

риальная экспансия носила главным образом стратегический характер, диктовалась потребностями военной безопасности и государственной стабильности. Методы беспощадного разорения и ограбления завоеванных стран и народов, превращение их в экономический придаток метрополии здесь никогда не практиковались. Скажем, с конца XIX в. темпы экономического развития целого ряда окраин, так называемых «колоний», были значительно выше, чем во многих «чисто русских», исконных областях и районах (ситуация совершенно немыслимая ни для Французской, ни для Британской империй).

Существование любой империи определяется факторами, часто не поддающимися прогнозированию и регулированию правительствами. Инерция имперского мышления, имперских интересов и амбиций диктует политику, влияет на государственные решения, ведущие нередко к трагическим результатам. Государственно-политические устремления как региональных (Япония), так и мировых (Россия, Англия, Германия, США) держав определили ситуацию в северной части тихоокеанского региона в конце XIX — начале XX вв. Агрессивная, часто откровенно циничная борьба, которую они вели за сферы влияния в раздираемом внутренними противоречиями Китае, должна была, раньше или позже, окончиться военным столкновением главных фигурантов этого действия. И оно в конце концов произошло.

Россия имела обширные владения на Дальнем Востоке. Эти территории были чрезвычайно удалены от центра страны и слабо задействованы в общегосударственном хозяйственном обороте. Изменение ситуации связывалось со строительством Сибирской железнодорожной магистрали, прокладка которой началась в 1891 г. Ее намечалось провести по южным районам Сибири с выходом к Тихому океану во Владивостоке. Общая протяженность ее от Челябинска на Урале до конечного пункта составляла около 8 тыс. километров. Это была протяженнейшая железнодорожная линия в мире.

В 1894 г. Япония начала войну против Китая за овладение Кореей, являвшейся вассальным Китаю государством. Война сразу же выявила военное и стратегическое превосходство агрессора, и в апреле 1895 г. китайское правительство подписало униженный Симоносекский договор, предусматривавший отторжение от Китая Тайваня (Формозы), некоторых других островов и Ляодунского полуострова. Выполнение этих условий резко усилило бы мощь Японии, что не отвечало интересам европейских государств. Россия, Гер-

мания и Франция добились изменения кабальных условий, в результате чего Японии пришлось отказаться от Ляодунского полуострова, затем переданного Китаем в аренду России.

Сибирская железная дорога стала инструментом дальневосточной экспансии России. В 1896 г. русское правительство добилось от Китая концессии на прокладку восточного участка дороги по территории Маньчжурии. Этим путем достигались, как казалось в Петербурге, две цели. Во-первых, укорачивалась протяженность железнодорожного полотна и резко сокращались строительные затраты, а, во-вторых, железная дорога становилась удобным орудием утверждения российского влияния в Северном Китае и помогала не допустить внедрения в этот важный стратегический район других. Министр финансов С.Ю. Витте (1892—1903), отвечавший за железнодорожный проект, в секретной записке, составленной в 1896 г., писал: «С политической и стратегической сторон дорога эта будет иметь то значение, что она предоставит России возможность передвигать во всякое время по кратчайшему пути свои военные силы к Владивостоку и сосредоточивать их в Маньчжурии, на берегах Желтого моря и в близком расстоянии от столицы Китая. Одна возможность появления значительных русских сил в названных пунктах чрезвычайно усилит престиж и влияние России не только в Китае, но и вообще на Дальнем Востоке, и будет способствовать более тесному сближению подвластных Китаю народностей с Россией».

Россия стремилась закрепить свое военно-стратегическое преобладание в Северном Китае и Корее, чтобы не допустить утверждения там Японии, вступившей в полосу активного индустриального развития и все явственней демонстрировавшей свои экспансионистские претензии. Между Россией, Японией, Китаем, Англией, Францией, Германией в конце XIX — начале XX в. проводились постоянные консультации и совещания, на которых делались попытки изыскать приемлемую формулу сосуществования разнохарактерных интересов. В правящих кругах России относительно дальневосточной политики отчетливо обозначились две тенденции, два подхода, две партии.

К первой, условно называемой «партией силы», принадлежали: наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев, председатель Комитета министров И.Н. Дурново (1895—1903), министр внутренних дел В.К. Плеве и некоторые другие весьма высокопоставленные лица, а лидером этого направления выступал шурин императора Николая II великий князь Александр Михайлович. Эти деятели, будучи

носителями традиционных имперских представлений, ратовали за проведение жесткого внешнеполитического курса в сопредельных с Россией районах, считая, что любые уступки и компромиссы вредны для престижа государства. Второе направление олицетворяли министры иностранных дел М.Н. Муравьев (1897—1900) и В.Н. Ламздорф (1900—1906), но в первую очередь министр финансов С.Ю. Витте.

Последний особенно был активен и неустанно ратовал за мирные методы разрешения противоречий и за «мягкие» формы экспансии. Глава финансового ведомства был уверен, что любой вооруженный конфликт неизбежно приведет к нежелательным материальным потерям и социальным потрясениям. Для программы хозяйственной модернизации России, тесно завязанной на иностранные займы и внешние денежные рынки, война может стать просто убийственной. В июле — сентябре 1902 г. С.Ю. Витте совершил подробную ознакомительную поездку в Маньчжурию и представил императору обстоятельный доклад. В нем он рекомендовал для сохранения мира сделать уступки Японии в Корее, полагая, что война с Японией стала бы «большим бедствием для России». Но в конечном итоге выбор курса зависел от царя.

Николай II, по натуре человек деликатный и миролюбивый, в вопросах внешней политики был чрезвычайно чувствителен ко всему, что хоть как-то задевало престиж России — страны, величие и благополучие которой он обязан был отстаивать и охранять. Политика мирного сосуществования была близка и понятна Николаю II, она отвечала его внутренним убеждениям и соответствовала ориентирам, унаследованным от императора Александра III. Но время такой политики еще не пришло.

К началу XX в. главным узлом международных противоречий для России стал Дальний Восток и важнейшим направлением — отношения с Японией. Русское правительство осознавало возможность военного столкновения, но не стремилось к нему. В 1902 и 1903 гг. происходили интенсивные переговоры между Петербургом, Токио, Лондоном, Берлином и Парижем, которые ни к чему не привели. Япония добивалась признания своего господства в Корее и требовала от России ухода из Маньчжурии, на что царское правительство, конечно же, пойти не могло, хотя и готово было на некоторые уступки. Становилось все более ясным, что японские правящие круги деятельно готовятся к войне. Россия, в свою очередь, предпринимала некоторые ответные действия, но ее военно-морская программа была рассчитана на годы, в то время как Япония оснастила свои морские силы серией новейших кораблей.

В ночь на 27 января 1904 г. 10 японских эсминцев внезапно атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура и вывели из строя 2 броненосца и 1 крейсер. На следующий день 6 японских крейсеров и 8 миноносцев напали на крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец» в корейском порту Чемульпо. Лишь 28 января Япония объявила войну России. Вероломство Японии вызвало бурю возмущения в России. Положение на Дальнем Востоке постоянно находилось в центре внимания императора, о чем свидетельствуют его краткие дневниковые записи. «Вечером получил известие о прекращении переговоров с Японией и о предстоящем отъезде ее посланника отсюда» (24 января); «Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу, решено не начинать самим. Вернувшись домой, получил от Алексева телеграмму с известием, что этой ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем рейде «Цесаревич», «Ретвизан» и «Палладу» и причинили им пробоины. Это без объявления войны. Господь да будет нам в помощь!» (26 января).

России была навязана война, которой она не хотела, но которая явилась логическим следствием имперской политики. Война продолжалась полтора года и оказалась бесславной для страны. Причины общих неудач и конкретных военных поражений вызывались различными факторами, но к числу главных относились: незавершенность военно-стратегической подготовки вооруженных сил, значительная удаленность театра военных действий от главных центров армии и управления и чрезвычайная ограниченность сети коммуникационных связей. Бесперспективность войны со всей определенностью проявилась уже к концу 1904 г., а после падения 20 декабря 1904 г. крепости Порт-Артур в России уже мало кто верил в благоприятный исход кампании. Первоначальный патриотический подъем сменился унынием и раздражением. Эта ситуация способствовала усилению антиправительственной агитации и критических настроений. Оппозиционный тон стал характерен для русской легальной печати, что же касается немалого числа нелегальных изданий, то там вообще не стеснялись в выражениях и беспощадно клеймили царя и «его сатрапов».

Власть находилась в состоянии оцепенения; никто не мог предположить, что война, которая по всем предварительным предположениям должна была быть непродолжительной, затянулась так надолго и оказалась столь неудачной. Император долго не соглашался признать дальневосточный провал, считая, что это лишь временные неудачи и что России над-

лежит мобилизовать свои усилия для удара по Японии и восстановления престижа армии и страны. Он несомненно хотел мира, но мира почетного, такого, который могла обеспечить только сильная геополитическая позиция, а она была серьезно поколеблена военными неудачами. К концу весны 1905 г. стало очевидным, что изменение военной ситуации возможно лишь в отдаленном будущем, а в ближайшей перспективе надлежит незамедлительно приступить к мирному разрешению возникшего конфликта. К этому вынуждали не только соображения военно-стратегического характера, но, в еще большей степени, осложнения внутренней ситуации в России.

В мае 1905 г. Николай II принял посредничество президента США Т. Рузвельта по заключению мира. Министр иностранных дел граф В.Н. Ламздорф начал формировать группу российских представителей, в которую должны были войти известные дипломаты и политики во главе с председателем Комитета министров С.Ю. Витте (1903—1905). Когда же 11 июня 1905 г. список попал к императору, он сделал пометку «только не Витте». Однако желающих войти в состав делегации, которая должна была отстаивать и защищать интересы проигравшей стороны, было мало. Многие под тем или иным предлогом уклонились от участия, и 29 июня царь подписал указ о назначении С.Ю. Витте первым уполномоченным. Получив соответствующие инструкции от государя, С.Ю. Витте 6 июля 1905 г. вместе с группой экспертов по дальневосточным делам выехал в США, в город Портсмут, где намечались переговоры.

Ситуация для российской стороны осложнялась не только военно-стратегическими поражениями на Дальнем Востоке, но и отсутствием предварительно выработанных условий возможного соглашения с Японией. Глава делегации лишь получил указание ни в коем случае не соглашаться ни на какие формы выплаты контрибуции, которую никогда в истории Россия не платила, и не уступать «ни пяди русской земли», хотя к тому времени Япония и оккупировала уже южную часть острова Сахалин. Япония заняла первоначально в Портсмуте жесткую позицию, потребовав в ультимативной форме от России полного ухода из Кореи и Маньчжурии, передачи российского дальневосточного флота, выплаты контрибуции и согласия на аннексию Сахалина.

Русской делегации удалось в итоге добиться почти невозможного: удачного завершения трудных переговоров с благоприятным результатом. В этом огромная заслуга Сергея Юльевича Витте.

Переговоры несколько раз были на грани срыва, и только благодаря усилиям главы русской делегации удалось достичь положительного результата: 23 августа стороны заключили соглашение. В соответствии с ним Россия уступала Японии арендные права на территории в Южной Маньчжурии, половину Сахалина, признавала Корею сферой японских интересов. Стороны обязались вывести войска из Маньчжурии, использовать железнодорожные линии исключительно в коммерческих интересах и не препятствовать свободе мореплавания и торговли. Портсмутские договоренности стали несомненным успехом России, ее дипломатии. Они во многом походили на соглашение равноправных партнеров, а не на договор, заключенный после неудачной войны.

В Россию С.Ю. Витте вернулся 15 сентября и сразу же был приглашен к царю. Здесь сановник узнал, что в ознаменование заслуг ему пожалован титул графа. Новоиспеченного «снителя» не было в России менее трех месяцев, но как здесь все изменилось! Политическое положение было чрезвычайно напряженным: отовсюду звучали негодующие голоса, каждый день сообщалось о забастовках, митингах, погромах, мятежах. Вторая половина 1905 г. — время наивысшего подъема того, что одни называли первой русской революцией, а другие — хаосом и анархией.

Отсчет хронологии этого «политического землетрясения» ведется от воскресенья 9 января 1905 г., когда в Петербурге состоялось многотысячное шествие рабочих к Зимнему дворцу, закончившееся трагически. Тот день получил название «Кровавого воскресенья» и навсегда остался в летописи отечества днем скорби. О его событиях написано множество книг, опубликовано огромное количество материалов, но до сих пор не все произошедшее тогда поддается простому и однозначному объяснению. В центре драмы оказался уроженец Полтавской губернии священник Г.А. Гапон (1870—1906) — личность, во многих отношениях темная. Обладая даром слова и убеждения, он занял заметное место в рабочей среде Петербурга, организовав и возглавив в 1904 г. вполне легальную общественную организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга».

Эта организация, как и ряд подобных, появившихся в России в первые годы XX в., пользовалась расположением властей и ее деятельность первоначально протекала под покровительством департамента полиции. Это был период «полицейского социализма». Его возникновение неразрывно связано с именем полковника С.В. Зубатова, возглавлявшего в 1896—1902 гг. Московское охранное отделение, а затем

завявшего в центральном аппарате Министерства внутренних дел пост начальника Особого отдела. В молодости он увлекался революционными идеями, но затем разочаровался в них и стал убежденным сторонником самодержавия, считая, что гибель монархии станет гибелью России. «Те, кто идут против монархии в России, — наставлял С. В. Зубатов, — идут против России; с ними надо бороться не на жизнь, а на смерть».

Широко мыслявшие правоверные монархисты, к числу которых относился полковник С. В. Зубатов, еще задолго до 1905 г. разглядели новую и невиданную раньше опасность — рабочее движение, которое постепенно разрасталось, охватывало новые районы, новые группы наемных тружеников. Имущественное и бытовое положение этой категории населения было чрезвычайно трудным. Рабочие, в отличие от крестьян, сконцентрировались компактными массами вокруг промышленных предприятий в крупных индустриальных центрах. Их проблемы и нужды мало кого интересовали, что делало их восприимчивыми к радикальной, в первую очередь социалистической, агитации, исходившей от нарождавшихся радикальных группировок марксистского толка. Рабочая среда могла стать угрожающим «взрывным материалом». С целью предотвратить подобное развитие событий С. В. Зубатовым была предложена идея создания под контролем властей легальных союзов, выражающих и отстаивающих интересы рабочих.

Идеологически замысел базировался на том, что русский царь находился вне партий, был главой всего русского народа, а не какой-то отдельной его части. Поэтому беды рабочих не могли оставаться безразличны властям, монархом поставленным. Министерство внутренних дел и его глава в 1900—1902 гг. Д. С. Сипягин выступали в известном смысле антиподом Министерства финансов, возглавляемого С. Ю. Витте, питавшим преувеличенное расположение к промышленникам. Идею создания рабочих союзов под патронатом власти, как и самого С. В. Зубатова, деятельно поддержал дядя Николая II, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. В начале февраля 1902 г. князь Сергей писал своему брату Павлу: «Сегодня у меня были приятные минуты: я принимал депутацию рабочих со всех механических заводов и мастерских Москвы, которым я устроил и провел устав общества самопомощи. Дело *очень* интересное, серьезное, даже скажу *опасное* — обоюдоострое, но, по-моему крайнему разумению, *необходимое по теперешним временам*».

Власть стремилась взять на себя роль беспристрастного арбитра в спорах и конфликтах между рабочими и предпринимателями, дать рабочему люду надежду и поддержку против «акул капитализма» и «хищников наживы». Подобный социальный романтизм привел к возникновению и гапоновской организации в Петербурге, устав которой был утвержден Министерством внутренних дел 15 февраля 1904 г. К концу года она уже имела 17 отделений (отделов) во всех рабочих районах столицы. Задача общества состояла в том, чтобы способствовать трезвому и разумному времяпрепровождению, укреплению русского самосознания, правовому просвещению. Члены организации платили небольшие взносы, могли пользоваться бесплатной юридической консультацией, библиотекой, посещать лекции, концерты. Собирались рабочие в специальных помещениях, клубах или чайных, где и происходили встречи и беседы. Такие собрания посещали тысячи человек. И постоянно перед ними выступал Г. Гапон, страстно клеймивший хищников-хозяев, рисовавший прогнившие картины общественной несправедливости, что вызывало живой отклик у слушателей. «Батюшка» быстро прослыл радетелем за «народное дело».

Трудно точно установить, когда именно возникла идея идти к царю и просить у него «правды и защиты», но уже в декабре 1904 г. она широко обсуждалась на собраниях. В начале января 1905 г. на крупнейшем предприятии Петербурга — Путиловском заводе — вспыхнула стачка, вызванная увольнением нескольких рабочих. Забастовка начала быстро распространяться и к ней стали примыкать рабочие других предприятий и районов. Это событие ускорило ход дел, и рабочие почти единогласно приняли решение идти к царю с петицией. Однако с полным перечнем самих требований они ознакомлены не были; эти требования были составлены небольшой «группой уполномоченных» под председательством Гапона. Рабочие лишь знали, что идут к царю просить «помощи трудовому люду». Между тем наряду с экономическими пунктами в петицию был внесен целый ряд политических требований, часть которых — созыв «народного представительства», полная политическая свобода, «передача земли народу» и др. — затрагивала основы государственного устройства и носила откровенно провокационный характер.

Знал ли сам Гапон и кучка его приспешников, что выдвигают требования, заведомо не выполнимые, что сам акт «народного шествия» может привести к непредсказуемым результатам? Да, безусловно, знал и надеялся как раз на это.

Составители петиции не только выдвигали перечень требований, но и желали, чтобы царь тут же перед толпой «покаялся выполнить их», что было совершенно невероятно. Но провокация 9 января 1905 г. в полной мере удалась. Уже потом выяснилось, что Гапон давно замышлял общественное действие, способное поколебать устой и вызвать смуту в стране. Этот человек был абсолютно аморален. Он лгал властям, изображая законопослушного гражданина, лгал народу, уверяя, что его интересы и чаяния ему ближе всего на свете, лгал Богу, говоря о мире и любви, а в душе поклоняясь террору и насилию. Он мастерски лицедействовал.

Военные и полицейские власти продемонстрировали свою беспомощность и вместо того, чтобы изолировать десятков организаторов, полагались на «слово Гапона», уверявшего их, что шествия не состоится. Самого Николая II в эти дни в Петербурге не было, и идея вручить ему петицию в Зимнем дворце была просто абсурдна. В последний момент должностные лица наконец уразумели, что Гапон ведет двойную игру, и 8 января приняли решение ввести в столицу большие контингенты войск и блокировать центр города. В конце концов тысячи человек все-таки прорвались к Зимнему дворцу. В разных местах города была открыта стрельба и имелись многочисленные жертвы. Спустя два дня за подписью министра внутренних дел П. Н. Дурново и министра финансов В. Н. Коковцова было опубликовано правительственное сообщение, в котором говорилось, что во время событий 9 января было убито 96 и ранено 333 человека. Враги же трона и династии во много раз завысили количество погибших и говорили о «тысячах убитых».

«Кровавое воскресенье» случилось. Было много виноватых, но было и много жертв. Царь, находившийся в Царском Селе, узнав о случившемся, горько переживал. «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!» — записал он в дневнике 9 января. Но изменить уже ничего было нельзя. Престиж власти в глазах очень многих был серьезно поколеблен. Недовольство и возмущение охватили даже тех, кто не был замешан в антигосударственной деятельности. Как могло все это случиться? Почему власти проявили такую нераспорядительность? Как могла полиция поддерживать такого негодяя, как Гапон? Вопросы возникали, но ответы не удовлетворяли. Был уволен начальник петербургской полиции, ушел в отставку министр внутренних дел, но это никого

не успокоило. Радикалы всех мастей в своей беспощадной политической игре получили такую «козырную карту», о которой они еще совсем недавно и мечтать не могли.

§ 3. Дилемма власти: потребности времени и возможности системы. Манифест 17 октября 1905 г.

Уже в 1904 г. стали заметны признаки надвигающейся социальной бури. Недовольство открыто проявлялось на страницах газет и журналов, на собраниях земских и городских деятелей. Учебные заведения, в первую очередь университеты, бурлили; по стране покатились волна стачек и манифестаций. И основным было требование политических перемен, которых желали очень и очень многие. Неудачная война усугубила старые проблемы и породила новые. Вопросы реформирования системы выходили на первый план общественной жизни. В высших коридорах власти это отчетливо начинали осознавать.

В июле 1904 г. в центре Петербурга бомбой террориста был убит министр внутренних дел В. К. Плеве — человек крайних консервативных взглядов, не желавший принимать никаких новых идей и считавший, что мир и порядок в империи можно поддерживать только жесткой, бескомпромиссной политикой. Подобные представления были распространены достаточно широко. Но вместе с тем начинали проявляться и иные подходы, направленные на то, чтобы изыскать форму взаимодействия между властью и общественными силами в лице земско-либеральной оппозиции. В августе 1904 г. на ключевой пост министра внутренних дел был назначен бывший товарищ министра внутренних дел, бывший виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор князь П. Д. Святополк-Мирский, провозгласивший политику доверия к общественным кругам. Началась «весна надежд и ожиданий».

Традиционалисты-монархисты, сторонники неограниченной монархии, строгого единоначалия в общественной жизни, приверженцы твердой внешней и внутренней политики старались противодействовать подобной тенденции. К началу XX в. наиболее известными лидерами этого направления, помимо В. К. Плеве, были обер-прокурор Священного Синода К. П. Победоносцев, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович и издатель журнала «Гражданин» князь В. П. Мещерский (внук историка Н. М. Карамзина). И здесь неизбежно возникают принципиальные вопросы,

в которых сфокусировано многое из того, что определило в конечном итоге трагическую судьбу России. Почему традиционные ценности, исконные институты и представления не выдержали испытания на переломном рубеже эпох? Почему русский консерватизм не стал сдерживающей преградой на пути легкомысленных общественных экспериментов и безответственного экспериментаторства?

Русский консерватизм, в отличие от консерватизма западноевропейского, принявшего в XIX в. форму разработанной и обусловленной общественной доктрины, не базировался на прагматическом и рационалистическом фундаменте. Он был консерватизмом не мысли, а чувства, опирался на историческую традицию и на православную веру. В этом было величие и беспомощность его. Любовь к России, преклонение перед ее прошлым, искренняя вера в Бога, почитание царя — вот те исходные и незыблемые постулаты, которые было очень сложно обосновать и артикулировать. Русские консерваторы глубоко переживали неполадки в общественной жизни, досадные и просто преступные провалы во внешней и внутренней политике, но никогда не признавали, даже теоретически, возможность пересмотра основы государственности — принципа самодержавности русского царя. Они считали, что властные prerogatives монарха ни в какой форме не могут умаляться никакими органами и институтами.

Но консерватизм никогда не был однородным. В его русле существовали различные оттенки и течения, некоторые из которых признавали необходимость и возможность изменений, считали допустимым проведение политических преобразований при сохранении в неприкосновенности самодержавного института. Они были уверены, что для укрепления власти нужно создать сильное единое правительство во главе с премьером, наделенным широкими полномочиями (объединенного кабинета до осени 1905 г. не существовало). Согласно этим представлениям, власти следует проводить различие между подпольными революционерами и теми общественными элементами и общественными силами, которые выступали не против системы, а лишь против произвола и мелочной регламентации общественной деятельности. К числу таких либеральных консерваторов и относился князь П.Д. Святополк-Мирский.

Назначение его на этот важнейший пост, чему противились непримиримые, отражало изменение позиции императора, склонявшегося к конструктивному диалогу с умеренными оппозиционерами. 25 августа 1904 г. князь получил аудиенцию, на которой Николай II сообщил ему о принятом решении. Министр дал несколько интервью газетам, встре-

тился с представителями либеральных кругов и популяризировал свою политическую программу, узловыми пунктами которой были: веротерпимость, расширение местного самоуправления, предоставление больших прав печати, изменение политики по отношению к окраинам, разрешение рабочих сходов для обсуждения экономических вопросов. Эти заявления произвели сенсацию.

Политические деятели либерального толка отнеслись к ним весьма скептически. Они были уверены, что время самодержавия подходит к концу, и не хотели связывать себя никакими обязательствами с «уходящей властью». В середине 1904 г. П.Н. Милюков на страницах нелегального журнала «Освобождение» восклицал: «Будем патриотами для себя и для будущей России, останемся верными старой «народной поговорке»: «Долой самодержавие!». Это тоже патриотично, а заодно гарантирует от опасности оказаться в дурном обществе реакционеров».

В самый разгар «святополковой весны», в конце сентября — начале октября 1904 г., ведущая группа отечественных либералов, объединившаяся вокруг журнала «Освобождение» издававшегося с 1902 г. под редакцией П.Б. Струве сначала в Штутгарте, а затем в Париже, инициировала проведение в Париже съезда оппозиционных партий. На нем присутствовали различные либеральные и радикальные объединения. Из наиболее заметных отсутствовала лишь РСДРП. Это собрание единогласно приняло резолюцию о необходимости ликвидации самодержавия, о замене его «свободным демократическим строем на основе всеобщей подачи голосов» и о праве «национального самоопределения народностей России».

На съезде присутствовал цвет русской либеральной интеллигенции, составившей позднее костяк кадетской партии. Эти господа — борцы за свободу и демократию — сочли уместным определять политику совместных действий с крайними течениями и группами, с теми, кто запятнал себя кровавыми убийствами, например партией социалистов-революционеров («эсеров»), возникшей в 1902 г. и поставившей террор против власти во главе угла своей деятельности. Уже после революции, когда все прекраснодушные мечты либеральных краснобаев развеял грубый реализм русской жизни, некоторые из них прозрели и осознали свое преступное легкомыслие. В начале 30-х гг в эмиграции известный кадет В.А. Маклаков, вспоминая пресловутый парижский конгресс, писал: «Со стороны либерализма это соглашение было союзом с грозящей ему самой революции. Спасти Россию от революции могло только примирение исторической власти с либерализмом, т.е. искреннее превращение самодержавия в

конституционную монархию. Заключая вместо этого союз с революцией, либерализм «Освобождения» этот исход устраивал; он предпочитал служить торжеству революции».

Провозглашенная князем П. Д. Святополк-Мирским «эпоха доверия» очень скоро начала демонстрировать свою бесперспективность. Оказалось, что легко давать обещания, но трудно их исполнять. Собственно, сразу в центре дискуссий и обсуждений встал уже старый и болезненный вопрос о создании общероссийского представительного органа, о его компетенции и путях формирования. Он непосредственно замыкался на проблему незыблемости прерогатив монарха. Мирский был убежден, что самодержавие и представительство общественности совместимы, но многие в правящих кругах не разделяли этой позиции. Они опасались, что создание любого не назначенного, а выборного органа неизбежно породит неразбериху в управлении и будет способствовать параличу власти, чем непременно и воспользуются враги трона и династии. Поводов для таких опасений в конце 1904 г. становилось все больше.

Особенно накалились страсти во время и после съезда земских деятелей, происходившего в Петербурге 7—9 ноября 1904 г. Министр внутренних дел съезд разрешил, но попросил участников заниматься обсуждением «практических вопросов земской жизни». Однако в атмосфере социальной напряженности и резкой политизации всей общественной деятельности добиться регламентации было практически невозможно. Земцы вкратце обсудили некоторые свои специфические вопросы, но в центре их внимания находились общеполитические проблемы. Было признано необходимым созвать «народное представительство», провести политическую амнистию, прекратить «административный произвол» и отменить «положения об усиленной охране» 1881 г., гарантировать неприкосновенность личности, утвердить веротерпимость.

Наиболее вызывающим был «пункт десятый» — самое важное требование резолюции, гласившее, что только конституционный строй, ограничивающий самодержавную власть, может удовлетворить общественное мнение и дать России «спокойное развитие государственной жизни». Этот тезис вызвал решительные возражения умеренных участников съезда во главе с известным деятелем земско-либерального движения Д. Н. Шиловым, категорически заявившим, что не разделяет конституционных воззрений. В своей пространной речи он отстаивал старый славянофильский тезис: «народу мнение, царю решение» и не допускал никаких бу-
мажных договоров и гарантий между властью и народом,

считая, что их отношения зиждутся не на юридических формальных началах, а на незыблемых нравственных. Эти доводы не возымели действия, и при голосовании этого пункта большинство голосов было отдано за конституцию.

Решения земского съезда вызвали значительный интерес и стали темой оживленных обсуждений и в прессе, и в частных собраниях. Первоначально появились предположения, что депутация земцев будет принята министром внутренних дел и царем, в чем усматривали поворот власти к конституционности. Консерваторы-традиционалисты негодовали. Великий князь Сергей Александрович 10 ноября записал в дневнике: «Узнал о подробностях земского съезда в Петербурге: вотировали конституцию!! Депутация земцев принята Мирским, будет принята Государем!! (она принята не была. — А.Б.) Несчастный человек» — и далее добавил: «мне иногда кажется, что с ума схожу». Лидеры же либерального течения расценили петербургское собрание как великий успех. Один из них, И.И. Петрункевич, позднее писал, что земский съезд стал «отправной точкой движения, приведшего Россию к первой Государственной думе».

Власть была шокирована — удовлетворить подобные крайние требования она не могла, так как это фактически означало самоликвидацию исторической власти, но и оставить все по-прежнему не имела возможности. В начале декабря 1904 г. в Царском Селе прошли совещания высших должностных лиц империи, где обсуждались неотложные меры для преобразования внутреннего строя. В центре дискуссий оказалась программа, предложенная министром внутренних дел. Особое внимание участников привлек пункт о выборных представителях в составе Государственного Совета (до того все члены назначались лично монархом). Большинство собравшихся высказалось против этого. Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев именем Бога заклинал царя не ограничивать самодержавие, и эту позицию поддерживали министр финансов В.Н. Коковцов, председатель Комитета министров С.Ю. Витте и большинство других. Царь вначале колебался, но вскоре однозначно выступил за сохранение незыблемости власти и заметил: «Мужик конституцию не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, а тогда — я вас поздравляю, господа!».

По окончании царскосельских совещаний был опубликован указ Сенату, содержащий пожелания пересмотреть положение о печати, установить веротерпимость и т.д. О выборных представителях в нем не было ничего сказано, хотя либералы надеялись, что выборное начало там будет оговорено. Но власть все еще не была готова к резким переменам. Они наступили позднее, в следующем году. В январе 1905 г.

произошли кровавые события в Петербурге; П. Д. Святополк-Мирский был уволен в отставку. Им были недовольны все, а представители «партии власти» обвиняли его в том, что своей мягкотелостью, нерешительностью, зангрыванием с оппозицией он расшатал порядок, и в результате случилось это абсурдное и бессмысленное побоище в центре столицы. Министром был назначен бывший московский губернатор, ближайший друг великого князя Сергея Александровича А. Г. Булыгин. Чтобы смягчить ситуацию, император принял 19 января депутацию рабочих, к которым обратился с речью: «Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Многие надо улучшать и упорядочивать, но имейте терпение». Далее, возвращаясь к событиям 9 января, он заметил, что «мятежною толпою заявлять мне о своих нуждах преступно». Эта аудиенция ни на кого не произвела особого впечатления.

Страсти в стране накалялись. Зимой и весной 1905 г. начались беспорядки в деревне, сопровождавшиеся захватом, разграблением и поджогами дворянских усадеб. Волнения охватили и армию. Летом произошло невероятное событие, которое произвело сильное впечатление и в России, и за границей: 14 июня 1905 г. взбунтовалась команда эскадренного броненосца Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический». Это был один из лучших кораблей флота, вступивший в строй всего лишь за год до того. Восстание вспыхнуло стихийно, хотя потом было положено много усилий на то, чтобы доказать, что руководили «революционным выступлением матросов» большевики-ленинцы. Восстание продолжалось до 25 июня, и все двенадцать дней командование флотом, военные чины, высшая администрация в Петербурге, как и множество других лиц по всей империи, внимательно наблюдали за «потемкинской одиссеей», закончившейся в румынском порту Констанца сдачей корабля румынским властям.

Император был ошарашен. Ничего подобного не случилось раньше. 15 июня записал в дневнике: «Получил ошеломляющее известие из Одессы о том, что команда пришедшего туда броненосца «Князь Потемкин Таврический» взбунтовалась, перебила офицеров и овладела судном, угрожая беспорядками в городе. Просто не верится». Но это была горькая правда. Опора монархии оказалась не так надежна, как еще совсем недавно казалось.

Давление на власть все более смелевшего либерального общественного мнения усиливалось. Общественные деятели уже открыто призывали к конституции. В мае в Москве состоялся съезд земских и городских деятелей, где призыв к конституционным преобразованиям был принят подавляющим большинством голосов. Съезд избрал делегацию, кото-

рую 6 июня 1905 г. принял в Петергофе император и которая вручила ему свои требования. Это была первая встреча самодержца с представителями либеральных кругов. К этому времени монарх уже был уверен в необходимости введения выборного представительного органа. В ответ на речь главы делегации князя С.Н. Трубецкого Николай II сказал: «Я скорбел и скорблю о тех бедствиях, которые принесла России война и которые необходимо еще предвидеть, и о всех наших внутренних неурядицах. Отбросьте сомнения: Моя Воля — воля Царская — созывать выборных от народа — непреклонна. Пусть установится, как было встарь, единение между Царем и всею Русью, общение между Мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, вы будете содействовать Мне в этой работе».

Царь не лукавил. Но в кругах «образованного общества» этим словам не придавали значения. Через тридцать лет, когда все участники тех бурных событий «стали историей», один из главных действующих лиц, страстный противник самодержавия, известнейший либерал В.А. Маклаков написал: «Государь сам не хотел ввести конституцию, боролся против нее и дал ее против желания. По натуре он реформатором не был. Все это правда. Но зато он умел уступать, даже более, чем нужно». Подобные прозрения наступили слишком поздно и ничего уже изменить в истории России не могли.

Конец зимы, весна и лето 1905 г. стали временем выработки новых подходов, поиском адекватных форм разрешения социальной напряженности. 18 февраля 1905 г. был опубликован царский манифест, объявлявший о намерении создать законосовещательную Государственную думу, а 6 августа 1905 г. появился новый манифест, устанавливавший создание в России выборного законосовещательного органа. Этот проект по имени министра внутренних дел получил название «Булыгинской думы», которая должна была собраться не позднее середины января 1906 г. Выборы не были прямыми и равными, а некоторые категории населения исключались из выборной процедуры: женщины, военнослужащие, учащиеся, рабочие. Для крестьян предполагалось установить четырехстепенные выборы, для землевладельцев и горожан, имевших имущественный ценз, — двухстепенные. На крестьян приходилось 42% выборщиков, на землевладельцев — 34%, а 24% — на городских избирателей, имевших имущество стоимостью не менее 1500 руб., а в столицах не менее 3000 руб. Этот проект означал существенные перемены в представительных функциях власти. Либеральные круги, хотя и с оговорками, но поддержали этот проект.

Группы социалистической ориентации выступили с критикой, а большевики сразу призвали к бойкоту, считая Булыгинскую думу «обманом масс». Но через несколько недель события приняли столь драматический оборот, что власти пришлось идти значительно дальше по пути уступок.

В сентябре—октябре 1905 г. Россию охватила почти всеобщая политическая стачка. События начались 19 сентября в Москве, когда печатники объявили забастовку, выдвинув экономические требования. Вскоре к ней присоединились представители других профессий, забастовки стали объявляться в других городах, а требования стали носить главным образом политический характер. Центральная власть оказалась неспособной противодействовать расширяющемуся хаосу и анархии, проявлявшимся повсеместно в грабежах и насилиях. В правящих кругах заговорили о диктатуре. Царившую тогда атмосферу на самом вершине иерархической пирамиды охарактеризовал начальник канцелярии министра Императорского двора генерал-лейтенант А. А. Мосолов: «Все признавали необходимость реформ, но почти никто не отдавал себе отчета в том, в чем они должны выразиться. Одни высказывались за введение либеральной конституции, другие — за создание совещательного органа, третьи — за диктатуру по назначению, а четвертые считали, что порядок и умиротворение должны быть водворены государем диктаторскими приемами».

На авансцене политического действия оказался С. Ю. Витте, только недавно вернувшийся с триумфом из Америки, где ему удалось подписать Портсмутский мир. В атмосфере страхов и неопределенности многим стало казаться, что этот человек «может все». Ранее он не был сторонником выборных органов и неоднократно заявлял, что «представители и самодержавие несовместимы». С конца 1904 г. он популяризировал идею создания объединенного представительства, которое должно взять сильный и последовательный курс. В самом начале 1905 г. в письме К. П. Победоносцеву С. Ю. Витте писал, что публике надо дать почувствовать, что есть правительство, которое знает, что оно хочет, и обладает волею и кулаком, чтобы заставить всех поступать согласно своему желанию. Оно должно вести публику, а не подчиняться толпе и в особенности обезумевшей.

Осенью 1905 г. взгляды «его сиятельства» сильно изменились и заметно «порозовели». Он не оставил мысль об объединенном кабинете, но уже ратовал за создание выборного представительного органа с широкими законодательными правами. Им была составлена специальная записка, представленная царю 9 октября. Это была программа срочных преобразований. Она предусматривала предоставление граж-

данских свобод, созыв народного представительства с законодательскими функциями, создание объединенного совета министров, введение нормированного рабочего дня, государственного страхования и ряд других, более частных, положений. Будучи по природе прагматиком, С.Ю. Витте понимал, что предполагаемые, еще совсем недавно немыслимые, уступки необходимы для спасения монархии и династии; что только таким путем можно ослабить сокрушительный натиск революции.

Он начинает доказывать императору, что полнота царской власти сохранится и при народном представительстве. Главное, по его мнению, надо одержать тактическую и политическую победу над противником именно в настоящий момент, в данную критическую минуту, а потом все можно будет «урегулировать». Обращаясь к монарху, граф писал: «Идея гражданской свободы восторжествует, если не путем реформы, то путем революции... «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный», все повергнет в прах. Какою выйдет Россия из беспримерного испытания — ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории.. Попытки осуществить идеалы теоретического социализма — они будут неудачны, но они будут несомненно — разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основные права. Как в 50-х гг. правительство объявило освобождение крестьян своим лозунгом, так и в настоящий, несоизмеримо более опасный момент государственная власть не имеет выбора: ей надлежит смело и открыто стать во главе освободительного движения».

Император очень серьезно отнесся к доводам и аргументам С.Ю. Витте, и 13 октября известил его о назначении председателем Совета министров, предлагая объединить деятельность кабинета для «восстановления порядка повсеместно». Однако граф этим не удовлетворился и проявил невероятное своеволие, заявив, что примет пост лишь при условии одобрения изложенной программы, которую советовал обсудить на совещании лиц «по усмотрению государя». Эти обсуждения состоялись в последующие дни. На них рекомендации Сергея Юльевича были одобрены, и 17 октября 1905 г. самодержец подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Это была важнейшая политическая декларация последнего царствования. Она содержала обещания «даровать народу незыблемые основы гражданских свобод»: неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов; привлечь к выборам в Государственную думу все слои населения; признать Думу законо-

дательным органом, без одобрения которого ни один закон не мог вступить в силу.

Манифест 17 октября 1905 г. — документ, отразивший переломный момент в истории России, крупнейший шаг по пути конституционной эволюции, создания правового государства. Во имя мира и благополучия страны монархическая власть отказывалась от исконных, освященных веками истории и Божественным соизволением прерогатив. Под напором событий Николай II принял новые реальности. Через два дня после манифеста, описывая происшедшее событие, император писал матери в Данию: «В течение этих ужасных дней виделся с Витте постоянно, разговоры начинались утром и кончались вечером при темноте. Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось через несколько месяцев действовать силою... Другой путь — предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности. Кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную думу — это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, считая его хотя и рискованным, тем не менее единственным в настоящий момент... Он прямо объявил, что если примет назначение председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать действовать».

Получив большие властные полномочия, главе кабинета надлежало решить невероятно сложные задачи: создать сильную администрацию, покончить с анархией и кровавыми эксцессами, разработать серию законодательных мер по реализации положений Манифеста 17 октября. И все это в атмосфере паралича власти, паники, безответственности и финансового кризиса. Первая и самая насущная задача сводилась к наведению порядка, установлению мирного и предсказуемого течения общественной жизни. Октябрьский манифест, как и предполагал С.Ю. Витте, внес определенное замешательство в ряды оппозиции, умеренно-либеральные представители которой пришли к заключению, что борьба с властью выиграна. Хотя они не стали сторонниками правительства, но некоторое время перестали выступать заодно с радикалами всех мастей, стремившихся лишь к разрушению. Лидер большевиков В.И. Ленин неистовствовал на страницах газеты «Пролетарий»: «Вперед же, к новой, еще более широкой и упорной борьбе, чтобы не дать опомниться врагу!».

Восторженный энтузиазм в либеральной среде разделяли далеко не все. Один из известнейших деятелей П.Н. Милюков находился в момент опубликования Манифеста в Моск-

Манифесте, восторженные посетители подняли его на руки, принесли в центр ресторанный залы, поставили на стол, дали в руки бокал шампанского и заставили произнести речь. И будущий бессменный глава кадетской партии сказал то, чего от него никто не ожидал: «Ничто не изменилось, война продолжается». Подобные деятели требовали всего и сразу: полной конституции, всех гражданских прав, всеобщего избирательного права и т.д., а пока «власть этого не дала, мы будем с ней бороться». И боролись. На банкетах в ресторанах, в своих имениях, на модных и дорогих европейских курортах, на страницах множества газет и журналов.

Но, пожалуй, самое отталкивающее в либерализме миллюковского толка было то, что он по сути дела выступал соучастником кровавых преступлений левых радикалов-убийц. Конечно же, сами эти господа рук не пачкали, но никогда и не осуждали террор, давая ему как бы моральное благословение. Однозначному осуждению подвергались лишь все силовые действия властей, когда же убивали губернатора, министра или простого городского, то голосов возмущения в либеральной среде слышно не было. В первые дни Февральской революции 1917 г., на заре «эры свободы», выступая в Таврическом дворце, П.Н. Миллюков восклицал: «Мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место членов первого русского общественного кабинета». Очень скоро власть перешла «к самым левым из друзей слева» и либеральным краснобоям, обезумевшим от страха, пришлось бежать часто просто «куда глаза глядят». Но до этого было еще далеко, еще существовало «царство самовластья» и можно было не беспокоиться за свою жизнь.

Манифест 17 октября, хотя и привел к ликованию в некоторых салонно-либеральных кругах, но не погасил революционный пожар, достигший наивысшего размаха в ноябре—декабре 1905 г. Забастовки, митинги, манифестации, погромы усадеб, террористические нападения на должностных лиц, восстания в армии и на флоте в эти первые недели «весны свободы» лишь множились. В середине декабря дошло даже до вооруженного восстания в Москве. За несколько дней до того царь принял представителей монархических организаций, которые чуть ли не в ультимативной форме потребовали от монарха отменить Манифест и подтвердить неизбежность царской власти. Отвечая им, Николай II сказал: «Манифест, данный Мною 17 октября, есть полное и убежденное выражение Моей непреклонной и непреложной воли и акт, не подлежащий изменению».

Первое время после 17 октября С.Ю. Витте находился в состоянии растерянности. Царь, предоставив главе прави-

тельства большие полномочия, ждал решений и действия, а исполнительная власть была в состоянии паралича. В письмах матери Николай II писал: «Вообще он (Витте) не ожидал, что ему будет так трудно на этом месте. Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое успокоение» (27 октября); «У меня каждую неделю раз заседает Совет министров. Говорят много, но делают мало. Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее. Никто у нас не привык брать на себя и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять» (10 ноября).

Главе кабинета не удалось договориться о деловом сотрудничестве с представителями либеральных общественных кругов, хотя некоторым известным деятелям и предлагались министерские посты. Но свое согласие на занятие министерского кабинета эти «радетели и спасатели» обставили таким количеством условий и оговорок, принять которые было невозможно. Витте жаждал лавров и изъявлений восторгов, но их не было ни с чьей стороны. Он явно недооценил инерционные силы революции и не предполагал, что после Манифеста вместо успокоения в стране усилятся антигосударственные выступления.

Власть сделала невероятные уступки, а результат получился обратный ожидаемому. От правительства требовалось принять силовые решения и они, после некоторых колебаний, были приняты. Для усмирения беспорядков многократно использовались войска. Самые кровавые события развернулись в середине декабря 1905 г. в Москве, где в течение нескольких дней шли настоящие уличные бои между левыми и войсками. Имелось много жертв и разрушений. События произвели на многих сильное впечатление. Резко изменились и взгляды главы кабинета, что озадачило даже царя, который, как ему казалось, хорошо знал сановника. В одном из писем матери Николай II заметил: «Витте после московских событий резко изменился; теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видал такого хамелеона».

§ 4. Опыт русского парламентаризма. Первая и Вторая Государственные думы

Подпись под Манифестом 17 октября далась императору нелегко. Он долго переживал, колебался, но в конце концов принял решение, которое не отвечало его собственным представлениям, но, как его убеждали со всех сторон, необходимо стране, благу России. К этому последний царь всегда был

очень чувствителен и мог переступить через личные взгляды во имя благополучия империи. Когда Николай II подписывал Манифест, он не сомневался, что у власти достаточно сил для подавления «крамолы». Что бы там ни говорили и ни писали политические пристрастные современники и идеологически ангажированные исследователи, возможности силового решения осенью 1905 г. существовали.

Царь не прибег к этому средству по причинам, о которых поведал в одном из писем к матерн. Говоря о возможности применения жестких мер, он заметил, что «это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы неминуемо к теперешнему положению, т.е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы не могли бы осуществляться». Здесь особенно примечательны последние слова. Николай II уже не сомневался, что реформы нужны, что их непременно надлежит проводить. Речь шла лишь о том, как это сделать и кто это должен сделать.

Манифест 17 октября был не конституцией, а **декларацией намерений**. Власть намечала перспективу преобразований, которые следовало реализовывать постепенно, в атмосфере стабильности и порядка. Прежде всего надо было разработать законодательную основу для выборов в Государственную думу, а также осуществить некоторые первоочередные мероприятия, обусловленные положениями Манифеста и находившиеся в компетенции исполнительной власти. Была объявлена амнистия политическим заключенным, введены новые правила о печати, упразднившие предварительную цензуру, резко сокращены размеры выкупных платежей для крестьян (с 1907 г. они вообще отменялись). В разгар московского восстания 11 декабря 1905 г. появился закон о выборах в Государственную думу.

Принятию последнего акта предшествовали острые дискуссии в правительственных кругах. Собственно дебатировалось два различных подхода: сделать ли выборы общими, прямыми, равными и тайными (т.н. «четырёххвостка») или остановиться на более осторожном варианте. В конце концов была утверждена пропорциональная система. Ее горячо отстаивал С. Ю. Витте, опасавшийся, как и монарх, что в крестьянской стране, где большинство населения не искушено в политическом искусстве, свободные и прямые выборы приведут к победе безответственных демагогов и в законодательном органе будут заседать по преимуществу адвокаты.

В результате был сохранен сословно-куриальный принцип, заявленный еще в булыгинском проекте, и выборы ста-

новились многоступенчатыми. Всего создавалось четыре курии: землевладельческая, городская, крестьянская, рабочая. Один выборщик приходился на 90 тыс. рабочих, 30 тыс. крестьян, 4 тыс. горожан и 2 тыс. землевладельцев. Подобный выборный принцип давал очевидные преимущества состоятельным слоям населения, но, с другой стороны, гарантировал присутствие в Государственной думе действительных рабочих и крестьян, а не тех, кто лишь выступал от их имени. Общая численность Государственной думы определялась в 524 депутата

В начале 1906 г. была подготовлена новая редакция «Основных законов Российской империи», утвержденная монархом 23 апреля. Они подтверждали незыблемость самодержавия. «Императору всероссийскому, — гласила статья 4, — принадлежит верховная самодержавная власть». Последующие статьи определяли священность и неприкосновенность особы царя, его право издавать законы, руководить внешней политикой, армией, флотом, назначением высших чиновников. Но в «Основных законах» появилось и новое положение, которого не было раньше. В статье 86 говорилось: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу закона без утверждения Государя Императора». Следующая, 87, статья позволяла монарху между сессиями законодательных палат издавать законы в форме «чрезвычайных указов». Дума имела право делать запрос различным должностным лицам, выступать с законодательной инициативой. К ее компетенции относилось утверждение бюджета, штатов и смет различных ведомств, отчета Государственного контроля и т. д.

Государственный совет реорганизовался и принял форму высшей законодательной палаты, половина членов которой избиралась от различных групп населения, а половина назначалась царем. Государственный совет и Государственная дума были наделены правом законодательной инициативы. Законопроекты, не принятые обеими палатами, считались отклоненными. Законопроекты, отклоненные одной из палат, могли снова выноситься на рассмотрение только с разрешения императора.

Даже не вдаваясь в нюансы правового обеспечения законотворческого процесса, вполне очевидно, что возникшая система мало походила на сколько-нибудь развитый парламентский строй, который существовал к тому времени в целом ряде европейских государств. Были существенно ограничены избирательные права населения, а представительный орган получал весьма скромные возможности воздействия на

власть. Все это так. Об этом писали бесчисленное количество раз и вряд ли кто рискнет с этим спорить. Но очень часто при этом игнорировалось и игнорируется одно очень важное обстоятельство: реальные условия и возможности не столько самой власти, сколько того, что было принято в марксистской историографии называть «народными массами». Готовы ли были они к восприятию широкой демократии западноевропейского образца в тот период? Любой ответ здесь в большей или меньшей степени будет носить гипотетический характер.

С учетом последующих событий, отрицательный ответ кажется более обоснованным, так как и через двенадцать лет, когда в 1917 г. в нескольких десятках губерний состоялись выборы в Учредительное собрание, основная часть избирателей отдала предпочтение не «свободе» и «демократии» и поддерживавшим их силам, воспитанникам европейской политической культуры, а течениям и группам, являвшимся носителем и пропагандистом социального мифа о равенстве. Господам либералам с их шампанским, севрюгой и хартиями прав и свобод удалось получить лишь незначительные проценты. Нет никаких оснований сомневаться, что свободные, равные и тайные выборы в высший законодательный орган России, тогда, в 1905 г., привели бы не просто к социальным потрясениям, а к крушению всего миропорядка. И в этом отношении то, что предложила власть, можно считать почти пределом, отражавшим реальные условия страны и времени. Далее начиналась не переделка государственного здания, а его слом.

К началу 1906 г. вполне определенно обозначилось и структурирование общественных сил, носивших до того характер аморфных политических течений. Собственно к началу 1905 г. существовало несколько политических объединений, имевших характер политической партии и действовавших нелегально. Наиболее значительными общероссийскими среди них было две партии социалистов-революционеров («эсеры») и Российская социал-демократическая рабочая партия («эсдеки»). Первая оформилась как партия в 1901—1902 гг. и объединила различные народнические кружки и группы, действовавшие еще в XIX в. и считавшие себя продолжателями дела народолюбцев. Основными их требованиями были демократическая республика, полные политические свободы, законодательная защита «человека труда», социализация земли. Главным средством политической борьбы для эсеров был индивидуальный террор. Они создали строго законспирированную «Боевую организацию», на счету которой было множество покушений на должностных лиц государства.

Партия российских социал-демократов возникла формально в 1898 г. на I съезде в Минске, а фактически — в 1903 г. на II съезде в Брюсселе и Лондоне, где была принята программа партии, предусматривавшая свержение самодержавия и «завоевание рабочим классом политической власти». На этом съезде произошел раскол на «большевиков» во главе с В.И. Лениным и на «меньшевиков», выступавших против крайнего радикализма стратегии и тактики социалистов-ленинцев.

С конца 1905 г. начали возникать партии либеральной и охранительной направленности, действовавшие уже легально. К этому времени происходит размежевание общероссийских политических сил. В отечественной историографии было канонизировано деление общественных сил на три главных блока («лагеря»): реакционный (правительственный и проправительственный), либерально-буржуазный и революционно-демократический. Любое социальное ранжирование в большей или меньшей степени является условным. Реальная картина была такова, что на авансцене политики чаще действовали две силы, два главных вектора общественных устремлений: традиционное, государственно-охранительное, и реформистско-разрушительное. Но в случае реализации того, что рекомендовали и предлагали отечественные либералы, неизбежно наступило бы крушение монархической государственности. В последние годы именно либералы стали главными противниками правительства и сделали очень много для сокрушения власти.

В октябре 1905 г. в Москве состоялся Первый учредительный съезд Конституционно-демократической партии, принявший программу и устав. Эта партия — крупнейшее объединение российского либерализма — для «широкого пользования» установила и другое название: «Партия народной свободы». В обиходе ее называли «кадетской», а членов — «кадетами». Она сыграла заметную роль во многих драматических коллизиях последних лет монархии. Во главе ее стояли известные общественные деятели П.Н. Милюков, В.А. Маклаков, А.И. Шингарев, Ф.И. Родичев, П.В. Струве, В.Д. Набоков, И.И. Петрункевич, князья Павел Д. и Петр Д. Долгорукие, князь Д.И. Шаховской и некоторые другие. Социальной основой партии являлись земско-либеральные элементы левой ориентации, а также профессура крупнейших университетов и лица свободных профессий (адвокаты, врачи, журналисты, писатели).

Программа кадетов вобрала в себя многие представления передовой европейской либеральной мысли. Сюда вошли по-

ложения о равенстве всех перед законом, о ликвидации словесных разграничений, о свободе совести и вероисповедания, о свободе печати и общественных ассоциаций, о неприкосновенности личности и жилища, о свободе передвижения, о ликвидации паспортной системы, о свободе культурного самоопределения. Кадеты обошли вопрос о форме государственного устройства, написав, что «Конституционное устройство российского государства определяется основным законом», и выступили за избрание народных представителей «всеобщую, равную, прямую и тайную подачей голосов». Они настаивали на контроле со стороны представительного органа за государственными финансами и за деятельностью высшей администрации. Их программа была нацелена на создание конституционного правления, предусматривала разделение властей (исполнительной, законодательной, судебной) и развертывание широкой сети местных институтов самоуправления по европейским образцам.

В области аграрной политики кадеты ратовали «за увеличение землепользования населения» и отчуждение частновладельческих земель и передачи их в руки безземельных и малоземельных крестьян. Они признавали необходимым пересмотреть земельное законодательство для облегчения условий аренды, развивать государственную помощь делу обустройства землепользователей на новых местах, распространить рабочее законодательство на область аграрных отношений. В рабочем вопросе кадеты призывали к свободе рабочих союзов и собраний, к укреплению роли рабочей инспекции на производстве, установлению восьмичасового рабочего дня, развитию охраны женского и детского труда, совершенствованию рабочего страхования. Однако произнести красивые слова это одно, а реализовать обещания на практике — совсем другое. Кадеты, исписав за годы своего существования горы бумаг, произнесли бесчисленное множество речей, разоблачив и заклеив всех деятелей самодержавного режима за их нежелание и неумение осуществлять «правильную политику», так и не предложили самого главного: механизма реализации своих красивых благопожеланий.

Второй крупнейшей партией либеральной ориентации был «Союз 17 октября» (октябристы), организационно оформившийся в 1906 г. Октябристы были значительно правее кадетов, и их представления в области государственного устройства носили более определенный характер. Они выступали за конституционную монархию, рассматривая Октябрьский манифест как «величайший переворот в судьбах отече-

ства», устанавливавший начала конституционной монархии. Они ратовали за сохранение единства и нераздельности Российского государства, но при неслыханном равенстве всех народов и при их праве на культурное развитие. Они считали, что монарх должен сохранять свои сильные властные prerogatives, но лишь в союзе с народным представительством. Октябристы выступали за свободу слова, собраний, союзов, свободу передвижения, свободу труда, предпринимательства, за неприкосновенность собственности. В области аграрной они находили необходимым осуществить насущные реформы для «решительного и бесповоротного приобщения крестьян к полноте гражданских прав наравне с остальными гражданами». Они предлагали снять все правовые ограничения для крестьян и оказать «государственную поддержку поднятню производительности земледелия». Признавая остроту рабочего вопроса, октябристы ограничивались призывами пересмотреть и усовершенствовать рабочее законодательство, развивать страховую помощь, разрешить свободу профсоюзов, но при этом «законодательно регулировать условия экономической борьбы».

Октябристы не являлись строго организованной партией; это был скорее временный союз довольно разношерстных общественных элементов из числа имущих, желавших принять участие в выработке политических решений. Во главе партии стояло правое крыло земско-либерального движения во главе с графом П. А. Гейденом, Д. Н. Шиповым, М. А. Стаховичем, Н. А. Хомяковым. Но уже в 1906 г. на первую роль выдвинулся выходец из семьи старинного московского купечества, известный деятель Московского городского управления А. И. Гучков, ставший бесспорным лидером этой партии.

В конце 1905 г. начали возникать и политические партии правой ориентации, объединявшие сторонников неограниченной монархии, приверженцев исторических начал власти, выступавших против конституционных нововведений и усматривавших в них угрозу трону и России. Но сколько-нибудь серьезной организованной политической силы у власти не было. Потом, когда была избрана Третья Государственная дума, появились значительные фракции проправительственной направленности, но вне думских стен политических организационных структур подобной ориентации почти не было. Это объяснялось не отсутствием сторонников монархии, не тем, что все население сплошь стало либеральным или радикальным. Суть проблемы коренилась в другом: самые лояльные элементы оказались и наиболее политически инертными. Консервативное мирозерцание (на современном по-

литологическом жаргоне это называется «ментальностью») зиждлось на вере и традиции, на почитании власти, на признании Божественного происхождения ее. Эти ценности, эти представления невозможно было пропагандировать на митинге, их нельзя было соблазнительно изложить в политической листовке или на страницах массовой брошюры. Русский человек, русский монархист и православный человек являлись в данном случае синонимами. Вера в Бога, вера в царя, вера в Россию существовала нераздельно, и если не было одной из составляющих эту триаду, то не могло существовать и остальных.

Попытки создания крепкой общероссийской монархической партии, партии порядка, партии традиции предпринимались неоднократно и начались они еще до революционных потрясений 1905 г. Первой заметной общественной организацией в этом ряду стало Русское собрание, возникшее в конце 1900 г. Устав его был утвержден 26 января 1901 г. Задачи его деятельности формулировались следующим образом: «Ознакомить общество со всем, что сделано важного и своеобразного русскими людьми во всех областях научного и художественного творчества». Вначале общество сконцентрировало свои усилия на организации библиотек и чтален, проведении вечеров и лекций по русской истории и культуре. Во главе организации стояли писатель князь Д. П. Голицын, правнук декабриста князь М. В. Волконский, барон Н. А. Энгельгардт, издатель влиятельной газеты «Новое время» А. С. Суворин, профессор А. С. Вязигин, приват-доцент Петербургского университета, литературовед, журналист и писатель Б. В. Никольский.

Русское собрание несколько лет было центром притяжения всех правых сил. В ноябре 1905 г. оно опубликовало свою избирательную программу, ставшую образцом для подражания других монархических организаций. В ней однозначно выражалась приверженность неограниченной монархии и говорилось о необходимости единения царя и народа. В конце 1905 г. в Петербурге возникла еще одна значительная правая организация — «Союз русского народа», возглавлявшаяся известными в последующем деятелями А. И. Дубровиным и В. М. Пурншевичем. Первый был врачом по профессии и состоял ранее в Русском собрании, а второй происходил из дворян Бессарабской губернии, служил чиновником в Министерстве внутренних дел и был завсегдагем петербургских консервативных салонов. «Союз русского народа», устав которого был зарегистрирован 7 августа 1906 г., вскоре стал самой массовой и влиятельной организацией правого толка.

Выборы в Государственную думу проходили в феврале—марте 1906 г., когда в стране все еще были накалены общественные страсти, когда ежедневно из различных мест империи поступали сообщения о погромах, поджогах, насилиях и убийствах на политической почве. Но ситуация уже начала поддаваться контролю со стороны властей, хотя в некоторых окраинных районах продолжала сохраняться нестабильность и там не удалось провести выборы. Некоторые левые и правые группы призывали к бойкоту избирательной кампании, и здесь самой влиятельной была большевистская партия, все еще не потерявшая надежду на возможность массового народного восстания. Помимо большевиков выборы бойкотировали эсеры и правые партии.

В общей сложности в Первую думу было избрано 478 депутатов. По политической принадлежности они распределились следующим образом: кадетов — 176, октябристов — 16, беспартийных — 105, крестьян-трудовиков — 97, социал-демократов (меньшевиков) — 18, а остальные входили в состав регионально-национальных партий и объединений, в значительной части примыкавших к либеральному крылу.

Открытие Думы стало крупным общественным событием; его подробно описывали все газеты. Накануне заседаний первой сессии делегаты Государственной думы и Государственного совета были приняты в Георгиевском зале Зимнего дворца императором, который обратился к ним с речью. Среди прочего он сказал: «С пламенной верой в светлое будущее России Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых Я повелел возлюбленным моим подданным выбрать от себя. Трудные и сложные работы предстоят вам. Верю, что любовь к Родине, горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас». Царь выражал надежду, что думцы отдадут «все свои силы на самоотверженное служение отечеству, для выяснения нужд столь близкого Моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия Государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права». Местом заседаний Думы был определен старый Таврический дворец. И во второй половине дня 27 апреля после кратко́го молебна она приступила к работе и сразу же выказала свое крайне радикальное настроение.

К этому времени кабинет С.Ю. Витте пал и премьером был назначен известный царедворец И.Л. Горемыкин, убедивший царя пригласить на пост министра внутренних дел бывшего Гродненского, а затем Саратовского губернатора П.А. Столыпина. Новому правительству досталось тяжелое

наследство. Кабинет С.Ю. Витте, находясь у власти шесть месяцев, не подготовил к открытию Думы законопроектов, которые должны были стать предметом рассмотрения народного правительства, считая, что Дума сама должна заниматься законотворчеством. И она занялась. Буквально с первых часов своды Таврического дворца стали оглашать призывы и декларации крайне радикального характера: объявить всеобщую амнистию, создать ответственное правительство, ввести всеобщее избирательное право, наделить крестьян землей и т.д. Либеральные газеты, ежедневно публикуя подробные и сочувственные материалы о работе законодательного органа, единодушно называли его «Думой народного гнева».

Депутаты хотели всего и сразу, и это их желание делало Думу больше похожей на антиправительственный митинг, чем на работу серьезного и ответственного государственного органа. Большинство депутатского корпуса не было заинтересовано в конструктивной работе. Разгоряченные баталиями революционных битв, многие смотрели на думскую трибуну как на новый инструмент социальной борьбы, позволявший делать бесплатную рекламу и конкретным лицам, и определенным политическим течениям. Все это происходило в атмосфере непрекращающегося террора революционеров. По неполным данным, в январе 1906 г. было совершено 80 убийств, в феврале — 64, в марте — 50, в апреле — 56, в мае — 122, в июне — 27. Сотни людей стали жертвами беспощадных «борцов за свободу», и ни один из этих актов не был осужден не только левыми, но и кадетами.

Первое время исполнительные государственные структуры находились в состоянии растерянности. Конечно, зная состав участников думской ассамблеи, правительство не питало особых иллюзий. Однако столь резкий антиправительственный тон думского собрания, беспощадные и оскорбительные выпады по адресу отдельных лиц и государственных учреждений, принятые большинством депутатов, оказались неожиданными. Но правительство не оставляло надежд на сотрудничество и выказывало Думе явные знаки внимания. Перед депутатами выступали глава кабинета, министры. Согласно закону, Дума была наделена правом делать запросы высшим инстанциям о неправомочных действиях лиц и учреждений. Это стало любимым занятием большинства. Достаточно было столичной газете написать о «произволе» властей, привести какие-то «факты» (в большинстве своем сфабрикованные бойкими «мастерами пера»), как тут же следовал запрос, и перед негодующей толпой народных избранников предстало высшее должностное лицо. И начиналось своего рода судилище.

Для высших сановников это часто было настоящим потрясением. Но находились и такие, кто смело «шел в бой», спокойно и аргументированно отвечал на выпады и этим поддерживал престиж власти. Первое место в этом ряду занимал новый министр внутренних дел, которому неоднократно пришлось пройти «думское чистилище». Он не оправдывался (как делали многие другие), а излагал факты и свои взгляды по различным вопросам. Выступая 8 июня 1906 г., П.А. Столыпин говорил с думской трибуны: «Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластье, нельзя не считать опасным безволие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и искательства. Правительство — аппарат власти, опирающийся на законы, отсюда ясно, что министр должен будет требовать от чинов министерства не только осмотрительности, осторожности и справедливости, но и твердого исполнения своего долга и закона».

Первая Дума просуществовала чуть больше двух месяцев и основную часть времени уделила обсуждению самого жгучего вопроса социальной жизни — аграрного. Центром обсуждения стало два проекта. Первый внесли кадеты. Он предусматривал дополнительное наделение крестьян землей за счет земель казенных, монастырских, удельных, а также за счет частного отчуждения частновладельческих земель за выкуп «по справедливой (но не рыночной) оценке». Второй проект внесла фракция трудовиков. Он носил еще более радикальный характер и предусматривал отчуждение помещичьей земли, превышающей «трудовую норму», создание «народного земельного фонда» и введение уравнительного землепользования. Обсуждение этих предложений вылилось в громкое обличение общественного строя. Поднимавшиеся на трибуну ораторы негодовали и произносили эмоциональные монологи о том, что «простой труженик» почти лишен «средств пропитания», в то время как правительство защищает и охраняет интересы и привилегии помещиков.

В этих обвинениях была своя правда. Но правда была и в том, что простым перераспределением земельных наделов аграрный вопрос в России решить было нельзя. Требовалось не просто у одних отнять, а другим дать; необходимо было изменить не столько **размер землевладения**, сколько **качество землепользования**, которое отличалось допотопным обликом, чрезвычайно низкой эффективностью, позволявшей крестьянам существовать на уровне минимальной

достаточности. Для коренной модернизации требовалось не отнимать землю, а создавать крепкого индивидуального землевладельца, умевшего и желавшего вести современное аграрное производство, стабильно нацеленное на рынок.

Царь был категорическим противником всех форм отчуждения собственности, не без основания считая, что потакание низменным инстинктам толпы безответственно, что какое-либо покушение на незыблемость прав собственности чревато непредсказуемыми социальными потрясениями, что любое «частичное изъятие» создаст сокрушительный прецедент. Противники громогласно обвиняли царскую власть в том, что она стоит на страже «интересов помещиков и капиталистов», но на самом деле монарх стоял на страже принципа неприкосновенности частной собственности и этому убеждению он был верен всегда.

Правительство болезненно реагировало на направление деятельности Государственной думы и 20 июня выступило с заявлением, в котором говорилось о неприкосновенности частной собственности на землю. 9 июля 1906 г. Первая Государственная дума была распущена и объявлены новые выборы. На следующий день группа кадетов и трудовиков собралась в Выборге, где опубликовала так называемое «Выборгское воззвание», в котором в знак протеста «против роспуска народного представительства» население призывалось к пассивному сопротивлению: не платить налоги, избегать рекрутской повинности, а зарубежные правительства призывались не предоставлять России займы. Эта акция никакого успеха не имела.

Выборы во Вторую Государственную думу проходили в начале 1907 г., и первая сессия ее открылась 20 февраля 1907 г. В общей сложности было избрано 518 депутатов: кадетов — 98, трудовиков — 104, социал-демократов — 68, эсеров — 37, беспартийных — 50, октябристов — 44. Остальные голоса получили правые (националисты), представители регионально-национальных партий, казаки и некоторые мелкие политические объединения. Состав Второй думы отразил поляризацию сил в обществе, и хотя среди депутатов значительную группу составляли правые, перевес был на стороне левых, так как кадеты часто солидаризировались с ними. Аграрный вопрос опять оказался в фокусе внимания, но теперь уже существовала правительственная программа переустройства землевладения и землепользования, ставшая объектом ожесточенных нападок. Довольно быстро власти стало ясно, что ждать конструктивной работы от новой Думы не приходится. К тому же поступали сведения, что левые,

прикрываясь депутатским иммунитетом, занялись откровенной антиправительственной деятельностью и вне стен Таврического дворца Дума отказалась лишить депутатских полномочий социал-демократическую фракцию. В ночь на 3 июня 1907 г. полиция арестовала, а затем предала суду группу думских социалистов. Через несколько часов последовало сообщение о роспуске представительства и был опубликован новый избирательный закон.

Новые избирательные правила изменяли пропорции представительства отдельных групп населения. Предпочтение отдавалось наиболее состоятельным и ответственным общественным элементам. Если по старому закону крестьяне выбирали 42% *выборщиков*, *землевладельцы* — 31%, горожане и рабочие — 27%, то теперь соотношение изменялось. Крестьяне получали 22,5%, *землевладельцы* — 50,5%, горожане и рабочие — 27%, но при этом горожане разделялись на две курии, голосовавшие отдельно. Было сокращено представительство окраин: Польши — с 29 до 12 депутатов, Кавказа — с 29 до 10.

Неудачный опыт кратковременного существования первых двух Дум обострил дискуссии в правящих кругах России о характере избираемого представительства и его нужности. Крайне правые деятели, борцы «за чистоту монархической идеи», вообще стали ратовать за ликвидацию подобного органа или, по крайней мере, за отсрочку его созыва на неопределенное время. Они считали, что «пропаганда нигилистов и радикалов» сделала избранных антигосударственными людьми. Но находились и такие, кто честно смотрел правде в глаза и не стремился абсолютизировать частности. К числу последних относился Петр Аркадьевич Столыпин, занявший летом 1906 г. пост главы правительства. Противником ликвидации народного представительства был и Николай II, никогда серьезно не принимавший призывы вернуться к прошлому.

§ 5. Революция 1905—1907 гг. и облик государственной системы. Либералы и власть: упущенные возможности

Первая русская (российская) революция началась 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье») и закончилась 3 июня 1907 г. («третьеиюньский государственный переворот»). Такова общепринятая датировка. Почти два с половиной года в стране бушевали невиданные общественные страсти. Заба-

стовки, локауты, разрушения затронули как отдельные промышленные предприятия, частные и общественные учреждения, так и многие районы империи. Западные области, Кавказ, Сибирь, Москва, Черноземный центр были охвачены стачками и беспорядками. Во многих местах доходило до вооруженных столкновений и даже, как, например, в Прибалтийских губерниях осенью 1905 г. или в Москве в декабре того же года, до настоящих сражений между войсками и восставшими. Среди последних тон задавали оснащенные оружием и определенной идеологией «профессиональные революционеры», чаще всего социалистической ориентации. Немало людей погибло или получило увечья. Точное число жертв никто не считал (да это и невозможно), но оно несомненно исчислялось тысячами и тысячами.

После 1905 г. в стране очень многое изменилось. Легально стали действовать политические партии, а те, которые и не были легализованы, как, например, социал-демократы («большевики» и «меньшевики»), издавали печатные материалы, имели своих ораторов в национальном представительном органе. Цензура не была упразднена, но ее воздействие ощущалось лишь в тех случаях, когда раздавались прямые нападки на власть или откровенные призывы к ниспровержению существующего строя.

Правовой и политический облик государственной системы значительно изменился. 23 апреля 1906 г. царь утвердил новую редакцию «Основных законов Российской Империи», отразивших изменившиеся социальные условия «Основные законы.» содержали положения, устанавливавшие и регулировавшие существование и взаимодействие высших государственных органов. Здесь же перечислялись основные права и обязанности подданных. Законы были опубликованы накануне открытия заседаний Первой Государственной думы, 27 апреля 1906 г., и включали 223 статьи. В их числе: о гарантиях личности в случае ареста и суда, о неприкосновенности жилища, о неприкосновенности собственности (исключение составляли лишь случаи судебного преследования, но и тогда предусматривалось, что конфискация может происходить лишь при государственной надобности и при непрременной компенсации), право на свободное избрание местожительства и профессии, право свободного выезда за границу, право на свободу вероисповедания, право «в пределах установленных законом» выражать и распространять свои мысли». Все эти положения отвечали универсальным принципам гражданской свободы.

В общеполитической части говорилось о том, что Россия — «единая и неделимая» страна, и определялась роль государ-

ственного языка: «Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами». Монарх сохранил титул «самодержец», но уже не было положения о том, что прерогативы его «неограниченны». Согласно «Основным законам...» от 23 апреля 1906 г., выработанный правительством законопроект не становился законом без одобрения Думы и Государственного совета. Тем самым власть императора утрачивала свой абсолютистский характер. Правда, законопроект, принятый обеими палатами, не мог стать законом без согласия царя. Царское право вето имело неоспариваемый характер, но, согласно статье 122, Дума наделялась правом возвращаться к обсуждению законопроекта.

Обе палаты были не только уполномочены своим одобрением превращать в законы представленные законопроекты, но и наделены правом законодательной инициативы, которая, впрочем, не распространялась на «Основные законы...». Кроме того, законодательно было закреплено положение о несменяемости судей, что на правовом уровне определило разделение властей — исполнительную, законодательную, судебную — основополагающего принципа любого конституционного строя. И здесь неизбежно возникает вопрос о том, стала ли Россия после 1905 г. конституционным государством или все нововведения и изменения касались лишь внешней стороны, не затрагивали сути?

Споры по этому поводу разгорелись сразу же после появления Манифеста 17 октября 1905 г. и с новой силой возобновились после издания новой редакции «Основных законов...» от 23 апреля 1906 г.

Не подлежит сомнению, что с момента Манифеста 17 октября и новой редакции «Основных законов...» 1906 г. облик власти, характер всей государственной системы претерпели существенные изменения. Впервые в истории император был как бы «вписан» в законодательно-правовую систему координат. Ему законодательно вменялось в обязанность соблюдать определенные правила поведения в вопросах политических. Скажем, имея право распускать Государственную думу своими указами, монарх был обязан в них сообщать о назначении новых выборов и времени созыва нового представительного органа. Ничего подобного раньше в России не было, и царь всегда был выше писаного закона. Эти изменения, конечно же, свидетельствовали о коренном сдвиге развития российской государственности от национальной «исконности» к европейской «универсальности».

Консервативные круги предупреждали царя об опасности конституционного эксперимента, полагая, что любое избранное представительство может превратиться в Учредительное собрание и изменить основополагающие принципы государственного устройства. Эти опасения разделял царь, и они стали главным побудительным мотивом издания новой редакции «Основных законов...» до открытия Думы. В то же время глава кабинета С.Ю. Витте, в первые месяцы своего премьерства обуреваемый прекраснотушными мечтами, старался уверить Николая II в том, что Дума послужит ему «опорой и помощью». Однажды, в самом конце 1905 г., царь не выдержал и заметил: «Не говорите мне этого, Сергей Юльевич, я отлично понимаю, что создаю себе не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени». Реальность не подтвердила этих ожиданий.

Введение представительных государственно-правовых институтов и либерально ориентированных общественных порядков нельзя было не заметить, но их не замечали. Не хотели замечать. Левые — потому, что эволюционное развитие не отвечало их стратегическим целям и главной из них — сокрушению монархической государственности и утверждению левой доктрины в качестве господствующей. Правые — в силу того, что, как они полагали, новые порядки и учреждения ведут к разрыву с русской исторической традицией и приведут с неизбежностью к крушению исторической России. В начале 1906 г. руководство самой массовой организации правых — «Союза русского народа» — рассылало по всей стране воззвание под характерным названием «Самодержавие или конституция?», где говорилось, что «истолковывать законы о Государственной думе и Манифест 17 октября как введение конституции (парламентского строя) для России и отказ государя от самодержавия могут только люди, желающие взять государственную власть в свои руки».

Как это часто бывало в истории (и не только российской), крайне правые и крайне левые силы в борьбе за достижение своих политических целей нередко по существу становились союзниками (вне зависимости от фразеологии политических программ). Так получилось и в данном случае: по совершенно разным причинам и те и другие с резким неприятием относились к новому правительственному курсу. Но существовали ли общественные силы и течения, понявшие и поддержавшие направление, эволюцию государственности, одобрявшие конкретные политические шаги руководства

страны? Такие силы имелись, однако они были разрознены и в общем то политически значимой силой их и назвать то нельзя. Позже, в период Третьей думы, появились партии («Союз 17 октября») и фракции (националисты), выказывавшие правительству поддержку (далеко не безусловную), но вне стен Таврического дворца общественная симпатия ощущалась весьма слабо. Главные законодатели либерального общественного мнения, самые именитые творцы либеральной моды настроены были критически.

Накануне открытия Первой Государственной думы съезд Конституционно-демократической партии (кадеты) откликнулся на новую редакцию «Основных законов», по предложению П. Н. Миллюкова приняв резолюцию, где говорилось: «Накануне открытия Государственной думы правительство решило бросить русскому народу новый вызов. Государственную думу, средоточие надежд истстрадавшей страны, пытаются низвести на роль прислужницы бюрократического правительства, никакие преграды, создаваемые правительством, не удержат народных избранников от исполнения задач, которые возложил на них народ». Подобные настроения свидетельствовали, что сотрудничества впереди не предвидится и конфронтационная борьба неизбежно разгорится с новой силой уже в условиях существования представительного органа. Выразители «чаяний несчастной России» из числа интеллектуальной элиты все еще видели «угрозу свободе» там, где ее уже не было, боролись с тем и теми, с кем во имя будущего, во имя спасения и себя и страны надо было заключить долговременное перемирие.

Через тридцать лет, находясь в эмиграции, один из виднейших отечественных общественных деятелей П. Б. Струве писал: «Начиная с декабря 1905 г., с момента Московского вооруженного восстания, — как бы ни оценивать политику правительства в период 1905—1914 гг., — реальная опасность свободе и правовому порядку грозила в России уже не справа, а слева. К сожалению, вся русская оппозиция с Конституционно-демократической партией во главе не понимала этого простого и ясного соотношения. Этим определялись не только ошибочная политика, какую вели, но и неправильный духовный и душевный тон, который после 17 октября 1905 г. брали силы русского либерального демократизма в отношении царского правительства вообще и П. А. Столыпина в частности». Горькое и позднее прозрение! Но тогда, в период революции, в те переломные годы, ни Струве, ни его друзья и единомышленники ничего подобного не писали и не говорили.

Еще летом 1902 г за границей начал выходить под редакцией П. Б. Струве нелегальный журнал «Освобождение», ставший фактически главным рупором либеральных сил, выражавший интересы в первую очередь левого крыла земско-либеральной общественности. В первых номерах этого известного журнала была опубликована политическая программа, содержащая перечень первоочередных задач: введение народного представительства, независимость суда, гарантии гражданских прав и свобод (печати, собраний, союзов, петиций), свобода вероисповедания. Все остальные проблемы — аграрный вопрос, рабочее законодательство, административная реформа, культурно-образовательные преобразования — должны были решаться лишь после конституирования основных политических и социальных прав и свобод.

Через три с половиной года первоочередные требования либералов получили свое законодательное оформление почти в том виде, как это им представлялось в 1902 г. Казалось бы, что открывались реальные возможности для конструктивного сотрудничества общественности с властью. Но «общественность» к тому времени стала «более прогрессивной» и ее уже не устраивало то, что еще вчера являлось желанной мечтой. Лидеры либерализма решили, что отныне они должны требовать не выполнения программ, а предоставления им, просвещенным и передовым, всей полноты власти. С этой целью стала популяризироваться идея создания «ответственного правительства», т. е. кабинета, формируемого и подотчетного не монарху, а им, депутатам — выразителям «чаяний и нужд» народа. Насколько эти требования были обоснованными?

Согласно закону, члены Думы пользовались определенными правами: не подлежали судебному преследованию (согласие на это могла дать лишь пленарная сессия собрания), получали ежедневное денежное довольствие из казны в размере 10 рублей за каждый день заседаний, имели право на оплачиваемый из казны проезд по России от места жительства до Петербурга. Как было сказано в законе, «при вступлении в Думу» депутатам надлежало подписать «торжественное обещание», гласившее: «Мы, нижеподписавшиеся, обещаем пред Всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности членов Государственной думы по крайнему нашему разумению и силам, храня верность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому и памятуя лишь о благе и пользе России, в удостоверение чего своеручно подписуемся». Эту присягу давали все, но лишь немногие готовы были ее выполнять.

В статье 14 закона о Государственной думе записано: «Члены Государственной думы пользуются полной свободой суждений и мыслей по делам, подлежащим ведению Думы, и не обязаны отчетом перед своими избирателями». Это положение было чрезвычайно важным и показательным. Критикуя «Основные законы...», вынося беспощадные уничижительные вердикты российскому законодательству и всему порядку организации и деятельности Думы, ни один из «просвещенных и либеральных» никогда не заикнулся о несуразности второй части статьи 14, законодательно утверждавшей политическую безответственность депутатов. Это положение было очень удобным. Думцы ни перед чем и ни перед кем отчета не держали и, являясь по сути собранием безответственных деятелей, требовали создания ответственного перед ними правительства! Многие не несли даже моральной ответственности и перед Богом, так как русские либералы (не говоря уже о радикалах) в подавляющей массе являлись стойкими атеистами (слова «Бог» и «церковь» были не из их лексикона).

В либеральной среде было потрачено много слов и аргументов на доказательство того, что историческая власть не хотела «действительных реформ», что во всем виновато исключительно правительство. Этот тезис различные общественные деятели страстно отстаивали и в России, а когда оказались в эмиграции, то и там не могли избавиться от подобного мировоззрения, походившего уже на болезненное наваждение. Один из самых непримиримых кадетских лидеров И. И. Петрункевич и через двадцать лет после 1905 г. писал: «Император Николай II в своем Манифесте 17 октября торжественно обещал установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы. Тем не менее, все законы, опубликованные в промежутке времени от Манифеста до созыва Первой думы, были изданы без одобрения Государственной думы и, следовательно, были нелегальны и не могли иметь силы». Ничего не понял и ничему не научился! Подобной зашоренности сознания можно только удивляться. Что же должна была сделать власть, чтобы расположить к себе деятелей типа Петрункевича. Ведь согласно подобной перевернутой логике нельзя было вообще проводить выборы, так как избирательный закон «не был одобрен» Государственной думой! Но свои мандаты ни Петрункевич, ни его соратники не сложили.

Когда вышел Манифест 17 октября 1905 г., то кадетско-либеральная фронда стала требовать, чтобы положения Ма-

нифеста начали реализовываться чуть ли не на следующий день после его издания и призывали власть «немедленно составить» кабинет из «общественных деятелей». Но никто не задумывался над тем, сколько бы времени просуществовало такое правительство и когда бы наступило всеобщее крушение. А оно наступило бы неизбежно и очень скоро, потому что либеральные деятели были людьми фразы и позы, а не людьми дела.

Через много лет, накануне второй мировой войны, это с грустью констатировал участник тех событий, один из главных лидеров кадетской партии В. А. Маклаков: «Но что показала либеральная общественность в лице кадетской партии в эпоху Первой Государственной думы? Она оказалась способна только мешать; мешала в их деле и революционерам, и реформаторам. А своих государственных людей она не выдвинула потому, что свою созидательную силу они могли бы показать только в сотрудничестве с исторической властью; а этого кадетская партия не захотела, так как легкомысленно вообразила, что власть «повержена» и «подняться не может», «революционеры» им подчинятся и что они все смогут одни. И жизнь прошла мимо этих детских претензий».

27 апреля 1906 г. царь призвал депутатов к совместной работе и указал основные проблемы русской жизни, которые необходимо решать совместными усилиями Думы и правительства. Депутаты выслушали эти слова и вечером того же дня собрались под сводами Таврического дворца на первую сессию Государственной думы первого созыва. И сразу же разгорелась «битва»: с одной стороны было большинство Думы, обуреваемое жадой возмездия за проигранные «общественные сражения» (к весне 1906 г. стало ясно, что победа не на стороне революции), а с другой — правительственные круги, историческая власть, которой приходилось учиться жить и действовать в новых политических условиях.

Эпохальное собрание началось в Таврическом дворце в пять часов пополудни. Прежде всего надлежало решить ряд важных организационных вопросов и первый среди них — избрание председателя Думы. Почти единогласно (за него проголосовало 426 человек из 436, принимавших участие в голосовании) прошла кандидатура доктора римского права, профессора Московского университета кадета С. А. Муромцева. Оставались другие первоочередные темы: утверждение регламента работы Думы и подготовка ответного адреса на тронную речь императора. Но в тот же вечер 27 апреля стало ясно, что народные избранники отдадут предпочтение «жестам», а не «результатам». Как только председатель занял

свое кресло, на трибуну буквально выбежал кадет И.И. Петрунkevич и разразился страстной тирадой, которая во всем блеске продемонстрировала общее настроение собрания.

Воспроизведем ее по стенограмме: «Долг чести, долг нашей совести повелевает, чтобы первая наша мысль, первое наше свободное слово было посвящено тем, кто пожертвовал своей свободой за освобождение дорогой нам всем Родины (*гром аплодисментов*). Все тюрьмы в стране переполнены (*продолжительные аплодисменты*), тысячи рук протягиваются к нам с надеждой и мольбой, и я полагаю, что долг нашей совести заставляет нас употребить все усилия, которые дает нам наше положение, чтобы свобода, которую покупает себе Россия, не стоила больше никаких жертв (*продолжительные аплодисменты*). Мы просим мира и согласия. Я думаю, господа, что если в настоящую минуту мы и не приступим к обсуждению этого вопроса, а коснемся его тогда, когда будем отвечать на тронную речь Государя Императора, то сейчас мы не можем удержаться, чтобы не выразить всех накопленных чувств, крика сердца и не сказать, что свободная Россия требует освобождения всех пострадавших (*продолжительные аплодисменты*)».

Гревели аплодисменты, собравшиеся были возбуждены и воодушевлены. По представлениям думского (кадетского) большинства, первоочередная акция должна свестись к тому, чтобы объявить всеобщую амнистию политическим заключенным. Но ведь такая амнистия уже была объявлена. Еще 21 октября 1905 г. был опубликован царский указ, где предписывалось «освободить от преследования, суда и прочих последствий и даровать полное помилование всем совершившим до 17 октября 1905 г. преступные деяния без насилия». Политические оппоненты режима получили право жить и действовать совершенно открыто, а главные действующие лица русской эмиграции вернулись в Россию.

Так кого же надо было амнистировать? Тех, кто попал под арест и следствие с конца октября 1905 г. по конец апреля 1906 г., тех, кто непосредственно замешан в насилиях. Это были поджигатели, грабители («экспроприаторы»), убийцы. И либеральное общественное мнение им сочувствовало, поднимало их имена на щит, выставяя подобных лиц «жертвами правительственного террора». Остановимся только на одном из самых громких в свое время случаев.

В начале 1906 г. советник Тамбовского губернского правления Г.Н. Луженковский, ездивший по губернии прекращать беспорядки, на вокзале в Тамбове был смертельно ранен пулей в живот. Стреляла в него недоучившаяся гимназистка,

член организации эсеров, девятнадцатилетняя дворянка М. Спиридонова (после 1917 г. ставшая лидером партий левых эсеров). Толпа на вокзале ее избила. Полиция с трудом извела ее от самосуда и препроводила в тюрьму. Оттуда она прислала своим соратникам письмо, в котором обвиняла арестовавших ее во всевозможных издевательствах. Это письмо опубликовали в целом ряде газет, в том числе и столичных.

Общественность негодовала и требовала расследования. Оно было проведено и не подтвердило этих обвинений, а сама Спиридонова о них больше не упоминала. Суд состоялся 12 марта 1906 г. и приговорил обвиняемую, которая ни в чем не раскаялась, к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Шум вокруг дела сразу стал стихать, как только публике довелось увидеть во всей красе «жертву режима». Она производила впечатление психически неуравновешенного человека. В этой связи умеренно-консервативная газета «Санкт-Петербургские ведомости» вопрошала: «Как можно было галлюцинации больного, тяжело ушибленного человека печатать в качестве важного обвинительного материала?» Но ответа не было. «Читающая публика» интересовалась лишь «произволом власти», в то время как реальный произвол радикалов ее не занимал. И прошло почти незамеченным то, что двое офицеров полиции, которых оклеветала Спиридонова, по ее наводке были убиты террористами.

Первые дни Государственная дума была занята обсуждением ответного адреса на тронную речь императора. И в этих дискуссиях, полных эмоционального накала и страстности, обозначились приоритеты-требования. Помимо амнистии в их число входило: *создание ответственного перед Думой правительства, упразднение Государственного совета, введение всеобщего избирательного права, обновление администрации на всех уровнях*. Иными словами, думцы ратовали, по существу, за ниспровержение существовавшего строя, хотя и не признавались в этом.

В конце политических требований стояли социальные вопросы и острейший среди них — аграрный. Крестьянское малоземелье намеревались разрешить путем изъятия государственных, церковных и части частновладельческих земель с передачей их крестьянам. Это была обычная политическая риторика, доступная и понятная крестьянству, с которым заигрывали как могли (ведь это главная категория выборщиков!). Реализация подобной программы аграрную проблему не решала, так как не устраняла главную причину тяжелого положения крестьянства — малоэффективные формы землевладения и землепользования. Что же касается

рабочего вопроса, то Дума считала, что первым шагом для его разрешения должно быть «обеспечение наемным рабочим во всех отраслях труда свободы организации и самостоятельности для поднятия своего материального благосостояния». Ничего более вразумительного депутаты придумать не могли.

Адрес был принят 5 мая 1906 г., а через неделю с речью выступил премьер И. Л. Горемыкин. В своем выступлении глава правительства сформулировал первоочередные задачи совсем иначе, чем это виделось депутатам. На первом месте стоял аграрный вопрос, но пути его решения не соответствовали тем, к чему призывали собравшиеся в Таврическом дворце: «Совет министров считает своею обязанностью заявить, что решение этого вопроса на предложенных Государственной думою основаниях безусловно недопустимо. Государственная власть не может признать права собственности на земли за одними и в то же время отнимать это право у других. Не может государственная власть и отрицать вообще право частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество». Власть ясно и последовательно отвергала самую идею экспроприации, понимая, что ни в коем случае нельзя потакать подобным вождениям. Те, кто называл себя русскими либералами, этого не понимали и во имя политической конъюнктуры переступали через принцип, нерушимый в любом правовом государстве. неприкосновенность частной собственности.

Через несколько недель после начала работы Первой Государственной думы стало очевидным, что сотрудничества между властью и представительным учреждением не предвидится. И исторический шанс примирения во имя социальной консолидации был упущен. Либералы обвиняли правительство в том, что оно не пошло навстречу «чаяниям страны», а правящие круги возмущались поведением депутатов, их крайними лозунгами, экстремистскими призывами, отсутствием у них хоть каких-то примирительных нот вообще. По этому поводу В. А. Маклаков заметил: «Идеология Думы была уделом ничтожного интеллигентского меньшинства населения. Народ тогда еще не мыслил государства без Государя. Власть Государя была для него более привычной и признанной, чем власть новорожденной Думы. Заняв такую позицию, давая отпор незаконным претензиям Думы, правительство защищало не одну конституцию, но понимание обывательской массы. И если бы, как позднее утверждал либеральный канон, правительство только и мечтало о поводах к роспуску Думы, зачем оно им не воспользовалось? Ясно, что ни Госу-

дарь, ни министры разрыва совсем не хотели, и после адреса они все еще надеялись с Думой работать». Это соображение участника и очевидца тех событий представляется вполне обоснованным

Что же показала первая революция в России? Каковы были ее обретения, сколь велики оказались потери? Государственная система России претерпела существенные изменения, крупные сдвиги произошли в социальной и культурной жизни. Либерально-правовые нормы входили в повседневность, и для защиты своих прав уже требовались не столько связи и знакомства среди сильных мира, сколько умение найти грамотного и опытного адвоката, способного защитить интересы как юридического, так и физического лица. Но все это касалось главным образом состоятельной части общества, крестьянство в большинстве случаев оставалось за чертой законодательно-правового обеспечения. Но и в жизни деревни происходили изменения. Начавшая реализовываться с конца 1906 г. столыпинская аграрная реформа меняла правовой статус члена общины, вела к миграции больших групп населения из районов аграрного перенаселения центральных губерний европейской части России в Сибирь, на Алтай, где многие из прибывших за несколько лет становились крепкими сельскими хозяевами.

Революция создала представительный орган — Государственную думу, наделенную законодательными правами. В то же время революция негативно сказалась на экономической жизни страны, и финансовые убытки были огромны. Но самое главное — она показала всю мерзость кровавого социального конфликта, когда во имя политических целей убивали и калечили людей, часто ни в чем не замешанных; она показала весь ужас русского бунта, которому со времен Александра Пушкина предсказывали быть «бессмысленным и беспощадным». И когда в годы революции, по словам Д. Мережковского, «люди подошли к краю и заглянули в бездну», то многие содрогнулись. Но прозрели лишь некоторые.

§ 6. Партии социалистической ориентации в начале XX в.

Социал-демократы. В предгрозовой обстановке первых лет XX в. произошло окончательное организационное оформление основных партий социалистической ориентации.

Ведущие деятели социал-демократии понимали, что РСДРП, создание которой было провозглашено в 1898 г., существует лишь формально. На деле по-прежнему действует множество разрозненных кружков. Такое положение никак не устраивало В.И. Ленина, мечтавшего о централизованной и дисциплинированной партии типа «Народной воли». Он решил начать с создания общероссийской нелегальной марксистской газеты, которая должна выработать идейно-теоретическую платформу для объединения кружков в единую партию.

Еще находясь в ссылке, Ленин заручился согласием своих товарищей по петербургскому «Союзу борьбы» Ю.О. Мартова и А.Н. Потресова сотрудничать в будущей газете. В начале 1900 г. Ленин, которому запретили проживать в столицах, поселился в Пскове и здесь провел совещание по вопросу о газете. Съехались многие видные социал-демократы. Было утверждено название газеты — «Искра».

Летом 1900 г. В.И. Ленин выехал за границу, чтобы практически заняться подготовкой издания. Наиболее трудными были переговоры с Г.В. Плехановым, который считался идейным руководителем российской социал-демократии. В результате договорились о формировании редакции на паритетных началах: трое от группы «Освобождение труда» (Плеханов, Аксельрод, Засулич) и трое от петербургского «Союза борьбы» (Ленин, Мартов, Потресов).

Местом издания газеты был избран Мюнхен. В канун 1901 г. первый номер «Искры» вышел в свет. Сначала газета выходила ежемесячно, затем — каждые две недели. Тираж, доходивший до 10 тыс., тайно переправлялся в Россию и распространялся по социал-демократическим кружкам. «Искра» стала нитью, незримо связывавшей их воедино. В 1902 г. при редакции был образован организационный комитет, который занялся подготовкой к съезду партии.

II съезд РСДРП, на котором присутствовало 43 делегата от 26 местных организаций, начал работу в июле 1903 г. в Брюсселе, а затем переехал в Лондон. Съезд принял программу партии, состоявшую из двух частей: программа-максимум и программа-минимум. Первая из них в соответствии с марксистской доктриной конечной целью партии объявляла социалистическую революцию, установление диктатуры пролетариата и построение социализма. В программе-минимум определялись ближайшие цели: свержение самодержавия, введение демократической республики, уравнивание в правах всех граждан, установление 8-часового рабочего дня. Аграрный раздел этой программы требовал отмены выкупных платежей и возвращения «отрезков». Это были очень важные пункты, затрагивавшие наболевшие вопросы крестьянской жизни.

Проект устава партии был написан Лениным. Большой спор разгорелся по первому параграфу. Ленин предлагал такую формулировку: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций» Это предполагало постоянный контроль партии над ее членами.

Мартов внес предложение, что членом партии может быть тот, кто признает ее программу и оказывает ей «регулярное личное содействие». Участие в работе местных партийных организаций при этом было не обязательно. Мартов исходил из того, что марксизм к этому времени получил значительное распространение среди интеллигенции, превратился в широкое идейное течение. Партия, по мысли Мартова, должна была охватить это течение, не стремясь контролировать каждого марксиста в отдельности.

С небольшим перевесом на съезде была одобрена формулировка Мартова. Но это мало изменило общий дух ленинского устава, построенного на началах централизма, что выражалось в жестких требованиях подчинения нижестоящих партийных организаций вышестоящим и в больших полномочиях Центрального комитета. Кроме того, ограничивался принцип выборности и широко внедрялось право кооптации членов центральных органов партии. Съезд принял устав в ленинской редакции, за исключением первого параграфа. Так что в целом Ленин одержал победу.

Это подтвердили выборы ЦК и редакции «Искры». Большинство мест получили сторонники Ленина. Их стали называть большевиками, в отличие от меньшевиков, сторонников Мартова. Среди последних оказался и Потресов. Плеханов не вошел ни в одну из фракций, но ближе был к меньшевикам. Большевики и меньшевики образовали два самостоятельных течения в РСДРП. Они то отдалялись друг от друга, то сближались, но никогда полностью не сливались. Фактически на II съезде возникло две партии под одной крышей. Одна из них, меньшевистская, ориентировалась на опыт западных социалистических партий. Другая, руководимая Лениным, изначально была нацелена на захват власти.

Сразу же после съезда ленинский ЦК постарался поставить под свой жесткий контроль все социал-демократические организации, в том числе и заграничные. Это вызвало недовольство меньшевиков. Возмутился и Плеханов. В редакции «Искры» произошел резкий конфликт между Лениным и Плехановым. В октябре 1903 г. Ленин был вынужден выйти из редакции. «Искра» оказалась в руках меньшевиков. Она выходила до октября 1905 г.

Вскоре в Женеве стала издаваться большевистская газета «Вперед». Две социал-демократические газеты вступили друг с другом в ожесточенную перепалку. Большевистские и меньшевистские лидеры принимали самостоятельные решения, никак не согласовывая их между собой. Меньшевики поддержали организованную «Союзом освобождения» «банкетную кампанию», а большевики продолжали вести против либералов беспощадную войну.

К началу 1905 г. РСДРП насчитывала до 10 тыс. членов (в России и за границей). Это был хороший показатель для молодой партии, находящейся на нелегальном положении. Фактически, однако, это были две партии, еще вполне не осознавшие свою особость и старавшиеся подавить друг друга. Это, конечно, их ослабляло. Меньшевики численно преобладали — и в России, и за границей, но большевики были активнее, напористей. Борьба, развернувшаяся в руководстве РСДРП, не сразу дошла до низовых звеньев. Рядовые члены, а иногда и руководители местных кружков по-прежнему считали себя социал-демократами, не примыкая ни к какой из фракций и не видя между ними особой разницы.

Эсеры. В 1901—1902 гг. некоторые народнические кружки и группы объединились в партию социалистов-революционеров (эсеров). Большую роль в этом объединении сыграла газета «Революционная Россия», выходившая сначала в России (нелегально), а затем за границей, и ставшая официальным органом партии. К эсерам примкнули такие ветераны народнического движения, как Н.В. Чайковский и М.А. Натансон. Главным теоретиком и видным лидером партии стал В.М. Чернов, выходец из крестьян, занимавшийся подпольной деятельностью с гимназических лет. В своей программе эсеры сохранили тезис о крестьянской общине как зародыше социализма. Интересы крестьянства, говорили они, тождественны интересам рабочих и трудящейся интеллигенции. «Трудовой народ», считали эсеры, состоит из этих трех групп. Себя они относили к его авангарду. Грядущая революция представлялась им как социалистическая. Главную роль в ней они отводили крестьянству. Эсеры выступали за «социализацию земли», что означало отмену частной собственности на нее, изъятие из торгового оборота и уравнительное распределение между всеми, кто хочет ее обрабатывать (в общине, товариществе или единолично).

Партия эсеров не сложилась как единая, дисциплинированная и централизованная организация. В ней всегда было много анархии и самостоятельности отдельных лидеров и кружков. По этой причине эсеры очень долго (до 1905 г.) не

могли созвать свой первый съезд. Центральный комитет, возникший как бы самочинно, без избрания, большим авторитетом не пользовался. Из-за частых арестов состав его постоянно менялся. В первые годы существования единство партии поддерживалось в основном усилиями трех энергичных лидеров — Г.А. Гершуни, Е.Ф. Азефа и М.Р. Гоца.

Г. Гершуни, по профессии скромный аптечный работник, когда-то увлекался культурно-просветительской работой, а затем воспринял идеи крайнего радикализма и перешел на нелегальное положение. Азеф сочетал учебу в Карлсруэ и Дармштадте с участием в работе заграничных революционных кружков. Получив диплом инженера, он целиком погрузился в связанные с революцией дела и стал одним из основателей партии эсеров. М. Гоц, сын купца-миллионера, был главным организатором всей заграничной работы партии и щедро ее финансирует.

К началу первой русской революции численность партии эсеров доходила до 2,5 тыс. человек. Из этого числа около 70% приходилось на интеллигенцию, примерно 25% были рабочими, крестьяне составляли чуть более 1,5%.

От «Народной воли» партия эсеров унаследовала тактику индивидуального террора. «Боевая организация» партии была обособленной и замкнутой группой с железной дисциплиной. Центральному комитету так и не удалось поставить ее под свой полный контроль. Первое время «Боевую организацию» возглавлял Гершуни. В 1902 г. эсер-боевик С.В. Балашев застрелил министра внутренних дел Д.С. Сипягина. В 1903 г. был убит уфимский губернатор Н.М. Богданович, главный виновник «златоустовской бойни». При этом Гершуни был схвачен и попал на каторгу. «Боевую организацию» возглавил Азеф. 15 июля 1904 г. Егор Сазонов бросил бомбу в карету министра внутренних дел В.К. Плеве. Террористические акты, направленные против самых ненавистных деятелей режима, создавали преувеличенное представление о силе эсеровской партии. Но это был скользкий путь, впоследствии дорого обошедшийся эсерам.

Анархисты. Иден анархизма появились в русском общественном движении со времен М.А. Бакунина. Видным теоретиком анархизма стал П.А. Кропоткин. В начале XX в., в условиях нарастающего революционного кризиса анархистское движение, этот спутник всех революций, заметно оживилось как в эмиграции, так и в самой России. В Лондоне вокруг Кропоткина образовалась «Группа русских рабочих анархистов-коммунистов». В 1903 г. в Женеве стараниями супругов Георгия и Лидии Гогелия была создана организация

«Хлеб и Воля». При поддержке Кропоткина начала выходить газета с одноименным названием — первый русский анархистский печатный орган за границей. Небольшие группы российских анархистов появились в Болгарии, Германии, Франции и США.

В начале XX в. в России возникло три главных центра анархистского движения — в Белостоке Гродненской губернии (среди еврейской интеллигенции и ремесленников), Одессе и Екатеринославе. Всего же в 1904 г. по разным городам и местечкам действовало 29 анархистских организаций и групп. Некоторые из них состояли из 3—10 человек, но существовали и более многочисленные формирования.

В декабре 1904 г. анархисты-коммунисты и «хлебовольцы» собрались в Лондоне на свой I съезд. Они объявили своей целью «социальную революцию» (полное уничтожение капитализма и государства и замену их анархическим коммунизмом). Главными методами борьбы анархисты считали «восстание и прямое нападение, как массовое, так и личное, на угнетателей и эксплуататоров». Сотрудничество с другими революционными партиями категорически отвергалось. Кропоткин поставил на съезде вопрос о создании в России массовой анархистской партии.

Партии в действии. Каждая из партий по-своему оценивала события русской революции и в соответствии с этим старалась предсказать их исход и наметить план действий.

Уже в 1905 г. одним из первых Ленин понял, что русская революция не будет похожа на «классические» западноевропейские революции XVIII—XIX вв. И эта «непохожесть» проявится прежде всего в особой, едва ли не решающей роли пролетариата. Соответственно и социал-демократия, по мысли Ленина, должна была сыграть такую же роль. (В ее «прирожденном» праве на руководство рабочим классом Ленин сомневался так же мало, как монарх сомневается в праве на свою корону.) Однако после II съезда в партии начались шатания и ослабло руководство. Необходим новый съезд, считал Ленин, чтобы партия во всеоружии встретила надвигающиеся события.

Борьбу за созыв III съезда Ленин начал вскоре после завершения II, когда меньшевики отказались признавать диктатуру большевистского ЦК. В апреле 1905 г. эти усилия, казалось, увенчались успехом. В Лондон на III съезд РСДРП собрались представители 20 партийных комитетов. Это было меньше двух третей общего их числа. Меньшевики, тыкая пальцем в устав, объявили съезд незаконным. Однако делегаты, присланные этими комитетами, были большевиками. И

Ленин смело перешагнул через букву устава, им самим написанного.

III съезд РСДРП проходил с 12 по 27 апреля 1905 г. Именно здесь воочию обнаружилось, что среди большевиков нет лидера, равного Ленину. Он председательствовал на съезде и задавал тон при обсуждении всех вопросов. В протоколах зафиксировано около 140 его выступлений. В основу решений съезда легла ленинская теория гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Крестьянство рассматривалось как ближайший союзник пролетариата, поэтому в программу партии было внесено требование конфискации в пользу крестьянства помещичьих, удельных, казенных, церковных и монастырских земель. В отношении буржуазии была принята тактика «нейтрализации» ее колебаний (на практике это вылилось в постоянные нападки на либеральное движение).

Съезд ставил задачу путем вооруженного восстания свергнуть самодержавие и установить демократическую республику. В перспективе не исключалась возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Участники съезда настолько увлеклись, что приняли специальную резолюцию «О временном революционном правительстве». (Падение самодержавия казалось делом ближайшего будущего.) Триумф Ленина увенчался принятием предложенного им определения членства в партии, из-за которого разгорелись страсти на II съезде, и избранием большевистского ЦК.

Меньшевики, не признававшие III съезд, в мае того же года собрались на конференцию в Женеву. Они не отрицали, что рабочий класс уже занял «центральное место в русской общественной жизни», однако при этом старались не давать волю игре воображения и оставаться на почве «революционного реализма». В некоторых случаях, говорили они, не мешает немного «притормозить» слишком далеко зашедшее народное движение. И не нужно дробить силы оппозиции, предъявлять к либералам невыполнимые требования, развязывать и раздувать распри среди оппозиционных сил. Наоборот, надо добиваться их сплочения.

Как и большевики, меньшевики считали крестьянство ближайшим союзником рабочего класса и были готовы поддерживать его требования земли и воли. Но многих меньшевиков смущал разгромный характер начавшегося аграрного движения, особенно в Черноземной полосе.

Особое внимание меньшевики уделяли созданию и развитию легальных форм организации городского и сельского

пролетариата (профсоюзов, касс взаимопомощи, просветительных обществ). Тем самым они старались преодолеть неуправляемость и хаотичность рабочего движения, усилить его организованность в наступлении и стойкость в обороне.

В середине 1905 г. так сложилась обстановка, что вооруженное восстание против старого режима казалось неминуемо. Меньшевики, однако, полагали, что «планировать» такое восстание, готовить его в подполье — непростительная авантюра. Восстание может произойти только как стихийная вспышка народного движения, и тогда следует не открещиваться от него, а, наоборот, помочь восставшим организоваться и вооружиться. Чтобы иметь такую возможность, чтобы не оказаться в это время с пустыми руками, говорил Плеханов, социал-демократы должны заниматься не только агитационной работой, но и военно-технической. Вместе с тем меньшевики не исключали возможность мирного развития революции. Считался, например, вероятным такой вариант, что собранная правительством Государственная дума объявит себя Учредительным собранием и возьмет власть в свои руки.

В целом позиция меньшевиков была более реалистичной, но большевики были активней и целеустремленней.

«Два съезда — две партии», — писал Ленин, оценивая положение в РСДРП. По-видимому, он готов был совсем порвать с меньшевиками и сосредоточиться на подготовке вооруженного восстания. К этому времени на ряде фабрик и заводов возникли руководимые большевиками боевые дружины. Со всей серьезностью встала проблема их вооружения. С начала 1905 г. в Петербурге действовала «Боевая техническая группа», занимавшаяся изготовлением ручных бомб. После III съезда группу возглавил инженер Л. Б. Красин. Продукция готовилась на высоком техническом уровне, и впоследствии конструкция одного из запалов привлекла внимание специалистов из Главного артиллерийского управления. Похожие тайные мастерские появились и в других городах. Хотя, конечно, подобным кустарным способом нельзя было решить проблему вооружения будущих повстанцев.

Более обнадеживающими казались попытки внедриться в ряды армии и флота. К концу лета 1905 г. число армейских и флотских социал-демократических организаций выросло в 9 раз (с 3 до 27). Вскоре, однако, выяснилось, как трудно готовить и «планировать» восстания, ибо стихия народного движения ломала планы и нередко заставляла заговорщиков врасплох. Так, например, «Севастопольская матросская централка» (Центральный флотский комитет РСДРП) намечала

на осень восстание Черноморского флота. Однако в июне 1905 г. оно вспыхнуло на броненосце «Потемкин», который считался в политическом отношении едва ли не самым отсталым. Это никем не запланированное восстание в значительной мере смешало планы заговорщиков.

Революция явно не укладывалась в разработанные на III съезде схемы. В городах и фабричных поселках стали возникать новые организации, не предусмотренные партийными резолюциями, — Советы рабочих депутатов. Они стали брать на себя руководство действиями пролетариата, которое, согласно марксистской науке, могло принадлежать только пролетарской партии. Среди местных большевистских деятелей росло раздражение против Советов и против меньшевиков, которые в них активно участвовали. Видные петербургские большевики Б. М. Кнулянец (Б. Радин), А. А. Богданов и другие требовали, чтобы Советы приняли программу РСДРП. Заговорили даже о возможности роспуска Советов.

Осенью 1905 г., после манифеста 17 октября, В. И. Ленин выехал в Россию. Остановившись по дороге в Стокгольме, он написал статью «Наши задачи и Совет рабочих депутатов (Письмо в редакцию)». В этой статье он писал о Советах как о «политически-руководящем революционном центре». Статья не была своевременно опубликована, и Ленин долгое время воздерживался от повторения высказанных в ней идей. По-видимому, это был тот редкий случай, когда он поддавался давлению своих соратников. Лишь в 1906 г. Ленин вернулся к идее Совета как зародыша революционного правительства, но Советов к этому времени уже нигде не было.

На практике, однако, большевики вскоре смирились с Советами и даже стали активно в них работать. В числе депутатов Петербургского совета было 40 большевиков. В ноябре 1905 г. на его заседании выступил Ленин. Но первоначально враждебное отношение к Совету ослабило влияние на него большевиков. Более половины депутатов были меньшевиками. К ним примкнул и первый председатель Совета адвокат Г. С. Хрусталева-Носарь. Особую роль в Совете играл Л. Д. Троцкий, считавшийся внефракционным социал-демократом, но тяготевший в ту пору к меньшевикам. Им принадлежала руководящая роль еще в 10 Советах (в Баку, Екатеринославе, Николаеве, Ростове-на-Дону и других городах). Однако Московский совет был преимущественно большевистским. И в провинциальных Советах влияние большевиков было значительней — 47 Советов возглавлялись большевиками или находились под их влиянием.

После ареста Петербургского совета 3 декабря 1905 г. главные события переместились в Москву. Московский со-

вет был настроен крайне воинственно. В общем-то это отражало настроения рабочих. Московские большевики и эсеры агитировали за всеобщую забастовку, чтобы перевести ее в восстание. Правда, центральное большевистское руководство, по-видимому, не придавало особого значения назревавшим в Москве событиям. Готовился партийный съезд в Таммерфорсе (Финляндия). Многие делегаты не смогли приехать, и вместо съезда была проведена конференция. В разгар московских событий, 12—17 декабря 1905 г., в далеком Таммерфорсе большевики обсуждали вопросы о взаимоотношениях с меньшевиками, об изменении аграрной программы и об отношении к Думе.

7 декабря в Москве началась забастовка. По городу шли демонстрации с красными флагами. Затем появились баррикады. Всего в московском восстании участвовало 1,5—2 тыс. вооруженных дружинников (600 большевиков, 300 эсеров и 250 меньшевиков).

Войска рассекли восстание на несколько очагов. Долше всех держалась Пресня, где обороной руководили большевик З. Я. Литвин-Седой и эсер М. И. Соколов. 19 декабря Литвин-Седой отдал приказ об отходе. Горящую Пресню, оставленную дружинниками, до поздней ночи продолжала обстреливать артиллерия. Дружинники, попадавшие в руки военных, расстреливались на месте. Такая участь постигла паровозного машиниста эсера А. В. Ухтомского, который вывез из города одну из дружин. Общие потери среди гражданского населения (мирного и немирного) составили около тысячи человек. Войска потеряли 66 человек (в том числе было 40 легко раненных).

Плохо подготовленное, не имевшее единого руководства, восстание заведомо было обречено на неудачу. «Не нужно было и браться за оружие», — резонно заметил Плеханов. Наоборот, Ленин задним числом высоко оценил выступление московских рабочих, назвав его «маяком для работы нескольких поколений».

Декабрьские восстания 1905 г. (в Москве и других городах), несмотря на героизм повстанцев, принесли мало пользы. Легкая победа, одержанная старым режимом, помогла ему собраться с духом и воспринять. Декабрьские поражения вызвали перелом в настроении народа. Сначала это было не очень заметно, но затем стало явственно ощущаться. Революция миновала высшую свою точку.

Ни одна из революционных партий не заметила перемены в настроении народа. Все они считали, что «настоящее» восстание еще впереди. Развертывалась его военно-техническая

подготовка, создавались мастерские по производству бомб, формировались боевые дружины, за границей закупалось оружие. В ноябре 1906 г., спасаясь от русских миноносцев, у берегов Румынии затонула яхта «Зора» с винтовками и пулеметами, приобретенными большевиками.

Деньги на такие закупки обычно добывались путем экзпроприаций. Ими занимались боевики почти всех революционных партий, но особенно усердствовали большевики. Совершались налеты на банки, почтовые отделения и почтовые поезда.

В ожидании нового восстания все революционные партии призывали к бойкоту выборов в Думу. По инициативе меньшевиков, которые первые очнулись от гипноза вооруженного восстания, на IV съезде РСДРП, в разгар думских выборов, было решено все же принять в них участие. В итоге в Первой думе возникла фракция из 18 социал-демократических депутатов. Это был немалый успех для партии, включившейся в избирательную кампанию в самый последний момент. В открытом письме к рабочим Плеханов призвал поддержать борьбу за создание правительства, ответственного перед Думой.

Оба крыла РСДРП участвовали в выборах во Вторую думу. При этом меньшевики нередко блокировались с кадетами, что резко осуждалось большевиками. Во Вторую думу было избрано 65 социал-демократов, из них 18 были большевиками. Лидером социал-демократической фракции стал 25-летний меньшевик Ираклий Церетели. Стараясь найти предлог для роспуска неугодной Думы, правительство без достаточных оснований обвинило членов социал-демократической фракции в подготовке военного мятежа. 3 июня 1907 г., совершив государственный переворот, правительство распустило Думу, изменило избирательный закон и арестовало не успевших скрыться членов социал-демократической фракции. Они, в том числе Церетели, были приговорены к разным срокам тюремного заключения и к ссылке в Сибирь.

Предсказания наиболее проникательных социал-демократов, в том числе Ленина, об особой роли рабочего класса в русской революции в значительной мере оправдались. Но не сбылись предсказания об особой роли РСДРП, как пролетарского авангарда. Рабочий класс действовал в значительной степени стихийно, без оглядки на тех, кто пытался его возглавить. Более того, своими действиями он нередко ставил в тупик этот «авангард». В результате в ходе революции оба крыла РСДРП совершили немало промахов. И все же на революционной волне партии удалось упрочить свое положение в общественном движении. В русский политический лек-

сикон вошли слова «большевик» и «меньшевик». Хотя Ленина, лидера большевиков, за пределами социал-демократии знали немногие. Самыми известными социал-демократами в те времена были Плеханов и Троцкий.

В 1906 г. в русских организациях РСДРП состояло примерно 70 тыс. человек. Члены партии призыва революционных лет мало разбирались в различиях между большевиками и меньшевиками. Под давлением партийных низов в РСДРП нарастали объединительные тенденции.

В апреле 1906 г. в Стокгольме собрался IV (Объединительный) съезд РСДРП. Выборы делегатов на съезд принесли разочарование сторонникам Ленина, ибо более половины мест завоевали меньшевики. Для Ленина это было тем более досадно, так как главным вопросом на съезде был пересмотр аграрной программы. Ленин, ориентируясь на будущее, отстаивал идею национализации всей земли, в том числе и наделной крестьянской. Конечно, он не собирался немедленно отнимать у крестьян их наделы. Но по действовавшему в России закону крестьянские общества, погасив выкупной долг, становились собственниками своей земли. По ленинскому же проекту они опять превращались в пользователей. Эта метаморфоза, для крестьян вначале незаметная, в дальнейшем могла сыграть роковую роль в их судьбе.

Меньшевики были против национализации земли, считая, что это непомерно укрепит государство и превратит его в единственного земельного собственника. Вместе с тем усилится и правящая бюрократия, которая и без того получила в России чрезмерное развитие. Меньшевистский теоретик, известный экономист П.П. Маслов выдвинул идею муниципализации земли. Его программа, поддержанная Плехановым, предусматривала конфискацию всех крупных имений и передачу их в распоряжение низовых органов местного самоуправления, избранных на демократической основе. Бурные дебаты завершились принятием программы муниципализации. Съезд распустил фракцию большевиков и меньшевиков и избрал единый ЦК, в который вошли 3 «бывших» большевика и 7 «бывших» меньшевиков.

Решения съезда, конечно, не могли удовлетворить Ленина, и вскоре между «бывшими» фракциями вновь разгорелись жаркие споры. Не смирившись с переходом ЦК в руки меньшевиков, Ленин добился созыва внеочередного съезда.

V съезд РСДРП проходил в Лондоне в мае 1907 г. На этот раз большевики имели шаткое большинство. Но меньшевики неплохо владели приемами парламентской борьбы. Съезд увяз в дебатах и продолжался до тех пор, пока не

иссякли средства на его проведение. В итоге большевикам все же удалось провести резолюции о Думе (внедумская работа депутатов считалась основной, а Думу предлагалось использовать только для антиправительственной агитации) и о партиях (осуждались всякие соглашения с либеральными партиями). Меньшевики отчасти взяли реванш, добившись принятия резолюции с осуждением экспроприаций. Ленин уклонился от голосования по этому вопросу, хотя было известно его одобрительное отношение к «эксам». В избранный съездом ЦК вошли 13 человек (большевики, меньшевики, польские и латышские социал-демократы) — в основном второстепенные деятели. По-видимому, обе фракции вновь взяли курс на «развод». Там же, в Лондоне, большевики образовали свой руководящий центр во главе с Лениным.

Очень извилистый путь в годы первой русской революции прошла партия эсеров. Основой в ее деятельности продолжала оставаться тактика индивидуального террора. 4 февраля 1905 г. И. П. Каляев убил дядю царя, великого князя Сергея Александровича. В августе 1906 г. З. В. Конопляникова застрелила генерала Г. А. Мина, командира Семеновского полка, подавлявшего московское восстание. Несколько безуспешных покушений было совершено на жизнь Ф. В. Дубасова. Всего за годы революции эсеры совершили около 200 террористических актов.

Эсеровские агитаторы, направленные в деревню, призывали к «аграрному террору» (к поджогам и разгромам помещичьих усадеб, порубкам в барских лесах и т.п.). Эсеры создали целую сеть крестьянских братств (всего более полутора тысяч) и подтолкнули не одно крестьянское восстание. Однако организовать всеобщее восстание в деревне эсерам не удалось.

Расширилась деятельность эсеров среди рабочих. Особенно податливы их влиянию были рабочие, еще не успевшие порвать связь с землей, — прежде всего текстильщики. Московская Прохоровская мануфактура стала настоящей эсеровской цитаделью.

Эсеровские рабочие дружины и крестьянские братства нуждались в вооружении. Закупка его за рубежом и переправка в Россию требовали больших денег. Пытаясь решить эту проблему, некоторые эсеры проявили неразборчивость в средствах.

В конце августа 1905 г. близ побережья Финляндии натолкнулся на камни и разбился пароход «Джон Графтон» с оружием и боеприпасами, предназначенными для польских социалистов, финских боевиков, эсеров и большевиков.

Подготовку операции осуществляли лидер финской партии «активного сопротивления» К. Зиллиакс, эсеры Н В Чайковский и Ф В Волховский. Эсеровское руководство вполне могло догадаться, откуда у этих троих появились деньги на закупку оружия и снаряжение судна, но предпочитало ни о чем не знать, ибо деньги были получены от японского военного агента в Стокгольме полковника М. Акаши.

С другой, однако, стороны, Волховский и Чайковский действовали явно на свой страх и риск. В эсеровской партии по-прежнему была слаба дисциплина. Центральный комитет состоял из 30—40 человек, никто не помнил полностью его состав и с ним не считался. В «дни свободы» переехав в Россию, эсеровский ЦК разделился на Петербургское и Московское отделения, которые нередко издавали противоречивые распоряжения.

I съезд партии эсеров проходил на рубеже 1905—1906 гг. На нем были официально одобрены программа партии, написанная В. М. Черновым, и партийный устав, в соответствии с которым избран ЦК из пяти человек. Между съездами мог созываться Совет партии, состоявший из членов ЦК и представителей областных и столичных комитетов. Совет партии мог отменять решения ЦК. В период революции численность партии эсеров достигла 50—60 тыс. человек.

Новый ЦК попробовал подтянуть дисциплину, но натолкнулся на мощное сопротивление. Перешла в оппозицию и вышла из повиновения почти вся московская организация. Расколы происходили и в других организациях. Эсеровские «диссиденты» называли себя максималистами. Политика ЦК казалась им оппортунистической, вялой и непоследовательной. Они считали, что социалистический строй можно ввести немедленно, если решительно бороться против самодержавия и эксплуататорских классов. Поэтому максималисты почти не занимались агитацией, не входили в легальные организации (профсоюзы, кооперативы и пр.), а сосредоточились на индивидуальном терроре и экспроприациях. Признанным лидером максималистов был М. И. Соколов, один из руководителей декабрьского восстания в Москве.

В октябре 1906 г. в Або (Финляндия) состоялась 1-я учредительная конференция «Союза максималистов». Но еще до конференции они заявили о себе рядом громких дел. В марте 1906 г. группа боевиков во главе с В. В. Мазуриным совершила налет на Московское общество взаимного кредита и захватила 875 тыс. руб. 12 августа была взорвана дача министра внутренних дел на Аптекарском острове в Петербурге. Покушение было произведено в приемные часы, поз-

тому число жертв оказалось большим (27 человек убитых, в том числе три террориста). Столыпин не пострадал, но среди раненых были его дети. «Я вполне удовлетворен, — заявил Соколов, присутствовавший при покушении. — Эти «человеческие жертвы»? Свара охранников, их стоило перестрелять каждого в отдельности... Дело не в устранении [Столыпина], а в устрашении, они должны знать, что на них идет сила».

Полиция развернула настоящую охоту на максималистов. Начались аресты и казни. 1 сентября 1906 г. был повешен Мазурин, 2 декабря — Соколов. К концу революции от «Союза максималистов» остались разрозненные, рассеянные по стране маленькие группы.

В отличие от максималистов, эсеровское руководство старалось сочетать легальные и нелегальные методы борьбы. Правда, выборам в Первую думу был объявлен бойкот. Позднее, убедившись в ошибочности этого решения, эсеры попытались установить контакты с думской Трудовой группой. Эти попытки были не очень успешны.

После роспуска Первой думы в июле 1906 г. эсеры, имевшие сильные организации в армии и на флоте, подтолкнули военные мятежи в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле. Замысел состоял в том, чтобы окружить Петербург кольцом восстаний и принудить правительство к капитуляции. Но власти быстро справились с положением. Восстания были подавлены, после чего последовали многочисленные казни.

Во Вторую думу эсеры провели 37 своих представителей — гораздо меньше, чем социал-демократы и трудовики. Эсеровская группа внесла на рассмотрение Думы проект социализации земли и пыталась его отстаивать, но большого успеха не имела. В целом же во Второй думе эсеры ничем себя не проявили. Тактика парламентской борьбы и техника законодательной работы требовали совсем других навыков.

В истории Первой думы не очень заметную, но существенную роль сыграла небольшая группа учеников Н. К. Михайловского, сплотившихся вокруг петербургского журнала «Русское богатство» (Н. Ф. Анненский, В. А. Мясотин, А. В. Пешехонов и др.). Поняв, что крестьяне настроены на мирную реформу, с передачей в их руки основной части помещичьей земли, но без всеобщего «поравнения» и всеобщей земельной перетряски, они помогли крестьянским депутатам объединиться в «Трудовую группу» и составить проект аграрной реформы, который стал известен как «проект 104-х».

В период подготовки к выборам во Вторую думу группа «Русского богатства» создала легальную крестьянскую пар-

тию. В ноябре 1906 г. состоялась 1-я конференция Трудовой народно-социалистической партии. Ставя своей целью переход к социализму, народные социалисты (энесы) отрицали необходимость пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Они считали, что социализм вызревает в недрах капитализма подобно тому, как последний вызрел в недрах феодализма. Делая ставку на мирный, эволюционный путь развития, энесы призывали сосредоточиться на ближайших, неостложных проблемах. Самую насущную из них, аграрную, они считали возможным разрешить путем ряда целенаправленных государственных мер, включая выкуп крупных поместий. Другой важнейшей задачей, по их мнению, являлась демократизация государственного строя. В связи с этим в программе партии говорилось о переходе к «народовластию». Энесы не стали выдвигать требование демократической республики, опасаясь, что крестьянство его не поймет и не поддержит.

Энесам, однако, не удалось создать широкую крестьянскую партию. На рубеже 1906—1907 гг. в их рядах насчитывалось 56 местных групп и 1,5—2 тыс. членов (городские интеллигенты, земские служащие и очень мало крестьян). Во Вторую думу энесы провели лишь 16 своих представителей, однако аграрный проект, внесенный от имени «Трудовой группы», в общих чертах воспроизвел прежний «проект 104-х», к которому в свое время приложили руку энесовские лидеры.

В годы первой русской революции под черными знаменами анархизма объединялось около 5 тыс. человек. В некоторых городах (Белостоке, Екатеринославе, Одессе, Житомире и др.) появились крупные федерации анархистов (до 150—200 человек), состоявшие из разветвленной сети кружков.

Главным течением в анархизме оставался анархо-коммунизм, связанный с идеями П.А. Кропоткина. Он призывал своих сторонников к широкому участию в народном революционном движении и предостерегал от излишнего увлечения экспроприациями. В резолюции II съезда анархистов в Лондоне (сентябрь 1906 г.) содержался призыв «строго беречь нравственный облик, с которым русский революционер всегда являлся перед русским народом». Анархисты участвовали во многих народных восстаниях, в том числе и в боях на Пресне в декабре 1905 г.

Кропоткину, однако, не удалось сохранить единство среди анархистов-коммунистов и чистоту их рядов. Вскоре из них выделилось особое течение «безначальцев», для которых

главным средством борьбы были террор и грабежи, они отрицали все нравственные устои общества. Появились «безмотивные террористы», которые считали себя вправе нападать на любого «эксплуататора». Некоторые наиболее дерзкие анархистские боевики превратили грабежи предпринимателей и торговцев в свое постоянное занятие. Только несовершеннолетие позволило Нестору Махно избежать виселицы. В ряде мест между группами анархистов вспыхивали перестрелки и поножовщины. Такого рода выступления, вплетаясь в общий ход революционного движения, сильно его компрометировали.

Синдикалистское течение, выделившееся в анархизме, имело по преимуществу мирный характер. Видным его представителем был В. А. Поссе, стремившийся соединить синдикализм с кооперативным движением. Под его руководством в Петербурге было создано потребительно-производственное объединение «Трудовой союз» — легальная организация, охватывавшая 8,5 тыс. рабочих.

Особым направлением в анархизме было толстовство. Л. Н. Толстой отвергал государство, но в то же время призывал к непротавлению злу насилием, сурово осуждал и революционеров, и правительство.

Революция 1905—1907 гг. вывела на сцену общественной борьбы и показала в действии все политические партии и течения тогдашней России, в том числе и социалистической ориентации. Многие революционеры искренне и бескорыстно отдавали все свои силы и даже жизни тому делу, в которое они свято верили.

Но тогда же, в годы революции, в социалистическом движении обнаружились теневые стороны и явные слабости. Первые заключались прежде всего в готовности заплатить любую, в том числе и непомерно высокую цену за воплощение в жизнь чьих-то кабинетных планов идеального общественного устройства. По сравнению с этими грандиозными замыслами любая человеческая жизнь в глазах мечтателей ничего не стоила. Жертвуя собой, они также легко жертвовали и чужими жизнями. Отсюда же происходила и их неразборчивость в средствах, доходившая до сговора с агентами иностранной державы, ведущей войну с Россией. Разумеется, сказанное относится не ко всем социалистам.

А вот главная их слабость, пожалуй, была общей. Как и другие политические партии тогдашней России, социалисты с трудом прорастали в народную толщу, особенно в толщу крестьянства.

Резкий спад общественного движения после революции, неослабевающие полицейские репрессии поставили в кризисное положение все партии социалистической ориентации. Вновь отпались в эмиграцию партийные вожди и их ближайшие помощники. Рвались связи между центральными органами и местными организациями, многие из которых перестали существовать. Некоторые их члены оказались в тюрьмах и ссылках, другие отшатнулись от революции, ушли в частную жизнь. Самая многочисленная из социалистических партий, РСДРП, уменьшилась примерно в семь раз.

Правда, несмотря на изменения, внесенные в избирательный закон 3 июня 1907 г., социал-демократам удалось провести в Третью думу 19 депутатов. Руководящую роль в социал-демократической фракции играли меньшевики Н.С. Чхеидзе и Е.П. Гегечкори. Н.Г. Полетаев, возглавлявший большевистское крыло, поддерживал связь с В.И. Лениным. Социал-демократы видели свою задачу в использовании думской трибуны только для критики правительства, поэтому голосовали подряд против всех законов.

Среди большевиков не утихали споры по поводу работы социал-демократической фракции в Третьей думе. Некоторые наиболее горячие головы считали, что социал-демократы роняют свое достоинство, участвуя в таком «реакционном» парламенте, как Третья дума. Они требовали отозвать фракцию из Думы, покинуть все легальные организации и сосредоточиться на подпольной работе. К «отзовистам» примыкали «ультиматисты». Считая тактику думской фракции слишком «оппортунистической» (недостаточно революционной), они требовали предъявить ей «ультиматум», а в случае невыполнения его — отозвать фракцию. Среди «ультиматистов» оказались такие видные большевики, как А.А. Богданов, М.Н. Лядов, А.В. Луначарский.

В.И. Ленин понимал, что время работы в глухом подполье далеко позади, а потому настаивал на сочетании легальных и нелегальных форм борьбы. Причем легальные организации (профсоюзы, кассы взаимопомощи и пр.) большевики старались предельно политизировать и превратить в «крышу» для подпольной работы. В конце концов Ленину удалось изолировать «отзовистов» и «ультиматистов», объединившихся в группу «Вперед». В 1912—1913 гг. эта группа фактически распалась.

Одновременно, играя на противоречиях, возникших в меньшевистской среде, Ленин попытался отсечь от социал-демократии одну из меньшевистских фракций и растворить

в большевизме другую. Такую цель преследовала партийная конференция в Праге в январе 1912 г. Правда, на нее явились далеко не все приглашенные. Зато она прошла столь же дружно и под диктовку Ленина, как и III съезд РСДРП. Меншевики-«ликвидаторы» (сторонники свертывания нелегальной партийной работы) были исключены из партии, однако с этим не согласились меньшевики-«партийцы» во главе с Плехановым — недавние противники «ликвидаторов». Поэтому в общем-то ленинский план не удался. Но с этого времени большевики и меньшевики окончательно разъединились.

К 1912 г. большевики уже оправились от послереволюционного потрясения, и ветер удачи вновь стал наполнять их паруса. В стране начался промышленный подъем. В города хлынула новая волна выходцев из деревни. Неустроенные, плохо знакомые с городской жизнью, они составляли самый беспокойный элемент и легко откликались на большевистскую пропаганду. В массе пришельцев тонули интеллигентные рабочие, являвшиеся социальной опорой меньшевизма. Большевистская газета «Правда», издававшаяся с 1912 г., и в Петербурге и в Москве доминировала над меньшевистским «Лучом». Чувствуя усиление своих позиций, большевистские лидеры рвали все организационные связи с меньшевиками. В 1912 г. в Четвертую думу было избрано 7 меньшевиков и 6 большевиков, которые первоначально образовали единую фракцию. На следующий год большевистская «шестерка» выделилась в отдельную фракцию.

«Ликвидаторское» течение в социал-демократии оформилось сразу же после окончания революции, а затем широко распространилось среди меньшевиков. «Ликвидаторы» считали, что третьеиюньский переворот не упразднил всех завоеваний революции и не вернул страну к старым порядкам. Более или менее свободно выходила оппозиционная пресса, действовала Дума, существовали профсоюзы, фактическую легализацию получили забастовки. В таких условиях, по мнению «ликвидаторов», партия должна выходить из подполья, отказываться от нелегальной работы, идти в профсоюзы, кооперативы, Думу, отстаивать в них интересы рабочего класса, учиться действовать в рамках законности — и учить этому рабочих. Идейними центрами «ликвидаторского» течения были московский журнал «Возрождение» и петербургский «Наша заря». Меншевистско-«ликвидаторскую» окраску приобрели два больших журнала «Образование» и «Современный мир», игравших заметную роль в литературной жизни тех лет. В числе «ликвидаторов» оказа-

лись видные меньшевистские лидеры — П.Б. Аксельрод, А.Н. Потресов, Ф.И. Дан, В.О. и С.О. Цедербаумы (братья Ю.О. Мартова).

Сравнительно малочисленные меньшевики-«партийцы» группировались вокруг Г.В. Плеханова, который в эти годы резко разошелся с некоторыми бывшими соратниками. Сторонники Плеханова настаивали на сохранении нелегальных организаций и революционного подполья. Мартов старался примирить обе спорящие стороны и преодолеть возникшее разделение. Считая, что государственные преобразования в России зашли не очень далеко и фактически остановились, он говорил о неизбежности новой буржуазно-демократической революции. В связи с этим он полагал преждевременным полный отказ от нелегальных организаций и революционных форм борьбы, но призывал полностью отказаться от экспроприаций и других подобных действий.

Таким образом, в послереволюционные годы в меньшевистском руководстве произошли перестановки. Плеханов, наиболее авторитетный лидер, обособился с небольшой группой своих приверженцев. Мартов же, второй по влиятельности руководитель, занял центральное положение. С большим трудом он сумел удержать меньшевиков, хотя бы формально, в рамках одной партии. Не удалось, однако, исполнить свою мечту — создать в России на основе меньшевистского течения широкую, демократически организованную рабочую партию по западноевропейскому образцу. Кризис в партии меньшевиков продолжался и в годы нового революционного подъема на фоне усиления большевиков.

Третьеиюньский государственный переворот партия эсеров восприняла как полный возврат к старому строю. В связи с этим было решено бойкотировать выборы в Третью думу и усилить боевую работу, однако эсеры вскоре постигла катастрофа.

В конце 1908 г. был разоблачен провокатор Е.Ф. Азеф, один из основателей партии и руководитель ее «Боевой организации».

ЦК партии долго отказывался признать, что Азеф — провокатор. Убедил его только сам Азеф, скрывшийся неизвестно куда. Самым непонятным было то, что отнюдь не все покушения, организованные Азефом, кончались провалом. Достаточно вспомнить убийства Плеве и великого князя Сергея Александровича. Существует версия, что оба были убиты по сговору Азефа с начальником заграничной агентуры П.И. Рачковским.

И в последующие годы охранка продолжала засылать своих агентов в революционные партии. Особым вниманием стали пользоваться большевики. Агенты полиции были в числе социал-демократических депутатов Третьей и Четвертой думы, в редакции «Правды». Один из провокаторов, Р.В. Малиновский, стал членом большевистского ЦК.

После провала Азефа эсеры попытались возродить свою «Боевую организацию», но безуспешно. Фактически партия прекратила индивидуальный террор. Аграрный террор прекратился сам собой — вместе с резким спадом крестьянского движения и началом столыпинской аграрной реформы. Партия оказалась в жесточайшем кризисе. Постепенно, однако, в ней стало зарождаться более реалистическое направление, связанное с деятельностью таких видных эсеров, как Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков, С.Н. Слётов. Они высказывали сомнения в целесообразности террора и предлагали сосредоточиться на легальной деятельности — в профсоюзах, в бурно развивавшейся в эти годы крестьянской кооперации.

После окончания революции происходил процесс быстрого распада и разложения анархистских групп и организаций. В стране орудовали шайки грабителей («Кровавая рука», «Лига красного шнура», «Черные вороны», «Мстители» и др.), выдававшие себя за «идейных» анархистов. С другой стороны, настоящие анархистские организации быстро исчезали. Если в 1908 г. действовало 108 групп анархистов в 83 населенных пунктах, то в 1909 г. их насчитывалось уже 57 в 44 городах, в 1910 г. — 34 группы, в 1911 г. — 21, в 1912 г. — 12, в 1913 г. — 9 и в 1914 г. — 7 групп. Накануне войны группы анархистов сохранились в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Харбине и других городах. Активно действовала анархистская эмиграция. В конце 1913 г. в Лондоне прошла конференция анархистов-коммунистов. Таким образом, анархистское движение в России полностью не сошло на нет и сохраняло шансы возродиться в условиях нового обострения внутривойсковой обстановки.

В первую мировую войну Россия вступила с грузом нерешенных проблем, с назревающим революционным кризисом. Однако в первые месяцы войны наблюдалась небывалая консолидация русского общества. Почти совершенно прекратились забастовки. В столицах и других городах прошли патриотические манифестации. Крестьянские общества принимали решения собрать урожай для тех семейств, из которых все работники ушли в армию.

26 июля 1914 г. состоялась чрезвычайная сессия Четвертой думы. Обсуждая военный бюджет, депутаты и министры

продемонстрировали редкое единодушие. От имени «Трудовой группы» с призывом отстоять русскую землю и культуру от германского нашествия выступил А.Ф. Керенский. Только две социал-демократические фракции заняли иную позицию. В совместном заявлении большевиков и меньшевиков говорилось, что ответственность за войну «несут правящие круги всех воюющих стран». В декларации содержался призыв к «международной солидарности трудящихся всего мира». В момент голосования за военные кредиты социал-демократы вышли из зала.

В.И. Ленин одобрил этот демарш, но декларацию счел недостаточно четкой и последовательной. Он пришел к выводу, что война с обеих сторон носит империалистический, захватнический характер. Поэтому, утверждал Ленин, надо бороться за превращение империалистической войны в гражданскую, за то, чтобы солдаты повернули штыки в другую сторону и пошли против собственной буржуазии. Тогда же Ленин выдвинул очень рискованный лозунг поражения своего правительства.

Попытки Ленина вынести свои идеи на арену международного социалистического движения большого успеха не имели. Ему удалось найти общий язык лишь с некоторыми крайне левыми социалистическими группировками в нейтральных странах. Но в большевистской партии ленинские идеи господствовали безраздельно.

2 ноября 1914 г. в Озерках, близ Петрограда, состоялось совещание большевиков, в котором участвовали пятеро членов Четвертой думы (А.Е. Бадаев, М.К. Муранов, Г.И. Петровский, Ф.Н. Самойлов и Н.Р. Шагов), а также представитель ЦК Л.Б. Каменев (Розенфельд). Нагрянула полиция и захватила документы. В условиях войны депутатский иммунитет не помог. 10—13 февраля 1915 г. состоялся суд. Пятеро депутатов держались мужественно, а Каменев, опасаясь смертного приговора, начал отрещиваться от лозунгов своей партии. Все подсудимые были приговорены к ссылке в Сибирь.

Совершенно иную позицию по вопросу о войне занял Г.В. Плеханов. Считая Германию зачинщицей и главной виновницей войны, он призывал рабочий класс «всеми силами, всем сердцем и всем помышлением» поддержать вооруженную борьбу с прусским юнкерством. Военное поражение, писал он, превратит Россию в германскую колонию. Такие же мысли высказывал вождь анархистов П.А. Кропоткин.

Некоторые меньшевики заняли более осторожную позицию. А.Н. Потресов выдвинул иную, более нейтральную формулу — «непротиводействие войне». С правительством нам не по пути, говорили меньшевики, но мешать ему вести войну мы не будем.

На позициях, близких к ленинским, в ту пору оказался лидер эсеров В.М. Чернов, хотя далеко не вся партия разделяла его воззрения. Например, С.Н. Слётов поступил добровольцем во французскую армию и пал на полях сражений.

Внутри страны в эти годы большевики и эсеры находились в глубоком подполье, а меньшевики старались продолжать свою деятельность в оставшихся еще профсоюзах, кассах взаимопомощи, в легальной печати. В отличие от большевиков и эсеров, меньшевики не отказались от выборов в «рабочие группы» военно-промышленных комитетов. К февралю 1917 г. такие группы были созданы в 58 городах и рабочих поселках. В некоторых городах (Харькове, Баку, Нижнем Новгороде, Саратове) рабочие под влиянием большевистской агитации отказались участвовать в выборах.

Председателем «рабочей группы» при Центральном военно-промышленном комитете стал рабочий телефонного завода, меньшевик К.А. Гвоздév. «Рабочие группы» вели значительную работу на фабриках и заводах, стараясь улаживать трудовые конфликты и в меру сил защищая интересы трудового народа. Слишком часто они, однако, наталкивались на непонимание и противодействие со стороны властей, предпринимателей и большевистски настроенных рабочих. Февральскую революцию 1917 г. Гвоздév и его товарищи встретили в Петропавловской крепости.

Партии социалистической ориентации были важной составной частью спектра политических сил в России в начале XX в. Сужение или расширение этой части мало зависело от интенсивности полицейской деятельности, которая оставалась более или менее постоянной величиной. Гораздо сильнее действовали другие факторы. Общациональный кризис, доведенный правительством до социального взрыва (как, например, в 1905 г.), вызывал резкое увеличение красной части спектра. Очередной виток индустриализации и урбанизации (в конце XIX в., перед мировой войной или во время ее) делал красный цвет более интенсивным. И наоборот, в период сравнительно спокойный, свободный от таких драматических перемен (как в первые послереволюционные годы), красная полоса суживалась и заметно желтела.

Глава 2

Последний рубеж

§ 1. Третья Государственная дума и П.А. Столыпин. «Вперед на малом тормозе»

Третья Государственная дума стала первой, проработавшей весь положенный ей пятилетний срок. Она была созвана 1 ноября 1907 г., и ее состав оказался несравненно более консервативным, чем у предшественников. Численность депутатского корпуса была законодательно сокращена. Из 442 мест 146 получили правые, 155 — октябристы и близкие им группы, 108 — кадеты и сочувствующие, 13 — трудовики и 20 — социал-демократы. Думским центром оказалась партия «Союз 17 октября», а председателем был избран октябрист Н.А. Хомяков. В марте 1910 г. его сменил лидер партии А.И. Гучков, а через год главой парламента был избран октябрист М.В. Родзянко, ставший затем председателем и Четвертой думы (1912—1917).

Третьедумский период — время поисков модели сосуществования, изыскания компромисса между традиционными методами управления и новыми реалиями политической жизни, между правительством и депутатским корпусом. Большинство избранных уже не смотрело на Совет министров как на «шайку преступников», не воспринимало существующую государственную систему как «темное царство», которое надлежало разрушить до основания. Поиск взаимодействия, изыскания форм конструктивного сотрудничества не были простыми и легкими. Немало за это пятилетие было острых моментов, взаимного непонимания, отражавшего старые предубеждения. Свой взгляд на работу законодательного органа сформулировал царь. Принимая 6 января 1908 г. в Большом Царскосельском дворце 300 депутатов (группы правых и центра), он сказал: «Помните, что вы созданы Мною для разработки нужных России законов и для содействия Мне в деле укрепления у нас порядка и правды. Из всех законопроектов, внесенных по Моим указаниям в Думу, Я считаю наиболее важным законопроект об улучшении земельного устройства крестьян и напоминаю о Своих неоднократных указаниях, что нарушение чьих-либо прав собственности никогда не получит Моего одобрения; права собствен-

ности должны быть священны и прочно обеспечены законом»

Правительство подготовило целую серию законопроектов, которые и стали предметом обсуждения. Они касались широкого круга вопросов, охватывавших в той или иной степени все стороны жизни страны и нацеленных на постепенное реформирование традиционных экономических укладов и социальных структур. Центральным среди них был острейший вопрос — аграрный. В этот чрезвычайный момент на авансцене русской истории появилась мощная фигура Петра Аркадьевича Столыпина, ставшая ярким символом правительственной власти в последнее десятилетие существования монархии.

О министре-реформаторе писали много и часто. Его личность, его деятельность были в центре общественного интереса и тогда, когда он жил и действовал, и все последующие десятилетия после его кончины. Дискуссии о П. А. Столыпине особенно обострились в конце нашего века, в период переосмысления русской истории XX в. Вариации на темы того, «чего он хотел», «что он успел», «что он умел» и «что он мог», сделались необычайно модными. Выводы и заключения, многие из которых мало сопряжены с реалиями русской жизни начала века, в большинстве случаев носят полярный характер.

Как человека и политика П. А. Столыпина отличали два основных качества, присущих далеко не всем даже в высших коридорах власти, не говоря уже о представителях пресловутой «общественности»: вера в Бога и любовь к России. Он был истинным русским православным человеком, готовым во имя блага Отечества пойти на любые жертвы. И в конце концов он принес самую высокую из возможных: собственную жизнь.

Это был русский консерватор новой формации, понимавший, что для защиты исконных государственных начал, в первую очередь самодержавия, надлежит не только демонстрировать силу, «давить и не пущать», необходимо изменить социальную природу общества, создать массу крепких собственников-хозяев, которые стали бы естественной базой социального умиротворения. Он никогда не сомневался, что авторитаризм (самодержавие) и Россия — вещи неразрывные, что все серьезные преобразования можно проводить лишь сильной, властной и честной рукой, что введение правового строя — процесс длительный и сложный, требующий многолетних, постоянных усилий сверху, поддержки и понимания снизу.

Ему многое удалось сделать, но многое осталось и нереализованным, так как за те пять лет, с середины 1906 г. до середины 1911 г., что он играл вторую роль в государстве, добиться качественной перестройки всего громоздкого государственного здания было невозможно. Для этого нужны были десятилетия целенаправленной работы государственных органов, общественных организаций. Требовалось не просто осуществить программу реорганизации хозяйственной деятельности, необходимо было создать условия для возникновения нового социокультурного типа крестьянина — агрария, сформированного не в уравнилельно-перераспределительной атмосфере русской общины, а являвшегося полноправным элементом рыночной экономики, носителем и субъектом права в европейском его понимании. Эта грандиозная задача была рассчитана на длительную перспективу, и не вина П. А. Столыпина, что история России этого срока ему не предоставила.

Родился Петр Аркадьевич Столыпин в 1862 г. в родовитой дворянской семье, и детство провел в имении Средникиво под Москвой, а затем в родительском имении Колноберже под г. Ковно (Каунас) в Западном крае. Окончил гимназию в г. Вильно (Вильнюс) и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который окончил с отличием. С 1884 г. начал службу в Министерстве земледелия и государственных имуществ, где работал в департаменте земледелия. В 1889 г. перешел на службу в Министерство внутренних дел, получив назначение Ковенским уездным предводителем дворянства. Эта служба дала ему первый значительный административный опыт и близко познакомила с проблемами и нуждами сельского хозяйства. Его работоспособность, честность, открытость нравились далеко не всем, но большинство дворянства и местной администрации относились к нему с симпатией. В 1899 г. он получил должность Ковенского губернского предводителя дворянства, а в 1902 г. назначается Гродненским губернатором. В следующем, 1903 г., П. А. Столыпин занял пост Саратовского губернатора. В этой должности он встретил революционные волнения 1905 г., которые не миновали и Поволжье. Его деятельность по прекращению беспорядков в Балашовском уезде, когда он один вышел к толпе и утихомирил разбушевавшуюся массу, стала широко известна.

26 апреля 1906 г. П. А. Столыпин был назначен министром внутренних дел, а 8 июля — председателем Совета министров. Этот невероятный взлет был достаточно необычным для бюрократического Олимпа.

Тема П.А. Столыпин и Николай II является чрезвычайно важной для понимания сложных политических коллизий отечественной истории начала XX в. Вокруг этого сюжета существует множество идеологически и политически ангажированных спекуляций и конъюнктурных умозаключений, нацеленных на подтверждение или опровержение тех или иных мировоззренческих концепций. Многие уверены, что царь лишь «терпел» своего премьера, что не позволял ему действовать смело и решительно, что падение Столыпина было предопределено еще до его гибели, что монарх оказался под влиянием «придворной камарилы», стремившейся уничтожить все нововведения и отказаться от курса перемен, олицетворяемых П.А. Столыпиным. При этом игнорируется одна очевидность: сановник оставался на своих постах **исключительно** благодаря поддержке императора, который, вне зависимости от личных симпатий и антипатий, видел глубокий смысл и необходимость осуществлять намеченные мероприятия в хозяйственной и социальной областях.

П.А. Столыпин, в отличие от других высших чиновников, никогда не позволял себе никаких нелицеприятных для самодержца высказываний даже в самом узком кругу. Это был истинный русский монархист, один из последних в петербургских коридорах власти, для которого воля монарха и воля России являли одно целое. Он был абсолютно искренен, когда летом 1906 г. заверял Николая II в письме: «что жизнь моя принадлежит Вам, Государь, что все помыслы мои, стремления мои — благо России; что молитва моя ко Всевышнему — даровать мне высшее счастье: помочь Вашему Величеству вывести нашу несчастную Россию на путь законности, спокойствия и порядка».

Будучи просвещенным и целеустремленным политиком, П.А. Столыпин понимал, что реформы необходимы и неизбежны. Он видел дальше, острее осознавал причинно-следственные связи проблем, чем многие современники. Девиз премьера был прост и в тех условиях логичен: сначала успокоение, а затем перемены. Однако откладывать назревшие изменения было невозможно и реформы приходилось осуществлять в атмосфере не утихающих беспорядков. Хотя с 1907 г. волна насилия в стране пошла на спад, но не прекратилась. По неполным данным, с января 1908 г. по май 1910 г. отмечено 19 957 случаев террористических актов и экспроприаций, от которых пострадало по всей империи 7634 человека (в 1905—1907 гг. в результате деятельности революционных террористов убито и ранено не менее 9000 человек).

Главная и основная задача состояла в принципиальной реорганизации землепользования и землевладения крестьянства. П.А. Столыпин давно уже видел пагубность существования общины. Еще будучи Саратовским губернатором, он писал во всеподданнейшем отчете за 1904 г.: «У русского крестьянина — страсть всех уравнивать, всех привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого способного, самого деятельного и умного, то лучшие элементы должны быть принижены к пониманию, к устремлению худшего, инертного большинства. Это видится и в трудности привить к общинному хозяйству сельскохозяйственные улучшения и в трудности часто наладить приобретение всем обществом земли при помощи Крестьянского банка, так что часто расстраиваются выгодные для крестьян сделки».

Неблагоустройство значительной части крестьянства давно уже заботило и Николая II. Когда осенью 1905 г. возник кабинет С.Ю. Витте, император поставил перед ним главную задачу: улучшить положение крестьян. На заседании Совета министров 3 ноября 1905 г. глава правительства предложил избавить крестьян от выкупных платежей. Царь заявил, «что находит меру совершенно недостаточною», и решительно высказался за переход от слов и обещаний к крупным мерам «по улучшению положения крестьян, не теряя времени, так, чтобы крестьянство убедилось, что о нем правительство фактически заботится», и призвал для достижения этой цели «не стесняться жертвами и не останавливаться перед самыми сильными мерами». Кабинету С.Ю. Витте не удалось принять никаких «сильных мер», хотя предварительная работа в этой области велась и в 1905 г., и в начале 1906 г. Когда же собралась Первая Государственная дума, то сразу выяснилось, что резерва времени у власти уже больше нет. Ношу трудоемкого реформирования крестьянского землеустройства принял на себя кабинет П.А. Столыпина и особенно его глава.

Надлежало решить две тесно взаимосвязанные организационно-правовые и экономические проблемы. Во-первых, снять все необоснованные и архаичные юридические ограничения прав крестьянства и, во-вторых, создать условия для развития частного мелкого аграрного хозяйства. Сохранение власти общины вело к упадку крестьянского сельскохозяйственного производства, способствовало нищете самой многочисленной группы населения.

Столыпинская реформа в большинстве случаев реализовывалась царскими указами, что гарантировало оперативность ее проведения. Она базировалась на принципе непри-

косновенности частной собственности на землю, которая не могла ни в какой форме насильственно отчуждаться. 12 августа 1906 г. последовал указ о передаче Крестьянскому банку сельскохозяйственных удельных земель (собственность императорской фамилии); 27 августа — о порядке продажи казенных земель; 19 сентября — о порядке продажи крестьянам казенных земель на Алтае (собственность императора); 19 октября — о разрешении Крестьянскому банку выдавать крестьянам ссуды под залог наделной земли, чем признавалась крестьянская личная собственность на землю. Этими решениями был создан национальный земельный фонд, позволявший развернуть широкую программу переселения земледельцев из зон аграрного перенаселения (главным образом, губерний центральной части Европейской России) на Восток.

Вслед за этим последовало несколько законодательных актов, изменявших юридический и правовой статус крестьянства: 5 октября 1906 г. — указ об отмене всех сохранившихся ограничений для крестьянского сословия; оно было уравнено в правах со всеми гражданами в отношении государственной и военной службы, обучения в учебных заведениях. И наконец, 9 ноября 1906 г. последовала самая важная в этом ряду мера — был издан указ о раскрепощении общины. Каждый крестьянин получал право свободного выхода из общины вместе со своим, укрепленным в личную собственность наделом, который принадлежал ему до того на правах временного владения. Крестьянин и раньше имел право выделиться из общины, но лишь с согласия «мира» и после выплаты выкупных платежей. Теперь же положение изменилось.

Указ 9 ноября 1906 г. свидетельствовал о том, что власть отказалась от старой политики сохранения общины и перешла к поддержке мелкого частного собственника. Это была довольно жесткая линия, начисто лишенная тех благотворительно-патерналистских начал, на которых длительное время строилось отношение государства с крестьянством. Подобная мера неизбежно вела к резкому усилению дифференциации сельского населения, к разорению части его. Однако это было необходимо в новых условиях хозяйственной деятельности, когда полноценным субъектом рыночной экономики мог стать лишь выдержавший испытание жестокой конкурентной борьбой хозяин.

С первых дней своего премьерства П.А. Столыпин стремился решить важную политическую задачу — привлечь в состав правительства некоторых деятелей не из бюрократической среды, придерживающихся умеренной позиции. Ве-

лись переговоры, происходили встречи, но добиться результатов не удалось. Как и в случае с кабинетом С.Ю. Витте, общественные деятели обставляли свое вхождение в правительство таким количеством оговорок и условий, которые власть принять не могла в силу исторической традиции и законов, по которым правительство назначалось исключительно царем и несло ответственность только перед ним. Но попытки эти продолжались с полного одобрения императора и при его непосредственном участии. Летом 1906 г. Николай II писал главе правительства: «Принял Львова, Гучкова. Говорил с каждым по часу. Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т.е. государственного управления, в особенности Львов. Поэтому приходится отказаться от старания привлечь их в совет. мин. Надо искать ближе». Через несколько дней, возвращаясь к той же теме и поясняя свою позицию, царь заметил: «Мне известно о пущенном слухе, будто я переменял свое мнение о пользе привлечения людей со стороны, что, разумеется, не так. Я был против вступления **целой группы** лиц с какой-либо программой». Глава кабинета пользовался в этот период полной симпатией и поддержкой монарха. В октябре 1906 г. в письме матери Николай II заметил: «Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю. Старик Горемыкин дал мне добрый совет, указавши на него. И за то спасибо ему».

Деятельность кабинета П.А. Столыпина вызывала острую критику со всех сторон. Левые поносили правительство, прекрасно понимая, что реорганизация экономической и социальной среды, создание массового слоя мелких собственников подрвут их влияние и сведут на нет все их попытки заручиться общественной поддержкой для свержения самодержавного строя. Либералы, в первую очередь кадеты, казалось бы, должны были быть целиком на стороне реформатора, политика которого содействовала буржуазной трансформации страны, однако, соглашаясь на словах с необходимостью преобразований, на деле, в силу традиции российского либерализма, не могли принять и одобрить меры, инициированные исторической властью. Главный рупор кадетской партии газета «Речь» почти в каждом номере публиковала резко критические, а порой и просто оскорбительно-разносные материалы о правительстве и его главе. Не отставали от кадетского официоза и многие другие издания в Петербурге, Москве и некоторых провинциальных городах.

Консерваторы то же в значительной своей части были настроены скептически, а многие и откровенно враждебно к

стольпинскому курсу. Их не устраивало то, что премьер «заигрывал» с либералами, покушался на вековой уклад российской жизни, собирался разрушить «исконную Россию». С первого дня существования кабинета П. А. Столыпина правые элементы плодили слухи о скором падении правительства, о том, что премьер потерял расположение государя, о деловой непригодности главы правительства и т.д.

Но непредвзятые наблюдатели не могли не видеть административных способностей Петра Аркадьевича. Он обладал огромной работоспособностью, умением кратко и ясно излагать свою мысль, внимательно и заинтересованно слушать и слышать специалистов и знатоков. Сильное впечатление производили его целеустремленность, искренняя заинтересованность в успехе общего дела и благе России. При нем правительство перестало напоминать дискуссионный клуб, а стало единым и дееспособным органом управления. Он не боялся вызовов оппозиционеров и нападок откровенных врагов, смело поднимался на трибуну Государственной думы, излагая и разъясняя политику правительства, стремясь заручиться пониманием и поддержкой. Столыпин стал первым главой кабинета, которому приходилось выполнять сложную и неблагоприятную роль публичного защитника и пропагандиста политики власти.

Первая программная речь П. А. Столыпина прозвучала перед депутатами Второй Государственной думы 6 марта 1907 г. Этого выступления ждали кто с опасением, кто со злорадством, а кто с интересом. Еще были свежи в памяти воспоминания, связанные с неудачным дебютом И. Л. Горемыкина на заседании Первой думы в начале мая 1906 г., которого ошкалили, затопали и захлопали. Министр финансов, а позднее премьер В. Н. Коковцов описал в своих воспоминаниях историческую «стольпинскую премьеру», очевидцем которой был. Сидевший рядом с ним министр императорского двора барон В. Б. Фредерикс был поражен вниманием, с которым депутаты прослушали речь П. А. Столыпина, по окончании которой даже раздались аплодисменты. Влиятельный сановник не удержался и заметил, что «это странно», и высказал предположение, что «Дума как будто одобряет правительство, а между тем все были убеждены в том, что будет то же самое, как при Горемыкине». Но это была преждевременная надежда, и «громы и стрелы» полетели в адрес администрации через несколько минут после того, как П. А. Столыпин покинул думскую трибуну.

Для премьер-министра подобная реакция не была неожиданной; он, зная о преобладающих политических пристрасти-

ях депутатов Второй думы, не питал радужных надежд. Однако речь свою составил в деловом, конструктивном тоне, лишенном полемической риторики. Спокойно и обстоятельно обрисовал главные пункты программы правительства и очертил основные направления дальнейшей деятельности на пути превращения России в правовое государство. П.А. Столыпин считал, что главным в комплексе проводимых мер являются законы об устройстве быта крестьян. На рассмотрение Государственной думы были вынесены все те решения власти, которые реализовались в форме царских указов в соответствии со статьей 87 «Основных законов...».

Вниманию депутатов были предложены и некоторые законопроекты более общего характера, вытекающие из положений Манифеста 17 октября 1905 г.: о веротерпимости, о пересмотре временных правил о печати, о равноправии всех граждан, о неприкосновенности личности, о реорганизации местного самоуправления, о реформировании суда, о пересмотре рабочего законодательства и некоторые другие. Заканчивая выступление, глава кабинета сказал: «Изложив перед Государственной думой программу законодательных предположений правительства, я бы не выполнил своей задачи, если бы не выразил уверенности, что лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей родины». Но приглашение к сотрудничеству услышали во Второй думе лишь немногие.

Несмотря на враждебный характер многих речей, П.А. Столыпин за три с небольшим месяца существования Второй думы неоднократно выступал перед депутатами, стараясь пояснить позицию правительства. Особой заботой и попечением премьера пользовалась аграрная программа. Выступая 10 мая 1906 г., П.А. Столыпин заметил: «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!» Делового сотрудничества со Второй думой не получилось. В Третьей Государственной думе правительство имело солидную поддержку, которую обеспечивали октябристы и наци-

оналисты. Лидер октябристов А.И. Гучков несколько лет был ближайшим союзником П.А. Столыпина. Кадетская партия в этот период тоже заметно поправела. Некоторые видные представители интеллигенции вообще публично отмежевались от левого крена в стратегии и тактике российского либерализма.

В 1909 г. группа известных деятелей издала сборник статей под названием «Вехи», в котором, исходя из уроков революции, переосмысливала свои мировоззренческие ориентиры, критически оценивая так называемое «освободительное движение» и роль интеллигенции в нем. Это издание вызвало сильный общественный резонанс как из-за известности имен авторов (П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, С.Л. Франк, Б.А. Кистяковский, М.О. Гершензон), так и в силу постулирования ими невероятной для «прогрессивной общественности» мысли о недопустимости социальной революции. Авторы заявляли о пагубности социальной политической борьбы, которая в условиях России может привести лишь к хаосу, анархии и распаду «всего сущего». Наиболее беспощадная оценка интеллигенции была дана в статье литературоведа и публициста М.О. Гершензона, восклицавшего: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Первая сессия Третьей Государственной думы прошла в атмосфере спокойной работы, взаимопонимания с правительством. Отдельные попытки левых и кадетов разжечь конфликты по некоторым малозначительным поводам окончились неудачей, так как большинство не хотело конфронтации с властью. В центре работы Думы оказался аграрный вопрос. В соответствии с законом надлежало утвердить указ от 9 ноября 1906 г., вступивший в силу с 1 января 1907 г. Этот закон, одобренный и дополненный думской земельной комиссией, начал обсуждаться на общей сессии 23 октября 1908 г. Записалось выступить 213 депутатов — около половины всего депутатского корпуса. Если бы не факт реального существования этого закона, то было мало надежд на проведение его через Думу. Многие из числа правых были противниками аграрного переустройства и в конечном итоге голосовали «за», чтобы только поддержать решение монарха.

Выступая перед Думой 5 декабря 1908 г., П.А. Столыпин говорил: «Была минута, и минута эта недалеко, когда вера в будущее России была поколеблена, когда нарушены были

многие понятия; не нарушена была в эту минуту лишь вера в царя, в силу русского народа и русского крестьянина. Это было время не для колебаний, а для решений. И вот, в эту тяжелую минуту, правительство приняло на себя большую ответственность, проводя в порядке ст. 87 закон 9 ноября 1906 г., оно делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных. Таковых в короткое время оказалось около полу-миллиона домохозяев, закрепивших за собой более 3 200 000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей в России большинство». Но обсуждения этого закона в Думе растянулись на годы и он был окончательно одобрен и опубликован лишь 14 июня 1910 г., хотя фактически действовал более трех с половиной лет.

За пять лет существования Третья Государственная дума приняла ряд важных законопроектов в области народного просвещения, укрепления армии, местного самоуправления. П.А. Столыпин в общем был удовлетворен ходом государственных преобразований и осенью 1909 г. в интервью саратовской газете «Волга» еще раз подчеркнул стратегическую цель преобразований: «Я полагаю, что прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкого землевладельца, и когда эта задача будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность... Эта великая задача наша — создание единоличного собственника, надежнейшего оплота государственности и культуры, — неуклонно проводится в жизнь».

§ 2. Историческое значение столыпинской аграрной реформы

Столыпинская аграрная реформа — понятие условное, ибо она не составляет цельного замысла и при ближайшем рассмотрении распадается на ряд отдельных мероприятий. Не совсем правильно и название реформы, так как Столыпин не являлся ни автором ее основных концепций, ни разработчиком. Хотя у него были и свои собственные идеи.

Будучи саратовским губернатором, Столыпин предлагал создавать крепкие крестьянские хозяйства на землях, купленных при поддержке Крестьянского банка. Процветание этих хозяйств должно было стать примером для окружающих крестьян, которые, как надеялся Столыпин, постепенно отказались бы от общинного землевладения. Об ускоренной ломке общины в те времена Столыпин не помышлял.

Когда он возглавил Министерство внутренних дел, оказалось, что там на эту проблему смотрят несколько иначе. Власти уже не стремились сохранить общину, так как не считали ее оплотом порядка. В течение ряда лет группа чиновников под руководством товарища министра внутренних дел В.И. Гурко (сын героя русско-турецкой войны 1877—1878 гг) разрабатывала проект, который должен был осуществить крутой поворот в политике правительства.

В отличие от столыпинского замысла, проект Гурко предполагал создание хуторов и отрубов на наделных (крестьянских) землях, а не на банковских. Разница была существенной. Впрочем, не в создании хуторов и отрубов заключалась первоочередная цель проекта Гурко. Она заключалась в ускоренной ломке общины.

Проект предусматривал, что каждый член общины может заявить о своем выходе из нее и укрепить за собой свой чересполосный надел, который община отныне не вправе ни уменьшить, ни передвинуть. Зато владельцу разрешалось продать укрепленный надел кому угодно: хоть соседу, хоть крестьянину из другой общины. С агротехнической точки зрения такое новшество не сулило большой пользы, поскольку надел оставался чересполосным. Но оно способствовало расколу общины, особенно накануне передела земли.

Конечно, Столыпин не мог не считаться с работой, сделанной в министерстве до его прихода. Не мог он не считаться и с мнением помещиков. В мае 1906 г. собрался I съезд уполномоченных дворянских обществ. Чуть ли не в один голос дворяне потребовали ликвидации общины, которая сильно им насолила за два года революции. Столь же единодушно они выступили против наделения крестьян землей за счет помещиков.

Но обстановка в стране тогда была неопределенная. Давление дворян уравновешивалось давлением Думы и крестьянства. В конце августа 1906 г. Столыпин провел мероприятия по передаче Крестьянскому банку части государственных и удельных земель для продажи крестьянам. Тем самым он приступил к исполнению своего давнего замысла. По существу, выражаясь современным языком, речь шла о приватизации части государственных земель.

Гурко возражал против этих мероприятий. Он считал, что они оживят надежды крестьян на переход в дальнейшем помещичьей земли в их руки. К тому же Гурко подозревал Столыпина в намерении помочь крестьянам в этом деле. Такое мнение разделяли и другие помещики. В действительности Столыпин не допускал и мысли о полной ликвидации

помещичьего землевладения. Иное дело — частичное его ограничение. Так, он говорил, что не в крупном землевладении сила России. Большие имения отжили свой век. Их, как бездоходные, сами владельцы начали продавать Крестьянскому банку. Опора России не в них, а в царе.

В обстановке 1906 г. никто из министров не решился бы явиться к царю с предложением сделать отрезки от помещичьих латифундий. Столыпин, как видно, считал, что в таком предложении нет надобности, ибо частичное отчуждение помещичьих земель уже идет. Многие помещики, напуганные революцией, продают имения. Важно, чтобы Крестьянский банк покупал эти земли, разбивал на участки и продавал крестьянам. На банковских землях стали появляться крепкие фермерские хозяйства. До 1911 г. объем продаж ежегодно возрастал, а затем начал снижаться. Это объяснялось тем, что у помещиков прошел вызванный революцией испуг и они сократили продажу своих земель. Всего за 1907—1915 гг. из фонда банка было реализовано 3909 тыс. дес., разделенных примерно на 280 тыс. отдельных участков. Деятельность Крестьянского банка заняла хотя и видное, но все же второстепенное место в аграрной политике правительства. Однако именно это направление было наиболее близко Столыпину.

Главной в аграрной реформе стала реализация проекта Гурко, который лег в основу указа 9 ноября 1906 г. Гурко вскоре ушел в отставку, но Столыпин постепенно проникся его проектом и усвоил его основные идеи. «Надо вбить клин в общину», — говорил он. Указ 9 ноября 1906 г. был одобрен III Думой и Государственным советом, 14 июня 1910 г. его подписал царь. Закон 14 июня 1910 г. заменил указ 9 ноября 1906 г.

Пока шла революция, крестьяне почти не выходили из общины. Ходил слух, что тем, кто выйдет, не будет прирезки земли от помещиков. Но затем укрепление общинных земель пошло быстрее, тем более что власти всячески к этому подталкивали. В 1908 г. по сравнению с 1907 г. число укрепившихся домохозяев увеличилось в 10 раз и превысило полмиллиона. В 1909 г. был достигнут рекордный показатель — 579,4 тыс. домохозяев.

Однако с 1910 г. число выходов из общины стало неуклонно снижаться. Власти долго не могли понять причины этого явления. А поняв, не хотели их признать. Дело в том, что основная часть крестьян, в том числе зажиточных, неохотно выходила из общины. Выходили больше всего вдовы, одинокие старики, спившиеся и окончательно разорившиеся

домохозяева, многим из них при очередном переделе грозила полная или частичная утрата надела. Укреплялись и городские жители, вспомнившие, что в родной деревне у них есть заброшенный надел, который теперь можно продать. Выходили из общины и те, кто переселялся в Сибирь. Но и численность переселяющихся с 1910 г. пошла на убыль.

Всего к 1 января 1916 г. из общины в чересполосное укрепление вышло около 2 млн. домохозяев (примерно 21% общинного крестьянства в тех губерниях, где проводилась реформа). Правда, многие из них были лишь статистическими единицами, а не реальными хозяевами. Всем им принадлежало 14, 1 млн. дес. земли (15,5% всей площади, владевшейся на общинном праве).

Огромное количество укрепленной земли шло в продажу. Покупателем иногда являлось сельское общество, и тогда земля возвращалась в мирской котел. Чаше же укрепленные участки покупали отдельные крестьяне-общинники, богатые и средние. Иногда и бедняки покупали по одной-две полосы. Нередко в руках одного и того же хозяина оказывались и укрепленные и общественные земли. Не выходя из общины, он в то же время имел и укрепленные участки. Земельные отношения в деревне еще больше запутывались.

Стремясь привлечь на свою сторону крепких домохозяев, тяготившихся общинными порядками, правительство разработало законопроект «О землеустройстве». 29 мая 1911 г. он стал законом. Отныне во главу угла всей реформы было поставлено не чересполосное укрепление, а образование хуторов и отрубов. Предполагалось, что их владельцы станут массовой опорой режима. По просьбе домохозяина его разрозненные земельные полосы могли быть соединены в одно место. Так получался отруб. Если к отрубам присоединялась площадь деревенской усадьбы и на него переиосилось жилье, он превращался в хутор. Потребовался большой объем землеустроительных работ. Реформа постепенно стала переходить из рук Министерства внутренних дел в руки Главного управления землеустройства и земледелия.

Землеустроительное ведомство пошло по линии наименьшего сопротивления. Оно предпочитало не заниматься выделами отдельных домохозяев, а разбивать на отруба или хутора надел целого сельского общества. Согласие на такой раздел нередко достигалось путем грубого давления. Началась массовая фабрикация хуторов и отрубов. В общем потоке землеустройства и беднота с ее крошечными наделами. Около половины хуторов и отрубов, созданных на втором этапе реформы, было нежизнеспособно.

Со смешанным чувством относился Столыпин к такому развитию. С одной стороны, он понимал, что только полное расселение на хутора окончательно ликвидирует общину. Крестьянам, рассредоточенным по хуторам, труднее бунтовать. С другой стороны, он видел, что вместо крепких, устойчивых хозяйств землеустроители фабрикуют массу мелких и слабых. Такие хозяйства не могли стать опорой режима. Однако Столыпину так и не удалось развернуть громоздкую машину землеустроительного ведомства, чтобы она действовала не так, как ей удобно, а как лучше для дела.

Всего за годы реформы в европейской части России было создано около 200 тыс. хуторов и 1,3 млн. отрубов на наделенных землях. На хутора и отруба перешло приблизительно 10% крестьянских хозяйств.

Действия землеустроителей нередко наталкивались на сопротивление крестьян. Иногда дело принимало трагический оборот. В мае 1910 г. полицейские стражники расстреляли сход в селе Волотове Лебедянского уезда Тамбовской губернии. Конфликт произошел из-за слишком явного покровительства отрубщикам со стороны властей в ущерб остальным крестьянам.

Мужики сопротивлялись переходу на хутора и отруба не по темноте своей и невежеству, как считали власти, а исходя из здравых соображений. Крестьянское земледелие очень зависело от капризов погоды. Получив надел в одном отрубе, крестьянин оказывался во власти стихии. Он разорялся в первый же засушливый год, если его отруб был на высоком месте. Следующий год был дождливым, и очередь разоряться приходила соседу, оказавшемуся в низине. Только большой отруб, расположенный в разных уровнях, мог гарантировать ежегодный средний урожай.

Вообще во всей этой затее с хуторами и отрубам было много надуманного, доктринерского. Сами по себе хутора и отруба не обеспечивали подъем крестьянской агрикультуры. Необходимость повсеместного их введения, строго говоря, никем не доказана. Между тем Столыпин и его сподвижники утвердились в мысли, что хутора и отруба — единственное универсальное средство, способное поднять уровень крестьянского хозяйства на всем пространстве необъятной России.

Несмотря на все старания правительства, хутора приживались только в белорусских, литовских и северо-западных российских губерниях (Псковской, Смоленской). Здесь сказывалось влияние Прибалтики и Польши. Местный ландшафт, изменчивый, изрезанный речками и ручьями, тоже способствовал расселению по хуторам.

В южных и юго-восточных губерниях широкому распространению хуторов препятствовали трудности с водой. Но здесь (на Северном Кавказе, в Степном Заволжье и Северном Причерноморье) довольно успешно развивалось насаждение отрубов. Плодородная степь, ровная, как стол, словно самой природой была создана для отрубного хозяйства.

В центрально-черноземных губерниях главным препятствием к образованию на общинных землях хуторов и отрубов было крестьянское малоземелье. Прежде чем насаждать хутора и отруба, здесь надо было решить именно эту проблему — отчасти за счет переселения в Сибирь, а отчасти и за счет раздутых помещичьих латифундий.

В нечерноземных губерниях на хутора и отруба смотрели, как на барскую затею, несущую крестьянину одно разорение. Общинное землевладение в этих краях тесно переплелось и срослось с развивающимися товарно-рыночными отношениями. И общину нельзя было разрушить, не повредив этих отношений. Местные крестьянские общества постепенно переходили к многопольным севооборотам и на «широкие полосы». Это укрепляло общину, и власти под разными предлогами стали запрещать такие переходы. Как говорится, коса нашла на камень: крестьяне сопротивлялись насаждению хуторов и отрубов, а правительство чуть ли не открыто препятствовало внедрению передовых систем земледелия. Некоторые крестьянские общества переходили к многополью и на «широкие полосы» самовольно, без официального приговора.

Игнорирование региональных различий — один из недостатков столыпинской аграрной реформы. Этим она невыгодно отличалась от реформы 1861 г. Другим ее слабым местом была идеализация хуторов и отрубов, а также вообще частной собственности на землю. Обычно в народном хозяйстве присутствуют различные формы собственности (частная, общественная, государственная). Важно, чтобы их сочетания и пропорции были разумными, чтобы ни одна из них не вытесняла другие.

Еще одно уязвимое место аграрной реформы заключалось в недостаточном ее финансировании. Огромные государственные средства поглощала гонка вооружений, а на поддержку хуторов и отрубов денег выделялось слишком мало.

Всего за годы реформы из общины вышло около 3 млн. домохозяев (чуть меньше третьей части от общей численности их в переделывающихся общинах европейской части России). Из общинного оборота было изъято 22 % земель, около половины из них пошло на продажу. В конечном итоге властям не удалось ни разрушить общину, ни создать достаточно

массовый и устойчивый слой крестьян-фермеров. Так что можно говорить об общей неудаче столыпинской аграрной реформы.

Но огульно отрицательное отношение к ней было бы несправедливо. Некоторые мероприятия, сопутствовавшие реформе, были полезны. Это касается предоставления крестьянам большей личной свободы (в семейных делах, передвижении и выборе занятий, в полном разрыве с деревней). Несомненно плодотворной была идея Столыпина о создании хуторов и отрубов на банковских землях, хотя она не получила достаточного развития. Приносили пользу и некоторые виды землеустроительных работ: устройство отрубов в южных губерниях, размежевание соседних общин в Нечерноземье. Наконец, в рамках реформы небывалого размаха достигло переселенческое движение.

После окончания революции, когда выяснилось, что прирезки помещичьей земли не будет, взоры российских крестьян устремились в Сибирь. Несмотря на спешное развертывание переселенческого дела, правительство едва справлялось с резко возросшим наплывом мигрантов. За 1906—1916 гг. в Сибирь уехало 3,1 млн. человек. В основном это были крепкие молодые люди, принесшие большую пользу Сибири. Были распаханы пустующие земли, появились новые города. Большинство переселенцев сумело устроиться на новом месте, завести более прочное, чем на родине, хозяйство.

Не всех, однако, встречала удача. Особенно в трудном положении оказывались те, кто получал участок в лесных и заболоченных местностях. Многие переселенцы, растратив в борьбе с природой и жизненными обстоятельствами все силы и средства, вернулись в родные места, где у них уже не было ни надела, ни дома. В течение 1906—1911 гг. возвратилось более полумиллиона человек. Поток возвратившихся особенно возрос с 1910 г.

Обеспокоенный этим, П.А. Столыпин в 1910 г. совершил поездку в Сибирь. Он побывал в предгорьях Алтая, проехал через Кулундинскую степь, посетил переселенческие поселки в Марининской тайге. С особым интересом осматривал он маслодельные заводы, созданные крестьянскими артелями. Маслоделне в те времена было предметом гордости сибиряков. Экспорт масла из России основывался на сибирском маслоделии. Только в 1907 г. было вывезено 3,6 млн. пудов масла на сумму 47 млн. руб., главным образом из Сибири. Сибирское маслоделие давало России золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность.

Ознакомившись на месте с постановкой переселенческого дела, Столыпин пришел к выводу, что оно находится под слишком жестким бюрократическим контролем. Правительственные чиновники, полагал он, не должны вмешиваться в хозяйственные дела переселенца. Они обязаны лишь в необходимых случаях приходить к нему на помощь. По инициативе Столыпина был начат пересмотр законодательства о переселенцах.

Многие сибирские промышленники жаловались, что часто попадают в безвыходное положение, не имея возможности купить тот участок земли, на котором расположено их предприятие. В Сибири почти не было частной собственности на землю. Она находилась во владении государства или казачьих войск. Во время поездки у Столыпина родился грандиозный по масштабам замысел приватизации сибирских земель. Столыпин говорил, что «главное богатство и мощь государства не в казне и казенном имуществе, а в богатейшем и крепком населении».

Сибирь, где не было помещиков, где тон задавал богатый мужик, произвела глубокое впечатление на Столыпина. Он вернулся оттуда со смешанным чувством восхищения и тревоги. И сразу же отказался от проекта введения земства в Сибири, решив, что оно будет слишком демократическим. При всей широте своего кругозора он не мог стряхнуть с себя помещика и дворянина.

До начала мировой войны правительство не успело перестроить свою переселенческую политику. Численность переселяющихся по-прежнему снижалась, а возвратившихся росла. Не был осуществлен и проект приватизации сибирских земель.

Переселенческая эпопея 1906—1916 гг., так много давшая Сибири, мало отразилась на положении крестьянства в центральной России. Численность ушедших за Урал составила всего 18% естественного прироста сельского населения за эти годы. С началом промышленного подъема возросла миграция из деревни в город. Но даже вместе эти два фактора (уход в город и переселение) не смогли поглотить естественный прирост. Земельное утеснение в российской деревне продолжало нарастать.

§ 3. Гибель П.А. Столыпина. Хозяйственные успехи и общественная ситуация. Распутин

Реформы, проводимые в России, вызывались старыми причинами и имели дальние цели. Последние 4—5 лет перед

первой мировой войной стали периодом ощутимого прорыва во многих отраслях хозяйства, всестороннего прогресса в различных сферах общественной деятельности. Два обильных урожая 1909 и 1910 гг. стимулировали хозяйственное развитие. В центре внимания власти оставалась аграрная проблема. В сентябре 1910 г. Николай II писал П.А. Столыпину: «Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устройство переселенцев в Сибири — вот два краеугольных вопроса, над которыми правительство должно неустанно работать. Не следует, разумеется, забывать и о других нуждах — о школах, путях сообщения и пр., но те два должны проводиться в первую голову».

Премьеру, имея опору в Думе, удавалось добиваться одобрения большинства вносимых законопроектов, однако недовольных правительственной политикой всегда хватало в стенах Таврического дворца. Когда в стране проявились явные признаки социального умиротворения, критический тон все чаще стал слышен от октябристов и националистов. Они, согласные в принципе с курсом кабинета, порой не принимали конкретные решения, казавшиеся им недостаточными или непродуманными. Более правые, сторонники неограниченного самодержавия в духе Николая I или Александра III, выступали однозначно резко против премьера за его нежелание пойти навстречу утопическим призывам: отказаться от Манифеста 17 октября 1905 г. и признать все формы выборного представительства и гражданских свобод недопустимыми. Именно из рядов крайне правых, имевших сильные позиции в придворных кругах, после подавления революции исходила главная угроза премьеру и курсу его кабинета.

Официоз правительства — газета «Россия», растолковывая правым политическую ситуацию момента, писала осенью 1907 г.: «Консерватизм необходим в государственной жизни каждого народа, и только глупый будет отрицать его законность и необходимость в России. Надо знать, что консервировать, что охранять. Охранять надо живое, а не мертвое. В этом и ошибка наших крайних правых, что они охраняют формы, а не дух, обряды, а не ту сущность, которую они символизировали... После подавления революции разумные люди обязаны пересмотреть ее причины, разобраться в них и уничтожить их. Разумная политика после революции требует реформ, а не восстановления прошлого в его неприкосновенности и целостности».

В различных кругах общества постоянно муссировались слухи о скорой отставке главы кабинета, о том, что он потерял расположение монарха. Чуть больше пяти лет Петр Ар-

кадьевич возглавлял правительство и все это время подобные слухи не стихали. Они особенно были популярны в крайне правых салонах, завсегдаи которых имели разнообразные и давние связи с самым близким окружением царя. Но разговоры о падении Столыпина так и оставались разговорами, благодаря сохранявшейся поддержке Николая II. На императора оказывалось постоянное воздействие (следы его явственно просматриваются в документах той поры) в неблагоприятном для первого министра духе, но они не производили должного впечатления, так как Николай II видел нужность и полезность деятельности премьера.

Серьезному испытанию государственная карьера П.А. Столыпина подверглась весной 1911 г. в связи с утверждением законопроекта о введении земских учреждений в западных губерниях. Глава кабинета с особым вниманием относился к этому вопросу, так как с западным краем он был тесно связан и месторасположением собственного имения, и деятельностью на различных выборных и назначенных должностях. Под его руководством был разработан законопроект, представленный законодателям. Он предусматривал распространение земства в тех губерниях, где был силен русский элемент: Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Волынской, Подольской. В то же время премьер считал, что следует временно воздержаться от введения земского самоуправления в тех местностях, где русских было мало (Ковенская, Виленская, Гродненская губернии). Так как в Западном крае значительная часть крупного землевладения была сосредоточена в руках поляков, то предлагалось понизить землевладельческий ценз при выборах по сравнению с общерусским; избиратели разделялись на две курии — польскую и русскую, причем русская избирала гласных в 2 раза больше. Этот проект обсуждался в Государственной думе в начале 1910 г. Дискуссия носила бурный характер, так как вопрос затрагивал не только административную сферу, но и сферу национальных чувств и предрассудков. В конце концов проект был принят, но в него были внесены некоторые изменения и дополнения, смягчавшие его антипольский характер. В частности, было исключено требование о том, чтобы председатели управ и большинство служащих непременно были русскими, но был сохранен принцип национальных курий. Принятая редакция в общем устраивала правительство.

Для введения закона в действие требовалось одобрение его верхней палатой и царем. Прошло почти восемь месяцев, прежде чем «госсоветовские старцы» приступили к обсуждению. Здесь доминировали представители русского барства,

и законопроект столкнулся с неожиданными для правительства трудностями, а вся история постепенно стала приобретать характер политического кризиса. Император через председателя Государственного совета обратился с просьбой поддержать предложения правительства. Некоторые влиятельные члены Совета, выступавшие против национальной польской курии и распространения земства в западных губерниях, восприняли это как недопустимый нажим. Один из видных противников премьера В.Ф. Трепов добился аудиенции у государя и поинтересовался, следует ли рассматривать подобное пожелание как царский приказ. Николай II ответил, что он в таком деле приказывать не может и что здесь следует «голосовать по совести». Эти слова немедленно были истолкованы, как недоверие главе правительства. На пленарной сессии правые выступили совместно с левыми членами Государственного совета и 4 марта 1911 г. 92 голосами (против 68) провалили законопроект.

П.А. Столыпинна особенно возмутило, что правительству «вставляют палки в колеса» те, кто громогласно объявлял себя радетелем имперских интересов России и чьи позиции в конечном счете проект защищал. В этой обстановке самообладание Петру Аркадьевичу, очевидно, изменило. Тяжелая повседневная работа на двух ответственных государственных постах, упорное противодействие, которое он постоянно ощущал, не могли не сказаться даже на такой сильной натуре. На следующий день после голосования премьер посетил императора и сообщил ему о своем решении подать в отставку. Царь был невероятно удивлен этой просьбой и заявил: «Я не могу согласиться на Ваше увольнение, и я надеюсь, что Вы не станете на этом настаивать, отдавая себе отчет, каким образом могу я не только лишиться Вас, но допустить исход под влиянием частичного несогласия Совета» и попросил П.А. Столыпина предложить «какой-либо иной исход».

И премьер предложил путь, неоднократно уже испытанный и позволявший оперативно решать сложные задачи, не откладывая их в долгий ящик всевозможных обсуждений и согласований. Речь шла о том, чтобы распустить на несколько дней обе палаты и провести законопроект по 87 статье «Основных законов...». Предложение вызвало сомнения у императора именно в силу того, что амбиции депутатов не позволят им молча проглотить такую «горькую пилюлю» и страсти разгорятся с невероятной силой. Но эти опасения представлялись главе правительства несущественными, он был уверен, что большинство Думы поймет и поддержит

подобный шаг. В конечном итоге он не только убедил монарха в уместности этого шага, но и попросил его примерно наказать лидеров правых в Государственном совете П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова — прервать их работу в Совете и рекомендовать им выехать из Петербурга. Царь был озадачен и попросил время на обдумывание подобных мер.

Размышление продолжалось пять дней, и весь этот период правительство находилось в подвешенном состоянии. Столыпин не питал особых надежд на благоприятный исход, понимая, что его предложения не могли не уязвить самолюбие монарха, получившего по сути дела ультиматум. Потом говорили, что в защиту позиции главы правительства выступили некоторые влиятельные члены императорской фамилии, в том числе и вдовствующая императрица Мария Федоровна. Так или иначе, но случилось почти невероятное: 10 марта 1911 г. Петр Аркадьевич был вызван в Царское Село, где император подписал указы о перерыве сессий Государственного совета и Государственной думы и поручил объявить П.Н. Дурново и В.Ф. Трепову повеление выехать из Петербурга. Это был, по словам одного из современников, действительно «неслыханный триумф Столыпина».

Но дальше произошли события, показавшие верность царских опасений. Как только был опубликован указ о перерыве работы законодательных палат, немедленно последовала бурная реакция тех, на кого Столыпин опирался в предыдущие годы. Вzbунтовались октябристы. Они сочли, что этот шаг ведет к недопустимому умалению авторитета представительных учреждений и означает поворот к прошлому. Когда же 14 марта был издан по 87 статье закон о западном земстве, то возмущение охватило даже самых преданных столыпинских сторонников. Председатель Думы А.И. Гучков в знак протеста демонстративно сложил с себя звание председателя, а несколько думских фракций внесли запросы о нарушении «Основных законов...». Негодовали и правые, возмущенные репрессиями против своих лидеров. Вся печать ополчилась против премьера. Глава кабинета выступил с разъяснениями и в верхней палате, и в нижней, но лавров не снискал.

П.А. Столыпин занимал свои посты еще несколько месяцев, однако его государственная карьера была насильственно прервана: 1 сентября 1911 г. он стал жертвой террористического покушения.

В конце августа 1911 г. в Киеве проходили пышные торжества, посвященные открытию памятника Александру II в связи с 50-летием крестьянской реформы 1861 г. На эти

празднества прибыли царская семья и высшие должностные лица империи. Премьер приехал заранее для того, чтобы организовать 29 августа встречу монарха. Последующие три дня прошли в круговерти приемов, торжественных молебнов, смотров и парадов. Вечером 1 сентября, в последний день торжеств, в Киевском городском театре шла опера Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», на которой присутствовали царь со старшими дочерьми, министры, генералитет, «сливки» киевского общества. Во время второго антракта, примерно в 23 часа 30 минут, к премьеру, стоявшему перед первым рядом кресел, подошел молодой человек во фраке и произвел в упор два выстрела. Петр Аркадьевич Столыпин был помещен в одну из киевских клиник, где 5 сентября в 10 часов 12 минут вечера скончался и 9 сентября был торжественно похоронен в Киево-Печерской лавре.

Убийцей премьера оказался двадцатичетырехлетний Д.Г. Богров, сын богатого киевского домовладельца-еврея, несколько лет тесно сотрудничавший с тайной полицией. Он получил хорошее образование: окончил гимназию, затем учился на юридическом факультете Киевского университета, диплом которого получил в 1910 г. Еще с гимназических лет увлекался чтением нелегальной эсеро-анархистской литературы и к моменту окончания гимназии в 1905 г. был настроен довольно радикально. Затем он, уже будучи студентом университета, сблизился с киевскими анархистами-коммунистами, участвовал в нелегальных собраниях, на которых вынашивались планы террористических актов и экспроприаций. В 1907 г. по доброй воле Богров стал агентом Киевского охранного отделения и выдал полиции планы, имена и явки нелегалов. Осведомительной деятельностью он занимался несколько лет, получая за свою работу денежные субсидии. Связи с полицией помогли ему получить доступ в киевский театр.

На допросах после покушения Богров, охотно рассказывая о себе, не смог внятно объяснить мотивы своего поступка, заявив лишь, что считал Столыпина «главным виновником реакции». Вина Д.Г. Богрова была установлена бесспорно. Военный суд приговорил убийцу к высшей мере, и 11 сентября 1911 г. он был повешен.

Покушение на П.А. Столыпина гулким эхом отозвалось по всей России; этому событию уделяли большое внимание иностранные газеты. Кровавые эксцессы, как казалось многим, начинали стихать, жизнь понемногу входила в нормальное и спокойное русло и вдруг эти выстрелы в Киеве! Легальная печать выступила с осуждением этого жестокого и бессмысленного поступка.

Смерть П.А. Столыпина заметно не отразилась на политическом курсе правительства. Кабинет возглавил министр финансов В.Н. Коковцов, сохранивший за собой и пост главы финансового ведомства. Министром внутренних дел был назначен товарищ министра внутренних дел, заведующий департаментом полиции А.А. Макаров. Земельную реформу продолжал осуществлять ближайший сподвижник Столыпина А.В. Кривошеин, возглавлявший с 1908 г. Главное управление землеустройства и земледелия.

Три последующих года явились благоприятными годами для экономики, периодом оживленного хозяйственного развития. Общий сбор зерновых хлебов, составлявший в 1908—1912 гг. в среднем 45 555 млн. пудов в год, в 1913 г. достиг 5637 млн. пудов, превывсив сбор 1912 г. на 565 млн. пудов. Экспорт зерновых составил в 1913 г. 647,8 млн. пудов против 548,4 млн. пудов в 1912 г. Этот рост был вызван не только благоприятными погодными условиями, но и улучшением агротехники и агрикультуры, чему способствовала и правительственная полнтика. Расходы из казны по оказанию агрономической помощи населению и распространению сельскохозяйственного образования резко возрастают: в 1908 г. они составили 5702 тыс. руб., а в 1913 г. — уже 29 055 тыс. руб.

Отечественная промышленность, попавшая с 1900 г. в полосу мирового финансового кризиса, выходила из него чрезвычайно медленно, так как ситуация усугубилась политической нестабильностью, в результате чего в России депрессия ощущалась дольше и в некоторых отношениях была острее, чем в развитых европейских странах. Лишь в 1909 г. стали появляться заметные признаки оздоровления, а в 1910 г. наступил перелом в хозяйственно-рыночной конъюнктуре. Так, если в 1908 г. в России были учреждены 123 новые компании (по другим источникам 120), то в 1909 г. — 130 (131), в 1910 г. — 206 (198), в 1911 г. — 277 (262), в 1912 г. — 361 (342), а в 1913 г. — 374 (399). К началу 1914 г. в империи оперировала 2181 акционерная компания (без железнодорожных) с общим капиталом 4538 млн. руб. С начала 1910 г. общий прирост составил 663 компании и 1718 млн. руб., или соответственно 44 и 61%. Таких темпов акционерного учредительства в то время не знала ни одна страна мира.

Курсы дивидендных бумаг отечественных компаний при свободной котировке показывали повышательную тенденцию, отражавшую высокий экономический динамизм и устойчивость всего народного хозяйства. В 1910—1914 гг. крупные российские фирмы нередко выплачивали очень вы-

сокий дивиденд, составлявший 15% и более в год на одну акцию.

Несмотря на неизбежные текущие биржевые колебания, пределы котировок ценных бумаг ведущих компаний были значительно выше номинальной отметки. В этот период в России начинает возникать и заметная прослойка держателей негарантированных правительством ценных бумаг. Именно в это время появляется мелкий акционер, и многие фирмы, чутко улавливая социальные изменения, стремились эмитировать (вместо традиционной 250-рублевой акции) бумаги сравнительно невысокого номинала — 100, 75, 50, 25 и даже 10 рублей. Представление о некоторых общих показателях хозяйственного развития России с конца XIX в. можно получить из следующих данных (см. таблицу).

Общие показатели хозяйственного развития России с конца XIX в.

Вид деятельности, отрасль производства	1894—1895 гг.	1914 г.	Прирост (в %)
Вклады в сберкассы (в млн. руб.)	330,3	2 236,0	577
Стоимость фабрично-заводской продукции (в млн. руб.)	1 500	6 500	333
Производство сахара (в млн. пуд.)	30	104,5	248
Производство хлопка (в млн. пуд.)	3,2	15,6	388
Добыча золота (в пуд.)	2 576	3 701	44
Добыча нефти (в млн. пуд.)	338	560	66
Добыча каменного угля (в млн. пуд.)	466	1 983	326
Производство чугуна (в млн. пуд.)	73	254	248
Количество лошадей (в млн. голов)	26,6	37,5	41
Количество крупного рогатого скота (в млн. голов)	31,6	52	65

Россия имела крепкий бюджет. В 1913 г. (последний мирный год) доходы превышали расходы почти на 400 млн. руб. Рассмотрение бюджетных показателей позволяет установить главные направления политики государства, его основные приоритеты. Расходная часть бюджета России в 1913 г. составила 3094,2 млн. руб. (в 1900 г. — 1459,3 млн. руб.).

Самыми большими статьями расхода были военные — в общей сложности на эти цели ассигновалось около 28%. (Для сравнения: в 1913 г. в Германии, Англии и Франции соответственно расходовалось 27, 35 и 27% государственных средств.)

Хотя в абсолютных цифрах военные расходы России с 1900 г. увеличились в 2 раза, их удельный вес в общем объеме государственных расходов практически остался прежним. Зато по другим статьям эти изменения выглядели весьма внушительно. Особенно изменились две статьи. В 1913 г. по сравнению с 1900 г. расходы Главного управления землеустройства и земледелия (ведавшего реализацией столыпинской земельной программы) увеличились на 338% (39 и 135,8 млн. руб. соответственно), а доля расходов по Министерству народного просвещения в бюджете поднялась с 2,1% (1900 г.) до 14,6% в 1913 г., или на 475,4%.

Несмотря на неудачную русско-японскую войну и революционную смуту, Россия к началу второго десятилетия XX в. преодолела серьезнейшие финансовые проблемы, залечила раны и, как казалось, уверенно смотрела в будущее. Потенциал страны был огромен, перспективы необозримы. Общая политическая ситуация стабилизировалась. Радикальные партии не могли оправиться после поражения революции и находились в состоянии распада и фракционной борьбы. Но при всех достижениях народного хозяйства, при невероятном расцвете художественного творчества, замечательных достижениях науки и культуры, при несомненных признаках политического умиротворения все время существовала внутренняя социальная напряженность, которая вне зависимости от смысловой окраски никогда не исчезала. Практически все элементы той части населения, которую было принято называть «политически сознательной», в той или иной степени были не удовлетворены ни тем, как шли дела, ни тем, что делала власть. Убежденных монархистов — людей, беззаветно готовых служить «царю и отечеству», оставалось все меньше. Нет, отечеству готовы были служить все; об этом постоянно и громкогласно заявляли не только «штатные политики», но и остальные. А вот царю... Именно здесь проходил незримый, но все более осязаемый водораздел.

Носителями идеологии «государственного отщепенства», которая, по словам Ф.М. Достоевского, издавна отличала русскую интеллигенцию, становились не только собственно лица свободных профессий, но и те, кто неразрывно был связан с государственной системой, с монархической самодержавностью и своим происхождением, и своей службой, и

своим благополучием. Значительная часть дворянства еще в 1905 г. бросила царя на произвол судьбы, не проявив ни желания, ни воли защитить исторические начала. После 1905 г. все более открыто претензии к власти стали высказывать и предприниматели, которых уже не устраивал традиционный административный контроль за их коммерческой деятельностью, не удовлетворяла их отстраненность от рычагов государственного управления. Самой шумной и наиболее амбициозной из них была группа промышленников из Москвы, известная как «кружок Рябушинского».

Ее лидером был П.П. Рябушинский, представитель старинного рода купцов-старообрядцев, глава крупной торгово-промышленной фирмы, действовавшей под маркой товарищества «П.М. Рябушинский сыновья» и занятой производством хлопчатобумажных тканей. Этой семье принадлежала крупная недвижимость в разных районах России — она контролировала два частных кредитных учреждения: Харьковский земельный банк и Московский банк. Глава семейно-финансового клана П.П. Рябушинский субсидировал выходившую в Москве газету «Утро России», сделавшую главной темой критику всех аспектов правительственной политики. Московские миллионеры в 1912 г. стали соучредителями «Прогрессивной (прогрессистской) партии», включавшей небольшую часть деловой элиты России и претендовавшей на выражение интересов всей России. Это объединение было нежизнеспособным, ибо не имело сколько-нибудь заметной общественной опоры.

Политической программы, приемлемой не только для сколько-нибудь значительных общественных элементов, но даже для представителей деловой среды, они не создали; все их «идеологические изыски» являлись попытками синтезировать кадетизм с октябризмом.

В 1912 г. П.П. Рябушинский добился скандальной славы: на банкете в честь приехавшего в Москву главы кабинета министров В.Н. Коковцова он выступил с резкой речью, которую завершил тостом: «Пью не за правительство, а за русский народ, многострадальный, терпеливый и ожидающий своего истинного освобождения». История утаила от потомков, что пил этот «борец за свободу» на том званом обеде, но известно (об этом писали газеты), что кухня была утонченная и стол ломился от дорогих яств. Но действительно, где же произносить столь зажигательные и прогрессивные речи? Не в бараке же на своей фабрике, где в тесноте и антисанитарии ютились представители того самого «многострадального и терпеливого народа», о котором так пекся

их хозяин, закусывая икрой. Фирма Рябушинских отличалась не только своей финансовой солидностью, но и тем, что принадлежала к числу предприятий с наиболее тяжелыми условиями труда и особо низкой зарплатой. Осенью 1905 г. там прошли серьезные рабочие волнения, подавить которые как раз и помогла «старая власть», столь нелюбимая московским миллионером.

Речи амбициозных промышленников, их банальные аргументы и примитивные доводы могли ненадолго эпатировать сановных бюрократов, но на общую политическую обстановку в стране практически не влияли. Более умно и талантливо роль разоблачителей и хулителей выполняли «златоусты» либерально-кадетского толка и в стенах Государственной думы, и вне ее. Незадолго до войны все недовольные властью, все критики и «улучшатели жизни» получили новый аргумент в свою пользу, заняли сильное идеологическое орудие, которое, как оказалось позднее, стало мощным средством разрушения престижа, а следовательно, и силы власти. Речь идет о Распутине.

Об этом человеке написано невероятно много; его имя бесчисленное количество раз встречается на страницах мемуаров, дневников, романов, пьес, специальных исследовательских работ. Большой интерес к нему проявлялся всегда и в зарубежных странах: образ загадочного, темного и распутного мужика, как утверждалось, околдовавшего властителя огромной империи, вызывал (и вызывает) стойкое любопытство. Все в этом сюжете западному обывателю казалось диким, невероятным, безумным, не имевшим прецедента. Да и в нашей стране вышло немало сочинений, наполненных баснословными сказаниями на распутинскую тему. Лишь в последние годы стали появляться работы, преследующие не разоблачение, а исследование жизни Распутина, историю его взлета к вершинам власти и известности.

Что же действительно известно о Распутине и каковы истинные масштабы его влияния? Бытующие оценки и суждения в большинстве случаев не подтверждены документальными свидетельствами. Факты сплошь и рядом заменены расхожими представлениями, формировавшимися в обществе, находившемся в истерическо-апокалипсическом состоянии. «Крестными отцами» пресловутого «Гришки-чародея» были не только радикальные и либеральные деятели. Раздвиганию распутинской истории способствовали и близкие к трону лица, те, кто искренне стремился сохранить монархический режим, но под воздействием всеобщей напряженности перестал адекватно оценивать происходящее. Коллапс

власти многие представители аристократически-сановного мира не связывали с кризисом системы; они были убеждены, что дела идут не так, как хотелось, оттого, что «царь слаб», а основную причину всех неурядиц видели в самовласти «не тех людей», в засилье «темных сил» с Распутиным во главе.

Вместе с тем бесспорно, что в последние годы монархии роль этого человека была достаточно необычна: он являлся интимным другом царской семьи, с которым венценосцы часто и с радостью общались в узком кругу. Такие встречи доставляли и Николаю II, и императрице Александре Федоровне душевный покой — то естество, которое иными путями и другими общениями они получить не могли. Как же случилось, что простой сибирский крестьянин стал желанным гостем тех, кто символизировал высшую власть в стране, охватывавшей шестую часть земной суши? Тому было несколько причин. Последний царь и царица являлись глубоко верующими людьми, стремившимися в своей жизни и делах поступать в соответствии с заветами Всевышнего. Но как узнать Его волю, у кого получить ответы на постоянно возникавшие вопросы?

Ко времени знакомства с царской четой (в 1905 г.) проповедник из Сибири, еще с конца 90-х гг. XIX в. утверждавшийся в благочестивом подвижничестве, успел очаровать и вызвать симпатию к себе некоторых видных церковных деятелей (например, проповедника Иоанна Кронштадтского), имевших и глубокую веру, и кругозор, и разносторонние знания. Это подчеркивает достаточную неординарность личности Распутина, который сам никуда «не лез». Ему помогали ценители его, как казалось, удивительных провидческих способностей. Покровители выводили его в свет, давали наилучшие рекомендации. Ум, сила воли, крестьянская сметка и уникальная природная интуиция делали из Распутина образ сильный, яркий, производивший глубокое впечатление на многих. Он хорошо знал Священное писание и на своем веку много странствовал, бывал в крупнейших православных центрах России, посещал Афон и Иерусалим. В нем постоянно происходила борьба между праведным и «бесовским», но с годами темные стороны натуры стали преобладать.

Первые свидания сибирского старца с императорской четой не привели ни к каким последствиям. Он говорил им о любви, о смирении, о грехе и покаянии, т.е. о том, что являлось важнейшими сущностными категориями христианства. В принципе такие встречи не были сами по себе из ряда вон выходящими. Царская семья любила беседы на темы Священного писания с известными теологами, священниками и просто «божьими людьми». Однако Распутин, появившись в числе многих, стал единственным не по этим, хотя важным,

но не определяющим причинам. Роковой цепью общей судьбы, связавшей венценосцев и крестьянина Григория Ефимовича Распутина, стала страшная болезнь (гемофилия) наследника Алексея, родившегося в 1904 г.

Известно, что Распутину действительно удавалось благоприятно воздействовать на течение болезни и предсказывать счастливый исход тогда, когда надежд на спасение маленького принца у врачей уже не было. В последние годы императрица Александра Федоровна уже безусловно уверовала в то, что «дорогой Григорий» послан ей Всевышним, что молитва и заступничество этого человека спасают царскую семью от несчастий, сулят им и стране благополучие в грядущем. Постепенно подобное убеждение стал разделять и Николай II, однако у него вера в «дорогого Григория» никогда не носила того фанатического характера, который она приобрела у Александры Федоровны. Именно царица спровоцировала ситуацию, при которой стало возможным воздействие Распутина на дела государственного управления.

Распутинское вмешательство истинное, но чаще мнимое служило в свое время темой оживленных пересудов — ему присваивались военные неудачи, им объясняли бессилие административной власти в стране. Однако в действительности, в отличие от распространенных суждений, влияние Распутина никогда не было беспредельным и в силу этого не могло стать фатальным. Никогда по его пьяной прихоти не сменяли министров и по его рекомендации в одночасье не назначали случайных лиц на высшие посты. Таких возможностей у «цареза друга» не было даже в самые звездные моменты его карьеры. Все назначения шли от царя, который, выслушивая мнения других, окончательные решения принимал сам, причем очень многие из этих решений откровенно не нравились и даже пугали императрицу и ее ментора. Александру Федоровну действительно можно, да и то с оговорками, назвать рупором Распутина, но Николая II считать его орудием просто нельзя. В то же время очевидно, что скандальный старец поспособствовал карьере ряда лиц, но число таких случаев в общей массе административно-служебных перемещений было очень невелико.

§ 4. Между миром и войной: противостояние коалиций

В начале XX в. среди ведущих мировых держав все явственней обозначались контуры военно-стратегических сою-

зов. Второстепенные противоречия отходили на задний план и начинали доминировать коренные интересы и генеральные цели. Так как главные мировые события в тот период непосредственно замыкались на Париж, Лондон, Берлин, Петербург, то отношения между этими четырьмя странами и определяли общую политическую ситуацию. Все остальные страны или находились в состоянии стойкой изоляции (США), или замыкались в узких региональных рамках (Япония), или в той или иной степени выступали «подпевалами» солистов (Австро-Венгрия, Турция).

Неприязнь между Лондоном и Берлином не только не уменьшалась, но и приобрела непреодолимый характер. При наличии системы военно-стратегических блоков — Тройственного союза и Русско-французского союза — оставаться и дальше в состоянии «блестящего одиночества» Великобритании становилось все труднее. Ее островное положение уже не гарантировало безопасность в случае военного столкновения в Европе, а мощное наращивание вооружений Германией, в том числе и создание сильного военно-морского флота, делало географические преимущества призрачными.

В начале века Великобритании и Франции удалось преодолеть существовавшие разногласия и заключить союзническое соглашение. Это открывало возможность сблизить позиции между Лондоном и Петербургом, хотя подобного достичь было значительно сложнее, чем между Лондоном и Парижем. Но в подобном развитии были заинтересованы обе стороны, и преодоление старых антипатий и предубеждений делалось для двух стран настоятельно необходимым. В 1906 г. начались дипломатические переговоры между Россией и Великобританией с целью урегулировать наиболее острые разногласия между двумя империями в Азии. Переговоры тянулись год, и весной 1907 г. появились сообщения в прессе, что они близки к благополучному завершению. Во Франции эта новость вызвала радость, в Германии — разочарование и недовольство.

Беспрецедентный договор между Россией и Великобританией был подписан 18 (31) августа 1907 г. Эпоха враждебного отчуждения подходила к концу. Две страны вступали в новую полосу своих отношений. Англия отказывалась от прав на Тибет (формально находившийся в составе Китая, но фактически состоявший в полном подчинении у англичан). Обе страны признавали в этом районе суверенитет Китая. Россия отказывалась от притязаний на Афганистан; обе державы обязывались уважать неприкосновенность и независимость этого государства. Третьим важным пунктом

разграничения интересов была Персия (Иран). Россия и Великобритания делили эту страну на три сферы влияния. Одновременно Лондон и Петербург брали на себя обязательства гарантировать целостность и неприкосновенность Персии.

К концу 1907 г. уже вполне определенно обозначилась геополитическая коалиция, включавшая Францию, Россию и Англию, получившая название «Тройственного соглашения» («Антанта»). Хотя между Петербургом и Лондоном не было заключено военной конвенции, но достигнутая договоренность сближала позиции двух стран. Это особенно проявлялось в Европе, где их интересы все ближе и ближе смыкались под угрозой германского гегемонизма. В 1908 г. в отношениях между Лондоном и Петербургом произошло еще одно важное событие — с официальным визитом в Россию прибыл английский король Эдуард VII (сын покойной королевы Виктории). Это был первый визит английского монарха в Россию (второй визит состоялся лишь в 1994 г., когда Россию посетила королева Елизавета II).

Поездка долго обсуждалась в Великобритании, и реакция на нее не была однозначной. Либеральное общественное мнение считало подобный визит неуместным, так как, согласно непререкаемому либеральному канону, Россия находилась «во власти деспотии» и «Его Величеству» не стоит ни в какой форме демонстрировать свои симпатии. Никто не ставил под сомнение возможность поддержания родственных связей между правящими династиями. Вдовствующая русская императрица Мария Федоровна приходилась сестрой английской королеве Александре (супруге Эдуарда VII), супругой же Николая II была внучка королевы Виктории, а сам русский царь являлся племянником короля. Но одно дело частные, семейные отношения и совсем другое — межгосударственные. В конце концов была изобретена такая форма визита, которую трудно было оспорить. Встреча между королем и царем состоялась в Ревеле (Таллине). Точнее говоря, не в самом городе, а на рейде револьского порта, в территориальных водах России.

27 мая (8 июня) 1908 г. в акватории револьского порта появилась королевская яхта «Виктория и Альберт» в сопровождении военных кораблей, которую встречала русская военная эскадра. После взаимных приветствий королевская чета перешла на борт царской яхты «Полярная Звезда», и Эдуард VII сразу сообщил о присвоении Николаю II звания адмирала английского флота. Вскоре начались политические переговоры, продолжавшиеся два дня. Монархи впервые обсуждали возможность войны с Германией. Англичане призы-

вали царя укрепить военные позиции и готовиться к предстоящей схватке. Но такую перспективу русская сторона не считала единственно возможной — и в России были уверены, что войны можно избежать, разрешая возникающие противоречия дипломатическими средствами.

Заключая союзническое соглашение с Францией и договор с Англией, в России отнюдь не склонны были демонстрировать враждебное отношение к другим державам и прежде всего к Германии. Отношения между Берлином и Петербургом оставались в центре внимания российской дипломатии, и все, что касалось этих отношений, было под неусыпным контролем царя. Потом, когда случились и мировая война, и последующие социальные потрясения, и в России, и в Германии много размышляли о том, почему все-таки две монархии, связанные общностью исторической судьбы, родственно-династическими узами, тесными торговыми контактами, оказались по разные стороны фронтовой линии. Тем более что никаких прямых противоречий, территориальных претензий друг к другу у них не было.

Либералы в России ратовали за тесные отношения с Англией и Францией, считая, что в этом залог укрепления и развития «парламентаризма» и «демократии», видя в любом сближении с Германией лишь «проявление реакционного курса». В то же время консерваторы отстаивали идею союза с Берлином, полагая, что именно таким путем можно укрепить монархическую идею и консервативные тенденции в Европе и в России. В этих утверждениях была своя правда. Тем сложнее понять коллизию, почему последние цари, являясь в общем-то носителями консервативных представлений, последовательно поддерживали союз с республиканской Францией (императорам при официальных встречах и визитах приходилось с непокрытой головой выслушивать «Марсельезу», олицетворявшую революцию!), а позднее прилагали немало усилий для сближения с Великобританией, где власть монарха носила номинальный характер и где были очень сильны антирусские настроения.

Ответ может быть только один — политическая целесообразность. Она диктовала курс, отвечающий интересам Российской империи, как их понимали, формировали и отстаивали в российских коридорах власти. Именно подобная политика заставила Россию выступить в поддержку Франции, когда в 80-е гг. XIX в. германский канцлер О. Бисмарк, не удовлетворенный до конца результатами франко-прусской войны 1870 г., вынашивал планы «добить исконного врага Германии». Именно позиция России спасла тогда Францию

от нового, еще более мощного удара восточного соседа, хотя между Россией и Францией в тот период не было никаких союзнических соглашений.

Сложный рисунок отношений между Россией и Германией и в XIX в., но особенно в начале XX в., обуславливался различными факторами. В создании атмосферы сначала отчуждения, а потом плохо скрываемой вражды и, наконец, военного противостояния сыграли свою роль различные причины и одна из главных — личные отношения между последним царем и кайзером. Вильгельм II, еще до того, как стал в 1888 г. королем Пруссии и императором Германии, пользовался незавидной репутацией у родственников. Бабушка, английская королева Виктория, относилась к нему с плохо скрываемой антипатией. Его считали бездушным, сумасбродом, солдафоном, человеком, способным на низость. Когда осенью 1918 г. в Германии свершилась революция и кайзер бежал в Голландию, то на его родине появились утверждения о том, что он «был психически больным человеком». Но подобное умозаключение вряд ли отражало истинное положение вещей.

О личности «повелителя Германии» цари и их ближайшее окружение прекрасно были осведомлены. И если Александр III как человек более резкий не очень скрывал свое нерасположение к прусскому родственнику (хотя ему приходилось с ним встречаться и даже принимать один раз у себя уже в качестве императора), то Николай II придерживался иной линии поведения. У них была заметная разница в возрасте: Вильгельм родился в 1859 г., Николай — в 1868 г. Они познакомились еще тогда, когда на троне в России находился Александр III, а в Германии — Вильгельм I (дедушка Вильгельма II). Разность в темпераменте и несхожесть манер не сделали русского цесаревича и германского принца друзьями, но у них установились доверительные отношения, сохранявшиеся долгие годы. Они писали друг другу письма, значительная часть которых была потом опубликована. По волеизъявлению на престол Николая II германский император вознамерился играть роль «старшего брата», захотел стать ментором при молодом русском царе. «Друг Вилли» регулярно корреспондировал «дорогому Ники», использовал любой повод для личной встречи и всегда давал советы, делал оценки, предлагал решения. Раздражали сама манера общения, навязчиво-назидательный тон его речей и посланий и то, что он говорил и как.

Кайзер последовательно отстаивал близкую и сердцу русского царя идею о необходимости тесных, дружественных

отношений между Германией и Россией. Николай II не надо было в этом убеждать. Но то, что конкретно предлагал «дорогой Вилли» для достижения этой, «жизненно важной цели», в большинстве случаев не соответствовало геополитическим приоритетам, интересам России. Для «истинного сближения», по замыслу кайзера, Россия должна была дезавуировать союз с Францией, отказаться от всякого сближения с Англией и обратить главное внимание на Восток, в Азию, откуда Европе якобы угрожала «желтая опасность». Это был излюбленный мотив Вильгельма II, который из его уст звучал постоянно. Правда, оставался «балканский узел», где у России имелись давние интересы, старые привязанности, исконные исторические цели. На Балканах усилению позиций России противодействовала не только Турция (Отоманская империя), но и в не меньшей степени Австро-Венгрия, ближайший партнер и союзник Германии. Но поступиться здесь ничем кайзер не желал. Для Берлина теснейший альянс с Веной являлся краеугольным камнем всей внешнеполитической деятельности. Балканскую тему германский император старался не развивать в своих переговорах и переписке с царем, прекрасно зная, что она для России является чрезвычайно острой и больной.

Ухищрения германского императора не оказывали существенного влияния на русский внешнеполитический курс, одним из важнейших постулатов которого было поддержание, насколько возможно, добрососедских отношений с Германией. Но подобное было возможно лишь при совместных усилиях обеих стран. В Берлине же были твердо уверены, что при сохранении союзнического договора с Францией Россия не может рассчитывать на дружбу Германии. Противоречия между ней и Францией были непреодолимы, так как касались территориального спора о районах Эльзаса и Лотарингии, отторгнутых от Франции во время франко-прусской войны. В Берлине считали, что принадлежность этих территорий рейху не может подлежать никаким обсуждениям, а Париж в самой категорической форме требовал возврата того, что было добыто в результате «военного насилия». В этом были солидарны все политические партии и общественные силы Французской республики.

Лишь один раз, как показалось Вильгельму II, его непрестанные воздействия на царя увенчались успехом и долгожданная цель — разрушение франко-русского союза — близка к достижению. Это произошло в июне 1905 г., когда кайзер и царь подписали так называемый Бьёркский договор. Общая ситуация для России в тот момент была неблагопри-

ятной. Только недавно, в мае 1905 г., в морском сражении при Цусиме русский флот был разбит, и война с Японией становилась бесперспективной. Внутри страны с каждым днем возрастали социальные волнения. И на мировой дипломатической сцене дела не были благоприятны. Франция заключила в 1904 г. договор с Англией и не оказала никакой практической поддержки России во время дальневосточного кризиса. Российская дипломатия теряла почву под ногами. В правительственных кругах Петербурга царила безрадостная атмосфера. И в этих условиях царь согласился во время краткосрочного отдыха на яхте встретиться с германским императором, прибывшим в Бьёркё (около Выборга) на своей яхте «Гогенцоллерн».

Ничто не сулило никаких осложнений, и встреча походила на обычную, не раз до того происходившую. Но кайзер считал иначе и решил, воспользовавшись тяжелыми политическими условиями, в которых оказалась Россия, сделать непредусмотренный заранее шаг. Он предложил царю подписать союзнический договор с Германией. Это предложение было неожиданным, но сулило выход из дипломатической изоляции. Конечно же, сразу возник вопрос о союзе с Францией, и кайзер заверил растерявшегося царя, что в дальнейшем к соглашению может присоединиться и Франция. Царь был не настолько наивен, чтобы не знать глубины и остроты франко-германских разногласий, но он полагал, что поддержание мира в Европе соответствует желаниям всех стран, а существующие проблемы можно будет урегулировать дипломатическими средствами. И Николай II поставил подпись под текстом на листе, который «случайно» оказался в кармане кайзера.

Вскоре Вильгельм II в характерной для него напыщенной манере самовосхваления описал происшедшее событие. «Хотите Вы это подписать? Это будет очень милым воспоминанием о нашем свидании», — заметил кайзер после того, как царь трижды прочитал предложенный текст. Последовал утвердительный ответ царя. Происшедшее далее в каюте русской императорской яхты «Полярная Звезда» в изложении германского императора выглядело следующим образом: «Я открыл чернильницу, подал ему перо, и он подписал «Николай». Затем он передал перо мне, и я тоже подписал. Когда я встал, он, растроганный, заключил меня в свои объятия и сказал: «Благодарю Бога! Я благодарю Вас. Это будет иметь самые благоприятные последствия для моей страны и для Вашей». Свершилось! Исполнилось давнее заветное желание «дорогого Вилли». Кайзер не скрывает восторга: «Слезы ра-

дости наполнили мои глаза, и я подумал: «Фридрих Вильгельм III, королева Луиза, дедушка и Николай I, наверное, смотрят на нас в эту минуту и радуются вместе с нами!».

Что же такое подписали два монарха, что, по мнению кайзера, должно вызвать радость умерших правителей Пруссии и России? Первый пункт гласил, что каждая из сторон обещает в случае нападения на другую сторону прийти на помощь своей союзнице в Европе всеми сухопутными и морскими силами. Далее говорилось, что стороны обязуются не вступать в сепаратные соглашения с противником одной из сторон. При этом Россия брала на себя обязательство не сообщать Франции о подписанном соглашении до его вступления в силу. Лишь затем Петербург получал право оповестить Францию и побудить ее присоединиться к договору. В Бьёркском соглашении был очень важный пункт, предоставлявший России свободу дипломатического маневра. Оно вступало в силу лишь после того, как Россия подпишет мирный договор с Японией, перспективы заключения которого были неопределенными.

После того как с соглашением ознакомился русский министр иностранных дел граф В.Н. Ламздорф, а затем осенью 1905 г. и премьер С.Ю. Витте, они убедили отказаться от договора, ибо это несомненно противоречило интересам Франции, которая ни при каких условиях на союз с Германией не пойдет. Царь остался верен французскому союзнику и 13 ноября 1905 г. послал Вильгельму письмо, где сообщил, что считает необходимым дополнить договор двусторонней декларацией о неприменении статьи 1-й в случае войны Германии с Францией, в отношении которой Россия намеревалась соблюдать принятые договоренности «впредь до образования русско-германо-французского союза». Подобная постановка вопроса была совершенно неприемлема для Германии, и тонко задуманная интрига потерпела неудачу. Больше никаких попыток заключения русско-германского союза принято не было, хотя разговоры о его «желательности» или «нежелательности» не стихали и в России, и в Германии вплоть до начала первой мировой войны.

Через 20 лет, уже находясь в изгнании, германский экс-император все еще был уверен, что «мягкосердечие царя» погубило «дело мира в Европе». Он писал: «Заключенное между мной и царем Николаем II в Бьёркё соглашение заложило фундамент для мирного и дружественного сожительства России и Германии. Задача эта была близка сердцам обоих государей. Действие этого соглашения было уничтожено русской дипломатией, вышшими военными сановника-

ми, влиятельными членами Думы и политическими деятелями. Мировая война, к которой они так стремились, не оправдала их надежд, опрокинула их планы и стоила как царю, так и мне престола». Кайзер все еще не излечился от прошлого величия и возлагал вину на кого угодно, но только не на себя. Подобное самомнение, уверенность в собственной непогрешимости в тот период, когда этот человек играл руководящую роль в политике крупной мировой державы, пользовался огромными властными правами, не намного меньшими, чем русский царь, не могли стать фактором стабилизации мира в Европе. «Германия — превыше всего» — было не просто лозунгом, девизом националистов. Сам кайзер придерживался подобного мировоззрения, пропагандировал его, отстаивал и защищал. Ослепление национализмом дорого стоило Германии и многим другим странам и народам.

Складывание системы коалиций в начале XX в. не привело и не могло привести к стабильности и долговременному сохранению статус-кво. Имперские амбиции, претензии и интересы ведущих мировых держав вольно или невольно расшатывали хрупкое европейское равновесие. И хотя с окончанием франко-прусской войны и до самого начала XX в. на Европейском континенте не было военных конфликтов, но напряженность постоянно существовала. И главным центром подобной опасной напряженности все время были Балканы. Именно здесь в начале XX в. трижды возникали ситуации, грозившие перерасти в масштабное столкновение мировых лидеров. Четвертый такой кризис в 1914 г. закончился мировой войной.

В 1908 г. возник «Боснийский кризис», когда Австро-Венгрия аннексировала провинции Босния и Герцеговина, населенные сербами. Эти районы формально зависели от Турции, которая в этот момент находилась в состоянии хаоса, вызванного революцией. Именно опасения, что эти территории отойдут к Сербии, стали главной причиной решения венского правительства. Обессилевшая, не находившая нигде поддержки Турция начала с Австро-Венгрией переговоры и за денежную компенсацию признала аннексию. Но другие страны балканского полуострова на это согласиться не могли. Особенно сильным было возмущение в Сербии и Черногории, двух государствах, с таким трудом избавившихся от османского порабощения и вновь оказавшихся на передовой линии противостояния мощной экспансии. Эти две страны, населенные православными, издавна пользовались покровительством правительства и моральной поддержкой общественных кругов России. Но Петербург оказать реальной помощи сво-

им «младшим братьям» в тот период не мог. После недавней русско-японской войны и внутренней смуты страна еще была слишком слаба, чтобы показывать силу на мировой арене. Дело закончилось устными демонстрациями протеста и дипломатическими нотами.

Через четыре года, осенью 1912 г., на Балканах разразился новый кризис, грозивший перерасти в общеевропейскую войну. К тому времени Турция все еще сохраняла обширные владения на Европейском континенте. Ей принадлежали Албания, южная часть Болгарии (Фракия), северные районы Греции (Эпир) и Македония. Турецкое иго было нестерпимым, и в пунктах владений постоянно происходили возмущения, локальные восстания, которые жестоко подавлялись турецкими войсками. Сопредельные государства давно претендовали на «турецкое наследство».

В октябре 1912 г. Болгария, Греция, Черногория и Сербия начали военные действия. Союзники выставили против общего врага более чем 600-тысячную армию, и уже через несколько дней стало ясно, что Турции надеяться не на что. Ее войска потерпели серию поражений. К началу ноября 1912 г. турецкая армия была почти разбита и ее остатки укрепились недалеко от Стамбула. Турция просила мира и взывала к европейским державам, которые начали высказывать признаки беспокойства. Россия не была заинтересована в том, чтобы Болгария, правящие круги которой были настроены прогермански, завладела Стамбулом и стала хозяином Черноморских проливов. Петербург в жестких выражениях потребовал от Софии приостановить наступление. Австрия и стоявшая за ней Германия не могли примириться с усилением Сербии, и австрийские войска начали концентрироваться на границе. Развитие ситуации внушало общую тревогу. В декабре 1913 г. воюющие стороны заключили перемирие. В Лондоне открылась конференция послов ведущих европейских держав, на которой были выработаны условия мира, фиксировавшие сложившуюся политическую ситуацию на Балканах.

Однако в июне 1913 г. в том же регионе разгорелся новый конфликт. Победители в первой балканской войне недолго оставались союзниками — они не могли договориться о приемлемом для всех разделе «турецкого наследства». На этот раз создалась коалиция против Болгарии, объединившая Сербию, Грецию, Черногорию и их «исторического врага» — Турцию. В числе союзников на этот раз была и Румыния. Каждый из участников коалиции требовал от Болгарии, захватившей обширные районы, территориальных уступок в

свою пользу. Болгарский царь Фердинанд I (Кобургский) и его правительство, опираясь на дипломатическую поддержку Берлина и Вены, слышать ничего не хотели об уступках. Болгарские войска первыми напали на сербские и греческие позиции 30 июня 1913 г. Вскоре в военный конфликт втянулись и другие балканские государства. Болгария сопротивлялась недолго и 29 июля капитулировала. Вскоре был заключен в Бухаресте мирный договор, по которому Болгария теряла значительные территории на Юге, Западе и Севере. Достигнутое равновесие сил на Балканах было временной передышкой. «Балканский узел» не был развязан, и европейские политики это понимали.

России удалось избежать прямой вовлеченности в балканские дела благодаря ответственности дипломатии и позиции царя, считавшего, что лучше пойти на уступки, чем рисковать сохранением европейского мира. Хотя начиная с Боснийского кризиса, русское общественное мнение, как либеральная, так и консервативная печать все время ратовали за «реальную помощь братьям-славянам». Председатель Четвертой Государственной думы М.В. Родзянко и лидеры крупнейших думских фракций призывали Николая II вмешаться в войну. Но их призывы не возымели действия.

Несмотря на то что балканские войны не переросли в общеевропейский конфликт, напряжение на международной арене не проходило. Германия и Франция уже несколько раз реализовывали обширные программы перевооружения, Россия тоже втянулась в эту мировую гонку. Усиливались националистические тенденции. Весной 1913 г. германский канцлер Бетман-Гольвег, обосновывая в рейхстаге необходимость новых кредитов на армию, заявил, что Германии угрожает «славянская волна». Но он лишь повторял своего кайзера, после Первой балканской войны заявившего, что ему представляется неизбежной «борьба славян и германцев».

В отличие от «дорогого Вилли», русский царь придерживался иного мнения и не считал военный конфликт большого масштаба неизбежным. В мае 1913 г. Николай II прибыл в Берлин на свадьбу дочери кайзера принцессы Виктории-Луизы, вышедшей замуж за герцога Брауншвейгского. Это был последний визит русского монарха в Германию. Царь имел намерение договориться с Вильгельмом II об улучшении русско-германских отношений. Он провел переговоры с кайзером и заявил ему, что Россия готова отказаться от претензий на Черноморские проливы и согласна оставить Турцию в роли «привратника», если Германия, со своей стороны, удержит Австрию от политики захватов на Балканах.

Реакции на эти предложения в Берлине не последовало, а Вильгельм ограничился лишь разговорами на общие темы.

К началу 1914 г. отчетливо обозначились контуры двух военно-политических коалиций. Среди европейских государств наметилась группировка вокруг основных союзных осей: Берлин—Вена и Париж—Лондон—Петербург. В конце января 1914 г. русский посол в Токио барон Р.Р. Розен, выступая в Государственном совете, заявил: «Вам, господа, известно, что уже два десятилетия Европа живет под режимом двух союзов, в которые две непримиримо враждебные державы (имелись в виду Франция и Германия. — А.Б.) сумели втянуть остальные большие державы... Единственный выход — либо в устранении этого коренного антагонизма, интересам России совершенно чуждого, либо в вооруженном столкновении, от которого России, всегда верной принятым на себя обязательствам, отклониться будет невозможно. Никому не дано предрешать будущего, но такие чрезвычайные меры, как миллиардный налог на вооружение, свидетельствуют о том, что наступление кризиса является уже не столь далеким. Но, во всяком случае, в одном можно быть уверенным: этот час наступит тогда, когда мы всего меньше его будем ждать». Все шло так, как должно было идти, и изменить судьбы мира могло лишь чудо. Но его не произошло.

§ 5. Имперская рулетка. Первая мировая война

Войны бывают разные: большие и малые, справедливые и захватнические, освободительные и колониальные, народные и антинародные, холодные и горячие, продолжительные и скоротечные. Бывают еще и абсурдные. Именно такой кровавой и жестокой бойней, унесшей миллионы жизней, в огне которой сгорели великие старые монархии Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов, стала та, что началась 15 июля 1914 г. с объявлением Австро-Венгерской империей войны маленькой Сербии. Россия, исстари являвшаяся покровительницей славян, приступила 17 июля к мобилизации. В ответ австрийская союзница Германия объявила 19 июля (1 августа) войну России. С этого момента война стала мировой.

Это была схватка имперских амбиций. Все давно шло к такому лобовому столкновению, о котором много и часто говорили еще с весны, а уже в июне, после убийства в г. Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, признаки надвигающейся войны стали вполне различимы. «Выяснение отношений» между крупней-

шими европейскими континентальными державами — Австро-Венгрией и Германией, с одной стороны, Россией, Францией и Англией — с другой, как-то само собой становилось неизбежным.

Разговоры о неотвратимости войны велись уже несколько месяцев. Политическая обстановка в Европе была напряженной, однако она мало влияла на внутреннюю жизнь России — общественная ситуация оставалась относительно спокойной, экономическое положение стабильным. Русская армия была в состоянии реорганизации, которая уже давала свои результаты. Начальник германского генерального штаба генерал фон Мольтке писал в феврале 1914 г., что «боевая готовность России со времени русско-японской войны сделала совершенно исключительные успехи и находится на никогда еще не достигавшейся высоте».

Россия втянулась в войну, которой никто не хотел и возможность которой у многих вызывала опасения и страх. Цели войны были отвлеченными, доступными пониманию лишь ограниченному кругу лиц, и призывы защитить братьев-славян, отстоять престиж империи, завоевать Черноморские проливы и водрузить крест на соборе Святой Софии в Константинополе (Стамбуле) не могли вызвать глубокого отклика в народе. Подавляющая часть населения даже не представляла, где находится Австро-Венгрия или Германия и почему с ними надо воевать. Русскому крестьянину были неведомы никакие Дарданеллы и он не мог понять, почему надо за них идти на войну и смерть. Но случилось то, чего избежать в тех условиях было невозможно.

В начале июля 1914 г. царь с семьей, как обычно, отдыхал на императорской яхте «Штандарт» в финских шхерах. Погода стояла жаркая, но неровная: страшная духота чередовалась с ураганными ветрами и проливными дождями. Николай II наслаждался красотами пейзажа и тихими семейными радостями. 7 июля с официальным визитом в Россию прибыл президент Французской республики Раймон Пуанкаре. Была устроена пышная встреча, символизирующая тесные союзнические отношения между двумя державами. Четыре дня прошли в чередовании переговоров, парадов, смотров, торжественных приемов и обедов.

Писатель и журналист Дон-Аминадо (Шполянский) уже в эмиграции, вспоминая те дни, писал: «Все было исполнено невиданной роскоши и великолепия незабываемого. Иллюминации, фейерверки, на много верст раскинувшиеся в зеленом поле летние лагеря. Пехотные полки, мерно отбивающие шаг; кавалерия, артиллерия, конная гвардия, желтые

кирасиры, синие кирасиры, казаки, осетины, черкесы в огромных папах; широкогрудые русские матросы, словно вылитые из бронзы. Музыка Гвардейского экипажа, парадный завтрак на яхте «Александрия». Голубые глаза русского императора. Царица в кружевной мантилье, с кружевным зонтиком в царских руках. Великие княжны, чуть-чуть угловатые, в нарядных летних шляпах с большими полями. Маленький цесаревич на руках матроса Деревенько. Великий князь Николай Николаевич, непомерно высокий, худощавый, статный, движения точные, рассчитанные, властные. А кругом министры, камергеры, свитские генералы в орденах, в лентах, и все залито золотом, золотом, золотом». Никто не мог предположить тогда, что «русская сказка» скоро кончится, что XIX век (реальный, а не календарный) близится к концу, а впереди — другие времена, «иные песни и цвета».

Последний император не хотел войны. После горького урока русско-японской кампании он прекрасно осознавал, что любой вооруженный конфликт непременно принесет страдания, лишения, смерть. В глубине души он был противником насилия, и если приходилось с ним сталкиваться, то он неизбежно испытывал сожаление, а часто и раскаяние. Он понимал, что неудачная война таит угрозу революционного взрыва, повторения кошмара, пережитого им и Россией в 1905—1906 гг. Он знал, что на пути победоносной и быстрой военной кампании много различных препятствий — начатое перевооружение русской армии еще в полном разгаре. Ее техническая оснащенность и огневая мощь существенно уступали германской. Все это Николай Александрович понимал. Однако пойти на предательство, совершить, по его мнению, такой аморальный поступок, как бросить на растерзание дружественную страну, теряя этим престиж и в России, и в мире, он не хотел и не имел права. Встать на защиту славян и России — в этом он видел свой долг, а монарший долг — святая обязанность, это угодное Богу дело. Как же можно уклониться от него! Безысходность диктовала военный выбор, и он был сделан.

Великий князь Константин Константинович со слов Николая II описал события, предшествовавшие войне: «19 июля, в день святого Серафима, столь почитаемого Государем, выходя от всенощной, он узнал от графа Фредерикса (министр императорского двора. — А.Б.), с которым для скорости говорил Сазонов (министр иностранных дел. — А.Б.), что у последнего был Пурталес (посол Германии. — А.Б.) с объявлением войны России Германией. При этом Пурталес вручил Сазонову бумагу, в которой содержались оба ответа

германского правительства, как на случай благоприятного, так и неблагоприятного ответа России относительно прекращения мобилизации. Не знаю, что руководило послом — растерянность или рассеянность. Итак, нам была объявлена война. Государь вызвал к себе английского посла Бьюкенена и работал с ним с 11 вечера до 1 часа ночи. Государь совершенно свободно, как сам он выразился мне, пишет по-английски; но должны были встретиться некоторые технические термины, в которых он не был уверен. Бьюкенен тяжкодум и медлителен. С ним сообщая Государь сочинил длиннейшую телеграмму английскому королю. Усталый, во 2-м часу ночи, зашел он к ждавшей его Императрице выпить чаю; потом разделся, принял ванну и пошел в опочивальню. Рука его уже была на ручке двери, когда нагнал его камердинер Тетерятников с телеграммой. Она была от императора Вильгельма; он еще раз (уже сам объявив нам войну) зывал к миролюбия Государя, прося о прекращении военных действий. Ответа ему не последовало».

Во главе армии был поставлен двоюродный дядя царя — великий князь Николай Николаевич (внук Николая I), давно причастный к военному делу: в 1895—1905 гг. состоял генерал-инспектором кавалерии, с 1905 по 1908 г. возглавлял Совет обороны, а затем стал командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Этот Романов был хорошо известен в войсках, пользовался авторитетом в офицерской среде, что и определило его назначение на пост Главнокомандующего всеми вооруженными силами России.

Германия, объявив войну России, на следующий день оккупировала Люксембург, 21 июля объявила войну Франции. 22 июля германская армия начала крупномасштабные военные действия, вторгшись в Бельгию, нейтралитет которой германский канцлер Бетман-Гольвег назвал «клячком бумаги». В тот же день Великобритания объявила войну Германии, вслед за тем войну рейху объявили английские доминионы Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южно-Африканский союз. Война стала мировой. Уже в 1914 г. на стороне Антанты выступили Япония и Египет, а на стороне центральных держав — Болгария и Турция. Всего в войне участвовало 33 государства.

Война изменила облик России, уклад жизни людей и семей, в том числе и императорской. Все стало работать на победу. Для Николая II, Александры Федоровны и их детей служить России было обязанностью, ради которой они отказались от многих приятных привычек семейного времяпрепровождения. За победу они молились, к ней были направ-

лены все их помыслы! В первый день войны, 20 июля 1914 г., принимая в Зимнем дворце высших чинов империи, Николай II обратился к ним со словами: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей». Этой клятве он оставался верен все месяцы войны и, вопреки циркулировавшим слухам, всегда был резким противником каких-либо сепаратных переговоров с неприятелем. Императрица Александра Федоровна, будучи наполовину немкой, никаких прогерманских настроений не имела, хотя в Германии осталось несколько близких родственников.

В первые месяцы войны порочащих власть слухов слышно не было. Всех объединил общий патриотический порыв. В стране проходили спонтанные манифестации — многотысячные толпы в разных городах России несли русские национальные знамена, портреты Николая II, цесаревича Алексея, великого князя Николая Николаевича, иконы. Звучали колокола, служились молебны, а русский национальный гимн «Боже, Царя храни!» непрерывно исполнялся и на улицах, и во всех собраниях. Почти вся печать заговорила о единстве нации перед лицом германской угрозы.

Хотя главой кабинета с конца января 1914 г. (после отставки В.Н. Коковцова) был старый бюрократ И.Л. Горемыкин, не любимый большинством общественных фракций и партий, видевших в нем неисправного представителя сановного мира, но даже он после начала войны на какое-то время перестал быть мишенью для критических стрел. Когда 26 июля открылась чрезвычайная сессия двух палат, единение представительных и законодательных органов было полным. Государственная дума без колебаний утвердила кредиты и приняла законопроекты, связанные с ведением войны.

Царь всегда уделял особое внимание военным проблемам, а после 19 июля (1 августа) интерес к ним стал всепоглощающим, и положение на основных фронтах — Северо-Западном (против Германии) и Юго-Западном (против Австро-Венгрии), к концу года открылся еще и Кавказский фронт (против Турции) — было все время в поле его зрения. Военная кампания началась блестящим прорывом русских войск в Восточной Пруссии, но наступление через две недели закончилось разгромом.

На Галицийском направлении военные действия против Австро-Венгрии разворачивались значительно успешней. Русская армия заняла крупнейшие города Львов и Галич и осенью 1914 г. стала хозяйкой положения в этом районе. Однако вскоре на помощь австрийцам подошли германские

силы, несколько потеснившие русскую армию. В конце 1914 г. на фронтах установилось позиционное затишье. Первоначальные предположения о скором окончании войны, о том, что «будем встречать Рождество в Берлине», остались лишь мечтами. Приходилось готовиться к длительному и изнурительному противостоянию. В тылу оживились и стали вновь набирать силу противоположительные настроения, угасшие было в первые месяцы войны. Крушение надежд на скорое победоносное завершение военной кампании способствовало возрождению старых распрей и противоречий. И события весны и лета 1915 г. дали им мощный толчок.

В 1915 г. на театре военных действий разворачивались важные события. Весной начались успешные операции русской армии на Юго-Западном фронте, и к марту австрийская армия потерпела серьезные поражения и вновь уступила всю Галицию. Возникла реальная угроза скорого выхода Австро-Венгрии из войны. Германия, стремясь предотвратить подобное развитие событий и воспользовавшись затишьем на Западном фронте, бросила против России значительные военные силы, оснащенные мощной артиллерией. С конца апреля события на фронтах развивались не в пользу России, хотя в сражениях были задействованы лучшие войска, в том числе цвет армии и опора монархии — гвардейские части. Весной и летом 1915 г. русская армия участвовала в ряде кровопролитных сражений, однако понесла огромные потери из-за недостаточного обеспечения боеприпасами и современным вооружением, особенно артиллерией.

Император был удручен. Положение ухудшалось, а надежда на скорое окончание войны исчезала. Оставалась лишь надежда на милость Всевышнего, и 21 июня он писал матери: «И Ты и Мы все здесь живем, очевидно, одними чувствами, одними мыслями. Больно отдавать то, что было взято с таким трудом и огромными потерями в прошлом году. Теперь к германцам и австрийцам подошли подкрепления, но и нашим войскам также посланы свежие корпуса, в том числе и гвардейский; итак, надо ожидать скоро большое сражение. Помог бы Господь нашим героям остановить их! Все от Бога и потому надо верить в Его милость».

Натиск «проклятых тевтонов» вынудил русскую армию отойти на Восток, оставив Галицию, Польшу и некоторые другие районы. Пришлось срочно эвакуировать и Станку Главнокомандующего из Барановичей. Она была перенесена в августе в г. Могилев. События лета 1915 г. походили на огромную военную катастрофу, и командование было на какое-то время просто деморализовано. Еще в мае, когда толь-

ко разворачивалось наступление немцев, Николай II приехал в Ставку и застал там картину полного уныния: «Бедный Н. (великий князь Николай Николаевич. — А.Б.), рассказывая мне все это, плакал в моем кабинете и даже спросил меня, не думаю ли я заменить его более способным человеком».

Общественные деятели всех политических направлений требовали назвать конкретного виновника, и он был назван — военный министр В.А. Сухомлинов. Занимая эту должность с 1909 г., он неоднократно публично заверял, что русская армия готова ко всем возможным испытаниям. Все сразу поверили, что этот человек повинен в преступной халатности, лихоимстве, а затем зазвучали голоса о его государственной измене. Министр был отрешен от должности 13 июня 1915 г. Однако отставка непопулярного министра никого не удовлетворила.

Особенно активизировались либеральные деятели кадетского толка, которые в первые месяцы войны, скрепя сердце, умерили свои нападки на власть, так как ситуация заставляла консолидировать усилия. Поражения армии в конце весны — начале лета 1915 г. вывели их из состояния оцепенения и предоставили прекрасную возможность «подать себя» в традиционной роли спасателей России.

Но волновались и выражали свое беспокойство не только либеральные деятели, эти чувства сделались всеобщими. Следовало предпринять действия, способные мобилизовать страну для отпора врагу, и довести войну до победного конца. Об этом много думал царь. 10 июня 1915 г. он выехал в Ставку, где провел серию совещаний с генералитетом и министрами и пришел к заключению о необходимости обновления высшей администрации. Были отправлены в отставку несколько влиятельных министров, известных своей правой ориентацией, — министр юстиции И.Г. Щегловитов, министр внутренних дел Н.А. Маклаков и обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер. Все эти меры носили паллиативный характер и ничего принципиально изменить не могли. К тому же во главе кабинета остался старый царедворец И.Л. Горемыкин.

Общественные деятели, приветствуя некоторые назначения, находили их недостаточными и выступали за создание ответственного перед Думой правительства. С лета 1915 г. этот лозунг стал главнейшим для ведущих политических деятелей и объединений. В августе несколько думских и околодумских общественных групп объединились в так называемый «Прогрессивный блок», центром которого стала партия

кадетов. Их главным требованием стало создание «кабинета общественного доверия».

Лето 1915 г. — время многих окончательных решений Николая II, время бесповоротного избрания им своей судьбы. Груз проблем нарастал, а изменений к лучшему не происходило. Страну все явственней охватывала волна общественного недовольства. Критические оценки и суждения о положении дел в стране делались как бы общепринятыми: их уже высказывали не только представители думской фронды, но и простые подданные. Эти разговоры и настроения подогревали не только военные неудачи, слухи о «засилье темных сил», но и усугублявшиеся экономические трудности — нехватка сырья и энергии, свертывание ряда отраслей производства, инфляция, рост дороговизны, расстройство транспорта. Император надеялся на поддержку со стороны общественных деятелей, но не получил ее.

Николай II не сомневался, что серьезные реформы, начатые 10 лет назад, надо продолжать и углублять. Но в то же время он понимал, что проводить их во время войны — безумие! Он видел, что война обострила старые проблемы и постоянно рождала новые, кроме того, срок ее окончания постоянно отодвигался, а с лета 1915 г. стал вообще неразличим. Он постоянно думал о том, что же предпринять, чтобы переломить ход событий и добиться победоносного мира. В конце концов он пришел к решению возглавить руководство армией. 23 августа 1915 г. был опубликован приказ по армии и флоту, в котором говорилось: «Сего числа я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш священный долг защиты Родины до конца и не посрамям земли русской». Ему оставалось править полтора года, и большую часть этого времени он провел в Могилеве.

Маленький заштатный Могилев стал на несколько месяцев главным центром страны, ее армии и тыла. Со второй половины 1915 г. положение на основных фронтах стабилизировалось, однако в тылу ситуация ухудшалась.

К 1916 г. патриотические восторги были позади, и в обществе царило глухое брожение, прорывавшееся наружу в повседневных разговорах о шпионах и предательстве. Государственная администрация все больше и больше погружалась в состояние оцепенения. Последний царский министр внутренних дел А.Д. Протопопов, говоря о заключительном периоде существования монархии, заметил: «Всюду было

будто бы начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много, но общей воли, плана, системы не было и быть не могло при общей розни среди исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля за работой министров».

В начале 1916 г. на посту премьера И.Л. Горемыкина сменил Б.В. Штюрмер, бывший ранее губернатором в Новгороде и Ярославле, а затем занимавший много лет пост директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел. На сессии Государственной думы 9 февраля 1916 г. в Таврическом дворце в первый и последний раз перед депутатами с кратким обращением выступил император. Он призвал думцев к совместной работе на благо отечества, и эти слова были встречены громом аплодисментов. Царь был удовлетворен и записал в дневнике: «удачный и оригинальный день». Овации в Думе отгремели, и все осталось по-старому: Николай II — в Ставке, в кругу военно-политических проблем, Александра Федоровна — в Царском Селе со своими страхами, сомнениями и «дорогим Григорием», а общественные деятели в своих гостиницах и салонах продолжали распалать собственное воображение разговорами о «темных силах» и грядущих потрясениях, утверждая, что положение может спасти лишь «министерство общественного доверия».

Но был еще один, молчавший до поры, грозный и могучий мир, о котором все знали, от имени которого управляли и выступали, — страна с многомиллионным населением, Россия деревень, фабрик и заводов, в недрах которой черпались силы для ведения войны. Миллионы солдат, главным образом бывших крестьян, были брошены на фронт и разметаны на огромных пространствах от Балтийского моря до Закавказья. К концу 1916 г. общее число мобилизованных достигло почти 13 млн. Оторванные от привычного уклада жизни, загнанные в сырые окопы и холодные землянки, они мучились и погибали за цели, которые были от них весьма далеки. Многие из них почитали Бога и Царя, знали урядника в своем уезде, земского начальника, может быть, губернатора, но ни о каких «радетелях» и «спасателях» слыхом не слыхивали, да и мало интересовались «забавами господ». Постепенно эти миллионы превращались в огромную асоциальную массу, где зрели страшные «зерна гнева», давшие такие разрушительные всходы.

В последний период существования монархии власть предоставила массу поводов для ярких и эффектных выступлений против себя. Совет министров больше походил на героев крыловской басни о лебеде, раке и щуке, чем на центральный

административно-координирующий орган. Чуть ли не каждый министр вел «свою линию», интригуя против других, а некоторые искали популярности в либеральной среде, согласовывали там свою деятельность, хотя клятвенно обязались служить государю. Приближалась развязка. В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. во дворце Юсуповых на Мойке в Петрограде был убит Григорий Распутин, и эта весть вызвала одобрение во многих кругах. Некоторым показалось, что черные дни миновали, что теперь наконец-то все пойдет наилучшим образом, но это была лишь краткосрочная иллюзия.

§ 6. Кульминация монархической драмы: отречение Николая II

27 февраля 1917 г. Николай II в Могилеве получил верные сведения из Петрограда о происходивших там серьезных беспорядках, начавшихся еще 23 числа. Толпы расквартированных в столице солдат из запасных батальонов вместе с примкнувшими к ним группами гражданских лиц ходили с красными флагами по главным улицам, громили полицейские участки, грабили магазины, вступали в стычки с верными царю войсками. Положение становилось критическим. Власть правительства в столице была парализована. Надо было принимать срочные меры для водворения порядка.

Монарх серьезно расстроился. Говорят, что причиной выступления стала нехватка хлеба и муки в Петрограде. Хороши же столичные власти! Не могли обеспечить своевременный подвоз продовольствия. Где же правительство, где министр внутренних дел Протопопов, много раз уверявший, что им все делается для поддержания в столице порядка и обеспечения снабжения жителей? От него никаких известий нет, но зато председатель Думы Родзянко прислал возмутительную телеграмму. Как всегда, этот толстяк нагнетает страхи и требует создать правительство из общественных деятелей. Опять одно и то же! Вместо того, чтобы помогать властям, эти говоруны из Государственной думы только и мечтают о министерских портфелях и клеветают на верных людей. Как они не понимают, что прежде всего надо одержать победу, а уж затем заниматься политическими реформами. Ну, ничего, Господь поможет и все обойдется. Надо послать в Питер надежного генерала во главе преданных войск и восстановить там спокойствие. Какое милое письмо прислала дорогая Алике, как ей, бедной, тяжело одной с больными детьми в Царском. Но, как всегда, дорогое солнышко не

теряет присутствия духа и спокойно сообщает о последних событиях.

Весь день чины свиты и служащие Ставки шепотом обсуждали события в столице, принимавшие драматический оборот. Любимец государя, его флаг-капитан адмирал К.Д. Нильов повторял: «Все будем висеть на фонарях, у нас будет такая революция, какой еще нигде не было». Многие считали это неудачным зубоскальством, но никто не возражал. Все понимали, что нужно что-то предпринимать, но что именно — никто толком не знал. Кто с надеждой, а кто с безысходностью ждали решений от императора. Никто из императорской свиты, из числа этих осыпанных милостями и почестями людей, не нашел в себе мужества и решимости бросить вызов надвигающейся катастрофе и стать опорой угасавшей царской власти. С утверждением, что следует навести порядок в Петрограде, не спорили. Здесь было полное согласие. Но как этого добиться — мнения расходились. Некоторые полагали, что надо послать верные части для восстановления спокойствия силой; другие же, а таких с каждым часом становилось все больше, склонялись к мысли о необходимости пойти на уступки Думе и согласиться на создание правительства по ее усмотрению. Надежда, что кабинет общественных деятелей положит конец смуте, рождала осторожный оптимизм. Они еще не ведали, что зарождающийся смерч русского бунта этим остановить нельзя.

В 8 часов вечера 27 февраля 1917 г. начался последний царский обед в Ставке. Император появился за несколько минут до назначенного времени, на нем рубаха защитного цвета, лицо серое, настроение подавленное. В полном молчании обошел присутствующих и пригласил всех к столу. Рядом с ним находился герой военной кампании в Галиции, известный боевой генерал Н.И. Иванов. Сама трапеза мало кого занимала. Все прислушивались к разговору Николая II с Ивановым. Как всегда, первым встал из-за стола император и, сделав общий поклон, удалился в свой кабинет. Стали расходиться и остальные. Генерал Иванов сообщил нескольким членам Ставки, что государь распорядился отправиться ему с батальоном георгиевских кавалеров и некоторыми другими частями в Царское Село, а затем — в Петроград для восстановления порядка. Вскоре стало известно, что императором послана телеграмма М.В. Родзянко с согласием на создание ответственного министерства и отдано распоряжение о подготовке к отъезду. После полуночи Николай II переехал в поезд, отбывший в 5 часов утра 28 февраля из Могилева в Петроград.

Маршрут пролегал через Смоленск — Лихославль — Тосно на Царское. В Вязьме были после полудня, и царь послал телеграмму жене: «Мысленно постоянно с тобою. Дивная погода. Надеюсь, что вы себя хорошо чувствуете. Много войск послано с фронта. Сердечнейший привет. Ники». В Лихославль прибыли вечером, и здесь Николай II получил весточку от Аликс о том, что у них все спокойно. В 21 час 27 минут телеграфировал в Царское: «Благодарю за известие. Рад, что у вас благополучно. Завтра утром надеюсь быть дома. Обнимаю тебя и детей, храни Господь. Ники». На всех станциях царили полное спокойствие и порядок. Раскаты петроградской грозы не докатились еще до глубинки России. Царь со всеми был ровен, сдержан и ничем не выдавал своих глубоких внутренних переживаний. Он непрестанно думал о своих близких, о судьбе России и династии.

Около двух часов ночи 1 марта царский поезд прибыл на станцию Малая Вишера. До Петрограда оставалось около двухсот верст, однако возникли неожиданные затруднения. Выяснилось, что все станции по пути следования заняты революционными войсками. Двигаться дальше было невозможно. Только здесь стало окончательно ясно, что противоправительственные выступления приняли широкий размах и что российский монарх уже не может беспрепятственно передвигаться по своей стране. После обсуждения ситуации было решено изменить маршрут. Окружение убедило Николая II в необходимости ехать в Псков, в штаб Северного фронта, где под командованием генерала Н.В. Рузского оставались надежные войска. После нескольких часов стояния в Малой Вишере императорский поезд двинулся в западном направлении. В середине дня прибыли в Старую Руссу. На станции собралась огромная толпа народа, желавшая видеть царя. Когда он появился в окне вагона, все сняли шапки, многие встали на колени и крестились. Восторженное отношение к императору не имело ничего общего с тем, что происходило в Петрограде.

В столице же власти царя уже не существовало. Временный комитет Государственной думы был преобразован во Временное правительство, в состав которого вошли давние недоброжелатели Николая II: П.Н. Миллюков, А.И. Гучков и откровеннейший враг трона и династии социалист А.Ф. Керенский. На улицах царило радостное возбуждение. Торжествовал красный цвет флагов и наскоро намалеванных транспарантов, на которых преобладал один лозунг: «Долой самодержавие!». Никто уже не работал и казалось, что чуть ли

не все жители трехмиллионного города вышли на улицу в уверенности, что черные дни миновали, что теперь начнется новая, светлая жизнь без горестей и печалей. Восторги принимали порой характер истерии. Толпы солдат, матросов, студентов, рабочих, низших служащих стекались к резиденции Государственной думы — Таврическому дворцу, у парадных дверей которого проходил нескончаемый митинг. Ораторы сменяли один другого. Особенно воодушевило собравшихся выступление нового министра юстиции А.Ф. Керенского, заклеймившего старую власть и провозгласившего наступление эры мира и благоденствия в России. Дамы и курсистки из публики бросали к его ногам первые весенние цветы, и с несколькими из них сделался обморок.

Новой власти стали присягать воинские части, и почти никто уже не сомневался, что со старым режимом покончено раз и навсегда. Удивление и восторг собравшихся вызвало появление кузена Николая II великого князя Кирилла Владимировича, который с красным бантом на груди привел находившийся под его командованием Гвардейский экипаж и встал на сторону победителей. Со всех концов города стали привозить арестованных царевых слуг, и наиболее заметных помещали в министерском павильоне Таврического дворца. К вечеру 1 марта здесь находился цвет сановной иерархии, люди, совсем еще недавно обитавшие на недостижимой высоте: бывшие премьеры И.Л. Горемыкин и Б.В. Штюрмер, председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов, обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер.

Долой предателей! Долой тиранов! Да здравствует свобода! Казалось, что даже холодный мартовский воздух стал горячее от всеобщего ликования и радостных надежд. Как-то разом опустели церкви, и быстро входило в моду новое слово «товарищ». Но всех, особенно новых правителей, занимал один вопрос: где царь, что он делает? Под напором всеобщей эйфории быстро возобладало убеждение, что «этот деспот», «этот изменник» и «его жена-немка» должны быть отлучены от власти. Им не может быть предоставлено никакой роли в новой, свободной России. Слухи опережали официальную информацию властей, и события сменялись так быстро, что сообщения экстренных выпусков газет устаревали еще в типографиях.

Совершенно неожиданно для думцев возник Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, сразу ставший центром крайних требований и лозунгов. Председатель Думы М.В. Родзянко, самоуверенный и поднаторевший в думских прениях деятель, отправился туда и перед расхристанными

солдатами и какими-то «штафирками» произнес страстную патриотическую речь, призывая к единению, к согласию всех элементов общества для защиты русской земли. Ему хлопали, но затем все испортил какой-то «собачий депутат», выступивший следом. «Товарищи! Господин Родзянко говорит о том, чтобы мы русскую землю спасали. Так это понятно. У господина Родзянко есть что спасать. Немалый кусочек у него этой земли в Екатеринославской губернии, да какой земли! Так что Родзянко и другим помещикам из Государственной думы есть что спасать. А будете ли вы спасать ее, если земля из помещичьей станет нашей?» «Какой мерзавец! — негодовал Михаил Владимирович — И особо возмутительно, что этому негодяю устроили овацию!»

Надо немедленно укреплять власть и для всеобщего успокоения добиться отречения императора в пользу своего сына. Должна существовать преемственность власти и, если на престоле окажется чистый и, конечно же, незапятнанный никакими политическими делами мальчик, то русские сердца смягчатся и можно будет следовать ответственному правительственному курсу. Родзянко обсудил план с некоторыми известными депутатами Думы, разделявшими эти взгляды. Уже вечером 1 марта возникла идея ехать на встречу с царем и уговорить его согласиться на отречение. Замысел решили не разглашать, обставить все скрытно, чтобы какие-нибудь непредвиденные обстоятельства не нарушили его. Постановили, что поедет сам Родзянко, депутат В. В. Шульгин и член Государственного совета А. И. Гучков — человек, широко известный в России своей резкой критикой старой власти. Позже все-таки возобладало мнение, что Родзянко лучше остаться в Питере и держать под контролем события. Депутация не была уверена в благоприятном исходе своей миссии, но решили не возвращаться без достижения согласия.

Уже в полной темноте, около восьми часов вечера, 1 марта царский поезд подошел к станции Псков. Народа на платформе было немного, оживления не отмечалось. Встречали губернатор, представители местной администрации, несколько офицеров и прибывшие ранее чины свиты. Царь принял в вагоне губернатора. В это время на платформе появилась согбенная фигура генерала Н. В. Рузского в сопровождении начальника штаба и адъютанта. В ожидании приема он разговорился с несколькими свитскими, обратившимися к нему с призывом помочь государю в этот трудный час. Ответ старого генерала поверг всех в ужас. Он не только не высказал желания следовать долгу и присяге, но прямо заявил, что «теперь надо сдаться на милость побе-

дителя». Царь пригласил генерала к обеду, во время которого задал несколько вопросов о положении на Северном фронте и в Петрограде, и сообщил, что ожидает приезда Родзянко, от которого надеется получить подробные сведения о событиях в столице. Рузский попросил об аудиенции, и монарх пригласил его к себе через час.

Их встреча затянулась далеко за полночь. Эти несколько часов беседы императора с командующим Северным фронтом, телефонных и телеграфных переговоров с Родзянко и начальником штаба Верховного главнокомандующего в Могилеве генералом М. В. Алексеевым оказались переломными. На осторожный намек Рузского, что необходимо было еще раньше согласиться на правительство общественных деятелей, Николай II, явно волнуясь, заметил: «Для себя и своих интересов я ничего не желаю, ни за что не держусь, но считаю себя не в праве передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред России, а завтра умоют руки, подав в отставку. Я ответственен перед Богом и Россией и все, что случилось и случится, будут ли министры ответственны перед Думой или нет — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делают министры не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность».

Рузский призывал монарха принять формулу: государь царствует, а правительство управляет. Но Николай Александрович возразил, что ему эта формула непонятна, что надо было получить другое воспитание и переродиться, что он «не держится за власть, но только не может принять решение против своей совести и, сложив с себя ответственность за течение дел перед людьми, не может сложить с себя ответственность перед Богом. Те люди, которые войдут в первый общественный кабинет, люди, совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не справятся со своей задачей».

В конце концов Рузский уговорил царя во имя блага России и своего сына пойти на компромисс с совестью. В 0 часов 20 минут 2 марта генералу Иванову, эшелоны с войсками которого находились уже в Царском Селе, была послана телеграмма: «Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. Николай». В три часа ночи генерал Рузский связался по телефону с Родзянко. Разговор длился долго, более двух часов. Председатель Думы произнес много слов о важности происходящего, о трагизме положения и недвусмысленно дал

понять, что общее настроение склоняется в пользу отречения императора. Разговор Рузского с Родзянко был передан в Ставку генералу М.В. Алексееву, заявившему, что «выбора нет и отречение должно состояться».

Из Ставки были посланы срочные телеграммы командующим фронтами, где говорилось, что для спасения России от анархии необходимо отречение императора в пользу своего сына. Командующие призывались высказать свое мнение. К полудню 2 марта стали приходить ответы: от командующего Юго-Западным фронтом генерала А.А. Брусилова, от командующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта, от командующего Кавказским фронтом, двоюродного дяди Николая II и бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Все призывали царя принести жертву на алтарь отечества и отречься. В послании последнего говорилось: «Я, как верноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленоопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего наследника, зная чувства святой любви Вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвою молю Бога подкрепить и направить Вас».

Телеграмма от командующего Румынским фронтом генерала В.В. Сахарова пришла последней, около 15 часов. С гневом и болью старый русский офицер писал: «Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнуснейшего предложения, переданного Вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственная дума, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей... Рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы немедленно не дало пищи к предъявлению дальнейших, еще гнуснейших, притязаний». Копии телеграмм генерал Алексеев препроводил на имя императора в Псков, добавив от себя: «Умоляю Ваше Величество безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление грозит губительно России».

Пошли последние часы и минуты последнего царствования. Ознакомившись с мнением военачальников, царь пересилил себя, переступил через принципы и принял решение

отказаться от короны. Он горячо молился в своем вагоне перед походным алтарем и просил Бога простить ему этот грех — измену клятве, данной при воцарении. Если все кругом этого просят, если все считают, что он должен принести эту жертву, то он ее принесет. Господь поймет и не оставит! Как растеряны и напуганы приближенные, какие у всех мрачные лица, а некоторые стараются не поднимать глаз. Многие из них лишатся своих должностей, но он уже никому не сможет помочь. Никто из них не пришел на помощь к нему, никто не встал на защиту трона и династии. Бог им судья!

Царь вышел на платформу. Был легкий мороз и шел редкий снег. Вернувшемуся генералу Рузскому сообщил о своем согласии отречься. После непродолжительной прогулки вдоль состава вернулся в начале четвертого в вагон и составил две телеграммы — одну на имя Родзянко, а другую на имя Алексеева. Вторая гласила: «Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно». Служить верно и нелицемерно! Ему они так не служили. Все его бросили и предали. Только его дорогая Аликс и дети останутся с ним. Что теперь будет?

Рузский был приглашен к императору, вручившему оба послания для отправки. Генерал сообщил Николаю II, что из Петрограда выехали для переговоров Гучков и Шульгин. Решено было дожидаться их приезда и никаких телеграмм пока не посылать. Потянулись томительные часы ожидания. Император не терял присутствия духа, и хотя приближенные замечали порой признаки охватывавшего его волнения, природная выдержка и воспитание не позволяли этому человеку проявлять слабость.

Депутаты ожидали в семь часов вечера, а приехали только около десяти. К этому времени в настроении обреченного монарха многое изменилось. Все эти часы он обдумывал грядущее и особенно будущее сына Алексея. Ведь он еще совсем мальчик, к тому же болен. Ему нужен постоянный уход и забота любящих людей и в первую очередь матери, а сможет ли она остаться при нем? Кругом столько лицемерия и вражды, ни за что нельзя поручиться. Уже третий день он не имеет подробных известий из Царского. Что там? Как они? Дети лежат больные, а бедная Аликс, которая сама в последнее время была нездорова?

Ближе к вечеру рокового дня император имел обстоятельный разговор с лейб-хирургом С.П. Федоровым, уже несколько лет лечившим цесаревича Алексея. Отец просил врача высказаться совершенно честно и откровенно о том, что

ждет в будущем сына. Профессор не стал лукавить, сказав со всей определенностью, что, хотя Алексей Николаевич и может прожить долго, но все же, если верить медицинской науке, он неизлечим и предсказать будущее в данном случае невозможно. В ответ услышал: «Мне и императрица говорила так же, что у них в семье та болезнь, которую страдает Алексей, считается неизлечимой. Я не могу при таких обстоятельствах оставить одного больного сына и расстаться с ним. Я останусь около моего сына и вместе с императрицей займусь его воспитанием, устранив от всякой политической жизни».

Наконец прибыли посланцы революционной столицы. Выглядели они совсем непарадно: трясущиеся руки, хмурые, помятые лица, несвежие костюмы, нечищенная обувь. Они были растеряны и подавлены не меньше членов императорской свиты. Эти представители «новой России» находились в неведении относительно намерений государя и считали, что им предстоит тяжелая миссия — уговорить царя отречься в пользу сына Алексея при регентстве брата императора, великого князя Миханла Александровича. По пути к царскому поезду Шульгин сказал: «В Петрограде творится что-то невообразимое. Мы находимся всецело в их руках и нас, наверное, арестуют, когда мы вернемся». Хороши же народные избранники! Прошло всего несколько дней, а они уже дрожат от страха перед тем народом, которым взялись управлять и от имени которого приехали говорить об отречении.

В салон-вагоне царского поезда их встретил министр Императорского двора граф В.Б. Фредерикс, спросивший А.И. Гучкова о том, что происходит в столице. Ответ был убийственным для царедворца: «В Петрограде стало спокойнее, граф, но Ваш дом на Почтамтской совершенно разгромлен, а что стало с Вашей семьей — неизвестно». В полном молчании прошло несколько минут, показавшихся часами, и наконец появился Николай. Он был в кавказской казачьей форме и сохранял внешнее спокойствие. Любезно поздоровался с прибывшими и пригласил всех сесть.

Разговор начал А.И. Гучков. Тихим, хриловатым голосом, смотря все время в одну точку на полу, он рассказал о том, что положение угрожающее, что к движению примкнули войска и рабочие, беспорядки перекинулись на пригороды. Все новоприбывающие воинские части переходят на сторону восставших, и для спасения родины, для предотвращения хаоса и анархии был образован Временный комитет Государственной думы, принявший всю полноту власти. Гуч-

ков далее сообщил, что образовался Совет рабочей партии, требующий социальной республики. Это требование поддерживают низы и солдаты, которым обещают дать землю. Толпа вооружена, и опасность угрожает всем. Единственный путь спасения — передача бремени верховной власти в другие руки. «Если Вы, Ваше Величество, — завершил Гучков, — объявите, что передаете свою власть Вашему сыну и передадите регентство Вашему брату Михаилу Александровичу, то положение можно будет спасти».

Император выслушал этот довольно продолжительный монолог не перебивая, не задавая вопросов. Какая горькая ирония судьбы, какое жестокое испытание! Он, получивший корону от отца, он, поставленный на свой высокий пост Божественным Промыслом и ответственный все 22 года правления только перед Всевышним, должен теперь отречься перед лицом каких-то депутатов, один из которых — этот самый Гучков, давний враг трона, как хорошо знал государь, много лет распространявший антидинастические клеветы. Пусть будет так. Значит, это угодно Богу и надо испить эту горькую чашу до дна!

Когда Гучков закончил, Николай II сказал: «Ранее вашего приезда, после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной думы, я думал в течение утра, и во имя блага, спокойствия и спасения России я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав свое положение, я пришел к заключению, что ввиду его болезненности, мне следует отречься одновременно и за себя, и за него, так как разлучаться с ним не могу». После этих слов возникла напряженная пауза. Такой исход депутаты не предвидели. Наследником трона мог быть лишь сын монарха. Об этом прямо говорилось в законе. Новая комбинация, когда трон переходил к брату императора, не отвечала букве закона, но, с другой стороны, когда составляли эти нормы, никто не предусмотрел возможность добровольного отказа самодержца от престола.

Произошел непродолжительный обмен мнениями, и в конце концов Гучков сказал, что они могут принять это предложение. Государь вышел в свой кабинет и быстро вернулся обратно с проектом манифеста об отречении. Текст тут же обсудили, внесли незначительные поправки, переписали, и в 23 часа 40 минут 2 марта Николай Александрович — семнадцатый царь из династии Романовых — его подписал. Теперь уже бывший император попросил лишь поставить на нем другое время — 3 часа 5 минут дня, когда было принято

окончательное решение. Далеко за полночь, вернувшись в спальное купе, развенчанный монарх, как всегда уже на протяжении последних 35 лет, занес в свой дневник краткое описание дня и завершил запись словами: «Кругом измена и трусость и обман!»

Еще 22 февраля, когда император покидал Царское и направлялся в Ставку, ничто не предвещало будущих потрясений. Этот последний день был похож на все остальные: с утра чтение деловых бумаг, прием должностных лиц. Завтракали вместе с братом Миханлом. Затем попрощался с детьми, помолился с Аликс в церкви Знамения Божией Матери, расположенной рядом с дворцом, и поехал на станцию. На следующий день, в три часа дня, Николай был уже в Могилеве.

Императрица осталась дома, в любимом обиталище — Александровском дворце. С этим местом так много в их жизни было связано. Здесь родился Ники, и сюда он привел ее, молодую и счастливую, вскоре после женитьбы. Здесь они провели лучшие часы жизни, здесь появился на свет их первенец — дочь Ольга. Этот дворец, построенный по заказу императрицы Екатерины II архитектором Квареинги для ее любимого внука Александра, был особо дорог последней императрице. Расположенный в глубине старого царскосельского парка, окруженный густыми зарослями так любимой Аликс сирени, он был удален от шумных магистралей и оживленных мест. Тут царили тишина и покой, чем очень дорожили венценосцы.

После отъезда Николая, к вечеру 22 числа дочь Ольга и сын Алексей занемогли. У них определили корь. На следующий день заболела Татьяна, затем дошла очередь и до остальных. Температура у детей все время была высокой, их мучал страшный кашель, глаза слезились и болели. В довершение несчастья слегла и ближайшая наперсница царицы Аня Вырубова. Через два дня после отъезда Николая личные апартаменты царской семьи походили на лазарет. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь шепотом сиделок. Окна были занавешены (свет раздражал глаза), и в полумраке можно было различить лишь несколько женщин в белых халатах, одна из них в платье сестры милосердия — императрица. Начиная с 23 февраля Александра Федоровна спала лишь урывками, не раздеваясь, на кушетке или у Алексея, или в комнатах девочек. Она давала лекарства, готовила полоскания, измеряла температуру, кормила. Когда кому-то становилось легче, то утешала разговорами, иногда читала

книги. Но ее постоянно отвлекали на решение каких-то вопросов, которые без нее, императрицы российской, никто не мог решить. Надо было оставлять своих и идти вниз, на первый этаж, и там встречаться с визитерами, читать письма и деловые бумаги. Кроме того, она ежедневно непременно выкраивала время, чтобы хоть ненадолго заглянуть в церковь Знамения, помолиться и поставить свечи.

Ей сразу же сообщили, что днем 23 февраля в Петрограде на Васильевском острове и на Невском произошли беспорядки, и бедный люд приступом брал булочные, а некоторые, например булочную Филиппова, разнесли вдребезги. Вызванные казаки утомили толпу, и к вечеру все вроде бы успокоилось. Это известие не произвело сильного впечатления на императрицу. У нее хватало других забот. На следующий день она узнала о новых вспышках беспорядков в городе, но Протопопов и начальник Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов прислали успокоительные рапорты. Однако на следующий день, 25 февраля, все повторилось, но в еще большем масштабе. Посылая вечером ежедневное письмо-отчет мужу, она писала: «Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи. Это — хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы дома. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо себя вести. У меня было чувство, когда ты уезжал, что дела пойдут плохо... Нужно немедленно водворить порядок, день ото дня становится все хуже... Завтра воскресенье и будет еще хуже. Не могу понять, почему не вводят карточной системы и почему не милитаризуют все фабрики, тогда не будет беспорядков... Не надо стрельбы, нужно только поддерживать порядок и не пускать их переходить мосты, как они это делают. Этот продовольственный вопрос может свести с ума».

В Царском Селе, всего в двадцати верстах от Петрограда, пока было спокойно. Прибывавшие из столицы приносили безрадостные вести. С каждым часом положение становилось все более грозным. Протопопов прислал последнее успокоительное известие в конце дня 26-го и затем — тишина. Все министры куда-то подевались. 28-го противоправительственное движение докатилось и до Царского. В городе произошли митинги, в расквартированных войсках началось

брожение. Оно коснулось и подразделений, охранявших царскую резиденцию, а Свободный пехотный полк после митинга решил идти в Петроград и поддерживать новую власть. Александровский дворец с каждым часом все больше и больше начинал походить на остров, окруженный враждебной стихией.

Императрица, преодолевая страхи и опасения, продолжала бесценно выполнять обязанности сестры милосердия в своем маленьком госпитале, который уже 1 марта был отрезан от остального мира. Она ничего толком не знала о муже, получив последнюю телеграмму от него из Лихославля 28 февраля, в которой говорилось, что Ники будет дома на следующий день утром. Но часы шли, а его все не было. Лишь за полночь, 2 марта, пришло известие из Пскова. Почему он в Пскове? Что случилось? Сердце разрывалось от волнений, горя и досады, но надо было сохранять спокойствие, чтобы не расстраивать больных. 1-го вечером во дворце была слышна стрельба, происходившая невдалеке. Господи, спаси и сохрани!

В ранних сумерках 2 марта от церкви Знамения двинулась небольшая церковная процессия, во главе которой с высоко поднятым крестом шел настоятель царскосельского Федоровского собора протоиерей А.И. Беляев. С пением тропаря «Яко необозримую стену и источник чудес стяжавше Ты рабы Твое, Богородице Пречистая» подошли к Александровскому дворцу, где по желанию императрицы должны были отслужить молебен перед чудотворной иконой Царицы Небесной. Около дворца народа почти не было. Прибывших провели на второй этаж, на детскую половину, где в большой полутемной комнате лежали на кроватях пятеро детей. Икону поставили на стол, зажгли свечи. Началась служба. Земная царица опустилась на колени и горячо, со слезами на глазах, просила помощи и заступничества у Царицы Небесной. Затем приложилась к иконе, которую поочередно подносили к каждой кровати, и дети целовали образ. Осенив императрицу крестным знамением, отец Александр сказал: «Крепитесь и мужайтесь, Ваше Величество, страшен сон, да милостив Бог. Во всем положитесь на Его святую волю. Верьте, надейтесь и не переставайте молиться».

Эти слова прозвучали уже после решения об отречении. Когда икону выносили из дворца, он уже был оцеплен войсками, и все его обитатели оказались арестованными. Тысячелетняя история тронов и корон в России завершилась.

Глава 3

Великая российская революция

§ 1. Опасный крен

Революция — особый вид исторического движения. В сравнительно узких хронологических рамках поток событий до предела ускоряется, увлекаая за собой многие, вчера еще дремавшие силы, подмывая и обрушивая ставшие ветхими общественные институты и отношения, сотрясая все вокруг грохотом призывов, заклинаний, проклятий. Российская революция 1917—1920 гг по своим масштабам и потрясениям в ряду всех революций, известных истории, — рекордсменка. Она раскаленной лавой прокатилась от столицы «до самых до окраин» огромной империи, сметая устои, не только прогнившие, но и прогрессивные, начавшие утверждаться. В водоворот событий вовлекались все без исключения социальные слои и группы населения. Перемены коснулись буквально всех сторон жизни страны в целом и каждого человека в отдельности. Невиданные разрушения, огромные материальные, духовные и людские потери. И в то же время всплеск романтизма, возвышенных идеалов, попытка на скорую руку материализовать извечную мечту о равенстве и свободе. Искры этого грандиозного пожара разносились по всему свету, кого-то согревая, кого-то обжигая, кого-то предупреждая об опасности «игр» в революцию в условиях XX в., наполненного столькими взрывоопасными материалами.

Яркое и трагическое историческое событие, каким стала Великая российская революция, получило отражение в отечественной и зарубежной литературе. В научных исследованиях, сборниках документов, мемуарах охарактеризованы ход революции по основным регионам страны, деятельность общероссийских и местных партий и организаций, поведение ведущих классов и многочисленных социальных групп, вождей и масс. С течением времени обозначились различные, подчас противоположные подходы к трактовке революции. Каждое идеологическое направление предлагало свое понимание «правды», объективности, полноты отражения событий. И тем не менее каждый историографический этап, срез вносили свой вклад в понимание исключительно сложного, многопланового, динамичного явления, каким стала револю-

ция. Прошедшие после нее десятилетия высвечивали все новые и новые ее грани в контексте единой, непрерывной отечественной и мировой истории.

Пытаться воссоздать гигантское неразъемное полотно революции в кратком очерке — дело безнадежное; прочертить ее путь пунктиром — породить законные вопросы об обоснованности «пропусков». На наш взгляд, возможен вариант, связанный с попыткой выявить факторы, обусловившие крутизну поворота российской истории, исключительную массовость общественных движений, ожесточенность социальных столкновений, огромный масштаб перестройки и разрушений, сущность «продуктов», полученных в результате такого катаклизма. Главное — перейти от описания революции как крупнейшего исторического события (с относительно плоскостным отражением героев, их сподвижников и врагов, идей и программ, решений и преобразований) к анализу революции как своеобразного исторического процесса, имеющего свой сложный многоступенчатый «заводной механизм», противоречивую динамику, соответствующую стадийность, непредсказуемость (во многом обусловленную стихией) конечных результатов.

* * *

Попытки целого направления отечественной историографии (с 20-х и вплоть до 80-х гг. включительно) определить «предпосылки» революции можно считать безуспешными. Зависимость между выделяемыми объективными и субъективными «предпосылками», с одной стороны, и масштабом, глубиной, результатами революции — с другой, выявить так и не удалось. Сама концепция «предпосылок» навязывала вывод о закономерности революции, ее социалистической природе (после Октября), ведущей роли «самого прогрессивного» рабочего класса и т.п.

Из этого историографического тупика может подсказать выход постановка проблемы противоречий, накопленных российским обществом к началу и в начале XX в. Не связывая жестко дореволюционный и революционный периоды, оставляя значительное поле для проявления случайного, стихийного, субъективного, она позволяет оценить ту степень дезинтеграции общества, при которой могла совершиться революция (как вариант выхода из чрезвычайно сложного положения, в котором оказалась страна). Следовательно, изы-

скивается путь к пониманию и острейшей потребности перемен, и необходимости настойчивого поиска выхода из сложнейшей коллизии, и множества факторов, влиявших на исторический выбор. Таким образом, не снимается проблема альтернатив, но эти альтернативы видятся лишь в тех общественных силах, которые, выходя на арену исторического действия, реально претендовали на роль «мотора» общественного прогресса.

Уже революция 1905—1907 гг. обнажила целую группу острейших противоречий, взрывавших российское общество, сталкивавших в непримиримой борьбе различные слои и группы населения. Последующий период «замирения» и особенно участия страны в первой мировой войне добавил сюда новую весомую порцию противоречий. В совокупности поражает их обилие и многообразие. Правы были представители т.н. «нового направления» советской историографии (М.Я. Гефтер, К.Н. Тарновский и др.), определившие Россию как страну, вобравшую в себя конгломерат противоречий, характерных для всего мира в начале XX в. Возраставшая напряженность касалась буквально всех сторон общественной жизни, создавая опасный крен. Требовалась твердая и мастеровская рука правителя, чтобы удержать российский корабль на плаву, не дать ему лечь на борт и перевернуться. Открывался безграничный простор для проявления исторической инициативы. Кто ее проявит? На какие цели будет взят курс? Какие средства для этого будут использованы?

В предыдущем разделе книги убедительно показано, как постепенно зрело в обществе осознание гибельности консервации старых отношений и необходимости скорейшей всесторонней модернизации страны. Столь же убедительно показано, что правящие круги проглядели исключительно острую ситуацию, опасность нового социального взрыва, неохотно и непоследовательно вступая на путь разрешения вызревших социальных конфликтов и породивших их противоречий.

Для анализа природы и значения этих противоречий их необходимо сгруппировать. Представляется, что обоснованным будет выделение ряда групп (уровней), объединенных по характеру их возникновения, исторической укорененности, остроте. Это позволит выявить не только степень напряженности в обществе, но и масштаб предстоявших преобразований, которые могли и должны были совершиться и в ближайшие годы, и в сравнительно отдаленной перспективе. Следовательно, революция (возможная в этой ситуации) ук-

ладывается в рамки единого преобразовательного процесса, задачи которого ложились бы на плечи любого из правительств, оказавшегося у власти (естественно, с разным уровнем понимания и исполнения).

«Верхний» ряд противоречий составляли те, которые были обусловлены необходимостью преодолеть ставшее опасным отставание страны от передовых индустриально развитых стран (в области технологии, науки, производительности труда, квалификации кадров и общей культуры населения, вооружения армии, уровня потребления). Они обуславливали необходимость совершения Россией очередного исторического «скачка», наподобие тех, которые она вынуждена была осуществить в XVI и XVIII вв., на этапах догоняющего развития. Эти противоречия носили общесцивилизационный характер и затрагивали совокупные интересы общества, в особенности тех социальных групп и слоев, которые были объективно заинтересованы в сохранении и укреплении России как великого государства, поддержании его единства и достоинства. Начиная крутой, ускоренный поворот к мировой цивилизации с конца XIX в. передовые силы России осознавали жизненную необходимость сбросить оковы средневековья, замкнутости, изоляционизма. Главными их противниками выступали абсолютизм, остатки феодализма в деревне, на окраинах.

XX век бросал вызов России, ставя вопрос о будущем страны, ее территориальной целостности, роли в Евразийском регионе и во всем мире. Сокрушительное поражение в годы Крымской, затем Русско-японской войн, территориальные потери (на Дальнем Востоке), закрепление роли России на мировом рынке лишь как экспортера сырья, продовольствия, растущая экономическая, финансовая зависимость от развитых стран, обострение соперничества с рядом стран в прелегающих к России районах — сигналы, свидетельствовавшие об опасных тенденциях, совокупность которых не могла не затрагивать интересы народа России и всех его социальных слоев. В дверь настойчиво стучались задачи индустриализации страны, крутой перестройки аграрного сектора (в интересах мобилизации финансовых, материальных и людских ресурсов), проведения культурной революции (которую уже завершили страны Запада, воспитав необходимые кадры ученых, специалистов, рабочих, включенных в процесс индустриализации и урбанизации), демократизации всех сторон общественной жизни, создания правового государства, расширения прав и свобод личности, решения на-

ционального вопроса. Одна из сложнейших и актуальнейших задач — адекватное отражение новых общественных реалий в духовной жизни, менталитете, религии. Ветер перемен приносил с Запада передовые формы организации производства (тресты, картели, синдикаты), машинную технику (самолеты, автомобили, врубные машины, автоматическое оружие), формы политического устройства (парламентскую республику, многопартийность), идеи и концепции общественного развития (демократии, социализма). На российской почве все они давали быстрые и обильные всходы, направляя крутизну начавшегося поворота в сторону общественного прогресса. Но чем больше было свидетельств начавшегося «скачка», тем более расширялась пропасть между самыми передовыми и самыми отсталыми, традиционными институтами и отношениями. Обнажавшийся разрыв нес в себе опасность растущего напряжения и столкновения. Закономерно вставал вопрос о возможной и необходимой «цене» быстрого прогресса. Все отчетливее вырисовывались контуры вероятных схваток между общиной и фермерством, унитарностью и федерализмом, монополией и полурабочим-полукрестьянином, высоко-механизированной регулярной армией и казачеством.

На втором «этаже» противоречий располагались те из них, которые отражали специфику, особенности России, ее исключительную многоликость. В новом ракурсе проявлялись сложные взаимоотношения между географическими и экономическими районами, укладами жизни, быта. Острейшими были противоречия между крестьянами и помещиками, наемными рабочими и предпринимателями, между городом и деревней, центром и окраинами, между разными конфессиями, между русскими и представителями других народов, между самими окраинными народами, между казаками и примыкавшими к ним группами населения. Но центральным был все ярче проявлявшийся разрыв между самодержавной формой правления и интересами прогрессивных слоев населения. Весь этот богатейший спектр конфликтующих интересов представляли разнообразные партии и общественные организации — от монархических, черносотенных до либерально-демократических, леворадикальных, экстремистских. Среди них были широко представлены и национальные организации. Чем решительнее накануне и в годы войны Россия поворачивала в сторону передовых форм хозяйства, чем больше появлялось носителей прогрессивных идей и отношений, тем острее становилось их противостояние с отсталостью в области ведения хозяйства, управления общественными делами, отношений с внешним миром.

Третья группа противоречий — конъюнктурных, временных — была порождена уже тяготами и бедами мировой войны. Усиливающаяся экономическая разруха, угроза голода, усталость от войны, озверение, огромные жертвы, миллионные людские потери, разочарование в целях войны рождали протест в самых различных слоях. Социальная база самодержавия сужалась. Последняя группа противоречий, хотя и ограниченная узкими хронологическими рамками войны, вполне могла поспорить с двумя предыдущими по степени внесения разлада, противостояния в общество, сыграть роль своеобразного детонатора.

Масштаб всех этих назревших и отчасти перезревших проблем был неодинаков, цели и идеалы борьбы виделись различными, методы и средства их достижения применялись подчас противоположные. В целом же «букет» противоречий поднимал активность самых разнородных слоев населения, рождая в совокупности огромную приливную волну социального нетерпения. Возникла настоятельная потребность смены модели общественного развития — от самодостаточности и замкнутости к открытому обществу, активно обменивающемуся с другими странами всеми достижениями в области материального производства и духовной жизни; от противостояния различных социальных сил к поиску гражданского согласия вокруг первоочередных общегосударственных, общенациональных интересов. России было и что заимствовать, и что предложить другим народам. Принцип паритета давал возможность и резко ускорить через всестороннюю модернизацию темп общественного развития, и на новых основах закрепить православие, духовность россиян, их самосознание.

Видимо, еще в начале века под влиянием революции 1905—1907 гг., когда российское общество не достигло еще такой степени самораспада, был последний «разъезд», на котором можно было еще сравнительно безболезненно повернуть на путь буржуазно-демократического развития. Однако российский «состав» с грохотом проскочил его, набирая скорость.

Тесное взаимодействие и взаимовлияние в российских условиях всех групп противоречий, их тесное переплетение создавали неординарную ситуацию, рождали эффект домино: вспышка в одной части общества могла быстро распространиться и на другие, привести к тотальному взрыву. В этом заключался один из признаков углубляющегося системного кризиса общества. Попытка проведения Столыпинской аг-

рарной реформы указала на реальность такой динамики. Можно констатировать парадоксальность ситуации, когда, с одной стороны, правитель, не способный решить многочисленных проблемы, мог быть сметен под напором общественного протеста; с другой стороны, тот правитель, который брался за решение всех этих проблем, был как бы обречен на поражение перед лицом неизбежных огромных трудностей по их разрешению. Если принять это положение, то, видимо, станет многое понятным в деятельности (бездеятельности) Николая II и его окружения, которые понимали (скорее чувствовали) если и не тупиковость, то, по крайней мере, исключительную трудность крупных политических маневров. Фатальной неизбежности революционного взрыва не было, но разнообразный горячий материал для него был готов.

При всем разнообразии вызревших социальных и прочих конфликтов среди них выделилось (не обособляясь, а выполняя некую организующую роль) несколько, создававших особые широкие потоки общественной активности.

Основным, по всеобщему признанию, для России оставался аграрный вопрос, вокруг решения которого разворачивалась аграрно-крестьянская революция. Она имела своих «действующих лиц», свои специфические социальные интересы, политические организации (земельный вопрос рассматривался в программных документах большинства партий, но особенно народнического, эсеровского направления), идеологию и идеалы (закрепленные в крестьянских наказах). Накал крестьянских выступлений определял, в конечном счете, температуру оппозиционных настроений в стране.

По мере индустриализации страны, организационного и идейного сплочения рабочих, опиравшихся на беднейшие слои, наемных рабочих в деревне, в качестве относительно самостоятельного оформился поток пролетарско-бедняцкий.

Столь же быстро пробивало свое русло полноводное национально-освободительное движение, подпитываемое борьбой многочисленных этносов за свои политические, экономические, религиозные, культурные права.

В годы войны сформировалось антивоенное движение, в котором участвовали представители разных слоев населения.

Самым активным, наступательным, массовым, организованным (в той мере, в которой это было возможно в обстановке самодержавия, реакции после подавления первой революции), вбравшим в себя «соки» параллельных оппозиционных и революционных течений, было общественное

движение, объединенное под флагом демократизации, смены политического режима, установления конституционного порядка. Оно было наиболее продвинутое по степени реальных завоеваний (зачатков конституции и парламентаризма, укрепления земств и городских дум), теоретического обоснования (в свете опыта передовых стран Европы и Америки), наличия общенациональных лидеров (представленных главным образом в Первой — Четвертой думах)

Каждый из этих крупных потоков, в свою очередь, опирался на разнообразные слои, которые по мере отвоевывания позиций рассчитывали реализовать свои специфические программы. Крестьянство распадалось на зажиточных, середняков, бедняков. Столь же неоднородным был рабочий класс в зависимости от профессии, квалификации, заработной платы, связей с деревней. Пестрым был состав национально-освободительного движения, где под лозунгом национальных интересов объединялись бюрократия, предприниматели, родовая знать, интеллигенция, духовенство, рабочие, деревенское население. Это грозило обострением внутренней борьбы, непредсказуемыми комбинациями оппозиционных сил. Революция 1905—1907 гг. уже недвусмысленно «намекнула» на опасность такого лавинообразного обвала

В совокупности все эти оппозиционные (революционные) силы перегружали общество настроениями недовольства, неопределенности, отчаяния, готовности к открытой схватке. Они на время объединили, казалось бы, несводимые антифеодалные и антикапиталистические, общедемократические и узкоклассовые интересы. Включалась активность и предпринимателей, и средних, и пролетарских, и люмпенских слоев, каждый из которых приносил накопленный опыт защиты собственных интересов (от заговоров, революционных схваток до бунтов, пугачевщины). Активно обсуждался и перенимался и зарубежный опыт решения назревших общественных проблем.

Такое уникальное, с точки зрения мировой истории, сочетание разных типов движений создавало возможность единовременной активизации, разового выплеска накопленной социальной активности, что могло поставить власти перед трудноразрешимыми задачами. Раскаленным очагом, над которым быстро активизировались эти движения, могла стать мировая война. Но это же обстоятельство несло в себе огромную опасность последующего распада единого фронта оппозиции, развязывания тотальной гражданской войны. Страх перед подобным возможным финалом останавливал на поро-

ге революции всех здравомыслящих людей. И лишь «буревестники» революции призывали: «Пусть сильнее грянет буря».

Подспудно рождавшиеся и все ярче проявлявшиеся деструктивные тенденции могли стать ведущими лишь за гранью потери управляемости обществом, паралича государственной власти. Здесь, у критической черты, должны были проявиться и накопленный за века опыт монархического правления, и личные качества венценосца. У этой черты решался вопрос об исторической ответственности правящей элиты, которая могла и должна была не допустить трагического срыва.

Однако из окон Зимнего дворца плохо просматривались бескрайние просторы российской действительности. Неясными, размытыми проступали контуры народных выступлений. Политические баталии в столице рождали иллюзии знаний реальной обстановки. И царедворцам, и думцам казалось, что нараставший из глубины российской жизни гул недовольства не прорвется наружу. Хотя ощущение грозящей опасности нарастало, однако поражаало отсутствие адекватной политической воли.

Сложившаяся ситуация не объясняет ни непосредственную причину начавшейся в феврале 1917 г. революции, ни тех конкретных обстоятельств, которые обусловили взрыв народного недовольства. Она подводит к пониманию более общей проблемы — той степени «перегретости» общества социальным недовольством, при которой нужен был лишь повод для начала революционного обвала.

§ 2. Февральский рубеж

Февральско-мартовский переворот был быстротечным по темпу, крайне широким по составу участников революционного выступления, стихийным, хаотичным по объему решаемых первоочередных задач, столичным по характеру преобразований (смене центральной власти). Это была своего рода яркая вспышка, осветившая из одного источника всю необъятную Россию. В лучах этого света рельефно обнажились все накопившиеся за предыдущие десятилетия тревоги, боли, надежды. Появилась верхняя планка начавшегося революционного процесса. Как далеко этот процесс пойдет? Где будет нижняя планка? Какие группы населения будут вовлечены в этот поток? Что он сметет на своем пути? Какие политические силы вынесет на гребне в зону разлива, плавного сози-

дательного течения? На эти непростые вопросы ответ давало лишь время. Свой вклад в конечный результат вносили вож-ди революции, стремительно всплывшие на поверхность по-литической жизни из разных слоев населения, политические партии, пытавшиеся «рулить» на терпящем бедствие корабле, различные группы населения, использовавшие революцион-ный взрыв для решения своих специфических задач. В конеч-ном итоге черты возникавшего нового российского общества зависели от того, как далеко разрушительная волна, зародив-шись в столице, прокатится по стране, вбирая в себя огром-ную энергию протеста и преобразования, с каким «материа-лом» она вернется обратно.

Для начавшейся революции с первых ее актов была ха-рактерна важная особенность, заключавшаяся в отсутствии организованного, сплоченного сопротивления. Ни одна соци-альная группа, ни одна область страны («вандея») не высту-пила открыто под знаменами контрреволюции. Сторонники свергнутого режима ушли в тень, уже не играя в дальнейшем существенной роли в политической борьбе. Такая первоначальная легкость победы до предела расширила границы воз-можных преобразований. Но не способствовала ли она, при отсутствии внешнего активного врага, быстрому распаду са-мого революционного лагеря?

Первые месяцы — с марта по июль — вселяли надежду, что революция, неизбежно развиваясь, стремясь к политиче-скому завершению (через созыв Учредительного собрания, утверждение конституционного устройства), останется в своих исходных, достаточно широких буржуазно-демократи-ческих рамках. О такой возможности говорил ряд обстоя-тельств. Во-первых, общность понимания природы соверша-емой революции основными политическими силами, партия-ми и движениями (от октябристов, кадетов, кооператоров до меньшевиков, эсеров, национальных партий, крупнейших профсоюзов). На первых порах не составляли исключение и большевики (хотя с апреля и начавшие вооружаться ленин-ской установкой на переход от буржуазно-демократической революции — первого этапа Великой российской революции — к социалистической — следующему этапу). Во-вторых, ха-рактер первых преобразований, отражавших интересы аб-солютного большинства населения страны, вовлекавших их в единый поток демократического обновления обще-ства. В-третьих, активная, хотя и в рамках разных военных и геополитических интересов, поддержка революции страна-ми Антанты и Четверного союза. В-четвертых, быстрое раз-

рушение пирамиды самодержавной монархической власти и начало строительства демократической системы управления.

«Несущей конструкцией» формирующейся структуры демократии выступала система новых исполнительных органов власти (законодательная и судебная ветви могли образоваться лишь на основе будущей Конституции). Вертикаль новой демократической власти, начало которой было положено созданием 28 февраля Временного правительства, продолжили в столице и на периферии (в губерниях, уездах, волостях, городах) комиссары, комитеты общественной безопасности (получавшие разное название), опиравшиеся на сохранившиеся от дореволюционного времени выборные общественные органы — земства, городские думы, а также резко поднявшие свою роль общественные органы — кооперативные, продовольственные, земельные, профсоюзные комитеты, больничные кассы, исполкомы просветительных обществ и т.п. Эта разношерстная система исполнительных органов удовлетворяла интересы большинства социально активного населения (от крупных предпринимателей до пролетарских слоев города и деревни), но в «переложении» применительно к данному этапу революции — буржуазно-демократическому. Состав первого правительства, включавший октябристов, социалистов, но главным образом кадетов, нацелил страну на модернизацию всех областей общественной жизни на принципах демократии, частной собственности, целостности государства и защиту его глобальных интересов участием в мировой войне. Программа (Декларация) правительства, обнародованная 3 марта, предлагала совокупность мер, разворачивавших Россию в сторону прогрессивных тенденций, подкреплявшихся инициативой высших и средних слоев городского и сельского населения. Предлагаемая модель общественного устройства предполагала устойчивое развитие страны без обострения социальных конфликтов, без дальнейших потрясений, с постепенной трансформацией социальной структуры по мере индустриализации и урбанизации страны.

Первым крупнейшим шагом на этом пути было провозглашение демократических свобод для всех слоев населения. Устанавливалась свобода слова, печати, собраний и стачек, профессиональных союзов. Отменялись сословные и национальные ограничения. Намечалось провести амнистию, заменить полицию народной милицией, реорганизовать органы местного самоуправления, созвать Учредительное собрание для принятия Конституции и установления формы правления. Гражданское право предоставлялось и миллионам солдат.

Демократизация, политические свободы — лишь часть той обширной программы преобразований, которые предстояло осуществить в ходе революции. Но это была та часть, которая действительно в короткий срок могла быть выполнена перенапряженным, надорванным в условиях продолжающейся уже третий год войны организмом страны. Последующие же глубокие реформы в деревне, в промышленности, на национальных окраинах неизбежно дезорганизовывали бы тыл, снижали боеспособность армии, перечеркивая усилия и жертвы, принесенные Россией в мировой войне. Таким образом, с началом революции обнажились и столкнулись интересы общегосударственные, общенародные, с одной стороны, и социальные, региональные, групповые — с другой. Дальнейшую судьбу России определяла возможность их сочетания или расхождения. Результат зависел от того, какие социальные группы укрепятся в демократических органах власти, подчинят их своим интересам. Растерянность всех участников революции перед неудержимым напором стихии в Феврале постепенно сменялась попытками преодоления пробудившейся стихии, эксплуатации ее в интересах отдельных групп населения, новоявленных революционных вождей всероссийского и местного масштаба. Совместились во времени два противоречивых процесса — укрепление государственной власти и ее раздробление (по национальному, социальному, профессиональному, региональному признакам). На этапе революционной ломки «старого» обе эти тенденции дополняли друг друга при поиске элементов «нового». Проблема перспектив революции заключалась не столько в их наличии, сколько в характере взаимодействия. Победит ли тенденция централизации, унификации, или возьмет верх тяга к раздроблению, дезинтеграции? С марта по июль доминировала первая линия, с августа 1917 г. — вторая.

Меры по демократизации общества своей широтой и глубиной на несколько месяцев опьянили и объединили общество, обеспечив относительное согласие всех революционных сил. Сложился временный «союз» буржуазных и мелкобуржуазных средних слоев. Ощущение и ожидания коренных перемен большинством населения России укрепили оборонческие, патриотические настроения. Повсеместно развернулась работа по образованию новых органов власти, обновлению политических программ, созданию многопартийной системы. Пресса отражала все оттенки политической мысли, общественных настроений, демонстрируя подлинный плюрализм, терпимость к оппонентам и готовность к открытому диалогу.

Но то, что на короткое время сплачивало общество, далее уже подталкивало к расхождению, противостоянию, борьбе отдельных групп населения. Демократизацию в политической сфере большинство населения расценило как необходимый и желанный, но лишь первый шаг на пути реализации различных социальных программ. Революция из стадии политической органично перетекала в стадию социальную. Все многочисленные противоречия, накопленные Россией к 1917 г., через поведение, требования, настроения, общественную активность различных слоев населения прорывались на поверхность, разрушая еще вчера единый фронт революционеров: одни из них звали к миру, другие — к решению аграрных проблем, третьи — национальных, четвертые — профессиональных и т.п. В свою очередь, каждый из крупных сегментов дробился на более мелкие. Национальные партии и движения разбредались по национальным квартирам; в крестьянском движении появлялись признаки раскола, вызванного делением деревни на имущие и беднейшие слои; среди рабочих явственно проявлялись различия в требованиях высокооплачиваемых и низкооплачиваемых категорий и т.п. Таким образом, Российская революция демонстрировала одну из своих характерных особенностей — самодвижения и распада, вытекающих из сверхперегруженности ее разнообразными интересами и целями.

Этот переход от первого — политического — этапа революции ко второму — социальному — мог быть совершен или эволюционно — на основе объявленных и активно проводимых сверху реформ, или революционно — через очередную смену власти. Вторая линия насаждалась экстремистскими элементами, в первую очередь большевиками. Обстановку пробуждения стихии массового недовольства они использовали для перехватывания тактических требований буржуазных и социалистических партий с целью завоевания их сторонников. Так, несмотря на несоответствие своим программным требованиям, они заимствовали у эсеров требования социализации земли, «черного передела», укрепления мелко-единоличного хозяйства в деревне. Также быстро большевики «перезооружились», подхватив требования национал-демократических партий о самоопределении, праве народов на свободный выход из России. Таких политических, пропагандистских «кульбитов» было много. Однако результат (завоевание лидерства в революционном движении) перекрывал сомнения части большевиков, связанные с фактическими «отступлениями» от доктрины.

Носителями двух основных тенденций в развитии революционного процесса выступали Временное правительство (с подчиненными ему местными органами власти) и центральные советские органы (с обширной сетью местных Советов). Место, роль вторых в значительной мере определялись тем, что распад царской власти опережал процесс создания демократической. Образовавшийся вакуум заполняли различного рода политические суррогаты, появлявшиеся на волне революционной активности городских и сельских низов.

Советы возникали с ярко выраженной социальной окраской — как рабочие, крестьянские, солдатские и т.п., что в корне отличало их от формировавшейся вертикали общедемократических органов власти. Они несли в себе ряд родовых признаков: выступая как органы непосредственного революционного действия, самостоятельно вторгались во все сферы управления, легко переступая через правовые нормы; как самостоятельные общественные органы ориентировались главным образом на специфические национальные, профессиональные, социальные и прочие текущие интересы; принимая на себя ряд полномочий по решению наиболее злободневных вопросов, подменяя государственные органы, но не имея подготовленных кадров технического аппарата, средств, выступали главным образом как сила деструктивная. И еще важная черта — сложившись фактически на пустом месте (если не учитывать кратковременного опыта 1905 г.), без традиции, культуры, выверенного практикой опыта, Советы вынужденно формировались как околопартийные органы, заимствуя у активно действовавших партий их кадры, организационные навыки, методы работы в массах. Партийный дух царил в коридорах Советов. Сами партии — как теоретические, идеологические, организационные лидеры — со временем менялись, а этот дух оставался стойким: сначала эсеро-меньшевистский, затем большевистский.

Вернувшись в Россию в апреле 1917 г., Ленин разглядел в Советах их возможный потенциал как инструментов борьбы за власть в ходе углубления революции. В рамках этой гипотетической модели служебную роль играл тезис о двоевластии, якобы установившемся после Февраля. Положением о двоевластии (хотя Ленин одновременно констатировал, что Советы — еще «неразвитое», «слабое, зачаточное» правительство) искусственно поднималась значимость Советов, которые фактически не являлись второй самостоятельной властью, а выполняли хотя и важную, но все-таки вспомога-

тельную роль в общей системе демократических органов власти. Соглашение, заключенное между Временным правительством и Петроградским советом 2 марта, помогло каждой из сторон закрепить свое место в сознании широких масс населения как органов новой власти. Однако это было не равноправное партнерство и не фактический раздел власти. Сам Ленин констатировал, что эта «зачаточная власть», руководимая эсерами и меньшевиками, «сама и прямым соглашением с буржуазным Временным правительством и рядом фактических уступок сдала и сдает позиции буржуазии».

Для Ленина в Советах самой важной была сторона, связанная с характером социального представительства. Следуя сугубо классовому принципу в трактовке природы государства, Ленин принципиально противопоставил Временное правительство, как власть буржуазно-помещичью, Советам, как власти рабоче-крестьянской. Соответственно концепция двух диктатур выстраивала сценарий не социального партнерства, а непримиримой классовой борьбы; не упрочения основ демократии в рамках существующей социальной структуры общества, а ломки того и другого в угоду интересам беднейшего населения. Положением о двоевластии Советам выдавался своеобразный аванс: они провоцировались на борьбу за первые роли, одновременно перегружались конфронтационным духом (в борьбе и с Временным правительством, и внутри самих Советов между партиями за ведущую роль, господство). Активность Советов подогревалась теоретически и исторически не доказанным тезисом о том, что советские органы власти представляют собой «**высший** тип демократического государства», утопическим положением о последующем отмирании государства через советы как органы пролетарской диктатуры. Тем самым отвергался вариант возможного постепенного «вмонтирования» Советов в будущую стабильную систему демократических органов власти; сами Советы становились полем острейшей политической борьбы в ущерб остальным направлениям деятельности. В первичную клетку Советов был вживлен тлетворный микроб классовой борьбы.

С февраля по июль Советы развивались противоречиво. С одной стороны, они укреплялись, набирали опыт практической деятельности. С другой стороны, усиление проправительственных структур оттесняло Советы на периферию властного поля. Судьба Советов, а вместе с ними и всей складывавшейся демократической системы власти зависела от того, сможет ли Временное правительство вбить клин, ото-

рвать от Советов нарастающее оппозиционное движение или позволит им выступить единым фронтом под лозунгами перерастания в новую стадию (социальную) и соответствующего изменения характера власти (ее советизации).

Расслоение революционного движения после Февраля не приобрело вначале резко очерченных границ. Но в ходе мощных демонстраций в апреле, июне, июле в столице и ряде других городов против политики Временного правительства оно стало не только очевидным, но и своеобразным «мотором» дальнейшего развития революции. Все три политических кризиса означали рост оппозиционных настроений, увеличение числа участников движений протеста против внутренней и внешней политики Временного правительства, радикализацию требований. Они все шире сопровождались лозунгами недоверия правительству и перехода власти к Советам. Однако опрокинуть первоначальное соглашение они оказались не в состоянии. Во всех случаях центральные органы Советов выступали фактически в роли миротворцев, выражая доверие Временному правительству. Этот компромисс опирался на принципиальное признание революции как буржуазно-демократической и стратегическую задачу удержания ее в этих рамках. Требования демонстрантов (скорее — их организаторов) приходили в противоречие с интересами широких слоев города и деревни, удовлетворенных первыми достижениями революции, идеями обещанных реформ. Правительство объявило о своем стремлении добиться скорейшего заключения мира без аннексий и контрибуций, установления государственного и общественного контроля над производством и распределением продуктов, регулирования землепользования во имя интересов народного хозяйства и крестьянского населения, усиления налогообложения верхних слоев, укрепления центральных и местных органов власти, созыва в короткий срок Учредительного собрания (из Декларации первого коалиционного правительства, опубликованной 5 мая 1917 г.). Немалую роль играл психологический настрой различных категорий населения, испуганных эксцессами революции, репрессиями, погромами, разбоем, жестокостью, многочисленными пророчествами насчет кровавой гражданской войны. Проходила перегруппировка в обществе, в основе которой лежало уже отношение к самой разворачивающейся революции. Большинство социально активной части населения, поддержавшей революцию на этапе свержения самодержавия, провозглашения демократических свобод, перерастало в большинство протестующих против

подрыва устоев молодой неокрепшей демократии. Возвращаясь неоднократно к урокам июльского выступления, Ленин в дальнейшем должен был признать, что провинция и армия в тот момент не поддержали бы попытку насильственно изменить характер власти.

Сама же попытка большевиков в июле подвести массы петроградских рабочих, солдат к этой опасной черте вызвала сплочение всех демократических сил. На большевиков обрушились репрессии (аресты ряда лидеров партии, закрытие «Правды»), Ленин вынужден был скрыться в подполье, была развернута широкая пропагандистская кампания по дискредитации большевиков за их якобы контакты с германским командованием. Укрепился блок правящих партий, в числе которых наряду с кадетами прочное место занимали и социалисты (после их вхождения в состав коалиционного правительства с мая 1917 г.).

Летом была пройдена критическая точка развития революции. Теперь открывалась возможная перспектива стабилизации власти на основе соглашения ведущих политических сил, проведения демократических выборов и созыва Учредительного собрания, уточнения, опираясь на решения Собрания, параметров нового общественного строя России.

Главным смотром демократических сил стало Государственное совещание, созванное Временным правительством 12—15 августа. На нем прозвучали призывы, поддержанные большинством участников, укрепить государственную власть в центре и на местах, пресечь противоправную деятельность экстремистских организаций, укрепить армию, сплотить все слои населения во имя победоносного завершения войны.

Однако этот смотр одновременно выявил и намечавшиеся глубокие различия во взглядах его участников на перспективы и содержание революции. Четко обозначилась группа (командный состав армии, казачества, крупные предприниматели, поддерживаемые зарубежными вкладчиками капиталов, высшие слои бюрократии и интеллигенции, либеральные помещики), жаждавшая сильной, твердой, централизованной власти, порядка в тылу и на фронте, дисциплины, защиты интересов бюрократии и собственности. Эта часть общества была готова ограничиться «малой» революцией во имя высших интересов государства, народа. Приплюсовав к своему экономическому господству и доступ к рычагам политической власти, они постепенно покидали ряды революционеров, сплываясь вокруг идеи стабилизации, законно-

сти, порядка. В глазах своих вчерашних союзников они превращались в контрреволюционеров.

Менее определенной была программа центристской «революционной демократии», ориентированной на требования средних слоев, но не решавшейся настаивать на их реализации вплоть до созыва Учредительного собрания, окончания войны. Представители социалистических партий словесную риторику по поводу завоеваний революции не подкрепляли ясной программой очередных преобразований. На давление масс снизу они отвечали усилением исполнительной власти (через институт комиссаров), применением карательных мер против нарушителей законности, расширением полномочий правительства и его главы. Быстро приходило понимание, что путь к демократии лежит через временное и широкое использование элементов авторитаризма. Складывалась концепция демократической диктатуры. Ее контуры просматривались в «Декларации Временного правительства» от 8 июля. Правительство обещало действовать с той «энергией и решительностью, какие требуют чрезвычайные обстоятельства времени». Отделяясь туманными обещаниями решить неотложные земельный, рабочий, национальный и другие вопросы, Декларация призывала к введению жестких мер против попыток самочинно решать насущные проблемы. «Правительство спасения революции» (наренное так социалистами, лидерами Советов) в качестве главного противника, главной подрывной силы рассматривало леворадикальные элементы. Председателем правительства стал эсер А.Ф. Керенский, министром внутренних дел — один из лидеров меньшевиков И.Г. Церетели. Правительство обещало 17 сентября созвать Учредительное собрание.

Учитывая предстоящую острую борьбу при выборах в Учредительное собрание, правительство взяло курс на вытеснение из системы власти (особенно в провинции) всякого рода самочинных организаций. Основной удар наносился по комитетам общественной безопасности, Советам. Резко ограничивались права губернских, уездных, волостных земельных комитетов. Усиливались аппарат и полномочия комиссаров. В составе губернских комиссаров 37,85% были эсерами, 21,56% — меньшевиками, 11,76% — энесами. Следовательно, и среднее звено исполнительной власти уже существенно «порозовело», закрепляя важную роль социалистов в строительстве полновластной, централизованной, твердой государственной власти. Позиции социалистов уси-

лились и в самом Временном правительстве после изменения его состава 23 июля.

Третью группу участников Государственного совещания составляли представители леворадикальных партий — левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, большевики. Двойственность их положения заключалась в том, что своим присутствием на Совещании они фактически освещали процесс стабилизации демократической власти. Однако своими программными установками, тактическими целями они должны были раскачивать властный «корабль». Это противоречие большевики разрешили, покинув Совещание, обратившись к рабочим Москвы (где проходило Государственное совещание), ряда других городов с призывом бойкотировать Совещание, выразить свой протест массовыми забастовками, демонстрациями. Этот призыв был услышан и поддержан.

За обнаружившимся разбросом политических интересов на второй план еще отходили периферийные противоречия, отражавшие противостояния между центром и регионами, между русскими и другими национальностями, между различными конфессиями и т.п. Хотя волна демократизации подхлестывала и их, выводя на одну «линейку», однако многообразие революции не перерастали еще в стадию открытого размежевания и противоборства основных революционных отрядов.

При данном раскладе сил, когда сложилось хотя и неустойчивое, но тем не менее равновесие, открылась реальная перспектива путем созыва Учредительного собрания стабилизировать политическую систему, крупнейшую ошибку допустил первый блок политических сил. Переоценив свою роль (как ведущей политической, культурной, экономической, духовной силы), он пренебрег тем обстоятельством, что хрупкое согласие в обществе держится большей частью еще на Слове, на Авторитете и Доверии к политическим лидерам. Убрав эти «устои», они обрекли общество (в случае своего поражения) на быстро ускоряющееся движение под гору.

Еще с весны 1917 г. по инициативе крупных предпринимателей, генералитета шла скрытая финансовая и организационная подготовка политического переворота, чтобы избавиться от вынужденного союза с социалистами, ввести режим «твердой власти» (с опорой на армию, милицию, казачество), подавить стихийные беспорядки на фронте и в тылу. За кулисами Государственного совещания уже прорабатывались детали путча. На роль руководителя переворота

был выдвинут верховный главнокомандующий Л.Г. Корнилов.

Реальной стала опасность установления генеральской диктатуры. Образ и характер ее подсказывали введение смертной казни на фронте, военно-полевых судов, аресты «подрывных» элементов в армии, запрет на распространение большевистских газет, на участие солдат в выборных органах (Советах, полковых и ротных комитетах).

Такой трагический поворот, связанный с отказом от ряда завоеваний демократии, ломал весь сценарий постепенного изживания революционности, перехода страны на путь глубокого и последовательного реформирования всех областей общественной жизни. Непосредственным результатом корниловского мятежа (25 августа — 1 сентября) была резкая активизация центра и левого крыла революционных сил. Временно сложился их союз во имя сохранения завоеваний революции. Поднялся авторитет «революционной демократии» и всех партий, входивших в этот блок. Влияние кадетской партии, как в определенной мере соучастницы заговора, резко упало. Власть в государстве еще больше «порозовела». 27 августа распалось второе коалиционное правительство. На смену ему пришла Директория (высший исполнительный орган, состоящий из пяти министров во главе с Керенским), сделавшая еще один шаг в сторону демократической диктатуры.

Исторический вызов, брошенный ходом российской революции основным политическим силам России, теперь был обращен к демократическому центру — левому крылу кадетов, меньшевиков, эсеров, энесам. Однако и они оказались не на высоте. На их плечи легла слишком тяжелая ноша. Сказались отсутствие серьезного опыта участия в управлении государством, слабая связь центральных органов этих партий со своей социальной базой, амбициозность новоявленных государственных лидеров, упивавшихся огромной властью, и в то же время боязнь ответственности за распоряжение этой властью. В результате — топтание на месте, потеря темпа демократизации. Вместо ускоренного созыва Учредительного собрания — оттяжка с его выборами, вместо некоторого вынужденного ограничения демократии во имя стабилизации общества — бесконечные клятвы по поводу неукоснительного следования абстрактным принципам свободы, вместо решительной борьбы с экстремизмом слева — заигрывание с ним или недооценка его опасности. Поза, поза, поза... Увлекаемая мощным потоком молодой демокра-

тии, новая правящая элита не заметила быструю потерю доверия и поддержки со стороны широких масс населения. Керенский, социалисты вооружали своих оппонентов, новых претендентов на власть, богатым негативным опытом «звездной болезни», отказа от решительных реформ и прямого обращения к массам, а также неумения глубоко зондировать изменяющееся общественное настроение. И этот опыт был большевиками быстро усвоен и преобразован в тактику решительного штурма.

Глубокий раскол в революционном лагере, начавшийся в августе, в последующие недели и месяцы принял лавинообразный характер. «Медовый месяц» демократии завершался.

Революционный поток, неожиданно наткнувшийся на корниловскую «плотину» (попытку ее построить), круто повернул влево. Ускорив свой бег, он забурлил, прокладывая новые русла, разбегаясь по массе рукавов. Некоторый баланс сил, установившийся к концу лета между центральной властью и местной инициативой, был нарушен в пользу последней. Нарастали стихия, хаос, анархия, «пугачевщина». Жажда власти (столь доступной на революционной волне) одних сочеталась с нетерпением, озверением, романтическими ожиданиями других участников леворадикального крыла. «Человек с ружьем» играл все большую роль и в тылу. Отчетливо проявлялась «стихийно-народная подоплека русской революции». Вертикаль исполнительной власти, увенчанная Временным правительством, обвиненная в связях с корниловцами, зашаталась, теряя первоначальную массовую поддержку. Земства, городские думы оказались слабой опорой. Зато резко возрастала роль одной из боковых ветвей революционной власти, состоявшей из Советов, революционных комитетов, комитетов спасения, множившихся после августа. Глубокий кризис демократии давал шанс на выдвижение к вершинам власти учреждениям, несшим в себе угрозу антидемократизма, тоталитаризма. Их подпирали теоретические конструкции социалистической революции, в основе которых лежали идеи диктатуры пролетариата, классовой борьбы, насилия как повивальной бабки прогресса, смены формаций. Акцент в революции все больше смещался в область разрушения, низвержения, отрицания в ущерб созиданию, строительству, приращению.

Августовские события наглядно показали, насколько в России оказались еще слабыми и капиталистические отношения в целом, и предпринимательские и средние слои в обществе, и накопленные до революции и вновь приобретен-

ные после ее начала демократические институты и принципы. Эти события выявили просчеты и ошибки лидеров революции, их поспешность с отказом от монархической формы правления как исторически сложившегося «обруча», который мог бы удерживать общество от экстремизма, эгонизма, романтизма, революционаризма. Была доказана правота части либералов (Милюкова и др.), рассматривавших монархию как некую, выверенную веками ось государственного управления, без которой неизбежны безвластие, анархия, путь к гражданской войне. Утрачивала свою авангардную роль интеллигенция, расплачиваясь за оторванность многих ее представителей от реальной жизни, за незнание потребностей общества, за склонность к возвышенным идеальным схемам, бунтарство, воинствующий атеизм. В глубоком кризисе находилась и православная церковь, потерявшая опору в лице монархии, переставшая быть государственной, но не определившая достаточно четко своего отношения к революционным переменам в обществе. Временное правительство потеряло потенциал патриотизма, державности. Слишком радикально рассчитавшись с политическим прошлым, буржуазно-демократическая революция делала проблематичным свое будущее.

Если после июльского кризиса наметилось явное замедление советского движения, то в ходе и после подавления корниловского мятежа маятник резко качнулся в другую сторону. Общественно-политическая обстановка в стране явилась благотворной для распространения лозунга «Вся власть Советам!». Активизация Советов проявилась односторонне. Иницируемая снизу — солдатской, рабочей, крестьянской массой, она всячески тормозилась сверху — Центральными исполкомами Советов. Их партийные лидеры, противясь советизации, иначе понимали сущность российской революции, природу демократии, перспективы развития страны, тенденции развития общемировой цивилизации. Значительная часть меньшевиков и эсеров, все больше разочаровываясь в коалиции с кадетами, не готова была еще к разрыву с ними. В свою очередь, большевики «оседлали» лозунг «Вся власть Советам!», используя его не только для углубления революционного движения, но и для непосредственного прорыва (минуя стадию внутрисоветской межпартийной борьбы, о чем Ленин писал после апреля) к власти. Этот курс получал все больше «аргументов» по мере большевизации Советов, завоевания большевиками столичных (петроградского и

московского) Советов, расширения опоры Советов через фаб-завкомы и солдатские казармы.

Прояснить соотношение политических сил и настроений призвано было Демократическое совещание, созванное 14—22 сентября. Демократический блок усиливался участием в Совещании представителей городских дум, кооперативов, профсоюзов. Руководство Совещания отвергло предложения ряда курий о передаче власти Советам, о создании однородного социалистического правительства. Был продолжен курс на коалицию с кадетами в составе Временного правительства. Линия на социальный компромисс, на расширение демократических начал усиливалась созданием своего рода согласительной комиссии — Временного Совета Российской республики (Предпарламента), начавшего работать 7 октября и призванного провести подготовительную работу накануне созыва Учредительного собрания.

Однако эта линия демократизации, парламентаризма, реформаторства пресеклась. Ока «перебивалась» другой линией, быстро набиравшей силу с осени 1917 г. Городские и сельские низы, устав от обещаний коренных социально-экономических и национальных реформ, теряя доверие к правящим партиям, испытывая все возрастающие тяготы от войны, разрухи, недоедания, все активнее, самостоятельно, независимо от властей, а чаще — наперекор им, решали свои жизненные проблемы. Камертоном для национально-освободительного движения становились решения Украинской Рады об автономизации Украины и Финского сейма о независимости Финляндии; для рабочего движения — требования о введении рабочего контроля, национализации ключевых отраслей, решительного обуздания спекуляции; крестьянского движения — массовые захваты помещичьих земель, переделы земли, поджоги имений, вооруженные схватки с солдатами и казаками. Попытки правительства и местных органов власти посулами, увещеваниями и репрессиями предотвратить, погасить это «самовозгорание» оказывались безуспешными. Собрав урожай, готовясь к голодной и холодной зиме в тылу и в окопах, беднейшие слои населения все решительнее требовали учета и защиты их жизненных, неотложных интересов

Революция вступала в новый этап. Возможность реализации двух четко обозначившихся альтернатив ее движения зависела теперь от таланта политического руководства, от его гибкости, умения оперативно осмысливать всю толщу

общественных настроений, выявлять созидательный и разрушительный потенциал основных социальных групп

Последовательность курса демократических сил была похвальной. В нем отражались фундаментальные интересы страны, основных масс населения, закреплялись прогрессивные тенденции в развитии российского общества на основах законности, правопорядка, гражданского мира, многоукладности. Все больше укрепляясь во власти, социалисты, становясь государственными деятелями, меняли свое отношение к социальным и общенародным интересам, выдвигая на первый план общегосударственные. Однако эта линия не вбирала, не откликалась оперативно на то новое, широкое, грозное, разрушительное, что множилось на уровне обывденного настроения, поведения, психологии беднейших и страдавших на фронте и в тылу масс.

В этих условиях незаурядный специфический талант проявили леворадикальные элементы, уловившие момент (буквально, исторический миг¹⁾), когда можно было воспользоваться слабостью, просчетом, ошибкой политического противника, чтобы положить его на лопатки.

По опубликованным работам Ленина с конца августа хорошо видно, как он скрупулезно выявлял тенденции, отмечал явления, которые обобщенно свидетельствовали об обнажившемся кризисе власти, об основных носителях протеста и сопротивления. В сентябре этот реестр быстро пополнялся, в октябре дополнялся все новыми и новыми штрихами. В этот круг включались взрыв антивоенных настроений в армии после провала летнего наступления, отчуждение солдат от офицеров после корниловского мятежа; быстрый рост вооруженных выступлений в деревне; глубокий раскол в среде меньшевиков и эсеров, появление в обеих партиях сильного левого крыла, близкого по настроениям к большевикам; отход местных Советов от центральных советских органов; кампания большевизации местных и столичных Советов; приход к руководству Петроградским городским исполкомом Советов Троцкого (вступившего в ряды большевиков); расширение большевистского крыла в столичных городских думах; усиление влияния леворадикальных партий в воинских гарнизонах в столицах и городах, расположенных близко к Петрограду (Кронштадте, Ревеле, Гельсингфорсе и др.) В этом единовременном соединении разнородных факторов заключены и элемент случайности, и некое логическое проявление самодвижения, саморазвития революционного процесса через сознание и поведение людей, не получивших еще

для себя значимых результатов от революции. Линии социальной активности могли в любое время разойтись, ослабеть под влиянием тех или иных факторов. Но в данный момент законом наложения сил они создавали «девятый вал» для правящего режима, со всеми возможными разрушительными последствиями. Поэтому участие большевиков в Демократическом совещании Ленин оценил как ошибку, призвав своих сторонников бойкотировать Предпарламент.

Тактика подталкивания революции строилась не только на ряде верных оценок и обобщений, но и на не менее крупных просчетах и иллюзиях большевистского руководства. Ленин явно переоценивал уровень зрелости капитализма в России, роль госкапиталистических форм, «народность» Советов и способность их решать общегосударственные задачи, прочность союза рабочих и крестьян и т.п. Одна из таких стратегических ошибок была связана с переоценкой зрелости мирового революционного движения: «Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции». Поддавшись революционному поветрию, Ленин и его окружение ставили страну и народ России в невероятно трудное положение первопроходца, противостоящего всему цивилизованному миру. Проект нового общества, которое должно было возникнуть после социальной (социалистической) революции, строился не на выверенных общественной практикой принципах, а на отвлеченных, мифических прогнозах (типа введения всеобщего рабочего контроля, уничтожения постоянной армии, профессионального чиновничества, «отмирания государства» и т.п.).

Исключительно короткий срок — с конца сентября и до созыва 24 октября II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов — был использован большевиками в полную силу. За эти буквально считанные дни Лениным были подавлены сопротивление и колебания по отношению к восстанию части ЦК партии большевиков (Каменева, Зиновьева), перестроена под лозунгом практической подготовки к восстанию работа столичных и ряда региональных партийных организаций, налажены контакты с лидерами левых группировок других партий, усилена работа в армии, мобилизована Красная гвардия, на страницах большевистской прессы развернута мощная пропагандистская кампания против правящих партий, Временного правительства, Предпарламента. Ленин учитывал, что на предстоящих II Всероссийском съезде Советов и на Учредительном собрании большевики окажутся в меньшинстве и могут быть отброшены назад

с непредсказуемыми последствиями. Поэтому он спешил, по дням, по часам планируя и подготавливая восстание. С другой стороны, неверие в готовность большевиков взять власть и в особенности способность ее удержать лежало в основе политики всех буржуазных и социалистических партий. Это был крупнейший и грубейший политический просчет, определивший последующую судьбу, как их собственную, так и всей России.

Октябрьский переворот (24—25 октября) был осуществлен в Петрограде как по нотам. Власть Временного правительства пала. II Всероссийский съезд Советов своей леворадикальной частью (правая часть меньшевиков и эсеров покинула съезд), своим авторитетом освятил вооруженное выступление большевиков, передав всю власть в центре и на местах Советам. К руководству правительством пришли большевики во главе с Лениным. Великая российская революция отмерила свой очередной крупный рубеж. Но и он был не последним.

§ 3. Октябрь, Советы, большевики

Октябрьский переворот стал возможным в результате взаимодействия трех основных факторов. Первый — стремительное нарастание стихии народного протеста и самодеятельности в решении самых насущных, жизненных проблем — земли, мира, хлеба. Второй — трансформация этой народной стихии, крайне многоликой по проявлениям (от резолюций протеста до открытых вооруженных выступлений), в политическую форму с требованием передачи власти в центре и на местах в руки Советов. Третий — настойчивые усилия большевиков по максимальному расширению народного движения, по переводу его в русло борьбы за изменение характера власти, по укреплению своего лидерства в этом движении. Можно, видимо, спорить по поводу роли и удельного веса каждого из этих факторов.

Но нельзя игнорировать саму эту совокупность как решающую предпосылку состоявшегося переворота, подменяя ее каким-то одним фактором. Нельзя игнорировать огромное значение ее в определении характера и следующего этапа Великой российской революции.

Сущность этого этапа, на наш взгляд, определялась и резким возрастанием роли каждого из обозначенных компонентов, и обострением противоречий между ними, и поисками

ми большевиков для себя новых социальных и организационных опор в обществе.

Руководство большевистской партии политически очень точно отреагировало на поднимающуюся волну революционного нетерпения, ожесточения, вооружив массы соответствующими политическими программами. Декреты II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов показали, что большевики вовремя учли негативный опыт Временного правительства: свой приход к власти они сразу же, без оттяжки, без отсылки к будущему Учредительному собранию закрепили решением самых насущных задач революции. Судьбу вопроса о земле они вручили в руки самого деревенского населения. Следом за бурлила, широко разлилась, демонстрируя неимоверной силы преобразовательный и разрушительный потенциал, аграрно-крестьянская революция. Выступая составной частью общего революционного процесса (в качестве самостоятельной «малой» революции), с каждым месяцем набирая после Февраля силу, с октябрьского рубежа она в полную силу проявила свой характер, диктуя темпы аграрных преобразований, формы самостоятельности сельского населения, методы ломки не только феодалов, но и буржуазных отношений. Революция из столиц решительно шагнула в деревню, окрасившись там в свои специфические тона.

Такую же роль сыграл Декрет о мире. Многочисленная армия на фронте, солдаты и офицеры-тыловики, демобилизованные и призывники в Декрете слышали свой голос, свои требования. Декретом намечалась программа выхода России из войны, пробуждения своим примером революционного движения во всех воюющих странах, сопутствующего решения национального вопроса для угнетенных народов.

Последующим Декретом о рабочем контроле и другими актами в ноябре—декабре 1917 г. активизировалась и рабочая, пролетарская социальная «малая» революция.

В этом же ряду важнейших актов новой власти стояла «Декларация прав народов России», принятая через неделю после Октябрьского переворота и ставшая программой-знаменем для фактически самостоятельной национально-освободительной революции, опалившей своим горячим дыханием окраинные районы страны и приведшей к развалу Российской империи (с выделением в качестве самостоятельных республик Финляндии, Украины, Азербайджана, Грузии, Армении, Литвы, Латвии, Эстонии).

В развернувшейся повсеместной ломке старых устоев Советы находили свое оправдание и предназначение, в наибольшей мере реализую специфику своих родовых черт. В факте так называемого «триумфального шествия» Советской власти, приведшего к весне 1918 г. к победе Советов на большей части территории страны, отразились гибкость Советов, готовность их осуществлять самые разносторонние задачи, приспособляемость к разнообразным местным условиям. Молодой, неокрепший организм новых органов власти легко откликался на запросы масс, становясь орудием в защите их разнообразных групповых, классовых, корпоративных, национальных и прочих интересов.

Наблюдалось, таким образом, редкое в истории явление: революция на очередном этапе получила возможность наконец-то в полную меру выявить все богатство своих задач, целей, движущих сил. Этот взрыв гигантской накопленной ранее социальной энергии изменял картину революции. Она растекалась по необозримым просторам России крупными и мелкими потоками; формировались новые центры притяжения политических и социальных сил (в Прибалтике, на Украине, на Дону, Северном Кавказе и в Закавказье, на Волге, Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке); возникавшие уже новые — внутриреволюционные — противоречия определяли (в дополнение к дореволюционным) последующую динамику революционного процесса.

Октябрьский переворот ускорил и довел до низшей точки распад государственной власти в России. Бездумно отбросив остатки дореволюционной центральной и местной власти (городские думы, земства, судебную систему и пр.), разрушив зачатки возникавшей после Февраля демократической власти, Советы, претендуя на всю полноту государственной власти, оказались совершенно не готовыми к выполнению новых функций. Предстоял долгий и мучительный путь приобретения практического опыта, выстраивания новой централизованной системы власти, формирования концепции государственного управления, подготовки новых кадров. Однако основная трудность заключалась в том, что Советы и не желали укладываться в единую структуру общегосударственной власти. Этому мешало то обстоятельство, что широкие демократические круги не признали легитимность II Всероссийского съезда Советов и его право на изменение характера власти в государстве, на принятие основополагающих законов. Большевистское Временное правительство (Временное — до созыва Учредительного собрания) не получило поддержки

даже со стороны социалистических партий, требовавших создания однородного социалистического правительства. Сохранив правительство большевистским (при ограниченном участии «левых» эсеров), Ленин до предела сузил первоначальную политическую базу центральной Советской власти. Обратной стороной господства большевиков в правительстве явилось обеспечение максимального простора для революционизма масс, что могло расширить эту базу в будущем. Поэтому Советы, будучи органами чрезвычайно широкого демократического и социального фронта, решали трудную для себя задачу: идти ли «под руку» большевиков или объявлять им войну как узурпаторам власти. Но, пожалуй, самое парадоксальное заключалось в том, что, передавая в центре и на местах всю полноту власти Советам, II съезд Советов положил начало глубокому расколу, расслоению уже и этой, только что родившейся власти. Советы, вобрав в себя радикализм настроений средних и низших слоев населения города и деревни, стали организаторами местных движений со всем их разнообразием интересов и антагонизмов.

Выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся 12 ноября 1917 г., убедительно показали быстрое полевение масс. Буржуазные партии, растеряв доверие на предыдущих этапах революции, собрали всего 13% голосов избирателей. Не добились решающего успеха и большевики — они получили лишь четверть депутатских мест (учтем при этом временный эмоциональный эффект Октября, пропагандистское воздействие декретов о земле и о мире). Абсолютное большинство избирателей высказалось за социалистов (они получили 427 мест из 715) и за их детище — Советы. Эта возникшая на зыбкой почве революционного настроения связка социалисты — Советы показывала, что проголосовавшие за эсеров, меньшевиков, энесов и другие партии социальные группы в построении Советов пойдут своим путем, предложат свою программу первоочередных мер, противопоставят свои Советы большевистским Советам. Голосование за социалистов не означало убежденности большинства избирателей в идеи социализма. В социализме (в его романтическом, пропагандистском восприятии) искалось нравственное и политическое обоснование для радикализма при решении насущных, злободневных задач. Поэтому социалистическое большинство включало нетерпеливую разношерстную массу населения, решившего использовать социалистический трамплин для броска (разбегания?!) в разные стороны. Неизбежная внутрисоветская борьба была, видимо, не менее, если не более,

опасной для советской власти, чем открытые выступления ее противников (генерала Краснова под Петроградом, казачьих атаманов Каледина на Дону, Дутова — на Урале).

Этот этап «разбегания» Советов был естественным, логичным, отражал богатство содержания Великой российской революции. Он вмещал в себя и победу Советов, и их поражение, так как рушилась большевистская идея диктатуры «народа» через Советы. Все более ярко проявлявшееся различие природы Советов подводило их к этапу внутренней схватки по вопросу об их будущем, лидерстве, судьбе побежденных.

В первой половине 1918 г. внутрисоветский конфликт, быстро назревая, прорвался открытым столкновением разных ветвей Советов. Наиболее масштабно и бескомпромиссно это столкновение произошло между городом и деревней, между пролетарскими и крестьянскими Советами. Сельские Советы укрепили свою роль зимой—весной 1918 г. в ходе конфискации частнособственнической земли, «черного передела» крестьянских наделов, организации на новых основах внутридеревенской жизни. Они повели за собой огромные массы крестьянства и на следующем этапе аграрно-крестьянской революции — разрушения государственных налоговых повинностей, государственных монополий, твердых цен, отставания под флагом свободной торговли права мелкого частного собственника на «неурезанную» свободу (питаемую идеями утопического социализма и анархизма). В результате государственные заготовки продуктов питания резко упали, над армией и городским населением нависла угроза голода, нормы отпуска продуктов питания в столицах уменьшились до критических размеров. Отстаивая свое революционное право, занятая первоочередными задачами увеличения посевов, расширения поголовья скота, увеличения страховых запасов, деревня поворачивалась к городу спиной. Тенденция натурализации сельского хозяйства становилась угрожающей с точки зрения интересов экономики страны в целом. Весной 1918 г. Ленин вынужден был констатировать, что главным врагом революции стала мелкобуржуазная стихия частного собственника (крестьянина, ремесленника, кулака, торговца). Революция открылась той своей неожиданной стороной, о которой большевики не думали, старательно развивая «концепцию» союза рабочих и крестьян.

Используя наметившийся в деревне раскол между зажиточной и беднейшей частью крестьянства по поводу характера и результатов аграрно-крестьянской революции, Совет-

ское правительство ввело продовольственную диктатуру (апрель—май 1918 г.). Созданием комитетов бедноты (комбедов) и продовольственных отрядов (вооруженных солдат и рабочих) оно фактически предъявило ультиматум деревне, сельским Советам. Условием его было: или переход на позиции пролетарской диктатуры (выполнение государственных повинностей, неэквивалентность экономических отношений), или вооруженное подавление сопротивления. Этот ультиматум, таким образом, был предъявлен большинству крестьянства, надевавшемуся в ходе революции укрепить свое частное хозяйство. Объявление войны сельским Советам явилось первым крупным политическим столкновением на почве Советской власти.

Второй фронт борьбы — в национальных районах, где Советы, возникшие после Октября, быстро трансформировались в местные национальные органы власти, возглавившие борьбу за самоопределение народов, за автономию, отделение от России.

Таких политических фронтов по всей стране открывалось много, что свидетельствовало о тяжелом недуге Советской власти — тяге к раздроблению, обособлению, защите разнообразных групповых интересов, подводило к черте открытой борьбы. Со стороны центра это вызывало необходимость решительного подавления центробежных тенденций, поддержания лишь тех Советов, которые признавали режим пролетарской (большевистской) диктатуры. Дорогу к унификации Советов прокладывали ревкомы, ВЧК, партийчейки, армейское командование. Трагедия российской революции заключалась не только в ее саморазвитии, но и в самораспаде, самоуничтожении. Идеалы революции беспощадно растаптывались ее главными «движителями» — участниками.

Процесс подчинения социальному эгоизму не мог не затронуть и городские Советы. Хотя термин «городские Советы» не вполне точно отражает послеоктябрьскую ситуацию. Острые противоречия разъединяли городские Советы центра и периферии, губерний и уездов и т.п. Они различались по партийному составу, программам и методам работы. Лишь решительная борьба за унификацию (главным образом, методом силового давления, террора) обеспечивала относительное единство этой ветви Советской власти, хотя борьба порой приобретала открытый, военный характер (наподобие восстания в Воткинске и Ижевске осенью 1918 г.). Как и в остальных направлениях советского движения, в городе верх брали классовые, профессиональные, групповые, корпора-

тивные интересы в ущерб государственным. Не получили поддержки попытки правительства предложить разработанную еще до Октября программу постепенного обобществления буржуазной собственности (на основе введения рабочего контроля, трестирования лишь ведущих отраслей промышленности, общественного контроля над доходами и потреблением богатых слоев, использования банков для контроля за движением товаров и т.п.). Волна пролетарского «почина» смела курс на госкапитализм, т.е. соединение нового государства в лице Советов и подконтрольных ему частнокапиталистических предприятий. Стихия национализации промышленных предприятий, конфискации банковских средств для бесконтрольного их распределения между рабочими коллективами, тяга к натуральному продуктообмену, конфискации товаров в частных лавках и на складах, массовый переход к нормированному карточному распределению и тому подобные методы глубокого и грубого вторжения в хрупкую ткань экономических отношений делали Советы послушным орудием при проведении «красногвардейской атаки» на капитал. В угоду интересам отдельных групп рабочих разрушалась налаженная система хозяйственных связей между городом и деревней, центром и регионами, отдельными отраслями народного хозяйства.

Попытки правительства весной 1918 г. (нашедшие отражение в работе Ленина «Очередные задачи Советской власти») навести элементарный порядок в сфере управления (под лозунгом «учет и контроль»), снизить темп национализации, оздоровить финансы, оживить кооперативное движение, наладить деловые отношения с широкими слоями технической и научной интеллигенции были нейтрализованы тягой «наинизших низов» к «простым» и, с их точки зрения, наиболее эффективным решениям. И городские Советы, таким образом, становились рассадниками антагонизма, борьбы, разрушавших советскую систему. Советское правительство, вынужденное опираться прежде всего на городские рабочие Советы, становилось их заложником. Стараясь находиться хотя бы на полшага впереди этого грозного вала народной революционной инициативы, Ленину вынужден был лихорадочно развить соответствующую «теорию» революции, фактически обслуживавшую, освящавшую, ссылаясь на марксизм, анархию революции, возводя очередные вынужденные меры в ранг принципов коммунистического строительства. Чего стоят бесконечные смены установок в области кооперативного и профсоюзного движения, роли денег, раз-

верстки, морального и материального поощрения, запретительных мер в отношении торговли и т.п.!

Преобладание стихии обобществления (яркий пример тому — ликвидация частной организованной торговли к осени 1918 г.) не отрицало и важной роли «доктрины», т.е. марксистской характеристики социализма, слепое преклонение перед которой большей части большевистского руководства задавало ориентиры революционным преобразованиям, подстегивало, ускоряло, подлавливало их в сторону социализма. Для вынужденного обмена фабричных продуктов на продукты питания выдвигался ориентир будущего коммунистического натурального продуктообмена, для практики огосударствления кооперации — построения единой общегосударственной потребительско-производительной коммуны, для взаимопомощи деревенского пролетариата, бедноты — коммуны, совхозы.

Перед лицом углубляющегося кризиса Советской власти сама собой отпадала идея возможного политического гибрида — соединения Советов с Учредительным собранием. В реальной обстановке конца 1917 — начала 1918 г. Учредительное собрание не могло нести в себе конструктивное начало: его работа неизбежно обострила бы до предела все противоречия в обществе, став открытой ареной ожесточенной политической борьбы, попыткой антибольшевистских сил (т.е. большинства и в стране, и в стенах Собрания) «переиграть» Октябрь. Созвав 5 января 1918 г. Учредительное собрание, Советское правительство на следующий день разогнало его, откровенно продемонстрировав примат голого политического расчета. В антибольшевистском лагере лозунг созыва Учредительного собрания в той же мере стал призывом к свержению Советской власти, возврату к октябрьскому режиму.

В этих специфических условиях соответственно формировались принципы взаимоотношений партийных и советских органов. Организующая роль большевиков, ярко проявившаяся при передаче власти Советам, после Октября закрепились по всем линиям: в руководстве Совнаркомом, в деятельности ВЦИК и при проведении съездов Советов, в подборе кадров для всех уровней управления. С каждым месяцем Советы все больше «приручались», фактически безропотно заняв место «приводного ремня» от партии к массам.

К лету 1918 г. наглядная демонстрация антидемократичности Советской власти и самоопределение многочисленных ветвей местной власти привели общество к тотальному про-

тивостоянию по принципу «все против всех». Многочисленные локальные восстания и движения протеста подвели к черте всеобщего взрыва. Требовался лишь катализатор, чтобы в перенасыщенном растворе началась кристаллизация вещества. Восстание белочехов в мае, высадка войск интервентов в различных частях страны сыграли такую провоцирующую роль. Начавшаяся гражданская война охватила всю страну, все общество. В стороне не остались ни один народ, ни один регион. Начинался следующий этап революции, самый глубокий и разрушительный.

§ 4. Этап гражданской войны

Убыстряющийся после Октября бег революции, обострение новых внутренних противоречий привели российское общество к середине 1918 г. к глубокому внутреннему расколу. Выделилось леворадикальное советское крыло (часть рабочих, деревенская беднота, сторонники Советов на окраинах). Ему противостояло большинство других слоев населения, не признававших необходимости социалистического «штурма», заботившихся о величии и единстве России. Отдельные вооруженные схватки переросли в полномасштабную войну.

Силы антисоветского лагеря многократно возрастали в результате поддержки их интервентами. В марте 1918 г. на Севере (сначала в Мурманске, затем в Архангельске) с военных кораблей высадились британские, американские, канадские, итальянские, сербские войска. Мотивировалась эта экспедиция необходимостью не допустить захват германскими войсками крупных складов вооружения, снаряжения, созданных странами Антанты в северных портах России. В апреле во Владивостоке высадились японские войска. Вслед за ними, боясь японского конкурента в Тихоокеанском регионе, появились военные отряды Англии, США. К осени весь Дальний Восток был захвачен интервентами.

На Западе германские войска по Брестскому договору оккупировали территорию Прибалтики, Украины, Северное Причерноморье. Союзница Германии — Турция — ввела свои войска на территорию Армении, Азербайджана; Англия, охраняя свои интересы на Ближнем и Среднем Востоке, захватила часть Туркмении, ввела войска в Баку. Таким образом, ослабленная революцией Россия стала полем соперничества основных участников первой мировой войны. Захват огромных территорий сопровождался ликвидацией совет-

ских органов власти, восстановлением прежних порядков, разграблением материальных богатств.

Оккупируя окраины, страны Антанты в качестве ударной силы внутри России использовали чехословацкий корпус. Созданный в 1917 г. из пленных и эмигрантов чехов и словаков, вооруженный для борьбы с Германией корпус для участия в войне на Западной фронте решено было переправить в Европу окружным путем — по Транссибирской магистрали до Владивостока и далее морем. Эшелоны, в которых находилось до 30 тыс. солдат и офицеров, растянулись на тысячи километров. В мае части корпуса подняли восстание. Они объединили вокруг себя все антисоветские силы Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока.

В июне обозначилась линия фронтов. Она охватывала центр страны, остававшийся во власти Советов: от финской границы до Урала, от р. Белой по Волге до степей южного Урала, по Туркестанскому краю, от Каспия до Дона. За этой линией — крупные военные группировки: на Севере — армия Северной республики, на Востоке — чехословацкий корпус во взаимодействии с разнообразными антисоветскими воинскими формированиями; на Северном Кавказе — Добровольческая армия, созданная генералами Корниловым, Деникиным, Алексеевым; на Дону — казачьи соединения во главе с генералом Красновым.

За спиной этих армий формировались многочисленные местные правительства (в Архангельске, Самаре, Уфе, Омске, Екатеринославе и других городах).

Линии фронта разделили страну. Центр удерживался Советской властью под красными знаменами пролетарской диктатуры. Он включал крупнейшие промышленные центры, сплоченные отряды рабочего класса, транспортные узлы и разветвленные пути железнодорожного и речного сообщения, две столицы с централизованным аппаратом управления.

Культурные, экономические, кадровые ресурсы советской территории позволили в короткий срок фактически заново создать армию — Красную Армию. Отказавшись от добровольческого принципа набора, введя всеобщую воинскую повинность и назначения (вместо выборов) командного состава, военный наркомат сформировал регулярные части. За полгода численность Красной Армии выросла с 300 тыс. до 1 млн. Были мобилизованы офицеры — участники мировой войны, принесшие с собой опыт крупных военных операций. Численность «военспецов» достигла 50 тыс. Они служили во

фронтовых частях, готовили новое пополнение, преподавали в академиях и военных школах.

На базе российской «науки побеждать» создавались новые командные кадры — из рабочих и крестьян. Появлялись яркие самородки — С.М. Буденный, Г.И. Котовский, Д.А. Фурманов, В.И. Чапаев, Н.А. Щорс и др. Но в ходе военных действий все большую роль играли офицеры, имевшие прочную научную подготовку и опыт мировой войны. В 1918 г. главнокомандующим Вооруженными силами Республики был назначен С.С. Каменев, бывший полковник Генерального штаба. В крупных военачальников выросли многие бывшие офицеры. В течение года поручик М.Н. Тухачевский стал командующим армией. Особенность Красной Армии — в ее прочном идейном и политическом цементировании. Должность политического комиссара во всех частях позволяла вести постоянную воспитательную работу среди солдат, офицеров. Комиссар стал синонимом идеологической нетерпимости, беспощадности к врагам, фанатической преданности социалистическим идеалам. Сотни тысяч коммунистов, направлявшихся по мобилизациям в армию, внедряли коммунистическую идеологию в остальную «серую» массу военнослужащих. Руководил строительством Красной Армии нарком по военным делам Л.Д. Троцкий. Он же возглавлял высший военный орган — Революционный военный Совет Республики.

Иную картину представляла армия, создававшаяся под антисоветскими знаменами. Она была более многочисленной и лучше организованной, так как опиралась на имевшие опыт мировой войны кадровые соединения интервентов, дисциплинированные и хорошо обученные части казаков. У истоков ее стояли крупные военачальники, цвет российского офицерства. Армия использовала щедрую поддержку из-за рубежа, продукцию крупных промышленных центров (Урал), неограниченные запасы продовольствия. Но имелись и непреодолимые трудности. У руководства стояли люди, представлявшие разные партии, программы, течения (от социалистов до монархистов). Непреодолимая стена возникла между рядовыми солдатами (из крестьян, рабочих, казаков) и командным составом (значительной частью зажиточных слоев, дворян). Рядом сражались части, преследовавшие разные, подчас противоположные цели. При выполнении крупных стратегических планов не было налажено фактическое взаимодействие между отдельными фронтами, армиями. В результате острой

конкуренции между военными лидерами не удалось создать единого командования.

Иными были и тылы воюющих лагерей. Советский лагерь опирался на сравнительно однородную массу русского населения, на крупные отряды индустриальных рабочих, малообеспеченное крестьянство потребляющих губерний. Тыл другого лагеря был более разнородным — по социальному, национальному, конфессиональному, хозяйственному признакам. Ход гражданской войны зависел в конечном итоге от того, удастся ли вождям воюющих сторон предложить политические программы, объединяющие их первоначальных сторонников и попутчиков.

Первый штурм частной собственности, предпринятый после Октября, сплотил помещиков, капиталистов, торговцев, верхние слои интеллигенции, офицерства, зажиточное крестьянство, казачество. Ответный их удар был сокрушительным. Перед лицом превосходящих сил вооруженные силы Советов откатились за Волгу. Были оставлены Казань, Ульяновск, Самара. Сказались неопытность многих командиров, слабая дисциплина в армии, плохое снабжение. Ценой больших жертв Красная Армия переломила ход боев на Восточном фронте; осенью началось контрнаступление, завершившееся в предгорьях Урала.

Тяжелое поражение, понесенное осенью 1918 г. Советской властью, вызвало с ее стороны отчаянную, беспощадную форму борьбы — массовый террор на фронте и в собственном тылу. Отвечая на крестьянские мятежи, активизацию враждебного подполья, провалы на фронтах, Совнарком 5 сентября принял декрет «О красном терроре». Поводом явилось покушение 30 августа эсеровских боевиков на Ленина, в результате которого он был тяжело ранен. В практику вошли массовые расстрелы «классовых врагов», заключение опасных элементов в концлагеря, взятие в заложники. ВЧК получила право расстрела без суда и следствия. Жестокость чекистов стала своеобразным символом Советской власти. Антисоветский лагерь не отставал с аналогичными мерами — те же застенки, скорые расправы, тысячи жертв. Страна содрогнулась от ужаса перед беззаконием и произволом. Гражданская война наглядно демонстрировала свои страшные законы.

Тяжелые бои шли на Южном фронте. Ключевую роль играл здесь Царицын. Неся огромные потери (исчислявшиеся десятками тысяч), удерживала город 10-я армия, которой командовал К.Е. Ворошилов. По Волге в центр поступали

жизненно важные нефть, хлеб, хлопок. Острые противоречия в регионе между Добровольческой армией, казаками, многочисленными народами Кавказа не позволили антисоветским силам организовать мощное наступление с юга на Москву. Наноса контрудары на Восточном и Южном фронтах, Красная Армия ограничивалась оборонительными боями на Севере, не позволяя войскам Северной республики соединиться с чехословаками.

Глубокой осенью 1918 г. обстановка на фронтах существенно изменилась. Германия и ее союзники потерпели поражение в мировой войне. В Германии и Австрии произошли буржуазно-демократические революции. Это позволило ВЦИК аннулировать унизительный Брестский договор. Германские войска покидали оккупированные ими территории.

На Украине была восстановлена Советская власть. Военские части Советской Украины влились в Красную Армию. Оборонная мощь советского тыла возросла за счет промышленности Донбасса, хлебных районов Украины. Но усложнялась социальная обстановка. Более зажиточное крестьянство Украины не прошло суровой «школы» комбедов, продотрядов. Следовало учитывать их возможную острую реакцию на разверстку, массовое совхозное строительство на селе.

С окончанием мировой войны все ее участники лишались аргументов в пользу продолжения оккупации российской территории. Общественность США, Англии, Франции требовала возвращения солдат и офицеров домой. Разворачивалось широкое демократическое движение под лозунгом «Руки прочь от России!». Восстания солдат (на севере) и матросов (на кораблях французского флота на Черном море) ускорили начало эвакуации (в конце 1919 г.).

Осенне-зимняя кампания 1918—1919 гг. явилась решающей проверкой на прочность двух враждебных лагерей. В советском тылу нарастали экономические трудности, продолжались восстания и мятежи, с огромным трудом налаживалось централизованное управление. Однако режим продовольственной диктатуры удержался. Национализированные предприятия продолжали частично работать. Мобилизации позволяли комплектовать все новые полки Красной Армии. Фронт получал все больше продуктов и боеприпасов. Пролетарская диктатура устояла на ногах. С ней смирились основные группы населения города и деревни, так как важнейшие завоевания революции (земля — крестьянам, фабрики — рабочим, хлеб — голодающим) не были ликвидированы.

Суровый экзамен держали лидеры и противоположного лагеря. Им свой счет предъявила и аграрно-крестьянская, и национально-освободительная, и бедняцко-пролетарская революция. И результат был отрицательным. Программа антисоветского движения не предполагала радикального решения земельного вопроса (наоборот, в свои имения возвращались помещики), национального (отрицалось право на самоопределение народов, вплоть до отделения; по-прежнему насаждался принцип «единой, неделимой России»), социального (положение рабочих на частных предприятиях не изменилось).

Конфискация продовольствия и реквизиции лошадей, мобилизации в армии, высокие налоги, бюрократизм, произвол властей, массовый террор мало чем отличались от большевистских. Попытки создать демократические социалистические правительства — в Северной области (под руководством видного эсера Чайковского), в Самаре (от имени Временного комитета членов Учредительного собрания), в Омске (Сибирское правительство) — не увенчались успехом. Власть ускользала из рук социалистов, переходила к буржуазным организациям, а затем превращалась в открытую военную диктатуру. Колчак — военный министр в Сибирском (Омском) правительстве, опираясь на предпринимательские круги, офицерство, монархистов, интервентов, произвел политический переворот, провозгласив себя Верховным правителем России.

Предметный урок, данный разными российскими властями, определил дальнейшее поведение широких масс населения.

Колебания крестьян и народов национальных окраин, ярко проявившиеся летом 1918 г. (от большевиков в сторону их противников), сменились поворотом в противоположную сторону. И это предопределило в конечном итоге исход гражданской войны.

Но впереди было еще два критических периода. Первый — весной 1919 г. При поддержке интервентов планировалось организовать единовременное наступление всех антисоветских сил генерала Юденича — из Эстонии на Петроград, генерала Миллера — с Севера на Вологду, Пермь, адмирала Колчака — в район Средней Волги, генерала Деникина — на Орел, Тулу. Эти армии были хорошо вооружены, имели превосходство в численности (более полумиллиона солдат и офицеров против 380 тыс. Красной Армии), военном мастерстве офицерского корпуса.

Весеннее наступление белых армий было успешным. Колчаку удалось захватить обширные районы Предуралья, однако перелом наступил достаточно быстро. Сказались внутренние слабость антисоветского движения, амбиции ряда лидеров, претендовавших на руководство всем движением. Углублялся раскол между социалистами, кадетами, монархистами.росло недовольство экономической политикой основной части армии — крестьян. В тылу белой армии росло массовое партизанское движение (на Урале, в Сибири). Начинался отход от белого движения национальных частей (так как их народы не получили государственного самоопределения, автономии), казачества (внутренне раскалывающегося по имущественному признаку). Боевой дух армии падал.

Летом началось контрнаступление Красной Армии на Восточном фронте. Захватив Урал, она двинулась в Сибирь, и в начале 1920 г. вышла к Байкалу.

Большого успеха добилась южная группировка антисоветских сил. Захватив в мае—июне 1919 г. обширные и богатые районы Дона, Северного Кавказа, Южной Украины, Деникин уже планировал опрокинуть советскую власть. 3 июля был отдан приказ «О походе на Москву». В результате летне-осеннего наступления Деникин овладел всей Украиной, захватил Орел, подошел к Туле с ее крупными оружейными заводами. В октябре наступил перелом. Против Деникина были брошены лучшие силы Красной Армии, уже накопившие значительный опыт военных операций. С заводов Урала увеличились поставки оружия. Но главную роль сыграл тот же фактор, что и на Восточном фронте, — развал тыла. Украинское крестьянство, отвернувшееся от Советов после введения весной 1919 г. разверстки, массового строительства совхозов, разочаровалось и в деникинских порядках. Крестьянская армия Махно, чутко реагируя на настроения сельских жителей, легко переходя из одного лагеря в другой, на этот раз в союзе с Красной Армией нанесла удар по деникинским частям на юге Украины. С оружием в руках поднялись рабочие Донбасса. Народы Северного Кавказа, отстаивая свои права на самоопределение, также громили тылы деникинской армии. Перелом наступил и в настроениях казачества. Оно учло обещание центральных советских и большевистских органов исправить грубейшие ошибки, допущенные ими после Октября в отношении казаков. В декабре 1919 г. в Москве состоялся VII Всероссийский съезд Советов, призвавший к примирению основной массы казаков с Советской властью. Лишившись своих основных социаль-

ных опор, части деникинской армии откатывались к Черному морю. Весной 1920 г. из Новороссийска остатки армии морем эвакуировались в Крым, где перешли под командование Врангеля. Деникин с очередной волной эмигрантов оказался за границей.

Переброска частей Красной Армии с основных театров военных действий позволила разгромить на западе и севере армий Юденича и Миллера. Наступал финал гражданской войны. Осенью 1920 г. был освобожден Крым, в 1922 г. — Дальний Восток.

Обстановка на фронтах накладывала отпечаток на советской политике в тылу.

Глубокий кризис в экономике, разразившийся летом 1918 г., был многократно усилен начавшейся гражданской войной. От промышленного центра линиями фронтов оказались отрезанными районы, поставляющие сырье для промышленности (Средняя Азия — с хлопком, Украина и Юг — с хлебом, Кавказ — с нефтью, Урал — с металлом). В результате германской оккупации были утеряны крупные промышленные районы — Прибалтика, Донбасс. Голод, разруха вызывали отток рабочих в деревню. Создание миллионной Красной Армии ложилось тяжелым бременем на все слои населения.

Экономическая политика Советского государства во всех направлениях приобретала черты вынужденности, чрезвычайщины. Она получила в дальнейшем название «военный коммунизм». Если в начале 1918 г. рабочие вместе с красногвардейцами штурмовали крепость капитализма, то к концу года сами оказались в осажденной крепости и вынуждены были жить по законам жестокой осады — лишения, уравнительность, предельное напряжение сил.

Полагаясь на спасительный инстинкт к самосохранению населения, центральные органы поддерживали его инициативы. На IV конференции профсоюзов и фабзавкомов Москвы в июне 1918 г. Ленин заявлял: «Власть — это мы. Хозяин промышленности, хозяин хлеба, хозяин всех продуктов в стране — это мы. Вот когда это сознание проникнет в рабочий класс глубоко, когда он своим опытом, своей работой удесятерит свои силы, только тогда все трудности социалистической революции будут побеждены». I Всероссийский съезд совнархозов взял курс на ускорение темпов национализации.

К осени было национализировано более 3 тыс. предприятий. Из них действовали лишь 1,8 тыс. Бывшие собствен-

ники лишались всяких доходов, поиск работы они вынуждены были вести через биржи труда на общих основаниях. К концу войны государство завладело уже 80% крупных и средних предприятий промышленности.

В городах частные доходные дома конфисковывались, «буржуи» уплотнялись, в их квартиры подсеялись рабочие, совслужащие. Ликвидировались последние частные, общественные, иностранные банки.

Основные продукты питания и товары широкого потребления распределялись по карточкам, талонам. В 1920 г. на содержании государства находилось до 38 млн «едоков».

К концу 1918 г. было в основном завершено вытеснение частной торговли.

Весенний договор с потребкооперацией оказался недолговечным. Кооперативный аппарат потерял независимость, был насильственно подключен к государственной системе заготовки и снабжения. Декрет «О потребительских коммунах» (16 марта 1919 г.) вводил всеобщее обязательное членство в кооперации.

Опыт Петрокоммун (возникшего в Петрограде централизованного органа по карточному снабжению всего населения) распространялся на другие города.

Голод и холод поселились в домах горожан. На «толкучки», рынки выносились фамильные драгоценности вчерашних состоятельных слоев, жалкие запасы жителей городских окраин.

Менялась жизнь заводов, фабрик. Рыночные отношения между ними затухали, заработная плата выдавалась не деньгами, а продуктами, товарами; вводилась уравнительность в оплате и снабжении. Не имея возможности прожить на зарплату, рабочие и служащие занимались хустарничеством (изготовлением домашней утвари, зажигалок и т.п.), спекуляцией. Всеобщим бедствием стали массовые хищения. Увеличивались прогулы. Заработали дисциплинарные суды. Население крупных городов таяло.

Безработица исчезла. Возникла задача привлечения в еще действующие предприятия рабочей силы. В декабре 1918 г. ВЦИК ввел трудовую повинность для всех граждан, в том числе и для школьников.

Для обеспечения ряда отраслей работниками (железнодорожный транспорт и т.п.) вводились трудовые мобилизации. В условиях тотального дефицита сырья, топлива, рабочих рук, продуктов питания и прочего спасала лишь жесткая централизация управления. Совет рабочей и крестьянской

обороны (создан 30 ноября) во главе с Лениным руководил отраслями и учреждениями, обслуживавшими нужды армии. Для них вводился военный режим работы. На армию работало более половины рабочих и служащих промышленности (более 800 тыс. из 1,4 млн.). В 1920 г. ряд тыловых армий был преобразован в трудовые армии — их использовали для подъема хозяйства.

Беспредельно расширялись полномочия центральных исполнительных органов власти (правительства, наркоматов, ведомств). Плодились все новые чрезвычайные органы. Чусоснабарм — Чрезвычайная комиссия по снабжению армии — получила диктаторские права по материально-техническому обеспечению фронта. Чекволап — Чрезвычайная комиссия по заготовке и распределению лаптей — стала своеобразным символом складывающейся системы управления. В основе этой системы лежали «простые» принципы, приемлемые при разваливающейся экономике и малоквалифицированных кадрах: монополизация произведенного продукта, централизованное распределение, натурализация обмена, приказной (директивный) метод управления, принуждение к труду. Эти принципы внедрялись во все отрасли экономики. Но наиболее ярко они проявились в сельском хозяйстве.

Осенью 1918 г. (после сбора урожая) в деревне были испробованы различные способы заготовки продуктов: частные закупки, натуральный продуктообмен, госзакупки по твердым ценам. Декретом ВЦИК от 30 октября была сделана попытка ввести натуральный налог на крестьян, но собрать продналог не удалось. Наилучшие результаты дала разверстка. Метод разверстания по губерниям, где имелись товарные запасы зерна, государственных заданий по заготовке хлеба был опробован еще царским и Временным правительством в 1916—1917 гг., однако он встретил сопротивление и частных торговцев, и помещиков, и крестьян. В 1918 г. выполнение разверсточных заданий (в пределах ряда губерний) подкреплялось уже силой продармии, комбедов.

В январе 1919 г. по требованию Наркомпрода разверстка была распространена на все губернии, доходила до каждого уезда, деревни, двора. Крестьянину оставлялось зерно для личного потребления, посева, прокорма скота, остальное («излишки») изымалось по «твердым» (т.е. низким) ценам, фактически бесплатно. Силой оружия часто забиралось и продовольствие, по закону не подлежащее изъятию. Крестьянин обрекался на голод, разорение. Беднота помогала продотрядам собирать разверстку с зажиточных крестьян и се-

редняков, так как ей перепадала часть заготовленных продуктов. Для бедноты предназначались и промтовары, направлявшиеся из города. К 1920 г. система разверстки охватывала все основные продукты сельского хозяйства; хозяйственная инициатива крестьян была парализована. Под натиском разверстки крестьяне сокращали посевные площади, поголовье скота, старательно прятали свои продукты.

Аграрная революция 1917—1918 гг. усилила деградацию деревни, разверстка ее подстегнула.

Осенью 1918 г. при ликвидации комбедов Ленин признал «тяжесть и жестокость» продовольственной диктатуры, при разверстке легче не стало.

Введение разверстки подтолкнуло советские органы к расширению социалистического сектора в деревне. Постановление ВЦИК от 14 февраля 1919 г. выдвинуло задачу перехода «от единоличных форм землепользования к товарищеским» на основе коммун, совхозов, товариществ. Ставились первые опыты коллективизации. Но «коммунию» деревня не приняла.

Программа партии, принятая в марте 1919 г. VIII съездом РКП(б), уже напрямую связывала «военно-коммунистические» меры с теоретическими представлениями о коммунизме. Ставились задачи завершить экспроприацию буржуазии, перейти от торговли к продуктообмену, от индивидуального крестьянского хозяйства — к коллективному, от денежного — к безденежному хозяйству, от рыночного — к максимально централизованному плановому хозяйству.

Советские лидеры оправдывали проводимую экономическую политику условиями разрухи, голода, блокады. Но чем дальше, тем активнее внедрялась мысль о совершаемых непосредственных шагах к коммунизму.

Эти коммунистические утопии захватили не только большевиков, но и рядовых участников революции. На основе военно-коммунистических мер разрабатывали пути перехода к социализму в своих выступлениях, статьях, книгах Ленин, Бухарин, Троцкий, другие лидеры большевистской партии.

12 апреля 1919 г. рабочие-коммунисты станции Сортировочная Московско-Казанской железной дороги вышли на субботник по ремонту паровозов. Работали напряженно, ведь транспорт разваливался; с Восточного фронта нависала очередная угроза. Денег за работу не взяли, зарплата и так была нищенской. Этот опыт бесплатного труда начал использоваться на транспорте, на заводах, в учреждениях. Субботники получили название «коммунистических». 28 июня Ле-

нин опубликовал статью «Великий почин» (о героизме рабочих в тылу; по поводу «коммунистических субботников»). Суровую, вынужденную меру он расценил как свидетельство наступления коммунистического отношения к труду (сознательного, коллективного, бесплатного). Статья явилась сигналом для широкого внедрения субботников (по заготовке топлива, расчистке железнодорожных путей, благоустройству городов, поселков, помощи зарубежным революционерам и т.п.).

Во Всероссийском первомайском субботнике 1920 г. приняли участие уже 1,5 млн. рабочих, служащих, красноармейцев. В их числе при уборке территории Кремля работал и Ленин. Так бескорыстный порыв группы рабочих обратился в «теорию коммунистического труда», чтобы вернуться в виде суровых декретов по проведению очередных хозяйственных и политических кампаний.

Жесткие рамки складывавшейся большевистской идеологии мешали перестройке экономической политики даже тогда, когда закончилась гражданская война. Действуя по инерции, правительство в ноябре 1920 г. приняло решение о национализации мелкой промышленности, в декабре — об отмене оплаты за топливо, за продукты питания и товары широкого потребления, в январе 1921 г. — за коммунальные услуги. Моссовет ликвидировал Сухаревский рынок...

«Военный коммунизм», рожденный войной и разрухой, стихией национализации, стал первым широкомасштабным коммунистическим экспериментом.

§ 5. Эпилог

Многообразные итоги и результаты состоявшейся Великой российской революции обычно характеризуют грандиозностью масштабов разрушения старого и рождения нового. В числе первых — обобществление основных средств производства, уничтожение помещиков в деревне и крупной и средней буржуазии в городе, ликвидация дореволюционной системы управления и механизмов подавления и угнетения, резкое снижение роли религии и церкви в обществе, свертывание рыночных отношений, разрыв связей между интеллигенцией и предпринимательскими слоями (по мере уничтожения тех и других) и т.п. В числе вторых — рождение нового типа государства (Советского), установление однопартийной (большевистской) системы, вовлечение в преоб-

разовательную деятельность огромных масс населения, утверждение новых принципов и идеалов общественной жизни, распад империи и перестройка отношений между этносами, населявшими Россию, и др. И наряду с этими характеристиками — констатация огромных материальных и людских потерь, «отхода» в эмиграцию интеллектуальной элиты, разрушения экономических связей между регионами, отторжения большинства населения от собственности и предпринимательства, изоляции России на международной арене и потери ею былых позиций в решении мировых проблем, отбрасывания страны во всех областях общественной жизни на десятилетия назад.

Все это — в видимом спектре и фиксируется невооруженным глазом. На поверхности лежит и вывод о том, что с помощью революции был сделан первый и не самый крупный шаг в разрешении накопившихся в России к началу XX в. противоречий. Сняты были лишь те из них, которые касались насущных, злободневных потребностей и интересов беднейшей части населения, не требовали больших интеллектуальных усилий, мобилизации значительных средств; решались «простейшие» задачи разрушения, захвата, раздела, принуждения... На потом были оставлены наиболее сложные проблемы, затрагивавшие интересы государства и общества в целом, преследующие крутую модернизацию всех областей общественной жизни, не формационный, а цивилизованный «скачок».

Но были еще результаты революции, которые лишь в последние годы становятся объектом исследования. Речь идет о природе возникшей власти, собственности, правящей партии и строя в целом.

Во-первых, о тех, кто властвовал. Революция вручила свою судьбу в руки «наинизших низов», от имени которых большевики наивно рассчитывали прийти к самому прогрессивному и справедливому строю. С этого уровня социальной активности, освобожденной от привычных норм правопорядка, законности, от традиций, социальной субординации и подчинения, чувства уважения к частной и личной собственности, поднималась волна жестокости, социальной мести за былые унижения и эксплуатацию. «Черный передел» земли и собственности, развернувшийся в деревне, становился в крестьянской стране камертоном для всех преобразований и в городе. Жертвами становились и мораль, и нравственность, и религия. Тотальный передел собственности становился тем величайшим злом, который уродовал лицо революции. От-

брасывались как ненужный хлам знамена и транспаранты со словами о свободе, равенстве, демократии. В руки брались привычные булыжник, оглобля, винтовка. Далее следовали и неизбежные спутники — криминализация общества, бюрократизация аппарата, взятки, «растаскиловка», спекуляция, бандитизм...

Одно из важнейших «завоеваний» революции — доступность власти. В широко открытые ворота новых органов управления хлынула «народная» волна и романтиков революции, и привычных к политической работе партработников (из большевиков, представителей других социалистических партий), и прежнего чиновничества, а также всякого рода властолюбцев, «оборотней», готовых служить всякому во имя материальных льгот. Все эти категории пополнялись за счет рабочих, крестьян, интеллигенции, других социальных групп. Безграничная власть («диктатура») особенно влекла к себе переходные группы, маргиналов, находивших в сфере управления наиболее легкий путь быстрого и радикального изменения своего социального статуса, перемещения в среду элиты.

Ожесточенная борьба вокруг и внутри новой системы управления, специфические критерии отбора кадров — по степени преданности «идее», по партийности, социальному происхождению («из рабочих», «из бедняков») — быстро формировали у представителей всех властных структур дух замкнутости, корпоративности, что не мешало расцвести групповщине, склокам. Идеи мировой революции усиливали настроения особой исторической миссии, избранничества, жертвенности. Представители партийных, советских, хозяйственных, военных, карательных, комсомольских, профсоюзных и прочих начальствующих органов спланивались в своеобразный орден. Подпитываемый из всех слоев населения, этот «орден» постепенно обрывал обратные связи, выводя своих членов из-под контроля масс. Власть в руках новой элиты становилась их первой формой собственности, определяя материальный достаток (в тот период еще относительный), привилегии, перспективы на будущее, авторитет в глазах населения. По своему фактическому положению из этой группы формировался новый господствующий класс; до завершения процесса его становления было еще далеко (до конца 30-х гг.), однако все основные черты были уже налицо.

Этот слой (класс) в силу специфического происхождения (сугубо революционного) выступал и главным носителем инерции революционного движения, выдвигая из своей сре-

ды необходимые отряды идеологов, организаторов, верных стражей и защитников сложившихся порядков, лишь в рамках которых они могли найти (сохранить) свое место и в будущем.

В грохоте гражданской войны, через «военный коммунизм» наряду с новым властоносителем рождался скрытно и новый собственник на средства производства и обращения. Массовая национализация промышленности, транспорта, торговли, банков, жилого фонда привели к концентрации в руках Советского государства неисчислимых богатств. Высочайший темп тотального обобществления не позволял параллельно вырабатывать какие-то действенные механизмы широкого демократического контроля за использованием этой наспех создаваемой формы собственности. Всевластным распорядителем ее становился новый многочисленный, но сравнительно узкий по отношению ко всему населению страны слой управляющих. Еще не устоявшийся за годы революций, текущий, без явно очерченных функций и прав, без философии управления в новом государстве, он тем не менее четко уяснил свою роль в распоряжении народным богатством. Его права были жестко закреплены системой государственных монополий на важнейшие отрасли экономики, произведенные продукты, средства обращения. Выйдя из народа, заполнив бесчисленные коридоры власти, новые коллективные собственники быстро «метили» границу, отделявшую их от этого народа. Трудповинность, трудовые армии, разверстка, дисциплинарные суды и революционные трибуналы, карточное нормированное распределение и т.п. меры противопоставили новый социальный слой в равной мере и рабочим, и крестьянам, и всем другим категориям трудящихся. Таким образом, под флагом, а точнее — за ширмой государственной складывалась фактически узкогрупповая, корпоративная собственность. Поменяв владельцев, она не изменила своей сути — быть средством обогащения одних и эксплуатации других. Различными организационными и идеологическими средствами эта трансформация тщательно скрывалась. В ход шли «теории» социалистической коллективной собственности, всенародного кооператива (коммун), диктатуры пролетариата и ведущей роли рабочего класса, представительства трудовых коллективов в органах управления, новой роли профсоюзов как «школы коммунизма», социалистического соревнования и т.п. Тем самым рождался один из наиболее широко распространенных и устойчивых мифов об «общенародной» собственности.

Столь же скрытно, но столь же неумолимо менялась и природа большевистской партии. Все больше отрываясь от масс, широко используя репрессивные меры по подавлению инакомыслия, недовольства (продотрядами, заградительными отрядами, массовыми расстрелами на фронте, политикой ВЧК), партия находила для себя новую социальную опору в лице армейского и тылового начальства. Став после Октября партией власти по своей функции, она затем становилась ею и по составу, рекрутируясь во все большей мере за счет чиновников, игравших в ней «первую скрипку», и по философии, теории, методам управления. Совершив невидимую глазу быструю эволюцию, подпитываясь корыстными корпоративными интересами элитарного слоя «совслужащих», большевистская партия попадала в заложницы данного слоя и данного интереса. Попытки Ленина как-то воспротивиться этому процессу с помощью партийных чисток, изменения правил приема в партию, системы выдвижения рабочих «от станка» были обречены на поражение, так как не учитывали неизбежной тенденции смыкания правящего класса и правящей партии.

Однако этот очевидный факт становился очередной «тайной», которую старательно оберегала партия все 70 лет своего господства. Хотя профсоюзная дискуссия конца 1920 г., всесторонне рассмотревшая сложившуюся ситуацию во взаимоотношениях партии и рабочего класса и других групп населения, уже фактически констатировала состоявшийся разрыв между ними. Появление в партии групп «Демократического централизма» и «Рабочей оппозиции» четко зафиксировало пройденный рубеж. История партии рабочего класса завершилась, на смену ей нарождалась (под старым названием) новая партия новых элитарных групп населения. Перерождение революционной партии в иную (какую?) по мере углубления и завершения революционного процесса, столь ярко проявившееся в ходе Великой французской революции (на примере якобинцев), получило новую иллюстрацию через историю российской революции.

И еще одна черта (в тех же невидимых лучах), связанная с влиянием Российской революции на так называемый «цивилизованный мир». Передовые страны наиболее остро отреагировали (если оставить в стороне отказ России от своих обязательств в мировой войне, от финансовых обязательств по займам и кредитам, национализацию иностранной собственности, разгул кровавого террора, слом демократических институтов и т.п.) не на социализм, а на его крайности. С

социализмом они были хорошо знакомы, внедряли (допускали) его отдельные элементы уже с конца XIX в. Социализм входил в практику общественной жизни капиталистических государств через деятельность социал-демократических партий, рабочее законодательство, профсоюзное движение, систему социальной защиты, опыты социального партнерства и другие формы и направления, демонстрируя ряд преимуществ в соревновании с отношениями частнособственнической эксплуатации. Наличие таких социалистических компонентов было предпосылкой общенационального согласия, стабильности, демократизации. Руководящие круги буржуазных государств отвергали «излишества» российского социалистического эксперимента, социальную нетерпимость, ожесточенную классовую борьбу, большевизм. Поэтому они отреагировали на победу революции в России не свертыванием собственного социалистического поля, а его дальнейшим постепенным расширением, рассматривая его в качестве неременного условия перехода буржуазного общества в новое состояние, когда становились возможными шведские и прочие «модели социализма». Российская революция не прервала закономерного шествия социализма, но наглядно убедила в утопичности «построения» «чистой» модели социализма, искусственного вырывания социалистического компонента из контекста общечивилизованного развития. Опыт передовых стран подсказывал, что социализм служит прогрессу лишь как часть более широкой социальной системы, основанной на частной собственности, рыночных отношениях, многоукладности, как часть, непременно конкурирующая, нейтрализующая крайности других компонентов, и через эту конкуренцию обеспечивающая неумолимый прогресс мировой цивилизации.

Во всех этих не только скрытых еще по существу, но и тщательно скрываемых от участников революции и мирового общественного мнения характеристиках возникающей общественной системы были заключены ее базовые черты. Революция растоптала идеалы революционеров, родив нечто, никем не предвиденное и никому неведомое (в рамках предшествующего опыта мировой истории). За ширмой народности скрывался узкий интерес тех, кто присвоил себе результаты революции: вместо высшей демократии установился режим диктатуры, вместо союза, единения трудящихся — антагонизм отдельных групп городского и сельского населения, вместо личной свободы — система принуждения в интересах нового государства и новой элиты. Политический словарь не

имел терминов для обозначения такого новообразования. Оно несло в себе пеструю смесь черт госкапитализма, госсocialизма, тоталитаризма, партийной диктатуры, уравниловки, казарменности и т.п. Задача историка и политолога найти нужное определение. В качестве «строительных материалов» могут быть использованы такие характеристики, как аномальность, опора во имя собственного самосохранения и укрепления на режим террора, привлечение широких масс населения методом постоянных частных подачек и широковещательных посулов утопических картин светлого будущего. На разных этапах функционирования этой системы возникали различные сочетания данных черт, но в совокупности они определяли состояние неустойчивости, закономерности глубокого кризиса и саморазрушения вслед за этапом «полной и окончательной победы».

От компромисса к новому штурму

Глава 4

Советское общество в 20-е годы

§ 1. От гражданской войны к гражданскому миру

Ни блестящие победы в гражданской войне, ни героизм ее участников не спасли Советскую Россию от всеобщего и глубочайшего кризиса, лик которого приходится на конец 1920 г — начало 1921 г. Советская историография возникновения такого кризиса отрицала. Вернее, говорилось о тяжелом положении Советской республики на исходе гражданской войны, о развале экономики, разрухе и голоде. Но одно дело — тяжелое положение, другое — кризис, охвативший все сферы жизни нового общества.

В 1920 г продолжались боевые действия на фронтах. Главным событием была война с Польшей. О создании независимого государства на польской территории, входившей в Российскую империю, Германия объявила еще в ходе первой мировой войны 5 ноября 1916 г. Однако современная история независимой Польши начинается только после ухода германских войск. Патриотический подъем в Польше был столь велик, что полностью «затмил» действия местных революционеров, традиционно связанных с Россией. Местные Советы и местные коммунисты были быстро подавлены. Формально признав самостоятельность Польши, большевики в Москве тем не менее, несомненно, учитывали все эти обстоятельства.

С начала нового периода независимости польского государства встал вопрос о его границах. Здесь «сработал» комплекс Речи Посполитой. Поэтому, едва появившись на карте, Польша повела активную борьбу за территории как на Западе, так и на Востоке, что не могло не привести к столкновению с Советской Россией. Еще в феврале 1919 г. войска Пилсудского начали наступление на Литовско-Белорусскую республику и заняли Вильно, часть Западной Белоруссии и Западной Украины. После небольшой передышки в апреле 1920 г. польские части вместе с войсками С. Петлюры возобновили войну и заняли Киев. Однако теперь им пришлось иметь дело со всей мощью Красной Армии, перенесшей военные действия с других фронтов. Против польских войск действовали две группировки, руководимые выдающимися советскими полководцами времен гражданской войны: на Западном фронте М.Н. Тухачевским и Южном — А.И. Егоровым. Войска Тухачевского, сломив сопротивление поляков, быстро продвигались к Варшаве. В рядах большевистского руководства снова ожили идеи мировой революции, которую, казалось, можно было принести в Европу на штыках Красной Армии. Был образован польский ревком во главе с коммунистом Ю. Мархлевским.

Однако достигнутый успех был временным. Передовые части Красной Армии под Варшавой далеко оторвались от своих тылов. Первая конная армия Буденного, ударная сила большевиков в годы гражданской войны, правда, к тому времени изрядно разложившаяся, завязла на подступах к Львову, безуспешно штурмуя город. Это позволило польским войскам нанести удар на Севере в районе Люблина и разгромить потерявшие между собой связь соединения Красной Армии. Часть ее отступила в Восточную Пруссию, где была интернирована. В конце сентября польские войска начали новое наступление и выдвинулись на Восток за линию Керзона (т. е. за предел собственно польских территорий, который британский министр лорд Керзон предлагал в качестве восточной границы польского государства). В дальнейшем обе стороны оказались слишком истощены, чтобы вести активные боевые операции. К тому же в тылу у Красной Армии находился окопавшийся в Крыму генерал Врангель. Мир, подписанный с Польшей, носил на себе следы своеобразного компромисса, фиксируя границу на момент прекращения военных действий.

Перебросив войска на Южный фронт, Красная Армия начала наступление на Врангеля, который после разгрома

Деникина был провозглашен верховным главнокомандующим Юга России. В ноябре 1920 г. войска Южного фронта, командующим которым был назначен М.В. Фрунзе, ранее отличившийся на Востоке и в Туркестане, форсировав Сиваш и прорвав оборонительные линии Врангеля на Перекопском перешейке, ворвались в Крым. Последняя схватка «красных» и «белых» была особенно яростной и жестокой, знаменуя заключительный звучный аккорд гражданской войны. Примерно 100 тыс. человек, оставшихся от некогда грозной Добровольческой армии, были перевезены на судах в Турцию.

Но эти события происходили уже на периферии Советской республики и непосредственной угрозы для вооруженного свержения власти большевиков не представляли. Таким образом, появилась возможность исподволь переходить к решению задач по налаживанию мирной жизни. И действительно, мысль об этом входит в сознание большевистских руководителей. Еще на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г., т.е. в момент решающих побед Красной Армии, Ленин говорил: *«Перед нами открывается дорога мирного строительства. Нужно, конечно, помнить, что враг нас подкарауливает на каждом шагу и сделает еще массу попыток скинуть нас всеми путями, какие только смогут оказаться у него: насильем, обманом, подкупом, заговорами и т.д. Наша задача — весь тот опыт, который мы приобрели в военном деле, направить теперь на разрешение основных вопросов мирного строительства»*.

Эти слова примечательны в двух отношениях. В них прямо указывается на необходимость перехода к мирной жизни, но осуществлять его намечается военно-коммунистическими методами. Главная роль при этом отводилась центральным и чрезвычайным органам и комиссиям — СНК, Совету труда и обороны (СТО, так с февраля 1920 г. стал называться Совет обороны) и др.

Казалось бы, переход к решению хозяйственных задач должен был как-то облегчить положение в республике, смягчить тяготы и бедствия, обрушившиеся на нее, однако ситуация продолжала стремительно ухудшаться. Стало быть, проблема заключалась не только в самой войне, но и в той политике, которой следовали большевики. С этой точки зрения, видимо, необходимо оценивать круг экономических и политических решений, принятых большевиками до марта 1921 г.

Нетрудно заметить, что большинство из них выполнялось в «духе военного коммунизма». Но теперь, когда военная

гроза уходила в сторону, эти меры вряд ли можно оправдывать как вынужденные. Становится ясным, что политика военного коммунизма внедрялась не только для борьбы с трудностями военного времени, но и для реализации на практике целого ряда коммунистических идей. Более того, она получает свое теоретическое оправдание в трудах большевистских лидеров. К ним относится книга Бухарина «Экономика переходного периода». В ней было обосновано насаждение коммунистических идей исключительно сверху, через пролетарское государство, содержалась апология принуждения и насилия как средства создания нового общества. Не случайно даже среди большевиков бухаринский опус называли «книгой каторги и расстрела». Конечно, мысли, изложенные в книге, можно приписать одному Бухарину, его молодости, наивной революционности, экстремизму и левачеству. Однако сопоставление этого труда с произведениями и выступлениями других большевистских вождей и одобрительная в целом оценка его Лениным говорят о том, что почти все они стояли в тот момент на близких позициях.

Военно-коммунистические идеи распространились и на дальнейший процесс национализации производства. Государству передавались мелкие и кустарные предприятия. Этот процесс был подтвержден в конце 1920 г. специальным декретом о национализации мелкой промышленности. В январе 1920 г. был принят декрет о всеобщей трудовой повинности и трудовых мобилизациях. Из мобилизованных на трудовой фронт формировались трудовые армии. С разгромом основных сил белогвардейцев часть боевого состава Красной Армии, численность которой превысила 5 млн. человек, переводилась на положение трудовых армий. Трудовые армии и военизированные трудовые отряды работали во всех отраслях народного хозяйства, где наблюдалось напряженное положение с рабочей силой, в том числе на транспорте, на заготовке топлива, сырья. Для управления ими был образован еще один чрезвычайный орган — Главкомтруд, в задачи которого входили учет, мобилизация и распределение рабочей силы. В деревне насаждались коммун и коллективные хозяйства. К 1921 г. их было создано около 17 тыс. Главными способами побуждения к труду были принуждение и насилие, хотя и не упускались возможности призыва рабочих к революционному энтузиазму и сознательности, о чем свидетельствует работа Ленина «Великий почин», рассказывающая о коммунистических субботниках.

Интересны в связи с обозначившимися тенденциями решения IX съезда РКП(б), который проходил в марте — апреле 1920 г. В резолюции «О хозяйственном строительстве» подчеркивалась необходимость составления единого хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую эпоху и опирающегося в ходе выполнения на мобилизацию, трудовую, продразверстку, единоначалие и централизацию, т. е. на крайние положения военного коммунизма. С этих позиций следует рассматривать и создание единого планирующего органа в феврале 1921 г. — Государственной плановой комиссии (Госплана) при СТО, и любопытный памятник большевистского прожектёрства — план ГОЭЛРО, рассчитанный на ближайшие 10—15 лет. В советской историографии план, составленный Государственной комиссией по электрификации России, образованной в феврале 1920 г., рассматривался как вполне реальный и даже своевременно выполненный. Так можно было утверждать, не вникая в существо плана. Его нельзя сводить к числу построенных электростанций и количеству выработанной электроэнергии, как это делалось раньше. На самом деле это был широкий план социально-экономических преобразований коммунистического характера, составленный специалистами с учетом самых современных технических достижений, которые в то время отождествлялись с электрификацией. Ленин мечтал о централизации всего народного хозяйства под единой «электрической крышей», чтобы сконцентрировать в руках государства все нити крупной государственной машины.

Главная идея плана — обновить всю структуру производительных сил России, для чего было задумано создать обширную сеть крупных и мелких электростанций, завязанных между собой в единую энергетическую сеть. Предполагалось, что крупные электростанции снабдят энергией фабрики и заводы, позволят реконструировать их техническую базу, повысить культурно-технический уровень рабочих, в несколько раз поднять производительность труда. Предусматривалась полная реконструкция транспорта на базе создания скоростных электромагистралей. Мелкие электростанции должны были не только озарить светом крестьянские избы, но и дать энергию сельским предприятиям, деревенским мельницам, молотилкам и т. п., что само по себе содействовало бы развитию коллективных форм труда, созданию крупных механизированных хозяйств, способных полностью обновить земледелие. Отсюда «любовь к электричеству» у

большевиков, отсюда известная ленинская максима «коммунизм есть Советская власть плюс электрификация».

План ГОЭЛРО закладывал фундамент под будущие форсированную индустриализацию и сплошную коллективизацию сельского хозяйства.

План обсуждался на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. Вокруг него была развернута широкая пропагандистская кампания, шумевшая до тех пор, пока более насущные задачи по выходу из кризиса не выдвинулись в качестве первоочередных. Но и впоследствии пуск каждой новой электростанции в стране с помпой отмечался как важная веха в реализации плана ГОЭЛРО.

В то время как вожди в Москве разрабатывали грандиозные планы будущего коммунистического переустройства общества, ситуация в стране продолжала ухудшаться. Посетивший в этот момент Советскую Россию английский писатель Г. Уэллс в книге «Россия во мгле» оставил свои впечатления, интересные с точки зрения оценки положения в России глазами стороннего наблюдателя.

Экономическая разруха с явными признаками приближения катастрофы поразила все поры хозяйственного организма Советской России. Уровень производства скатился до 14% довоенного. Из-за отсутствия топлива и сырья стояло большинство заводов и фабрик. Да и на тех, которые вроде бы оставались в строю, едва теплилась жизнь, и это — несмотря на чрезвычайные меры: выделение «ударных групп» заводов, непрерывные мобилизации, использование трудармий, снабжение специальными пайками рабочих. Повсеместно царило уныние промышленных кладбищ.

Полный хаос творился на транспорте. Паровозы стояли на запасных путях и ржавели. Вагоны и составы пришли в ветхость. Поезда ходили крайне редко. Многие железнодорожные пути были разрушены. На приколе стояло большинство судов. Практически не работали почта и связь, разорвались жизненно важные, налаженные десятилетиями контакты, происходило обособление микрочаек общества и возвращение к первобытным натуральным основам существования. Миллионы людей промышляли кто чем может.

Продразверстка в деревне неумолимо вела к сокращению посевов. Крестьянин не был заинтересован в увеличении производства сверх самого необходимого, так как «излишки» все равно изымались в пользу государства. Таким образом, крестьянские хозяйства приобретали натуральный потребительский характер. Возможности реквизиций тем самым

сжимались до предела. В свою очередь, это вызывало уже-сточение деятельности заготовительных органов и продовольственных отрядов, посягавших уже на самые основы крестьянского существования. К 1920 г. разница между валовым сбором зерна и потребностью крестьян в семенах, фураже, продовольствии составила более 88 млн. пудов, а к 1921 г. она увеличилась в 4 раза и достигла 358 млн. пудов. В результате стремительно стала распространяться так называемая «ползучая контрреволюция», вызванная сопротивлением деревни. К 1921 г. в стране насчитывалось более 50 крупных крестьянских восстаний. Как главную причину одного из самых крупных в Тамбовской губернии — «антоновщины» — участник его подавления большевистский комиссар В. Антонов-Овсеенко прямо назвал деятельность «военно-наезднических банд», в которые к тому времени превратились продотряды. В начале 1921 г. не осталось ни одной губернии, не охваченной в той или иной степени так называемым «бандитизмом».

Не менее опасными были проявления кризиса в социальной сфере. Бухарин в упомянутой книге определял российский социум как общество разорванных общественных пластов, соединить которые надлежало авангарду пролетариата, т.е. большевикам. Сильные деформации произошли в социальной структуре и составе населения. Прежде всего необходимо упомянуть о громадной цифре людских потерь, которая начиная с 1914 г. приближалась, по оценкам статистиков, к 20 млн. человек. Трудно определить точно, какие категории населения пострадали больше, а какие меньше, тем не менее совершенно очевидно, что серьезный урон был, например, нанесен взрослому мужскому населению страны за счет погибших на фронтах. О последствиях мировой войны в этом отношении уже говорилось. В гражданской же войне только Красная Армия по официальным данным потеряла около 800 тыс. бойцов. Не меньшие потери, надо думать, были в рядах белого движения. От «политики ликвидации эксплуататорских классов», которая в 1919—1920 гг. нередко переходила в физическое истребление их представителей («красный террор»), страдали прежде всего имущие слои и значительная часть интеллигенции, с ними связанная. Около 2 млн. человек составила эмиграция из России, которая состояла преимущественно из «образованных классов». Белый террор также носил социальную направленность. От него пострадало немало рабочих и революционно настроенной интеллигенции. От голода, болезней, эпидемий, буше-

вавших в стране в этот период, также погибло много людей, но особенно велика была детская смертность. Если прибавить сюда резкое сокращение рождаемости, то очевиден серьезный ущерб, нанесенный будущим поколениям.

Если попытаться определить общий результат этих демографических катаклизмов, то, видимо, он складывается не в пользу города и городских классов и слоев населения. Действительно, значение городов в общественной жизни резко снизилось. Голодные, холодные и опасные, они не привлекали жителей. Население Петрограда сократилось вдвое, Москвы — примерно на столько же, несмотря на сосредоточение в ней огромного числа центральных правительственных учреждений. Численность рабочих в ведущих индустриальных центрах уменьшилась в 5—7 раз. Обнаружились симптомы «аграризации» страны.

Политическое руководство вплотную столкнулось с явлением, известным как «деклассирование пролетариата», который, между прочим, считался социальной опорой нового режима. Этот феномен нельзя сводить только к уходу рабочих в деревню, возвращению их к крестьянским занятиям из-за остановки фабрик и заводов и тяжелого продовольственного положения в городах. Это несколько односторонний и упрощенный взгляд. Нужно учесть еще ряд аспектов подобного «деклассирования». Во-первых, значительный отлив (до 1 млн.) рабочих в госаппарат в связи с политикой создания в нем «пролетарского климата», в Красную Армию. Из рабочих в первую очередь создавались кадры чекистов, милиции, продотрядов и т.п. Во-вторых, тех, кто все-таки остался возле погашенных заводских котлов и недымящихся труб (1,5 млн. в 1920 г. и 1 млн. в 1921 г.), коснулись явные признаки распада. В сущности, они переставали быть рабочими, перебиваясь случайными занятиями, как тогда говорили, — «мешочничеством», «кустарничеством», «зажигалочничеством», «бочарничеством». Их «революционное классовое сознание», к которому постоянно зывали большевики, явно притупилось. Настроения разочарования, уныния, апатии, усугубленные постоянными нехватками, недоеданием и болезнями, охватили рабочих. Свидетельством этого стали не столько забастовки, которые в условиях военного времени беспощадно подавлялись, сколько «волынки», когда рабочие находились вроде бы на месте, но под разными предлогами почти ничего не делали для производства. Тем не менее к концу 1920 — началу 1921 гг. в забастовках, по некоторым данным, принимало участие около 350 тыс. человек.

«Деклассированию» подвергались не только рабочие, но и другие группы и слои населения. Число «люмпенов» росло очень быстро. Они заполнили города и наводнили сельскую местность. Преступный мир буквально терроризировал население, не взирая на беспощадные меры со стороны ЧК и милиции. Нередки были случаи сращивания преступности с политическими группировками, с интеллигентской богемой, наблюдался рост анархических настроений. Морально-нравственные критерии в обществе размывались. Все чаще идеи уравниловки и грубого казарменного коммунизма сводились к принципу «грабь награбленное».

Безотцовщина, гибель людей, распад семьи и родственных связей вызвали небывалое распространение детской безпризорности (до 7 млн. к 1922 г.), что стало еще одним источником роста преступности, нищенства, одичания и озверения людей.

Сильный урон потерпела российская интеллигенция. Ее ряды сильно поредели, ее влияние в обществе упало. Конечно, это было чревато серьезными последствиями для решения культурных задач большевиков. Та часть интеллигенции, которая оставалась в Советской России, постоянно подвергалась массовой пропаганде. Многие ее представители становились служащими советских учреждений.

На этой последней категории стоит остановиться подробнее. Она, наверное, единственная, которая в первые послеволюционные годы обнаружила тенденцию к устойчивому росту вопреки всем предсказаниям большевиков об упразднении бюрократии. К 1921 г. численность служащих государственных учреждений по сравнению с довоенным временем увеличилась вдвое, и если дореволюционная Россия называлась бюрократическим государством, то что же сказать о России советской?

Причин немыслимого разбухания аппарата было довольно много. В попытках наладить ленинский всеобщий учет и контроль, централизованный распределительный механизм большевики последовательно дробили и упрощали функции управления, с тем чтобы они стали доступны элементарно грамотному рабочему или, на худой конец, крестьянину и исполнялись бы по очереди людьми, избранными «на должность» народом. Упрощение и дробление вели к тому, что там, где раньше управлялся один человек, появлялось два, а то и три. Периодическая смена этих людей путем выборов, как считали большевики, способствовала бы тому, чтобы «население училось управлять и начинало управлять». Но ни

с выборностью, ни со сменяемостью ничего не вышло. В условиях острой нехватки грамотных и образованных людей функции управления неизбежно закреплялись за определенными работниками. Начался процесс отрыва создаваемого аппарата от масс и последовательная узурпация им отдельных функций управления. Полная национализация и передача средств производства в руки государства чрезвычайно повышали роль центральных органов и подчиненных им хозяйственно-распределительных учреждений на местах. Образовывались гигантские трудноуправляемые структуры. Таким к концу гражданской войны стал, например, центральный аппарат ВСНХ. В нем, помимо главков и центров, существовало множество функциональных органов (финансово-экономический, финансово-счетный отделы, НТО, Центральная производственная комиссия, Бюро по учету технических сил и др.). Каждый главк, в свою очередь, имел некоторое количество производственных и функциональных отделов. Так, в положении о Главтопе от 20 октября 1919 г. зафиксирована его структура, состоящая из 6 производственных отделов и около 10 функциональных.

Центральные органы всячески ограничивали инициативу на местах и пытались решать все вопросы через непосредственно подчиненные им учреждения или через своих комиссаров. Наблюдалась тенденция к единоначалию, закреплению ответственности за конкретным лицом. Каждый орган управления стремился иметь на местах свои отделы и подотделы. Формально они находились в двойном подчинении — центральному и местным органам, но за первыми был безусловный приоритет. Местным Советам и исполкомам запрещалось вмешиваться в их деятельность, ограничиваясь лишь общим надзором.

Как это происходило, отчетливо прослеживается в той же системе ВСНХ, где к 1921 г. насчитывалось более четверти миллиона служащих. Подчиненные центральному главам ВСНХ, местные «губтекстилы», «губтопы», «губкожи» и т.п. были фактически не органами двойного подчинения, а исполнительными органами центра. На этой основе образовались пресловутые «столбики ВСНХ», каждый со своим аппаратом, деятельность которого строго регламентировалась спускаемыми сверху положениями, инструкциями, в неизменном числе расплодившимися в советских учреждениях. Нечто подобное происходило и в других ведомствах.

Такая система управления очень быстро обнаружила свою неэффективность. Управлять и регулировать из центра

всю жизнь страны — задача сама по себе эфемерная. К тому же большевики не имели для этого ни сил, ни средств. Никакого учета и контроля, даже элементарной статистики наладить не удалось в течение всей гражданской войны. Центральное руководство имело весьма смутное представление о реальном положении дел. Непрерывно растущее количество учреждений, их сложность и громоздкость вызывали обратный эффект того, чему они были призваны служить, приводили к неуправляемости, волоките, беспрерывным согласованиям. Прежде чем, например, решение Президиума ВСНХ доходило до каждого предприятия, оно должно было пройти 6—7 звеньев и совершенно тонуло в море других бумаг, застревавших в условиях бездорожья и отсутствия связи. Происходила полная рассогласованность даже в области производства вооружений. Одни отрасли выполняли заказы, другие даже не приступали к ним. Бумажные планы снабжения и распределения постоянно натывались на ограниченность ресурсов. Назревал явный кризис управления.

Централизация и бюрократизация привели к кризису и самой основы новой власти — советской представительной системы. Реальная власть все больше «уплывала» из рук представительных органов к аппаратным структурам. Работа съездов, сессий Советов подменялась деятельностью исполкомов или неконституционных органов — ревкомов, различного рода «революционных» троек, пятерок, трибуналов и других «чрезвычайек». Выборы в Советы проводились не всегда и не везде, а кроме того, избирательная активность населения резко упала. С апреля 1919 г. председателем ВЦИК на место умершего Свердлова — человека, достаточно энергичного и самостоятельного, был поставлен «старый» большевик М.И. Калинин, питерский рабочий из крестьян Тверской губернии — фигура, скорее символическая, призванная олицетворять союз рабочего класса и крестьянства, чем реально значимая личность в политическом руководстве. В феврале 1920 г. на сессии ВЦИК был утвержден устав о фракциях во внепартийных учреждениях, который фактически ставил деятельность Советов под полный контроль партийных комитетов.

Примерно аналогичные процессы происходили в профсоюзах, кооперативах и других организациях, деятельность которых сводилась главным образом к работе аппаратных структур под контролем партийного руководства. Была сделана попытка произвести огосударствление профсоюзов, организовать их работу на военно-принудительных началах. С

такой идеей «завинчивания гаек военного коммунизма» в конце 1920 г. выступил Троцкий, который, возглавляя «попутно» Наркомат путей сообщения, проводил жесткую милитаризацию на транспорте.

Весьма сложным было положение в самой партии большевиков. На фоне всеобщего распада большевики единственной цементирующей и связующей силой, ему противостоящей, считали пролетариат. Но ввиду его деклассирования эту функцию взял на себя «авангард пролетариата» — партия большевиков. Партия, действительно, взвалила на свои плечи огромное бремя руководства страной, старалась охватить своим влиянием все стороны жизни общества. В духе «военного коммунизма» она выдает себя то за «железный батальон пролетариата», то за «железную когорту», то за «орден меченосцев». Но это не больше, чем иллюзия. РКП(б) вовсе не была единой и монолитной. Утвердившись как правящая партия, она, словно магнит, стала притягивать к себе самые разнородные элементы, вступавшие в нее и из карьеристских, и из шкурных, и иных побуждений. Всего за два года с марта 1919 г. по март 1921 г. (с VIII по X съезд) численность РКП(б) увеличилась более чем вдвое: с 313 тыс. до 730 тыс. членов. На ее составе отразились все явления, свойственные периоду «военного коммунизма». Но одновременно все имеющиеся кадры коммунистов расставлялись на самых различных участках руководства. На протяжении первых лет после революции повсеместно образовывались партийные комитеты, которые вмешивались в различные сферы управления.

Состав руководящих органов Советской республики в конце гражданской войны заслуживает тщательного анализа. В нем прежде всего выделялась «старая партийная гвардия», вожди, в чьих руках концентрировалось все больше и больше власти. Они занимали ключевые посты в государственном аппарате, совмещая подчас несколько должностей. Обнаружились признаки превращения этой группы в замкнутую правящую элиту. Несколько особняком стояло профсоюзное руководство, которое находилось как бы в партнерских отношениях с государством. Поэтому в профсоюзных организациях в то время работали достаточно сильные и яркие лидеры, вроде М.П. Томского, выдвинутые рабочей массой. В профсоюзных и других общественных организациях находили себе последнее прибежище деятели других партий, решившие связать свою судьбу с большевиками.

Вторую, более многочисленную, группу в аппарате составляли бывшие рабочие, матросы и солдаты. Заняв ответственные посты и должности, они, конечно, далеко не всегда им соответствовали. Многие были готовы «гореть» на работе, трудиться без сна и отдыха, отдавать ей все силы, но сказывалось отсутствие культуры и образования. Эти люди мало знали, плохо разбирались в делах и волей-неволей вынуждены были подчиняться ранее заведенному порядку. Немало оказалось таких, кто, поддавшись искушению властью, владал в фанаберию, хамство, комиссарство, бравирование своим простонародным происхождением. Эти и подобные явления начали распространяться и получили название «комчванства». Стиль руководства в годы «военного коммунизма» сводился к жесткому приказу, команде, окрику. Многие «по делу и без дела» склонны были размахивать маузером, а то и спускать курок.

Наряду с руководителями в советском аппарате работали специалисты, прежде всего там, где большевикам без них обойтись было совершенно невозможно: в системе ВСНХ, в юстиции, в народном образовании и других сферах. Кадровая политика большевистского руководства по отношению к ним была двойственной и противоречивой. с одной стороны, жалобы на нехватку специалистов, стремление привлечь их к решению важнейших задач, взять на учет, уберечь от призыва в Красную Армию, обеспечить подбор кадров по деловому признаку, а с другой — третирование специалистов, линия на «орабочение» аппарата, проводимая партийными органами, ВЦСПС, ЦК отраслевых союзов.

Мощный пласт сотрудников новых учреждений составили мелкие служащие старой России: конторщики, приказчики, делопроизводители, счетоводы и т.п. Они принесли в советские учреждения прежний налет казенщины и канцеляризма, без которых не обходится ни одна бюрократия, и от них многое восприняли полуграмотные выдвигенцы из рабочих и крестьян. Относительно новой для советских учреждений была феминизация управленческого труда — процесс, в целом типичный для XX в. В Советской России он был ускорен введением всеобщей трудовой повинности, необходимостью получить паек, который обеспечивала только служба или работа. Поэтому канцелярии советских учреждений пополнились большим числом бывших гимназисток, школьниц, гувернанток, домохозяек и т.д.

Такой была многочисленная армия управленцев, состоявшая на службе нового режима, без особых изменений до-

жившая до наших дней. Она была весьма пестрой и аморфной, малоэффективной и малокомпетентной. Даже суровая обстановка «военного коммунизма» не гарантировала защиту от бюрократической «дьяволиады», по выражению М. Булгакова, от злоупотреблений и коррупции, о которых свидетельствуют многие источники того времени.

Встает вопрос о том, видели или нет большевистские лидеры проявления кризиса? Многие из них осознавали, что далеко не все получилось, как задумано, что возникли или восстанавливались институты, шедшие вразрез с революционными идеями, что вместо государства-коммуны, основанного на самоуправлении трудящихся, образовалась огромная государственная машина с сохранением всех атрибутов, присущих государству. Отчетливо осознавалась опасность бюрократизма. Ленин назвал Советскую республику рабоче-крестьянским государством с бюрократическим извращением. Борьба с бюрократизмом была поставлена в повестку дня VIII съезда Советов. Однако, как показывают выступления того же Ленина и его соратников, природа бюрократизма в советских учреждениях связывалась главным образом с наследием старого строя и с пресловутым «мелкобуржуазным окружением». Фактически не была осознана логика развития бюрократизма, вытекающая из воплощения на практике большевистских идей, а это сыграло большую роль в последующих событиях.

Ярким проявлением кризиса в партии стала профсоюзная дискуссия, развернувшаяся в конце 1920 г. В ней в завуалированной форме нашли отражение все противоречия кризисного времени: роль масс в строительстве нового общества, форма государственного управления, организация производства и др. Участники разбились на восемь платформ и ожесточенно спорили между собой. Подвести итоги дискуссии должен был X съезд РКП(б). Традиционно считалось, что победила точка зрения Ленина, который в духе времени сформулировал тезис о профсоюзах как «школе коммунизма», о чем после этого 70 лет «талдычили» историки профсоюзного движения в СССР. Однако победа Ленина была не столь очевидна. Большинство участников дискуссии сошлись на том, что не время ввиду ухудшения общего положения в стране делиться на платформы и фракции. Была принята резолюция, где содержался пункт о временном запрещении дискуссий под страхом исключения из партии. Этот пункт в дальнейшем искусно был использован во внутрипартийной

борьбе и стал одним из постоянных и основополагающих принципов деятельности коммунистов.

Между тем брожение в стране росло и ширилось, постепенно приближаясь к столице. Участились собрания и митинги, на которых большевистский режим подвергался открытой критике. Подняли головы меньшевистские и эсеровские агитаторы. Последней каплей в переполненную чашу проблем стали проявления недовольства в Петрограде и Кронштадтский мятеж в марте 1921 г. Почти все члены большевистской организации Кронштадта встали на сторону мятежников. Был избран революционный комитет во главе с беспартийным матросом Петриченко.

В истории с «Кронштадтом» необходимо отметить ряд существенно новых моментов. Во-первых, против большевиков выступили матросы Балтийского флота и гарнизона крепости, которая всегда, даже в труднейшие для большевиков дни, оставалась их надежным бастионом. Во-вторых, поразительное единодушие в рядах восставших, упорство, озлобление и отчаяние, с которым они сражались против большевиков, их готовность умереть, но ни на йоту не уступить в своих требованиях. В-третьих, участники мятежа выдвинули такие лозунги: свободные выборы, свобода всем социалистическим партиям, устранение большевистской диктатуры в Советах, свобода слова, печати, собраний, отмена всех мер военнo-коммунистического характера, введение рынка и т. п.

Восстание удалось подавить с большим трудом и немалой кровью. Огромные силы под командованием Тухачевского были брошены на штурм Кронштадта против 16 тыс. гарнизона и матросов линейных кораблей.

«Кронштадт» ясно продемонстрировал всю опасность политики следования прежним курсом, показал, что нужно менять ее в наиболее уязвимых аспектах, принимать действенные меры по выходу из кризиса.

§ 2. Россия нэповская

Историю советского общества 1920-х гг. обычно связывают с новой экономической политикой, которую стали проводить большевики после окончания гражданской войны. В литературе часто значение нэпа суживается, сводится к анализу вопросов сугубо экономических. На самом деле время, когда проводилась эта политика, знаменательно большими переменами не только в хозяйственной, но и в социальной

и политической сферах. В этот период в общественной жизни находила отражение борьба различных тенденций. Одни из них обуславливали объективные обстоятельства, в которых оказалась Советская республика, другие следовали из логики революционных преобразований, третьи были унаследованы из сложных перипетий эпохи «военного коммунизма». Экономика была лишь стержнем, вокруг которого «крутились» события. Если принять во внимание эту взаимосвязь, то можно получить более полное и многомерное представление о том, что произошло в стране в конце 1920-х гг. и что вслед за традицией, шедшей от Сталина, было названо «великим переломом». Поэтому есть смысл говорить не только о новой экономической политике как таковой, а о периоде или «эре» нэпа (термин западной историографии).

Историки и публицисты, которые обращаются к нэповской тематике, любят прибегать к метафорам и сравнениям. Одно время на слуху постоянно были ленинские слова о восходителе на очень крутую и высокую, никем не исследованную гору (видимо, имеется в виду движение к коммунизму), восходителе, который забрел в тупик и которому надо отступить, чтобы начать все сызнова, начать поиск других путей к «вершине». Здесь коренится трактовка нэпа как отступления в стратегии социалистического и коммунистического строительства, наиболее последовательно выраженная Сталиным: *«Нэп — особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капиталистических элементов при наличии командных высот у пролетарского государства, рассчитанная на борьбу капиталистических и социалистических элементов, рассчитанная на возрастание социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими, рассчитанная на уничтожение классов, на построение фундамента социалистической экономики»*.

Цитата представляет собой типичный образец сталинской одномерной «творческой мысли», которая как бы «топчется» на одном месте, переваривая сказанное, и медленными толчками продвигается вперед. Тем не менее в ней отражен в сущности тот взгляд на нэп, который до сих пор бытует во многих исторических трудах.

Но, прежде чем говорить о «восходителе» и «особой политике», наверное, стоит напомнить еще одну метафору, использованную Лениным, где он сравнивает страну после

гражданской войны с избитым до полусмерти, тяжелобольным человеком. Как известно, такой человек больше думает не о «восхождении», а о «лекарстве», которое поставило бы его на ноги. Новая экономическая политика, безусловно, явилась тем лекарством, которое позволило восстановить народное хозяйство, обрести относительную внутреннюю стабильность в стране или, как чаще сегодня говорят, «неустойчивое равновесие», после чего на повестку дня снова всплыл вопрос о «штурме высот социализма». Поэтому на нэп нужно взглянуть прежде всего как на «лекарство», как на средство, позволившее выйти из тяжелой кризисной ситуации. Подобный подход, думается, небезынтересен с точки зрения нынешних реалий.

Первый вопрос — откуда появилась идея нэпа? Авторами идеи считали себя многие, в том числе и в стане большевистских лидеров, а ее творцом долгое время признавали Ленина. В 1921 г. Ленин в брошюре «О продналоге» писал, что принципы нэпа были разработаны им еще весной 1918 г. в работе «Очередные задачи Советской власти». Определенная «переключка» между идеями 1918 и 1921 гг., конечно, есть. Это становится очевидным при учете сказанного Лениным о многоукладности экономики страны и политике государства по отношению к отдельным укладам. И все же бросается в глаза разная расстановка акцентов, на которую (возможно, умышленно) не обратил внимания сам Ленин. Если в 1918 г. предполагалось строить социализм путем максимальной поддержки и укрепления социалистического (государственного) сектора наряду с использованием элементов государственного капитализма при противостоянии частному капиталу и «мелкобуржуазной стихии», то теперь говорится о необходимости привлечь для нужд восстановления (а позже и строительства нового общества) другие формы и уклады. Осенью 1921 г. Ленин пишет: «Не дадим себя во власть «социализму чувства» или старорусскому, полубарскому, полумужичьему, патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле. Всеми и всякими экономически-переходными формами позволительно пользоваться и **надо** уметь пользоваться, раз является в том надобность, для укрепления связи крестьянства с пролетариатом, для немедленного оживления народного хозяйства в разоренной и измученной стране, для подъема промышленности, для облегчения дальнейших, более широких и глубоких мер, как то: электрификации» (Напомним, что у Ленина электрификация олицетворялась с коммунизмом).

Последний лейтмотив звучит в его поздних трудах все более явственно и отчетливо, несмотря на продолжающуюся риторику о «вынужденном отступлении».

Но было бы ошибкой связывать нэп только с именем Ленина. Идеи о необходимости изменения проводимой большевиками хозяйственной политики постоянно высказывались наиболее трезвыми и дальновидными людьми, независимо от их политической принадлежности. С этой точки зрения убийственную критику системе «военного коммунизма» давал, например, видный экономист Б.Д. Бруцкус в ряде своих публичных выступлений и статей. О том же говорили лидеры меньшевиков и эсеров. До тех пор, считали они, пока крестьянство живет в условиях товарного производства, никакими мерами насилия это производство не может быть заменено социалистическим. Пока рабочие на национализированных предприятиях не будут получать кроме зарплаты часть чистой прибыли и не будут принимать непосредственного участия в управлении ими на началах выборности и широкого демократического контроля за деятельностью администрации, национализация промышленности останется псевдосоциалистической мерой. Опасность гипериндустриального подхода к задачам социалистического переустройства общества состоит в том, что он ведет только к отчуждению трудящихся от собственности, власти и управления в пользу партийной олигархии, которая неизбежно вырождается в бюрократию. Распространение начал народовластия и самоуправления в области политической должно дополняться распространением их на область хозяйственную или социальную.

Большевикам было откуда почерпнуть представления о том, как нужно перестраивать экономику. На вооружение были взяты идеи стимулирования сельскохозяйственного производства с помощью дифференцированного налогообложения, кооперирования системы сбыта и снабжения, поощрения торговли и обмена для расширения внутреннего и внешнего рынка, стабилизации валюты в интересах повышения уровня жизни населения, монополизации управления промышленностью и частичной ее денационализации. Однако, и в этом существенное отличие реформ периода нэпа от прежних и последующих, не особенно доверяя своим знаниям и опыту практических дел, накопленному в «героический период», большевистское руководство широко привлекало к экономическим мероприятиям «буржуазных специалистов». Почти при каждом органе управления: при ВСНХ, Госплане,

Наркомфине, Наркомтруде и др. — существовала разветвленная система учреждений, вырабатывающих научно обоснованную и достаточно взвешенную хозяйственную политику. Самим народным комиссарам пришлось сесть за учебники и «ученые» труды, сверяя их с «Капиталом» Маркса. Сегодня в печати высказывается мысль, что отдельные мероприятия нэпа лежали в русле идей отечественной финансово-экономической школы конца прошлого — начала нынешнего века. Однако подобный взгляд кажется слишком односторонним. Новая экономическая политика вобрала в себя комплекс разных идей.

В свете сказанного, видимо, следует избегать упрощенных представлений о нэпе, в том числе со ссылкой на Ленина, обращающих внимание только на отдельные стороны этой политики, типа нэп — это союз («смычка») города и деревни, «передышка перед решающим штурмом», «перегруппировка классовых сил» и т. п. Нэп — это цикл последовательных мероприятий по выходу из кризиса, которые диктовались скорее объективными обстоятельствами, чем какими-либо идеями, и которые постепенно оформлялись в попытку наметить программу построения социализма экономическими методами. Наиболее последовательно эта программа была изложена в 1920-е гг. в трудах Н. И. Бухарина, о ком речь пойдет ниже. С этой точки зрения становится правильнее понимание смысла термина «новая экономическая политика», новая, т. е. сменяющая старую, военно-коммунистическую, и выдвигающая на первый план экономические методы управления. Проясняется вопрос о периодизации нэпа, о чем раньше тоже возникало немало споров. Нэп кончается тогда, когда вместо экономических наступает полное господство методов административных, насильственных, чрезвычайных.

Правда, здесь мы встречаемся с двумя тенденциями, до сих пор характерными для историографии. Первая — идеализация нэпа, преувеличение успехов и достижений этого периода. Введение нэпа, в этом нет сомнения, позволило восстановить разрушенное народное хозяйство, облегчить тяготы, улучшить материальное положение людей. Однако в этот период получили развитие и многие процессы, порожденные рынком и усиленные специфическими обстоятельствами, в которых оказалась страна с ее разрухой, отсталой экономической и социальной организацией, аграрным переизбытком, инерцией военно-коммунистического наследия и др. Введение нэпа сопровождалось постоянным ростом без-

работицы, сокращением доли средств, идущих на социальные нужды и программы, на образование. С этими явлениями связана вторая тенденция — критика нэпа, которая исходит как от последовательных, «чистых» рыночников, так и анти-рыночников. Они обращали внимание прежде всего на так называемые «кризисы нэпа», которые прошли через всю его историю и, по мнению отдельных ученых, не получив своего разрешения, привели к его свертыванию. У иных авторов получается, что нэпа как политики прежде всего экономической вообще не было.

Следует заметить, что споры вокруг нэпа получают постоянную подпитку. Дело в том, что модели существования смешанной экономики, одна из которых впервые имела место в Советской России, в той же или видоизмененной форме с неодинаковой степенью успехов и поражений проходили и проходят апробацию в разных странах и различных исторических условиях. Это снова и снова вызывает необходимость обращения к истории нэпа, ее объективной и беспристрастной оценки.

В разгар осуществления военно-коммунистических мероприятий в феврале 1920 г. один из главных их вдохновителей Троцкий неожиданно выступил с предложением заменить продразверстку фиксированным налогом, однако никаких конкретных последствий его предложение не имело. Это был скорее импульсивный акт, реакция на трудности, связанные с продовольственным обеспечением. Ни в тот момент, ни позже Троцкий никогда не проявлял себя ни последовательным приверженцем преобразований в духе нэпа, ни сторонником возврата к «военному коммунизму», придерживаясь скорее прагматических, чем доктринальных экономических воззрений.

Конкретные шаги по внедрению экономических стимулов в народное хозяйство начались весной 1921 г. при выполнении решений X съезда РКП(б) о замене продовольственной разверстки натуральным налогом и допущении товарообмена в пределах местного хозяйственного оборота. В среднем, размеры натурального налога оказались на 30—50% ниже размеров продразверстки, исчислялись из площади посева и объявлялись крестьянам заранее. Кроме зерновых, натуральными налогами облагалась животноводческая продукция: мясо, масло, шерсть, кожи и т. п. Всех налогов в 1921 г. было установлено 13. Это представляло значительные неудобства. Очень мешала и прежняя идеология. Так, первоначально большевики рассчитывали обойтись без торговли, рынка и

денежного обращения, предлагая крестьянам обменивать излишки своей продукции на принадлежащие государству промышленные товары по фиксированным натуральным эквивалентам, например 1 пуд ржи = 1 ящику гвоздей. Из этой затеи ничего не вышло. Псевдосоциалистическому товарообмену крестьяне предпочли привычную и удобную куплю-продажу товаров за деньги. Переход к рыночным отношениям в основном завершился к осени 1921 г., побудив руководство РКП(б) к осуществлению реформ в области государственной промышленности (переход госпредприятий на принципы хозяйственного расчета) и государственных финансов (замена натуральных налогов денежными, формирование бюджета, контроль за денежной эмиссией и т.д.). Встал вопрос о создании государственного капитализма в форме аренды и концессий. К государственно-капиталистической форме хозяйствования первоначально отнесли и кооперацию: потребительскую, промысловую и сельскохозяйственную.

Главная задача, которую провозглашало большевистское руководство, — укрепление социалистического сектора путем создания крупной государственной промышленности и регулирование ее взаимодействия с другими укладами. В литературе часто утверждается, что упор на социалистическую промышленность создавал ситуацию «расходящейся экономики» и порождал противоречия и «кризисы нэпа». Это было бы так, если бы в государственном секторе не производилось никаких изменений по сравнению с прежней системой. Поэтому нужно более тщательно разобраться в сущности так называемой хозяйственной реформы 1921—1923 гг. в промышленности.

Согласно этой реформе, в государственном секторе были выделены наиболее крупные и эффективные предприятия, более или менее обеспеченные топливом, сырьем и т.п. Они подчинялись непосредственно ВСНХ. Остальные подлежали сдаче в аренду.

Предприятия, подчиненные ВСНХ, сводились в «кусты», объединялись в тресты, деятельность которых должна была строиться на строго хозрасчетных принципах, самофинансировании и самоокупаемости. Убыточные и нерентабельные предприятия (главным образом те, которые в предшествующие годы были связаны с производством военной продукции) закрывались или становились на консервацию. Правда, по политическим мотивам делались некоторые отступления, как в случае с Путиловским заводом. Действующие предприятия доукомплектовывались квалифицированной рабочей силой.

за счет направления демобилизованных из армии и частичного возвращения тех рабочих, которые разбежались по деревням в годы гражданской войны. Для подготовки новых кадров была создана система профессионально-технического обучения, не имевшая, правда, массового характера. Для регулирования отношений между трестами, снабжения предприятий сырьем, материалами, для сбыта их продукции на рынке учреждались объединения-синдикаты, которые должны были действовать строго на договорной основе.

Была перестроена система управления государственной промышленностью. Вместо полусотни прежних отраслевых главков и центров ВСНХ было организовано 16 управлений. Число служащих сократилось с 300 тысяч до 91 тысячи.

Аппарат других наркоматов также подвергся сокращению. Был ликвидирован Наркомат продовольствия, а также многочисленные междведомственные комиссии: по чрезвычайному снабжению Красной Армии (Чусоснабарм), по подготовке валенок и лаптей (Чеквалап) и т. д. Центральным органом перспективного государственного планирования стал Госплан. Комиссия ГОЭЛРО была расформирована.

С окончанием военных действий была сокращена численность Красной Армии (с 5 млн. до 562 тыс. человек). В 1923—1924 г. кадровая система комплектования вооруженных сил была дополнена территориальной. Общее количество дивизий сократилось, но зато повысилась их боевая мощь.

Для упорядочения и оздоровления финансов в конце 1921 г. был образован Государственный банк. Ему с 1922 г. было предоставлено право выпуска банковских билетов-червонцев с твердым покрытием. Параллельно с ними в течение 15 месяцев продолжали ходить в обращении постоянно обесценивающиеся советские денежные знаки, эмиссией которых правительство заполняло прорехи в бюджете. Эти дензнаки также выполняли функцию разменных денег для червонцев, покупательная способность которых была достаточно высокой — на уровне дореволюционной золотой десятишки. Весной 1924 г. правительство ввело в обращение новые казначейские билеты достоинством в 1, 3 и 5 рублей, а также разменную (медную и серебряную) металлическую монету. Советские денежные знаки прекратили свое хождение.

Денежная реформа 1924 г. имела огромное экономическое и политическое значение. Народное хозяйство страны получило твердую денежную единицу — червонец, частично конвертируемую и достаточно стабильную, чтобы с ее по-

мощью вести валютно-торговые операции как внутри страны, так и за рубежом. Господствующий в стране режим доказал свою способность проводить экономическую политику, содействующую накоплениям капиталов и сохранению сбережений населения.

Успешному проведению в жизнь новой экономической политики препятствовали многие объективные факторы, такие, например, как экономическая блокада страны и послевоенная хозяйственная разруха. В этих условиях чрезвычайно трудно было противостоять стихийным бедствиям. В 1921—1922 гг. 25 хлебопроизводящих губерний Поволжья, Дона, Северного Кавказа и Украины были поражены сильнейшей засухой. 6 миллионов крестьянских хозяйств фактически вышли из строя. Голод сопровождался вспышками эпидемий тифа, малярии и др. Убыль населения в республике составила, по некоторым оценкам, около 8 млн. (около 6% населения). Тысячи людей бежали из пораженных бедствием районов. Увеличилось число нищих, бродяг, сильно возросла детская беспризорность. Голод в Советской России 1921—1922 гг. известен как один из самых опустошительных в мировой истории.

Борьба с голодом, пожалуй, тоже впервые в истории велась как широкая государственная кампания. Были мобилизованы все учреждения, предприятия, кооперативные, профсоюзные, молодежные организации, Красная Армия, была образована Центральная комиссия помощи голодающим — Помгол. Широкое участие в борьбе с голодом в России приняли международные организации, в частности такие, как Межрабпом (специальная организация, созданная Коминтерном) и американская благотворительная организация АРА (American Relief Administration). В голодающие районы беспрерывно шли эшелоны с продовольствием, лекарствами, медикаментами. Заграничная помощь голодающим России на конец 1921 г. составила 2380 тыс. пудов продовольствия. Внутри страны было собрано 780 тыс. пудов. Чтобы помочь голодающим, государство пошло на изъятие церковных ценностей, причем данное мероприятие было проведено таким образом, что обострило давно, со времени революции, тлеющий конфликт между властью и церковью. В пораженных голодом районах сохранялось военное положение, так как власти опасались распространения бандитизма и контрреволюционных мятежей. Несмотря на ужасающие последствия голода, все же в результате принятых мер в 1922 г. удалось засеять 75% посевных площадей в пострадавших районах.

В конце 1923 г. из-за несогласованности действий органов хозяйственного управления произошел резкий скачок цен на промышленные товары массового спроса по сравнению с ценами на сельскохозяйственную продукцию. Следствием этого стал первый кризис изпа, затор в товарообороте, вызванный «ножницами цен». Из-за низкой платежеспособности крестьянского населения и искусственно завышаемых государственными трестами и частными торговцами цен на промышленные товары возникли проблемы с их сбытом. Несмотря на то что крестьяне собрали хороший урожай, они не торопились, памятуя предыдущие голодные годы, расставаться с товарными излишками сельскохозяйственной продукции, цены на которую к тому же резко снизились. Вследствие трудностей сбыта промышленных товаров ухудшилось финансовое положение государственных предприятий, перешедших на принципы хозрасчета и самоокупаемости. Нечем стало выплачивать зарплату рабочим, возникла угроза забастовок. Кризис был разрешен административными мерами, вмешательством государственных органов, которые снизили (примерно на 30%) цены на промышленную продукцию.

К середине 1920-х гг. предприятия легкой и пищевой промышленности в основном восстановили довоенные объемы производства в стране. Здесь немалую роль играло возрождение мелкого и кустарно-ремесленного производства. В 1925 г. в нем было занято около 4 млн. человек, больше, чем в фабрично-заводской промышленности. Но особенно быстро увеличивалось число торговцев и торговых заведений.

С переходом к нэпу и разрешением частной торговли, казалось, вся страна превратилась в гигантский базар, особенно в тот момент, когда еще не была налажена государственная налоговая служба. Бывшие мешочники, рабочие, демобилизованные солдаты, домохозяйки и т.д. и т.п. толпами высыпали на улицы и площади, торгуя и обмениваясь тем чем может. Оживилась деревенская, ярмарочная торговля. Очень скоро весьма решительно стало проявляться вмешательство государства. Торговцы, впрочем, как и мелкие производители, должны были выкупать патенты и уплачивать прогрессивный налог. В зависимости от характера торговли (торговля с рук, в ларьках и киосках, магазинах, розничная или оптовая торговля, количество наемных рабочих) они были поделены сначала на 3, затем на 5 категорий. К середине 1920-х гг. был сделан очень значительный сдвиг к стационарной торговле — создана широкая сеть магазинов и магазинчиков, занимающихся розничной торговлей, где главной

фигурой был частник. В оптовой торговле преобладали государственные и кооперативные предприятия. С 1921 г. стали возрождаться как пункты обращения товаров массового характера биржи, упраздненные в период «военного коммунизма». К 1925 г. их число достигло довоенной цифры. К концу того же года в СССР было зарегистрировано 90 акционерных обществ, которые представляли собой объединения преимущественно государственного, кооперативного или смешанного капитала. Оборот торгующих акционерных обществ несколько превышал 1,5 млрд. руб.

С переходом к нэпу государство предоставило возможность развития различных форм кооперации. Наиболее быстро разворачивалась потребительская кооперация, тесно связанная с деревней. Однако и другие формы — снабженческая, кредитная, промысловая, сельскохозяйственная, производственная, жилищная и др. — получили стимулы для своего развития. В стране стали возникать машинные, мелиоративные, семеноводческие, племенные станции и объединения. Началась концентрация и специализация производства. Впервые кооперация получила свое организационное оформление в масштабе государства, хотя довольно сложное и путаное. Во главе потребительской кооперации стоял Центросоюз, кустарно-промысловой — Всекопромсоюз. По линии сельскохозяйственной кооперации было создано 16 центральных союзов кооператоров, таких, как Хлебоцентр, Маслоцентр, Льноцентр и др. Деятельность кооперативных объединений финансировалась сетью кооперативных и коммерческих банков. Под влиянием высказываний Ленина о кооперации был изменен ее статус. Теперь она (с некоторыми оговорками) стала относиться к социалистическому сектору народного хозяйства.

С 1924 г. стало «рассасываться» положение в тяжелой промышленности, началась расконсервация крупных заводов. Однако восстановление здесь шло более медленными темпами, и довоенный уровень был достигнут только к концу десятилетия.

Ободренное экономическими успехами, руководство в середине 1920-х гг. сделало еще несколько шагов в направлении рынка. Были снижены налоговые ставки с целью стимулирования производства и мелкой торговли, расширены возможности аренды и найма рабочей силы, выселения на хутора. Однако эти меры не дали существенного эффекта. Напротив, начиная с 1926 г. в советском обществе стали нарастать трудности и противоречия, причины которых сле-

дует искать не только в экономике, но и в других сферах: социальной, политической, идеологической.

Блага от нэпа получили далеко не все. Нэпом была недовольна значительная часть партийного и государственного руководства, воспитанная в духе «революционного штурма» и военно-коммунистической идеологии, а также служащие госаппарата, поставленные перед угрозой сокращения. Нэп отрицали левацки настроенные интеллигенты. В период нэпа увеличилось число «лишних ртов», постоянно росли ряды безработных, вызывая недовольство тех, кто рисковал пополнить их число. В среде крестьянства тоже не было единства, роптали те, кто не особенно был настроен на систематический труд или попал в сложные жизненные обстоятельства. Особенно тяжело воспринимались рост капиталистических элементов, усиление имущественной дифференциации, неприемлемые для эгалитаристских настроений первых после-революционных лет. Недовольны были те, кто рассчитывал на быстрое воплощение в жизнь обещаний, щедро раздаваемых в период революции.

Положение класса, от имени которого вершилась диктатура, т.е. рабочих, по сравнению с дореволюционным, несомненно, улучшилось, однако изменения, произошедшие в нем, могут быть оценены далеко не однозначно. Недовольство своим положением выразилось в массовых выступлениях рабочих в защиту собственных экономических интересов. В 1922 г. бастовало почти 200 тыс. рабочих, в 1923 г. — 165 тыс., в 1924 г. — 41 тыс., причем снижение числа стачек было связано не только с улучшением материального уровня рабочих, сколько с административными запретами.

Вряд ли можно говорить о преодолении «деклассирования пролетариата». Качественный состав его продолжал переживать процесс размыwania. Значительные людские потери, ибо именно на рабочих выпали основные тяготы гражданской войны, гибель на фронтах лучших невосполняемых кадров, нанесли серьезный ущерб демографической и профессиональной структуре рабочего класса. Те, кто пережил войну, не особенно были склонны возвращаться на производство, даже рядовые красноармейцы рассчитывали «на должность», не говоря уже о комиссарах. Вот, например, весьма типичный документ эпохи (с сохранением орфографии оригинала): *Заявление в бюро ячейки отдельного ка-вэскадрона 27 Омской стрелковой дивизии имени Итальянского пролетариата от красноармейца члена РКСМ Н.И. Орловского*

Прошу вашего ходатайства если возможно направить меня в школу ВПШ так мое стремление учиться политическому учению если не возможно то прошу послать меня на производство к нашему шефу в город Москву (имеется в виду Главное управление военной промышленности) так как я на своем мельком и бедном хозяйстве жить не приходится и нужно искать помощи в своей повседневного пропитание или в крайнем случае не возможно меня куда отправит до прошу совместно с командиром эскадрона оставит меня служить в рядах Красной Армии так как мне не приходится больше не очом возбуждают ходатайство прошу бюро ячейки обратить внимание на мое изложение прозбы так как я думаю что поможет мне где либо устроиться

Член ЛРКСМ Николай Иванович Орловский»

В какой-то мере подобным амбициям могли удовлетворять два явления, характерных для истории 1920-х гг.: выдвиженчество и демократизация системы образования. Революция необычайно усилила всеобщее стремление к учебе, поощряемое официальными лозунгами. Вузовские аудитории, главным образом с помощью рабфаков, учрежденных в 1919 г., стали быстро заполняться рабочей молодежью, отрывающейся от производства. Ясно, что эти явления не лучшим образом сказывались на тех, кто еще оставался у станков.

В начале восстановительного периода рынок труда мог обеспечить заводы и фабрики квалифицированной рабочей силой. Однако по мере решения задач восстановления обнаруживался парадокс: нехватка рабочих рук при их излишке, т.е. недостаток прежде всего квалифицированных рабочих. Да и само понятие квалификации оставляло желать лучшего. На производстве преобладал серенький малообразованный тип рабочего, не умевшего как следует постоять за свои права и не способного к рабочей демократии. Отчасти этим объясняется слабость профсоюзного движения в 1920-е гг., хотя большинство рабочих, несмотря на переход к добровольному принципу объединения, продолжало оставаться в профсоюзах. С этим была связана дискуссия о праве рабочих на забастовки. Такое право было признано только за рабочими частного сектора. Впрочем, позиции профсоюзного руководства и органов рабочего управления на производстве в тот период были достаточно сильными, и администрация с ними была вынуждена считаться.

Весьма своеобразной была в период нэпа политика официального руководства — был выдвинут лозунг соблюдения «чистоты рядов рабочего класса», сохранения его «от мелко-буржуазного заражения». Даже неискушенному человеку ясно, что этот лозунг противоречил всем принципам нэпа, «смьчке» рабочего и крестьянина. Свою лепту внесло и постоянное «идеологическое поклонение» руководства рабочему классу, явное и неявное предпочтение его представителям, третирование на этом фоне других социальных слоев и групп.

Нэп не только не покончил с деклассированными элементами, которых немало образовалось в предшествующие годы, но в какой-то степени способствовал их росту. Постоянно увеличивалось число безработных. Пышным цветом расцвели преступность, проституция, наркомания. В три раза в 1920-е гг. увеличилось число разводов.

В городах 1920-х гг. наблюдались оживление и рост слоя мелких и средних предпринимателей — нэпманов, владельцев торговых заведений, мастерских, булочных, кафе, ресторанов и пр. Положение этой группы населения было незавидным. В сущности, она находилась в постоянном враждебном окружении: официальная политика по отношению к нэпманам колебалась от вынужденного признания до периодически проводимых гонений и налетов, бюрократического произвола. «Новые капиталисты» были полностью лишены политических прав. Подобная обстановка создавала у нэпманов ощущение зыбкости, временности, неустойчивости происходящего. В соответствии с этим складывался их стиль жизни — «пропадать — так с музыкой!», урвать побольше, непрерывные кутежи, рвачество, готовность идти в обход закона. Все эти явления известны из литературы, как «гримасы» или «угар» нэпа.

Наряду с этим обнаружились признаки симбиоза «пролетарского государства» и «частнохозяйственного капитализма» в среде коррумпированных работников партийного и государственного аппарата, вызывавшего особенное недовольство в массах, как свидетельствуют многочисленные письма в различные органы. Началось перерождение советской бюрократии.

В российской деревне 1920-х гг. наметились некоторые позитивные сдвиги. Сказывалась еще инерция столыпинской реформы, чаще происходило выселение хозяев на хутора, продолжалось ослабление общинных устоев; крестьяне поговаривали о переходе к интенсивным формам хозяйства, к

многополью. Однако эти изменения были очень малозаметными. Деревня унаследовала значительную часть оставшихся от прошлого противоречий. Осуществляемый после революции «черный передел» не приносил желаемых результатов. Проблема, стало быть, заключалась не только в количестве земли, предоставленной в пользование, а в целом ряде причин социально-экономического свойства, которые требовали комплексного решения. Политика сдерживания зажиточных крестьян с помощью прогрессивного налогообложения и помощи малоимущим объективно вела к осереднячиванию крестьянства. Между тем понятие «средняк» по российским меркам было весьма относительным. Середняцкие хозяйства — это чаще всего хозяйства малотоварные, потребительские, с тенденцией к очень медленному и неустойчивому, зависимому от многих факторов (природных, демографических и др.) росту производства. Партийные руководители, привыкшие мыслить европейскими стандартами и сохранявшие старое социал-демократическое пренебрежение к крестьянству вообще, считали российскую деревню бедной, отсталой и нищенской, отсюда возникновение в рамках нэпа стремления создать в деревне рачительного и культурного хозяина, что требовало значительных затрат на развитие сельского хозяйства. Однако представление о том, как это можно сделать, было весьма смутным и противоречивым. Выдвинутый Бухаринным лозунг «Обогащайтесь!» был неприемлем для официальной политики и господствующего в обществе менталитета. Неслучайно его автор оказался мишенью для критики со всех сторон и родоначальником «правого уклона». Ставка на кооперацию также предусматривала медленный эволюционный путь преобразований в деревне. До поры, до времени два десятка миллионов крестьянских хозяйств еще покрывали потребности сравнительно небольшого городского населения и восстанавливающейся промышленности, но рано или поздно вопрос об ускорении развития сельскохозяйственного производства должен был встать на повестку дня.

Получив от нэпа экономическое облегчение, крестьянство мало приобрело в политической области. «Государство диктатуры пролетариата», провозгласив линию на союз с крестьянством, весьма своеобразно интерпретировало этот союз и не стремилось существенно расширить политические права деревенских жителей, снять, например, избирательные ограничения и неравенство прав на выборах в советские органы. Многочисленные письма крестьян, шедшие в печат-

ные органы и в адрес руководства, свидетельствуют об их недовольстве подобной политикой. Оживились идеи создания особых политических организаций крестьянства, Крестьянского союза. В ряде мест крестьяне выступили со своими политическими и экономическими требованиями. Самым значительным из этих выступлений было крестьянское восстание в Грузии, названное современниками «вторым Кроуштадтом» и побудившее политическое руководство на некоторые дальнейшие уступки крестьянству, инициированное кампанией 1924—1925 гг. под лозунгом «лицом к деревне».

Часто в литературе встречается утверждение, что трагедия напa заключалась в том, что экономические меры не были подкреплены политическими реформами. Это не совсем так. По сравнению с «военным коммунизмом» были сделаны шаги в направлении демократизации общества. Это прослеживается в самых разных областях, в том числе и в политическом устройстве, среди них можно назвать попытку оживить работу Советов, образование союзного государства, разработку административно-территориальной реформы. Однако все эти действия были непоследовательными, противоречивыми, а иногда сопровождались встречными действиями прямо противоположного свойства, и прежде всего в идеологической области, исходившими от правящей партии.

Одним из важнейших условий перехода страны из состояния гражданской войны к миру было бы развитие местного самоуправления. Функции местного самоуправления принадлежали Советам. Но для их осуществления Советы нуждались в расширении прав в административной, хозяйственной, культурной и других областях. Несмотря на некоторое расширение полномочий местных органов, Советы были ограничены принятием и утверждением заранее готовых решений, сориентированы на выполнение инструкций народных комиссариатов и директив партийных органов.

РКП(б)/ВКП(б) в 1920-е гг. превращается из политической партии в особый социальный и политический организм советского общества. Политика по отношению к другим партиям характеризовалась крайней нетерпимостью, несмотря на то что многие группы меньшевиков, эсеров, анархистов неоднократно заявляли о своем желании легализоваться и сотрудничать с большевиками в деле хозяйственного возрождения и социалистического строительства. В 1921—1922 гг. был организован ряд процессов, на которых по обвинению в контрреволюционной деятельности предстали руководители партии эсеров и других политических групп. Суд был скорым

и неправым. Вспоминались старые обиды, что противоречило декрету о прощении лиц, принимавших участие в гражданской войне. По результатам процессов деятельность всех политических партий была запрещена. В борьбе против них чекисты использовали политические провокации, внедрение агентов в нелегальные организации, аресты «социально неблагонадежных элементов». Советское государство сделало последний шаг по пути превращения в однопартийную диктатуру.

Одновременно в РКП(б) была проведена широкомасштабная чистка с целью сохранения идеологического пуризма, избавления партийных рядов от случайных, неустойчивых элементов, которые, по мнению руководства, подрывали авторитет партии, снижали ее имидж передового революционного авангарда пролетариата. Всеми делами в партии заправляла небольшая группа бывших профессиональных революционеров, которые рассредоточились на важнейших партийных и государственных постах. Эта партийная элита мыслила еще себя неотрывной частью мирового революционного движения, его леворадикального коммунистического крыла. По ее тогдашнему убеждению, революция в России являлась лишь этапом на пути к мировой революции. Нэп представлялся им как «затяжка» на этом пути. С этой точки зрения он трактовался как своего рода «отступление», «перегруппировка сил» в расчете на то, что рано или поздно произойдет крах системы международных отношений, основанной на Версальском мирном договоре. Понадобилось еще время, чтобы в этой элите вызрела идея построения социализма в одной стране и необходимости свертывания нэпа.

Пока же период окончания гражданской войны и перехода к нэпу был отмечен нарастающей активностью российских коммунистов на международной арене. Созданный в 1919 г. по инициативе Ленина Коммунистический интернационал (Коминтерн) провозгласил себя организацией открытого массового действия, построенной по образцу большевистской партии и ставившей конечной целью осуществление мировой социалистической революции. На III Конгрессе Коминтерна, который собрался в июле 1921 г. в Москве, присутствовало небывалое число делегатов (605 из 52 стран). Конгресс выдвинул задачу скорейшего образования коммунистических партий и завоевания ими масс (лозунг «к массам»), создания массовых революционных организаций. В их число входили КИМ (Коммунистический интернационал молодежи; 1919), Профинтерн (1920—1921), Межрабпом (Международная ра-

бочая помощь; 1921), МОПР (Международная организация помощи борцам революции; 1922) и др.

Противоречия политической жизни 1920-х гг. проявились и в правовой сфере. С одной стороны, наблюдалось стремление поставить общество в рамки закона и с этой целью был разработан и принят целый ряд кодексов, регулирующих правовые отношения (Гражданский, Земельный, Трудовой, Уголовный и др.). С другой стороны, в законодательстве явно был заметен примат классового содержания и революционной целесообразности. Политические и идеологические органы выносились тем самым как бы за рамки закона, хотя цель судебной реформы была покончить с злоупотреблениями властью. Так, чтобы подчеркнуть этот момент, ВЧК преобразовывалась в Главное политическое управление (ГПУ, с 1924 г. — ОГПУ), однако сохранение за ним политических функций отводило ему в обществе особое место.

Вместе с тем Гражданский кодекс давал право любому гражданину, достигшему 16 лет, получить лицензию на торговлю в лавках, общественных местах, на рынках или базарах любыми предметами или продуктами, на открытие предприятий бытового обслуживания, магазинов, кафе, ресторанов и т.п., на аренду зданий и помещений, производственного оборудования, средств транспорта. Главным условием владения лицензией была своевременная уплата налогов, предоставление по первому требованию властей всех счетов и отчетной документации, неучастие в противозаконных финансовых, торговых и прочих операциях. Аналогичные права и обязанности устанавливались для кооперативных организаций. Было дано определение юридически-правового статуса государственных торговых и промышленных предприятий, по которому они уравнивались в правах и обязанностях с частными.

Земельный кодекс признавал все существующие формы землепользования: общину, артель, отруба и хутора или их комбинации. Свобода выбора оставалась за крестьянином. Сохранение общины с периодическими переделами земли не возбранялось, но и не поощрялось. Крестьянин мог выйти из общины и закрепить за собой надел в качестве пользователя. Сдача земли в аренду разрешалась на срок не более 2 лет. Купля и продажа надела не разрешались. Допускался наемный труд при условии, чтобы наемные рабочие трудились наравне с членами семьи.

Трудовой кодекс основывался на добровольных отношениях по поводу найма рабочей силы. За государством оставались функции установления минимума зарплаты и контроль за соблюдением минимальных условий труда: 8-часовой рабочий день, оплаченные отпуска, ограничение на применение детского труда и т.д. Трудоустройство граждан должно было осуществляться через биржи труда. Для членов профсоюза формой трудоустройства становился коллективный договор. Профсоюзы сохраняли за собой монополию на охрану труда и защиту интересов работников.

В идеологической и культурной жизни в 1920-е гг. наблюдались еще элементы плюрализма. В начале нэпа была несколько ослаблена цензура. Существовали различные научные школы и направления. Достаточно богатой и разнообразной была художественная жизнь. В среде интеллигенции получила довольно широкое распространение идеология «смены вех», которую иногда представляют как идеологию национал-большевизма. Ее авторами были Н.В. Устрялов, один из деятелей правительства Колчака, а также ряд эмигрантских публицистов. Суть сменовеховских идей, чем они более всего пришлись по душе российской образованной публике, — признание Советской власти, как сумевшей спасти государственность в России, найти разумный выход из кризиса, и необходимость сотрудничества с ней в расчете на то, что жизнь сама все поставит на свое место, заставит большевиков пойти по пути возрождения и разумного устройства страны, независимо от их революционной риторики. В рядах большевиков сменовеховство было встречено крайне подозрительно. Тем не менее среди теоретиков партии под влиянием нэпа появились проповедники классового гражданского мира, борцы с военно-коммунистической идеологией. Однако не они определяли погоду. Большинство оставалось на позициях чистоты марксизма, классовой борьбы, идейного противоборства. Именно они постепенно раскручивали идеологическое наступление по «всем фронтам». Идейные противники большевиков подвергались запретам, гонениям, судебным преследованиям, выдворению за границу. Сначала вынуждены были уехать из страны лидеры небольшевистских организаций. В 1922 г. из России была выслана большая группа писателей и ученых: философов, социологов, историков, стоявших якобы на реакционных позициях. Изгнание за рубеж продолжалось и в последующие годы.

Особенно яростной и нетерпимой была антирелигиозная пропаганда. Большая часть населения страны, особенно

старшие поколения, оставалась верующей. Борьба с религией представляла собой своеобразную «битву за умы». Хотя коммунисты частично преуспели в своей агитации среди молодежи, сломить пассивное сопротивление церкви им не удалось. Воинствующее, зачастую безграмотное безбожие, насаждаемое административными мерами, не имело особых шансов на успех. В начале 1920-х гг. внутри православной церкви усилилось так называемое «обновленческое движение», которое само по себе восходило к либеральным и христианско-социалистическим идеям начала века, противостоявшим официальной церковной политике. Однако в сложившейся ситуации движение было искусно использовано партийными и политическими органами для раскола церкви. Обновленцы созвали церковный Собор с целью низложения патриарха Тихона. Признанием Советской власти в середине 1923 г. и прекращением «анафемствования» коммунистов патриарх выбил почву из-под ног своих оппонентов. Тем не менее крайне враждебное отношение к религии и гонения на церковь со стороны руководства продолжали усиливаться.

Таким образом, общая картина, складывавшаяся в первые годы нэпа, была весьма далека от идеальной. Встает вопрос, какие выводы сделало для себя большевистское руководство из своих послеоктябрьских экспериментов. С этой точки зрения вызывают интерес раздумья уже отошедшего от дел, тяжело больного Ленина. Советская историография много писала о ленинском плане строительства социализма, о политическом завещании Ленина. Вряд ли стоит говорить о существовании такого плана и тем более о завещании. Из лоскутных и противоречивых высказываний Ленина последних лет трудно составить «завещание». Тем не менее привлекает несколько его мыслей, навеянных, видимо, частичными успехами нэпа, и имеющих принципиальное значение. Если абстрагироваться от увлечения Ленина очередной идеей (кооперацией, так же, как ранее электрификацией), то, во-первых, это мысль о необходимости «найти степень соединения частного интереса, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов», во-вторых, мысль о необходимости «признать коренную перемену всей точки зрения нашей (т.е. большевиков. — *Авт.*) на социализм», в-третьих, о перенесении центра тяжести «на мирную организационную «культурную» работу» вместо акцента «на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д.». Ленин готов перенести центр тяжести даже на чисто «куль-

турническую» (т.е. без классового содержания) работу, если бы не международная обстановка. Как показали последующие события, их развитие пошло совсем по другому сценарию.

§ 3. Образование СССР

На исходе гражданской войны территория страны представляла собой, особенно на окраинах, конгломерат различных государственных и национально-государственных образований, статус которых определялся многими факторами: движением фронтов, состоянием дел на местах, силой местных сепаратистских и национальных движений. По мере того как Красная Армия занимала опорные пункты на различных территориях, возникала необходимость упорядочения национально-государственного устройства. О том, каким оно должно быть, среди большевистского руководства не было единого мнения еще со времен партийных дискуссий по национальному вопросу. Так, значительная часть большевиков вообще игнорировала идею национального самоопределения, целиком полагаясь на «пролетарский интернационализм» и выступая сторонниками унитарного государства, их лозунг — «Долой границы!», выдвинутый Г. Л. Пятаковым. Другие выступали сторонниками так называемого «самоопределения трудящихся» (Бухарин и др.). Более осторожную позицию занимал Ленин. Отвергая идею «культурно-национальной автономии», принятую в программах ряда социал-демократических партий Запада, он ставил вопрос о желательной для большевиков форме национального самоопределения в зависимости от конкретно-исторических условий и от того, как будет развиваться «революционная борьба пролетариата». В то же время поначалу симпатии Ленина были очевидными: он сторонник централистского государства и автономизации живущих в нем народов. Впрочем, осознавая сложность проблемы, Ленин настаивал на ее специальном анализе, который следовало бы поручить представителю национальных меньшинств. Как раз к месту пришелся «чудесный грузин». Закрепление в партии за И. В. Сталиным роли специалиста по национальному вопросу, видимо, было связано с тем, что его «разработки» весьма совпадали с мыслями самого Ленина. В труде «Марксизм и национальный вопрос» Сталин дал определение нации, которое во многом бытует и в настоящее время, и пришел к однозначному выводу о необходимости

областной автономии в России для Польши, Финляндии, Украины, Литвы, Кавказа.

Возглавив после революции Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), Сталин в сущности мало изменил свою позицию. Он стоял за создание в составе России как можно более крупных независимых государственных объединений с учетом их национальной специфики, хотя образование таких конгломератов он рассматривал, как решение чисто временных задач, препятствующее росту националистических настроений.

Вместе с тем революция и практика национально-государственного строительства «снизу» в период 1917—1918 гг. показали, что значение национального вопроса для России большевиками было явно недооценено. Одним из первых это констатировал Ленин при анализе данных о выборах в Учредительное собрание. Целый ряд территорий, руководимых национальными правительствами, вообще отпал от России. На территориях, находящихся под большевистским контролем, утвердился принцип федеративного устройства, хотя в бурных событиях военного времени было не до решения национальных проблем. Тем не менее взаимоотношения «независимых» республик оформлялись путем специальных договоров и соглашений (в области военной, хозяйственной, дипломатической и др.) В период 1919—1921 гг. была подписана целая серия таких договоров, которые предусматривали совместные мероприятия по обороне, в сфере хозяйственной деятельности, дипломатии. Согласно договорам происходило частичное объединение органов управления, которое не предусматривало, однако, подчинение высших и центральных органов советских республик единому центру и единой политике. В условиях жесткой централизации, присущей периоду «военного коммунизма», постоянно возникали конфликты и трения между центральными и местными властями. Проблема заключалась еще и в том, что у самих коммунистов, особенно на местах, весьма заметными были националистические и сепаратистские настроения, и местные руководители постоянно стремились поднять статус своих национально-государственных образований, которые окончательно не были установлены. Все эти противоречия, борьба объединительных и сепаратистских тенденций не могли не сказаться, когда большевики, перейдя к мирному строительству, взялись за определение национально-государственного устройства.

На территории, где к 1922 г. установилась власть Советов, этнический состав, несмотря на изменение границ, оставался очень пестрым. Здесь проживало 185 наций и народностей (по переписи населения 1926 г.). Правда, многие из них представляли либо «рассеянные» национальные общности, либо недостаточно определившиеся этнические образования, либо специфические ответвления других этносов. Для объединения этих народов в единое государство, бесспорно, существовали объективные предпосылки, имеющие глубокие исторические, экономические, политические и культурные основания. Образование СССР не было только навязанным сверху актом большевистского руководства. Это одновременно был процесс объединения, поддерживаемый «снизу».

С момента вхождения различных народов в Россию и присоединения к ней новых территорий, что бы ни говорили сегодня представители национальных движений, их объективно начинала связывать общность исторических судеб, происходили миграции, перемешивание населения, складывалась единая хозяйственная ткань страны, основанная на разделении труда между территориями, создавалась общая транспортная сеть, почтово-телеграфная служба, формировался общероссийский рынок, налаживались культурные, языковые и другие контакты. Были факторы и препятствующие объединению: русификаторская политика старого режима, ограничение и стеснение прав отдельных национальностей. Соотношение центростремительных и центробежных тенденций, которые сегодня с новой силой борются на территории бывшего СССР, определяется совокупностью многих обстоятельств: длительностью совместного «проживания» различных народов, наличием компактно заселенной территории, численностью наций, прочностью «сцепления» их связей, наличием и отсутствием в прошлом своей государственности, традициями, своеобразием уклада, национальным духом и т.д. В то же время вряд ли можно провести аналог между Россией и существовавшими в прошлом колониальными империями и называть первую вслед за большевиками «тюрьмой народов». Отличия, характерные для России, бросаются в глаза — это целостность территории, полиэтнический характер ее заселения, мирная по преимуществу народная колонизация, отсутствие геноцида, историческое родство и сходство судьбы отдельных народов. Образование СССР имело и свою политическую подоплеку — необходимость совместного выживания созданных политических режимов перед лицом враждебного внешнего окружения.

Для выработки наиболее рациональных форм национально-государственного строительства была создана специальная комиссия ВЦИК, у которой с самого начала наметились расхождения с Наркомнацем. Сталин и его сторонники (Дзержинский, Орджоникидзе и др.) большей частью из числа так называемых «русопетов», т.е. лиц нерусской национальности, утративших связь со своей национальной средой, но выступавших защитниками интересов России, выдвинули идею автономизации советских республик. Случаи, когда именно такие группы провозглашают себя носителями великодержавия, представляют любопытный психологический феномен человеческой истории.

Уже на X съезде РКП(б), который знаменовал переход к нэпу, Сталин, выступая с основным докладом по национальному вопросу, утверждал, что Российская Федерация является реальным воплощением искомой формы государственного союза республик. Надо добавить, что именно Наркомнац в 1919—1921 гг. занимался строительством большинства автономий в составе РСФСР, определением их границ и статуса, зачастую путем администрирования по следам поспешности и непродуманности. (1918 г. — Немцев Поволжья трудовая коммуна; 1919 г. — Башкирская АССР; 1920 г. — Татарская АССР, Карельская трудовая коммуна, Чувашская АО, Киргизская (Кзахская) АССР, Вотская (Удмуртская) АО, Марийская и Калмыцкая АО, Дагестанская и Горская АССР (на ее основе позднее был создан еще ряд автономий); 1921 г. — Коми (Зырян) АО, Кабардинская АО, Крымская АССР.)

Выступление Сталина на съезде вызвало бурную реакцию. Член Туркестанской комиссии ВЦИК Г.И. Сафаров обвинил партию в невнимании к национальному вопросу, в результате чего большевики, по его мнению, наделали массу непростительных ошибок в Средней Азии. Критика была справедливой, ибо, действительно, левацкие загибы большевиков в Туркестане принесли местному населению немало бед, о чем свидетельствовал рост повстанческого (басмаческого) движения.

Представитель Украины В.П. Затонский, критикуя тезисы сталинского доклада, заявил: «Эти тезисы как будто писались вне времени и пространства. В общем и целом их можно было написать и до Октябрьской революции, и в 1918, и в 1919 г. .. Отбояриваться от вопроса голым провозглашением права наций на самоопределение — нельзя. Фактически мы видим, что национальное движение после революции

и при советской власти отнюдь не ликвидировано. Национальное движение, пожалуй, было пробуждено революцией. Это мы проглядели».

Решение съезда по национальному вопросу было составлено с учетом высказанных мнений. Оно подчеркивало целесообразность и гибкость существования различных видов федераций: основанных на договорных отношениях, на автономии и промежуточных ступенях между ними. Однако Сталин и его сторонники вовсе не склонны были брать во внимание критику своей позиции. Это отчетливо проявилось в процессе национально-государственного строительства в Закавказье.

Закавказье представляло собой сложный комплекс национальных отношений и противоречий, сохранившихся с давних времен. Этот регион требовал особенно тонкого и взвешенного подхода. Период существования здесь в предшествующие годы местных национальных правительств, сметенных Красной Армией и местными большевиками, тоже оставил определенный след в сознании населения Грузии, например, в период своего независимого существования в 1918—1921 гг. наладила довольно широкие связи с внешним миром. Экономика ее имела довольно своеобразные черты: слабая промышленность, но очень заметная роль мелкого производства и мелких торговцев. Сильным было влияние местной интеллигенции. Поэтому некоторые большевистские лидеры, и прежде всего Ленин, считали, что в отношении Грузии нужна особая тактика, не исключающая, в частности, приемлемого компромисса с правительством Ноя Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, которые не относились абсолютно враждебно к установлению советского строя в Грузии.

Тем временем национально-государственное строительство в регионе завершилось созданием Закавказской Федерации (ЗСФСР), однако интересы населения отдельных республик и национальных территорий были попораны. По договору 1922 г. республики передавали свои права союзной закавказской конференции и ее исполнительному органу — Союзному совету в области внешней политики, военных дел, финансов, транспорта, связи и РКИ. В остальном республиканские исполнительные органы сохраняли самостоятельность. Таким образом выработывалась модель объединения, которой вскоре предстояло пройти испытание на прочность

в связи с решением вопроса об отношениях Закавказской Федерации и РСФСР.

В августе 1922 г. для реализации идеи объединения советских республик в центре была образована специальная комиссия под председательством В.В. Куйбышева, но наиболее активная роль в ней принадлежала Сталину. По составленному им проекту предусматривалось вхождение всех республик в РСФСР на правах автономных. Разосланный на места проект вызвал бурю возражений, но в самой комиссии он получил одобрение.

Дальнейшие события характеризуются вмешательством Ленина. Это была, пожалуй, последняя активная попытка партийного вождя, под влиянием болезни постепенно отходившего от руководства, повлиять на течение государственных дел. Позиция Ленина по поводу объединения была неясной, недостаточно определенной, но очевидно, что он был противником сталинского проекта. «Исправить положение» он поручил своему заместителю Л.Б. Каменеву, который, однако, не имел твердых убеждений по национальному вопросу. Составленный им проект учитывал пожелания Ленина и, отвергая идею автономизации, предусматривал договорный способ государственного объединения республик. В таком виде он был поддержан партийным пленумом.

История конфликта между тем получила свое продолжение. В октябре 1922 г. партийные руководители Грузии заявили о своей отставке как несогласные с условиями вхождения в единое государство через Закавказскую Федерацию, считая ее нежизненной (что, впрочем, впоследствии и подтвердилось) и настаивая на отдельном оформлении договора с Грузией. Руководитель Заккрайкома Орджоникидзе пришел в ярость, грозил грузинским лидерам всяческими карами, обозвал их шовинистической гнилью, заявив, что вообще ему надоело нянчиться со стариками с седой бородой. Мало того, когда один из работников ЦК Компартии Грузии назвал его сталинским ишаком, Орджоникидзе обрушил кулак на его физиономию. История получила широкую огласку и известна в литературе как «грузинский инцидент». Она в какой-то мере характеризует нравы, царящие в то время в партийном руководстве. Комиссия, созданная для разбора «инцидента» под председательством Дзержинского, оправдала действия Заккрайкома и осудила грузинский ЦК.

30 декабря 1922 г. на съезде Советов, где были представлены делегации РСФСР, Украины, Белоруссии и ЗСФСР, было провозглашено образование Союза Советских Социалистических Республик.

листических Республик (СССР). Союз строился на модели, выработанной в Закавказье. Были приняты соответствующие Декларации и Договор. В Декларации указывались причины и принципы объединения. В Договоре определялись взаимоотношения между республиками, образующими союзное государство. Формально оно учреждалось как федерация суверенных советских республик с сохранением права свободного выхода и открытым доступом в нее. Однако механизм «свободного выхода» не предусматривался. В компетенцию Союза передавались вопросы внешней политики, внешней торговли, финансов, обороны, путей сообщения, связи. Остальное считалось в ведении союзных республик. Высшим органом страны объявлялся Всесоюзный съезд Советов, в перерывах между его созывами — ЦИК СССР, состоявший из двух палат: Союзного Совета и Совета Национальностей.

Во всей истории с образованием СССР нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что большую роль во всех мероприятиях играют партийные функционеры, их прихоти и капризы. Свои действия они воплощали в практику с помощью интриг и закулисных маневров. Роль представительных органов сводилась к одобрению выработанных ими, а партийными органами решений. Долгое время считалось, что с вмешательством Ленина удалось добиться устранения из большевистской практики неверных, с точки зрения решения национального вопроса, установок, выправления сталинской линии.

В день, когда состоялось образование союзного государства, вышла работа Ленина «По вопросу о национальностях и автономизации». В ней сквозит недовольство Ленина всей историей, связанной с образованием СССР, несвоевременной затеей Сталина, которая, по его мнению, «завела все дело в болото». Однако старания Ленина, его попытки «разобраться» с проявлениями великорусского шовинизма, наказать виновников «грузинского инцидента» особых последствий не имели. Поток событий в партии устремился в другую сторону и проходил без участия Ленина. Уже разворачивалась борьба за его наследство, в которой все больше проявлялась фигура Сталина. Можно сказать, что, показав себя сторонником централистского государства, крутых и грубых административных решений в национальном вопросе, Сталин мало изменил свое отношение к национальной политике, постоянно подчеркивая опасность националистических проявлений и необходимость их беспощадного подавления.

II Всесоюзный съезд Советов, состоявшийся в январе 1924 г., в траурные дни, связанные со смертью Ленина, принял союзную Конституцию, в основе которой лежали Декларация и Договор, а в остальном ее положения зиждились на принципах Конституции РСФСР 1918 г., отражавших ситуацию острого социального противоборства. В 1924—1925 гг. были приняты конституции союзных республик, в основном повторяющие положения общесоюзной.

Одним из первых мероприятий, проведенных в рамках Союза, было «национально-государственное размежевание Средней Азии». На территории региона до 1924 г. располагались, кроме Туркестанской АССР, образованной еще в 1918 г., две «народные» советские республики — Бухарская и Хорезмская, созданные после свержения большевиками с престола бухарского эмира и хивинского хана. Существующие границы явно не соответствовали расселению этнических общностей, чрезвычайно пестрому и неоднородному. Не совсем ясен был вопрос и о национальной самоидентификации народов, и о формах их самоопределения. В результате длительных обсуждений национальных вопросов на местных съездах и курултаях и перекройки границ образовались Узбекская и Туркменская союзные республики. В составе Узбекской ССР была выделена автономия таджиков (впоследствии получившая статус союзной республики), а в ней — Горно-Бадахшанская АО. Часть территорий Средней Азии была передана Казахской АССР (также впоследствии ставшей союзной республикой). Туркестанские и хорезмские каракалпаки образовали свою АО, вошедшую в состав Казахской АССР, а в последующем перешедшей в Узбекскую ССР на правах автономной республики. Киргизы образовали свою автономную республику, вошедшую в состав РСФСР (позднее она тоже была преобразована в союзную республику). В общем и целом национально-государственное размежевание Средней Азии позволило обрести региону на некоторое время стабильность и устойчивость, однако крайняя чересполосица этнического расселения не позволяла разрешить вопрос в идеальном варианте, что создавало и создает вплоть до настоящего времени источник напряженности и конфликтов в данном регионе.

Возникновение новых республик, автономных областей шло и в других районах страны. В 1922 г. в составе РСФСР были образованы Карачаево-Черкесская АО, Бурят-Монгольская АО (с 1923 г. — АССР), Кабардино-Балкарская АО, Черкесская (Адыгейская) АО, Чеченская АО. В составе

ЗСФСР на территории Грузии были созданы Аджарская автономия (1921 г.) и Юго-Осетинская АО (1922 г.). Отношения Грузии и Абхазии, двух территорий с застарелым национальным конфликтом, были оформлены в 1924 г. внутренним союзным договором. В составе Азербайджана в 1921 г. была образована Нахичеванская АССР, в 1923 г. — Нагорно-Карабахская АО, населенная преимущественно армянами. На территории Украины на левобережье Днестра в 1924 г. возникла Молдавская АССР. Столь подробное перечисление национальных образований в СССР связано с тем, что сегодня, в период распада союзного государства, многие из них являются зонами и потенциальными очагами межнациональных конфликтов.

Обретение народами бывшей Российской империи своей государственности имело двойные последствия. С одной стороны, оно пробуждало национальное самосознание, способствовало становлению и развитию национальных культур, позитивным сдвигам в структуре коренного населения. Постоянно повышался статус этих образований, удовлетворяющий росту национальных амбиций. С другой стороны, этот процесс требовал адекватной тонкой и мудрой политики центрального союзного руководства, соответствующей национальному возрождению. В ином случае загоняемые до поры до времени внутрь национальные чувства и их игнорирование таили в себе потенциальную опасность взрыва национализма при неблагоприятном раскладе событий. Правда, в то время руководство мало задумывалось об этом, щедрой рукой нарезая территории отдельным государственным образованиям, даже если коренные жители и не составляли на них большинства населения, или легко передавая их «из рук в руки», от одной республики к другой, — еще один потенциальный источник напряженности.

В 1920-е гг. в рамках национально-государственных образований проводилась так называемая политика коренизации, которая заключалась в привлечении национальных кадров к государственному управлению. Многие из созданных национальных учреждений не имели ни своего рабочего класса, ни сколько-нибудь значительной интеллигенции. Здесь центральное руководство вынуждено было нарушать принципы «диктатуры пролетариата» в пользу национального равноправия, привлекая к руководству весьма разношерстные элементы. Эта сторона коренизации положила начало образованию местных элит с присущей им национальной спецификой. Впрочем, центр прилагал немало усилий, чтобы

держат этих местных руководителей «в узде», не допуская излишней самостоятельности и беспощадно расправляясь с «национал-уклонистами». Другой аспект коренизации — культурный. Он заключался в определении статуса национальных языков, создании письменности для тех народов, которые ее не имели, строительстве национальных школ, создании собственных литератур, искусства и т. д. Надо отдать должное: государство уделяло очень много внимания помощи отсталым в прошлом народам, выравниванию уровней экономического, социального и культурного развития отдельных наций.

К вопросам национально-государственного строительства тесно примыкает реформирование административно-государственного устройства страны. На необходимость его указывалось еще в период революции. Но только окончание гражданской войны позволило перейти к непосредственному решению этой задачи, которая состояла в том, чтобы от чисто административного перейти к административно-хозяйственному делению государства в соответствии с исторически сложившимися экономическими районами. Работа велась под руководством ВЦИК и Госплана. Переход к нэпу потребовал внести в эту работу необходимый элемент децентрализации, передачи части управленческих функций на места. Национально-государственное строительство и образование СССР внесли коррективы в проект административно-территориальных преобразований. Фактически реформирование началось с 1923 г. путем создания в порядке эксперимента на территории РСФСР Уральской области и в 1924 г. Северо-Кавказского края. Во второй половине 1920-х гг. были образованы еще 6 краев (административные единицы, имеющие внешнюю границу или включающие в себя автономии): Сибирский (1925), Дальневосточный (1926), Средне-Волжский (1928), Нижне-Волжский (1928), Северный (1929), Нижегородский (1929) и 5 областей, не считая национальных образований, к ним приравненных: Ленинградская (1927), Центрально-Черноземная (1928), Московская (1929), Ивановская Промышленная (1929) и Западная (1929). Было упразднено прежнее деление на губернии, уезды и волости. Края и области делились на округа (вскоре ликвидированные), округа — на районы, районы — на сельсоветы. В конце 1920-х гг. были выделены отдельно национальные округа (всего 10) и районы.

§ 4. Политическая борьба в 1920-е годы и «сумерки» нэпа

Поскольку большевистская партия в 1920-е гг. превратилась в особый общественный институт, встроенный в государственный организм, очень многое в развитии советского общества зависело от борьбы в высших эшелонах партийно-государственного руководства и состояния самой партии. Поначалу борьба разворачивалась вокруг «ленинского наследия» и за лидерство в политической и идеологической области. Эта борьба началась еще до смерти Ленина, который, находясь в подмосковных Горках, больной и отстраненный от дел, фактически не имел возможности принимать участия в дискуссиях.

Если Ленина отличали исключительная цельность натуры и всепоглощающая страсть в борьбе за власть, за «диктатуру пролетариата», ради которой он был готов идти на любые жертвы и компромиссы, то его теоретическое наследие, зачастую как раз именно по этой причине, оказалось весьма противоречивым. Всякий мало-мальски способный мыслить коммунист мог черпать из этого наследия подтверждение своих собственных взглядов, что стало весьма распространенным явлением в постоянной «войне цитат» — неотъемлемом спутнике идейной жизни советского общества. Так, защитники внутрипартийной демократии с равным успехом ссылались на Ленина, как и их оппоненты; твердолобые сторонники крутых и решительных мер тоже опирались на Ленина, как и те, кто призывал к осторожности и умеренности, к поиску компромиссов; к Ленину апеллировали как апологеты мировой социалистической революции, так и теоретики «построения социализма в одной, отдельно взятой стране».

В ленинском творческом наследии отчетливо прослеживается несколько «связанных узлов», заметно отличающихся друг от друга. Это, во-первых, его труды, посвященные стратегии и тактике большевиков в революционном движении, имеющие к советской истории опосредованное отношение. Во-вторых, это работы периода «бури и натиска», в которых содержатся общие, нередко утопические, смутные и неопределенные очертания будущего общественного устройства, отражавшие напряженные и лихорадочные усилия большевиков для завоевания власти и ее удержания в условиях острейших социальных и политических столкновений. От этой части ленинского наследия берет начало «левый уклон»

в ВКП(б) и международном коммунистическом движении, руководимом большевиками. Впрочем, термин «левый» в партийном лексиконе всегда заключался в кавычки, т.е. подразумевалось, что за ним стоит нечто иное, отличное от «генеральной линии» партии, якобы олицетворявшей истинное левое крыло в мировом революционном движении. Наконец, это последние работы Ленина, где, как уже отмечалось, содержится попытка осмыслить опыт, пережитый Россией за несколько лет после революции. Это попытка не образует сколько-нибудь завершенной и стройной концепции. Ленин размышляет о том, какими путями идти к социализму в крестьянской по преимуществу стране, способах «приобщения» крестьянства к социалистическому строительству, выражает тревогу по поводу неправильной организации управления в Советской республике, недовольство тем, как решаются вопросы национально-государственного устройства страны, озабочен растущей бюрократизацией партийно-советских учреждений, выражает сомнения по поводу личных качеств своих ближайших соратников и обеспокоенность в связи с этим судьбой партийного руководства. Мысли Ленина этого времени отрывочны и хаотичны, тем не менее многие из них легли в основу так называемого «правого уклона» в партии и Коминтерне.

Большая часть литературы, посвященной истории 1920-х гг., рассматривает ее исключительно в контексте персональной борьбы за власть. Это — одномерный взгляд. Политическая борьба «наверху» определялась суммой многих обстоятельств, складывавшихся по внутренней и международной жизни от самых низших ее пластов до высших эшелонов руководства. При Ленине оно было более или менее единым, вернее то, что его объединяло, играло более весомую роль, чем расхождения во взглядах. Однако по мере укрепления Советской власти последние стали приобретать все более существенное значение. Если все коммунистические вожди были согласны с тем, что строительство нового общества требует проведения индустриализации, кооперирования, культурной революции, то различия во взглядах касались таких вопросов, как можно или нельзя построить социализм в одной стране, если нельзя, то каким образом удерживать подступы к мировой революции, можно или нет осуществлять «экспорт» революции в другие страны, и если возможно, то какими путями и способами. Сильно расходились точки зрения и по вопросу о темпах и методах строительства социализма, об отношении к отдельным классам и

слоям советского общества. Таким образом, дискуссии в ВКП(б) представляли собой причудливое смешение разных и весьма противоречивых идей, одни из которых, едва родившись, отправились «на свалку истории», другие получили жизнь и конкретное воплощение в советской действительности, правда, в сильно отличном от задуманного варианте.

Сущность дискуссий 1920-х гг. проще понять в связи с процессом бюрократизации советского общества и образования его нового правящего слоя — номенклатуры. Предпосылкой этого процесса было превращение РКП(б) в особый политический институт по руководству государством, что, как можно убедиться из ранее сказанного, произошло в предшествующие годы. Однако сложилось противоречие между бюрократическим устройством Советского государства и сохраняющимися элементами внутрипартийной демократии, которое требовалось устранить. Для ограничения последней существовало гораздо больше причин, чем для ее расширения. Проводником номенклатуры стал партийный аппарат, позиции которого усиливались по мере роста партии и ее влияния на управление страной. Все более заметной становилась роль Секретариата и Оргбюро ЦК РКП(б).

Сам по себе термин «номенклатура» обозначал перечень, а в данном контексте — список наиболее важных постов и должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматривались и утверждались партийными комитетами. Освобождение с поста также производилось с согласия партийного комитета. Одновременно термин «номенклатура» распространялся на людей, которые данные посты занимали и тем самым превращались в особую социальную группу со своими интересами, образом жизни, идеологией и т.д. В предшествующей истории образования подобных групп в социальной структуре общества не наблюдалось.

Номенклатура являлась «становым хребтом» партийно-советской государственности. Процесс создания номенклатуры был следующим. Еще в годы гражданской войны (в 1919 г.) был образован Учраспред — специальный отдел ЦК, который в условиях острой нехватки кадров, способных проводить политику руководства и пригодных к тому или иному виду деятельности, занимался мобилизацией, постановкой на учет и переброской на «горячие» участки соответствующих кадров коммунистов. В результате в партийном аппарате сложился механизм назначений и перемещений в соответствии с принципом выборности кадров. Этот механизм все шире использовался как инструмент проведения партийной поли-

тики, особенно с того момента, когда партийный аппарат в качестве его генерального секретаря возглавил И.В. Сталин. Тем самым Сталин сосредоточил в своих руках, по выражению Ленина, «необъятную власть».

Сталин в то время не принадлежал к числу самых известных большевистских лидеров; вождем революции и гражданской войны его провозгласила позднейшая традиция. Троцкий называл Сталина «выдающейся посредственностью», что в общем-то верно, если сделать упор на слове «выдающаяся». По сравнению с другими большевистскими лидерами Сталин нигде ярко не проявил себя, хотя с 1912 г. входил в ЦК, а с 1919 г. — в Политбюро, занимал посты Наркома национальностей, Госконтроля, а позднее — РКИ (Рабоче-крестьянской инспекции). В раскладе политической борьбы Сталин чаще всего лавировал, выжидал, чья точка зрения будет решающей, кто окажется победителем. Везде, где бы он ни находился, Сталин как авторитарная личность тяготел к администрированию, к чисткам, к закулисным маневрам и интригам. Он, в отличие от многих других вождей, не чурался секретарской работы и ради нее был готов пожертвовать другими должностями и, безусловно, оказался в струе в связи с бюрократизацией партийного и советского аппарата. Однако было бы ошибкой думать, что руками Сталина в борьбе за власть был создан этот аппарат. Тут снова уместно сослаться на Троцкого, который считал, что не Сталин создал аппарат, а скорее аппарат создал Сталина.

Возглавив партийный аппарат, Сталин выступил в роли теоретика и создателя номенклатуры. На XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. Сталин говорил о необходимости введения коммунистов во все отрасли управления и весь промышленный комсостав, при помощи которого партия сможет держать в руках аппарат и осуществлять свое руководство. Одновременно им в своем типичном стиле выдвигались и требования к кадрам, занимающим руководящие посты, — это должны быть люди, умеющие осуществить директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие претворить их в жизнь.

Датой рождения номенклатуры можно считать возникшее в недрах партаппарата постановление ЦК РКП(б) от 8 ноября 1923 г., в котором определялись задачи подбора, расстановки кадров на ответственные посты. Постановлением ЦК утверждались различные номенклатурные списки. В номенклатуру № 1 входило около 3500 наиболее важных постов, причем для утверждения 1590 из них (СНК, ЦИК

СССР, ВЦИК, членов президиумов и коллегий наркоматов, руководства ВЦСПС и кооперативных органов) должны были создаваться специальные комиссии ЦК. Сюда включались начальники главков ВСНХ, руководители трестов, синдикатов, крупных промышленных предприятий. В номенклатуру № 2 входили, как правило, заместители начальников главков, управлений и другие должности. Номенклатура № 3 касалась руководящих кадров на местах. Общая потребность в руководящих кадрах, определенная аппаратом ЦК на начало 1924 г., — 13 163 человека.

Для каждого уровня партийного руководства устанавливалась своя номенклатура. Так, Уралобком определил свою потребность в руководящих кадрах в 1066 человек. На уездном (районном), волостном уровне существовали свои номенклатуры, причем наиболее важные посты на периферии считались прерогативой ЦК. Более того, местные руководители всячески стремились к своему утверждению в центре, чтобы не зависеть от обстановки на местах и обеспечивать себе на этом уровне относительную самостоятельность действий. В таком виде институт номенклатуры становился дополнительным инструментом централизации и бюрократизации управления. С самого начала к выдвижению на номенклатурные должности были подключены органы ОГПУ с целью выявления лояльности кандидатов и их приверженности партийной линии.

На протяжении 1920-х гг. наблюдались две тенденции: во-первых, расширение списков номенклатурных должностей, во-вторых, расширение номенклатуры ЦК. Все это привело к тому, что в конце 1928 г. было постановлено пересматривать номенклатурные списки каждые три месяца.

Кадры для номенклатуры и «резерва» черпались в основном за счет выдвиженчества. Поначалу безусловный приоритет отдавался большевикам с дореволюционным стажем, однако таких в рядах РКП(б) было крайне мало (не более 10 тыс.). Основной контингент коммунистов составляли рабочие, крестьяне и служащие, пришедшие в партию в годы гражданской войны. Именно они претендовали в большинстве случаев на «должность» и заполняли приемную Учраспреда, преобразованного позднее в Орграспред ЦК. Постепенно именно им стало отдаваться предпочтение в выдвижении на руководящую работу. Как говорил один из аппаратчиков, верный и последовательный сторонник Сталина Л.М. Каганович в начале 1927 г., «надо продвинуть партийца, который

прошел огонь и воду гражданской войны..., вот основная задача».

В литературе часто утверждается, что в формировании номенклатуры критерии профессиональной пригодности и образования не играли никакой роли. Это не совсем так. Проблема заключалась в том, что сама партия обладала крайне незначительным числом подготовленных и образованных кадров, большинство же специалистов находилось вне ее. По данным партийных переписей того времени, более 90% коммунистов если и имели какое-то образование, то не выше начального. Естественно, что при выдвижении на какой-либо пост они стремились всячески восполнить недостаток образования, знаний и опыта демонстрацией верности партийному аппарату и готовности выполнять любые его указания. Сами критерии выдвижения формулировались, конечно же, не без их участия.

Тем не менее разительные противоречия между потребностями управления и уровнем подготовки выдвиженцев рано или поздно должны были всплыть на поверхность. Впрочем, уже в годы гражданской войны появились своего рода «рекламации» на деятельность комиссаров и уполномоченных, присылаемых Учраспредом, на их нелепые распоряжения и действия. Раньше и сильнее всего недовольство номенклатурными работниками проявлялось в тех ведомствах, где особенно требовались профессиональные знания (ВСНХ, Наркомфин, Наркомпрос и др.). Эта проблема особенно обострилась в связи с продвижением номенклатуры в среднее звено управления, где нужна была специальная подготовка к определенному виду деятельности, которая в верхних этажах зачастую компенсировалась административным рвением.

Во второй половине 1920-х гг. были предприняты меры по ускорению профессиональной подготовки и переподготовки номенклатурных работников. Для этого была мобилизована вся система партийной учебы, рабфаки, краткосрочные курсы. Партийные студенты ставились на учет и подлежали особому распределению на работу по партийной линии. Таким образом складывался механизм развития и воспроизводства номенклатуры, который обрел окончательную форму в более позднее время.

Способы работы с номенклатурой были чисто аппаратными, бюрократическими и сводились по преимуществу к заполнению всевозможных анкет и их проверке. Поскольку такая деятельность противоречила нормам внутрипартийной

демократии, ее необходимо было скрыть от глаз рядовых коммунистов, «засекретить». Процесс выработки решений в партийных органах становится тайным, чисто бюрократическим, складывающимся не в ходе дискуссий и обмена мнениями, а путем аппаратной организации. Вопрос должен был «созреть» в недрах аппарата, а затем решен в спешном и оперативном порядке.

Номенклатура в сущности представляла собой верхний слой партийно-советской бюрократии с тенденцией превращения в связанную как бы круговой порукой замкнутую касту, существование которой было скрыто от глаз рядовых коммунистов и остального общества. Вошедшие в номенклатуру коммунисты переходили с должности на должность, тасовались, подобно колоде карт. Работники, которые «проштрафились», обнаруживали некомпетентность, профессиональную непригодность и т.д., передвигались на другие менее значимые посты. Местом «ссылки» их в те годы становится профсоюзный аппарат, историко-революционные общества, издательства, библиотеки, архивы. В соответствии с должностью определялись преимущества и привилегии для номенклатурных работников. Для поддержания их материально-бытовых условий был установлен некий уровень в пределах партминимума и партмаксимума, который не рекомендовалось нарушать.

Партийные съезды, съезды Советов, профсоюзов и т.п. превращаются в массовые сборища номенклатуры, причем за каждым органом закрепляется своя роль. Главным становится партийный съезд, утверждающий основные установки и директивы, которые другие органы должны претворять в жизнь. Съезды Советов и сессии ЦИК были призваны законодательно подтверждать принятые решения, создавать им видимость народной поддержки. Номенклатура была не способна и не заинтересована в широком обсуждении вопроса, для нее важнее всего были четкие указания и директивы, согласно которым следовало действовать. Всякие дискуссии и рассуждения рассматривались как мешающие делу, пустая болтовня и треп. Разгром «навязанных» партии дискуссий тщательно готовился в недрах аппарата. С этой точки зрения и необходимо рассматривать политическую борьбу на съездах и конференциях 1920-х гг., которая была, по сути, столкновением старой большевистской политической элиты с нарождающимся «новым классом», состоявшим в то время в основном из людей, чей облик сформировался в годы революции и гражданской войны.

«Выпадение из обоймы», «игра не по правилам», принятым в номенклатуре, грозили послушникам серьезными карами, ставившими их в положение изгоев. Только безусловное покаяние в своих заблуждениях и ошибках, демонстрация верности «генеральной линии партии», одобренной той же номенклатурой, оставляли возможность пребывания в рядах «посвященных».

Превращение партии в государственную структуру и процесс ее бюрократизации органически требовали свертывания демократии. Первыми по этому поводу, как уже говорилось, забили тревогу представители «рабочей оппозиции» и «группа демократического централизма». Хотя на XI съезде РКП(б) в марте — апреле 1922 г. их взгляды были осуждены, антибюрократические настроения внутри партийной элиты продолжали нарастать. Их выразителем становится Троцкий.

В литературе существует устойчивое мнение, что Троцкий как человек, ярко проявивший себя в годы революции и гражданской войны, с наступлением нэпа стушеввался, потускнел и поблек, оказался непригодным к повседневной будничной хозяйственной работе, превратился в сварливого доктринара, высокомерного и деспотичного. Может быть, и так. Но дело заключается не в самой личности Троцкого, а в определенных настроениях внутри политической элиты, которые находили довольно внушительную поддержку. Троцкий еще в начале 1923 г. выступил против линии на совмещение функций партийной и советской, в частности хозяйственной работы. В октябре 1923 г. он обвинил ЦК в установлении «диктатуры аппарата» и был поддержан так называемой «платформой 46», в основном «старых большевиков», писавших в ЦК о «кризисе в партии» и разрыве между «верхушкой» и рядовыми членами. В начале зимы того же года Троцкий выдвинул программу «нового курса», провозглашавшего борьбу с бюрократизмом и развитие внутрипартийной демократии. Троцкий исходил из того, что партия, встраиваясь в государственный организм, заражается от него бюрократическим духом, однако положение было несколько иным: рост бюрократизма был следствием самой партийной политики и идеологии, поэтому процесс скорее был одновременным и обоюдным.

Центральная идея «нового курса» — проведение открытых партийных дискуссий, свобода обсуждения всеми членами РКП(б) острых и наиболее важных вопросов. Троцкий указывал, что «старая партийная гвардия» все более превращается в слой партийных бюрократов-перерожденцев, которые забы-

вают язык революции и переходят на «партийный штиль», поэтому нужно перетряхнуть, обновить эти кадры. Новые члены партии должны говорить своим голосом, а не повторять, что скажут наверху. Пока в верхнем ярусе решают, а в нижнем узнают, в партийных рядах будет существовать источник бюрократизации и застоя. Троцкий выступил против выдвиженчества и формирования на его основе нового управленческого слоя. По его мнению, главным источником пополнения партийных рядов (примерно на две трети) должны быть партийные ячейки на предприятиях. Там, утверждал Троцкий, зреет недовольство: «думают за нас, решают за нас, не знают наших нужд». Второй источник роста партийных рядов, по мнению Троцкого, — учащаяся молодежь. В ней — будущее партии, а значит, и судьба страны. Молодежь острее реагирует на извращения партийной линии, обобщает их, делает выводы. Поэтому Троцкий называл ее «барометром партии». Барометр не делает погоду, он только измеряет перепады атмосферного давления, отмечает все плюсы и минусы. Напрасно, указывал он, ретивые аппаратчики фыркают на молодежь, наивно полагая, что именно они являются воплощением всей суммы знаний и опыта. Чем больше аппаратных методов работы, тем больше власть сосредоточивается в руках одного секретаря, командующего и дергающего кадры. Если руководство хозяйством — сегодня главный фронт, писал Троцкий, то важно учитывать мнение каждого на всех участках, и на этой основе делать политику.

Выступая в качестве выразителей «настроений рабочей массы», Троцкий и оппозиция были сторонниками усиления «социалистического» сектора экономики и директивного планирования. Основная атака оппозиционеров велась против большинства в Политбюро ЦК, где всеми делами заправляла «внеуставная тройка», названная в западной историографии «триумвиратом» (Сталин, Каменев и Зиновьев). Союз этих трех лидеров не был случайным. Сталин защищал интересы партийного аппарата, Каменев — государственного, роль Зиновьева сводилась к идеологическому прикрытию действий «тройки». В этой обстановке началась борьба против «троцкизма». Масла в огонь подлил сам Троцкий. В работе «Уроки Октября» он попытался по-новому осмыслить происшедшие после революции события, подчеркнул свою роль в революции и прозрачно намекнул на политические ошибки своих оппонентов. Во взглядах Троцкого усилились элементы революционной фразеологии, упор на «штурм, на необходи-

мость идти вперед путем прорывов, вопреки законам истории».

В состоявшейся дискуссии Троцкому были предъявлены обвинения в стремлении стать диктатором, в натравливании одной части партии на другую, в «гипериндустриализме», в недооценке революционных возможностей крестьянства, в фракционности. При этом был использован и обнародован седьмой пункт резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии», запрещающий фракционную деятельность под угрозой наложения всех мер партийных взысканий вплоть до исключения. С тех пор данный пункт стал широко применяться для борьбы с оппозиционными течениями в партии.

XIII конференция РКП(б) в начале 1924 г. ознаменовалась разгромом «троцкизма». Сторонники Троцкого были смещены со своих постов и направлены на периферию. Вместе с тем, учитывая антибюрократические настроения в партии, аппарат включил в лозунги политических кампаний «развитие рабочей демократии», «совершенствование внутрипартийной демократии» и т.п. Одним из примеров проведения такой кампании стал «ленинский призыв в партию», существенно изменивший ее состав, но мало повлиявший на ее роль общественно-политического института. После смерти Ленина в РКП(б) в течение года было выдвинуто более 200 тыс. новых кандидатов, главным образом «рабочих от станка». Однако этот процесс не привел к расширению внутрипартийной демократии за счет «низов». Попытки противопоставить новых членов партии партийному аппарату были решительно пресечены сверху. «Ленинский» и последующие призывы «рабочих от станка» и «крестьян от сохи» в партию превратились в массированные кампании, осуществляемые формально-бюрократическими методами, в ходе которых иной раз в партию принимались целые бригады, цеха или заводы. Эти мероприятия вели к стремительному расширению рядов ВКП(б), служившей всего лишь своеобразным резервуаром для последующего выдвижения и расширения номенклатурного слоя, растворению политической элиты в аморфной и безликой, политически малоактивной и малокомпетентной массе.

Борьба с «троцкизмом» привела к устранению Троцкого с важных постов председателя РВС и Наркомвоенмора и некоторой корректировке курса в отношении деревни и крестьянства в области как экономической, так и политической. Главным теоретиком проводимых мер выступил Н.И. Бухарин. Безусловно, он был сыном своего времени, представи-

телем чисто большевистского менталитета, человеком городской культуры. Однако до сих пор остается загадкой его трансформация из главного идеолога «военного коммунизма» в решительного и наиболее последовательного сторонника нэпа, так сказать библейское «обращение Савла в Павла». Возможно, это связано с некоторыми личными особенностями Бухарина, его импульсивностью, неустойчивостью характера, склонностью к крайностям, которые превращали его то в архиреволюционера, то в главного оппортуниста, не выходящего, впрочем, за пределы ортодоксального марксизма.

С именем Бухарина в какой-то мере связано творческое развитие социалистической теории применительно к изменившимся после 1917 г. историческим условиям. В середине 1920-х гг. Бухарин призвал руководство страны, не зная ни на что, ни на какие трудности, твердо стоять на позициях экономических методов управления народным хозяйством, «смычки» между городом и деревней. В разработке своей экономической теории Бухарин больше всех ратовал за союз с наукой, и не случайно среди его сторонников оказалось большинство ученых-экономистов, из которых использовались для практического претворения в жизнь бухаринского курса. Экономическая программа Бухарина не исключала индустриализации как условия построения социализма, в чем его нередко обвиняли оппоненты. Необходимо признать, что Бухарин одним из первых заявил о возможности построения социализма в одной стране, но его видение этого процесса стояло гораздо ближе к идее мировой революции, чем позднейшие интерпретации советского социализма. Основы социализма в СССР создать можно, утверждал он, но затратить на это придется десятилетия. Социализм этот, видимо, будет отсталым и азиатским, но, по смыслу бухаринских рассуждений, — «овчинка стоит выделки». Условием и регулятором построения социализма является использование закона стоимости (по Бухарину, «ценности»), развитие рынка, товарно-денежных отношений, кооперации. На обвинения в том, что это приведет к росту капиталистических элементов и, в частности, кулака в деревне, Бухарин выдвинул положение о «неизбежном вращении кулака в социализм». Бухарин настаивал на здоровой конкуренции между различными секторами экономики при регулирующей роли государства, на необходимости сотрудничества различных классов. Отсюда — проповедь классового мира, теория затухания классовой борьбы по мере приближения к социализму.

«Время, когда дают по зубам, прошло», — утверждал он. «Не смей командовать», — так называлась одна из его статей, посвященная отношению к крестьянству. Будучи ранее ярким поборником чистоты «пролетарской диктатуры», теперь в своих работах он чаще употребляет термины: «рабоче-крестьянская власть», «рабоче-крестьянский союз». Он же вместе с М.И. Калининым явился инициатором кампании середины 1920-х гг. по оживлению деятельности сельских Советов. Они должны были стать своеобразными «маленькими парламентами», в которых «перевариваются крестьяне», изживается их индивидуалистическая психология. Бухарин выступает сторонником методов убеждения, воспитания, действий в рамках провозглашенной Конституции. Ближе всех большевистских руководителей Бухарин подошел к пониманию природы партийно-советского бюрократизма и причин роста «бюрократического Левиафана».

До поры до времени большинство Политбюро разделяло положения бухаринской программы и следовало обозначенным им курсом. Об этом свидетельствуют решения XIV конференции ВКП(б) в апреле 1925 г. Однако постепенно внутри правящей элиты назревал новый раскол, порожденный трудностями и противоречиями нэпа, процессами, происходившими в мире и международном социалистическом движении, особенно очевидно обозначившимися во второй половине 1920-х гг.

В рамках нэпа Советской власти удалось добиться отдельных успехов. Установилось своеобразное равновесие в пределах тех ресурсов и возможностей, которыми на тот момент располагала страна. Но на более широком историческом фоне это восстановление означало достижение довоенного уровня, но, как уже говорилось, и в 1913 г. Россия не принадлежала к числу передовых экономически развитых государств. Естественно, что по прошествии более чем 10 лет отставание даже усугубилось. Отрыв стал более заметным, особенно по сравнению с США (постоянный ориентир для СССР), которые от войны не только не понесли существенного ущерба, но даже сумели вырваться вперед. К тому же основные фонды российской промышленности были изношены, оборудование устарело. Культурно-технический уровень рабочих был ниже, чем до войны. Его и без того незначительные квалифицированные кадры растеряны. Число специалистов на производстве уменьшилось. Страна стала еще более аграрной, чем была, ее индустриальное развитие напрямую зависело от состояния сельского хозяйства. По

мере восстановления возвращались старые проблемы экономики дореволюционной России, ее структурные диспропорции и противоречия, причем иногда даже в более обостренной форме. Например, гораздо острее стоял вопрос о внутренних накоплениях, экспорте и импорте продукции.

В условиях нэпа политическое руководство не сумело решить целого ряда проблем. Экономические методы управления народным хозяйством не были полностью внедрены в государственный механизм, не были доведены до первичных звеньев — производственных коллективов и отдельных хозяйственных субъектов. Образовался странный симбиоз экономических и командно-административных способов управления. Вся экономика испытывала пресс партийно-государственного регулирования. Административные путы сковывали трестовский хозрасчет, синдикатскую систему, развитие товарно-денежных отношений, кооперации.

Громадным балластом была бюрократия. Несмотря на все антибюрократические заклинания, число служащих в учреждениях стремительно росло и увеличилось на протяжении 1920-х г. более чем в 3 раза. Основную массу составляли малообразованные выдвиженцы. Попадая в бюрократическую систему управления, эти люди быстро усваивали свойственные всякой бюрократии черты: бумагопроизводство, иерархию и субординацию, карьеризм. Не удалось избежать роста таких явлений, как взяточничество, произвол, злоупотребления, распущенность, пьянство и т.д. Огромный поток писем и жалоб снизу содержал многочисленные факты подобного рода. Наряду с этим в обществе усиливались эгалитарно-социалистические настроения и недовольство нэпом.

Одновременно стали ясны некоторые итоги кампании по «оживлению Советов» и выборов 1925/26 г. Ставка на привлечение беспартийных крестьян в низовые звенья советской организации привела к тому, что в них заметно возросло число средних и зажиточных элементов, более грамотных, авторитетных и способных к практическим делам.

Завершение восстановительного процесса поставило на повестку дня вопрос о том, куда и как двигаться дальше. Вместе с тем восстановление означало и исчерпание тех ресурсов и возможностей, которые были унаследованы от старой России. Первым шагом в направлении индустриализации были контрольные цифры на 1925/26 хозяйственный год. На 50% был запланирован рост объемов промышленного производства. Осуществить его предполагалось путем расширения экспортно-импортных операций (продажи хлебо-

продуктов и сырья за границу и приобретения оборудования). Однако установленные планы хлебозаготовок как в текущем, так и в следующем году были провалены. Дело в том, что ни промышленность, ни сельское хозяйство не создали для себя рынков расширенного производства. Деревня, «осереднячившись» в результате проводимой политики, приобрела полунатуральный характер и не удовлетворяла потребностей промышленности и города в товарной сельскохозяйственной продукции. В свою очередь, нужды индустриализации требовали иной ориентации производства, чем деревенский спрос. Товарный обмен между городом и деревней оказался нарушенным. Первому нечего было дать за товарные излишки и крестьяне стали оставлять их в своем хозяйстве. Повсеместно обнаруживался дефицит и обострилась продовольственная проблема.

На почве недовольства нэпом возникла новая оппозиция, центром которой является индустриальный Ленинград. В отличие от торгово-промышленной Москвы Ленинград больше страдал от существовавших в то время противоречий, нерешенных проблем и трудностей, от возросших цен и товарного дефицита. Все лето 1925 г. на страницах «Ленинградской правды» печатались статьи, доказывающие превосходство питерского пролетариата, «творца трех революций» в России и единственного наследника славных революционных традиций. Выборы делегатов на предстоящий (XIV) партийный съезд проходили в обстановке бурных дискуссий на заводах и фабриках. Зиновьев, лидер ленинградской партийной организации, выступил против проводимой политики по отношению к крестьянству, осудив ее как «уступку кулачеству». В своей работе «Ленинизм» он громил теоретические построения Бухарина и высказывался против теории построения социализма в отдельно взятой стране.

На почве усиливающихся разногласий обозначился раскол внутри правящей политической элиты. Зиновьев и Каменев развернули кампанию против большинства в Политбюро. Они выражали настроения части партийного аппарата, недовольной мерами, направленными на развитие рыночных отношений. Коль скоро эти меры осуществлялись с помощью государственного регулирования, Каменев и Зиновьев определили советскую экономику не как социалистическую, а как госкапиталистическую. Одновременно они выступили с критикой бюрократизма в аппарате и усиливающейся роли партогноменклатуры во главе с ее вождем — Сталиным.

Большое влияние на полемику оказала международная обстановка. Если в начале 1920-х гг. революционный подъем на Западе в какой-то мере вселял политическим лидерам надежды на мировую революцию, то последовавшие вслед за этим стабилизация и экономический подъем, которые совпали с временем признания СССР рядом государств, внесли ноты пессимизма и разочарования. Новая оппозиция считала, что экономика СССР в результате проводимых мер все больше интегрируется в мировое хозяйство (что соответствовало истине) и тем самым превращается в госкапиталистическую. Споры по теоретическим вопросам захлестнули в этот период практически все только что созданные коммунистические партии, в том числе и Коминтерн.

«Новая оппозиция» на XIV (декабрь 1925 г.) съезде ВКП(б) потерпела сокрушительное поражение, закулисно организованное партийно-государственной номенклатурой. Фактически на ее стороне оказались лишь ленинградские делегаты. Съезд констатировал наличие в партии уклона, недооценивавшего рост кулацкой опасности и середняка как центральную фигуру земледелия. Съезд в резолюции по отчету ЦК, с которым выступал Сталин, отметил, что второй уклон («новая оппозиция») представлял наибольшую угрозу. Одновременно съездом был взят курс на «социалистическую индустриализацию», на усиление планово-директивного начала в строительстве социализма. Советская историография не случайно называла этот съезд «съездом индустриализации».

Сразу после съезда был организован разгром ленинградской партийной организации. В Ленинград был высажен «десант» — особо назначенная комиссия под председательством опытного партийного бюрократа и верного сталинца В.М. Молотова, куда входили многие партийные деятели. Примерно месяц велась «обработка» местных коммунистов. В результате «форпост оппозиции» удалось уничтожить, была достигнута чуть ли не единодушная поддержка «генеральной линии». Ленинградскую партийную организацию возглавил последовательный сторонник Сталина С.М. Киров.

Однако с самой оппозицией не было покончено. Более того, весной 1926 г. на почве сближения идей происходит объединение «старой» и «новой» оппозиции в «троцкистско-зиновьевский блок». В него входили по большей части представители «старой партийной гвардии» — большевистской элиты старшего поколения: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Крупская, Преображенский, Пятаков, Серебряков, Соколь-

ников, Антонов-Овсеенко, Муралов, Шляпников и др. Точки зрения на причины переживаемых трудностей и методы их преодоления среди оппозиции практически совпали. Все ее представители провозглашали себя подлинными большевиками-ленинцами, борцами против оппортунизма и бюрократизма. Троцкий, например, в это время активно выдвигал теорию «преданной революции», опасности «термидора», ведущего к победе бюрократии над пролетариатом. Он также говорил о невозможности построения социализма в одной стране и неизбежном его перерождении, если таковой будет строиться.

Выход из создавшегося положения левые видели в «реконструкции нэпа», в проведении «сверхиндустриализации», в развитии тяжелой промышленности в целях удержания подступов к мировой социалистической революции. Основной огонь критики был обрушен на экономические построения Бухарина и «правых оппортунистов» — Рыкова, Калинина, Дзержинского, Томского и др. Сталина и его ставленников — Молотова, Куйбышева, Кирова и др. — левые отнесли к аппаратно-центристской группировке, бюрократически извращающей партийную линию.

В основу экономической программы левых легла теория «изначального (первоначального) социалистического накопления», окончательно сформулированная к тому времени Преображенским и Пятаковым. Суть программы — сделать «геркулесово усилие», чтобы вырваться из заколдованного круга нэповских проблем, совершить на них лобовую атаку, развернуть наступление социализма по всему фронту. Левые обвиняли Бухарина в том, что его программа предусматривает «черепаший шаг». Старая промышленность не может удовлетворить крестьянский спрос без реконструкции, поэтому каждый шаг в ту или иную сторону чреват кризисом. В стране огромное аграрное перенаселение, грозящее ростом безработицы. А главное, программа Бухарина означает усиление элементов капитализма (что, по мнению левых, было особенно опасно, так как вело к его реставрации).

Понимая чрезвычайность и искусственность своих мер, левые тем не менее считали, что они крайне необходимы как выход из того неустойчивого равновесия, в котором оказалась новая экономическая политика после завершения восстановительного периода. Дальнейшее развитие промышленности становится невозможным, так как находится в постоянной и сильной зависимости от крестьянского рынка, слабого, стихийного и неуправляемого.

План левых предполагал усиление налогового пресса на крестьянство, перекачку средств из деревни в город путем повышения цен на промышленную продукцию и обращения получаемых средств на нужды индустриализации. Чтобы сгладить наносимый деревне урон, намечалось бросить туда максимум организационных усилий, помочь в кооперировании крестьянских хозяйств, оттянуть из деревни лишние рабочие руки. В дальнейшем мыслилось постепенно сокращать долю средств, выделяемых на накопление за счет деревни, и капиталовложения в промышленность и возвратиться к органическому развитию экономики («троцкистская концепция затухающей кривой», как определил ее Сталин).

В социальной и политической области левые делали ставку на демократизацию партии, улучшение жизни рабочих, борьбу против «политических поползновений кулачества». В середине 1926 г. Зиновьев выступил против кампании «оживления Советов», которая, по его мнению, вылилась в засорение всей советской системы элементами новой буржуазии и бюрократии.

Оппозиция выступала также под флагом борьбы с «назначенчеством», подбором «верных людей», «проверенных лиц», «подмачивания», «подсигивания» идейных противников, их смещения с занимаемых постов.

Внутрипартийная борьба в 1926—1927 гг. характеризуется постоянным усилением позиций номенклатурного слоя, возглавляемого Сталиным. Идейные разногласия «правых» и «левых» для него имели второстепенное значение. Основная масса членов партии, как свидетельствуют многочисленные документы, шедшие снизу, плохо разбиралась в сущности теоретических расхождений политических лидеров, больше реагируя на те или иные повороты в текущих делах. «Генеральная линия» складывалась как причудливое смешение разнонаправленных действий, проводимых сталинским аппаратом. Всякое выражение инакомыслия превращалось в серьезную проблему. Попытки оппозиции воздействовать открыто на общественное мнение встречали неодолимые преграды, толкая ее на путь нелегалщины, а это, в свою очередь, создавало прецедент для политических обвинений. Отдельные оппозиционеры включились в активную пропагандистскую работу в первичных партийных ячейках на предприятиях и вузах Москвы и Ленинграда. За ними неотступно следовали агенты ОГПУ и отряды партийных инструкторов, разъясняющих «генеральную линию».

Партийный аппарат всячески вытеснял оппозицию, обвиняя ее в фракционной деятельности. На июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1926 г. Политбюро было перетасовано в угоду Сталину. Зиновьев был заменен Рудзутаком, кандидатами в члены Политбюро стали лица из сталинского окружения: Андреев, Каганович, Киров, Микоян, Орджоникидзе. На следующем пленуме в октябре того же года Троцкий и Каменев были отстранены от деятельности Политбюро, Исполкому Коминтерна было предложено сместить Зиновьева с поста его председателя. XV партийная конференция (октябрь—ноябрь 1926 г.) устроила настоящую травлю оппозиции, представителям которой было отказано в выражении своих взглядов. От них требовали одного — публичного покаяния в своих ошибках. Конференция единогласно приняла тезисы «о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране». Выдвигался лозунг: в кратчайший исторический срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны.

Наступление на оппозицию усилилось в связи с так называемой «военной тревогой 1927 г.», вызванной осложнениями дипломатических отношений СССР с рядом стран (Англией, Польшей, Китаем и др.). «Большинство» ЦК под предлогом угрозы войны клеймило любую форму оппозиции. Весь 1927 г. был отмечен кампанией дискредитации оппозиционеров и их изгнания из партийных рядов. На организованных по стране партийных собраниях принимались резолюции, их осуждающие. «Последний бой» оппозиция решила дать осенью 1927 г., представив свою программу экономических реформ и демократизации партии накануне предстоящего XV съезда. Так как ЦК запретил распространение этой программы, оппозиция использовала нелегальные формы и юбилейные мероприятия, связанные с 10-летием Октябрьской революции. В ответ на это октябрьский пленум ЦК вывел Троцкого и Зиновьева из своего состава, а в ноябре обоих исключили из партии. На XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) были исключены из ее рядов еще 93 видных оппозиционера. В начале 1928 г. большая группа их во главе с Троцким была сослана в Алма-Ату.

Между тем начиная с 1926 г. наметились признаки изменения «генеральной линии». Взгляды на причины этого высказываются разные, не исключается и воздействие критики со стороны оппозиции. Думается, однако, что изменения были продиктованы господствующими в советском обществе настроениями и интересами укрепляющейся номен-

клатуры. На словах еще сохранялась верность принципам нэпа, но на деле проводилась политика, ведущая к их свертыванию. На 1926/27 г. приходится налоговая реформа, которая акцентировала свое внимание на классовом расслоении деревни. Она меняла прогрессию обложения и систему распределения налогов. Если в 1925/26 г. от налога освобождалось 9% хозяйств, то на следующий год — 24%. В ближайшие годы намечалось увеличить эту долю до 35%. Одновременно резко возрастала налоговая прогрессия в сторону более зажиточных хозяйств.

В 1926 г. принимается новая инструкция по выборам в Советы, ограничивающая избирательные права зажиточных крестьян.

На протяжении 1926—1927 гг. отчетливо прослеживается нарастание централизации и административного нажима по всем направлениям государственной политики и отмечается ухудшение общего положения в стране.

XV съезд ВКП(б), который раньше почему-то называли «съездом коллективизации», был тем не менее очень важной вехой в советской истории. Он ознаменовал переход к плано-распределительной системе управления в связи с принятием директив пятилетнего плана развития народного хозяйства. В основу плана были заложены высокие темпы индустриализации, наступление на частнокапиталистические элементы города и деревни путем значительного повышения налоговых ставок, поощрительные меры в отношении беднейшего крестьянства и усиление кооперирования деревни. В то же время в директивах еще остаются следы разумной хозяйственной политики, указывается на необходимость сохранения равновесия, правильных пропорций между потреблением и накоплением, промышленностью и сельским хозяйством, учитываются возможности освоения природных и привлечения трудовых ресурсов, создания резервов и т.д. В составлении плана участвовало большое число специалистов. План был разработан в двух вариантах: минимальном и оптимальном. В целом же предполагалось через 5 лет достигнуть некоторого промежуточного уровня, обеспечивающего тем не менее существенный шаг вперед к социализму.

§ 5. «Год великого перелома»

Зимой 1927/28 г. разразился очередной кризис нэпа, приведший к корректировке всех направлений внутреннего

и внешнего курса руководства страны. «Социалистическая индустриализация» приобретала все более зримые черты, переходя из плоскости теоретических дискуссий в практическое воплощение. Уже в августе 1927 г. ВСНХ отверг умеренные контрольные цифры на следующий хозяйственный год, потребовав более высоких капиталовложений в тяжелую промышленность. СТО одобрил строительство Днепрогэса и целого ряда других объектов, предусмотренных пятилетним планом.

Политика «социалистической индустриализации» была направлена на: 1) всемерное развитие государственного сектора как основы социалистической экономики; 2) внесение в управление народным хозяйством планового начала; 3) установление новых взаимоотношений между городом и деревней с учетом расширения крестьянского спроса не только на продукты потребления, но и на средства производства; 4) сокращение непроизводительного потребления («режим экономии»), с тем чтобы сэкономленные средства направить на строительство новых заводов и фабрик. При этом утверждалось, что «социалистическая индустриализация» может быть осуществлена только за счет внутренних источников накопления, так как СССР не мог рассчитывать на иностранные кредиты.

Программа «социалистической индустриализации» дополнялась планом реконструкции народного хозяйства, который предусматривал: изменение техники и способов производства в направлении развития энергетических мощностей, расширение массового производства, перенесение в экономику страны передовой американской и европейской технологии, рационализацию, научную организацию труда (НОТ), изменение общей структуры производства с целью развития отраслей тяжелой промышленности, перемещение производства к источникам сырья и энергии, специализацию районов в соответствии с их природными и социальными особенностями

Несмотря на хороший урожай в 1927 г., государство встретилось с еще большими трудностями с хлебозаготовками, чем в прошлом году. Главную роль в торговле продуктами и снабжении ими населения в стране играл частник. В связи с этим была выдвинута задача полного его вытеснения за счет государственной и кооперативной торговли, воздействия на рынок путем регулирования цен. Цены на сельскохозяйственные продукты были снижены, тогда как на промышленные товары они оставались относительно высокими. Про-

мышленность, направившая свои усилия на нужды индустриализации, не могла обеспечить расширение спроса. К статье задерживали продажу излишков государственным органам. Государственные и кооперативные магазины и лавки оставались пустыми или были заполнены не пользующимся спросом товаром. Какие-либо поступления дефицитных продуктов неизбежно перекочевывали в руки частных торговцев и спекулянтов, которые в условиях постоянных нехваток товаров неимоверно «вздували» цены. Добавились слухи о надвигающейся войне, которые увеличивали ажиотажный спрос. В продовольственном снабжении городов наступило резкое ухудшение. Стали проявляться признаки общего недовольства и социальной напряженности.

План хлебозаготовок, намеченный на конец (октябрь—декабрь) 1927 г., провалился. Вместо 4,58 млн. т заготовленных за соответствующий период прошлого года удалось закупить только 2,4 млн. т, т.е. почти в два раза меньше. Экспорттировать, собственно говоря, было нечего и закупать оборудование не на что, так как хлеб составлял главную статью вывоза. Вопрос теперь стоял так: либо отказаться от взятых высоких темпов индустриализации, либо пойти на какие-то экстраординарные меры. Таким образом, кризис хлебозаготовок стал тем катализатором, который ускорил и обострил социальные и политические процессы в стране и послужил поводом для смены курса политического руководства.

Чтобы лучше понять смысл и масштабы последовавших вслед за этим социальных катаклизмов, видимо, необходимо привести некоторые данные о социальной структуре советского общества накануне «великого перелома». Основой для них послужили сведения комиссии по налогообложению при СНК и СТО в 1927 г., сверенные с результатами переписи населения 1926 г. (см. таблицу).

Социальная структура советского общества во второй половине 1920-х гг.

Социальные категории	Общая численность		Занятые в народном хозяйстве	
	в млн чел	в %	в млн чел	в %
Рабочие	16,0	10,8	7,1	18,8
городские	11,6	7,8	4,7	12,4
сельские	4,4	3,0	2,4	6,4
Служащие	8,7	5,9	3,5	9,2

Продолжение таблицы

Социальные категории	Общая численность		Занятые в народном хозяйстве	
	в млн. чел	в %	в млн. чел	в %
Крестьяне.	108,0	73,0	20,2	53,3
бедняки	21,1	14,3	5,0	13,2
средняки	81,0	54,7	14,3	37,7
зажиточные («кулаки»)	5,9	4,0	0,9	2,4
Кустари и ремесленники:	5,8	3,9	2,0	5,3
городские	2,2	1,4	0,7	1,9
сельские	3,6	2,5	1,3	3,4
Буржуазия города:	2,7	1,8	0,9	2,4
торговцы	1,6	1,1	0,5	1,3
владельцы мелких предприятий, использующие наемный труд	0,5	0,3	0,1	0,3
Безработные	1,6	1,1	1,1	2,6
Прочие (иждивенцы государственных и общественных учреждений, прислуга, лица свободных профессий и т.д.)	5,2	3,5	3,2	8,4
Всего	148,0	100,0	38,0	100,0

Приводимые цифры можно сравнить с данными о социальной структуре России накануне революции. Прежде всего бросается в глаза значительно меньшая численность населения, что явилось следствием отторжения от России ряда территорий, демографических катастроф периода войн и революций, политики ликвидации эксплуататорских классов, эмиграции, голода 1921—1922 гг. и других причин. В последующие годы население страны начинает расти довольно быстрыми темпами. Во второй половине 1920-х гг. естественный прирост достигает 3 млн. человек — небывалый для всей российской и советской истории, хотя и не компенсировавший всех прежних людских потерь. Рост населения был обусловлен возобновлением наметившихся еще до революции демографических процессов, характерных для аграрных

стран, находящихся на ранней стадии модернизации, когда происходит так называемый «демографический взрыв». Демографический взрыв, в свою очередь, сопряжен с такими неизбежными спутниками, как безработица, аграрное перенаселение, образование «лишних ртов». Признаки подобных явлений отчетливо видны в приводимых данных.

Всего лишь четверть населения можно было с полным правом включить в число занятых в народном хозяйстве (по тогдашней терминологии, «самодельного населения»). Цифры достаточно точно указывают на причину этого — громадная разница между числом «самодельного» и «несамодельного» населения среди деревенских жителей, главным образом в группах среднего и зажиточного крестьянства. Следует добавить, что перепись населения 1926 г. зарегистрировала в деревне 47 млн. человек взрослого трудоспособного населения в качестве «членов семьи, помогающих в занятии». Это означает, что имущественное положение крестьян зависело от количества работников в хозяйстве, в то время как число малолетних детей было для него дестабилизирующим фактором. Демографическая ситуация в деревне была дополнительным источником социальной напряженности.

Социальная структура советского общества в соответствии с социальной и политической иерархией нового режима выглядела как бы перевернутой по сравнению с дореволюционной и в определенной мере отражала характер происшедших после революции изменений. На верхнюю ступень социальной лестницы ставился «пролетариат», к которому, по официальной терминологии того времени, относились рабочие и, с оговорками, служащие государственного аппарата. Дело в том, что государственный аппарат к тому времени полностью вобрал в себя сильно поредевшую старую интеллигенцию, по отношению к которой политика становилась все более враждебной. Категория «пролетариат» требует особо внимательного анализа. Фактически от имени пролетариата выступали несколько десятков тысяч коммунистов, занимавших руководящие посты в партийном, советском государственном аппарате, в общественных организациях. Большинство из них, действительно, имело рабочее прошлое, или, как тогда говорили, «пролетарскую закваску». Например, среди руководителей предприятий и учреждений в системе ВСНХ бывшие рабочие составляли более 60%. Примерно такая же картина наблюдалась в других хозяйственных ведомствах. Эта поднимающаяся к власти группа, с

особым положением и интересами, методами и способами действий, сформированная при непосредственном участии партийного аппарата и лично Сталина, подлираемая снизу новыми выдвиженцами, стремилась всемерно расширить свое влияние, захватывая одно за другим различные звенья управления. Это неизбежно вело к столкновению со старыми кадрами. Так, продвижение номенклатуры в среднее звено управления (кампания, предпринятая руководством в конце 1920-х гг.) не могло не вызвать гонений на старых специалистов.

Вопрос о взаимоотношении номенклатуры с рабочей массой чрезвычайно сложен. Выступая от имени последней, номенклатура всячески бравировала пролетарским происхождением, говорила на своеобразном «рабочем языке», рядилась в «рабочие одежды». Номенклатурным выдвиженцам удалось в условиях нарастающих трудностей нэпа нейтрализовать недовольство рабочих, натравливая их против прежних руководителей, против буржуазных спецов, против кулаков, против других элементов, якобы мешающих ускоренному движению в социализм. Этим объясняется развертывание целого ряда массовых кампаний конца 1920-х гг., получивших поддержку среди рабочего класса. Вместе с тем, отрываясь от производства и переходя в иной социальный статус, выдвиженцы все более отдалялись от реальных нужд рабочего класса.

Последний, как и раньше, не составлял большинства ни в структуре населения, ни в структуре занятых, о чем говорят приводимые цифры. Численность фабрично-заводских рабочих в начале 1928 г. составляла 2,7 млн. человек. С началом индустриализации значительно увеличилось количество строительных рабочих, которые были заняты на многочисленных стройках пятилетки. Основным источником роста рабочих кадров была деревня. До конца 1920-х гг. из деревни в город перешло примерно 1 млн. человек. Между тем рынок труда в городе не мог обеспечить занятости и для этой приходящей в город рабочей силы, что создавало в нем дополнительные трудности и неудовлетворенность сложившимся положением. Количество безработных в 1929 г. приближалось к 2 млн. человек. По-прежнему в город шла в основном молодежь, часть общества, наиболее заинтересованная в изменениях и более всего приверженная новым ценностям и идеалам.

Социальная структура деревни 1920-х гг., как свидетельствуют цифры, претерпела довольно существенные изменения по сравнению с дореволюционной. Явное преобладание

середняков, казалось бы, должно было привести к необходимости учета интересов именно этой группы крестьянства, однако социально-экономическая политика все более смещалась в сторону неимущих и малоимущих слоев. Ситуация в деревне к концу десятилетия резко обострилась. Документы этого времени свидетельствуют о нарастании агрессивности и озлобленности бедняков против зажиточных крестьян, усиленно подогреваемых официальной пропагандой. Между тем приводимые в таблице данные показывают, что удельный вес «кулаков» в деревне был невелик и утверждения о «кулацкой опасности» не были оправданы. Недовольны были и средние слои крестьянства, поскольку органы управления воздвигали все больше препятствий в развитии промыслов, устанавливая на них дополнительные налоги и переводя крестьян-промысловиков в разряд «кулаков» и «лишенцев», т.е. лиц, лишенных политических прав. Получившее к концу 1920-х гг. широкое распространение отходничество (к 1929 г. — более 4 млн. крестьян, отходивших на заработки) лишь в незначительной степени сглаживало социальные противоречия деревни. Государство стремилось подчинить своему влиянию стихийный отход, придать ему организованный характер и направить его на нужды индустриализации.

Точно так же не состоятельны были опасения, связанные с ростом капиталистических элементов в городе. Они составляли незначительный процент населения и были поставлены политикой режима на самую нижнюю ступень социальной лестницы вместе с остатками прежних классов, так называемыми «бывшими» (бывшие дворяне, чиновники старого режима, священники, монахи, жандармы, полицейские, прислуга и т.д.). Все они каким-то образом приспособились к новому режиму, влились в состав советских учреждений. В литературном памятнике той эпохи — романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» — авторами создана целая галерея подобных образов. Отношение к ним можно определить как «общественный остракизм».

Так выглядела социальная структура советского общества накануне «великого перелома», который приходится на 1928—1929 гг. и характеризуется свертыванием нэпа по всем направлениям хозяйственной и социальной политики, политическим и идеологическим разгромом его сторонников и отказом от принципов, на которых он зиждился. В свою очередь, события этого времени вызвали поистине лавино-

образные сдвиги, ознаменовавшие конец старой крестьянской и неповской России.

Спустя всего месяц после XV съезда ВКП(б) Политбюро в январе 1928 г. проголосовало за применение чрезвычайных мер при выполнении плана хлебозаготовок. По всей стране разъехались около 30 тыс. эмиссаров — специальных уполномоченных, в задачи которых входило подстегивание хлебозаготовительной кампании. В числе уполномоченных был и Сталин. Генсек действовал в Западной Сибири в духе гражданской войны и политики продразверстки. Вслед за Сталиным шли вооруженные отряды, производившие повальные обыски и реквизиции хлебных «излишков». Их владельцев зачисляли в «кулаков» и судили по 108 статье УК РСФСР (обвинение в спекуляции). Имущество арестованных, скот, инвентарь изымались в пользу государства. Советские органы, не обеспечившие выполнение плана хлебозаготовок, распускались. В том же духе действовали сталинские выдвиженцы: В.М. Молотов и Н.М. Шверник на Урале, А.А. Андреев на Северном Кавказе и др. Подобный способ хлебозаготовок получил название «урало-сибирского метода». С января по март 1928 г. было заготовлено таким путем 4,21 млн. т зерна. Можно сказать, что относительный успех этой чрезвычайной кампании был обеспечен солидарными действиями сталинской номенклатуры, руководителей партийных организаций, органов прокуратуры и суда, ОГПУ и милиции на местах. В этом проявилась сила создаваемого режима.

Вместе с тем традиции нэпа еще сохраняли свое влияние. Молва о «подвигах» Сталина и сторонников его метода распространялась по стране. Часть партийного руководства согласилась на чрезвычайные меры лишь как на временный выход из трудностей и вовсе не рассчитывала, что они будут проводиться подобным образом. Эти руководители больше уповали на агитацию, убеждение, а не на возвращение к методам «военного коммунизма». Поэтому на апрельском пленуме ЦК 1928 г. чрезвычайные меры в области хлебозаготовок хотя и были одобрены, но осуждались перегибы в отношении середняка и разрушение рынка. Вслед за этим объем хлебозаготовок снова резко сократился, что еще более обострило ситуацию в стране. Но теперь накопленный сталинцами опыт как бы подсказал выход из сложившегося тупика. Сталин и возглавляемый им аппарат, можно сказать, «определились» в своих действиях.

В марте 1928 г. председатель Совнаркома Рыков подвергся критике за невнимание к машиностроению и металлур-

гии. Комиссия в составе нового председателя ВСНХ Куйбышева, председателя Госплана Кржижановского и наркома РКИ Орджоникидзе постановила удвоить в течение года объемы капитального строительства, направив усилия на строительство заводов-гигантов. Одновременно в газетах было объявлено о раскрытии разветвленного заговора «вредителей» на шахтах Донбасса, имевшего якобы цель спровоцировать кризис в угольной отрасли и вызвать недовольство трудящихся масс. Шахтинский процесс, проходивший весной—летом 1928 г. и, как теперь выяснилось, целиком сфабрикованный органами ОГПУ, положил начало кампании преследования старых специалистов и замены их новыми выдвиженцами. Вся шумиха вокруг шахтинского дела была необходима сталинскому руководству, чтобы подорвать идею классового мира и сотрудничества, лежавшую в основе изпа, и подтвердить свой тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, а по сути внести в политику элементы социального противоборства, чтобы обеспечить социальную опору проводимым им мероприятиям.

На июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. Сталин выступил с теоретическим обоснованием своего тезиса. Он заявил о необходимости «дани», своего рода «сверхналога» на крестьянство для сохранения и увеличения высоких темпов развития индустрии.

Все дальнейшие мероприятия характеризуются усилением роли директивного планирования, административного и полицейского нажима, развертывания грандиозных массовых кампаний, направленных на ускорение темпов социалистического строительства. Сталин и его выдвиженцы выступают активными сторонниками «социалистического наступления» и свертывания изпа. Атака должна была идти по всем правилам военных действий с провозглашением фронтов: «фронта индустриализации», «фронта коллективизации», «идеологического фронта», «культурного фронта», «антирелигиозного фронта», «литературного фронта» и т.д.

Развертывание «фронта индустриализации» выливалось в строительство новых промышленных объектов, усиление режима экономии, добровольно-принудительное распространение «займов индустриализации», установление карточного снабжения населения городов и рабочих поселков. Эти мероприятия сопровождалось вытеснением частного сектора из экономики. На протяжении 1928 и 1929 гг. неоднократно менялись ставки прогрессивного налогообложения, прежде всего на промыслы и акцизы, увеличение налогов вдвое при-

вело к свертыванию нэпманского предпринимательства, закрытию частных магазинов и лавок и, как результат, к расцвету спекуляции на «черном рынке». В продолжающемся ухудшении жизни была обвинена деревня, кулак как главный виновник трудностей. Нагнеталось враждебное отношение к крестьянству как к косной и инертной массе, как носителю мелкобуржуазного сознания, препятствующего социалистическим преобразованиям. Все шире распространялся лозунг: «Закон индустриализации — конец деревне, нищей, драной, невежественной!» На помощь уполномоченным по хлебозаготовкам партийные органы посылали в деревню рабочих промышленных предприятий, исподволь подготавливая массовый поход рабочих в деревню.

В начале 1929 г. началась кампания по развертыванию массового социалистического соревнования на фабриках, заводах, на транспорте, в строительстве. В течение нескольких месяцев вся пресса во главе с «Правдой», партийные, профсоюзные, комсомольские органы усиленно пропагандировали различные трудовые почины, многие из которых были подхвачены рабочими. Широкое распространение получили такие формы соревнования, как движение ударников, движение за принятие встречных планов, «непрерывка», движение «догнать и перегнать» (ДИП) капиталистические страны по объемам производства и производительности труда и др. Социалистическое соревнование провозглашалось одним из главных условий выполнения заданий пятилетки. Оно оживило революционно-романтические настроения масс, уверенность в том, что с помощью штурма, наскока, порыва можно сделать все. Такая установка также шла вразрез с нэповской традицией, больше полагавшейся на реализм в экономике и политике и апеллировавшей к ленинской формулировке «не на энтузиазме непосредственно, а с помощью энтузиазма».

Антинэповская кампания на «идеологическом фронте» идентифицировалась прежде всего с борьбой против «правого уклона в ВКП(б) и в Коминтерне». В сущности с правыми олицетворялись все, кто продолжал оставаться на принципах нэпа, призывал к умеренности и осторожности, здравому смыслу. Таких было немало и в самой партии, и в государственном аппарате, и в профсоюзах, и в кооперации. Чтобы поколебать позиции этих кадров и подготовить их смещение, сталинское руководство развязало кампанию развертывания критики и самокритики, направленную против руководителей СНК, ВСНХ, ВЦСПС, ИККИ, Наркомпроса, Московского комитета ВКП(б). Чаще всего кампания велась под флагом

борьбы против бюрократизма, злоупотреблений и других негативных явлений, которые были присущи всем советским учреждениям. Провозглашая курс на «социалистическое наступление», сталинское руководство стремилось обеспечить ему идеологическую поддержку. Этой цели служили организованные партаппаратом в 1928 г. очередные конгресс Коминтерна, съезды профсоюзов, комсомола, на которых прежнее руководство этих органов подвергалось резкой критике как не справившееся с задачами текущего момента. На VI конгрессе Коминтерна (июль—сентябрь 1928 г.) «правый уклон» был объявлен главной опасностью для международного коммунистического движения. Это был прямой выпад против Бухарина — председателя ИККИ. Ноябрьский пленум ЦК указал, что «правый уклон» представляет главную опасность внутри ВКП(б). На VIII съезде профсоюзов (декабрь 1928 г.) подверглось критике профсоюзное руководство, возглавляемое М.П. Томским. Председатель ВСНХ Куйбышев обвинил профсоюзы в бюрократизме, в отрыве от рабочих масс. Он выдвинул лозунг: «Профсоюзы — лицом к производству!», что на практике выливалось в свертывание каких-либо самостоятельных функций профсоюзного движения и превращение его в бессильный придаток государственных органов. Параллельно был осуществлен разгром Московского комитета партии, подобно тому, как это было сделано в свое время в Ленинграде. В результате позиции многих руководителей сильно пошатнулись. Хотя большинство из них продолжало оставаться на своих постах, их отстранение было вопросом времени и аппаратной механики, выработанной еще в период борьбы с «левыми».

Как уже говорилось, главным идеологом нэпа был Бухарин, поэтому борьба с «правым уклоном» была направлена прежде всего против него и его взглядов. Правда, характер дискуссий теперь был уже иной. Спорили главным образом за закрытыми дверями, не посвящая рядовых коммунистов в сущность разногласий. О том, что в действительности происходило в это время в высших эшелонах партийного руководства, общество узнало много позже. На страницы прессы проникали лишь отголоски дискуссий, зачастую излагаемые «эзоповским языком» и намеками. Пользуясь своим положением главного редактора «Правды», Бухарин выступил с рядом статей, в которых под видом борьбы против троцкизма критиковался отказ от нэпа, проводимый сталинским руководством. В статье «Заметки экономиста» Бухарин дал анализ складывающейся в стране ситуации. «Сумасшедшие лю-

ди, — писал он, — мечтают о гигантских прожорливых стройках, которые годами ничего не дают, а берут слишком много». Бухарин указывал на нарастающий дисбаланс между различными отраслями хозяйства, на опасность непрерывного наращивания капитальных затрат, возражал против «максимума годовой перекачки [средств] из крестьянского хозяйства в промышленность, считая наивной иллюзией, что таким способом можно поддерживать высокий темп индустриализации. В статье «Политическое завещание Ленина» Бухарин опять же не прямо, а косвенно критиковал «генеральную линию», противопоставляя ее взглядам Ленина, изложенным в его последних работах.

Разгром «правых», также происходивший за закрытыми дверями, состоялся на апрельском объединенном расширенном пленуме ЦК и ЦКК 1929 г. В своей речи Бухарин попытался очертить последствия взятого сталинским руководством курса. Под сталинской линией, говорил Бухарин, скрывается господство бюрократии и режим личной власти. Грандиозные планы социалистического переустройства общества он назвал не планами, а литературными произведениями. Индустриализацию, по его мнению, нельзя проводить на разорении страны и развале сельского хозяйства. Чрезвычайные меры означают конец нэпа. Бухарин обвинил сталинский аппарат в военно-феодальной эксплуатации крестьянства, а проводимую на ее основе индустриализацию — «самолетом без мотора». Скептически отнесся Бухарин к идее массовой коллективизации. Ее нельзя строить на нищете крестьянства — «из тысячи сох не составить трактора». Главный теоретический тезис Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму Бухарин назвал «индотской безграмотной полициейщиной».

Резкую речь Бухарина на пленуме следует рассматривать скорее как акт отчаяния, предчувствие неминуемого поражения ввиду яростного наступления сталинской клики, которая теперь полностью «правила бал» в партийном руководстве, и нравов, царивших в нем. Доводы разума не играли уже никакой роли. Не получил поддержки Рыков, как председатель правительства выступивший с довольно аргументированным и реальным двухлетним планом восстановления разрушенного народного хозяйства, оздоровления финансов, устранения «узких мест» и консервации необеспеченных ресурсами строек.

О том, какие методы дискредитации оппонентов утверждались в партии, свидетельствует сталинское выступление

на пленуме. Он извлек из архива старую полемику между Лениным и Бухариным по поводу государственного капитализма, вспомнил ленинское «Письмо к съезду», из которого взял фразу, где Ленин говорит о Бухарине как никогда серьезно не учившемся марксисте, намекнул на предполагаемое участие Бухарина в заговоре левых эсеров. Когда Бухарин говорил о перерождении партии, превращении ее в болото послушных бюрократов, ее засоренности политически безграмотными чиновниками, не отличающимися Бебеля от Бабеля, Сталин прервал его репликой: «Ты у кого это списал? У Троцкого!», намекая на контакты Бухарина, искавшего союзников, с разгромленной оппозицией. Что касается существа дела, то взгляды Бухарина и его сторонников он назвал пораженческими, проявлением панических настроений. Пленум 300 голосами против 13 осудил «правый уклон».

Вслед за пленумом была созвана XVI партийная конференция, которая проходила под знаком осуждения правых по всем направлениям текущей политики. Конференция отклонила какие-либо попытки снижения темпов индустриализации. В решениях конференции подчеркивалось, что пятилетка является процессом развернутого социалистического наступления и выполнению ее препятствуют не столько трудности организационно-технического характера, сколько обострение классовой борьбы и сопротивление капиталистических элементов. Преодоление этих трудностей возможно только при огромном росте активности и организованности трудящихся, изжитии мелкобуржуазных колебаний в решении вопроса о темпах и наступлении на кулачество. «Правый уклон» был назван «откровенно капитулянтским», ему объявлялась решительная и беспощадная борьба.

Конференция в качестве пути подъема сельского хозяйства сделала ставку на организацию «крупного социалистического земледелия» — колхозов и совхозов, а в качестве важнейшего направления работы партии в деревне — организацию бедноты для борьбы совместно с середняком против кулака. Конференция постановила произвести генеральную чистку партии и госаппарата «под контролем трудящихся масс» под флагом борьбы с бюрократизмом, с извращениями партийной линии, развертывание критики и самокритики. Практически каждое выступление партийных руководителей с мест на конференции заканчивалось рефреном «даешь пятилетку, даешь индустриализацию, даешь трактор ., а правых — к черту!». Налаженный в партийном аппарате механизм

проведения «генеральной линии» действовал четко и почти безотказно.

Дальнейшая борьба с «правым уклоном» превратилась в откровенную травлю оппозиционеров. «Правый уклон» олицетворялся с именами Бухарина, Рыкова, Томского. Против них развернула широкую кампанию печать. Повсеместно организовывались собрания и митинги с «разоблачением» и осуждением их сторонников. От них требовали признания своих ошибок и покаяния. Несколько позже, на ноябрьском пленуме 1929 г., принадлежность к «правому уклону» была признана несовместимой с пребыванием в партии. За короткий срок из нее было исключено 149 тыс. человек (11%), в основном по обвинению в «правом уклоне». По всей видимости, эта цифра близка к реальному количеству коммунистов — сторонников продолжения нэпа. Большинство из них так или иначе, раньше или чуть позже вынуждены были публично признаться в своих ошибках и заблуждениях. В противном случае они оказывались в положении отверженных, на которых могли распространяться всевозможные кары и репрессии.

Разгром «правых» происходил под аккомпанемент обвального крушения нэпа по всем направлениям хозяйственной и социальной политики. В связи с переходом к директивному централизованному планированию перестраивается вся система управления народным хозяйством, в которой поначалу легко можно увидеть черты, унаследованные от «военного коммунизма». На базе государственных синдикатов, которые фактически монополизировали снабжение и сбыт, создаются производственные объединения, весьма смахивающие на главки первых послереволюционных лет и положившие начало становлению «ведомственной экономики». Производство строилось путем прямого централизованного регламентирования сверху всего и вся вплоть до норм оплаты труда рабочих. Предприятия, в сущности, бесплатно получали соответствующие фонды сырья и материалов по карточно-нарядной системе. Снова возникли разговоры о прямом плановом продуктообмене между городом и деревней, об отмирании денег, о преимуществах карточной системы снабжения и распределения. Ликвидировались многие банки, акционерные общества, биржи, кредитные товарищества. На производстве вводилось единоначалие, руководители предприятий напрямую делались ответственными за выполнение промфинплана. Директора крупнейших строек и предприятий назначались теперь по особому номенклатурному списку.

Летом 1929 г., несмотря на принятый закон о пятилетнем плане, начался ажиотаж вокруг его контрольных цифр. Безоговорочно принимались встречные планы, как будто под них уже имелось материальное обеспечение. В ответ на лозунг «Пятилетку в четыре года!» Сталин призывал выполнить ее в три года. Задания по тяжелой промышленности (в металлургии, машиностроении и др.) были резко увеличены.

Каскад произвольных, материально не подкрепленных мер, проводимых в форме постановлений, распоряжений, приказов, буквально терзал страну.

Чрезвычайные методы господствовали на «фронте хлебозаготовок». По всем деревням и селам разъезжали уполномоченные, отбирая у крестьян «хлебные излишки». Им на помощь из города было направлено около 150 тыс. посланцев рабочего класса, попутно излагающих новую политику партии. О том, как велась эта агитация среди крестьян, видно из письма на имя Сталина рабочего Чернореченского завода (Нижний Новгород), посланного в один из районов ЦЧО: *«Прошу Вас тов. Сталин дать мне ответ на вопрос, как лучше подойти к делу. Я объяснял им [необходимость развития тяжелой индустрии] так, что нельзя сразу вас снабдить мануфактурой, обувью, потому что сейчас мы ведем по строго выработанному плану наше хозяйство. Если мы пустим сразу в дело эти две отрасли, то у нас будут стоять главные рычаги нашего народного хозяйства — тяжелая промышленность, которая будет производить машины производства. Я приводил им такой простой пример: «Вот, мол, крестьянин имеет 250 руб. денег, семейство его 15 человек, нет одежды, нет обуви. Что он купит?» Он отвечает: «Лошадь». Вот так и государству нужен прежде всего двигатель, чтобы двигать народное хозяйство. Но они не верят. «Сколько кожи, а обувь дорога» — «А за сколько бы ты хотел купить сапоги? Пуд хлеба за одну пару сапог?» — «Нет, я бы дал пудов 8 за сапоги». И не верят, что мы придерживаемся строгому плану всех промтоваров по кооперативным организациям. Недостатки у нас общие. Но они не верят. Я Вас и прошу, как лучше и детальнее объяснить? Просил бы не отказать ответить».*

Газеты усердно пропагандировали преимущества колхозов, товарность которых по зерну якобы составляла 35%, а совхозов — и того выше. В результате настойчивой пропаганды доля коллективизированных крестьянских хозяйств поднялась с 3,9% в июне до 7,6% в октябре. На заводах и

фабриках разворачивалось движение 25-тысячников. Суть его состояла в том, чтобы отобрать в среде рабочего класса самых лучших его представителей и направить в деревню для организации колхозов и совхозов. По официальным данным, было зарегистрировано около 700 тыс. рабочих, выразивших желание выехать на фронт «колхозного разворачивания». Сказывалось постоянное внушение рабочим мысли об их авангардной роли, об отсталости деревни, не знающей своего счастья, которое заключается-де в том, что нужно как можно скорее объединиться в колхозы и создать социализм в деревне, выкорчевать существующие в ней зародыши капитализма в лице индивидуальных крестьянских хозяйств. Так готовилась организационная и идейная база для проведения сплошной коллективизации.

Не менее важные события происходили на «культурном фронте». Общий культурный уровень населения страны на протяжении 20-х гг. поднимался медленно. Правда, по уровню грамотности были достигнуты впечатляющие цифры. К 1930 г. число грамотных по сравнению с 1913 г. увеличилось почти вдвое (с 33 до 63%). Однако этот рост был обусловлен не столько внедрением систематического школьного образования (число учащихся в начальных школах в 1929 г. составляло 10 млн.), сдерживаемого нехваткой школ, учителей, учебников, сколько расширением курсов по ликвидации неграмотности, в задачи которых входило овладение элементарными навыками чтения и письма и основами политграмоты. Причем, как в и других областях, и здесь к концу 1920-х гг. явно проступали черты чрезвычайщины и кампанейщины. Если, например, в 1927 г. подобные курсы по официальным отчетам закончили 800 тыс. человек, то в следующем году — уже 2 млн., а в 1929 г. — 10 млн.

В задачи культурной революции, которые выносились на повестку дня, включались борьба с мещанскими и буржуазными проявлениями, критическая переработка старого буржуазного культурного наследия и создание новой социалистической культуры, т.е. внедрялись примитивные культурные штампы и стереотипы. Провозглашались лозунги решительной борьбы с враждебными идеологиями, течениями, нравами, традициями как в области науки, литературы, искусства, так и в области труда и быта. Агрессивно насаждались коллективистские начала, ведущие к подавлению индивидуальности и свободы творчества. Нагнетались антиинтеллектуализм, недоверие к «гнилой интеллигенции» и «гнилому либерализму». Усилилась разнузданная и крикливая

антирелигиозная пропаганда, возглавляемая «Обществом воинствующих безбожников» и сопровождаемая разрушением церквей, исторических памятников, арестами священников как пособников кулаков и врагов социализма.

На «литературном фронте» борьбу за социализм вела созданная в 1928 г. Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) и ее руководство, объединившееся вокруг журнала «На литературном посту» («Напостовцы»). Напостовцы проповедовали «гегемонию пролетариата в литературе». В связи с этим они поделили писательский лагерь по классовому принципу («пролетарские писатели», «попутчики», «буржуазные» и «необуржуазные» авторы), периодически организуя разносы и преследования различных литературных группировок и объединений. Под огонь критики попали многие писатели, в том числе и М. Горький как «не совсем чистый» пролетарский писатель, М. Булгаков как выразитель контрреволюционного необуржуазного сознания, В. Маяковский за анархо-бунтарские индивидуалистические настроения и др. Аналогичные явления происходили в искусстве, театральной жизни, кинематографии. Они сводили на нет многообразие культурной и художественной жизни 1920-х гг.

Экстремизм во внутренней политике отразился и на действиях сталинского руководства в международной жизни. Во второй половине 1929 г. все отчетливее становились признаки тяжелейшего кризиса, охватившего экономику Запада. На этом фоне эйфория по поводу социалистического наступления получила дополнительную подпитку. Казалось, что наступает крах капитализма. Пресса пестрела сообщениями о голоде, нищете, безработице, об уничтожении на Западе многих тонн нереализованной продукции. Сам собой напрашивался вывод, что только социализм способен покончить с подобными явлениями. Изменившаяся международная обстановка позволила сталинскому руководству в Коминтерне провозгласить тезис о возрастании агрессивности империализма в период кризисов, а значит, о приближении возможности войны и революции. В качестве примера указывалось на возникновение фашизма. Однако главным врагом рабочего движения были объявлены так называемые «социал-предатели» или «социал-фашисты», под которыми подразумевались социал-демократы, поскольку они своим реформизмом препятствовали наступлению революции. В этой «слегка» извращенной логике явно прослеживаются следы сталинского творчества. Подобная установка, конечно, вела к расколу

рабочего движения и облегчала установление фашистских и военных режимов в целом ряде европейских стран.

Накануне 12-й годовщины Октября Сталин выступил в «Правде» со статьей «Год великого перелома», в которой говорил о закладке основ строительства социализма, о решении проблемы внутренних накоплений, о новых формах повышения производительности труда, о повороте крестьянских масс к сплошной коллективизации и т. д. На ноябрьском Пленуме ЦК речь шла о громадных успехах, якобы достигнутых страной в 1929 г. Опираясь на них, было решено снова увеличить плановые задания. Шло даже соревнование за то, кто больше пообещает в деле досрочного выполнения пятилетки. Для внесения единства в «грандиозное развертывание крупных совхозов, колхозов и МТС» было признано необходимым создание единого органа — союзного Наркомзема, которому вскоре предстояло стать своеобразным штабом массовой коллективизации.

Конец 1929 г. был отмечен празднованием 50-летнего юбилея Генсека. Заметно возросла значимость Сталина. Он провозглашался «ближайшим и верным соратником Ленина», «виднейшим руководителем и вождем ВКП(б) и Коминтерна», «несгибаемым бойцом партии с железной настойчивостью и твердостью, с исключительной проницательностью проводящим генеральную линию партии». Сталин становился символом «социалистического наступления», его бесспорным лидером и вождем.

Видимо, следует подвести некоторые итоги той полосы событий, финалом которых стал 1929 г., год утверждения сталинской диктатуры, за которым маячили контуры уже иной цивилизации. Он назывался по-разному: «от контрреволюционного термидора» до «сталинской революции сверху». За последние годы приходится сталкиваться со множеством различных версий этих событий. Широкое хождение получила их трактовка исключительно в терминах борьбы за власть, личных амбиций и властолюбия Сталина. Одно время распространялась версия о решающем влиянии на судьбу страны ее мелкобуржуазности, ее крестьянского обличья, которые будто бы тесно связаны с культом верховной власти и царистскими иллюзиями, вознесшими на пьедестал Сталина. Очень активно муссировалась идея об отсутствии в стране демократических традиций, в результате чего стало возможным возникновение сталинского культа. Нередко события 1929 г. и последующие рассматривались как неизбежный результат попыток реализовать коммунистическую утопию.

Диапазон мнений, таким образом, весьма велик. Каждое из предложенных объяснений имеет очевидные слабости, на которые можно указать, что называется, с ходу. Если все внимание сосредоточить на сталинских интригах, то как объяснить те сложные процессы, которые происходили в стране? Если придерживаться «крестьянской версии», то встает вопрос, почему в других крестьянских странах в аналогичных условиях не возникло ничего подобного, напоминающего Россию? Если говорить о демократии, то очень мало можно назвать стран, которые к началу XX в. накопили богатый опыт демократических традиций. Тем не менее их исторические пути оказались достаточно разветвленными. К тому же следует добавить, что вряд ли существует какой-то единый рецепт для демократического устройства общества. Каждая страна имеет свой собственный опыт народовластия. Если порыться в российской истории, то в ней тоже можно найти его особые формы, на которые при желании можно опереться, не прибегая к безумному заимствованию и кабинетному бюрократическому прожектерству. Не годится, видимо, и апелляция к утопии, ибо какая заранее придуманная схема не окажется таковой при воплощении на практике?

Нельзя упрощать историю, спрямлять прошлое в угоду очередной конъюнктурной версии, как это часто делается в историографии. Из многих тенденций, из стечения многих обстоятельств, причин и следствий складывается определенный порядок событий, которые никто заранее не мог предвидеть и предусмотреть. Давая общую оценку событиям этого времени, тоже приходится вступать на путь известного упрощения, однако в целом она базируется на той логике фактов, которые содержатся в приводимом выше материале.

Из состояния российского общества, из противоречий, которые сопровождали его вступление в новую эпоху, из ситуации, в которой оказалась страна в результате ее участия в мировой войне, неизбежно вытекала трагедия революционного взрыва и гражданской войны. Руководство революцией было предопределено теми политическими силами, которые основывали свою стратегию и тактику на критике капитализма и пропаганде социалистических идей, находивших отклик среди населения России. Однако сами эти идеи, чтобы иметь успех, должны были трансформироваться сообразно российским условиям. Подобная трансформация прослеживается в программных установках отдельных политических партий, выступавших от имени крестьянства и рабочего класса. Сложные перипетии событий 1917 г. вы-

несли на поверхность наиболее радикальные элементы этих партий, которые повели массы на захват власти.

Взятие власти большевиками и поддержка их левыми эсерами привели к утверждению советской системы, а идеологической опорой нового режима становится большевизм, проповедующий диктатуру пролетариата. Идея диктатуры пролетариата постепенно сводится к однопартийной диктатуре большевиков в Советах и вытеснению всех других элементов из политической жизни общества.

Диктатура пролетариата на деле осуществлялась политической элитой большевистской партии, фигурами ее вождей. Вождизм — неизбежное следствие власти хаоса и толпы, ее жажды найти ориентиры в бурном океане событий. Вожди выступают от имени трудящихся масс, подхватывая их настроения и чаяния и навязывая им свои идеи.

Из смещения грубых уравнилельных представлений о социализме и коммунизме и большевизма в специфической обстановке гражданской войны рождается идеология и практика «военного коммунизма», которая, несмотря на вызванный ею тотальный кризис советской системы и отказ от нее в последующие годы, оставила глубокий след во всех порах жизни общества, в том числе и в самой правящей партии.

Из большевистских идей и тенденций, свойственных «военному коммунизму», вырастает бюрократизм советской системы, который распространяется и на партию, и на госаппарат, и на общественные организации. Партийная бюрократия подчиняет себе этот процесс, который ведет к образованию особого руководящего слоя советского общества — номенклатуры. Интересы последней вступают в противоречие с интересами старой политической элиты. Внутри правящей партийной олигархии — вождей — начинается борьба за власть, победа в которой обеспечена тому, за кем пойдет номенклатура, большинство партийной и советской бюрократии, кто в наибольшей степени сумеет выразить ее нужды. Проводимая руководством новая экономическая политика не отвечала интересам этого слоя, не сумела привлечь на свою сторону значительные слои населения страны, породив множество нерешенных проблем и противоречий. Теперь их решение все более связывалось с ускоренным строительством социализма.

В качестве наиболее подходящей велениям времени обозначалась личность Сталина. Сталин одновременно выступал и создателем нового руководящего слоя и выразителем его интересов. Сталин умел приспособиться к духу эпохи, образу

человека железной воли и дисциплины, способного претворять в жизнь любые практические решения. Явные грубость и неотесанность, в чем упрекали Сталина старшие соратники, для новой поросли руководителей были скорее не недостатком, а преимуществом, показателем близости к низам. Они сами по своей сути были такими. Многие из них, словно птенцы из гнезда, вышли из «военного коммунизма», пропитались его атмосферой. Позднее сам Сталин признавался, что в кругу более заметных политических фигур в партийном руководстве победу ему и его сторонникам обеспечили «средние кадры», на которые другие вожди не обращали внимания.

Глава 5

Черты новой общественной системы

В понимании сущности и механизмов функционирования советского общества 30-х годов в западной (а в последние годы и в отечественной) историографии противостоят друг другу два главных направления: «тоталитарное» и «модернизаторско-ревизионистское». «Тоталитаристы» считают Октябрь 1917 г. «не пролетарской революцией, а заговором и государственным переворотом, осуществленным монолитной... большевистской партией», сталинизм — органичным результатом ленинизма, а советскую систему — тоталитарной, державшейся на терроре и лжи, с точки зрения морали идентичной нацизму и фашизму. Согласно представлениям «ревизионистов», Октябрь — это пролетарская революция, Сталин — «абберация» ленинской нормы, советский режим при всей его социалистической риторике и мрачном сталинистском прошлом фасаде — основа для «развития»: индустриализации, урбанизации и массового образования, подобно «авторитарным» режимам в других отсталых странах, причем в ходе дальнейших изысканий часть «ревизионистов» пришла к заключению о демократических корнях сталинского пятилетнего плана и о том, что сложившийся советский строй представлял собой взаимодействие «групп интересов».

Мы попытаемся хотя бы в первом приближении разобратся в этих непростых вопросах; не навязывая читателю своих выводов, а приглашая его к совместному поиску.

§ 1. От великого кризиса к мировой войне

Мир в 30-е гг. 1920-е гг. — это время «великого отката» этатизма (огосударствления). В Советском Союзе демонтировался «военный коммунизм», основывавшийся на крайней централизации хозяйственной жизни. На Западе после окончания первой мировой войны также повсюду свертывалось государственное вмешательство в экономику, расценивавшееся западными элитами как временная мера, обусловленная войной. Складывается специфическая «восстановительная» конъюнктура: переходившее на мирные рельсы народное хозяйство европейских стран предъявляло значительный, «отложенный» за годы войны, спрос на продукцию легкой, пищевой, а затем и тяжелой промышленности гражданского назначения. Одновременно американские займы и репарации с побежденной Германии обеспечивали восстанавливающуюся европейскую промышленность необходимыми финансовыми ресурсами. Ненасыщенный рынок и «свободные» деньги дали в результате экономический подъем 20-х гг.

Однако эта стабилизация на основе довоенной, относительно слабо регулируемой, рыночной экономической модели была по природе своей непрочной. Восстановление Европы завершилось. Рынок оказался перенасыщен. Разразился крупнейший за всю историю капитализма экономический кризис 1929—1933 гг. Объем промышленного производства в западных странах сократился в среднем на 38%, сельского хозяйства — на треть, мировой торговли — на две трети. В наибольшей мере кризис поразил Германию и Соединенные Штаты Америки.

Обнаружившаяся «узость» мирового рынка вызвала тенденцию к закреплению его отдельных территориальных секторов за лидирующими в мировой экономике и политике странами: создаются межнациональные торгово-валютные блоки на базе колониальных империй великих держав, т. е. происходит сегментация (регионализация) единого мирового рынка. В условиях экономического кризиса 1929—1933 гг. Великобритания добилась от своих доминионов согласия на образование торгового блока: в 1932 г. в Оттаве было подписано соглашение о взаимных преференциальных (предпоч-

тительных) пошлинах для членов Британского содружества наций. Вслед за Англией на путь искусственного образования торговых зон вступили другие великие державы: Франция образовала зону французского франка, Голландия — зону голландского гульдена. Мировая торговля оказалась расщепленной на замкнутые группировки и опутана сложной системой торгово-валютных ограничений.

Кризис 1929—1933 гг., наряду с разделом мирового рынка, имел и другое глобальное социально-экономическое следствие. Он подвел элиты лидирующих обществ к осознанию исчерпанности позитивного потенциала чисто либеральной (основанной на стихийном взаимодействии хозяйствующих субъектов) экономической модели. С начала 30-х гг. в развитых странах усиливается вмешательство государства в экономику, общественную жизнь, его целенаправленное (а не от случая к случаю, как раньше) воздействие на социально-экономические процессы — государство встраивается в сам процесс общественного воспроизводства в качестве его важнейшего структурного звена. Этот феномен принимал различные формы.

В США пришедший к власти в 1933 г. президент-демократ Франклин Делано Рузвельт провозгласил политику так называемого «нового курса». Она включала ряд направлений.

1. Ужесточение государственного контроля за финансовой системой. В начале правления Рузвельта все банки были закрыты, а затем вновь открыты только «здоровые» банки. Остальные же подверглись реорганизации. Функции Федеральной резервной системы — государственного органа, созданного в 1913 г. для контроля за банковскими операциями, были расширены таким образом, чтобы она могла пресекать чрезмерную эмиссию.

2. Принудительное картелирование промышленности. В соответствии с принятым 16 июня 1933 г. Законом о восстановлении промышленности — НИРА — ассоциации монополий получали право формулировать «кодексы честной конкуренции», а президент — санкционировать их, превращая в правовую норму. В кодексах фиксировались цены, ниже которых нельзя было продавать изготовленную продукцию, объем производства, определялись условия труда.

3. Регулирование сельского хозяйства с целью увеличения фермерского дохода. Государство компенсировало фермерам сокращение посевных площадей и поголовья скота; уменьшение предложения сельскохозяйственной продукции

на рынке стимулировало рост цен на нее; одновременно удешевлялся кредит для фермеров.

4. Сильную социальную политику. В целях борьбы с безработицей государством были организованы масштабные строительные работы. Демократизировалось положение на рынке труда: рабочим предоставлялись права на организацию и на заключение коллективных соглашений с работодателями через представителей, избранных по собственному усмотрению, без давления со стороны предпринимателей. Государство отныне предоставляло наемным работникам определенные социальные гарантии: законодательно фиксировались максимум продолжительности рабочей недели и минимум заработной платы.

«Новый курс» осуществлялся в условиях сохранения и развития политической демократии («мягкий» вариант).

В Германии после прихода к власти в 1933 г. национал-социалистов процессы этатизации разворачивались параллельно со свертыванием парламентской демократии («жесткий» вариант). Через несколько месяцев после прихода к власти А. Гитлера Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП) превратилась в монополично правящую: буржуазные партии объявили о самороспуске, Коммунистическая партия Германии была вынуждена уйти в подполье. Резко увеличивается численность нацистской партии: с 850 тыс. членов на 30 января 1933 г. до 2 млн. 450 тыс. на 1 мая 1933 г. и до 6 млн. к маю 1945 г.

Партия опиралась на развитую систему идеологического манипулирования сознанием народа, разветвленный террористический аппарат, а также на многочисленные массовые организации. Их было несколько категорий. Первую составляли так называемые «подразделения НСДАП» (созданные в 1921—1923 гг.): штурмовые отряды СА, отряды СС, корпус автомобилистов, «Гитлерюгенд» («Гитлеровская молодежь»), союз студентов, организация женщин, союз школьников. Во вторую категорию — так называемые «примыкающие» организации — входили благотворительная организация «Народное благополучие», союз врачей и союз учителей. К «опекаемым НСДАП» организациям, которые существовали до середины 30-х гг., относились союз юристов, Союз борьбы за немецкую культуру и первоначальная опора нацистов на предприятиях — Организация фабрично-заводских ячеек (1931—1935). После прихода НСДАП к власти число руководимых ею организаций значительно выросло. В 1933 г. были распущены традиционные профсоюзы, а все немецкие

рабочие насильственно объединены в «Германский трудовой фронт» (ДАФ), куда вошли и предприниматели (более развитые формы корпоративизм получил в фашистской Италии). Так претворялся в жизнь лозунг А. Гитлера о замене классовой борьбы «единением всего народа». В результате каждый немец оказался вовлеченным в ту или иную организацию в зависимости от профессии, возраста и пола.

При нацистах резко усилилось государственное вмешательство в хозяйственные процессы. Для координации экономики в масштабе страны был создан Генеральный совет германского хозяйства, на котором обсуждались планы хозяйственного развития. Был принят закон о принудительном картелировании мелких предприятий, согласно которому ликвидировались все общества с капиталом менее 100 тыс. марок и запрещалось образование новых с капиталом менее 500 тыс. марок. Принятый 27 февраля 1934 г. Закон о подготовке органического построения германской экономики внес коренные изменения в управление народным хозяйством, распространив на него принцип фюрерства. Все предпринимательские союзы переходили в подчинение министерства экономики и возглавлялись «фюрером (вождем) германского хозяйства». Хотя вскоре пост «фюрера германского хозяйства» был ликвидирован, но принцип фюрерства в экономике остался неизменным. Была создана общенимперская экономическая палата, которой подчинялись 6 имперских хозяйственных групп: промышленности, банков, торговли, энергетики, страхования и ремесла. Кроме того, существовали 18 экономических территориальных палат и многочисленные группы и подгруппы. Во главе каждой из этих единиц были поставлены «фюреры» — крупные монополисты, наделенные неограниченной властью в области форсирования производства вооружений, распределения заказов, сырья, установления цен.

Принцип фюрерства был проведен вплоть до предприятия. Согласно Закону о порядке национального труда от 20 января 1934 г. отменялись все положения о заводских советах, тарифных договорах, третейских судах, все правила, регулировавшие продолжительность рабочего времени, охрану труда, внутренний распорядок и т.п. Владелец предприятия становился «фюрером», который единолично мог устанавливать расценки, нормы выработки, длительность рабочего дня, штрафы и наказания. Все несогласные с «фюрерскими» порядками отправлялись в концлагеря.

Недемократические режимы различной степени «жесткости» устанавливаются и в ряде «периферийных» европейских стран: в Италии (еще с 1922 г.), Испании, Венгрии и др., а также в Японии.

Существовала достаточно тесная зависимость между наличием (или отсутствием) у той или иной великой державы «своего» сегмента мирового рынка и степенью «жесткости» политического режима в ней в период перехода к регулируемому рыночному хозяйству.

Перекачивая ресурсы из колоний в имперские центры, Англия и Франция смогли смягчить для народных масс метрополий трудности переходного периода; в результате кипение в «социальном котле» не дошло здесь до критической точки, что позволило сохранить в этих странах политическую демократию. США, формально не обладавшие колониями (хотя с рубежа веков усиливается их всесторонняя экспансия в страны Латинской Америки), добились сходного результата благодаря достигнутому в предшествующий период «запасу прочности»: накопленные в период первой мировой войны и в 20-е гг. финансовые ресурсы позволили американскому истеблишменту проводить и в условиях кризиса достаточно гибкую социальную политику.

В иной ситуации оказались Германия и Япония. Потребности структурной перестройки экономики и отсутствие колониальных «резервов», несоответствие хозяйственного потенциала и внешних сфер влияния толкали лидеров этих стран на всемерную мобилизацию внутренних ресурсов для ускоренной милитаризации и последующей борьбы за передел мира. Использование мобилизационной экономической модели в условиях дефицита ресурсов привело к установлению здесь крайне «жестких» политических режимов (способных подавить недовольство политикой «затягивания поясов»). Причем, как только Германия и Япония, нарастившие военно-экономический потенциал, смогли отвоевать себе сферы влияния в Европе и Азии, они пошли по пути своих «демократических» соперников: Япония образовала торговую зону японской нены; Германия накануне второй мировой войны создала в Юго-Восточной Европе нечто вроде торгово-валютного блока, в котором немецким монополиям обеспечивалось полное господство. Обретенная «колониальная периферия», в свою очередь, способствовала стабилизации «жестких» режимов в Германии и Японии: имперские нации «подкармливались» за счет сателлитов.

Присутствие на арене мировой политики 30-х гг. нацеленных на передел мира режимов Германии и Японии все больше делало планету похожей на пороховую бочку, к которой подведен зажженный бикфордов шнур, длина которого неумолимо сокращается.

Этапы советской внешней политики. История отечественной внешней политики 30-х гг. стала в последнее время в нашей стране объектом острой идеологической борьбы. В центре полемики оказалась крайне политизированная уже в самой своей постановке проблема «виновников» второй мировой войны. Через средства массовой информации в общественное сознание усиленно внедряется идея равной (и преимущественной по отношению к другим странам) ответственности Германии и СССР за ее развязывание. Более того, широкое распространение получила версия В. Суворова (Резуна) о Советском Союзе как главном виновнике войны, изложенная в постоянно тиражируемых и рекламируемых, начиная с 1992 г., книгах «Ледокол» и «День М».

Изучение генезиса второй мировой войны (а не поиск «виновных») представляет собой сложнейшую научную проблему (в силу, прежде всего, ее неослабевающей политической остроты, предопределяющей все остальное: доступ к источникам, возможность неангажированных исследований и публикаций и т.д.). Не имея возможности в рамках настоящего краткого очерка остановиться на ней сколько-нибудь подробно, мы хотели бы адресовать читателя к интересным выводам отечественного исследователя М. И. Мельтюхова (кстати говоря, в отличие от большинства представителей академической элиты, положительно оценившего ряд аспектов книги В. Суворова). По его мнению, в любой исторической эпохе существует ряд государств, взаимоотношения которых являются определяющим для этого периода и региона. Ныне мы привычно называем такие государства «великими державами». Столь же широко известно, что между великими державами постоянно идет борьба за влияние на международной арене, которая периодически выливается в вооруженные столкновения.

В первой половине XX в. было семь великих держав: Англия, Франция, США, Германия, СССР, Италия и Япония. Ситуация 20—30-х гг. сложилась в результате двух основных событий: версальско-вашингтонских договоренностей и большевистского переворота в России. Доминирующее положение занимали Англия и Франция — фактически создатели этой международной системы. США, хотя и не были полно-

стью удовлетворены этой ситуацией, не собирались противостоять Англии и Франции в вооруженной борьбе, а рассчитывали использовать в своих интересах любой европейский конфликт, не вмешиваясь в него до поры до времени. Обделенные при дележе «добычи» после первой мировой войны, Италия и Япония были недовольны сложившейся системой, но ограничивались пока компенсацией в Эфиопии (Италия) и Китае (Япония), не решаясь на открытую борьбу с Англией и Францией. Советский Союз, строящий «новое общество», которое должно было в будущем охватить весь земной шар, не спешил открыто вмешиваться в борьбу за расширение своего влияния, предпочитая пропагандистскую кампанию и рассчитывая использовать в своих интересах любой конфликт между великими державами. И наконец, Германия, потерпевшая поражение в войне и понесшая существенные потери (территория и влияние), открыто заявила, особенно после 1933 г., о реваншистских и экспансионистских целях — создании в мире «нового порядка». Для полноты картины следует помнить и о наличии англо-французских противоречий.

Столь неустойчивое положение и стремление многих держав его пересмотреть не могли не привести к очередному военному столкновению между великими державами. Им и стала вторая мировая война. Поэтому обвинения В. Суворова, направленные в адрес только СССР, явно тенденциозны и фактически ничего не объясняют. Подготовка Советского Союза и Германии к борьбе за господство в Европе вполне понятна и естественна. Однако автор «Ледокола» осуждает эти действия СССР, но склонен оправдывать действия Германии. Вряд ли можно считать подобный двойной стандарт объективным подходом.

В крайне напряженной международной атмосфере конца 20-х — в 30-е гг. внешняя политика СССР прошла три основных этапа: 1) 1928—1933 гг. — в Европе союзнические отношения с Германией, расширение контактов с другими государствами, на Востоке — продвижение в Китай и активизация в Афганистане и Иране; 2) 1933—1939 гг. сближение с Англией, Францией и США на антигерманской и антияпонской основе, стремление сохранить сферы влияния на Востоке и избежать прямой конфронтации с Японией; 3) 1939—июнь 1941 гг. — сближение с Германией и Японией.

Если на первом и втором этапах Советский Союз стал-кивался с относительно стабильным положением на западных границах и стремился сохранить статус-кво в Европе, то

положение на восточных рубежах было иным. На Дальнем Востоке шли боевые действия с его участием и происходило изменение политической карты района. Наиболее яркими моментами в этих событиях были: советско-китайский вооруженный конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 г., японская агрессия в Маньчжурии и Шанхае в 1931—1932 гг., широкомасштабная японская агрессия в Китае в 1937—1945 гг., переход Синьцзяна (Восточного Туркестана), крайней западной провинции Китая, в советскую сферу влияния, советско-японские вооруженные столкновения на советско-маньчжурской и монгольско-маньчжурской границах.

Конфликт на КВЖД произошел летом — осенью 1929 г. в Северной Маньчжурии (северо-восточный район Китая). Через этот район проходила железная дорога, которая принадлежала, согласно соглашению 1924 г. между советским и центральным китайским (пекинским) правительствами, Советскому Союзу и Китаю на равных правах. Но к концу 20-х гг. китайская администрация дороги была оттеснена (причинами этого были более высокая компетенция советского персонала и целенаправленная политика советского руководства дороги), и она почти полностью превратилась в советское предприятие. Кроме самой дороги, КВЖД принадлежали телеграф, телефон, ремонтные мастерские и предприятия, грунтовые и шоссейные дороги, сунгарийская речная флотилия. До тех пор, пока Китай был раздроблен на территории, которые управлялись независимыми милитаристами, это не вызывало каких-либо осложнений. Но когда в 1928 г. к власти в Китае пришло правительство Чан Кайши, которое стало реально объединять китайские территории, положение резко изменилось. Попытка китайской администрации силой установить положение, адекватное договору 1924 г., привела к вооруженному конфликту, в ходе которого китайские войска прикрытия границы были разгромлены на их территории. Вооруженный конфликт завершился в декабре 1929 г., но потребовалось еще два года мучительных переговоров, чтобы восстановить политические отношения между двумя странами.

Советский Союз и Китай сблизил японская агрессия на Дальнем Востоке: в Маньчжурии (в сентябре 1931 г.) и в Шанхае (в марте 1932 г.). Захват японской квантунской армией к концу 1931 г. всей Маньчжурии привел, с одной стороны, к созданию военного плацдарма Японии на дальневосточных границах Советского Союза и на границах Внеш-

ней Монголии (после 1945 г. МНР), а с другой — к полному уничтожению влияния центрального китайского правительства в этом районе. Кроме того, напряженность между СССР и Японией резко возросла в связи с тем, что принадлежавшая Советскому Союзу КВЖД проходила теперь по территории, контролировавшейся Токио. Все это привело к тому, что в 1932 г. в Женеве были восстановлены дипломатические отношения между Китайской Республикой и СССР, несколько увеличился объем торговли между двумя странами, начались переговоры о заключении договора о ненападении. Однако до начала японо-китайской войны 1937 г. они не имели успеха. Препятствовали поддержка СССР Коммунистической партии Китая, ведущей вооруженную борьбу против правящей в Китае партии Гоминьдан, а также стремление сторон спровоцировать партнера на активные действия против Японии без собственного участия.

С конца 20-х и на протяжении 30-х гг. СССР наращивал свое экономическое, политическое и военное присутствие в Синьцзяне — районе Китая, населенном преимущественно тюрками-мусульманами. Оказывая всестороннюю помощь китайской администрации в ее борьбе с восставшим местным населением (от поставок оружия до ведения совместных с китайской армией военных действий), Советский Союз к середине 30-х гг. превратился практически в единственного торгового партнера китайской региональной администрации, принявшей откровенно просоветскую правительственную программу. Кроме того, в центральном и местных административных органах Синьцзяна находилось множество советских советников, которые, по существу, и определяли правительственный курс.

В июле 1937 г. Япония начала крупномасштабную военную агрессию против Китая. В течение двух лет японская армия захватила основные промышленные и сельскохозяйственные районы страны. Под угрозой неминуемого поражения китайское руководство пошло на сближение с СССР. В августе 1937 г. Советский Союз и Китай заключили договор о ненападении. Сразу после этого СССР предпринял массивные военные поставки Китаю, что помогло последнему сдержать наступление японской армии. В боях на стороне китайской армии участвовали советские инструкторы и «добровольцы-летчики». Вплоть до 1939 г. СССР оказывал активную поддержку Китаю, однако после подписания советско-германского пакта о ненападении (23 августа 1939 г.) резко

ее сократил, а после заключения советско-японского договора от 13 апреля 1941 г. прекратил практически полностью.

В июле—августе 1938 г. на советско-маньчжурской границе в районе озера Хасан (командующий советскими войсками В.К. Блюхер) и с 20 по 31 августа 1939 г. на маньчжурско-монгольской границе в районе реки Халхин-Гол (командующий Г.К. Жуков) произошли вооруженные столкновения между частями Красной Армии и японской квантунской армии. Стороны пытались оказать политическое давление на противника и выяснить его военный потенциал. Ни один из противников не смог добиться существенного преимущества, хотя Красная Армия в обоих случаях значительно улучшила свое положение на границе.

В отличие от Дальнего Востока, в Европе в начале десятилетия международные отношения отличались большей стабильностью. Советский Союз использовал эту ситуацию. На рубеже 20—30-х гг., по мнению французского исследователя Н. Верта, советские руководители стремились «всеми способами избегать любых конфликтов и провокаций, поскольку страна переживала период глубочайших экономических и социальных потрясений и была ими на какое-то время значительно ослаблена. Поэтому одновременно с преимущественным развитием отношений с Германией советская дипломатия направила свои усилия на расширение отношений с другими государствами, надеясь на увеличение торгового обмена с ними, необходимого для выполнения планов экономического строительства и обеспечения безопасности страны».

В октябре 1929 г. восстанавливаются дипломатические отношения с Англией (разорванные в мае 1927 г. английской стороной). В 1929—1932 гг. Советский Союз и Великобритания осуществляли активные дипломатические контакты и успешно развивали внешнеэкономические связи. В 1929—1930 гг., например, СССР приобрел около 70% экспортируемых Англией станков. В марте 1933 г. в связи с арестом в СССР ряда английских специалистов, обвиненных во вредительстве, Лондон ввел эмбарго на ввоз в Великобританию советских товаров. Арест английских специалистов был вызван стремлением Москвы оказать давление на английское правительство, проводившее активную антикоммунистическую политику внутри Британской империи и на международной арене. После освобождения английских специалистов, возмещения им материального ущерба и выезда их из страны конфликт был улажен и эмбарго отменили.

Также не без шероховатостей, но в целом успешно складывались в первой половине 30-х гг. советско-французские отношения. В 1930—1931 гг. они резко обострились. Французское правительство обвинило СССР во вмешательстве во внутренние дела страны. Оно утверждало, что Москва использует официальные представительства для руководства местными коммунистами и оказания им материальной поддержки. В целях пресечения подрывной деятельности парижские власти арестовали в 1930 г. ценности советского торгового представительства, а правительство ввело ограничения на импорт советских товаров. В конце 1931 г. отношения начинают улучшаться. Это было вызвано прежде всего ростом реваншистских настроений в Германии, что побуждало страны, подписавшие Версальский мирный договор и заинтересованные в сохранении послевоенного статус-кво, искать геополитический противовес возрождающемуся немецкому государству. В ноябре 1932 г. между СССР и Францией был заключен договор о ненападении. В том же году аналогичные соглашения заключили с СССР Финляндия, Латвия и Эстония — государства, шедшие в фарватере внешнеполитического курса Франции.

В начале 30-х гг. единственной великой державой, не признавшей СССР, оставались США. Несмотря на это, советско-американская торговля развивалась довольно успешно: в 1930 г. Советский Союз занял второе, а в 1931 г. — первое место в импорте машин и оборудования из США. Однако летом 1930 г., обвинив Москву во вмешательстве в свои внутренние дела, Вашингтон ввел дискриминационные меры против советского экспорта. Это привело к тому, что Советский Союз вынужден был в 1932 г. сократить импорт из США, который уменьшился более чем в 8 раз.

Наибольшей стабильностью отличались в этот период отношения СССР с Германией: с 1922 по 1932 г. во взаимоотношениях двух стран не произошло ни одного сколько-нибудь серьезного конфликта. Успешно развивалась торговля. Немецкий экспорт в СССР стимулировал восстановление германской тяжелой промышленности. В 1931 г. Берлин предоставил СССР долгосрочный кредит в 300 млн. марок для финансирования импорта из Германии. Доля Германии в импорте Советского Союза выросла с 23,7% в 1930 г. до 46,5% в 1932 г. В 1931—1932 гг. СССР занимал первое место в германском экспорте машин (в 1932 г. 43% всех экспортированных немецких машин были проданы в СССР).

Установление в 1933 г. в Германии диктатуры национал-социалистов, уничтоживших в стране коммунистическое движение, вызвало смену ориентиров советской внешней политики. Пленум Исполкома Коминтерна в конце 1933 г. охарактеризовал фашистскую Германию как главного поджигателя войны в Европе. Отнюдь не драматизируя в своих отношениях с Германией фактора идеологической солидарности (разгром нацистами крупнейшей европейской компартии), продолжая стратегическую линию на уклонение от вовлечения в любой серьезный вооруженный конфликт (учитывая осуществляемые внутри страны грандиозные социально-экономические преобразования), Советский Союз стал проявлять большую открытость в отношении западных «демократий» и большую заинтересованность в создании системы коллективной безопасности в Европе, включая Германию.

Первыми реальными достижениями «нового курса» были установление в ноябре 1933 г. дипломатических отношений между СССР и США (Соединенные Штаты подвигли на этот акт расширяющаяся агрессия Японии на Дальнем Востоке и приход к власти в Германии реваншистской нацистской партии) и принятие СССР в сентябре 1934 г. в Лигу Наций (международную организацию, близкую по характеру деятельности к послевоенной ООН). Причем, Советский Союз возвращался в Лигу Наций на своих собственных условиях: все споры, и прежде всего по поводу долгов царского правительства, были решены в его пользу.

Одновременно нарастала напряженность в советско-германских отношениях 26 января 1934 г. Германия заключила договор с Польшей, расцененный советским руководством как серьезный удар по всему предшествующему советско-немецкому сотрудничеству. Растущая германская угроза заставила советских руководителей с вниманием отнестись к предложениям, сформулированным в конце мая 1934 г. министром иностранных дел Франции Л. Барту. Первое из них предусматривало заключение многостороннего пакта о взаимном ненападении всеми государствами Восточной Европы, включая Германию и СССР; второе предполагало заключение договора о взаимопомощи между Францией и Советским Союзом. Если «восточный пакт» осуществить не удалось, то франко-советский договор о взаимопомощи в случае любой агрессии в Европе (правда, не сопровождавшийся, в отличие от франко-русского договора 1891 г., военными соглашения-

ми) был подписан в Париже 2 мая 1935 г. и ратифицирован французской стороной 28 февраля 1936 г.

7 марта 1936 г. Гитлер квалифицировал ратификацию советско-французского договора как антигерманскую акцию, открывавшую «ворота Европы большевизму», что послужило для него предлогом для ремилитаризации Рейнской области. Франция и Великобритания ответили на эту германскую акцию лишь устным протестом. Между тем она серьезно изменила военно-политическую ситуацию в Европе. Военные гарантии, предоставленные Францией ее восточным союзникам, становились практически невыполнимыми: в случае войны с Германией, отныне надежно защищенной рейскими укреплениями, французская армия оказывалась неспособной быстро прийти на помощь странам Центральной и Восточной Европы. Положение усугублялось отказом Польши пропускать через свою территорию иностранные войска. Новая политическая реальность, когда западные демократии и Лига Наций оказались бессильны противостоять грубому натиску, а Версальский договор терял свою силу, наглядно продемонстрировала советским руководителям всю хрупкость европейского равновесия и необходимость сохранения в интересах собственной безопасности полной свободы рук.

Осознание этой жестокой реальности пришло к советскому руководству не сразу. В связи с вводом немецких войск в демилитаризованную Рейнскую зону Советский Союз предложил мировому сообществу принять коллективные меры против нарушителя международных обязательств. Но большинство членов Лиги Наций, и прежде всего Англия, не поддержали советские предложения, так как, с одной стороны, они надеялись путем уступок Германии превратить ее в надежного партнера в международных делах (так называемая политика «умиротворения»), а с другой — использовать немцев в качестве противовеса СССР.

Следующим шагом в высвобождении советского руководства из плена «продемократических» иллюзий стали гражданская война и интервенция Германии и Италии в Испании (1936—1939). После мятежа генерала Франко Советский Союз, как и другие великие державы, в августе 1936 г. объявил о своем невмешательстве в испанские дела (на данной политике особенно настаивали Франция и Великобритания). Однако, столкнувшись с фактами активной поддержки франкистов фашистскими государствами, СССР по дипломатическим каналам предпринял усилия к тому, чтобы убедить западные демократии, в первую очередь Францию, оказать по-

мощь Испанской республике и заставить Германию и Италию, к которым присоединилась Португалия, прекратить вмешательства во внутренние дела Испании.

Испанский конфликт, по крайней мере в начальный его период, рассматривался Сталиным как событие, позволяющее найти точки соприкосновения с западными демократиями в деле реализации идеи коллективной безопасности в Европе. Нельзя не согласиться с мнением итальянского историка Д. Боффа, отмечавшего, что испанский вопрос был для советской дипломатии той почвой, на которой Москва могла надеяться связать Францию и Великобританию твердыми обязательствами по борьбе против двух фашистских государств и, следовательно, заручиться реальными гарантиями взаимной безопасности. Но по мере того как Франция и Англия все более склонялись к поиску компромисса с Германией и Италией за счет третьих стран, стремясь не столько обуздать фашистскую агрессию, сколько снизить угрозу своим интересам и сохранить свои позиции в мире, менялись и внешнеполитические планы Советского Союза. В советском руководстве, и прежде всего у Сталина, возродились бывшие антианглийские и антифранцузские предубеждения, тем более что правительства Англии и Франции все более открыто демонстрировали свои сомнения в возможности сотрудничества с Советским Союзом в борьбе против фашистских держав.

Но только ли внешнеполитические планы менялись у Сталина? Сопоставим два, на первый взгляд, никак не связанных друг с другом события. Поворот в советской политике в отношении Испании (от невмешательства к активной поддержке республиканцев) произошел в середине сентября 1936 г., когда (не без определенных колебаний и сомнений) Политбюро ЦК ВКП(б) поручило начальнику разведывательного управления НКВД С. Урицкому и начальнику иностранного отдела НКВД А. Слуцкому разработать план мероприятий по «Х» (Испании). Этот план был одобрен 29 сентября 1936 г. Он предусматривал создание за границей специальных фирм для закупки и отправки в Испанию оружия, военных материалов и техники. Различные наркоматы и ведомства получили указания по организации военных поставок непосредственно из СССР. Было также решено направить в Испанию военных советников.

А несколькими днями ранее происходит событие, никак вроде бы не связанное с Испанией: 25 сентября 1936 г. Сталин и Жданов, отдыхавшие в Сочи, отправили в Москву

телеграмму, знаменовавшую приближение событий, которые народ вскоре назовет «ежовщиной». Через несколько часов члены Политбюро прочитали следующий текст: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года». Но, быть может, совпадение этих двух событий (краха надежд на обуздание фашистской агрессии в союзе с «демократиями» и начала «ежовщины») не случайно? Не подтолкнула ли испанская драма Сталина к «большому террору», очевидно призванному, по его расчетам, ликвидировать накануне неизбежной, как он теперь полагал, войны потенциальную «пятую колонну»?

Последующие международные события не могли добавить Сталину оптимизма в отношении его «демократических» коллег. В марте 1938 г. гитлеровцы оккупировали Австрию. Советский Союз предложил немедленно созвать международную конференцию для принятия мер против агрессии. Советское правительство сообщило, что оно готово участвовать в коллективных действиях против распространения агрессии. «Завтра может быть уже поздно, — заявил М.М. Литвинов представителям печати 17 марта 1938 г., — но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира». Однако исчезновение с карты Европы австрийского государства прошло незамеченным для Лиги Наций и представленных в ней государств.

Кульминацией курса на «умиротворение» Германии и подталкивание ее агрессии в восточном направлении стала встреча в Мюнхене в сентябре 1938 г. глав правительств Германии, Италии, Англии и Франции. Лидеры «демократий» — в который раз! — удовлетворили территориальные притязания Гитлера: промышленно развитая Судетская область Чехословакии была отдана Германии.

15 марта 1939 г. немцы оккупировали уже всю Чехословакию. 21 марта они потребовали от Польши передать Данциг Германии. На следующий день германские войска вступили в литовскую область Клайпеду. В конце месяца после почти трехлетней героической борьбы пала Испанская республика. Прошло еще несколько дней, и войска Муссолини захватили Албанию. В этой взрывоопасной обстановке под давлением общественности своих стран правящие круги Ан-

глии и Франции оказываются вынужденными пойти на определенное сближение с СССР, очевидно, стремясь использовать его в качестве противовеса Германии.

Реальные контакты между Англией, Францией и СССР по поводу германской угрозы начались в марте 1939 г. В апреле 1939 г. эксперты трех стран впервые стали рассматривать проекты договора о взаимопомощи в связи с возможной германской агрессией. Переговоры шли очень тяжело. Ни одна из сторон не хотела брать на себя однозначные обязательства вступать в войну в случае начала боевых действий против кого-либо из возможных союзников. «Младшие» партнеры Англии и Франции — Румыния, Польша и страны Прибалтики — резко негативно высказывались о предложении Советского Союза предоставить ему право вводить войска на территории этих стран в случае немецкой агрессии, очевидно, опасаясь, что они не будут выведены оттуда никогда. Несмотря на разность подходов, постепенно стороны стали находить общие точки соприкосновения и сближать свои позиции. Это привело к проведению в Москве 12—21 августа 1939 г. переговоров английской, французской и советской военных миссий. Основные противоречия возникли при обсуждении вопросов о количестве выставляемых советских дивизий, о гарантиях оказания помощи союзникам в случае конфликта и праве прохода советских войск через территорию Польши и Румынии (без этого права, в случае агрессии Германии, советские войска не могли вступить в соприкосновение с немецкими). К 17 августа переговоры зашли в тупик.

Практически одновременно с началом переговоров с Англией и Францией с весны 1939 г. СССР приступил к осторожному зондажу немецких позиций с целью возможного сближения. В свою очередь, Гитлер был крайне заинтересован в скорейшем выяснении позиций Советского Союза, поскольку исчерпал все возможности уступок со стороны Запада и решил продолжить свою игру по расшатыванию международной системы теперь уже при помощи Востока.

Столкнувшись с тупиковой ситуацией на переговорах с «демократиями», советское руководство пошло на сближение с немцами. В ходе предварительных секретных переговоров между Германией и Советским Союзом были достигнуты договоренности, приведшие к подписанию в Москве 23 августа 1939 г. министром иностранных дел Германии Риббентропом и народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым пакта о ненападении. В дополнительном

секретном протоколе к договору разграничивались «сферы интересов» Германии и СССР в Восточной Европе: Польша становилась немецкой «сферой интересов», за исключением восточных областей, а Прибалтика, Восточная Польша (т.е. Западная Украина и Западная Белоруссия), Финляндия, Бессарабия и Северная Буковина (часть Румынии) — «сферой интересов» СССР. Таким образом, СССР возвращал утраченные в 1917—1920 гг. территории бывшей Российской империи. Заключение советско-германского пакта привело к прекращению всех дипломатических контактов между Англией, Францией и СССР, отзыву английской и французской делегаций из Москвы, хотя советское руководство и предлагало продолжить переговоры.

В последние годы в материалах Комиссии по политико-правовой оценке советско-германского договора во главе с А.Н. Яковлевым, в российской прессе пакт «Риббентропа—Молотова» неоднократно подвергался суровой критике. Он трактовался как проявление агрессивности Советского Союза, стремления его руководства к экспансии. Не имея возможности в рамках краткого очерка подробно рассмотреть эту непростую проблему, сошлемся на любопытные выводы, к которым пришла специально ее изучавшая, в том числе по документам МИД России, японская исследовательница Х. Сайто: «Колеблясь между системой коллективной безопасности и Гитлером, причем колебания продолжаются даже в середине августа (1939 г. — М.Г.), Сталин и Молотов выбирают договор с Гитлером. С уверенностью можно сказать, что целью их политики были мир и безопасность как в Восточной Европе, так и ... в самом СССР. Способы сохранить мир на тот момент были представлены сближением с фашистской Германией, с одной стороны, и построением системы коллективной безопасности — с другой...

С 4 августа по 13 августа Германии принадлежала инициатива в вопросе о разделе сфер влияния между Германией и СССР. Однако СССР, только что начавший переговоры по вопросу о кредитно-финансовых отношениях с Германией, всячески избегал темы разделения сфер влияния. Как это ни невероятно прозвучит, основной причиной этого была еще не потерянная надежда на создание трехстороннего союза — СССР, Англии и Франции. 2 августа, в конце концов, в Москву прибыли английская и французская военные комиссии». И лишь после того, как на «этих переговорах о наличествующих разногласиях не было решено ничего» (японская исследовательница отмечает: «советская миссия на пе-

реговорах была полномочной, чего нельзя сказать об английской»), СССР пошел на сближение с Германией.

Начало второй мировой войны. На рассвете 1 сентября 1939 г. войска германского вермахта в соответствии с планом «Вайс» внезапно развернули боевые действия против Польши. Используя подавляющее превосходство в силах и средствах, сосредоточив крупные массы танков и авиации на направлениях главных ударов, нацистское командование смогло быстро добиться крупных оперативных результатов. Несмотря на то что Франция, Великобритания и страны Британского содружества сразу же объявили войну Германии, они так и не оказали Польше эффективной и реальной помощи. После того как польское правительство покинуло Варшаву, советские войска, почти не встречая сопротивления, с 17 по 29 сентября заняли районы Западной Белоруссии и Западной Украины (т.е. свою «сферу интересов», согласно секретным статьям пакта «Риббентропа—Молотова»). 28 сентября 1939 г. первая кампания второй мировой войны была завершена. Польша перестала существовать.

В тот же день в Москве был заключен советско-германский договор «О дружбе и границе», определивший границу между СССР и Германией приблизительно по «линии Керзона». Новые секретные договоренности предоставляли СССР возможность «свободы действий» в создании «сферы безопасности» у его западных границ, закрепляли присоединение западных областей Белоруссии и Украины, позволили Советскому Союзу заключить договоры «о взаимной помощи» 28 сентября 1939 г. с Эстонией, 5 октября — с Латвией, 10 октября — с Литвой. Согласно последнему договору, Литве был передан город Вильно (Вильнюс) и Виленская область, отторгнутые Польшей в 1920 г. По данным соглашениям СССР получил право размещения в республиках Прибалтики своих войск и создания на их территориях морских и воздушных баз, что было оговорено в специально заключенных военных конвенциях; гестапо были переданы сотни немецких антифашистов, скрывавшихся в СССР от нацистов.

12 октября 1939 г. СССР предложил Финляндии заключить договор «о взаимной помощи», предусматривающий, в частности, передачу Советскому Союзу ряда важных в стратегическом отношении территорий вблизи Ленинграда (за более значительную территориальную компенсацию). Однако финское руководство отказалось от соглашения. 28 ноября 1939 г. СССР в одностороннем порядке денонсировал договор о ненападении с Финляндией от 1932 г. и утром 30

ноября начал боевые действия против финнов. Они продолжались почти четыре месяца. Рассчитывая на быструю победу, войска Ленинградского округа в условиях зимней стужи, без достаточной подготовки пошли на штурм глубоко эшелонированной «линии Маннергейма», но, столкнувшись с мужественным сопротивлением финнов, понесла значительные потери, вскоре были вынуждены приостановить наступление. Оно было успешно продолжено только после месячной подготовки в феврале 1940 г.

12 марта 1940 г. в Москве был подписан советско-финляндский мирный договор, учитывавший предъявленные СССР территориальные претензии. Советско-финская граница на Карельском перешейке и в некоторых других районах была передвинута на несколько десятков километров в сторону Финляндии. Тем самым была укреплена безопасность Ленинграда, Мурманска и Мурманской железной дороги. У входа в Финский залив на полуострове Ханко Советский Союз получил возможность построить военно-морскую базу (территория полуострова была отдана Финляндией СССР в аренду на 30 лет с ежегодной уплатой 8 млн. финских марок). В ходе войны Советский Союз понес значительные людские потери: действующая армия потеряла до 75 тыс. человек убитыми и до 170 тыс. ранеными и обмороженными.

В политическом плане эта война нанесла Советскому Союзу, его международному престижу серьезный ущерб. 14 декабря 1939 г. Совет Лиги Наций принял решение об исключении его из этой организации, осудил действия СССР, направленные против финляндского государства, и призвал государства — члены Лиги Наций оказать поддержку Финляндии. На помощь финнам готовился отправиться англо-французский экспедиционный корпус.

Весной 1940 г. войска немецкого вермахта начали широкомасштабную военную операцию в Западной Европе. В соответствии с планом «Везерюбунг» 9 апреля 1940 г. ударная группировка немецких войск (около 140 тыс. личного состава, до 1000 самолетов и все силы флота) совершила нападение на Данию и Норвегию. Дания, имевшая всего лишь 13-тысячную армию, была оккупирована за несколько часов, а ее правительство сразу же объявило о капитуляции.

Иначе складывалась обстановка в Норвегии. Норвежские вооруженные силы сумели избежать разгрома и отойти в глубь страны. В помощь им были высажены англо-французские войска, которые к 17 апреля уже в несколько раз превышали численность армии агрессора. Успешно действовал

на море англо-французский флот, потопивший 28 боевых кораблей Германии. Вооруженная борьба грозила стать затяжной. В этой ситуации немцы открывают новый фронт. 10 мая 1940 г. Гитлер начал наступление по плану «Гельб», предусматривавшему молниеносный удар по Франции через Люксембург, Бельгию и Нидерланды (т.е. в обход сильно укрепленной французской оборонительной линии «Мажино»). Для осуществления этой операции было привлечено 136 дивизий вермахта. Прорвав оборону в районе Седана, 20 мая немецкие войска вышли к Ла-Маншу, изолировав северную группировку англо-французских войск. Блокированным у крупного порта Дюнкерка частям английского экспедиционного корпуса и французских войск к 4 июня 1940 г. удалось эвакуироваться на Британские острова, потеряв при этом всю тяжелую военную технику.

Одновременно под танковыми ударами вермахта основные силы французской армии отходили к Парижу, который 10 июня покинуло правительство. В этот же день в войну с Англией и Францией вступила Италия, а германские войска без боя вошли в Париж. 22 июня 1940 г. в лесу под Компьеном был подписан акт о капитуляции Франции, по которому северная ее территория оккупировалась Германией, а южные области оставались под контролем коллаборационистского правительства маршала А. Петена (так называемый «режим Виши»).

Поражение Франции привело к резкому изменению стратегической обстановки в Европе. Над Великобританией, где 10 мая 1940 г. на смену «мюнхенцу» Н. Чемберлену к власти пришло правительство «национального единства» во главе с У. Черчиллем, нависла угроза германского вторжения. В связи с отказом Черчилля пойти на «почетный мир» с Берлином 16 июля 1940 г. фюрер утвердил директиву № 16 (план «Зеелев»), предусматривавшую подготовку к десантной операции на Британские острова. С августа 1940 г. начались систематические массированные бомбардировки Лондона и других английских городов, продолжавшиеся в течение 10 месяцев (так называемая «битва за Англию», в ходе которой люфтваффе сбросили на мирные населенные пункты 60 тыс. т бомб). Одновременно развернулась война на море. На морских коммуникациях, особенно в Атлантике, хозяйничали немецкие подводные лодки, которые ежемесячно топили по 100—140 английских торговых судов. Битва в воздухе и на море имела целью нарушить снабжение Британских островов и принудить тем самым Великобританию просить мира.

Гитлер скептически относился к десанту в Англию сухопутных сил, склоняясь к мысли о том, что воздушная и морская блокада метрополии фактически выведут Англию из войны. Таким образом, с лета 1940 г. фронт на западе фактически перестал существовать, грядущее столкновение Германии и СССР стало приобретать все более реальные очертания.

В самый разгар победных маршей вермахта по Франции руководство СССР предприняло шаги для дальнейшего укрепления «сферы безопасности» на западных и юго-западных границах. 14 июня 1940 г. правительство СССР в ультимативной форме потребовало от Литвы формирования нового правительства, «которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского договора о взаимопомощи» и согласия на немедленный ввод в Литву необходимого для обеспечения безопасности контингента советских войск. Аналогичные ультиматумы последовали 16 июня к Латвии и Эстонии. Зажатые между Германией и СССР, прибалтийские республики пошли на мирное выполнение требований Москвы. Уже через несколько дней в этих республиках были созданы «народные правительства», которые вскоре установили в Прибалтике Советскую власть. Вслед за этим 28—30 июня 1940 г. после проведения взаимных консультаций между СССР и Германией районы Бессарабии и Северной Буковины — бывшие территории России, оккупированные Румынией еще в 1918 г., — были присоединены к Советскому Союзу. Таким образом, в 1940 г. в состав СССР были включены территории с населением 14 млн. человек, а западная граница отодвинута на запад на 200—600 км. На VIII сессии Верховного Совета СССР (2—6 августа 1940 г.) данные территориальные приобретения были юридически оформлены законами об образовании Молдавской ССР и принятии в состав Союза трех прибалтийских республик. Таким образом, в предвоенные годы советское руководство вернуло почти все утраченные в результате острейшего кризиса 1917—1920 гг. российские территории (за исключением Финляндии и Польши).

Влияние внешнего фактора на развитие СССР. Мировые процессы оказывали непосредственное воздействие на внутреннее развитие СССР. Необходимость преодоления технико-экономической отсталости страны при отсутствии внешних источников накопления, сегментации мирового рынка, затруднявших использование преимуществ международного разделения труда; при постоянной угрозе новой мировой войны, а также «доктринальное нетерпение» подтал-

кивали советских лидеров к всемерной мобилизации внутренних ресурсов для ускоренной индустриализации, создания развитого военно-промышленного комплекса. Это, в свою очередь, способствовало резкому увеличению «перекачки средств» из сельского хозяйства в промышленность, проведению политики «затягивания поясов» в социальной сфере, «закручивания гаек» в политике, усилению давления идеологического пресса в пропаганде и в духовной культуре в целом.

В заключение этого раздела хотелось бы остановиться на проблеме военной опасности для СССР. В последних популярных публикациях часто прослеживается следующая цепочка рассуждений: сталинский режим, обосновывая необходимость экономического «форсажа» в конце 20-х гг., всячески раздувал мифическую в этот период для страны «военную опасность»; поскольку же реальной внешней угрозы для СССР тогда не было (в штабах потенциальных противников отсутствовали разработанные планы нападения на Советский Союз), постольку курс на форсированное развитие был авантюристическим, ничем (кроме властолюбивых амбиций Сталина) не обоснованным насилием над историей и народом.

Согласимся с тем, что серьезной военной угрозы для СССР в конце 20-х — начале 30-х гг (по крайней мере, в Европе) не существовало. Однако реальный политик должен рассчитывать свои «ходы» не на год-два вперед, а на длительную перспективу. Думается, в конце 20-х гг. при выработке экономической стратегии для советского руководства был ключевым не анализ состояния международных отношений в 1927 г. и в ближайшие годы, а осознание прогрессирующей экономической отсталости СССР, делавшей его потенциально уязвимым при любом возможном обострении международной ситуации. Бремя власти обязывало действовать наверняка: пока внешние условия позволяют, как можно быстрее ликвидировать технико-экономическую отсталость, ибо «отставших бьют».

Некоторые рассуждения иных специалистов поражают инфантилизмом: в 1927 г. угрозы войны не было, значит, создавать современные капиталоемкие отрасли промышленности — базу военно-промышленного комплекса — не надо было; в 1933 г. Гитлер пришел к власти, значит, теперь об этом можно было бы подумать. Но ведь тяжелая промышленность не создается даже по мановению длани Сталина за один год. СССР понадобились две с половиной предвоенные пятилетки, чтобы развернуть машиностроение, химическую

промышленность, металлургию и т.д. Лишь на их основе можно было развивать и собственно военную промышленность. И, думается, главный просчет сталинского руководства не в том, что оно осуществило «форсаж», а в том, что оно запоздало с техническим перевооружением армии. И интересно, насколько больше оно «запоздало» бы с этим, если бы всерьез задумалось о развертывании новых индустриальных отраслей не в 1927 г., а, скажем, в 1933 г.? И так, как это не покажется парадоксальным, но, на наш взгляд, «нормальное» экономическое развитие в конце 20-х — 30-е гг. для СССР было бы авантюрой; «авантюрный» же индустриальный скачок выступал как наиболее реалистический вариант социально-экономического развития.

§ 2. Технологический прорыв

Проблема инвестиций и форсированное развитие. В 30-е гг. перед советской экономикой встали принципиально иные задачи, чем в предшествующее десятилетие. Чтобы восстановить экономику (императив 20-х гг.), было в принципе достаточно задействовать имевшееся промышленное оборудование и вновь ввести в хозяйственный оборот довоенные посевные площади. А для этого требовались оборотный капитал (средства на покупку сырья, найм рабочей силы и реализацию продукции) и отчисления на амортизацию (поддержание в рабочем состоянии оборудования), т.е. сравнительно незначительное количество финансовых ресурсов. Решение этих проблем вполне обеспечивала нэповская хозяйственная модель, на основе которой к концу 20-х гг. восстановительный период и был в целом успешно завершен.

Народное хозяйство как бы вернулось к уровню развития, на котором оно находилось в предреволюционный период (точнее, к уровню середины 1916 г. — «пику» развития дореволюционной российской экономики; позже кривая экономического роста вплоть до начала 20-х гг. пошла резко вниз). Перед страной встала задача, решение которой оказалось «отсроченным» полутора десятилетиями войн, революций, восстановления, — задача завершения индустриализации, создания индустриальной структуры экономики. Ее выполнение требовало развертывания технологически сложных отраслей тяжелой промышленности (энергетики, металлургии, машиностроения, химической промышленности и т.д.) с длительным сроком оборота капитала (срок

окупаемости объектов тяжелой индустрии насчитывал несколько лет), т. е. подразумевало огромные инвестиции в народное хозяйство страны.

Если одним странам решить проблему инвестиций помогала перекачка ресурсов из колоний, другим — массированный приток иностранного капитала, а зачастую и то и другое вместе взятые, то у СССР колоний не было, иностранный капитал вниманием его не баловал. Для сравнения: накануне первой мировой войны в руках иностранного капитала находилось около 70% выплавки чугуна и готовых изделий на Юге России, около 60% всей добычи российской нефти, около 90% капиталов электрических и электротехнических предприятий и т. д.; иностранные капиталовложения составляли свыше трети всех капиталовложений в ценные бумаги. Теперь же этот источник финансирования индустриального развития практически «выпал». Страна Советов оказалась в беспрецедентной в мировой истории ситуации. Ведь не секрет, что одной из решающих предпосылок «экономических чудес» на индустриальной стадии модернизации является массированное привлечение иностранных инвестиций и займов. Германия после первой и второй мировых войн, «бразильское чудо», пиночетовская Чили, азиатские «драконы» и т. д. Обратимся еще раз и к отечественному опыту: во второй половине XIX — начале XX в. первое и второе места по темпам промышленного развития делили США и Россия, они же усиленно импортировали капитал.

Но была и другая (помимо отсутствия инвестиций) причина острой нехватки капиталов: низкая эффективность изповской экономики. По подсчетам Г.И. Ханина, в промышленности в 1928 г. создавалось прибыли на 20% меньше, чем до войны, на железнодорожном транспорте — в 4 раза меньше, в обеих отраслях вместе — в 2 раза меньше. Проблему накопления капиталов обостряло также следующее обстоятельство: законодательно блокировался перелив внутренних частнокапиталистических средств в крупную и среднюю промышленность (частный капитал сюда просто не пускали).

Таким образом, нэп не обеспечивал необходимых накоплений для дальнейшего индустриального развития. Кроме того, и достигнутые на его основе успехи при ближайшем рассмотрении оказываются не столь значительными, как это может показаться на первый взгляд: на изповских рельсах не удавалось уменьшить степень отсталости советской эко-

номики по отношению к передовым западным странам (см. табл. 1).

Таблица 1

**Объем промышленного производства в СССР
по отношению к развитым западным странам (в %)**

Промышленная продукция	К США		К Англии		К Франции		К Германии	
	1913	1928	1913	1928	1913	1928	1913	1928
Электроэнергия	9	4	49	31	110	34	82	29
Добыча основных видов топлива (в пересчете на усл. топливо)	8	7	19	23	106	89	35	35
Чугун	15	9	44	49	51	33	38	24
Сталь	15	8	63	49	70	45	38	29
Цемент	13	6	69	42	101	44	39	32
Хлопчатобумажные ткани	40	30	31	—	—	—	—	—

Причем, в таблице приводятся официальные (завышенные) данные о состоянии советской промышленности.

Как уже говорилось, к концу 20-х гг. советская экономика фактически достигла предреволюционного уровня. Однако это утверждение справедливо, если абстрагироваться от общемировых процессов, рассматривать Россию изолированно. В сопоставлении же с передовыми западными странами предреволюционный уровень далеко не был достигнут. «Россия вроде и восстановила после войны экономику, вроде и размахнулась, но... до уровня 1913 г., — отметил американский исследователь М.Л. Левин, — а к 1928 г. пришла с устаревшим оборудованием. Россия бежала от отсталости, но отсталость неумолимо гналась за ней».

Таким образом, если Советское государство хотело оставаться субъектом мировой политики, оно не просто должно было завершить индустриализацию, а сделать это как можно быстрее.

Стратегия форсированной индустриализации. В период борьбы с так называемым правым уклоном стратегия форсированной индустриализации принимает достаточно четкие очертания. Суть ее была сформулирована И В Сталиным в речи на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г.

1. Быстрый темп индустриализации диктуется внешними и внутренними условиями нашего развития. Мы значительно

отстали в техническом отношении от передовых капиталистических стран, поэтому «нужно... догнать и перегнать эти страны... в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут».

2. «Быстрый темп развития индустрии вообще, производства средств производства в особенности, представляет основное начало и ключ индустриализации страны... Это значит — побольше капитальных вложений в промышленность. А это ведет к напряженности всех наших планов»

3. В чем причина этой напряженности? «Реконструкция промышленности означает передвижку средств из области производства средств потребления в область производства средств производства. Без этого не бывает и не может быть серьезной реконструкции промышленности, особенно в наших, советских условиях [учитывая отсутствие внешних инвестиций. — М.Г.]. Но что это значит? Это значит, что вкладываются деньги в строительство новых предприятий, растет количество городов и новых потребителей, тогда как новые предприятия могут дать новую массу товаров лишь через 3—4 года».

4. Необходимость ускоренной индустриализации диктовалась и отсталостью аграрного сектора. Чтобы ее ликвидировать, нужно было обеспечить аграрный сектор орудиями и средствами производства, что подразумевало «быстрый темп развития нашей индустрии». В области сельского хозяйства предлагалось обратить особое внимание на колхозы и совхозы.

В последующие годы стратегия индустриализации конкретизировалась, дополнялась; в окончательном виде ее основные черты обобщил Р.А. Белоусов: 1) сконцентрировать огромные материальные, финансовые и людские ресурсы на нескольких ключевых участках, которые должны были служить на последующих этапах опорной площадкой для технической реконструкции сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, транспорта и других отраслей; 2) широко использовать достижения мировой науки и техники, чтобы выиграть время, т.е. максимально сократить, а по возможности и миновать уже пройденные мировой (но не отечественной) экономикой стадии технологического развития. При этом импорт машин и оборудования служил в первую очередь для развертывания на мировом уровне собственной машиностроительной базы, с тем чтобы в последующем осуществлять техническую реконструкцию других отраслей преимущественно за счет отечественного производства средств

производства; 3) быстро распространять передовой опыт, а также лучшие достижения в области технологии и организации труда при помощи директивного планирования.

Таким образом, в конкретно-исторических условиях конца 20-х — в 30-е гг. в советском варианте индустриализации акцент делался не на постепенном замещении импорта все более сложных промышленных изделий (как, например, в латиноамериканской модели, в дореволюционной России и др.), а на развитии самых передовых в ту эпоху отраслей: энергетики, металлургии, химической промышленности, машиностроения и др., являвшихся материнской основой военно-промышленного комплекса и одновременно «индустриализующей промышленностью» — передаточным механизмом индустриальной технологии в другие секторы производственной деятельности.

Механизм реализации этой модели индустриального роста можно проиллюстрировать на примере развития советской авиации. В июле 1929 г. ЦК ВКП(б) в постановлении «О состоянии обороны СССР» определил стратегическую директиву: «Считать, что важнейшей задачей на ближайшие годы в строительстве красной авиации является скорейшее доведение ее качества до уровня передовых буржуазных стран, и всеми силами следует насаждать, культивировать и развивать свои, советские научно-конструкторские силы, особенно в моторостроении».

Выполняя полученное задание, два крупнейших конструкторских центра страны: ЦАГИ, которым руководил А.Н. Туполев, и КБ под руководством Н.Н. Поликарпова, а также конструкторские бюро меньшего масштаба, моторостроители — создают новые типы самолетов и авиадвигателей. Их массовое производство потребовало многократного расширения производственной базы, организации новых крупных авиазаводов, и ЦК партии принимает постановление о строительстве мощных самолетных, моторных и приборных заводов. В 30-е гг. была создана достаточно развитая авиационная промышленность.

После того как в ходе испанской войны обнаружилось отставание советской авиации от немецкой по ряду важнейших параметров, ЦК ВКП(б) в начале 1939 г. ставит задачу скорейшего преодоления наметившегося отставания, меняет руководство Наркомата авиационной промышленности, заказывает одновременно нескольким КБ разработку новых типов самолетов (стимулируя конкуренцию самолетостроителей), отбирает лучшие образцы новой техники. После чего

опытно-конструкторские бюро, научно-исследовательские институты и заводы с огромным напряжением работали над скорейшим внедрением в массовое серийное производство новых образцов боевых самолетов и двигателей, которые были построены и испытаны в течение 1940 г. и первой половины 1941 г.: истребителей МиГ-3, ЛАГГ-3, ЯК-1, штурмовиков и бомбардировщиков ИЛ-2, ИЛ-4, Пе-2, двигателей М-105, АМ-38, АМ-39.

Внедрение новой техники заставило перестроить всю радиотехническую промышленность, качественную металлургию, десятки и сотни предприятий различных отраслей, которые находились в кооперации с авиационной промышленностью. Ведь множество заводов и фабрик отечественной промышленности поставляло авиации различные виды приборов, полуфабрикатов, металлические и неметаллические материалы и такие изделия, как авиационные колеса, шины к ним и многое другое. Рост авиационной техники вызвал качественный скачок в развитии промышленности.

Данный вариант индустриализации не был чем-то экстраординарным: похожей модели после второй мировой войны следовала Япония, правда, сделавшая акцент не только на развитие собственной тяжелой промышленности, но и на приобретение (часто «пиратским» путем) и адаптации зарубежных технологий.

Система управления экономикой. В условиях форсированной индустриализации, когда капитальные вложения и материальные ресурсы буквально «рвали на части», пришлось вводить своеобразную «разверстку» во всех отраслях материального производства: в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте. В результате была создана крайне централизованная система управления экономикой, характеризовавшаяся следующими основными чертами.

«Во-первых, в распоряжение центральных органов управления направлялась почти вся товарная продукция этих отраслей и основная часть чистого дохода. Производителям оставляли лишь минимум средств, обеспечивающих их простое воспроизводство. Мобилизованные таким образом достаточно крупные материальные и финансовые ресурсы концентрировались на ключевых направлениях хозяйственного строительства.

Во-вторых, главными стимулами развития общественного производства стали директивные адресные задания, выполнение которых обеспечивалось высоким уровнем партий-

ной, государственной и плановой дисциплины, а также личной ответственностью руководителей за положение дел на управляемых объектах.

В-третьих, революционная идеология и моральное стимулирование превратилось в мощные движущие силы».

В-четвертых, значительно возросла роль карательно-репрессивных органов в обеспечении исполнительской дисциплины. Наряду с революционным сознанием руководителей и исполнителей они были призваны восполнить стимулирующие и контрольные функции крайне ограниченных рыночных механизмов.

Управление экономикой осуществлялось по отраслевому принципу. В условиях роста масштабов индустриализации ВСНХ, объединявший все отрасли промышленности, перестает справляться со своими задачами. На рубеже 1931/32 г. ВСНХ СССР был преобразован в общесоюзный Наркомат тяжелой промышленности, а также были созданы общесоюзные наркоматы легкой и лесной промышленности на базе вышедших из ВСНХ отраслей. Республиканские, областные и краевые Советы народного хозяйства были преобразованы в наркоматы (или управления) легкой промышленности. В связи с возникновением новых отраслей, с ростом объема их производства от имеющихся наркоматов отпочковываются новые. К концу 30-х гг. функционировал уже 21 индустриальный наркомат.

Промышленность оказалась «поделенной» между отраслевыми сверхмонополиями. Их производственные программы «сстыковывались» методами директивного планирования.

В период восстановления народного хозяйства методы разработки планов были относительно простыми, так как речь шла о загрузке имевшихся мощностей, достижении довоенного уровня и соответствующих ему пропорций производства. Для обоснования плановых заданий применялись прямые инженерные расчеты, а для выявления общих тенденций — методы экстраполяции в сочетании с «методом экспертных оценок», т.е. построение динамических показателей, статистических и плановых рядов цифр, отражавших ту или иную инерционную траекторию роста производства.

При переходе к форсированной индустриализации методы экстраполяции и ориентации на довоенные пропорции производства перестали «работать». Создание индустриальной структуры экономики подразумевало: 1) ориентацию на совершенно иные пропорции производства; 2) осуществле-

ние долголетних строительных и производственных программ; 3) взаимосвязку отраслевых инвестиционных и производственных планов. И все это в условиях ориентации на крайне динамичные темпы экономического роста при крайне ограниченных финансовых и материальных ресурсах. Предлагались различные формы реализации долгосрочной стратегии развития: двухлетки, четырехлетки, семилетки. В конечном итоге остановились на пятилетнем цикле. Это было вызвано тем, что, во-первых, пятилетний срок являлся достаточно охватывающим для строительства масштабных хозяйственных объектов (а именно об их создании шла речь): крупных металлургических и машиностроительных предприятий, магистральных железных дорог, ирригационных работ и т.д.; а во-вторых, объяснялось особенностью отечественного сельскохозяйственного цикла (периодичностью урожайных и неурожайных лет), позволяющей именно для срока в 5 лет положить в основу перспективного учета среднюю урожайность.

Как разрабатывались пятилетки? Первые пятилетние планы базировались на проектировке развития отдельных ключевых отраслей тяжелой промышленности — металлургии, энергетики, машиностроения и т.д. Госплан начинал с планов по производству и распределению отдельных видов продукции, а затем разрабатывались планы по развитию отдельных отраслей и регионов и, наконец, по комплексному развитию наиболее тесно взаимосвязанных отраслей и всего народного хозяйства в целом. Этот метод тогда называли методом выбора главного звена, точнее, нескольких главных звеньев (позднее его назовут программно-целевым). Он в наибольшей степени отвечал стратегии форсированной индустриализации (так, в первой пятилетке ключевыми были отрасли топливно-энергетического комплекса, металлургия и машиностроение). За ключевыми отраслями промышленности следовали плановые разработки по сельскому хозяйству, а затем — по транспорту, строительству. Следующий этап — планирование сферы обращения и финансов: торговли, кредита и бюджета. И наконец, проблемы воспроизводства рабочей силы.

Метод обоснования и построения плана на основе отраслевых проектировок обязательно сочетался с методом постепенных приближений к сбалансированному плану развития всего народного хозяйства. Академик С.Г. Струмилин описывал данный метод следующим образом: «...целостную концепцию развития всего народного хозяйства нельзя получить

в результате простого суммирования соответствующих наме-ток по отдельным отраслям. Но получить эту концепцию сверху, из одних лишь абстрактных целевых установок, без конкретной проработки и учета имеющихся возможностей не только по каждой отдельной отрасли хозяйства, но даже по отдельным крупнейшим объектам строительства и производственным единицам было бы совершенно бюрократической утопией. Поэтому Госплан должен был уже с самого начала опереться в своей работе на силы ведомственных аппаратов, хотя ведомственные проектировки на первых порах могли для него послужить лишь сырым материалом, требующим тщательного отбора и дальнейшей обработки. Лишь в результате такого отбора и обработки ведомственных материалов Госплан мог выработать уже и общую, хотя бы ориентировочную концепцию народнохозяйственного плана, на основании которой надлежало затем снова, и притом не один раз, пересмотреть и связать внутреннею цепною связью все отдельные — отраслевые и порайонные — элементы этого плана».

Пятилетние планы оказали сильное стимулирующее воздействие на индустриальное развитие, на оптимальное размещение и взаимоувязку вводимых в строй новых производительных сил. Типичная история создания плотины и гидроэлектростанции на Днестре, получивших название Днепростроя. Летом 1926 г. американский инженер Купер, построивший плотину в долине Теннесси, принял приглашение побывать на строительстве Днепростроя. Перспективы этого строительства вызвали у него большой энтузиазм, и спустя некоторое время он согласился руководить им. Проект финансировался государством. Купер был приглашен в качестве консультанта, а не как подрядчик. Но выполнение задачи, за которую он взялся, требовало максимально использовать американскую технологию и американское оборудование и нанять целую армию американских инженеров. Проект предполагал создание совершенно новых отраслей промышленности, строительство новых заводов и фабрик, которые работали бы на электроэнергию, даваемой этой гидроэлектростанцией. Электроэнергией предполагалось снабжать шахты Донбасса, а также новые металлургические заводы, производящие алюминий, высококачественную сталь и железные сплавы, — таким образом создавался новый промышленный комплекс для производства средств производства. Появились два новых промышленных города — Запорожье и Днепропетровск.

Днепрострой оказался образцом для множества смелых проектов, начатых в соответствии с первым пятилетним планом.

Важнейший из них — создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири. Вместо первоначально запроектированных 16 металлургических заводов средних размеров на XVI съезде ВКП(б) (1930) было решено построить несколько крупных комбинатов: мощность Магнитогорского комбината увеличить с 656 тыс. т годовой выплавки чугуна до 2,5 млн. т, а затем до 4 млн. т; мощность Кузнецкого комбината должна была превысить намеченную ранее почти в 4 раза и т.д. Созданная в 30-е гг. вторая угольно-металлургическая база сыграла выдающуюся роль в годы Великой Отечественной войны. Именно сюда перемещались из оккупированных Германией западных и южных областей заводы, квалифицированная рабочая сила. Опираясь на созданную в 30-е гг. индустриальную инфраструктуру, на Урале и в Сибири было налажено массовое производство военной техники, компенсировавшее утрату традиционных центров военного производства.

Однако жесткое директивное планирование имело и свои издержки. Несмотря на многократные взаимоувязки частей плана, при его составлении все же приходилось абстрагироваться от большого числа процессов и явлений субъективного и объективного характера. Между тем они постоянно воздействовали на реальный ход выполнения плана. Так, перебои в снабжении смежников наблюдались на протяжении всех предвоенных пятилеток. Поэтому пропорциональность, заложенная в планах, на практике никогда полностью не соблюдалась.

Даже в оборонной промышленности в конце 30-х гг. ощущались большие трудности в материальном обеспечении производства. В.С. Емельянов писал: «Самым уязвимым местом наших предприятий было неудовлетворительное снабжение материалами и изделиями, которые были необходимы для выполнения установленных планов. На основные материалы были утверждены нормы расхода. Но часто они не соблюдались: заводам выделялось меньше того, что было необходимо. На протесты работники отделов Госплана обычно отвечали: «Используйте внутренние резервы»... Я не помню такого месяца, когда бы с заводов не было тревожных звонков о том, что печи могут через несколько дней остановиться, так как запасы топлива кончаются, а цистерны с нефтью еще

не подошли... В эти дни все работники главка превращались в диспетчеров и звонили по всем железнодорожным станциям, проверяя, где находится эшелон с нефтью, и умоляя работников железной дороги быстрее его продвинуть. В те годы мы хорошо знали, кажется, все узловые станции по пути следования цистерн с нефтью. Трудным делом были и поставки по кооперации. Все совершенно справедливо признавали, что необходимо вводить специализацию предприятий — это значительно удешевляло производство, но плохая организация в снабжении изделиями специализированных предприятий сводила на нет эти выгоды».

Ход индустриализации. Реальный ход индустриализации, изучение которого в отечественной историографии только начинается (а на Западе имеет определенную традицию), представлял собой сложный, сопряженный со значительными издержками и жертвами процесс постепенного изживания иллюзий о всемогуществе директивного планирования, поиска оптимального соотношения между императивами форсированного развития и потребностью хозяйственной системы в равновесии, административным вмешательством в экономику и рыночными ее регуляторами.

В последних работах британского ученого Р.У. Дэвиса и отечественного историка О.В. Хлевнюка на основании новых архивных материалов глубоко исследована довоенная экономическая история. По их наблюдениям, первая пятилетка началась успешно. В 1928/29 г. валовая продукция крупной промышленности возросла на 23,7% против 21,4% по плану, причем тяжелая индустрия дала прирост в 29,8% вместо 25,6%. На предприятиях развертывалось массовое социалистическое соревнование и ударничество. Под влиянием первых успехов с мая 1929 г. начинается пересмотр пятилетних заданий. В июле — августе 1929 г. ЦК принял несколько постановлений об увеличении программы по цветным металлам, стали, машиностроению, химической промышленности и хлопку. В ноябре 1929 г. очередной пленум ЦК ВКП(б) утвердил контрольные цифры второго года пятилетки, предусматривавшие дальнейшее ускорение темпов индустриализации страны. Состоявшийся в июне — июле 1930 г. XVI съезд ВКП(б) принял решение об осуществлении пятилетки в четыре года.

Принятие явно завышенных показателей продолжалось до середины 1932 г. «Плановый утопизм» отрицательно сказался на экономическом развитии. Правда, намного возросли капиталовложения в промышленность: в 1929/30 хозяйст-

венном году они в реальном выражении вдвое превысили показатели 1926/27 г., когда был превзойден уровень 1913 г. Однако этот рост не был подкреплен материальными ресурсами. Старый инженер А.С. Точисский в беседе с наркомом тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе летом 1931 г. отмечал маниловщину в «заданиях, в планах, которые даются заводам. Они не реальны, потому что не созданы материальные условия для их выполнения... Планы даются заводам не на основании учета конкретных условий, а исходя из того, какими эти условия должны быть. И такую линию проводят не первый год. К концу года выясняется, что план не выполнен. Кого-то отругают, кому-то дадут выговор, кого-то снимут... И на следующий год принимают такие же... нереальные планы».

В результате уже в июле — августе 1930 г. экономика вступила в «мини-кризис». Уменьшилось валовое производство тяжелой промышленности, упала производительность труда, сократилось число занятых в строительстве. В последние три года (1931—1933) экономический кризис продолжался, достигнув наивысшей точки весной — осенью 1933 г. Не выполнялись в срок крупные промышленные проекты, снижались темпы производства. В первые пять месяцев 1931 г., по официальным данным, промышленное производство было только на 7—8% выше показателей соответствующего периода 1930 г. По данным на 1 июня 1931 г., было прекращено ассигнование 613 из 1659 основных строившихся объектов тяжелой индустрии, с тем чтобы обеспечить всем необходимым оставшиеся. Тем самым было признано, что количество запланированных объектов не соответствовало реальным возможностям экономики. Все сильнее становилось давление инфляции, что нашло отражение в резком росте цен на свободном рынке. В первые месяцы 1931 г. эмиссия денег была незначительной, но уже в июне она резко возросла и держалась на высоком уровне до начала 1933 г. В 1931—1932 гг., даже по официальным данным, резко возросла себестоимость промышленного производства и строительства. Летом 1931 г., столкнувшись с трудностями по обеспечению новостроек рабочей силой, ВСНХ впервые в широком масштабе применил принудительный труд. Так, в июне 1931 г. на строительство Кузнецка было направлено несколько тысяч высланных. Принудительный труд применялся также на строительстве Магнитки, Днепрогэса, Челябинского тракторного завода, химического комбината в Березниках, на Беломорканале, сооружение которого развер-

нулось летом 1931 г. Начиная с этого года заключенные работали и в добывающей промышленности. По официальным данным, к сентябрю 1931 г. в промышленности было занято 245 тыс. семей раскулаченных.

В первые месяцы 1932 г. кризис в экономике еще более обострился. Для выполнения нереальных программ промышленного строительства была мобилизована огромная армия строительных рабочих, вследствие чего производительность труда упала, выросли издержки. Лишь немногие новые предприятия приступили к работе в первой половине 1932 г., снабжение же старых было дезорганизовано из-за распыления средств. Валовой продукт тяжелой промышленности в каждом из первых трех кварталов 1932 г. был ниже, чем в последнем квартале 1931 г. Усилилась инфляция: согласно официальному индексу, за первые пять месяцев 1932 г. цены на продовольствие на свободном рынке выросли на 55%.

Ситуацию в экономике обострили продовольственный кризис и кризис торговли с зарубежными странами. Стратегия индустриализации подразумевала увеличение импорта оборудования. Но в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. цены на сельскохозяйственную продукцию на мировом рынке падали быстрее, чем цены на промышленные изделия, поэтому, хотя экспорт зерна в 1930—1931 гг. вырос, он не мог покрыть стоимость импорта. За 1931 г. внешняя задолженность почти удвоилась. Внешний долг почти полностью составляли краткосрочные кредиты, к тому же 1931 г. был годом международного кредитного кризиса, поэтому возобновить или расширить кредиты за границей было крайне трудно. В конце 1931 г. советское правительство приняло решение: начиная с 1932 г. резко сократить импорт, что затрудняло выполнение программы капиталовложений. Импорт был уменьшен даже для таких первоочередных строек, как Челябинский тракторный завод.

В 1931 г. усиливается опасность войны на Дальнем Востоке. В марте советской разведкой была перехвачена телеграмма японского военного атташе в Москве, в которой тот рекомендовал своему правительству начать войну против Советского Союза. В сентябре 1931 г. Япония ввела войска в Маньчжурию и поддержала бывших царских офицеров, пытавшихся провозгласить в Сибири «независимое» буферное государство. В этих условиях советское правительство принимает меры по наращиванию военного производства, что также усилило напряженность в народном хозяйстве.

Стремительный рост бюджетного дефицита, падение темпов промышленного роста, длительные задержки в выплате заработной платы, жесточайший кризис в сельском хозяйстве в конечном итоге привели к отрезвлению высшего партийно-хозяйственного руководства. В последние десять дней июля 1932 г. начались существенные перемены в экономической политике.

Сталин и Орджоникидзе в это время находились в отпуске, а партийными и экономическими делами в Москве руководили Л.М. Каганович и В.В. Куйбышев (хотя Сталин поддерживал постоянные тесные контакты с ними). 23 июля Политбюро образовало под председательством Куйбышева комиссию для рассмотрения вопроса о снижении себестоимости строительства. Заручившись согласием Сталина, Куйбышев на заседании комиссии 26 июля выдвинул проект постановления о сокращении финансирования капитального строительства в III квартале 1932 г. на 700 млн. руб. Сокращение касалось всех отраслей, но более всего — тяжелой промышленности (на 405 млн. руб.) и Наркомата земледелия (на 150 млн.). Члены комиссии, представлявшие ведомства, пытались сопротивляться. Однако Куйбышев был непреклонен. В записке, посланной в Политбюро, он доложил о недовольстве ведомств, но потребовал утвердить постановление о сокращении капиталовложений в намеченном объеме. 1 августа Политбюро приняло соответствующее решение, 3 августа оно было оформлено как постановление СНК. Это было весьма существенное сокращение — на 10% уменьшалось все инвестирование капитального строительства на III квартал и более чем на 13% вложения по НКТП. Сокращения инвестиций продолжались и позже.

Итак, во второй половине 1932 г. под воздействием экономического кризиса произошли значительные перемены в планировании. Преодоление «узких мест» за счет наращивания капиталовложений сменилось политикой сокращения производственных планов. Госплан стал стремиться к составлению планов, сочетавших высокие темпы экономического роста с необходимым балансом ресурсов. Одновременно восстанавливалась традиционная роль Наркомфина в сбалансировании бюджета и стабилизации денежного обращения. Госплан, который с 1927 г. поддерживал политику дестабилизации финансов, теперь сотрудничал с Наркомфином в попытках поддержать устойчивость бюджета. Наркомтяжпром и другие производственные наркоматы, пытаясь получить дополнительные финансовые и иные ресурсы, одновре-

менно урезали производственные планы. Политбюро и Совнарком при поддержке Госплана и Наркомфина пытались уменьшить выделяемые наркоматам ресурсы, одновременно требуя более высоких темпов прироста производства. План 1933 г. и наметки второй пятилетки были результатом своеобразного компромисса между всеми этими инстанциями, идеологически оформленного в известном сталинском лозунге о движении от «пафоса стронтельства» к «пафосу освоения».

С начала 1933 г. до середины 1935 г. текущее и долгосрочное планирование осуществлялось на более реалистических основаниях. В 1933 г. благодаря введению всеобщего финансового контроля, включающего жесткий контроль за заработной платой, был стабилизирован рубль. В результате хозрасчет стал одним из главных факторов государственного сектора экономики. В 1934—1936 гг. новые заводы и шахты, построенные в 1929—1933 гг., быстро наращивали производство. В 1935—1936 гг. спрос и предложение на розничном рынке были в наиболее сбалансированном за все предшествующие десять лет состоянии. В 1935 г. впервые за многие годы промышленное производство росло более быстрыми темпами, чем было запланировано, — по фактическим данным на 22,3% по сравнению с 16% по плану.

Этот успех вновь породил у советского политического руководства излишний оптимизм. В июле 1935 г. на заседании ЦК ВКП(б) Сталин поддержал предложение представителей ведомств об увеличении инвестиций в 1936 г. до 22 млрд. руб. (Госплан предлагал программу капиталовложений в размере вначале 17,7 млрд. руб., затем 19 млрд. руб.) В конце 1935 г. под влиянием стахановского движения был поставлен вопрос о новом увеличении контрольных цифр на 1936 г. На заседаниях 4 и 9 декабря Политбюро рассмотрело и одобрило директивы плана на 1936 г. Они предусматривали прирост промышленной продукции на 23% и завышенные задания по капиталовложениям — 31,6 млрд. руб. (в сравнении с 28,3 млрд. руб., предлагавшихся Госпланом). В дальнейшем контрольные цифры на 1936 г. еще несколько раз увеличивались. К октябрю 1936 г. планы капитальных работ были доведены до 36,1 млрд. руб., что превышало фактически выполненный в 1935 г. объем работ на 50%, а цифры, предложенные Госпланом в июле 1935 г., — на 83%. На практике эти высокие планы инвестиции не были обеспечены. Реальные капиталовложения в 1936 г. в текущих ценах насчитывали только 31,8 млрд. руб.

Плановый утопизм породил обычные в таком случае противоречия и проблемы: рост незавершенного производства, падение качества, диспропорции между различными отраслями, дестабилизацию бюджета и др. Все это заставило в очередной раз предпринять отступление, одним из инициаторов которого при формировании плана на 1937 г. вновь выступил Госплан. В июле 1936 г. его сотрудники подготовили проект директив к составлению народнохозяйственного плана на 1937 г. и направили их в ЦК и СНК на имя Сталина и Молотова. Прирост продукции тяжелой промышленности предлагалось сократить до 20,1% по сравнению с 34,4% в 1936 г.; капиталовложения уменьшить до 28,6 млрд. руб. по сравнению с 35,5 млрд. в 1936 г. 19 июля 1936 г. Совнарком и ЦК ВКП(б) фактически приняли директивы плана на 1937 г., предложенные Госпланом.

Однако возвращение к плановой умеренности сопровождалось политикой массовых репрессий, принявшей особенно широкие масштабы после февральско-мартовского пленума 1937 г. Репрессии затронули прежде всего кадры промышленных и транспортных наркоматов, дезорганизовав их работу — с 1937 г. началось падение темпов прироста производства. Во второй пятилетке, по официальным данным, среднегодовой темп прироста промышленной продукции составил 17%, в 1938—1940 гг. — 13% (по плану — 14%). В 1939—1941 гг. вновь усилилась инфляция, причиной которой было перевооружение армии. Ежегодный прирост продукции всей промышленности за три года третьей пятилетки составлял 13%, а оборонной — 39%.

Конкретный анализ разработки и осуществления политики индустриализации в 30-е гг. позволил современным исследователям сделать важный вывод о механизме принятия экономических решений в этот период. Вопреки традиционному мнению советской историографии и западных исследователей тоталитарной школы о том, что единственным субъектом принятия решений были высшие партийные инстанции (советские историки рассматривали данное обстоятельство со знаком плюс, «тоталитаристы» же — со знаком минус), реальная картина представляется более сложной. Конечно, высшей инстанцией, в конечном счете определявшей принципы экономической политики, было Политбюро, которое, в свою очередь, руководствовалось мнением Сталина. Однако это не раз доказанное положение лишь отчасти характеризует механизм принятия экономических решений.

Отрезвление после кризиса на рубеже первой и второй пятилеток сопровождалось нарастанием относительного «разномыслия» в различных структурах партийно-государственного аппарата. Не имея больше возможности беспрекословно подчиняться принципам форсированного развития и вынужденные считаться с социально-экономическими реальностями, различные инстанции, не исключая и высшее политическое руководство, все чаще предлагали решения, противоречившие политике «большого скачка». Все откровеннее проявляли себя прагматичные ведомственные интересы, ранее абсолютно подавленные «единой волей». Корректировка же «генеральной линии», придание ей большей гибкости происходили в результате сложного взаимоучета интересов и позиций различных государственных инстанций: хозяйственных наркоматов, Госплана, Наркомфина, руководства правительства. Политбюро и Сталин чаще всего выступали в роли арбитра, который хоть и обладал решающим голосом, но должен был считаться с претензиями нередко конфликтующих сторон. В советской партийно-государственной системе весомость этих претензий напрямую зависела как от степени приоритетности задач, которые решало то или иное ведомство, так и от влияния его руководителя. Некоторую роль в разработке экономической политики мог играть, например, такой внеэкономический фактор, как членство Куйбышева или Орджоникидзе в Политбюро.

В СССР, как и в других государствах, основанных на жесткой централизации, сохранялась тем не менее некоторая независимость отдельных структур. Теперь можно утверждать, например, что руководство Госплана на протяжении второй пятилетки последовательно отстаивало сравнительно сбалансированную экономическую политику, выступало за ограничение капиталовложений. Причем происходило это даже в тех случаях, когда высшее политическое руководство страны, очевидно, придерживалось курса на ускорение экономического развития и наращивание инвестиций.

В аналогичном направлении — от убежденности во всеобщности директивного планирования к осознанию необходимости учета (в рамках стратегии форсированного развития) объективных возможностей и реальных экономических интересов хозяйствующих субъектов — развивалась государственная экономическая политика в 30-е гг. и в аграрном секторе.

Коллективизация. Форсирование индустриализации привело к раздвиганию «ножниц» между темпами урбани-

зации (следствия индустриализации) и развития аграрного сектора (см. табл. 2).

Таблица 2

Прирост городского населения, сельскохозяйственного производства, валовых сборов, централизованных заготовок и расхода зерна на снабжение (в % к предыдущему году)

Год	Городское население	С/х производство	Валовой сбор зерна	Централизованная заготовка зерновых	Расходы зерна на внутреннее снабжение
1926	—	—	5,9	30,8	43
1927	4,8	2,5	-5,9	-5,2	25,6
1928	5,0	2,5	1,2	-2	29
1929	5,2	-2,4	-2,5	49	(-10,5)

Итак, рост производства сельскохозяйственной продукции сперва остановился, а затем даже наметилась тенденция к его сокращению. Особое беспокойство вызывало производство товарного зерна. До революции половина зерна производилась в помещичьих и кулацких хозяйствах, причем кулаки и помещики давали 71% товарного, в том числе и экспортного, зерна. «Осередиачивание» деревни, происшедшее в результате революции, привело к тому, что вместо 16 млн. довоенных крестьянских хозяйств в 1928 г. их стало 25-26 млн. Прежде крестьяне производили 50% всего зерна (без кулаков и помещиков), а потребляли 60%; теперь (без кулаков) они производили 85%, но потребляли 80%. В 1927—1928 гг. государственные закупки составили 630 млн. пудов против довоенных 1300,6 млн. Причем если количества зерна в распоряжении государства было теперь меньше вдвое, то экспорт его сократился в 20 раз. Все это оборачивалось настоящим бедствием для экономики страны. Съедая большую часть своего урожая... крестьяне, сами того не понимая, затягивали петлю на шее режима, и затягивали все туже, так как ситуация развивалась от плохой к еще худшей. С 1928 г. вводится и постепенно расширяется сфера карточного снабжения в городах. Чтобы обеспечить продуктами растущие индустриальные центры, в условиях зернового кризиса 1927/28 г. правительство прибегло к внеэкономическим методам изъятия зерна, что подорвало рыночные стимулы к расширенному воспроизводству в деревне. Осенью—

зимой 1928/29 г. зерновой кризис и насильственное изъятие хлеба повторяются. Преимущественно внеэкономическое («бесплатное») изъятие продуктов у крестьян позволило резко (в 1929 г. по сравнению с 1928 г. более чем в 2 раза) увеличить объем капитальных вложений в крупную промышленность.

Область рыночных рычагов в деревне все больше сокращалась. Другие же, административные, рычаги действовали пока только в сфере изъятия продуктов из деревни, а не из производства (этим, между прочим, и объясняется тот факт, что в 1929 г. валовой сбор зерна уменьшился на 2,4%, а централизованная заготовка зерновых выросла на 49%). Анализ подсказывал, что ситуация на рынке ухудшается, и если в 1930 г. не добиться заметных сдвигов в аграрном производстве, то к 1931 г. индустриальное развитие будет остановлено. Сталин и Политбюро ведут отчаянный поиск решения, как защитить индустриализацию от опасности, которую таит слабость аграрного сектора. В этот период, с июня по октябрь 1929 г., начинают поступать сведения о значительных успехах в деле коллективизации. Решения ноябрьского Пленума ЦК зафиксировали, что надежды руководства устремились в этом направлении.

Каждая заготовительная кампания последних лет вызывала головную боль у правительства. Летом 1929 г. оно проводило большую оргработу с целью ослабить свою зависимость от крестьянства и усилить свой контроль над ним. 27 июня состоялось решение ЦК о реорганизации кооперации и усилении административных органов руководства колхозами. Создавались административные структуры для контроля за производством продукции в индивидуальном секторе. Существенно менялась роль контрактации (выдачи крестьянам семенной и денежной ссуды при условии сдачи ими государству продукции по фиксированным ценам), которая фактически превращалась в средство принуждения крестьян сдавать государству все товарное зерно. Было ясно, что большого воодушевления крестьяне при этом не испытывают, и надо усилить систему давления. В результате набирает силу политика «твердых заданий» по сдаче хлеба для кулака и огромных штрафных санкций за их невыполнение. В жернова этой политики нередко попадали и средние крестьяне. В прессе разворачивается агиткампания за колхозы. Членам сельских партакеек предлагается вступать в колхозы или выходить из партин.

7 декабря А.И. Микоян победно рапортовал, что план по заготовкам выполнен и что против кулаков и спекулянтов

действовали решительно и согласованно. Этот успех укрепил уверенность Политбюро в правильности своей политики и тем самым predetermined дальнейший ход событий. Заготовки были сделаны в минимальные сроки, и при почти завершенной к началу декабря кампании в распоряжении сельских властей оставалась мощная машина, созданная для этой кампании, которую можно было использовать и для других целей. Опыт заготовок и полученные в ходе их тактические уроки подталкивали режим к решению, что эта мощь должна быть брошена на коллективизацию. Заготовки фактически подготовили для нее почву.

В ноябре 1929 г. публикуется статья Сталина «Год великого перелома», в которой утверждалось, что уже удалось организовать «коренной перелом в недрах самого крестьянства» в пользу колхозов. В конце декабря того же года на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов он объявил, что в политике партии и государства совершился «один из решающих поворотов»: «...от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества как класса»; необходимо «сломить кулачество», «ударить по кулачеству... так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги...»

15 января 1930 г. была создана специальная комиссия Политбюро под председательством В.М. Молотова. 30 января Политбюро утвердило подготовленный комиссией текст постановления ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В этих районах предлагалось отменить аренду земли и запретить применение наемного труда, конфисковывать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке сельхозпродукции и семенные запасы.

Конфискация кулацкого имущества должна была производиться уполномоченными райисполкомов с обязательным участием сельсоветов, представителей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрачковых. Надлежало производить точную опись и оценку имущества с возложением на сельсоветы ответственности за его сохранность. Средства производства и имущество передавались в неделимые фонды колхозов в качестве вноса за бедняков и батраков, за исключением той части, которая шла в погашение долгов кулацких хозяйств государству и кооперации. Конфискованные жилые постройки передавались на общественные нужды сельсоветов и колхозов. Пай и вклады кулаков в кооперации посту-

пали в фонд коллективизации бедноты и батрачества, а их владельцы исключались из кооперации. При этом «контрреволюционный актив» кулачества — организаторы террористических актов и антисоветской деятельности — должен был арестовываться и репрессироваться как политические преступники, а их семьи высылаться в северные и отдаленные районы страны (первая категория). Туда же высылались вместе с семьями крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации (вторая категория). Остальную, самую многочисленную, часть бывших кулаков предполагалось расселять (после раскулачивания) в пределах района на специально отводимые для них за пределами колхозных массивов земли (третья категория).

Количество хозяйств, ликвидируемых по каждой категории должно было «строго дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств» и не превышать в среднем 3—5% всех крестьянских дворов, хотя на самом деле к осени кулацкие дворы составляли не более 2,5—3%. Были установлены конкретные цифры, «ограничительные контингенты» подлежащих выселению кулацких хозяйств по районам сплошной коллективизации. Основное содержание постановления ЦК и практические меры по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации были оформлены в законодательном порядке в постановлении ЦИК и СНК СССР от 1 февраля и инструкции от 4 февраля 1930 г.

В условиях безудержной гонки коллективизации зимой 1930 г. широко практиковались администрирование и принуждение при организации колхозов. Раскулачивание превращалось в средство коллективизации, становилось основным методом ускорения ее темпов. Центральная и местная печать призывала к решительным действиям против кулачества, партийные и советские органы давали местным работникам и организациям указания «всемерно поднимать и разжигать классовую ненависть масс по отношению к кулачеству и другим контрреволюционным элементам», в числе которых оказывались не желающие вступать в колхозы середняки и даже бедняки. Во многих районах число раскулаченных хозяйств достигало 10—15%. В 1930—1931 гг. в ходе кампании по раскулачиванию только в отдаленные районы страны было отправлено на спецпоселение 391 026 семей общей численностью 1 803 392 человека. Позднее специальные кампании по раскулачиванию не проводились, но высылка осуществлялась, хотя и в меньших масштабах. Все-

го по состоянию на 1 января 1950 г. оказались выселенными почти три с половиной миллиона крестьян. Около 50% всех выселенных крестьян переселялись в пределах тех же областей, где они проживали ранее.

Насильственная коллективизация встречала растущее сопротивление широких масс крестьянства. За январь—март 1930 г. состоялось не менее 2200 (почти 800 тыс. человек) массовых крестьянских выступлений, т.е. в 1,7 раза больше, чем за весь 1929 г. Особенно широкий размах получили антиколхозные выступления на Северном Кавказе, на Средней и Нижней Волге, в Центральной Черноземной области, Московской области, республиках Средней Азии и других местах.

Серьезной проблемой стал также массовый убой скота. Кулаки, уничтожая и продавая скот, стремились «превратиться в середняков». Значительная часть середняков также распродала скот и инвентарь перед вступлением в колхозы, не желая передавать их в общее пользование с теми, кто ничего не имел. Чтобы прекратить убой скота, его стремятся быстрее обобществить. «Против «растражиривания» кулацкого имущества есть только одно средство — усилить работу по коллективизации в районах без сплошной коллективизации», — отмечал Сталин. Но из-за нехватки приспособленных помещений, отсутствия опыта ведения коллективного животноводства падеж скота только усиливается (с 1928 по 1933/34 гг. поголовье крупного рогатого скота уменьшилось почти вдвое: с 60 до 33 млн. голов). Чтобы прекратить общее падение сельскохозяйственного производства, деревню стремятся быстрее поставить под жесткий административный контроль. А для этого еще настойчивее форсируют процесс обобществления: десятками тысяч колхозов командовать легче, чем миллионами индивидуальных крестьянских хозяйств.

Однако молниеносное создание десятков тысяч коллективных хозяйств при отсутствии опыта их ведения, при нехватке подготовленных кадров сельских руководителей, специалистов, техники только усилило дезорганизацию в деревне. А город требовал все больше хлеба, мяса, масла... В хаосе «организационного периода» на селе, когда во многих коллективных хозяйствах процветала уравниловка, когда урожай, минуя амбар того, кто его вырастил, свозили на заготовительный пункт, когда частично изымался семенной хлеб (особенно это характерно для 1930—1932 гг.), крестьянин оказался лишенным материального стимула к труду. В 1931—1932 гг. заготовительные организации платили за 1 ц

ржи 4,5—6 руб., за 1 ц пшеницы — 7,1—8,4 руб., что было в 4—5 раз меньше себестоимости; в государственных же коммерческих магазинах 1 кг ржаного хлеба стоил 2—2,5 руб., пшеничного — 3,5—4 руб., на рынке — несколько больше.

Нарастало пассивное сопротивление (невыход на работу, труд «спустя рукава» и т.д.) теперь уже колхозного крестьянства, отказывавшегося работать задаром. Отвечая 6 мая 1933 г. на письмо М.А. Шолохова о произволе при проведении хлебозаготовок 1932/33 г., Сталин, в частности, писал: «Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма — не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлебоборы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), этот факт не меняет того, что уважаемые хлебоборы, по сути дела, вели «тихую» войну с Советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...»

В этой ситуации Сталин решил любой ценой сломить сопротивление крестьянства, выполнить план хлебозаготовок. В ряде районов амбары выметают подчистую: забирают семенное зерно, страховые запасы. Зимой 1932/33 г. этот клубок проблем и конфликтов разрешается страшной трагедией — голодом, охватившим районы Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, Украины, Казахстана и унесшим огромное число еще не подсчитанных жизней. Серьезные исследователи обычно называют цифру в 3—5 млн. человек.

Поиск компромисса с крестьянством. Однако сводить только к «разверстке» реальные экономические отношения в колхозной деревне 30-х гг. было бы неверным. После попыток тотального обобществления земли, скота и птицы (1930—1931), имевших разрушительные последствия для аграрного сектора, государство вынуждено было приступить к поиску компромисса с крестьянами.

Эти поиски прошли три этапа. 26 марта 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О принудительном обобществлении скота», в котором разъяснялось, что «практика принудительного отбора у колхозников коровы и мелкого скота не имеет ничего общего с политикой партии», что «задача партии состоит в том, чтобы у каждого колхозника были своя корова, мелкий скот, птица». Однако осуществлялось это решение

медленно и непоследовательно. На местах не спешили возвращать отобранный скот (часто потому, что он уже был сдан на мясозаготовки), многие руководители и специалисты считали это постановление ошибочным. 6 и 10 мая 1932 г. принимаются совместные постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» и «О плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозников и единоличных трудящихся крестьян». В соответствии с ними после выполнения государственного плана хлебозаготовок и образования семенного и других фондов, а также выполнения централизованного плана мясозаготовок разрешалась торговля оставшейся продукцией по складывающимся на рынке ценам. План хлебозаготовок был сокращен в 1932 г. до 1103 млн. пудов против 1367 млн. в 1931 г.; мясозаготовки были уменьшены в 2 раза против ранее намеченного плана (716 тыс. т вместо 1414 тыс.). Отменялись все республиканские и местные налоги и сборы с торговли колхозов и крестьян-единоличников. Доходы колхозов и колхозников от продажи на рынке продукции собственного производства не облагались сельскохозяйственным налогом, а с единоличников взималось не более 30% их доходов от торговли.

Однако даже уменьшенные хлебозаготовительные планы в условиях недорода в ряде важнейших житниц страны оказались невыполненными. В июле 1932 г., в первый месяц нового урожая, заготовки были на 55% ниже уменьшенного плана, утвержденного весной, когда положение с продовольствием было настолько тяжелым, что рабочие покидали строительные объекты. Попытки сочетать реформу с завышенным планом закончились провалом. В этой обстановке Политбюро резко изменило курс, придя к выводу, что единственным способом выхода из кризиса является усиление режима и репрессии.

7 августа 1932 г. был принят написанный Сталиным драконовский закон об охране социалистической собственности, предусматривавший высшую меру наказания — расстрел за хищение колхозного и кооперативного имущества с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на 10 лет. По данным на февраль 1933 г., в целом по стране по этому закону было осуждено 103 тыс. человек, из них приговорено к высшей мере наказания 6,2%, к 10 годам лишения свободы — 33%. В конце 1932 г. на Северный Кавказ, Украину и на Нижнюю Волгу Сталин направил чрезвычайные комиссии ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам во главе с

Кагановичем, Молотовым и Постышевым, учинившим массовые репрессии против крестьян.

В условиях жесточайших репрессивных мер, беспощадных расправ с противниками хлебозаготовительных реквизиций, но главным образом в связи с голодом в ряде районов страны (Украина, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан) сопротивление крестьян реквизиционной политике государства было сломлено. Это позволило Сталину и Молотову в разосланной на места секретной директиве от 8 мая 1933 г. заявить, что в деревне создается «новая благоприятная обстановка», дающая возможность «прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий». Наступил момент, «когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях...».

В этих условиях государство приступило ко второму этапу реформ. В январе 1933 г. на Пленуме ЦК, посвященном итогам первой пятилетки, Сталин признал необходимым дополнить производственную смычку между городом и деревней товарной через торговлю, «чтобы связь между городом и деревней стала прочной и неразрывной». 19 января 1933 г. принимается новый закон СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами», вскоре дополненный аналогичными законами о поставках подсолнечника, картофеля и продукции животноводства, а через год — законом «О закупках хлеба потребительской кооперацией» (19 января 1934 г.). Согласно данным постановлением, каждому колхознику и единоличному хозяйству не позднее 15 марта вручалось обязательство, в котором точно указывалось, сколько они должны были сдать государству зерна с каждого гектара посевной площади и в какие сроки. Причем обязательная поставка не должна превышать трети валового сбора каждого хозяйства при среднем урожае. Все оставшееся зерно после выполнения обязательной поставки (а для колхозов — и натурыплаты МТС) отдавалось в полное распоряжение производителей. В то же время подчеркивалось, что «никакое уклонение от обязательств по сдаче зерна в срок не должно быть допущено ни под каким видом». В случае нарушения этих обязательств применялись различного рода санкции, вплоть до взыскания поставок с колхозов «в бесспорном порядке» и привлечения единоличников к уголовной ответственности. Однако эти законы предоставляли известные гарантии земледельцам после выполнения «первой заповеди». Особое значение для крестьян в этой связи имел пункт 17

закона от 19 января 1933 г., гласивший: «Безусловно воспрещается местным органам власти и заготовительным органам допускать встречные планы или налагать на колхозы и единоличные хозяйства обязательства по сдаче зерна, превышающие нормы, установленные настоящим законом. Все излишки хлеба, после выполнения обязательств сдачи государству зерна, остаются в полном распоряжении самих колхозов, колхозников и единоличников».

Согласно закону от 19 января 1934 г., закупки зерна у колхозов, колхозников и единоличников должны были производиться на основе полной добровольности по ценам на 20—25% выше заготовительных; хозяйства, продавшие хлеб по закупочным ценам, получали право приобретать дефицитные промтовары на сумму, в 3 раза превышавшую стоимость проданного хлеба. Система «отоваривания» должна была стать основным стимулом закупок.

Однако на практике эти законы подверглись серьезной деформации. В 1933—1934 гг. в стране продолжалось снижение (даже по сравнению с 1932 г.) урожайности и валовых сборов зерна. Хлебопоставки шли с большим трудом, их рост происходил исключительно на основе повышения доли отчисления собранного урожая. Выяснилось, что только за счет обязательных поставок и натуроплаты МТС план выполнить не удастся. Колхозники неохотно соглашались продавать зерно, поскольку закупочные цены были не намного выше заготовительных, а система «отоваривания», как правило, не гарантировала владельцам квитанций о сдаче хлеба по закупкам приобретение дефицитных товаров. Таким образом, крестьянину гораздо выгоднее было продать хлеб на базаре или оставить его на нужды семьи, на корм скоту.

В этих условиях 31 августа 1934 г. Сталин вместе с Молотовым подписывает директиву руководителям республик, краев и областей об изменении порядка проведения закупок, согласно которой колхозы, выполнившие планы хлебопоставок и натуроплаты, должны были до распределения доходов по трудодням создать фонды для выполнения плана закупок. Таким образом, закупки, вопреки законам от 19 января 1933 г. и 19 января 1934 г., превращались в обязательные планы сдачи дополнительной продукции, которые местные руководители, несмотря на протесты многих колхозников, обязаны были реализовать.

Усилиями политотделов и территориальных партийных органов противодействие колхозников было преодолено. В 1933—1934 гг. хлебозаготовки были выполнены не только

по стране в целом, но и — впервые в истории советской деревни — каждой областью, краем, республикой в рекордные для тех лет сроки (в 1933 г. — к середине декабря, в 1934 г. — к 1 ноября). Важную роль в реализации заготовительных планов сыграли хлебозакупки: их объем увеличился с 4,1 млн. ц в 1933 г. до 33,6 млн. ц в 1934 г., или более чем в 8 раз. По данным на 1935 г., удельный вес закупок в государственных заготовках колхозов составил 17% (в 1934 г. — не менее 15%).

Ноябрьский 1934 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение об отмене с января 1935 г. карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам. Однако «заадминистрировав» хлебозакупки, государство должно было найти для крестьянина иной стимул расширения производства. Таким стимулом стало увеличение размеров приусадебных участков колхозников — третий этап на пути поиска государством компромисса с крестьянством.

Ноябрьский 1934 г. Пленум ЦК ВКП(б) пришел к выводу о необходимости созыва II съезда колхозников-ударников для обсуждения и принятия нового Колхозного устава, в котором предполагалось учесть изменения, происшедшие в деревне за годы коллективизации. Делегаты — колхозники-ударники передовых колхозов, приехавшие на собравшийся в феврале 1935 г. съезд, — внесли немало поправок и дополнений в проект нового Примерного устава сельскохозяйственной артели, разработанный комиссией во главе с заведующим Сельхозотделом ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлевым. Они были направлены на то, чтобы закрепить в уставе право колхозника на личное подсобное хозяйство (ЛПХ), четко и справедливо определить его размеры (площадь участка, количество скота, наличие построек и т.п.). И это было сделано. В зависимости от региона колхознику разрешено было иметь от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах — до 1 га приусадебной земли и от одной до 2—3 коров, неограниченное количество птицы, кроликов и т.д.; в районах кочевого животноводства — до 20 коров, 100—150 овец, до 10 лошадей, до 8 верблюдов и т.д. Новый Примерный устав закрепил «остаточный принцип» распределения колхозной продукции по трудодням — после выполнения колхозом обязательных поставок, засыпки семенных, фуражных и страховых фондов, создания фонда государственных закупок и т.д. И тем не менее колхозники получили известную юридическую гарантию от государства (устав, принятый II съездом колхозников, был 17 февраля 1935 г. утвержден СНК СССР и ЦК ВКП(б)

на ведение личного подсобного хозяйства, размеры которого четко определялись и закреплялись в уставе. Разрешалась и продажа колхозниками своей продукции на рынке. Были несколько расширены их права в управлении колхозами, при решении вопроса об исключении из колхоза и т.д.

В валовом производстве животноводческой продукции и овощей ЛПХ колхозников стали играть все большую роль. К концу 1934 г. почти 2/3 колхозных семей страны имели в личном подсобном хозяйстве коров, а в Белоруссии, Западной и Московской областях — 3/4. В ЛПХ колхозниками было произведено 20,6% валовой продукции животноводства страны. В 1937 г. в общем объеме валовой продукции колхозного сектора удельный вес приусадебных хозяйств составлял: по картофелю и овощам — 52,1%, по плодовым культурам — 56,6%, по молоку — 71,4%, по мясу — 70,9%, по производству кож — 70,4%, т.е. к концу второй пятилетки ЛПХ значительно опережали общественное хозяйство колхозов в производстве животноводческой продукции и давали более половины картофеля, овощей и плодов, что шло в основном на личное потребление, но частично и продавалось на рынке (примерно четверть животноводческой продукции, до половины картофеля и овощей). За годы второй пятилетки обороты рыночной колхозной торговли увеличились с 7,5 млрд. руб. до 17,8 млрд., или в 2,4 раза. К 1938 г. по сравнению с 1933 г. рыночные цены снизились на 63,9%, в том числе по хлебной группе — на 82,8%, по картофелю — на 79,9%, по овощам — на 39,2%, по мясу — на 29,4%, по молоку — на 43,1%. Они либо соответствовали ценам государственно-кооперативной торговли, либо были ниже.

Искомый компромисс с крестьянством был на какое-то время найден.

«Архипелаг ГУЛАГ». Трагичнейшая страница экономической истории 30-х гг. — формирование и функционирование масштабной системы откровенно принудительного труда, применявшегося в первую очередь на вредных, «непрестижных» производствах, в отдаленных районах страны.

17 января 1930 г. на страницах «Правды» публикуется статья наркома юстиции Н.В. Крыленко, в которой, в частности, говорилось: «На основании резолюции СНК РСФСР 29 мая 1929 г. сейчас не практикуется уже лишение свободы на сроки меньше года. Предложено в максимальной степени развить систему принудительных работ. Проведен ряд мероприятий по использованию труда лиц, осужденных на срок

выше 3 лет, на общественно-необходимых работах в специальных лагерях в отдаленных местностях».

Что же это за «мероприятия»? В 1930 г. «по инициативе т. Сталина и при его настойчивом проведении этого вопроса, — отмечал один из ответственных работников ОГПУ, начальник Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря С.Г. Фирин, — строительство Беломорско-Балтийского канала было поставлено на реальную почву: был создан Белморстрой. Строительство канала было поручено чекистам во главе с т. Ягодой», в нем участвовало свыше 100 тыс. заключенных. «Значительное... количество работ приходилось проделывать вручную вследствие очень слабой механизации труда». Строительство канала обошлось в 4 раза дешевле по сравнению с первоначальными расчетами. «...Не только на Белморстрое работают наши лагеря, — с гордостью продолжал Семен Фирин, — например Ухт, этот край вечной мерзлоты... на Соловецких островах... Большую культурную работу проделывают наши карагандинские лагеря в Казахстане, среднеазиатские лагеря, лагеря на Колыме, на Дальнем Востоке». Силами ОГПУ — НКВД был сооружен знаменитый канал Москва—Волга, другие объекты. Лесозаготовки, каналы, стройки, в основном вручную, с «экономией больше, чем в 4 раза!». Страна все гуще покрывается сетью лагерей, поселков — спецпереселенцев» (высланных «кулаков» и членов их семей).

Каковы были масштабы применения принудительного труда в 30-е гг.? На 1 мая 1930 г. в ведении НКВД РСФСР находилось 279 исправительно-трудовых учреждений с 171 251 заключенным, в лагерях ОГПУ — около 100 тыс. В 1930 г. было организовано Управление лагерями ОГПУ, с 1931 г. ставшее главным («ГУЛАГ»). В конце 1930 г. НКВД РСФСР, раньше или позже наркоматы союзных республик прекратили свое существование. На 1 марта 1940 г. ГУЛАГ состоял из 53 лагерей, 425 исправительно-трудовых колоний (ИТК), 50 колоний несовершеннолетних; всего — 1 668 200 заключенных.

По материалам НКВД, введенным в научный оборот В.Н. Земсковым, удельный вес осужденных за контрреволюционные преступления составлял: 1934 г. — 26,5%; 1935 г. — 16,3%; 1936 г. — 12,6%; 1937 г. — 12,8%; 1938 г. — 18,6%; 1939 г. — 34,5%; 1940 г. — 33,1%; 1941 г. — 28,7%.

Ежегодно в среднем в исправительно-трудовых колониях находилось 10,1% осужденных по политическим мотивам (от общего числа заключенных в колониях).

Кроме того, в январе 1932 г. в спецпоселках находилось 1,4 млн. высланных «кулаков» и членов их семей. Меньшая их часть занималась сельским хозяйством, большая трудилась в лесной и добывающей промышленности. До 1934 г. крестьяне, отправленные в «кулацкую ссылку», назывались спецпереселенцами, в 1934—1944 гг. — трудпоселенцами, с марта 1944 г. — спецпереселенцами (с 1949 г. — спецпоселенцами) контингента «бывшие кулаки». Трудовые поселения НКВД были созданы в соответствии с постановлениями СНК СССР от 16 августа 1931 г. (№ 174с), 20 апреля 1933 г. (№ 775/146с) и 21 августа 1933 г. (№ 1796/393с). На ГУЛАГ была возложена ответственность за надзор, устройство, хозяйственно-бытовое обслуживание и трудоустройство выселенных кулаков.

К весне 1935 г. 445 тыс. спецпереселенцев (включая членов семей) трудились в 1271 неуставной сельскохозяйственной артели (отличие от обычной, в частности, состояло в том, что правление возглавлял комендант); 640 тыс. — в промышленности. За 1930—1937 гг. спецпереселенцами раскорчевано 183 416 га и расчищено от кустарника и мелкого леса 58 800 га. В Нарыне и Карельской АССР осушено болот на площади 2988 га; в засушливых районах Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии орошено 12 857 га земель. Было также поднято и освоено 243 161 га целинных земель. Силами спецпереселенцев были проложены грунтовые дороги в бездорожных районах. К 1 января 1938 г. их общая протяженность составила 7294 км. С 1932 г. началось снятие ограничений и предоставление гражданских прав спецпереселенцам, затрагивавшее узкий круг лиц. В сентябре 1938 г. неуставные артели переведены на общий устав сельскохозяйственной артели. К началу 1941 г. в местах поселений находился 930 221 человек.

В 1935 г. сектор принудительного труда насчитывал приблизительно 2 млн. 85 тыс. человек: 1 миллион 85 тыс. в спецпоселках, 1 миллион в ГУЛАГе; на 1 января 1941 г. — около 1 миллиона 930 тыс. в ГУЛАГе, 930 221 человек, проживавших в местах поселений, трудились в условиях, близких к обычным в стране.

Экономические результаты форсированного развития. Каковы результаты форсированного развития 30-х гг.? За первую, вторую и три с половиной года третьей пя-

тилетки было построено и введено в действие 9 тыс. государственных промышленных предприятий: в первую — 1500, во вторую — 4500, в третью — 3000.

Темпы роста тяжелой промышленности в предвоенные пятилетки (1928—1940) были в 2—3 раза выше, чем за 13 лет развития России перед первой мировой войной (1900—1913). До революции ежегодное производство чугуна и стали выросло менее чем в 2 раза (с 2,6 млн. до 4,2 и 4,3 млн.), производство угля — более чем в 2 раза (с 12 млн. т до 29 млн. т), производство нефти даже уменьшилось (10,4 млн. т и 9,2 млн. т). За 12 лет советской индустриализации годовое производство чугуна и стали увеличилось в 4—5 раз (с 3 и 4 млн. т до 15 и 18 млн. т), угля почти в 5 раз (с 35 до 166 млн. т), нефти — почти в 3 раза (с 12 до 31 млн. т).

Согласно данным Л.А. Гордона и Э.В. Клопова, по абсолютным объемам промышленного производства СССР в конце 30-х гг. вышел на второе место в мире после США (в 1913 г. — пятое место). Сократилось отставание от развитых стран по производству промышленной продукции на душу населения: если в 20-е гг. разрыв был в 5—10 раз, то в конце 30-х гг. — в 1,5—4 раза. Причем, рост тяжелой промышленности осуществлялся невиданными доселе в истории темпами. Так, за 6 лет — с 1929 по 1935 г. — СССР сумел поднять выплавку чугуна с 4,3 до 12,5 млн. т. Америке понадобилось для этого 18 лет: с 1881 по 1899 г., довоенной Германии — 19 лет: с 1888 по 1907 г.

Таблица 3

**Объем промышленного производства в СССР
по отношению к развитым западным странам (в %)**

Промышленная продукция	К США		К Англии		К Франции		К Германии	
	1928	1940	1928	1940	1928	1940	1928	1940
Электроэнергия	4	26	31	121	34	245	29	132
Добыча основных видов топлива (в пересчете на условное топливо)	7	27	23	105	89	437	35	133
Чугун	9	35	49	179	33	405	24	95
Сталь	8	29	49	139	45	415	29	108*
Цемент	6	25	42	77	44	127*	32	75

* Данные за 1937 г.

Если на протяжении 20-х гг. нарастало промышленное отставание СССР от ведущих западных держав, то в 30-е гг. наблюдается прямо противоположный процесс (см. табл. 3).

И важнейший результат: было преодолено качественное, стадильное отставание советской промышленности. В 30-е гг. СССР стал одной из трех-четырех стран, способных производить любой вид промышленной продукции, доступной в данное время человечеству. Беспощадный экзамен устроила советской промышленности Великая Отечественная война. И она его выдержала. Если в первую мировую войну России противостояли от $1/3$ до $1/2$ войск центральных держав, но она не смогла добиться решительного успеха, то во вторую мировую войну против СССР было брошено $2/3$ — $3/4$ вооруженных сил Германии и ее сателлитов, однако фашизм был разбит.

Ускоренный рост тяжелой промышленности был достигнут прежде всего за счет аграрного сектора экономики, сопровождался разрушением производительных сил деревни. В период сплошной коллективизации 1929—1932 гг. поголовье крупного рогатого скота сократилось на треть — на 20 млн. голов, лошадей — на треть (на 11 млн. голов), свиней — в 2 раза, овец и коз — в 2,5 раза. Но, как справедливо отмечали Л.А. Гордон и Э.Ф. Клопов, «в сталинской стратегии форсированной индустриализации все отрасли народного хозяйства и все сферы общественной жизни подчинялись нуждам промышленного роста... в соответствии с принятым курсом на создание индустриальной экономики вовсе не нужен общий рост сельскохозяйственного производства. Абсолютно необходимо лишь такое переконструирование и такое повышение эффективности труда, при котором можно было бы, во-первых, уменьшить число занятых в сельском хозяйстве пропорционально расширению спроса на рабочую силу в промышленности, во-вторых, поддерживать при меньшем числе занятых производство продовольствия на уровне, не допускающем длительного голода, в-третьих, обеспечивать снабжение промышленности незаменимым техническим сырьем».

Реализацию этих задач и обеспечила коллективизация. В средние 30-х гг. положение в аграрном секторе стабилизировалось. В 1935 г. отменили карточную систему. В течение 30-х гг. из сельского хозяйства высвободилось 15—20 млн. человек, что позволило увеличить численность рабоче

го класса с 9 до 24 млн человек. Выросла производительность труда в сельском хозяйстве. Если накануне коллективизации на 150—155 млн человек населения ежегодно производилось 72—73 млн т зерна, более 5 млн т мяса, свыше 30 млн т молока, то в конце 30-х — начале 40-х гг на 170—200 млн населения производилось 75—80 млн т зерна, 4—5 млн т мяса и 30 млн т молока. Но в конце 30-х эту продукцию производили 50—55 млн крестьян-единоличников, в предвоенные же годы 30—35 млн колхозников и рабочих совхозов, т. е. на треть работников меньше.

Главные издержки форсированного развития лежали не в экономической, а в социальной сфере.

§ 3. Бремя «большого скачка»

Материальное положение горожан. Форсированный экономический рост при дефиците ресурсов привел в 30-е гг к стагнации, даже временному падению уровня жизни и в городе и в деревне (см. работы Е.А. Осокиной).

К началу 1929 г. во всех городах СССР вводится карточная система. До декабря 1930 г. единой классификации населения, принятого на централизованное снабжение, не было. Нормы снабжения вводились разновременно и отличались друг от друга. Начавшись с хлеба, нормированное распределение было затем распространено и на другие продукты (сахар, мясо, масло, чай, картофель и пр.), а к середине 1931 г. — и на промышленные товары. Место торговли заняло отоваривание по «заборным документам» и ордерам через закрытые распределители, закрытые рабочие кооперативы, отделы рабочего снабжения. «Заборных документов» не получали лица, лишенные избирательных прав.

Однако в условиях продовольственного кризиса нормы снабжения не выполнялись. Государство старалось в первую очередь гарантировать снабжение индустриальных центров: появились постановления о снабжении Москвы, Ленинграда, Донбасса. Было установлено 4 группы снабжения: рабочие — пайщики потребительской кооперации (I), рабочие, не являющиеся пайщиками (II), прочие трудящиеся — пайщики (служащие, члены семей рабочих и служащих, кустари, лица свободных профессий) (III), прочие трудящиеся — не пайщики (IV). Средние душевые нормы снабжения определялись

на основе бюджетных данных о потреблении за предыдущий год. Для рабочих нормы потребления на 1929/30 г. были установлены несколько выше их фактического потребления в 1928/29 г.; для остальных трудящихся — ниже (см. табл. 4).

Таблица 4

**Нормы снабжения Москвы и Ленинграда,
установленные в 1929/30 г.**

Продукты	Норма по категориям потребителей (в кг на 1 человека)				
	I	II	III	IV	дети
Хлеб*	0,8	0,8	0,4	0,4	—
Крупа	3	2	1,5	0,75	—
Мясо*	0,2	0,2	0,1	0,1	—
Сельдь	0,8	0,8	0,5	0,25	—
Масло животное	0,6	0,5	0,5	0,3	0,4
Масло растительное	0,75	0,5	0,5	0,25	—
Сахар	1,5	1,5	1,5	1	0,5
Чай	0,05	0,05	0,05	0,025	—
Яйца (шт.)	10	10	10	—	20

* По хлебу и мясу приведены дневные, по остальным продуктам — месячные нормы.

Однако правительство оказалось не в состоянии выдержать установленный ассортимент и нормы снабжения даже в привилегированных индустриальных центрах* на второе полугодие 1929/30 г. нормы, введенные для Москвы и Ленинграда, были снижены. В условиях растущего продовольственного дефицита снабжение все более дифференцируется. В конце 1930 г. было установлено сначала два, а с 1931 г. — четыре списка городов, подлежащих централизованному снабжению.

Приоритет отдавался рабочим особого и первого списков, в которые вошли ведущие индустриальные объекты (предприятия Москвы, Ленинграда, Баку, Донбасса, Караганды, Восточной Сибири, Дальнего Востока, Урала). Рабочие второго и третьего списков (предприятия стекло-фарфоровой, спичечной, писчебумажной промышленности, коммунального хозяйства, хлебные заводы, мелкие предприятия текстильной промышленности, артели, типографии и пр.) получали по карточкам только часть товаров. Они обеспечивались централизованным снабжением хлебом, сахаром, крупой, ры-

бой, остальное — за счет местных ресурсов. В 1931 г. удельный вес особого и первого списков городов в общем контингенте составил около 40%, в централизованных фондах снабжения — 70—80%.

Январским 1931 г. постановлением коллегии Наркомснабба снабжение еще более дифференцировалось: все трудящееся городское население было разделено на группы по классово-производственному признаку. В первую группу входили рабочие, которые, в свою очередь, делились на индустриальных и прочих. К индустриальным рабочим, помимо тружеников фабрично-заводских предприятий, а также рабочих транспорта и связи, были отнесены: инженерно-технический персонал на производстве, комполитсостав Красной Армии и Флота, войск ОГПУ, строевой состав милиции, оперативные работники УГРО, ученики и преподаватели школ ФЗУ. К прочим рабочим, кроме незанятых в промышленном производстве, относились кустари, учащиеся и преподаватели индустриальных вузов и техникумов. Вторую социальную группу снабжения составляли служащие, а также члены семей рабочих и служащих, лица свободных профессий. Третью группу — дети до 14 лет.

В 1931 г. появились постановления о снабжении интеллигенции, в частности врачей и учителей. Они устанавливали, что снабжение этих групп населения должно зависеть от того, где они проживают и кто пользуется их услугами. В городах врачи и учителя должны были получать нормы индустриальных рабочих того списка, к которому относился данный город. Медицинские работники, учителя школ, обслуживающие предприятия, должны были пользоваться льготами этих предприятий.

Одновременно были снижены нормы снабжения на 1931 г., особенно населения городов второго и третьего списков. Однако эти нормы далеко не всегда выполнялись, как показала, в частности, проверка рабочего снабжения и общественного питания на заводах «Красное Сормово» и «Судоверфь» Нижегородского края летом 1931 г.

В 1932 г. нормы снабжения были снова понижены. Фактические нормы были существенно ниже указанных в постановлениях. Так, в июле 1932 г. Ивановский обком, исходя из выделенных фондов, установил следующие нормы продовольственного снабжения: для рабочих первого и особого списков — по 1 кг крупы, 0,5 кг мяса, 1,5 кг рыбы, 0,8 кг сахара (в месяц). Прочее население и рабочие предприятий второго и третьего списков получали только сахар.

Плохим было снабжение учителей, врачей, студентов. Им не гарантировался даже хлебный паек. По сведениям с мест, в большинстве районов крупа и сахар выдавались учителям и врачам нерегулярно: 2—3 раза в течение года по 400—500 г. Из 140 тыс. городских учителей в порядке централизованного снабжения мясом обеспечивались только 26 тыс. по норме 1—2 кг в месяц. Относительно хорошим было снабжение ученых I категории в Москве. В голодном 1933 г. им полагалось (в месяц): 3 кг муки, 1 кг крупы, 6 кг рыбных товаров, 2 кг мяса, 3 кг сахара, 1,5 кг масла животного, 700 г сыра, 7 кг овощей и фруктов, 10 яиц, 200 г растительного масла, 400 г маргарина, 100 г чая, а также 1 л молока в день.

Даже снабжение ведущих индустриальных центров шло с большими трудностями. В записке В.М. Молотову, подготовленной ЦСУ по данным бюджетов рабочих крупной промышленности, отмечалось, что в 1932 г. по главным промышленным районам резко снизилось потребление основных продуктов питания — мяса, рыбы, молока, масла. Выполнялась только норма хлеба. Особенно тяжелым на всем протяжении карточного снабжения было положение с мясом, жирами и молочными продуктами (следствие массового убоя скота крестьянами в период сплошной коллективизации).

В ситуации острейшего продовольственного кризиса правительство пыталось стимулировать развитие общественного питания. Для общепита также устанавливались нормы, которые отличались у различных предприятий и групп населения. Были разными и цены. В мае 1933 г. средняя цена обеда для рабочих была 84 коп., инженерно-технических работников — 2 руб. 08 коп., студентов — 87 коп., школьников — 57 коп. Цена обеда в коммерческих столовых для всех граждан составляла 5 руб. 84 коп.

Не справляясь со снабжением населения, государство призывало предприятия и организации искать источники самообеспечения: вести самозаготовки в глубинке, заключать договоры с колхозами, иметь собственные огороды, свинарники, молочные фермы, фабрики-кухни, столовые. Однако предприятиям был запрещен прямой обмен производимой промышленной продукции на продукты. Строго наказывалось руководство тех заводов, которое, стараясь обеспечить себя продовольствием, браковало свою продукцию и продавало ее колхозам. Широко рекламировался положительный опыт предприятий по созданию собственной продовольственной базы. Например, автозавод им. Сталина для обеспечения рабочих продовольствием купил несколько совхозов в Под-

москowie, в Гжатском районе, имел подшефные свиноводческие, мясо-молочные, овощные совхозы, водоемы в Московской области и Астрахани, свои пригородные огородные хозяйства, заключал договоры с рыбацкими и другими колхозами для обеспечения завода. Ему было выделено 7 районов для проведения самозаготовок.

Кроме того, в декабре 1932 г. появились постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о расширении прав заводууправлений в деле снабжения. С ними была связана дальнейшая дифференциация снабжения на производстве и попытка найти новые стимулы к труду. Постановления усиливали власть директора и требовали от него увязывать снабжение с интересами производства. Нормы снабжения внутри завода должны были определяться значением данного цеха, конкретной группы рабочих в производстве. Так, на заводе им. Марти в цехе были выделены следующие группы (по мере убывания норм снабжения): «треугольники» цехов, лучшие ударники, рабочие-неударники и служащие-ударники, служащие. На заводе «Серп и Молот» разные нормы имели ударники с почетными грамотами, ударники производственных цехов, ударники непроизводственных цехов.

Предписывалось иметь специальные магазины, столовые для ударников, доставлять им товары на дом, проводить соревнования за право быть прикрепленными к магазинам, применять дополнительное снабжение при перевыполнении плана. На предприятиях Азнефти, например, перевыполнив план на 10%, можно было дополнительно получить 1—1,5 кг сахара, 2—3 кг муки, 1 кг сыра, 4 кг кондитерских изделий, 1 кусок хозяйственного мыла и пару белья. В зависимости от выполнения плана распределялись ордера на обувь и одежду. Существовало и дифференцированное питание. Обеды для ударников должны были стоить дешевле при их более высокой калорийности. Полагалось обслуживать ударников вне очереди, отводить для них особые «ударные комнаты» (с белыми скатертями, цветами и музыкой) или отдельные столы. Прогульщиков и летунов, наоборот, предписывалось лишать «заборных» документов.

Однако, несмотря на применяемые меры, снабжение рабочих осуществлялось с большими перебоями и трудностями, нормы не соблюдались. В этой связи важную роль в обеспечении питанием рабочих играл рынок. В 1932 г. рабочий покупал около 30% мяса на рынке, в 1933 г. — около 80%, по сыру и творогу эти показатели составили соответственно 40 и 70%, по молоку — 60 и 30%, яйцам — 80 и

30%, рыбе — 9 и 60%, т.е. централизованное снабжение почти не давало рабочим животных и молочных продуктов.

Вся история карточного снабжения сопровождается проявлениями недовольства населения. Его формы были различны: бегство с предприятий, письма в ЦК и правительству, нажим на местные власти, голодные демонстрации и забастовки. Массовые выступления недовольных проходили в июне 1930 г. в Черноморском округе, в июле 1930 г. — в Казахстане, в апреле 1932 г. и феврале 1933 г. — на предприятиях Ивановской области.

В январе 1933 г. в редакцию «Известий» поступило письмо от 3 рабочих (Иваново), в котором говорилось: «Мы, старые рабочие, при капиталистическом строе так не жили, как сейчас. Текстильщики получают 100 руб. в месяц, по твердой цене только хлеб, остальное на рынке. Дети наши увядают от недоедания, не видят молока и сахара, картофель на рынке продается по штуке, в столовых мороженый картофель и вода. Жить так нельзя, в массах ропот и недовольство. Говорят о выступлениях по типу Вичуги и Тейкова». (Речь идет о забастовке рабочих на предприятиях Вичуги и Тейкова в апреле 1932 г.)

Ситуация со снабжением городского населения стала улучшаться после стабилизации положения в деревне. С января 1935 г. была отменена карточная система на хлеб, крупу и муку; с октября того же года — на все нормируемые продовольственные товары. По данным обследования бюджетов семей рабочих, ИТР, служащих за четыре года второй пятилетки потребление на душу населения важнейших продуктов питания увеличилось и составило в 1936 г. в процентах к 1932 г.: хлеба пшеничного — 263, мяса и сала — 267, фруктов и ягод — 195, яиц — 191, сахара — 143.

В 30-е гг. были достигнуты определенные успехи в области здравоохранения (в основном в городе). В 1913 г. один врач приходился в среднем на 5700 человек населения (потенциальных пациентов), одна больничная койка — на 760, в 1924 г. соответственно — на 4800 и 700 человек, в 1940 г. — 1200 и 250.

Материальное положение сельчан. Более тяжелым, чем в городе, и крайне неоднородным было материальное положение сельчан. По данным бюджетов колхозников, по сравнению с голодным 1933 г., в 1937 г. потребление важнейших продуктов питания (мяса, рыбы, жиров, сахара, кондитерских изделий) увеличилось в среднем на душу населения более чем в 2 раза. Средняя выдача зерна на один тру-

додень поднялась за вторую пятилетку по всем колхозам в 1,7 раза, поступления зерна по трудодням на один колхозный двор увеличилось с 6 до 17,4 ц, или в 2,9 раза.

Особая и трагическая страница социальной истории 30-х гг. — судьба «кулацкой ссылки». Согласно исследованиям В.Н. Земскова, первые годы ее были для спецпереселенцев крайне тяжелыми. Так, в докладной записке руководства ГУЛАГа от 3 июля 1933 г. в ЦКК ВКП(б) и РКИ, в частности, указывалось: повсеместно в спецпоселках Северного Края и Урала «отмечены случаи употребления в пищу разных несъедобных суррогатов, а также поедания кошек, собак и трупов падших животных... На почве голода резко увеличилась заболеваемость и смертность среди с/переселенцев... На почве голода имел место ряд самоубийств, увеличилась преступность... Голодные с/переселенцы воруют хлеб и скот у окружающего населения, в частности у колхозников... Вследствие недостаточного снабжения резко снизилась производительность труда... Истощенные спецпереселенцы не в состоянии выработать норму, а в соответствии с этим получают меньшее количество продовольствия и становятся вовсе нетрудоспособными. Отмечены случаи смерти от голода с/переселенцев на производстве и тут же после возвращения с работ...».

Особенно была велика детская смертность. В докладной записке Г.Г. Ягоды от 26 октября 1931 г. на имя Я.Э. Рудзутака отмечалось: «Заболеваемость и смертность с/переселенцев велика... Месячная смертность равна 1,3% к населению за месяц в Северном Казахстане и 0,8% в Нарымском крае. В числе умерших особенно много детей младших групп. Так, в возрасте до 3 лет умирает в месяц 8—12% этой группы, а в Магнитогорске — еще более, до 15% в месяц. Следует отметить, что в основном большая смертность зависит не от эпидемических заболеваний, а от жилищного и бытового неустройства, причем детская смертность повышается в связи с отсутствием необходимого питания».

К середине 30-х гг. крестьяне в массе своей обжились в местах высылки, и показатели рождаемости превысили показатели смертности. Сотрудников Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР серьезно беспокоило слишком быстрое, по их мнению, обогащение трудпоселенцев. Так, в сентябре 1938 г. начальник этого отдела М.В. Конрадов писал Н.И. Ежову в докладной записке: «...Некоторая часть трудпоселенцев пошла по пути хозяйственного кулацкого роста. Например, в Оборском районе Хабаровской области 64

хозяйства трудпоселенцев имеют по 3—5 коров, по 1 лошади, 2—3 свиньи, 2—3 головы молодняка. Имеют оружие, занимаются охотой. В Иркутской области рост количества скота в личном пользовании трудпоселенцев превышает рост обобщественного стада». Как известно, репрессии 1937—1938 гг. коснулись и ряда видных сотрудников НКВД, которых винили в том числе и в обогащении трудпоселенцев. В докладной записке Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР в ЦК ВКП(б) (февраль 1939 г.), в частности, отмечалось: «У руководства работой по кулацкой ссылке долгое время находились враги народа (Коган, Молчанов, Берман, Плинер, Фирин, Закарян, Вишневский и др.). Вредительство проводилось по следующим направлениям... Высланные кулаки ставились в привилегированное положение по сравнению с окружающими колхозами. Проводилась политика нового окулачивания трудпоселенцев за счет государства. По представлению врагов народа, орудовавших в НКВД, трудпоселенцы освобождались от госпоставок, налогов и сборов, им пролонгировались и вовсе списывались ссуды уже тогда, когда трудпоселки не только хозяйственно окрепли, но и по своему хозяйственному уровню стояли выше окружающих колхозов...»

В сентябре 1938 г. в трудпоселках (на 1 июля 1938 г. их насчитывалось 1741) имелось 1106 начальных, 370 неполных средних и 136 средних школ, а также 230 школ профтехобразования и 12 техникумов. Здесь было 8280 учителей, из них 1104 были трудпоселенцами. В учебных заведениях трудпоселений занималось 217 454 ребенка трудпоселенцев. Сетью дошкольных учреждений было охвачено 22 029 малолетних детей (в них работало 2749 воспитателей). 5472 ребенка, не имевших родителей, размещались в поселковых детских домах. В трудпоселках имелось 813 клубов, 1202 избы-читальни и красных уголка, 440 кинопередвижек, 1149 библиотек. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1935 г. «О школах в трудпоселках» разрешалось детям трудпоселенцев, окончивших неполную среднюю школу, принимать на общих основаниях как в техникумы, так и в другие специальные средние учебные заведения, а окончивших среднюю школу допускать на общих основаниях в высшие учебные заведения.

А как обстояли дела в области образования и культуры в стране в целом?

Ликвидация неграмотности. В 1926 г. 43% советских граждан в возрасте 9—49 лет и большинство людей старших

возрастов были неграмотны. Бурное развертывание индустриализации потребовало революционных изменений в области народного образования. В решениях XVI съезда ВКП(б), в постановлениях ЦК ВКП(б), ЦИК, Совнаркома СССР июня — августа 1930 г. была поставлена задача «проведения всеобщего обязательного первоначального обучения и ликвидации неграмотности». С 1930—1931 гг. повсеместно вводилось обязательное начальное (четырёхлетнее) обучение детей и подростков, не прошедших начального обучения. В промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих посёлках была поставлена задача осуществить всеобуч в объёме школы-семилетки. В результате по всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г. процент грамотного населения в возрасте старше 9 лет достиг 81,2 (мужчин — 90,8, женщины — 72,6).

Профессиональное обучение рабочих. Однако простой грамотности для решения задач индустриализации было недостаточно. Крайне остро встала задача подготовки квалифицированных кадров, прежде всего рабочих. В постановлениях XVI съезда ВКП(б) отмечалось, что нужно расширить сеть школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и школ массовых профессий, а также развивать краткосрочные формы подготовки и переподготовки рабочей силы.

Профессиональное обучение рабочих осуществлялось в стационарных учебных заведениях с отрывом и без отрыва от производства. Основной формой подготовки квалифицированных молодых рабочих стали школы ФЗУ. В годы первой пятилетки в систему ФЗУ входили школы с двухгодичным сроком обучения, которые готовили рабочих массовых профессий 3—4-го разрядов; школы с периодом обучения от 2 до 3 лет, выпускавшие квалифицированных рабочих-универсалов 5—6-го разрядов; школы со сроком обучения от 3 до 4 лет, готовившие наладчиков станков, контролеров и высококвалифицированных рабочих. Срок обучения в школах ФЗУ постепенно сокращался по мере роста общеобразовательной подготовки поступавших в эти учебные заведения. Чтобы обеспечить более тесную связь школ фабзавуча с производством, в 1929 г. они были переданы в ведение хозяйственных органов. Если в 1925/26 учебном году насчитывалось 2276 таких учебных заведений с числом учащихся в 228,3 тыс. человек, то в 1932/33 г. их было соответственно 3900 и 958,9 тыс.

Однако организация школ ФЗУ не поспевала за темпами индустриализации — большинство квалифицированных ра-

бочих кадров готовилось без отрыва от производства. В 1931 г. была установлена единая система рабочего обучения без отрыва от производства. Она состояла из следующих звеньев: вводные курсы знакомили новых рабочих с основами специальности, давали им элементарные навыки работы; производственно-политехнические курсы готовили кадры рабочих массовой квалификации (3—4-го разряда) и давали общее начальное образование; рабочая техническая школа занималась подготовкой рабочих средней и высшей квалификации и младшего технического персонала и одновременно повышением общеобразовательного уровня в объеме программы семилетней школы. За два года существования (1931—1932) этой системой было подготовлено для тяжелой индустрии 347 тыс. рабочих.

Подготовка кадров непосредственно на производстве осуществлялась и через индивидуально-бригадное ученичество на предприятиях, шефство старых производственников над молодыми рабочими. В годы первой пятилетки резко увеличилась численность учеников в крупной промышленности: с 133,3 тыс. человек в 1928 г. до 582,6 тыс. человек в 1932 г., т.е. в 4,4 раза, а удельный вес учеников к общему числу рабочих вырос с 5,5 до 12,9%.

Массовое освоение новых производств и новой техники требовало организации наряду с практическим и теоретического обучения. Постановлением Совета Труда и Оборона от 30 июня 1932 г. было введено обязательное обучение рабочих, обслуживающих сложные агрегаты, установки или механизмы, техническому минимуму знаний. С 1 октября 1932 г. устанавливался техниимум для рабочих ведущих специальностей металлургической, машиностроительной, угольной и химической промышленности. В начале второй пятилетки была введена сдача обязательного технинимума для всех рабочих.

В годы второй пятилетки (осенью 1933 г.) школы ФЗУ были реорганизованы в профессиональные учебные заведения для подготовки квалифицированных рабочих массовых специальностей (из лиц, окончивших семилетку). За счет сокращения общеобразовательных предметов сроки обучения уменьшались с 2 лет до 6 месяцев, а по наиболее сложным специальностям — до года. Это дало возможность увеличить пропускную способность школ ФЗУ. Однако эти меры были целесообразны на короткий период, лишь для ликвидации особенно острой нехватки обученных рабочих в промышленности. Школы ФЗУ с сокращенным сроком обу-

чения не обеспечивали подготовки квалифицированных рабочих по целому ряду специальностей, требовавших более высоких технических знаний и более длительного производственного обучения. Поэтому постановлением Совнаркома СССР в августе 1935 г. для учащихся, овладевавших в школах ФЗУ тяжелой индустрии особо сложными и ответственными специальностями, срок обучения был продлен до 1,5—2, а затем и 3 лет. Вскоре таким же образом была перестроена работа школ ФЗУ и других отраслей промышленности. За годы второй пятилетки система фабрично-заводского ученичества подготовила 1,4 млн. квалифицированных рабочих — втрое больше, чем в первой пятилетке.

Во второй пятилетке продолжались поиски наиболее рациональных форм обучения рабочих непосредственно на производстве. Производственно-политехнические курсы и рабочая техническая школа в 1933 г. были преобразованы в производственно-технические курсы I и II ступени, просуществовавшие до конца 1935 г. Производственно-технические курсы I ступени с шестимесячным сроком обучения готовили кадры рабочих массовых профессий; производственно-технические курсы II ступени, где обучение было рассчитано на 10 месяцев, готовили рабочих средней и высшей квалификации. Только за 1933 г. этой системой было подготовлено 178 тыс. квалифицированных рабочих для тяжелой промышленности.

Совершенствовались индивидуально-бригадное ученичество, шефство кадровых рабочих над новичками. В целом по промышленности численность учеников, получивших квалификацию таким путем, за 1933—1937 гг. составила около 1,6 млн. человек.

В период широкой реконструкции народного хозяйства и массового овладения новой техникой нельзя было ограничиваться только обучением новых кадров. Необходимо было вооружить знаниями передовой техники всех работающих на производстве. Основной формой повышения квалификации рабочих в годы второй пятилетки явился техминимум. Сдача его, обязательная сначала для рабочих металлургической, машиностроительной, угольной и химической промышленности, была постепенно распространена и на другие отрасли индустрии. Техминимум включал изучение ряда хозяйственно-политических, общеобразовательных и специально-технических вопросов, техники безопасности и хозрасчета.

В 1933 г. на предприятиях по инициативе комсомола развернулось движение за сдачу общественно-технического

экзамена на право управления механизмами, а в 1935 г. был введен государственный технический экзамен для рабочих, изучающих техминимум. Целью гостехэкзамена была проверка навыков, знаний и соответствия каждого экзаменуемого выполняемой им работе. Не выдержавшие экзамена отстранялись от обслуживания сложных агрегатов и механизмов, переводились на менее квалифицированную работу до повторной сдачи. Под руководством ИТР на предприятиях была создана широкая сеть курсов, школ, кружков технического просвещения, где рабочие изучали машины, технологические процессы, совершенствовали свою квалификацию. За короткое время большинство рабочих сдали экзамены по техминимуму. Так, в 1935 г. в системе Наркомата тяжелой промышленности государственные экзамены по техминимуму сдали 815,9 тыс. человек, или 91,3% всех рабочих, обязанных их сдать, по промышленности Наркомлегпрома — 177,3 тыс. человек, или 88% обязанных сдать экзамены. Многие рабочие, успешно сдавшие гостехэкзамен, были переведены на более ответственные должности или повышены в разрядах. Для ознакомления с опытом передовых рабочих-стахановцев и для повышения мастерства рабочих, имеющих квалификацию, но не выполняющих норм выработки из-за недостатка технических знаний и практических навыков, с осени 1935 г. стали организовываться стахановские школы.

Декабрьский (1935) Пленум ЦК ВКП(б) вынес решение о перестройке системы технической учебы рабочих без отрыва от производства. Был расширен контингент рабочих, проходящих обязательный техминимум, повышались требования, усложнялись программы. Устанавливалась единая система технического образования рабочих: курсы техминимума I и II ступеней, стахановские школы и курсы для рабочих, сдавших гостехэкзамен; курсы мастеров социалистического труда с двух-трехлетним сроком обучения для рабочих-новаторов производства. После этих решений техническая учеба без отрыва от производства приобрела особенно широкий размах. В общей сложности учебой по техминимуму за годы второй пятилетки было охвачено около 3/4 рабочих промышленности и транспорта.

Растущая военная угроза вызвала необходимость создания новой системы организованного пополнения промышленности квалифицированными рабочими — системы государственных трудовых резервов. В 1940 г. по решению СНК СССР и ЦК ВКП(б) в стране была создана государственная система профессионального обучения молодежи. Предусмат-

ривался ежегодный прием до миллиона юношей и девушек в ремесленные и железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) с содержанием их за счет государства. Выпускники школ и училищ распределялись на основе государственного плана по отраслям народного хозяйства и районам страны. Первый выпуск этих школ состоялся в мае—июне 1941 г. Народное хозяйство получило 439 тыс. молодых рабочих.

Подготовка специалистов. К началу первой пятилетки в народном хозяйстве резко возросла потребность в специалистах, способных освоить новейшие технологии. Однако квалифицированных работников было крайне мало. Так, в промышленности, находящейся в ведении ВСНХ, на 1 октября 1927 г. было занято всего 42,5 тыс. человек инженерно-технического и 8,3 тыс. экономического персонала. На 10 тыс. рабочих в промышленности приходилось 65 инженеров и 68 техников, т.е. в несколько раз меньше, чем в Германии и США. Более трети из них были специалистами-практиками, не имевшими высшего или соответствующего специального среднего образования. К 1929 г. число лиц инженерно-технического состава по сравнению с 1927 г. почти удвоилось, однако и в этот период в значительной степени за счет практиков, составивших почти половину специалистов. Еще больше осложнили проблему репрессии «спецов», развернувшиеся в годы первой пятилетки.

Нехватка специалистов стала сдерживать экономический рост. Например, тракторный завод им. Ф.Э. Дзержинского, построенный в рекордно короткий срок — за 11 месяцев, осваивался почти в течение года, так как многие инженеры, техники и рабочие завода не умели обращаться с новой техникой и слаженно работать в условиях поточного производства. Когда в 1931 г. на этом заводе у импортного фрезерного станка вышла из строя коробка передач, никто не мог понять, что же с ней случилось: чертежи были на незнакомом никому английском языке. Да и в самих чертежах никак не могли разобраться. Тогда приняли решение: разобрать другую, нормально работающую коробку передач и — по аналогии — узнать причину остановки.

Все это заставило принять ряд мер для того, чтобы расширить подготовку специалистов, в первую очередь из числа передовых рабочих, как через систему вузов и техникумов, так и через сеть специальных промакадемий, а также различных курсов. В 1929—1930 гг. вся система высшего и среднего технического образования была перестроена. Сфор-

мировалось много новых вузов и техникумов, укрепилась их материальная база, расширился выпуск учебных пособий и материалов. Для заново создававшихся в стране отраслей промышленности — авиационной, автотракторной, станкостроительной, химической, сельскохозяйственного машиностроения и ряда других — были созданы специальные вузы, факультеты, а также средние учебные заведения соответствующих профилей. В 1930 г. все высшие технические заведения перешли к хозяйственным наркоматам и объединениям. Основная масса (примерно $2/3$) молодых специалистов готовилась и использовалась в Наркомате тяжелой промышленности. В результате принятых мероприятий в 1932/33 г. сеть высшей школы (832 вуза) по сравнению с 1925/26 г. расширилась в 5,7 раза, а техникумов и других средних специальных учебных заведений (их насчитывалось 3509) — в 3,6 раза. Численность студентов и учащихся возросла соответственно в 3 и 4 раза.

Одновременно решалась проблема подготовки кадров хозяйственных руководителей. В конце 20-х гг. была создана Всесоюзная промакадемия, первый выпуск которой — 110 командиров производства — состоялся в 1930 г. По ее образцу аналогичные учебные заведения по подготовке высшего звена хозяйственников создавались и в других крупных промышленных центрах. В 1932 г. в 11 промакадемиях училось 2370 хозяйственников (впоследствии число таких академий увеличилось до 25). Наряду с курсами по теории марксизма-ленинизма и техническим дисциплинам они получали подготовку и по основам организационно-управленческой науки. Один из директоров той поры, И.В. Парамонов, вспоминал: «Тяга хозяйственников учиться в Промакадемии была огромна. ВСНХ не мог отпустить на учебу всех желающих. Так, мне было трижды отказано в просьбе послать на учебу в Промакадемию. Тогда были созданы при помощи вузов факультеты особого назначения — ФОНЫ — для учебы без отрыва от работы».

Поскольку коллективизация и механизация сельского хозяйства также потребовали «скачка» в подготовке руководящих колхозных кадров и специалистов, при МТС были организованы специальные курсы, которые окончили сотни тысяч председателей, завхозов, бригадиров, полеводов, животноводов и счетоводов колхозов. На руководящую колхозную работу было выдвинуто более 250 тыс. передовых колхозников, в том числе около 30 тыс. председателями колхозов.

Параллельно с расширением и совершенствованием различного рода учебной подготовки и переподготовки хозяйственных руководителей многие будущие руководители советской промышленности, в первую очередь из числа способных молодых специалистов, для ознакомления с зарубежным опытом направлялись на практику в европейские страны и США. Так, в 1929 г. ВСНХ СССР послал за границу 1200 инженеров и техников.

Все эти меры положительно сказались на качестве руководящих кадров, а через них — на качестве управления и на эффективности политики индустриализации. С мая 1930 г. по ноябрь 1933 г. число директоров и их заместителей в промышленности удвоилось. Причем, из 16,9 тыс. директоров и их заместителей в 1933 г. свыше половины (8,8 тыс.) были выдвинуты из рабочего класса, в том числе 6,4 тыс. (38%) — в годы первой пятилетки. Естественно, что большинство из них не имели высшего образования и прошли подготовку на факультетах особого назначения, созданных при технических вузах. Так, в конце первой пятилетки на таких факультетах во втузах трех ведущих наркоматов (НКТП, НКПС и НКЛегпром) обучалось свыше 2900 партийных и хозяйственных работников. В связи с концентрацией и механизацией производства в сельском хозяйстве число специалистов в отрасли к концу 1933 г. увеличилось по сравнению с 1929 г. в 2,8 раза и составило 180 тыс. Большинство из них работало в МТС и в районном звене управления.

К середине 30-х гг. «голод» на специалистов количественно удалось преодолеть. Однако более остро встала проблема улучшения качества их работы и соответственно обучения. Наметилось решение данной проблемы в двух направлениях. Во-первых, центр тяжести подготовки специалистов переместился из промакадемий в стационарные технические вузы (в 1940 г. все промышленные и отраслевые академии были упразднены). Выпуск специалистов высшей школы во второй пятилетке достиг 369,9 тыс. человек (за первую пятилетку выпущено 170 тыс. человек). Всего в промышленности в 1939 г. было занято 766,4 тыс. ИТР и 694,4 тыс. служащих.

Во-вторых, повышалось качество преподавания всех дисциплин в высшей школе как за счет более тщательного отбора профессорско-преподавательского состава, так и путем более широкого и тесного сочетания учебной работы с научно-исследовательской деятельностью. Во второй половине 30-х гг. для развития советской промышленности характерны качественные сдвиги в освоении новейших достижений на-

учно-технического прогресса и более тонкой технологии по выплавке электростали, производству новых химических материалов, более производительного и, как правило, сложного технологического и транспортного оборудования, а также военной техники.

Наглядное представление о качественном скачке в народном образовании, осуществленном в 30-е гг., дают следующие цифры. В 1914 г. в России насчитывалось 106 тыс. начальных школ, в которых работали 231 тыс. учителей, 4 тыс. средних школ, 400 вузов и техникумов; в 1927 г. соответственно 119 тыс., 347 тыс., 1,2 тыс., 1,2 тыс.; в 1940 г. — 192 тыс., 1216 тыс., 65 тыс., около 4,6 тыс. В 1927 г. на страну приходилось менее 1,5 млн. учеников 5—10-х классов и около 350 тыс. студентов институтов и техникумов; в 1940 г. — 13 и 1,8 млн. К концу второй пятилетки Советский Союз вышел на первое место в мире по числу учащихся и студентов, по темпам и объему подготовки специалистов.

Технические науки. Скачок в развитии образования обеспечил значительный прогресс в естественных и технических науках. Серьезные открытия были сделаны в ядерной физике: Д.В. Скобельцын разработал метод обнаружения космических лучей, Д.Д. Иваненко выдвинул теорию строения атомного ядра из протонов и нейтронов, А.Е. Иоффе изобрел многопластинчатый изолятор, Н.Н. Семенов успешно работал над проблемами теории цепных реакций. Исследования К.Э. Циолковского завоевали приоритет СССР в разработке теоретических проблем освоения космоса. В 1930 г. в стране строится первый в мире реактивный двигатель, работавший на бензине и сжатом воздухе, сконструированный Ф.А. Цандером.

В 1929 г. была основана Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ) с 12 институтами (президент С.И. Вавилов). В том же году образовалась Белорусская Академия наук. К концу первой пятилетки организованы Уральский, Дальневосточный и Закавказский филиалы, Казахская и Таджикская базы АН СССР; в 1935 г. вместо Закавказского филиала созданы три новых филиала: Азербайджанский, Армянский и Грузинский. В годы второй пятилетки открыты новые физико-технические институты в Харькове, Днепропетровске, Свердловске, Томске. В Москве под руководством академика С.И. Вавилова вырос крупнейший Научно-исследовательский физический институт им. П.Н. Лебедева (ФИАН). В 1934 г. создан Институт органической химии, в 1935 г. — Институт физических про-

блем, в 1937 г — Институт геофизики и др. Всего к 1937 г в стране имелось 867 научно-исследовательских институтов и их филиалов, в которых работали 37 600 научных сотрудников. До своей смерти в 1936 г продолжал исследования известный русский физиолог И. П. Павлов. Больших успехов добился выдающийся селекционер И. В. Мичурин. Видную роль в развитии советской и мировой науки сыграли Институт генетики АН СССР и Всесоюзный институт растениеводства (ВИР) (руководитель Н. И. Вавилов).

Однако развитие науки тормозили репрессии, от которых пострадали многие выдающиеся ученые, в том числе Н. И. Вавилов, С. П. Королев и др. Надолго прервалось нормальное развитие перспективных научных направлений (например, генетики), сформировался и получил широкое распространение тип лжеученого (такого, как Т. Д. Лысенко).

Общественные науки. Намного скромнее были достижения общественных наук, в основном служивших целям идеологического обоснования партийной политики. Ряд видных историков подвергся репрессиям: С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле и др. После постановлений ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» (январь 1931 г.) и «О работе Комкадемии» (март 1931 г.), письма И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» (октябрь 1931 г.), опубликованного в журнале «Пролетарская революция», общественные науки были поставлены под жесткий партийный контроль. Однако и в тот период было сделано много полезного. Возросла роль исторического образования, исторических исследований. По сравнению с 20-ми гг., характеризовавшимися вульгарно-классовым, во многом космополитическим отношением к истории (школа М. Н. Покровского), для приумножения исторических знаний создается более благоприятная атмосфера. В 1934 г. восстанавливается преподавание истории в университетах, создается Историко-археологический институт, в 1933 г. — Историческая комиссия, в 1936 г. в связи с ликвидацией Коммунистической академии и передачей ее учреждений и институтов в Академию наук был образован Институт истории. В 30-е гг. разворачивается преподавание истории в средней и высшей школе. С 1 сентября 1934 г. были восстановлены исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах, а к 1938 г. эти факультеты уже имелись в 13 университетах. Большую роль в подготовке специалистов в области гуманитарных наук играли Московский и Ленинградский институты истории, философии и литературы (МИФЛИ и ЛИФЛИ), а также

Историко-архивный институт и Институт народов Севера в Ленинграде.

Литература и искусство. Более трагическая ситуация складывается в области литературы и искусства. В апреле 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», которым ликвидировался относительный плюрализм периода нэпа в области художественного творчества: на смену многочисленным литературным группировкам было признано целесообразным создать единый Союз писателей СССР (I Всесоюзный съезд советских писателей состоялся в 1934 г.). Все многоцветье художественного творчества правящая партия пытается загнать в прокрустово ложе «социалистического реализма», мобилизовать на решение задач форсированной индустриализации. Репрессии 30-х гг. затронули и литераторов, прежде всего рапповских идеологов (Л. Авербаха, В. Киршона, И. Гроссман-Рощина, Г. Горбачева, Г. Лелевича и др.) и крестьянских писателей: из более чем 50 писателей, принадлежавших к литературным группировкам, сохранившимся до 30-х гг., были репрессированы трое — О. Мандельштам, С. Третьяков, И. Бабель; «крестьянские» же писатели (Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин, И. Касаткин, И. Приблудный, П. Васильев, В. Наседкин, Пимен Карпов) погибли все, кроме Карпова.

Однако и в эти годы как в рамках господствующего течения («соцреализма»), так и вне его (многие произведения второго типа стали известны намного позже) пишутся значительные произведения: «Тихий Дон» и 1-я часть «Поднятой целины» М.А. Шолохова, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, стихи и поэмы А.А. Ахматовой, П.Н. Васильева, Н.А. Клюева, О.Э. Мандельштама, М.И. Цветаевой, романы и повести А.М. Горького, А.Н. Толстого, Н.А. Островского, А.А. Фадеева, И.Ильфа и Е. Петрова и др.

В 30-е гг. создаются выдающиеся произведения советского кино: «Броненосец Потемкин», «Александр Невский» С. Эйзенштейна; «Мать», «Конец Санкт-Петербурга» В. Пудовкина; «Арсенал», «Земля» А. Довженко; «Путевка в жизнь» Н. Экка; «Семеро смелых», «Комсомольск» С. Герасимова; «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга» Г. Александрова; «Петр Первый» В. Петрова; «Чапаев» С. и Г. Васильевых; «Мы из Кронштадта» Е. Дзигана; трилогия о Максиме («Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона») Г. Козинцева и Л. Трауберга; «Человек с ружьем» С. Юткевича; «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» М. Ромма и др.

В живописи, скульптуре творят в эти годы А. Дейнека, М. Нестеров, П. Корин, М. Греков, П. Кончаловский, Ю. Пименов, В. Андреев, В. Мухина, И. Шадр; в музыке — Б. Асафьев, Р. Глиэр, Ю. Шапорин, Д. Шостакович и др.

§ 4. Народ и власть в годы индустриальной революции

Социальные отношения. В конце 20-х — 30-е гг. советское политическое руководство столкнулось с крайне сложной ситуацией. С одной стороны, ускоренный индустриальный рост являлся жизненной («стратегической») необходимостью для страны, с другой — добиваться его приходилось в конечном счете за счет ущемления непосредственных («тактических») материальных интересов трудящихся. При этом решать эту непростую задачу приходилось политическому режиму, легитимность которого в глазах народа определялась верностью идеалам социалистической революции: социальной справедливости, повышения материального благосостояния широких масс и т.д.

Как же решило эту проблему сталинское руководство? Представители тоталитарной школы полагают, что главным рычагом явилось государственное принуждение. Так называемые «ревизионисты» (пересмотр традиционных для западной историографии «тоталитарных» представлений о сталинском периоде начат в конце 1970-х гг. трудами американских историков, в первую очередь работами Ш. Фитцпатрик), не отрицая роли государственного насилия, все же полагают, что сталинские преобразования имели сильную поддержку «снизу», прежде всего со стороны рабочего класса.

В частности, по мнению известного американского исследователя, профессора Университета штата Индиана Х. Курмин, основным средством мобилизации всех ресурсов, избранным Сталиным, стала концепция «классовой войны», изначально предполагавшая поддержку со стороны рабочих, и именно «поддержка рабочих обеспечила основу для существования сталинского режима, который вырос из революции. Выдвинутая на фоне депрессии и массовой безработицы на Западе, советская индустриализация пробуждала героические, романтические... «сверхчеловеческие» усилия пафос строительства нового общества. Сталин сумел заручиться

поддержкой политических учреждений, коммунистов, комсомольцев, промышленных рабочих, направляя их против «классовых врагов». Таким образом, идеология «классовой войны» создала основу для сохранения режима.

«Классовая война». Как же конкретно раскручивался маховик «классовой войны»? Осуществляя эту стратегию («классовой войны»), Сталин опирался на вполне определенные настроения в рабочей среде (и не только в ней). Вопреки представлениям наших публицистов, рабочий класс был недоволен непом идеологически, эмоционально и, возможно, также материально. В ходе перевыборов Советов в 1926 г. встречались и такие высказывания: «Рабочие ютятся в подвалах... в то время как непманам предоставляется все. Непманов надо было бы потрусить, как в 1917 г.»

Ситуация накаляется к концу 20-х гг. В связи с ускорением индустриализации при незначительных фондах материального стимулирования предпринимаются попытки интенсификации трудового процесса, рационализации производства за счет трудящихся. В результате перезаключения зимой 1927—1928 и 1928—1929 гг. коллективных договоров, тарифной реформы, пересмотра норм выработки усиливается уравниловка, у отдельных категорий рабочих снижается заработок.

Как следствие, многие партийные организации отмечают политическую напряженность в массах. Недовольство рабочих, в основном высококвалифицированных, выражалось в форме коллективных обращений к руководящим органам с целью получения разъяснений сущности кампаний, подачи заявлений в связи с ущемлением прав, массовых уходах с общих собраний. Происходили кратковременные забастовки, правда, не отличавшиеся значительным числом участников. Прямых антисоветских выступлений на предприятиях не наблюдалось. На ряде рабочих собраний принимались резолюции представителей левой оппозиции, содержавшие требования повышения заработной платы, отмены новой тарифной сетки, пересмотра норм и расценок. «Партия 10 лет ведет неизвестно куда, партия нас обманывает, — фиксировали «органы» высказывания рабочих. — Фордовскую систему придумали коммунисты».

Растущее недовольство рабочих — неизбежное следствие политики затягивания поясов — партийно-государственное руководство сумело направить в русло «спецсуда». Роль громоотвода сыграл «Шахтинский процесс» (1928). По

«шахтинскому делу» были привлечены к ответственности инженеры и техники Донецкого бассейна, обвиненные в сознательном вредительстве, нарушении техники безопасности, законов о труде и т.д. Заседания Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по «шахтинскому делу» состоялись летом 1928 г. в Москве под председательством А.Я. Вышинского. Большинство обвиняемых было осуждено на длительное заключение — от четырех до десяти лет, 11 человек были приговорены к расстрелу, пять из них расстреляли, а шести ЦИК СССР смягчил меры наказания.

Что же на самом деле было в Донбассе? По словам старого чекиста С.О. Газаряна, в 1928 г. приезжавшего в Донбасс, здесь в тот период обычным явлением была преступная бесхозяйственность, ставшая причиной многих тяжелых аварий с человеческими жертвами (затопления и взрывы на шахтах и др.). В ряде хозяйственных и советских организаций процветали взяточничество, воровство, пренебрежение интересами трудящихся. За все эти преступления необходимо было, конечно, наказывать виновных. Не исключено, что в Донбассе были и единичные случаи вредительства. Однако в большинстве случаев обвинения во вредительстве, в связях с различного рода «центрами» и заграничными контрреволюционными организациями добавлялись уже в ходе следствия к обвинениям уголовного характера (воровство, взяточничество, бесхозяйственность и др.). Государственное же руководство на основе материалов процесса развернуло мощную пропагандистскую кампанию, призванную отвлечь недовольство широких масс трудящихся от негативных последствий форсированной индустриализации.

Публикация материалов о «вредительстве» в Донбассе вызвала в стране эмоциональную бурю. На собраниях рабочие высказывались за усиление внимания администрации к нуждам производства. Из наблюдений в Ленинграде: «Рабочие тщательно обсуждают сейчас каждую неувладку на производстве, подозревая злой умысел; часто слышны выражения: «не второй ли Донбасс у нас». В форме «спецедействия» выплеснулся на поверхность чрезвычайно больной для рабочих вопрос о социальной справедливости. Наконец-то «нашлись» конкретные виновники творящихся безобразий, люди, воплощавшие собой в глазах рабочих источник многочисленных случаев ущемления их прав, пренебрежения их интересами: старые специалисты, инженерно-технические работники — «спецы», как их тогда называли. Происками контрреволюции объявлялись в коллективах, например, за-

держка с выплатой заработка на 2—3 часа, снижение расценок и т.д.

После «шахтинской» пропагандистской встряски были проведены масштабные кампании по чистке государственного аппарата, партии и профсоюзов, набору новых кадров. Их отличительной чертой было широкое привлечение к участию в чистках рабочих, что отражало «прорабочий, антибюрократический дух, характерный для сталинской революции сверху». В ходе перестройки управления на уровне промышленных предприятий также активно использовался «пролетарский» контроль над «буржуазными» специалистами: выдвижение рабочих на административно-технические посты, самокритика, производственные совещания, ударническое движение и др. В результате в 1928—1929 гг. был создан новый режим на предприятиях: «своеобразное сочетание единого командного управления» (единоначалие) и «множественности форм контроля над управлением» (сверху — ГПУ, Рабкрин, снизу — рабочие). Свертывание рыночных отношений требовало замены экономических стимулов, что привело к усилению фактора «большевистской сознательности».

«Шахтинская» пропагандистская кампания, чистка, вовлечение рабочих в управление предприятиями всколыхнули пролетарскую массу. Развернулось движение ударничества и социалистическое соревнование, по мнению Куромии, сыгравшие решающую роль в осуществлении курса на индустриализацию (они приняли массовый характер после публикации 20 января 1929 г. в «Правде» статьи В.И. Ленина «Как организовать соревнование?»). Движение ударников зародилось снизу, на предприятиях, в среде молодых «романтически-воинственно» настроенных рабочих. Это были молодые, но относительно квалифицированные рабочие, занимавшие промежуточное положение между старыми, потомственными, и новыми рабочими — выходцами из деревни. При этом они находились в непривилегированном положении, подвергались определенной дискриминации в оплате труда, стремились улучшить свое социальное положение. Именно эти группы рабочих (в основном члены партии и комсомола) объединялись в ударные бригады для защиты своих интересов, начинали соревнование, требовали более высоких темпов индустриализации, поддерживали промышленную модернизацию, единоначалие, готовы были терпеть «временные трудности» во имя завтрашнего дня. Из рядов ударников наиболее интенсивно выдвигались рабочие на администра-

тивные посты, партийную и профсоюзную работу, что было одним из важных направлений социальной политики партии. Ударничество и социалистическое соревнование оказали чрезвычайно важную поддержку сталинскому руководству: помогли взвинтить темп индустриализации, провести промышленную модернизацию, реорганизовать заводскую тройку на принципах единоначалия и отобрать амбициозных, компетентных и политически надежных молодых рабочих для выдвижения.

Энтузиастам социалистического наступления приходилось преодолевать серьезное сопротивление ударничеству и соревнованию со стороны как старых потомственных рабочих, так и новых рабочих, пришедших из деревни. В 1926—1929 гг. рабочий класс пополнился выходцами из крестьянских семей на 45% и служащих почти на 7%. А в годы первой пятилетки крестьянство стало преобладающим источником пополнения рядов пролетариата: из 12,5 млн. рабочих и служащих, пришедших в народное хозяйство, 8,5 млн. были из крестьян. Однако с конца 1929 г. и «старые» и «новые» рабочие от конфронтации перешли к приспособлению, предпочитая пополнять ряды ударников в надежде получить выгоды, почет и привилегии.

Показательна в этом смысле история развития ударничества на Московском автозаводе. Зачинателем движения ударников здесь стал секретарь партячейки рессорного цеха А.П. Салов. Положение в цехе вплоть до 1929 г. было тяжелым. Мастером работал бывший заводчик Мохов, опиравшийся на группу рвачей и пьяниц. Они верховодили в цехе, издевались над рационализаторами и изобретателями, сопротивлялись нововведениям. Уволить их заводоуправление не решалось, ибо квалифицированных рабочих не хватало. Все попытки четырех коммунистов во главе с А.П. Саловым наладить дело встречались в штыки, вплоть до угроз и оскорблений. «Осиное гнездо», — так охарактеризовала в одном из своих номеров рессорный цех заводская газета «Вагранка».

И тогда Салов решил организовать ударную бригаду. Сначала никто из квалифицированных рабочих, за исключением коммунистов, не захотел туда вступать, вошли преимущественно чернорабочие. Совместно решили: уплотнить рабочий день, не прогуливать и не опаздывать, своевременно доставлять материал рессорщикам и кузнецам. На доске, которая стояла в центре цеха, бригадир написал мелом: «Салов, по статистике заводоуправления за 5 лет ни одного часа не прогулял, ... вызывает на соревнование злостных прогульщи-

ков Сабаева, Мусатова, Титова, Зайцева, Горшкова, Андреева последовать его примеру». Члены ударной бригады объявили беспощадную борьбу прогульщикам и пьяницам, зло высмеивали и резко критиковали нарушителей трудовой дисциплины. Ударники снизили расценки всех изделий на 30% и призвали последовать их примеру всех остальных.

На первых порах членам бригады проходу не было от других рабочих. Но ударники добились своего. Если раньше программу в 40 тыс. пружин в год выполняли шесть человек, то через четыре месяца три рабочих-ударника давали уже 140 тыс. пружин, сократив брак до 0,55%. Завели строгий учет. И когда за год работы получили премию в 4400 руб., распределили ее строго по делам каждого. Вскоре в цехе появилось 10 ударных бригад, а потом и весь цех стал ударным. Рессорщики вызвали на соревнование прессовый цех.

1930 г. цех закончил успешно: производительность труда возросла примерно на 27%, себестоимость продукции снизилась на 36%. Поввысилась заработная плата. Коренным образом изменилась обстановка. Почти все рабочие трудятся ударно, все учились: кто в техникуме, кто в вечерней школе. В течение 1930 г. 22 рабочих были приняты в партию и 12 — в комсомол. Цех стал одним из лучших на заводе. В марте 1931 г. А. П. Салов был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В целом, как считает Куромия, сталинскому руководству при осуществлении курса на индустриализацию удалось заручиться поддержкой широких слоев рабочих, партии, комсомола. Не последнюю роль сыграла в этом ликвидация безработицы, нараставшей на протяжении всех 20-х гг. Из-за аграрного перенаселения («к началу первой пятилетки — 8—9 млн. человек) деревня «выталкивала» в город все больше рабочих рук: в 1922 г. было официально зарегистрировано 160 тыс. безработных, в 1929 г.: на 1 апреля — 1741 тыс., на 1 октября — 1242 тыс. Накануне первой пятилетки безработные составили 12% от числа занятых в народном хозяйстве рабочих и служащих. И вот в 1930 г. на 1 апреля впервые зафиксировано снижение числа безработных — 1081 тыс., на 1 октября — всего 240 тыс. безработных. В 1931 г. безработица в СССР была полностью ликвидирована. Миллионы новобранцев индустрии получили ощутимый выигрыш от индустриального скачка.

Как же дальше развивалось рабочее движение? В 1930 г. разразился острый экономический кризис. В этих условиях концепция «классовой войны» неизбежно привела большеви-

ков к тому, что экономические проблемы были отнесены к «вредительству» классовых врагов. К развернувшимся кампаниям против «буржуазных» специалистов, на которых возлагалась ответственность за экономический кризис (массовые аресты, процесс «Промпартии»), широко привлекались рабочие, в которых постоянно поддерживались настроения ненависти к «вредителям». Чистки, выдвиженчество, направление рабочих в деревню губительно влияли на состояние предприятий, но сталинское руководство сознательно платило эту цену, так как в том типе экономики, который оно стремилось создать в 1930 г. («безденежной экономики»), массовая кампания виделась как противовес стимулам капиталистической, рыночной экономики. Кроме того, социальная политика партии подразумевала «орабочивание» государственных, партийных, профсоюзных аппаратов.

«Перемирие». В 1931 г. начинается новый этап, связанный с движением за восстановление порядка, некоторым ослаблением наступательного курса «классовой войны». 23 июня 1931 г. Сталин выступил на совещании хозяйственников с большой речью, в которой были сформулированы «новые задачи хозяйственного строительства»: «организованно набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами, механизировать труд»; «ликвидировать текучесть рабочей силы, уничтожить уравниловку, правильно организовать зарплату, улучшить бытовые условия рабочих»; «ликвидировать обезличку, улучшить организацию труда, правильно расставить силы на предприятии»; «добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная производственно-техническая интеллигенция»; «изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания и заботы, смелее привлекать их к работе»; «внедрить и укрепить хозрасчет, поднять внутрипромышленные накопления».

В 1931—1934 гг. «новый курс» выразился: в усилении контроля за финансами, введении хозрасчета в промышленном управлении; в реабилитации «буржуазных» специалистов и создании «рабоче-крестьянской технической интеллигенции»; в прекращении массовых выдвиганий и мобилизаций рабочих; в ликвидации «уравниловки» (ропуск ряда бригад и артелей, усиление различий в оплате в пользу квалифицированных рабочих). Сталинское руководство, очевидно, пришло к выводу, что «политика и идеология классовой войны, которая продвинула вперед курс на быструю индустриализацию, достигла своих непосредственных целей», и

вновь, как обычно «сверху», было предпринято некоторое отступление от политики «классовой войны».

Вскоре после совещания хозяйственников 10 июля 1931 г. было принято секретное постановление ЦК ВКП(б) «О работе технического персонала на предприятиях и об улучшении его материального положения». Постановление предусматривало не только пересмотр дел многих из осужденных специалистов, но и расширение прав ИТР — назначение на руководящие должности, ранее недоступные им по политическим причинам, отмену дискриминационных ограничений в доступе к материальным благам — в пользовании санаториями и домами отдыха, пособиями в случае болезни, получении жилплощади. Наиболее важными были пункты о запрещении органам прокуратуры, уголовного розыска и милиции вмешиваться в производственную жизнь предприятий, ликвидации на фабриках и заводах представительств ОГПУ и недопустимости ограничения оперативных распоряжений руководителей-хозяйственников партийными организациями. В последующие месяцы эти решения были подкреплены энергичными действиями руководства партии в поддержку хозяйственников и утверждения «единоначалия на производстве». Было также проведено некоторое перераспределение прав между наркоматами и предприятиями в пользу последних. Благодаря этим мерам позиции хозяйственной номенклатуры в короткие сроки существенно укрепились.

В результате многие руководители предприятий стали вести себя достаточно независимо, не опасаясь вступать в серьезные конфликты с карательными органами. Так, в ноябре 1933 г. Прокуратура СССР во исполнение специального постановления ЦК ВКП(б) и Совета Труда и Оборона СССР поручила транспортному прокурору южных железных дорог произвести следствие по делу о простоях и повреждении подвижного состава на заводах им. Рыкова и Ворошилова. Проверка подтвердила наличие огромных простоев транспорта и варварского обращения с транспортными средствами (выгрузку, например, для ускорения осуществляли через специально пробитые в полах вагонов дыры). Однако следствие столкнулось с большими проблемами из-за активного противодействия директоров обоих заводов. Как сообщал 26 ноября 1933 г. председателю ЦКК Я.Э. Рудзутаку прокурор СССР И.А. Акулов, «директора этих заводов гг. Пучков и Прапор не только не содействовали прокуратуре в выявлении фактов преступного отношения к транспорту и виновных лиц, но оказывали прокуратуре прямое противодействие... Тов Пра-

пор запрещал транспортному цеху завода давать прокуратуре необходимые для следствия сведения, не допускал на территорию завода судебных экспертов, противодействовал милиции при выполнении ею поручения прокуратуры о приводе заместителя начальника транспортного цеха..., уклоняясь от явки на допрос по вызову следователя.

Тов. Пучков дал распоряжение не допускать на территорию завода работников прокуратуры, также запретил давать сведения прокуратуре о простом и повреждении вагонов, распорядился заместителю директора по коммерческой части..., начальнику службы тяги... и другим лицам, вызванным на допрос, не являться к следователю... Мало того, т. Пучков угрожал пом. прокурору южных ж[елезных] д[орог]... приказом дать распоряжение охране завода стрелять по милиции, если таковая явится на завод по поручению прокуратуры». Акулов просил Рудзутака привлечь директоров к партийной ответственности и одновременно пожаловался наркому тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе. Тот же, по существу, взял своих подчиненных под защиту.

В этой истории, по справедливому заключению воссоздавшего ее отечественного исследователя О.В. Хлевнюка, «как обычно и бывает в конфликтных ситуациях, проявились многие трудноразличимые, так сказать, неформальные реальности времени. Прежде всего, обращает на себя внимание крайне независимая позиция директоров заводов, с легкостью конфликтующих с прокуратурой и грозящих милиции собственной вооруженной охраной. Местные прокуроры практически бессильны и единственно, что могут предпринять, — пожаловаться в Москву. Но директорам не указ и сам прокурор Союза. Он лишь просит вмешаться в дело ЦКК—РКИ и жалуется Орджоникидзе. Орджоникидзе, несмотря на положительный по форме ответ, фактически вновь берет своих подчиненных под защиту. Он не только не обещает как-либо наказать виновных, но предъявляет Акулову контрпретензии, обвиняя в произволе прокуроров».

Расширение экономической самостоятельности руководителей предприятий укрепляло их позиции и требовало законодательных гарантий их относительной безопасности. Такие гарантии время от времени подтверждались. Например, весной 1934 г. Прокуратура СССР установила новый порядок привлечения к уголовной ответственности хозяйственных и инженерно-технических работников по делам, связанным с их производственной деятельностью. Согласно новым правилам, возбуждение таких дел, за редкими, специально огово-

ренными исключениями, могло происходить «исключительно и только с разрешения краевого (областного) прокурора или республиканского прокурора в республиках, где нет областного деления. В этих случаях обязательно предварительное согласование с соответствующими хозяйственными организациями...» Руководство прокуратуры требовало обеспечить систематический прокурорский надзор за всем процессом следствия по этим делам. Органам расследования разрешался вызов хозяйственников и ИТР для допросов только с санкции соответствующего прокурора и с таким расчетом, чтобы эти вызовы не были связаны с отрывом от производства. За ненужный вызов хозяйственников или специалистов несет ответственность лично прокурор.

В конечном счете в основе относительно умеренного курса лежало признание значимости личного интереса, важности материальных стимулов к труду. Процветавшие в годы первой пятилетки проповедь аскетизма, призывы к жертвенности и подозрительное отношение к высоким заработкам сменялись идеологией «культурной и зажиточной жизни».

«Красная Россия становится розовой» — под таким заголовком поместила 18 ноября 1934 г. сообщение своего московского корреспондента американская газета «Балтимор сан». (Эта статья была включена в сводку выдержек зарубежной печати, которые регулярно готовили тогда для высших руководителей страны.) Среди фактов, призванных доказать это порозовение, автор называл не только перемены в управлении колхозами и промышленными предприятиями, но и распространение сдельной оплаты труда, отмену партмаксимума, увеличение ассортимента потребительских товаров, в том числе чулок из искусственного шелка, которые до недавнего времени числились в «идеологически невыдержанных», распространение тенниса, ранее порицаемого как «буржуазный спорт», джаза и фокстрота. «...Должен отметить еще одну черту, которая бросается в глаза: исчезновение страха, — рассказывал тогда, после пятинедельного пребывания в СССР, сотрудник нью-йоркской газеты «Форвертс» М. Хиной. — Прежнего кошмарного страха нет ни перед ГПУ, ни тем меньше перед милицией. Это исчезновение страха наблюдается прежде всего среди интеллигенции и прежних эппманов и кустарей. Не видно его и среди широкой массы обывателей. Исключение в этом отношении составляют коммунисты, еще не прошедшие чистки. Но после чистки коммунисты становятся откровеннее. Бросается в глаза изменение отношения к интеллигенции как к социальному

слюю. За ней ухаживают, ее обхаживают, ее подкупают. Она нужна».

Новое наступление. Положение меняется в конце 1935 — начале 1936 г.: политическое руководство предпринимает новый тур социалистического наступления. Чем это было вызвано? По весьма убедительному предположению немецкого профессора Р. Майера, следующим: «Историки-экономисты единодушны в том, что в 1933 г. началось ускоренное поступательное развитие в области экономики, подарившее Советскому Союзу «три отличных года», которые наряду с периодом нэпа вспоминаются многими советскими гражданами как самое благополучное время между двумя мировыми войнами. Хозяйственным руководителям была предоставлена относительная свобода действий. В экономической жизни упрочивался принцип рациональности. Налицо был рост валового объема продукции, с 1934 г. наблюдается снижение ее себестоимости и повышение качества. По советским данным, производительность труда выросла на десятки процентов. Со стабилизацией рубля приобрело значение денежное хозяйство. Вместе с тем более терпимое отношение Сталина к индивидуальному приусадебному хозяйству вызвало ощущение улучшения в снабжении населения продуктами питания. Но ситуацию нельзя видеть только в розовых тонах. Высокие доли прироста были возможны, конечно, ввиду крайне низкого исходного уровня. С другой стороны, уменьшение вмешательства в дела предприятий при относительной эффективности их собственной инициативы было чревато опасностью стагнации в будущем». В самом деле, последующая история советской экономики продемонстрировала: ослабление централизованного контроля за работой предприятий при отсутствии развитой рыночной инфраструктуры (а в условиях стратегии форсированного развития, в середине 30-х гг. никем не отмененной, о создании последней не могло идти и речи) ведет к застою. Кроме того, вряд ли высшему политическому руководству могла понравиться растущая независимость хозяйственных руководителей.

Сталин, недоверчиво относившийся к менеджменту и видевший угрозу своей политической свободе действий в экономических процессах, протекавших относительно автономно, начинает атаку именно в этой области. Главным средством форсирования экономического роста становится стахановское движение. При этом партия могла опереться на простых рабочих, поскольку завышенная прогрессивная

заработная плата стимулировала их заинтересованность в повышении производительности труда.

Движение получило имя донецкого шахтера Алексея Стаханова, в ночь с 31 августа на 1 сентября 1935 г. в 14 раз перекрывшего норму. Стаханова осыпали деньгами, подарками; он получил всесоюзную известность, став по сути национальным героем. Поддержанное сверху, стахановское движение быстро распространилось по всей стране. Его инициаторами в других отраслях стали П.Ф. Кривонос, Евдокия и Мария Виноградовы, Н. Сметанин, И. Гудов, А. Бусыгин. К середине ноября 1935 г. на каждом предприятии был свой стахановец.

Современный исследователь справедливо отмечает сложный, многослойный характер стахановского движения. Неоднозначными были мотивы, которыми руководствовались стахановцы. Преобладали, видимо, три из них: 1) материальный: «заработавший» вследствие общей экономической стабилизации рубль, широкое внедрение сдельной оплаты труда стимулировали повышение норм выработки; 2) социальный: приобщение к «племени стахановцев» резко повышало социальный статус рабочего. Стахановец-металлург В.М. Амосов вспоминал: «Кем я раньше был? Самым, как говорится, последним человеком... Соревнование пробудило во мне жажду знаний... Для таких, каким был я, создали курсы мастеров. Учился я на них с увлечением... и кончил курсы на «отлично»... Городской комитет партии направил меня в Харьков, в Промакадемию, продолжать учебу... Как передовика производства, меня избрали в состав руководящих партийных органов — членом горкома и обкома партии. В 1939 г. меня наградили орденом Трудового Красного Знамени, а весной того же года я был делегатом XVIII съезда нашей партии»; 3) патриотический. В годы первой пятилетки на советских предприятиях трудилось около 30 тыс. иностранных специалистов и рабочих: часть из них была захвачена пафосом социалистического строительства, стремилась интегрироваться в советский социум; другие как бы самоизолировались в рамках иностранной колонии; третьи, особенно иностранные «спецы», проявляли «колониально-пренебрежительное» отношение к советским рабочим. Стахановец, рабочий Московского станкостроительного завода им. С. Орджоникидзе, И.И. Гудов много лет спустя после совершения своих первых рекордов вспоминал: «Что заставило меня это сделать? Материальный интерес? Несомненно..., но не только это... Когда я взялся за дело и стал применять всякие поправки и при-

способления, сколько раз думалось: если заporю партию или станок сломаю, пожертвую всем: готов голодать, холодать, не только свою получку, но и получку жены принесу. А своего добьюсь! Очень меня за живое задели все эти разговоры, что советские рабочие какие-то недотепы». Аналогичное свидетельство директора 1-го ГПЗ И.И. Меламеда: «Когда наши инженеры выезжали за границу, то они чувствовали себя глубоко оскорбленными тем отношением, которое они там встречали. «Это норма американского рабочего, — говорили нам, — а мы рассчитывали на вашего рабочего, советского. Вы этой нормы, конечно, не вытянете». И нормы снижали на 15—20%. Это задевало самолюбие...

Движение захватило широкие слои рабочих. Максим Горький говорил об «огненном взрыве массовой энергии». От пролетариата не отставали представители других социальных слоев. «Стахановизм» порой принимал абсурдные формы: зубные врачи обязывались утронить норму по удалению зубов, балерины «по-стахановски» крутили фуэте, в театрах вместо двух премьер выпускали двенадцать... Есть свидетельства, что партия пыталась противодействовать этим «перегибам», но это удавалось не всегда. Стахановцы сопротивлялись регламентации «сверху».

В «верхах» наметились две интерпретации стахановского движения: преимущественно политическая и технократическая. Первая преобладала на прошедшем в ноябре 1935 г. в Москве Всесоюзном съезде стахановцев. Выступивший на нем Сталин занял «центристскую» позицию: назвал стахановское движение «наиболее жизненным и непреодолимым движением современности» и «будущностью нашей индустрии», в которой оно призвано «совершить революцию»; рекомендовал «дать в крайнем случае» инженерам и хозяйственникам, «этнм уважаемым людям, слегка в зубы», если они не проявят готовности и желания поучиться у стахановцев. Немалую лепту в политизацию понятия «стахановец» внес Н.С. Хрущев, заявивший, что «бдительность, твердость, беспощадность к врагу, кулакам, контрреволюционным троцкистам, зиновьевцам, к оппортунистам, которым, конечно, не по душе стахановские методы борьбы за социализм, — эти качества нужно воспитывать стахановцам в себе и во всех рабочих». Еще радикальнее был П.П. Постышев, назвавший стахановцев «самой сокрушительной силой для всей контрреволюции» и поставивший их как фактор власти в один ряд с армией и ГПУ.

Иные оценки стахановского движения прозвучали на декабрьском Пленуме ЦК ВКП(б), где численно преобладали хозяйственники. Пленум расценил это движение как новую форму организации труда, как рационализацию технологических процессов с разделением труда, введением сдельной заработной платы и т.д. Чрезвычайно высокие заработки Стаханова, сообщение о которых на съезде встретили овацией, были названы абсурдными. Отвергалась односторонняя направленность движения на массовость, говорилось о необходимости научно обосновать стахановские методы труда, материально стимулировать и труд инженеров; в целом придать стахановскому движению управляемость, ввести в него элемент подотчетности, поставив все достижения под контроль предприятий.

После речи Сталина началось выявление тех, кто проявил «равнодушие» к стахановскому движению. Предприятия стали ареной борьбы между руководством и рабочими. Ряды стахановцев стремительно росли. На многих предприятиях весной 1936 г. их число стало достигать 20—30% и более от общей численности коллектива. В основном это были молодые выходцы из деревни, с низким уровнем образования. Типичным для этой среды был подсобный рабочий средней квалификации. У них отсутствовали доселе столь непереносимые для карьеры «пролетарское происхождение» и «заслуги в коммунистическом движении». Подавляющее большинство стахановцев не состояло в партии. Их политическое сознание сводилось к аффектированной вере в Сталина как вождя.

Средствами массовой информации пропагандировались идеи о том, что «стахановское движение — это прямой путь к изобилию, какое будет при коммунизме», о «рождении нового человека». Вскоре газеты запестрели заголовками: «Чудеса нашей страны», «Чудеса произошли на руднике» и т.п. Очевидно, толчок этой лексике был дан в речи Сталина перед выпускниками Военной академии 4 мая 1935 г., когда он заявил: «Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса». Фигура Сталина в глазах стахановцев сакрализируется: «...И когда Вы взошли на трибуну, нас охватило мощное чувство радости... мы ближе прижались друг к другу и ощутили новый приток какой-то волшебной героической силы». Чувство единения побуждало их отвечать на речь Сталина обещаниями и обязательствами, принимавшими характер обетов. Нередко переход к труду по-стахановски сопровождался преображением человека.

Люди, не желавшие трудиться, превращались в образцовых рабочих, осужденные преступники находили в себе силы встать на путь добродетели. Тысячи стахановцев из Кремлевского дворца разъехались по стране. Нарком И.Е. Любимов писал: «Надо видеть и слышать, как они, приезжая к себе на фабрики и в колхозы, рассказывали сотням тысяч и миллионам трудящихся о встрече с товарищем Сталиным».

Однако суровая действительность плохо согласовывалась с мистическим умонастроением. Стахановская революция не располагала экономической теорией, при помощи которой она могла бы избирательно действовать против технических норм и правил. Движение вскоре превратилось в мощный неуправляемый поток пролетарской энергии, нанесший серьезный удар по производству.

1. Противостояние между стахановцами и хозяйственными руководителями привело к дестабилизации управления предприятиями.

2. Расстроились производственные связи, снабжение сырьем (непредсказуемые рекорды противоречили плано-распределительной экономической системе); сократился ассортимент продукции (производилось преимущественно то, на чем можно было устанавливать рекорды).

3. Выросли эксплуатация рабочей силы (за счет увеличения сверхурочных работ), производственный травматизм (профилактический ремонт приносился в жертву росту производственных показателей).

4. Снизились эффективность и качество производства (вследствие штурмовщины, неконтролируемого роста зарплат).

Расстройство экономики, крах ожиданий значительной части рабочего класса повели к поиску виновных. На новом витке развития как бы воспроизводилась ситуация 1930 г. Конфликты на предприятиях осмысливались стахановцами зачастую как «вредительство» хозяйственных руководителей. Поиски виновных, подстегиваемые партийным руководством, ввиду массовости стахановского движения приобрели огромные масштабы. И «гениальный» маневр Сталина заключался в том, что он терминологически связал с «троцкистами» так называемых «врагов стахановского движения», «врагов народа». Тем самым вождь ускользал от ответственности. Волна террора (конец 1936—1938 гг.) вновь захлестнула хозяйственные кадры, что привело к еще большей дезорганизации производства.

Однако стахановское движение имело и серьезный положительный экономический эффект. В первом полугодии 1936 г. в Москве, Ленинграде, на Урале и Украине состоялись отраслевые конференции по пересмотру технических нормативов и норм выработки. С учетом опыта работы стахановцев нормы выработки были повышены (по различным отраслям) на 13—47%. В результате массового освоения новых норм выработки и их перевыполнения весной 1937 г. в отдельных отраслях нормы были вновь повышены на 13—18%. Но и эти нормы были быстро освоены.

Стабилизация. Необходимость преодоления дезорганизующих производство сторон стахановского движения вызвала ужесточение трудового законодательства. 28 декабря 1938 г. было принято постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного и социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле», усиливавшее меры ответственности за нарушения трудовой дисциплины (увольнение за опоздание в 20 минут). Через полтора года трудовое законодательство вновь ужесточается, но это было связано скорее с угрозой близящейся войны. Указом от 26 июня 1940 г. устанавливался 8-часовой рабочий день при семидневной рабочей неделе, запрещался самостоятельный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Рабочее время каждого трудящегося увеличивалось в среднем на 33 часа в месяц. Самовольный уход с предприятия карался тюремным заключением на срок от двух до четырех месяцев, прогул без уважительной причины — осуждением к исправительно-трудовым работам по месту работы на срок до шести месяцев с удержанием до 25% заработной платы. Указ от 10 июля 1940 г. приравнивал к вредительству со всеми вытекающими отсюда последствиями выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции, несоблюдение обязательных стандартов.

Были также приняты меры по поднятию авторитета мастера на производстве. И.И. Гудов вспоминал: «с мастеров спрашивали за все — за количественное и качественное выполнение плана, за соблюдение технической и производственной дисциплины, за выработку норм, за чистоту на участке, за расходование материалов. За все на свете, вплоть до подписки на заем, сдачу зачетов на значок ГТО, явку рабочих на профсоюзные собрания...

Надо отдать должное народному комиссару тяжелой промышленности Вячеславу Александровичу Малышеву... На одной из коллегий Наркомата он говорил:

— Мы превратили мастера в мальчика на побегушках, чуть что — лупим его в хвост и в гриву... Требуем от него за все на свете, но сам он безликий. Это мы его таким сделали. Распоряжаться расстановкой рабочей силы он не может — на все требуется согласие начальника цеха, замначальника цеха, помначальника цеха. Поощрять рабочего материально он не может, налагать взыскания тоже не может. Устанавливать тарифный разряд не имеет права. Нормирование труда передано нормировщикам, приемка готовой продукции — контролерам ОТК. Что же у нас делает мастер? В основном выколачивает детали и материалы... А зарплата мастера? Да она сплошь и рядом ниже, чем у квалифицированного рабочего...

В.А. Малышев поставил этот вопрос в Политбюро... 27 мая 1940 г. было вынесено постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении роли мастера на заводах тяжелого машиностроения»... Вскрыв серьезные недостатки в положении мастера на производстве, правительство и Центральный Комитет установили, что «мастер является полноправным руководителем на порученном ему участке производства», что «все распоряжения цеховой администрации передаются рабочим только через мастера, который и отвечает за их выполнение». Было предложено разгрузить мастера от несвойственных ему функций. Ему предоставили право налагать дисциплинарные взыскания на нарушителей трудовой дисциплины и дезорганизаторов производства, с утверждения начальника цеха — принимать и увольнять рабочих. Мастер получил право распоряжаться установленным для выполнения плана фондом зарплаты, устанавливать тарифные разряды. В руки мастера был дан премиальный фонд для поощрения рабочих... Совнарком и ЦК ВКП(б) приняли решение повысить зарплату мастерам с таким расчетом, чтобы их заработок был выше зарплаты квалифицированных рабочих».

Социальные отношения в деревне. А что было в деревне? Думается, в современных публицистике, художественной литературе преувеличивается патриархальность, монопольность, идилличность доколхозного сельского мира; и соответственно абсолютизируется фактор государственного насилия в осуществлении коллективизации. Представляется более обоснованным положение о том, что одной «из причин

сравнительно легкой победы колхозного строя было именно отсутствие стабильности, молодость всех деревенских институтов. Коллективизация была четвертой аграрной реформой за 70 лет, третьим преобразованием села в XX в. Можно сказать, село привыкло не к покою и устойчивой жизни, а к постоянным переменам» (имеется в виду Великая реформа 1861 г., Столыпинская реформа, аграрная революция 1917—1918 гг.). Кроме того, крестьянство в годы нэпа по существу лишило перспективы: дойдя до определенного уровня доходов, хозяйство попадало под мощный налоговый, идеологический, административный пресс. Коллективизация же давала крестьянину шанс (по крайней мере, ему это обещали) подняться к более высокому уровню благосостояния на пути коллективного производства.

Изучение истинных социальных отношений на селе и в 30-е, и в последующие годы еще ждет своего исследователя. Советская историография приукрашивала картину, в последние годы преобладают однозначно негативные оценки. Возможно, ближе всего соответствуют истине наблюдения М. Левина: «...не о «коллективизации» надо говорить, а об «этатизации» советского сельского хозяйства и крестьянства, о создании своего рода принудительного труда для крестьян. Термины «феодализм» или «барщина» здесь не подойдут, хотя бы из-за слишком большой социальной мобильности, текучести, возможности увильнуть от работы, уйти в город на стройки пятилетки.

Отсюда сложность в понимании сути колхозной системы. С одной стороны, ясно, что это система подневольная, нацеленная не на производство, а прежде всего на выжимание продукта крестьянского труда.

Но, с другой стороны, были в колхозной системе явления, которые заставляют воздержаться от полного и безоговорочного осуждения, заставляют остановиться и призадуматься. Надо все время проверять себя «контрольными вопросами». Вот три из них, которые я часто себе задаю. Первый: а что же тогда представлял собою по сути тот колхоз им. Ворошилова под Минчуринском, где я работал в 1941 г.? Он казался мне слаженной организацией. Там было 70 семей. Работали без МТС, т.е. в основном по-старому. Руководили колхозом пятеро хозяйственных авторитетных мужиков, и они всегда советовались со стариками. Это даже был ритуал: приглашали дедушку Трофима, отца кладовщика Ивана Трофимовича, и в присутствии всего народа — прекрасно эту сцену помню — спрашивали: «Когда нам выходить-то?» (т.е. когда уборку

начинать). А в соседнем колхозе было 300 семей, была МТС, но «мои» колхозники над теми посмеивались — баре, мол, их будят на работу в девять утра — и то не торопятся, да к тому же еще и председатель пьяница. Тут все сказано: один колхоз пока свой, крестьянский, второй уже полностью «загосударствен», технику им вливают, как касторку в горло...

Мой второй «контрольный вопрос»: откуда брались колхозы-миллионеры? Не все же было «дудное». И третий — что стояло за ростом сельскохозяйственного производства, начиная с реформ Хрущева? Я не говорю о целине. Но не было ли это проявлением какого-то потенциала колхозно-совхозной системы, который мог бы реализоваться через реформы, но не реализовался?

Подобные вопросы могут помочь нам воздержаться от окончательного приговора. Нечего нам с этим торопиться».

Исследование советского общества 30-х гг. западными историками-ревизионистами показывает, что следующий («почти провоцирующий Запад», по словам Р. Майера) вывод, сделанный философом Александром Зиновьевым, не столь уж парадоксален: «Дело заключается в том, что сталинизм, несмотря на все мерзости, был истинным господством народа, господством народа в глубочайшем (я не говорю: в лучшем) смысле слова, а сам Сталин — истинным вождем народа... Такие репрессии (имеются в виду великие чистки. — Р.М.) были проявлением личной инициативы широких народных масс. И сегодня трудно установить, чье участие было больше — высокопоставленных преступников со Сталиным во главе или этих широких, якобы введенных в заблуждение народных масс».

§ 5. Развивающая диктатура

Форсированное экономическое развитие 30-х гг., осуществлявшееся за счет порой катастрофического падения уровня жизни широких народных масс (особенно в годы первой пятилетки), на базе экспансии методов директивного управления народным хозяйством, расширения сферы принудительного и полупринудительного труда в экономике, вело к ужесточению политического режима в стране, к усилению идеологического прессинга. Чтобы реализовать индустриальный скачок, надо было, по сталинским словам, «подхлестывать страну»: вдохновить, мобилизовать народ на напряженный труд, преодолеть сопротивление недовольных.

Первая «встряска» авангарда. Для этого, в первую очередь, следовало перевести властную вертикаль из «мягкого» (изповского) режима работы в «жесткий»: повысить интенсивность труда функционеров партийно-государственного аппарата, уровень их исполнительской дисциплины. Государственный аппарат 20-х гг., «успешно» возродивший за годы нэпа худшие традиции российской бюрократии: неповоротливость, коррумпированность и др., был мало пригоден для «революционных» действий. В конце 20-х — 30-е гг. центр тяжести переносится на партийные (после их предварительной «встряски»), чрезвычайные (политотделы МТС, совхозов, на транспорте и др.), карательные органы (система НКВД—ОГПУ и др.).

Главная политико-мобилизующая роль отводилась партии. Кризис 1928—1929 гг. обнаружил неготовность части партийных организаций к проведению «жесткого» курса. За годы изповского гражданского мира в сельских и городских ячейках широко распространялись, как тогда говорили, «хвостистские» настроения (т.е. партийцы ориентировались преимущественно не на директивы высшего руководства, а на настроения «отсталых» масс: «плелись у них в хвосте»). Так, во время хлебозаготовок зимне-осеннего периода 1928 г. «отдельные сельские ячейки не только не руководили кампанией, но даже выступали (как ячейка в целом) против мероприятий, проводимых на селе, проваливали предложения в самообложении, плелись в хвосте крестьянской массы, скрывали свое партийное лицо...». В 1928—1929 гг. органы ОГПУ фиксировали на заводах многочисленные случаи, когда «коммунисты (и комсомольцы) возглавляли волынщиков, от имени рабочих подавали коллективные заявления-протесты (в связи с пересмотром норм и расценок), агитировали за забастовки, шли против линии парторганов»; бойкотировали сами и призывали рабочих к бойкоту заводских собраний. На Украине посещаемость собраний среди коммунистов (24,8% общего числа партийцев) была меньше, чем среди беспартийных (25,3%).

С другой стороны, за «спокойные» изповские годы многие парторганизации обюрократились, окостенели, оторвались от масс. «Были случаи, — фиксируют сводки ОГПУ, — когда рабочие не хотели и слушать секретарей и членов бюро ячейки, гнали их с трибуны. В ходе забастовок такие ячейки проявили полную растерянность, не умели мобилизовать членов ячейки, чтобы попытаться произвести в настроениях рабочих перелом».

Особенно противоречивая ситуация складывалась в деревенских ячейках. Наряду с «хвостизмом» здесь были широко распространены прямо противоположные настроения. В период хлебозаготовительного кризиса 1928—1929 гг. со стороны деревенских активистов в адрес крестьян раздались угрозы типа: «Мы вам припомним 18-й год», «заткнем глотку»; были случаи избияния строптивых, по ночам устраивались облавы и обыски в поисках спрятанного хлеба и т.д.

Административная «зарегулированность» рыночных отношений, характерная для нэпа, создала благоприятную почву для коррупции партийно-государственного аппарата. Неизбежной статьёй расходов в данном типе экономики является «смазка» административных «оков» — подкуп должностных лиц (чтобы приобрести дефицитные товары, распределявшиеся по классовому принципу, получить льготы по налогообложению и т.д.). В конце 20-х гг. в ходе подготовки к форсированной индустриализации были вскрыты факты коррупции, бытового разложения партийно-государственных функционеров. Они гипертрофировались официальной пропагандой, послужив основой громких пропагандистских кампаний: «астраханское дело», «смоленский гнойник» и др.

Последние легли на подготовленную почву. В литературе приводятся типичные высказывания рабочих конца 20-х гг.: «Я коммунистам не доверяю», «В партии все карьеристы. Пробивают себе дорожку к большому жалованью да к тому, чтобы полегче жить», «Коммунистическая партия не старается за рабочих, не отстаивает их интересов, а старается для блага кучки, которая получает по 150 руб. в месяц и живет на широкую ногу», «не иду в партню потому, что нет ни одного партийца в нашей ячейке с открытой душой, не зависящего от должностных лиц, видны только должностные лица, от которых пахнет черствятиной», «Все партийцы — двуличные приспособленцы». Тревожным симптомом ухудшения отношений между партией и пролетариатом был усилившийся во второй половине 20-х гг. отсев рабочих из ВКП(б). Например, по московской парторганизации с 1 сентября 1927 г. по 1 апреля 1928 г. выбыло 1046 человек, из них 80% рабочих.

Учитывая сложившуюся ситуацию, апрельский 1929 г. Пленум ЦК и ЦКК и XVI конференция ВКП(б) провозгласили курс на очищение партии от несоблюдающих «классовую линию», морально разложившихся, нарушающих революци-

онную законность коммунистов. В результате чистки общая убыль партийных рядов составила 11,7% (без апелляций).

В ходе регулирования роста партии в конце 20-х гг., парт-чистки 1929—1930 гг. в ВКП(б), главным образом, набирали рабочих от станка, бедняков и сельскохозяйственных рабочих, ужесточались условия приема представителей интеллигенции, учащихся и др.; из партии вычищали, в первую очередь, крестьян (особенно зажиточных), служащих. Эта кадровая политика соответствовала стратегической установке на «классовую войну» как основной рычаг форсирования индустриализации. Новые «кадры» в силу низкого культурного уровня были малопригодны для ведения партийной работы политическими методами. Они были, скорее, предрасположены к административным способам проведения в жизнь некритически воспринимаемых «директив» высшего партийного руководства, которое становится практически неконтролируемым «снизу». Так, в 1928 г. прекращается рассылка на места стенограмм пленумов ЦК, планов работ Политбюро и Оргбюро, в 1929 г. прекращено издание информационного журнала «Известия ЦК ВКП(б)»; реже созываются партийные съезды, конференции, пленумы ЦК ВКП(б) (XII съезд состоялся в 1923 г., XIII — в 1924 г., XIV — в 1925 г., XV — в 1927 г., XVI — в 1930 г., XVII — в 1934 г., XVIII — в 1939 г.).

Превентивный удар и политический громоотвод. Встряхнув партию, партийно-государственное руководство инспирирует ряд политических процессов, призванных подавить в зародыше возможный региональный сепаратизм, направляет в «нужное» русло недовольство масс ухудшением условий жизни.

«Шахтинское дело» было не единственным. Весной 1930 г. на Украине состоялся открытый политический процесс по делу «Союза вызволения Украины» во главе с крупнейшим украинским ученым, вице-президентом Всеукраинской Академии наук (ВУАН) С.О. Ефремовым. Кроме него на скамье подсудимых оказалось свыше 40 человек. Согласно обвинению, «Союз вызволения Украины» имел целью свержение советского правительства и превращение Украины в буржуазную страну «под контролем и руководством одного из соседних иностранных буржуазных государств». Все обвиняемые признали себя виновными в контрреволюционной деятельности, однако приговор оказался сравнительно мягким (учитывая тяжесть обвинений): основным обвиняемым, «принимая во внимание их искреннее раскаяние на суде»,

смертная казнь была заменена 8—10 годами лишения свободы, остальных приговорили к меньшим срокам лишения свободы, девять из них осуждены условно.

Исследователи расходятся в мнении о том, существовали ли на самом деле «Союз вызволения Украины» и «Союз украинской молодежи». Специально исследовавший этот вопрос Х. Куромия отмечает: «На наш взгляд, обвиняемые, пожалуй, согласились бы со слухами в кругах интеллигенции: «Союза вызволения Украины» не было, хотя он и должен был бы существовать». Ускоренная индустриализация и сплошная коллективизация неизбежно должны были вызывать сопротивление. Процесс над членами «Союза вызволения Украины», очевидно, явился превентивной акцией против возможного объединения недовольных под националистическим знаменем.

В том же году было объявлено о раскрытии еще одной контрреволюционной организации — Трудовой крестьянской партии, которую якобы возглавляли экономисты Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов, Л.Н. Юровский, ученый-агроном А.Г. Дояренко и некоторые другие. Осенью 1930 г. появилось сообщение о раскрытии ОГПУ вредительской и шпионской организации в сфере снабжения населения важнейшими продуктами питания, особенно мясом, рыбой и овощами. По данным ОГПУ, организация возглавлялась бывшим помещиком профессором А.В. Рязанцевым и бывшим помещиком генералом Е.С. Каратыгиным, а также другими бывшими дворянами и промышленниками, кадетами и меньшевиками, «пробравшимися» на руководящие хозяйственные должности. Как сообщалось в печати, они сумели расстроить систему снабжения продуктами питания многих городов и рабочих поселков, организовать голод в ряде районов страны, на них возлагалась вина за повышение цен на мясо и мясопродукты и т.п. В отличие от других подобных процессов приговор по этому делу был крайне суров — все привлеченные (46 человек) были расстреляны по постановлению закрытого суда.

25 ноября — 7 декабря 1930 г. в Москве состоялся открытый процесс над группой авторитетных технических специалистов, обвиненных во вредительстве и контрреволюционной деятельности, — процесс Промпартии. К суду было привлечено восемь человек: Л.К. Рамзин — директор Тепло-технического института, специалист в области теплотехники и котлостроения; специалисты в области технических наук и планирования: В.А. Ларичев, И.А. Калинин, Н.Ф. Чар-

новский, А.А. Федотов, С.В. Куприянов, В.И. Очкин, К.В. Ситнин. На суде все обвиняемые признали себя виновными.

Через несколько месяцев в Москве прошел открытый политический процесс по делу так называемого Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков). К суду были привлечены: В.Г. Громан, член президиума Госплана СССР; В.В. Шер, член правления Государственного банка; Н.Н. Суханов, литератор; А.М. Гинзбург, экономист; М.П. Якубович, ответственный работник Наркомторга СССР; В.К. Иков, литератор; И.И. Рубин, профессор полнтэкономии и др., всего 14 человек. Подсудимые признали себя виновными. Осужденные по «антиспецовским» процессам (за исключением расстрелянных «снабженцев») получили различные сроки лишения свободы.

Как следователи добивались «признаний»? М.П. Якубович впоследствии вспоминал: «Некоторые... поддались на обещание будущих благ. Других, пытавшихся сопротивляться, «вразумляли» физическими методами воздействия — избивали (били по лицу и голове, по половым органам, валили на пол и топтали ногами, лежавших на полу душили за горло, пока лицо не наливалось кровью и т.п.), держали без сна на «конвейере», сажали в карцер (полураздетыми и босиком на мороз или в нестерпимо жаркий и душный без окон) и т.д. Для некоторых было достаточно одной угрозы подобного воздействия с соответствующей демонстрацией. Для других оно применялось в разной степени — строго индивидуально — в зависимости от сопротивления каждого».

Политические процессы конца 20-х — начала 30-х гг. послужили поводом для массовых репрессий против старой («буржуазной») интеллигенции, представители которой работали в различных наркоматах, учебных заведениях, в Академии наук, в музеях, кооперативных организациях, в армии. Основной удар карательные органы наносили в 1928—1932 гг. по технической интеллигенции — «спецам». Тюремь в то время назывались остроками «домами отдыха инженеров и техников».

Последняя оппозиция. Нарастание социально-экономического кризиса не могло не отразиться и на настроениях партийцев. Правда, XVI партсъезд (26 июня — 13 июля 1930 г.) прошел без каких-либо признаков существования организованной оппозиции. Правые оппозиционеры снова были осуждены, а Рыков и Томский принуждены к раскаянию.

Официальное осуждение всех уклонов и наступившее внешнее единодушие вокруг Сталина не означали, однако,

что со всеми оппозиционными настроениями было покончено. Нарастающий экономический кризис, варварские методы коллективизации не могли не вызвать недовольства в партийных рядах. В декабре 1930 г. страна узнала о деле С.И. Сырцова, кандидата в члены Политбюро, председателя Совнаркома РСФСР, и В.В. Ломинадзе, секретаря Закавказской парторганизации. Первому поставили в вину скептицизм по поводу темпов индустриализации, второму — обвинение партии и Советов в феодальном отношении к рабочим и крестьянам. Высказывания Сырцова и Ломинадзе, их контакты с другими членами партии были квалифицированы как заговор. Это дело явилось в какой-то степени этапным с точки зрения уставных принципов партии. Впервые члены ЦК (Сырцов и Ломинадзе) были исключены из его состава не на пленарном заседании ЦК, которое только и могло по уставу решить этот вопрос, а на совместном заседании Политбюро и Центральной контрольной комиссии.

Оппозиционные настроения на время удалось приглушить, однако дальнейшее ухудшение социально-экономического положения в стране в 1932—1933 гг. вновь их усилило. Летом 1932 г. было открыто дело так называемого «Союза марксистов-ленинцев», идейным вдохновителем которого был М.Н. Рютин, бывший московский «правый уклонист». Он подготовил и распространял документ под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и обращение «Ко всем членам ВКП(б)», возлагавшие на Сталина личную ответственность за губительные последствия «авантюристических темпов индустриализации» и «авантюристической коллективизации», требовал его смещения. Эти документы, обнаруженные ОГПУ, были объявлены платформой оппозиции. По свидетельству Б. Николаевского (в свою очередь ссылавшегося на Н.И. Бухарина), Сталин настаивал на аресте и смертном приговоре Рютину, но неожиданно столкнулся с сопротивлением большинства членов Политбюро. В результате Рютин был сослан, Зиновьев и Каменев и др., привлеченные по делу «Союза марксистов-ленинцев», снова были исключены из партии и сосланы. Несколькими месяцами позже, если верить письму, отправленному Троцкому его сыном Л.Седовым, был сформирован, хотя и достаточно эфемерный, блок оппозиции. Этот блок, созданный прежде всего для обмена информацией, включал в себя представителей как правой, так и левой оппозиции.

1933 г. был отмечен новой внушительной чисткой партии, объявленной на январском 1933 г. Пленуме ЦК и раз-

вернутой в мае. Чистка, очевидно, была призвана максимально ограничить неизбежный (вследствие тяжелейшей социально-экономической ситуации) рост оппозиционных настроений в рядах партии — несущей опоры режима. Масштабы чистки, которая длилась полтора года вместо намеченных пяти месяцев и завершилась исключением 18% коммунистов (в то время как 15% членов «вышли» из партии добровольно), вероятно, соответствовали масштабам кризиса партии.

«Мирная передышка». 26 января 1934 г. открылся XVII партсъезд, «съезд победителей», по выражению С. М. Кирова, формально продемонстрировавший единение партийного руководства вокруг Сталина. С одной стороны, в его работе и решениях отразилась общая для страны атмосфера некоторого «потепления» (относительное миролюбие, сравнительная сдержанность формулировок, меньшая ориентированность на обострение классовой борьбы, принятие реалистической экономической программы и др.).

С другой стороны, по наблюдениям французского исследователя Н. Верта, в докладе Сталина был сделан вывод, потенциально содержащий угрозу нового ужесточения политического курса. «После того, как дана правильная линия, — говорил Сталин, — после того, как дано правильное решение вопроса, успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии... Организационная работа решает все, в том числе и судьбу самой политической линии...» Получалось следующее: поскольку линия партии верна, постольку существующие проблемы объясняются разрывом между директивами партийного руководства и тем, как они выполняются. По существу, брался курс не на анализ реальных противоречий и сложностей советского общества, а на поиск виновных в невыполнении партийных директив. Причем, в реальной жизни было сложно провести грань между невыполнением по глупости, халатности, из-за нереалистичности директивы или вследствие умышленного саботажа, заговора. Кроме того, на съезде было принято важнейшее решение, практически сделавшее высшее руководство страны полностью бесконтрольным от кого бы то ни было: ЦКК—РКИ, правомочная контролировать партийно-государственные органы всех ступеней, преобразуется в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) и Комиссию советского контроля при Совнаркоме СССР, т.е. в органы, не контролируемые ЦК и Совнарком, а им подчиненные, обеспечивающие контроль центра над периферией.

В литературе приводятся сведения о том, что во время XVII съезда ВКП(б) ряд высокопоставленных партийных деятелей (фамилии называются самые разные — Косиора, Эйхе, Шеболдаева, Орджоникидзе, Петровского и т.д.) обсуждали планы замены Сталина на посту Генерального секретаря ЦК Кировым. Киров якобы отказался, а об этих разговорах стало известно Сталину. При выборах ЦК на XVII съезде партии, по свидетельству некоторых членов счетной комиссии, против Сталина проголосовали многие делегаты (цифры называют разные — от 270 до 300). Сталин, узнав об этом, приказал изъять бюллетени, в которых была вычеркнута его фамилия, и публично на съезде объявить, что против него подано всего три голоса. Однако «пока нет документов, при помощи которых можно было бы отвергнуть или окончательно подтвердить все эти сведения». Единственный объективный факт заключается в том, что проведенное повторное изучение документов XVII съезда выявило исчезновение 166 бюллетеней для голосования делегатов. Причины исчезновения до сих пор не выяснены и по-разному интерпретируются.

Не менее запутанный вопрос — обстоятельства убийства 1 декабря 1934 г. С.М. Кирова. Наиболее убедительной на сегодняшний день нам представляется версия об убийце-одиночке. Система соответствующих аргументов приведена в работе А.А. Кирилиной. Однако, несмотря на разногласия в трактовке проблемы инициаторов убийства, всем исследователям очевидно, что оно привело к ужесточению политического режима в стране. Вскоре после декабрьской трагедии ЦК разослал всем партийным организациям закрытое письмо «О последствиях событий, связанных со злодейским убийством товарища Кирова». В письме констатировалось существование заговора, в который якобы были вовлечены троцкисты и зиновьевцы. В нем содержался призыв вынскивать и изгонять из рядов партии сочувствующих Троцкому, Зиновьеву и Каменеву. В излагаемой официальной версии убийства Кирова сообщалось, что оно совершено человеком, проникшим в Смольный по фальшивому партбилету. Поэтому не приходилось сомневаться в огромном политическом значении кампании по проверке партбилетов (обмен партийных билетов был объявлен еще 20 августа), развернувшейся после майского 1935 г. письма ЦК о беспорядках в учете, выдаче и хранении партийных документов. В письме выдвигалось требование навести порядок в партийном хозяйстве и

исключить возможность проникновения в партию чуждых элементов.

Большинство местных партийных функционеров вяло отреагировали на этот документ. Строгий учет новых членов партии, централизованный контроль за их продвижением, а также необходимость неукоснительного выполнения всех приказов Москвы могли сильно ограничить их полномочия, а некоторым угрожали потерей власти над целой сетью «клиентов» и подчиненных. Понадобились троекратные призывы ЦК к порядку, а также создание летом 1935 г. сети областных отделов возглавленного Н.И. Ежовым Главного управления кадров, чтобы заставить секретарей 19 местных парторганизаций провести более или менее серьезную чистку среди членов партии. 25 декабря 1935 г. Ежов представил Центральному Комитету отчет о результатах проверки партбилетов, которые совершенно не удовлетворили центральное руководство. Обмен билетов начался на полгода позже запланированного срока и продлился втрое дольше, чем предполагалось. В итоге проверка охватила только 81% членов партии. Из них 9% было исключено. Установка руководства на изгнание троцкистов и зиновьевцев не была выполнена. Только 3% общего числа исключенных принадлежало к этой группе. Проверка со всей очевидностью показала, в какой мере среди сотрудников местных партийных органов процветала круговая порука, создававшая огромные препятствия «центру» в установлении действенного контроля над положением в стране.

Однако в ходе проверки центральное руководство подготовило большие «заделы» для будущего. Проверкой партдокументов занимались не только партийные организации, но и НКВД. Помимо сбора компрометирующих материалов на коммунистов (только НКВД Украины всего за несколько месяцев — к декабрю 1935 г., представил партийным органам такие на 17 368 коммунистов, ранее «проходивших по разным делам») чекисты брали на учет всех исключенных из партии и организовывали за ними агентурное наблюдение. Многие из потерявших в ходе чистки партийный билет под разными предлогами были арестованы. По неполным данным, на 1 декабря 1935 г. в связи с проверкой партдокументов были арестованы 15 218 человек и «разоблачено свыше 100 вражеских организаций и групп». Таким образом, в результате этой кампании в руках органов госбезопасности оказались досье практически на всех коммунистов, когда-ли-

бо и в чем-либо не соглашавшихся с «генеральной линией». Все они были теперь «под колпаком» у «органов».

Одновременно ужесточается уголовное законодательство. 1 декабря 1934 г., в день убийства Кирова, принимается закон о крайне упрощенной (без участия сторон, обжалования приговора) и ускоренной (до 10 дней) процедуре дел о терроре. В марте 1935 г. был принят закон о наказании членов семей изменников Родины. В апреле 1935 г. указом ЦИК было разрешено привлекать к уголовной ответственности детей начиная с 12 лет. 9 июня 1935 г. принимается закон, в соответствии с которым любой советский гражданин за побег за границу приговаривался к смертной казни, тюремное заключение грозило также всякому лицу, не донесшему об этом.

Итак, в течение 1935 г. были собраны досье на потенциально оппозиционных политически активных граждан (коммунистов, исключенных из партии); ужесточено законодательство по политическим делам; обнаружилось пассивное сопротивление местных политических лидеров усилению контроля со стороны центра. С осени 1935 г., как уже говорилось, в стране разворачивается массовое стахановское движение, к 1936 г. серьезно осложнившее социально-психологическую атмосферу на производстве и в стране в целом. Приблизительно в это же время (в августе — сентябре 1936 г.) у советского руководства появляются серьезнейшие сомнения в возможности обуздания в союзе с «демократиями» шириющейся фашистской агрессии в Европе (см. § 1). Очевидно, совокупность этих факторов привела высшее советское политическое руководство (прежде всего, Сталина) к идее «великой чистки».

«Великая чистка». 29 июля 1936 г. Секретариат ЦК разослал всем партийным организациям секретный циркуляр, призывавший проявить «большевистскую бдительность» и бороться с деятельностью «контрреволюционного троцкистско-зиновьевского блока». 19—24 августа 1936 г. прошел первый московский процесс над лидерами бывшей троцкистско-зиновьевской оппозиции: дело об «Анτισоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре», рассматривавшееся военной коллегией Верховного суда СССР; по нему были преданы суду 16 человек (Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, С.В. Мрачковский, И.Н. Смирнов и др.). Все обвиняемые признались не только в своих убеждениях, но и в связях с находящимися за границей Троцким, в участии в убийстве Кирова, в заговоре против Сталина и других руководителей.

Они утверждали, что другие бывшие оппозиционеры — Томский, Бухарин, Рыков, Радек, Пятаков, Сокольников, Серебряков — также вовлечены в контрреволюционную деятельность. 24 августа всем обвиняемым был вынесен смертный приговор, незамедлительно приведенный в исполнение.

Хорошо разыгранный процесс-спектакль дал повод для необычайной идеологической мобилизации, которая должна была ярко продемонстрировать нерасторжимое единство народа со своим вождем. На бесконечных митингах и собраниях принимались многочисленные резолюции, превозносившие Сталина и клеймившие позором «бешеных собак» и «троцкистскую гадину». События должным образом освещались прессой. Этот шумный политический процесс (так же как и те, которые последуют за ним) представлял собой замечательный механизм социальной профилактики. Он подтверждал существование заговора — отправного момента в формировании официальной идеологии. Он содействовал зарождению у народа чувства мифической причастности к управлению государством и ощущения близости к своему вождю.

Однако результаты процесса вряд ли полностью устроили Сталина. НКВД в лице Ягоды попытался ограничить политические последствия процесса. Он свел преступную деятельность «банды убийц», никак не связанных с партийными кадрами, к простому терроризму. Предательство раскрыто, процесс состоялся, виновные наказаны, враг в лице незначительной троцкистско-зиновьевской группы выявлен, а значит, дело не требует дальнейшего развития. Ежов же, напротив, стремился расширить круг обвиняемых и ударить по партийным и народнохозяйственным кадрам, заподозренным в создании препятствий выполнению директив центра. Сталин разрешил спорный вопрос в пользу Ежова.

23 сентября произошла серия взрывов на кемеровских шахтах. 25 сентября 1936 г. Сталин и Жданов, отдыхавшие в Сочи, отправили в Москву членам Политбюро телеграмму, в которой говорилось: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела (Ежов к тому времени находился на посту председателя Центральной контрольной комиссии, являлся секретарем ЦК. — *Авт.*). Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года». Смещение Ягоды и назначение наркомом внутренних дел Ежова произошло 30 сентября.

В октябре были арестованы Пятаков, заместитель Орджоникидзе на посту наркома тяжелой промышленности, другие бывшие троцкисты (Сокольников, Серебряков, Радек), некоторые ответственные работники транспорта и угольной промышленности. 23 января 1937 г. начался второй московский процесс — о «Параллельном антисоветском троцкистском центре» (дело рассматривалось военной коллегией Верховного суда СССР 23—30 января 1937 г.; по нему были преданы суду 17 человек: Ю.Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек, Л.П. Серебряков и др., все они сразу же или позже были уничтожены).

В отличие от предыдущего процесса главной темой этого была идея саботажа. Саботажа всеобщего — во многих районах страны, во многих секторах экономики, на всех уровнях, от простого инженера до замнаркома. Самые распространенные, каждодневные на сотнях советских предприятий того времени случаи — выпуск бракованных изделий, ошибки в планировании, несчастные случаи и поломка оборудования из-за несоблюдения элементарных правил — были объявлены актами саботажа. С этой точки зрения в саботаже мог быть обвинен любой работник. Второй процесс открыл путь к расправе над народнохозяйственными, а затем и партийными кадрами. Создание образа специалиста-саботажника и внедрение его в массовое сознание попутно преследовало и другие цели: для простых труженников этот образ мог служить объяснением трудностей их повседневной жизни и поощрять наиболее воинственно настроенных вскрывать ошибки руководителей своих предприятий, направляя тем самым раздражение народа в нужное русло. Орджоникидзе, который оставался, несмотря на ослабление своих позиций, серьезной помехой в осуществлении этой кампании, через несколько дней после расправы над Пятаковым покончил жизнь самоубийством (или был доведен до самоубийства).

25 февраля — 5 марта 1937 г. прошел Пленум ЦК, санкционировавший «большой террор». Во время пленума были арестованы Бухарин и Рыков. Сталин, сообщив, что страна оказалась в чрезвычайно опасном положении из-за происков саботажников, шпионов и диверсантов, обрушился на «беспечных, благодушных и наивных руководящих товарищей», пребывавших, по его словам, в чрезвычайном самодовольстве и утративших способность распознать истинное лицо врага. Он подверг уничтожающей критике всех тех, кто искусственно порождает большое число недовольных и раздраженных, создавая тем самым резервную армию для

троцкистов, тех, кто старается «не выносить сор из избы» и, прикрывая друг друга, шлет в центр бессмысленные и возмутительные отчеты о якобы достигнутых результатах. Этим ответственным партийным работникам ставились в пример рядовые члены, которые могли подсказать «правильное решение».

Размышляя о причинах сталинских репрессий, долго и серьезно занимавшийся этим вопросом О. В. Хлевнюк пришел к следующему, думается, вполне справедливому выводу: «исходной точкой серьезного разговора о причинах репрессий может быть лишь безусловное признание: это было преступление, при помощи которого Сталин рассчитывал решить реально существовавшие проблемы, достичь вполне конкретных политических и социально-экономических целей, преодолеть противоречия избранной модели общественного развития».

Очевидно, особое неприятие Сталина вызвала растущая самостоятельность партийно-государственных и хозяйственных руководителей. В § 2 рассматривалась проблема «ведомственного плюрализма»: консолидация отраслевых корпоративных групп. Однако помимо чисто хозяйственных складывались также прообразы своеобразных политических кланов, формировавшихся вокруг влиятельных фигур высшего и среднего партийного звена. Потенциально существовала угроза «смычки» политических кланов и отраслевых и/или территориальных хозяйственных групп (влиятельных директоров заводов, совхозов, торговых организаций и др.). Сталин периодически «тасовал колоду» руководителей, перемещал секретарей обкомов, передвигал секретарей и заведующих отделами ЦК. Однако совершенно разбить установившиеся связи, разрушить группы, формировавшиеся вокруг «вождей» разных уровней по принципу личной преданности, при помощи таких мер не удавалось. Переходя с одного места на другое, руководители перетаскивали «своих людей». Словом, процветали, как говорили тогда, «групповщина», «кумовство», а зачастую и круговая порука, подрывавшие монополию политического руководства на принятие решений, блокировавшие проведение директив центра, гасившие динамику социально-экономических трансформаций.

На февральско-мартовском Пленуме Сталин резко обрушился на секретарей партийной организации Казахстана Мирзояна и Ярославского обкома Войнова. «Первый, — говорил Сталин, — перетащил с собой в Казахстан из Азербайджана и Урала, где он раньше работал, 30—40 «своих»

людей и расставил их на ответственные посты в Казахстане. Второй перетащил с собой в Ярославль из Донбасса, где он раньше работал, свыше десятка тоже «своих» людей и расставил их тоже на ответственные посты... Что значит таскать за собой целую группу приятелей?.. Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы».

Консолидация кланов при отсутствии механизмов реального контроля со стороны народа приводила к вопиющим злоупотреблениям местных руководителей, превращавшихся в настоящих «удельных князьков». Так, 5 января 1937 г. «Правда» поместила статью о нравах первого секретаря Ладожского райкома партии Азово-Черноморского края Сурнина. В районе, по утверждению автора статьи, бесконечно писались рапорты, и каждый из них начинался с дифирамбов Сурнину: «Под Вашим большевистским руководством...» Именем Сурнина были названы колхозная электростанция, клуб, пекарня, площадь в районном центре. В районе фактически была ликвидирована торговля. Товары держали под прилавком и распределяли по указаниям сверху, причем начальству все необходимое приносили на дом. Не гнушались руководители района подарками от председателей колхозов. Разумеется, подобные безобразия творил не только Сурнин. И можно представить, как возмущались всем этим простые труженики.

Организовав чистку функционеров, Сталин убивал двух зайцев: укреплял монополию центра над периферией и одновременно выступал в роли «народного заступника» от произвола бюрократии.

Масштабы чистки, очевидно, были связаны и с нараставшей военной опасностью. В М. Молотов так впоследствии говорил об этом: «1937 год был необходим... остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны. Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но, если начнется что-нибудь, они дрогнут, переметнутся... тот террор, который был введен в конце 30-х годов, он был необходим. Конечно, было бы, может, меньше жертв, если бы действовать более осторожно, но Сталин перестраховал дело — не жалеть никого, но обеспечить надежное положение во время войны и после

войны, длительный период, — это, по-моему, было... Сталин, по-моему, вел очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после войны».

Мотив уничтожения «пятой колонны» активно внедрялся в общественное сознание. «Чтобы выиграть сражение во время войны, — говорил Сталин на февральско-мартовском Пленуме, — для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику. Чтобы постронть большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни».

Весь год — от февральско-мартовского Пленума ЦК 1937 г. до третьего московского процесса (март 1938 г.) — был отмечен смещениями и арестами сотен тысяч народнохозяйственных, партийных, военных кадровых работников, на место которых назначались выдвиженцы времен первой пятилетки. 11 июня пресса сообщила о том, что секретное заседание военного трибунала вынесло смертный приговор обвиненному в шпионаже и предательстве главному инициатору модернизации Красной Армии, заместителю наркома обороны маршалу М.Н. Тухачевскому. Вместе с ним смертный приговор был вынесен семи виднейшим военным деятелям, в том числе Якиру, Эйдеману, Путне, Корку. За два последующих года чистки из армии исчезло (уволнились в запас, осуждены к тюремному заключению, расстреляны) 11 заместителей наркома обороны, 75 из 80 членов Высшего военного совета, восемь адмиралов, двое (Егоров и Блюхер) из четырех оставшихся к этому времени маршалов, 14 из 16 генералов армии, 90% корпусных армейских генералов, 35 тыс. из 80 тыс. офицеров.

Из центра во все области направлялись уполномоченные в сопровождении подразделений НКВД для проведения чистки: Берия был направлен в Грузию, Каганович — в Смоленск и Иванов, Маленков — в Белоруссию и Армению, Молотов, Ежов и Хрущев — на Украину. Уничтожение высшего народнохозяйственного и партийного руководства имело целью лишить республики их национальной элиты, выросшей из национальных движений 1917—1921 гг., и открыть

дорогу новому поколению, более уступчивому по отношению к центральному руководству.

Репрессии затронули кадровых работников всех уровней. Были уничтожены члены Политбюро Чубарь, Эйхе, Косиор, Рудзутак, Постышев. 98 из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) были арестованы и почти все расстреляны. Из 1966 делегатов XVII съезда партии 1108 исчезли во время чистки. Полностью замененными оказались штаты наркоматов. Так, были арестованы весь управленческий аппарат Наркомата станкостроения, все директора предприятий (кроме двух) и подавляющее большинство инженеров и технических специалистов отрасли. То же самое происходило и в других отраслях промышленности — в авиастроении, судостроении, в металлургической промышленности и др. От репрессий пострадали также научная и творческая интеллигенция, сотрудники Коминтерна. Точное число жертв в этот период еще не подсчитано. Всего же, согласно данным, приведенным в свое время Коллегией Комитета государственной безопасности СССР (они зачастую оспариваются, но документально пока не опровергнуты), «в 1930—1953 гг. по обвинению в контрреволюционных, государственных преступлениях судебными и всякого рода несудебными органами вынесены приговоры и постановления в отношении 3 778 234 человек, из них 786 098 человек расстреляно».

«Последний» процесс. Создается впечатление, что репрессивный маховик выскользнул из рук тех, кто его раскручивал: в результате чистки система управления экономикой была расшатана, армия обезглавлена, партия деморализована. Так, темпы роста общего объема промышленного производства, составлявшие в 1936 г. 28,8%, снизились в 1937 г. до 11,1%, а в 1938 г. — до 11,8%. В этой ситуации уже в начале 1938 г. были предприняты действия по исправлению положения в стране. Пленум ЦК, проходивший с 11 по 20 января, принял постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». В результате в партии были восстановлены тысячи исключенных.

В обстановке неуверенности и замешательства прошел третий московский процесс — дело об «Антисоветском правотроцкистском блоке» (рассматривалось военной коллегией Верховного суда СССР 2—13 марта 1938 г.; был предан суду 21 человек: Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и др., большинство подсудимых были приговорены к расстрелу). По характеру

обвинений он повторял предыдущий. Важный урок процесса, скрытый от широкой публики, но совершенно очевидный для заинтересованных, заключался в том, что новое поколение партийных кадров не имело ничего общего с «осовремененным» образом врага. «Враги» ассоциировались со старыми членами партии, много лет «ведшими борьбу против партии». Такая трактовка должна была успокоить недавних выдвиженцев, вступивших в партию в 30-е гг. Процесс как бы подводил черту под периодом чисток, которые рисовались как процедура жесткая, но необходимая и — главное! — уже завершенная.

Все московские процессы готовились с грубейшими нарушениями юридических норм: в частности, обвинение строилось на основании лишь одного вида улики — признания подследственных. А главным средством получения «признаний» были пытки и истязания. Как сообщили в своих объяснениях в 1961 г. бывшие сотрудники НКВД СССР Л.П. Газов, Я.И. Иорш и А.И. Воробин, имевшие прямое отношение к следствию по делу о «параллельном центре», руководство НКВД требовало от оперативного состава вскрытия любым средством вражеской работы троцкистов и других арестованных бывших оппозиционеров и обязывало относиться к ним как к врагам народа. Арестованных уговаривали дать нужные следствию показания, провоцировали, при этом использовались угрозы. Широко применялись ночные и изнурительные по продолжительности допросы с применением так называемой «конвейерной системы» и многочасовых «стоек». По свидетельству Р.А. Медведева, член ВКП(б) Н.К. Илюхов в 1938 г. оказался в Бутырской тюрьме в одной камере с Бессоновым, осужденным на процессе «правотроцкистского блока». Бессонов рассказал Илюхову, которого хорошо знал по совместной работе, что перед процессом его подвергли многодневным и тяжелым пыткам. Почти 17 суток его заставляли стоять перед следователем, не давая спать и садиться, — это был пресловутый «конвейер». Потом стали методически избивать, отбили почки, и превратили прежде здорового человека в изможденного инвалида. Арестованных предупреждали, что пытать будут и после суда, если они откажутся от выбитых из них показаний. Применялись и многочисленные приемы психологического воздействия: от угроз в случае отказа от сотрудничества со следствием расправиться с родственниками до апелляции к революционному сознанию подследственных.

Несмотря на пытки, следователям далеко не сразу удавалось сломить волю подсудимых. Так, большинство проходивших по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» длительное время отрицало свою виновность. Показания с признанием вины Н.И. Муралов дал лишь через 7 месяцев 17 дней после ареста, Л.С. Серебряков — через 3 месяца 16 дней, К.Б. Радек — через 2 месяца 18 дней.

В конечной «победе» следствия над самыми стойкими обвиняемыми, думается, сыграло важную роль то обстоятельство, что «старые большевики» не мыслили своей жизни вне партии, вне служения своему делу. И поставленные перед дилеммой: либо до конца отстаивать свою правоту, признавая и доказывая тем самым преступность государства, построению которого была отдана их жизнь; либо признать свою «преступность», дабы государство, идея, дело остались безупречно чистыми в глазах народа, мира, — они предпочитали «взять грех на душу». Характерное свидетельство Н.И. Муралова на суде: «И я сказал себе тогда, после чуть ли не восьми месяцев, что да подчинится мой личный интерес интересам того государства, за которое я боролся в течение двадцати трех лет, за которое я сражался активно в трех революциях, когда десятки раз моя жизнь висела на волоске... Предположим, меня даже запрут или расстреляют, но мое имя будет служить собирателем и для тех, кто еще есть в контрреволюции, и для тех, кто будет из молодежи воспитываться... Опасность оставаться на этих позициях, опасность для государства, для партии, для революции, потому что я — не простой рядовой член партии...»

Тенденция к некоторому «потеплению», наметившаяся уже накануне третьего московского процесса, подтвердилась на XVIII съезде партии (10—21 марта 1939 г.). На нем Сталин признал, что чистки 1933—1936 гг., в общем неизбежные и благотворно сказавшиеся на состоянии партии, сопровождались, однако, «многочисленными ошибками». Он заявил, что в новых чистках необходимости нет. Жданов возложил всю ответственность за «ошибки» на местные парторганизации. В 1939 г. из ГУЛАГа были освобождены 327,4 тыс. человек. Тысячи офицеров были возвращены из лагерей в армию.

Итак, репрессивная политика сталинского руководства в 30-е гг. преследовала 3 главные цели: 1) действительное очищение от «разложившихся» от зачастую бесконтрольной власти функционеров; 2) подавление в зародыше ведомствен-

ных, местнических, сепаратистских, клановых, оппозиционных настроений, обеспечение безусловной власти центра над периферией; 3) снятие социальной напряженности путем выявления и наказания «врагов». В конце 30-х гг. к этому, очевидно, добавился мотив ликвидации «пятой колонны» ввиду близящейся войны.

«Коммунисты — вперед!» В целом, несмотря на колебания, вызванные чистками, численность ВКП(б) в 30-е гг. по сравнению с 20-ми значительно выросла. В 1926 г. она насчитывала 1088 тыс. членов и кандидатов, в 1930 г. — около 2 млн., в начале 1934 г. — 2807,8 тыс., в феврале 1941 г. — свыше 3876,8 тыс. человек.

Партия являлась одним из основных рычагов социальной мобилизации при осуществлении стратегии форсированного развития; в ее рамках также обеспечивалась состыковка общенациональных, ведомственных, региональных, личных интересов (так, хозяйственные, социальные вопросы находились в центре внимания парторганизаций всех уровней). В 30-е гг. усиливается партийное влияние на производстве: в 1930—1932 гг. на всех промышленных предприятиях, где работало свыше 500 коммунистов, создаются партийные комитеты, цеховые ячейки и партийные группы в бригадах; организуются партийные ячейки в колхозах, совхозах, МТС (летом 1930 г. в деревне было 30 тыс., а в октябре 1933 г. — 80 тыс. первичных партийных организаций и кандидатских групп). Этот процесс продолжался и в дальнейшем.

Партийные организации, многие рядовые коммунисты 30-х гг. личным примером вдохновляли трудящихся на героический труд, заражали их своим энтузиазмом. Секретарь парторганизации доменного цеха Кузнецкого металлургического завода (в 1931—1933 гг.) вспоминал: «Был конец осени 1931 г. Целую неделю лил дождь, и на рытье третьей скиповой ямы создалось чрезвычайно опасное положение. По высоким и крутым откосам ямы мелкими струями стекала вода, и на дне ямы — на глубине 15 м — образовались большие лужи. Утром бригада землекопов отказалась вести работу в яме...

— В чем дело, товарищи? — спросил Шаповалов (секретарь участковой партийной ячейки. — *Авт.*).

Рабочие заговорили все разом:

— Да в том дело, что работать в яме страшно: по откосам вода течет — того и гляди обвал будет!

У всех в памяти был трагический обвал на второй скиповой яме весной этого года, при котором не обошлось без человеческих жертв.

Шаповалов спокойно возразил:

— Спустимся в яму все вместе, и не будет страшно... Мы с прорабом осмотрели все откосы, никаких признаков обвала не обнаружили. Ну, так как же, пошли, товарищи?

— Нет, не пойдем! — раздались голоса. — Нам жизнь еще не надоела!

Когда крики умолкли, Шаповалов сказал:

— Тогда мы, коммунисты, пойдем работать в яму одни...

И, несколько помолчав, добавил:

— Другого выхода у нас, товарищи, нет. Жаль, что ввязавшись, мы мало сделаем. А нам надо обязательно за два дня закончить углубление скиповой ямы, чтобы сразу же начать бетонные работы. Сами понимаете: чем дольше будем затягивать земляные работы, тем больше будет опасность обвала.

Затем, обращаясь к членам и кандидатам партии, сказал:

— Ну, так пошли, товарищи коммунисты!

Четверо коммунистов взяли лопаты и пошли за Шаповаловым. В бригаде воцарилось молчание.

— Ну, а мы что будем делать? — спросил бригадир.

Кто-то сказал, как бы думая вслух:

— Они будут под дождем по колено в воде работать, а мы на них сверху смотреть, что ли, будем? Так ведь негоже будет!

Кто-то громко крикнул:

— Пошли и мы, товарищи!

Несколько голосов подхватили:

— Пошли! Пошли все!..

Через два дня земляные работы на скиповой яме были благополучно закончены, после чего сразу же были развернуты бетонные работы.

Под строгим партийным контролем действовал комсомол, численность которого росла на протяжении всех 30-х гг. (в 1931 г. — 3 млн.; в 1934 г. — 4,5 млн.; в конце 1938 г. — свыше 5 млн. членов) и через который ВКП(б) осуществляла свое влияние на молодежь. Комсомольцы продемонстрировали в 30-е гг. образцы самоотверженного труда. Типичный пример. При строительстве Сталинградского тракторного завода «еще в 1929 г. получили распространение производственно-бытовые коммуны с обобщественным заработком [...] Среди них пользовались известностью бригады-коммуны Юрия Кокорева и Жени Зозули. Спаянные товариществом, высоким пониманием своего общественного долга, коммуны служили примером организованности и самоотверженности

в труде. Как и ударные бригады, они направлялись на самые трудные участки.

Когда в механосборочном цехе надо было приступить к настилке торцовых полов, без чего нельзя было устанавливать оборудование, образовалась задержка — сезонники-паркетчики поставили условие: прежде пусть будет остеклен цех, чтобы в нем не гулял ветер и не наметал снежные сугробы. Но стекольщики тоже тянули, ссылаясь на отсутствие необходимой спецодежды, на мороз, а точнее говоря, не решались работать в суровых зимних условиях. А зима, надо сказать, выдалась действительно суровой.

Тогда выступили, как на передний край боевого фронта, комсомольские бригады. За настилку полов взялась ударная бригада плотников Миши Бердикова. При этом бригада постановила: отказаться от спецодежды. А на остекление железных конструкций цеха вышло около двухсот семитысячников во главе с бригадой-коммуной Жени Зозули. О них «Правда» писала:

«Две сотни комсомольцев пошли на железные пустые окна. Девушки протягивали коченеющие руки на огонь жаровни, отогревались и снова окровавленными руками вставляли стекла в холодное железо корпусных рам. Двести комсомольцев, которых ветер рвал, которых пылающие жаровни били огнем, сошли с лесов, остеклив 28 тыс. кв. м».

Жаровни пылали по всему цеху. В котлах кипела смола. Ребята Бердикова заливали смолой торцы, от резкой смены холода и жара трескалась кожа, кровоточили руки. Но никто не покинул строя.

Чтобы с монтажными работами уложиться в срок, был объявлен ударный сорокадневник по доставке и монтажу оборудования. Принимались решения: на время сорокадневника работать по 10 часов в день и без выходных дней. Инженер комсомолец В.Р. Фирфаров выступил в газете «Дашь трактор!» с письмом-обязательством: «Объявляю себя мобилизованным на любые работы, какие нужны для пуска завода. Согласен работать без оплаты во второй и третьей смене...»

«Приводные ремни». Другой «приводной ремень» от партии к массам — профсоюзы. Их численность на протяжении 30-х гг. выросла более чем в два раза, с 12 млн. в 1930 г. до 27 млн. в 1940 г. Причем структура профсоюзов становится все более дробной: в январе 1931 г. вместо 22 союзов создается 45, в 1934 г. их насчитывается уже 154, а на 1 января 1941 г. — 182 профсоюза. В 1937 г. упраздняются

районные, городские, областные, краевые, республиканские межсоюзные органы — Советы профсоюзов. Отсутствие горизонтальных связей и крайняя дробность структуры облегчали партийный контроль над рабочим движением.

В условиях концентрации реальной политической власти в партийных комитетах, чрезвычайных, а порой карательных органах Советы осуществляли преимущественно хозяйственные и культурно-организаторские функции. При них создаются отраслевые секции (культурные, финансово-налоговые, народного образования, здравоохранения, РКИ и др.), включавшие сотни тысяч трудящихся (в первом полугодии 1931 г. в 118 тыс. секций по РСФСР работало 432 тыс. человек, в первом полугодии 1933 г. в 172 тыс. секций — 1 млн. человек).

Участие населения в избирательном процессе все больше становилось не выражением политической воли населения, а как бы тестом на политическую лояльность, причем выражение нелояльности в условиях 30-х гг. дорого обходилось «протестантам». В 30-е гг. в «выборах» участвовало практически все взрослое население. Так, во время перевыборов Советов средний процент голосовавших в стране составил: в 1927 г. — 50,7%, в 1929 г. — 63,2%, в 1931 г. — 72%, в 1934 г. — 85%; в выборах Верховного Совета СССР 12 декабря 1937 г. участвовало 96,8% избирателей, в выборах в местные Советы (декабрь 1939 г.) — 99,21% избирателей. В условиях фактического безвластия официальной власти — Советов, свертывания демократии в органах реальной власти (партии, НКВД) принятая 5 декабря 1936 г. демократическая по содержанию новая Конституция СССР слабо соответствовала реальной общественно-политической ситуации в стране.

И все-таки было бы неверным исключительно в мрачных тонах представлять общественную атмосферу 30-х гг. Страна добилась впечатляющих экономических результатов. Миллионы советских людей получили образование, значительно повысили свой социальный статус, приобщились к индустриальной культуре; десятки тысяч, поднявшись с самых «низов», заняли ключевые посты в хозяйственной, военной, политической элите. Очевидно, все эти обстоятельства легли в основу поражавшего западных путешественников и удивляющего нас сегодня жизнерадостного мироощущения значительной части советских людей того времени. Посетивший СССР в 1936 г. писатель А. Жид, зорко подметивший массу «негатива» в тогдашней советской действительности (бед-

ность, порой переходящую в нищету, подавление инакомыслия, всевластие тайной полиции и т.д.), тем не менее отмечает: «Однако налицо факт: русский народ кажется счастливым. Тут у меня нет расхождений с Вильдраком и Жаном Понсом, и я читал их очерки, испытывая чувство, похожее на ностальгию. Потому что я тоже утверждал: ни в какой другой стране, кроме СССР, народ — встречные на улице (по крайней мере, молодежь), заводские рабочие, отдыхающие в парках культуры, — не выглядит таким радостным и улыбающимся».

* * *

Если попытаться определить общую доминанту, направление развития советского общества в 30-е гг., то, думается, вряд ли следует их рассматривать в парадигме «провала» в «черную дыру» мировой и русской истории. На наш взгляд, в этот период происходит болезненная, мучительная трансформация «старого большевизма» в нечто иное.

Исследователь из бывшей Югославии Н. Попович отмечает, что со «времени стабилизации и вплоть до 30-х гг. пропаганда официальной национальной политики партии большевиков была подчеркнута интернационалистической. Однако, начиная где-то с середины 1935 г. и особенно с 1936 г., положение меняется: в пропагандистской работе все больше усиливаются мотивы советского патриотизма, причем воспитание последнего включало в себя все виды национального, местного патриотизма».

Подмеченное югославским историком — лишь верхушка айсберга. В этот период в экономике на смену эгалитаристским утопиям рубежа 20—30-х гг. идет культ инженера, передовика, профессионализма; более реалистичным становится планирование; постепенно расширяется сфера действия товарно-денежных отношений, роль экономических рычагов и стимулов.

В области национально-государственного строительства реабилитируется сама идея государственности — идеология сильного государства сменяет традиционные марксистские представления о скором отмирании государства в процессе перехода к социализму (на XVIII съезде ВКП(б) Сталин заявил о сохранении государства не только при социализме, но и при коммунизме).

Возрождаются имперско-русские традиции в Красной Армии: восстанавливаются казачьи части (один старый большевик был крайне поражен, увидев в 30-е гг. в фойе Большого театра молодцов в ненавистной ему казачьей форме), Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 г. в советских вооруженных силах устанавливались «отмененные революцией» генеральские и адмиральские звания.

Общий курс на укрепление государственности отразился и на области семейных отношений. «Сексуальная революция» времен гражданской войны и первых послереволюционных лет сменяется политикой укрепления семьи, заботы о нравственном здоровье общества: усложняется процедура развода, ужесточаются юридические нормы в отношении гомосексуалистов, запрещаются аборт.

Одновременно на смену экспериментам 20-х гг. в литературе, живописи, педагогике идет реставрация реализма («социалистического») в области художественного метода, реабилитация по сути «классических» форм образования.

Постепенно смягчается отношение режима к религии и церкви (этот процесс примет особенно отчетливые формы в годы Отечественной войны).

Таким образом, по всем линиям происходит естественный здоровый процесс реставрации, восстановления, возрождения тканей русского (российского) имперского социума. Технологическая модернизация все больше осуществляется на основе не разрушения, а сохранения и развития базовых структур традиционного общества — общины-артели (советский аналог — колхоз-бригада), патерналистской государственности.

Однако этот процесс в 30-е гг. был далеко не завершен. Он практически не коснулся двух фундаментальных пороков государственного устройства, доставшихся в наследство стране от 20-х гг.: отсутствия механизма воспроизводства имперской элиты и национально-территориального федерализма (СССР был федерацией не территорий, как повсюду в мире, а наций, при ущемленном положении русских). Империя создают имперские народы. Жизнестойкость, историческую дееспособность народам (в том числе и имперским) обеспечивают их элиты. Национально-государственное устройство СССР парадоксальным образом воспроизводило ситуацию, при которой, с одной стороны, имперский народ — русские — имел крайне неблагоприятные условия для воспроизводства своей элиты (у них не было для этого соответствующих атрибутов государственности); с другой стороны,

прочие этносы (прежде всего титульные соответствующих республик) объективно (но одновременно искусственно, учитывая произвольность нарезанных республиканских границ), самым административно-территориальным делением страны подталкивались на путь ускоренного формирования своих «национальных» элит. В этих условиях проблема «центр—регионы», существующая в любом крупном государстве, неизбежно, в конечном счете, приняла крайне болезненную форму межэтнического конфликта обезглавленного, «рыхлого» имперского народа со всеми остальными этносами. Но это произойдет позже.

§ 6. Роль урбанизации в российском историческом процессе

В исторической науке существует два основных подхода к категории «урбанизация». Для первого характерно расширительное понимание этого явления как развития городов независимо от специфики цивилизаций, общественных систем, исторического времени и т.д. В этом смысле урбанизацию изучают даже археологи. Второе понимание исторически (и хронологически) более узко и связано с радикальными общественными изменениями, начало которым было положено мануфактурной стадией производства и последующим промышленным переворотом. Именно изменения в сфере производства дали толчок принципиально новому явлению, которое может быть обозначено, как переход от сельского к городскому обществу. Автор рассматривает урбанизацию в этом смысле, как «урбанизационный переход». Между двумя явлениями во всех странах можно проследить даже чисто количественную границу, свидетельствующую, однако, об их качественных различиях: так, в России были неоднократные взлеты и упадки городской жизни, причем на протяжении ряда веков удельный вес горожан колебался в пределах 3—10%, тогда как со второй половины XIX в. обозначился устойчивый и все ускоряющийся рост (примерно за полвека удельный вес горожан вырос на 3%, составив к 1897 г. 15% всего населения, тогда как на последующую прибавку в 3% понадобилось менее 2 десятилетий — к 1914 г. их удельный вес поднялся до 18%).

Суть урбанизации — в территориальной концентрации человеческой жизнедеятельности, ведущей к ее интенсифи-

кации и дифференциации вплоть до выделения городских ее видов, что обуславливает складывание новых форм и пространственных структур расселения и распространение городского образа жизни. Определяющая черта урбанизации — именно концентрация разнообразной жизнедеятельности и условий ее обеспечения, из которой вытекают все остальные. Важнейшие показатели урбанизационного процесса — радикальное изменение места и роли города в обществе, прежде всего в экономической жизни, рост численности и удельного веса городского населения за счет сельского, распространение поселений городского типа, т.е. не только вытеснение деревни городом, но и некое «городское» преобразование деревни. Данное явление можно охарактеризовать как комплексный модернизационный процесс, включающий чрезвычайно высокое по историческим темпам, радикальное преобразование всех сторон общественной жизни на «городских» началах: производственной, экзистической, социально-демографической и социальной структур, изменение в течение четырех-пяти поколений качества населения, структуры его занятости и образа жизни, менталитета и многого другого.

Темпы урбанизации оказывают прямое влияние на скорость исторического процесса: относительная стабильность хозяйственных структур и городского населения в докапиталистических обществах была одним из важных факторов медленных качественных изменений во всей совокупности общественных отношений. Концентрация передовых производительных сил в городе, обуславливающая смены технологий и вызванные ими социальные сдвиги, оказалась антиподом рассредоточенности и консерватизма деревни. Независимо от форм общественного устройства, для индустриализировавшихся стран в конце XIX—XX вв. были характерны некоторые общие фундаментальные процессы, причем именно изменение места города в социально-территориальной организации общества, в системе размещения производства и населения имело решающее значение. Естественно, везде эти процессы имели и свою специфику.

Существеннейшим образом повлияла урбанизация и на ход российской истории. Весь XX в. прошел под знаком радикальных перемен, но среди всех фундаментальных и одновременно форсированных, крайне сжатых во времени трансформаций, универсальная и важнейшая, по мнению автора, — переход общества из сельского состояния в городское. Невиданный в истории темп изменений, переворачивавших

жизнь буквально каждого человека в течение его жизни, затронувших все поколения настолько, что последующие существенно отличались от предыдущих, — этот темп создал особое, редкое в истории качество социальной жизни — глобальную нестабильность, протяженную во времени. Причем, если раньше источником социальной нестабильности были, как правило, политические явления (войны, акции государства, социальные возмущения и т.п.), носившие преимущественно ситуационный характер, ограниченные во времени, то в XX в. этот источник переместился прежде всего на уровень фундаментальных, глубинных общественных явлений. Этим источником был форсированный переход к индустриальному и одновременно городскому обществу, начавшийся еще в конце прошлого века. Переход был закономерный и вынужденный, если рассматривать развитие России в контексте мировой цивилизации, «догоняющий» — относительно уровня опередивших страну государств. В тех случаях, когда фундаментальная нестабильность дополнялась ситуационной (неудачные войны, резкие и неадекватные изменения важных общественных институтов и т.д.), общий потенциал нестабильности резко возрастал, ведя к социальным взрывам, революциям, последующим трансформациям общественно-государственной системы или ее полному сло-му (революции 1905, 1917 гг.).

«Базовая» общественная нестабильность, связанная с урбанизационным переходом и вытекающими из него социальными изменениями (тем более в столь огромном, территориально, этнически, социально дифференцированном государстве, как Россия, что само по себе было комплексом мощных центробежных и дестабилизирующих факторов), должна была быть компенсирована жесткой государственной системой. Ценности «существования», «выживания» социального (в данном случае государственного) организма, как правило, оказываются более значимыми, нежели интересы и ценности тех или иных социальных групп. Здесь лежит ключ к возникновению общественно-политических моделей, которые очень условно можно обозначить как «правый» и «левый» тоталитаризм, или к отчетливой тенденции тоталитаризации (хотя бы и временной, ситуационной) большинства стран, осуществлявших урбанизационный переход, включая резкое усиление бюрократической машины (на ранних и средней стадиях урбанизации) в самых «демократических» государствах.

Россия не была исключением. Более того, она изначально, из-за исторического пути и цивилизационной специфики

была «предрасположена» к жесткости государственных структур. Начальная стадия урбанизации еще более усилила эту предрасположенность. Демократия в принципе не могла утвердиться в результате Февральской (1917) революции в России — стране с огромным преобладанием крестьянства, разлагавшейся общиной, быстро росшими индустрией и городами, мощными «маргинальными» слоями полусельского-полугородского населения, т.е. с фундаментальной социальной нестабильностью, на которую к тому же наложилась ситуационная — затяжная, неудачная, невиданная по масштабам жертв первая мировая война. Правая или левая диктатура в таких условиях была неизбежна. Большевистская альтернатива оказалась более жизнеспособной. В результате переход к городскому обществу Россия совершила в рамках леворадикальной «тоталитарной» («советско-коммунистической») модели.

Сложившееся в результате октябрьского (1917) переворота и гражданской войны общество в основе своей содержало зародыш тоталитарности. Это означало, в частности, огромную роль идеологии во всех сферах, стремление государства контролировать и регулировать как можно больше областей общественной жизни. Полностью тоталитарные структуры сформировались к середине 1930-х гг. Однако изначально общество рассматривалось большевистской правящей партией в качестве средства достижения определенных целей, вытекавших из установок партийной программы, в свою очередь являвшейся приложением марксистско-ленинской доктрины к российским условиям. Естественно, реальная политика не была прямым воплощением партийной идеологии, но марксистская доктрина в целом, хотя и в преломленном виде мировоззрения вождей, неизбежно оказывала на нее влияние. Вопрос только, в какой степени, в каких формах, в каких областях, в какой конкретно-исторической ситуации.

Большевизм перевернул все общество. Но, оставаясь в рамках «государственной» идеологии (а при другой он был бы отторгнут Россией), он не мог переменить направления базовых, фундаментальных процессов: в рамках «коммунистической» модели решались все те же общецивилизационные проблемы перехода к индустриальному и городскому обществу. Возникновение советской тоталитарной системы в начале XX в. было одним из способов выхода урбанизовавшегося и маргинализованного общества из ситуации глобального общественного кризиса, причем в тех условиях

он оказался единственно реализуемым. Но не только. Это был еще особый способ решения национально-государственных проблем путем предельной концентрации ресурсов нации на ключевых направлениях, позволявший решать ей острейшие внутренние и внешние противоречия, отстаивать государственную целостность и независимость страны, наращивать ее «вес» в мировых делах, создавать и укреплять экономическую мощь, изменять «качество» населения, уровень и условия его жизни. Происходило это в условиях жесткого противостояния враждебному миру, в борьбе за удержание страны на уровне жизнеспособного в техногенной цивилизации сообщества. И суть глобального конфликта заключалась не только в конфликте идеологий и общественных систем, но и в геополитическом, социокультурном, шире — «цивилизационном», соперничестве западной и евразийской (в лице России) локальных цивилизаций: Запад объективно был заинтересован в ослаблении и распаде единого Российского государства независимо от существовавших в нем общественного строя и политических режимов. Возможно, «тоталитарность» оказалась способом самосохранения российской цивилизации (при всех ее деформациях) в объективно тяжелейших условиях модернизации XX в.: в индустриальном рывке, урбанизационном и демографическом переходах, трансформации экистической и социальной структур, в противостоянии внешнему давлению враждебного мира, в том числе в отражении и сдерживании прямой агрессии.

Тоталитаризм в его коммунистической модели явился формой трансформации традиционного российского общества в городское. Не изменив основного направления развития материальной базы российского общества, явившегося общим для всей современной техникогенной цивилизации, он в чем-то даже ускорил этот процесс, заставив, однако, народ платить более высокую цену (колхозное крепостничество, массовые репрессии, низкий уровень жизни, отсутствие гражданских свобод и т.д.). Другие социальные издержки оказались меньше, чем в странах с рыночной экономикой (отсутствие безработицы, гарантированный потребительский минимум и др.).

Социальная «цена» этого перехода оказалась значительно выше, чем могла бы быть при «правой» альтернативе, которая, несомненно, не допустила бы столь радикальной ломки социальных институтов и отношений, но в значительной степени это была цена более форсированного перехода: «левый» тоталитаризм, выступая от лица «низших» классов,

т.е. подавляющего большинства населения, имел существенно больше рычагов мобилизации ресурсов и решения выдвигаемых задач, чем дворянско-буржуазная диктатура.

Для понятия «тоталитаризм», выработанного на Западе «тоталитарной школой» в качестве научной категории для обозначения ряда разновидностей «недемократических» обществ и действительно «схватившего» некоторые существенные моменты прежде всего советского режима, характерен односторонний негативизм. Связано это с тем, что оно сразу же приобрело аксиологическую нагрузку, обозначив «антиценность» индивидуалистического западного сознания. Результатом является явная пристрастность оценок всех режимов, подводимых под эту категорию, а тоталитаризм стал синонимом «мирового зла», выйдя далеко за рамки науки.

Однозначные позитивные или негативные оценки в истории, думается, вообще неприемлемы: в них пропадает историчность подхода к явлениям. «Красный» тоталитаризм в отечественной истории также не был только насилием над обществом: он просто не мог бы утвердиться, если бы не имел социальной почвы и не получил широкой поддержки, если бы не решал (своими методами) действительно насущных проблем общественного развития, в том числе в большей или меньшей степени поступаясь доктринальными принципами.

Марксизм в конечном итоге в рамках советской системы оказался «переварен» Россией, хотя далеко не полностью. Действительно, бюрократическое государство подмяло под себя все общество, пронизав все его структуры и слившись с ним, заменив социальную дифференциацию по признаку владения собственностью дифференциацией на основе отношений распоряжения ею. Такого итога не предвидели «основоположники», но иначе быть не могло при применении доктрины на практике, да еще в российских условиях. Парадоксальным образом в некоторых своих фундаментальных характеристиках российское общество в лице Советской России и СССР вернулось на круги своя. Более того, по оценкам многих обществоведов, использующих марксистскую парадигму, в социальных отношениях оно было как бы отброшено в феодальный и даже дофеодальный период, превратившись в причудливый симбиоз «азиатского способа производства» и распадающегося родового строя, «военной демократии». Однако происходили эти процессы в эпоху техногенной цивилизации, породив, на наш взгляд, уникальное историческое явление, присущее только XX в.

Политическая практика, сформировавшись на основе идеологии, оказалась подчинена логике развития техногенной цивилизации, переплетенной с логикой эволюции самой системы. И выросшая из доктрины система была скорее не воплощением идеальных конструкций теоретиков, а зеркальным отражением основной ветви развития в рамках этой цивилизации. Если оставить в стороне идеологическое оформление советской социальной практики, то можно заметить, что принципиальные отличия от западных демократий заключались в мере государственного вмешательства в социальную жизнь вплоть до почти полной ликвидации гражданского общества, тотального смещения общества и государства. Однако базисные элементы оставались весьма близкими. Не случайно научно-технические, производственные достижения Запада являлись точкой отсчета для продвижения советской экономики, политическим воплощением чего стал лозунг «Догнать и перегнать!», имманентный с тех пор (в различных вариантах) всей советской политике вплоть до распада СССР.

На наш взгляд, есть объективные основания для точки зрения на всю советскую историю как историческую форму модернизации стран второго эшелона капиталистического развития. Эта позиция небесспорна, но она исторична и обладает значительным объяснительным потенциалом. В ее рамках становится понятна закономерность перехода большевиков от романтической установки на мировую революцию, характерной для революционеров ленинской формации, к государственной, шире — имперской, позиции Сталина. Были изменены приоритеты, и Советская Россия стала рассматриваться не как средство победы мировой коммунистической революции, а как самодостаточное государственное образование со своими интересами, в том числе геополитическими, а мировое революционное и коммунистическое движение объективно превратилось в продолжение государственной политики «другими средствами».

Логика развития системы, выросшей из партийной диктатуры, отбросила многие ее собственные исходные идеологические установки, доктринальные догмы. Среди них — утопическая идея отмирания государства, вместо чего на практике утвердилось «сверхгосударство». Вместо ликвидации социальной дифференциации, а на этой базе классов, были заложены просто иные ее основания. Аналогично и утопическая идея дезурбанизации в рамках индустриализирующегося общества как способа преодоления «противопо-

ложности города и деревни» отпала сама собой. Это стало следствием того, что индустриализация диктовала необходимость концентрации людских ресурсов в городских поселениях, и политический курс на восстановление промышленности, а затем и на форсированную индустриализацию не оставлял надежд на «более-менее равномерное расселение» по всей стране. Форсированная индустриализация могла субъективно рассматриваться как инструмент социалистического строительства, но объективно была средством укрепления государственной, в том числе военной, мощи.

Урбанизация явилась одной из функций этого процесса. Независимо от того, как осознавали урбанизацию вожди СССР, ее осуществление объективно явилось центральной задачей для страны, поскольку переход к городскому обществу (в широком смысле, включая индустриализацию) определял магистральное направление в развитии современной техногенной цивилизации. В ее рамках советская система в чем-то оказалась менее, а в чем-то и более эффективной, чем ее альтернатива — демократии с рыночной экономикой. Она сумела совершить, хотя и огромной социальной ценой, мощный индустриальный рывок, пройдя за кратчайший исторический срок путь от страны преимущественно сельскохозяйственной к лидерству в целом ряде отраслей, в том числе высоких технологий (атомная энергетика, космос и др.). Система смогла совершить прорыв в уровне образования всего населения, без чего был невозможен прогресс. Она оказалась сильнее в смертельной схватке с другой праворадикальной тоталитарной системой — германским фашизмом, ибо оказалась способной мобилизовать меньшие ресурсы в противостоянии потенциалу фактически всей Европы и использовать их результативнее (хотя опять же принесся огромный, далеко не всегда оправданные жертвы).

Методы концентрации «любой ценой» всех ресурсов на немногих направлениях позволили быстро индустриализовать страну, восстановить ее после военной разрухи, в 1950-х гг. стать ей вторым членом «атомного клуба» и первой совершить прорыв в космос. На той же основе концентрации к концу 1950-х гг. СССР вошел в первую-вторую десятку (по разным методикам оценки) стран по уровню жизни населения. В 1960-е гг. был совершен рывок в военно-технической области, а затем достигнут военно-стратегический паритет с США, прежде всего в ракетно-ядерном вооружении.

Таким образом, тоталитаризм не изменил основного направления развития ни российского общества в целом в рам-

ках техногенной цивилизации, ни урбанизационного процесса: он придал им особую форму и задал форсированный темп. До определенной стадии он способствовал сокращению отставания России от лидеров технологической гонки XX столетия.

Однако советский тоталитаризм так и не сумел решить те главные задачи, которые декларировались доктриной и ради чего система приносила в жертву целые поколения, — не смогла не только обеспечить всеобщее благосостояние, но и просто нормальную, достойную человеческого существования жизнь, хотя бы «накормить» народ, без хронических дефицитов и очередей (львиную долю национального богатства съедали ВПК и бюрократический аппарат). На «системные» противоречия накладывался комплекс острейших противоречий самой техногенной цивилизации, большинство из которых в процессе ее развития лишь углублялось. Форсированное развитие общества в ее русле в форме тоталитарной системы усиливало эти противоречия многократно. Кроме того, советская система имела и собственную логику развития, и свои системные противоречия. Создавая современную индустрию, развивая города, формируя новые социальные слои, связанные со сложными видами деятельности и обладающие высоким образовательным уровнем, тоталитаризм подрывал свои основы. Прервать эти процессы он не мог в силу как собственных идеологических, так и чисто прагматических оснований: обязывало соревнование с системой-антагонистом, да и просто условия выживания в современном мире. С конца 1960-х гг. экономический прогресс оказался блокированным неадекватными реформами, разбалансировавшими командно-административный механизм управления, а слом его, замена на другой с неизбежностью вели к фактическому демонтажу всей системы.

Переход от сельского к преимущественно городскому обществу сопровождается сосредоточением в городе преобладающей части населения. Города, особенно крупные, становятся ведущими звеньями системы расселения, в основе формирования которой лежат главным образом экономические процессы территориальной концентрации производительных сил. Деятельность жителей городских поселений связана преимущественно с промышленностью, транспортом, торговлей, управлением и другими видами несельскохозяйственных отраслей. Структура городской экономики, а вместе с ней и занятость населения меняются со сменой стадий индустриального общества и с развитием урбанизационного

процесса. Основная тенденция с определенного этапа урбанизации — расширение занятости в непроизводственных отраслях, которая выражена тем сильнее, чем больше город. Параллельно намечается сначала относительное, а затем и абсолютное сокращение занятости в сфере производства. Для этапа перехода к постиндустриальному обществу, сопровождающемуся субурбанизационными процессами, характерна тенденция формирования вместо точечных городских поселений локальных систем расселения и размещения производства типа агломераций, мегаполисов и др., «вымывания» части населения крупнейших городов и рассредоточения их на городской периферии и в пригородах. Таковы общемировые закономерности и тенденции развития урбанизационного процесса.

Отечественная урбанизация, несмотря на внесенные системой значительные деформации механизмов и специфику проявлений, в целом подчинялась этим универсальным закономерностям, которые во многом определялись индустриализацией. Между тем действовал целый комплекс факторов, еще до революции породивших специфический российский тип урбанизации, существенно отличавшийся от западноевропейского. Советская история вызвала к жизни еще более специфичную «социалистическую» модель, которая, тем не менее, не только оказалась во многом восприимчивой российской урбанизации, но и гипертрофированно воспроизвела ряд ее особенностей.

«Родовая» специфика отечественной урбанизации определялась комплексом исторических, географических, природно-климатических, геополитических, цивилизационных и иных факторов. Преимущественно колониационный характер освоения территории по мере расширения государственных границ определил особую роль государства в градообразовании: огромная часть российских городов вырастала из военно-административных поселений, постепенно наращивая круг градообразующих функций, но обычно сохраняя в качестве основных функции, связанные с «государевой службой».

Основа сети российских городов формировалась веками. Вместе с тем заложенная в конце XVIII в. структура городской сети на территории Российской империи при всех последующих дополнениях и изменениях в целом сохранилась вплоть до революции 1917 г. Единое абсолютистское государство определяло единство фундаментальных процессов городского развития во всех концах империи, воплощавшее-

ся в инициировании государством градообразования и зависимости от него функциональной эволюции городов. Как правило, в образовании городов ведущей была административная функция: чем выше был административный статус, тем относительно (на данной территории) крупнее был город. В 1856 г. из 701 города Российской империи (без Польши и Финляндии) 62 было губернских и 498 — уездных городов, т.е. почти 80% городов имели административные функции. Со становлением капиталистического рынка и началом индустриализации роль административной функции в урбанизационном процессе постепенно, хотя и медленно, снижается и возрастает значение в первую очередь промышленных функций. В 1910 г. в России было 775 городов, из них 77 губернских, 541 уездных и 157 заштатных. Таким образом, административный статус имели те же 80% городов, т.е. удельный вес городов с административными функциями при некотором росте числа городов в целом остался прежним. (Хотя в это число поселений с официальным городским статусом не были включены 86 посадов, местечек и слобод, имевших ряд городских признаков.) Непосредственное «присутствие» государства в жизни большинства городов империи, где бы они ни находились, через административные городские структуры определяющим образом влияло на городское развитие, формировало структуру городских поселений, их функции, облик и образ жизни горожан.

Помимо функционального «структурирования» большинства городов вследствие их военно-административного происхождения и назначения, государство регулировало их жизнь законодательно, при этом степень вмешательства в городские дела была существенно больше, нежели в жизнь села, где власть при крепостном праве отдавалась преимущественно помещику, а в дальнейшем — общинным институтам. Регулирование институтов городского управления, словесной, финансовой, налоговой политики, торговли и промышленности — таковы основные каналы фактически всеохватывающего государственного прямого и косвенного вмешательства в городскую жизнь.

Еще одним «объединяющим» фактором в развитии городов различных регионов было русское население, игравшее во многих национальных районах страны, особенно с неразвитой или прерванной городской традицией, определяющую роль. Ряд городов Средней Азии, Кавказа и Закавказья и других регионов Российской империи вырос из казачьих и военных поселений, развитие которых определялось станов-

лением промышленности, осуществлявшимся русскими и «русскоязычными» специалистами и рабочими. Последняя тенденция относится преимущественно к концу XIX — началу XX в., и именно она получит особенно интенсивное развитие в советское время.

Естественно, в различных регионах Российской империи, тем более в разное время вошедших в ее состав, с ее многообразием географических условий, этно-социальных, религиозных, культурно-исторических особенностей, городская жизнь не могла не иметь специфики. Прежде всего это относилось к городам национальных окраин, позднее других включенных в состав империи, а тем более к тем, которые имели прочные традиции городского развития (Прибалтика, бывшие территории Речи Посполитой, частично Закавказье и Средняя Азия). Существенно различным был и уровень урбанизированности регионов империи. Как правило, восточные и северные губернии отличались не только меньшей общей плотностью населения, включая городское, но и меньшим удельным весом горожан в составе всех жителей. Так, в 1913 г. в Сибири горожане составляли лишь 10% всего населения (в целом по стране — 18%), причем почти все городское население было сосредоточено вдоль железных дорог. Вместе с тем существование в едином государстве, с огромной ролью центральной власти в значительной степени нивелировало и основные различия, выходявшие за рамки этнокультурных и религиозных. Чем дольше территории входили в состав империи, а также чем меньше были собственные национальные городские традиции, тем сильнее было это общегосударственное начало в городской жизни регионов.

Если в Западной Европе города вырастали из экономических интересов местной территории, то в России — из интересов расширяющейся империи. Европейские города еще в средневековые становились субъектами политической жизни и городского права, опорой формировавшегося гражданского общества, тогда как российские всецело подчинялись государству. Природно-климатические условия и характер освоения огромной территории определили и ряд других особенностей, в том числе крайнюю неравномерность расселения при общей малой плотности населения. Следствием этого были огромная неравномерность в распределении городских поселений по территории, на порядок (а в ряде регионов на несколько порядков) меньшее число городов на единицу территории, чем в Европе, вынужденный «узловой» характер освоения территории, при относительно немногих точках

концентрации городского населения. Эти и ряд других особенностей во многом предопределяли характер «урбанизационного перехода» России независимо от типа ее общественного устройства и были унаследованы советской урбанизацией.

Таким образом, советский город отнюдь не возник на пустом месте. Можно говорить о частичном прерывании революцией и ее последствиями исторической преемственности во многих областях общественной жизни, в том числе городской (разрушение старого государственного механизма, ликвидация рыночных отношений, слом социальной структуры с уничтожением целых классов и сословий и др.), однако ряд фундаментальных механизмов и процессов, связанных с городским развитием, парадоксальным образом был восстановлен и воспроизведен. Еще более жесткая, чем при империи, центральная власть по-прежнему оказывалась главным «градообразующим» фактором, определявшим, где, какие города строить, как развиваться старым, причем степень и «глубина» государственного вмешательства и контроля неизмеримо увеличились, а набор инструментов расширился: от жесткого нормирования различных «мелочей» до прямого руководства из центра. Таким образом, в некоторых решающих процессах городского развития преемственность с имперским периодом вполне сохранилась и корни ряда явлений в городской жизни следует искать еще в дореволюционной эпохе.

Вместе с тем большинство городов как полифункциональные поселения, с экономической структурой, базирующейся на индустриальных отраслях производства, сформировалось, приобрело свой социально-экономический статус городского поселения уже при Советской власти, даже если ранее они и носили название города. Так, к 1989 г. за годы Советской власти было образовано более 1300 городов при общей численности 2190, т.е. почти 2/3 всех городов, и в основе их создания также лежали преимущественно экономические процессы. Остальные, сохранившиеся с дореволюционных времен, радикально изменились по своему месту в обществе, функциям, численности жителей, градообразующим составляющим и другим параметрам. Таким образом, общественная система, сформированная после 1917 г., являлась той средой, в рамках которой собственно и проходили основные стадии урбанизации страны. Это значит, что общественная система не могла не оказать огромного влияния на все стороны урбанизационного процесса: механизмы градообразования и

развития городов, темпы урбанизации, ее социально-экономическое содержание и т.д. Вопрос только в том, насколько существенно было это влияние на градостроительство, на развитие уже существовавших городов, шире — на многосторонний процесс урбанизации, насколько она смогла трансформировать этот универсальный для современной техногенной цивилизации процесс, какова мера специфичности советской урбанизации.

Развитие советской урбанизации оказалось некой результирующей комплекса взаимосвязанных факторов, явлений, процессов. Безусловно, марксистско-ленинская доктрина оказала существенное влияние на урбанизационный процесс в стране, но так же, как общественное развитие в целом не было тождественно ни ее фундаментальным ценностям, ни конкретным «предначертаниям» основоположников и вождей, а являлось сложным продуктом воздействия идеологизированной, но относительно «самостоятельной» политики на сопротивляющийся «социальный материал», так и ход «социалистической» урбанизации и ее исторические результаты к моменту крушения системы оказались весьма далеки от теоретических замыслов и предсказаний и немецких теоретиков в XIX в., и их российских восприимчивых-практиков в веке XX.

В СССР развертывание урбанизации как широкого процесса, определяемого индустриальным развитием, относится к эпохе «социалистического строительства». В период гражданской войны происходила ситуационная дезурбанизация, а в условиях нэпа — преимущественно восстановление городов и городской жизни, в чем-то даже возвращение к дореволюционным механизмам городского развития. Мощный толчок урбанизации, но уже на иной основе был дан во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. «Социалистическая индустриализация» как процесс социально-экономический и урбанизация как комплексный, в частности социально-демографический, процесс оказались неразрывны. Будучи общим явлением для всех социально-экономических систем в XX в., в советской модели социализма урбанизация не только приобретала свое социальное содержание, но и имела особый, государственный движущий механизм. Советская урбанизация оказалась форсированной, и уже поэтому весьма специфичной, однако намного большая специфика (а в чем-то и уникальность) заключена на более глубоком, сущностном уровне, в ее «системных» механизмах.

После Октябрьского переворота и особенно со свертыванием нэпа оказалась отвергнутой естественная социально-экономическая основа этого процесса: развитие рынка, товарно-денежных отношений и т.д. Был прерван по сути лишь начинавший складываться естественно-исторический процесс в сфере социально-территориальной организации общества, хотя и в дореволюционной России он вовсе не был «классическим». Город, как саморегулирующийся, самоорганизующийся, саморазвивающийся организм, как форма естественной концентрации многообразной деятельности, трансформируется в «поселенческое приложение» к форсированной индустриализации. Специфический, во многом «искусственный» характер этой индустриализации, проводившейся «сверху», путем отчуждения государством собственности практически всех социальных категорий и особенно основной массы населения — крестьянства, предельной мобилизации ресурсов, привел и к искусственности и форсированности урбанизационного процесса. Некоторые ученые-урбанисты даже оценивают ее как «псевдоурбанизацию». Вряд ли можно полностью согласиться с такой позицией, но определенные — и весьма существенные — основания для нее действительно есть. Сводятся они к нескольким важным характеристикам советской урбанизации, которая не только отличается от «классической» западной (Западная Европа, США) по многим параметрам, но и привела к утрате советским городом ряда традиционных «городских» черт, которые были присущи дореволюционным российским городам. Причем, разрыв между основными характеристиками дореволюционной и советской урбанизации образовался за несколько «скачков», особенно существенным из которых был на рубеже 20-х—30-х гг.

Важнейшей чертой урбанизации в СССР, как и всей социально-экономической жизни, с тех пор стало то, что она определялась директивно-плановым характером экономики. Причем, ведущей тенденцией стало постепенное распространение планового начала из сферы собственно развития производства, отраслей экономики на все области развития городов, включая социальные, демографические, культурно-бытовые аспекты. Естественно, командно-административная система не могла отменить универсальных законов техногенной цивилизации, которым подчинен урбанизационный процесс. Она лишь предлагала свои формы их реализации, социального воплощения на специфической российской почве. Система не изменила общего направления движения россий-

ского общества, включая и урбанизационный процесс. Главное, что она предложила в этой области, — подчинение процесса предельно жесткому государственному регулированию (в определенной идеологической «упаковке»).

Практики «социалистического строительства» вынуждены были, хотя и на свой лад, считаться хотя бы с некоторыми объективными экономическими законами: они не могли «перепрыгнуть» через ограниченность ресурсов и, поставив цель, прагматически подходили к ее достижению. А среди главных условий решения поставленных пятилетними планами задач была дешевизна промышленного и другого хозяйственного строительства, что обеспечивалось и ГУЛАГом, и нищенским уровнем жизни рабочих, и — в ряду других — подходом к градостроению, своеобразной «городской политикой», если можно так говорить о сумме централизованных решений и нормативов, определивших на десятилетия развитие всех советских городов. Минимизация расходов на человека, включая жилищно-бытовые, культурные и иные социальные условия, — так можно было бы определить исходный пункт этого градостроительного подхода.

Тем не менее при всех негативных аспектах советской модели урбанизации, она — в ряду несомненных заслуг системы: именно в ее рамках был осуществлен переход в России от сельского общества к городскому. Естественно, урбанизация не могла не приобрести присущие именно этой специфической системе характеристики. И механизм ее, и процесс, и результат — сложившаяся система расселения и самих городов с основными их общественными параметрами — оказались глубоко «привязанными» к ней.

Испытание войной и миром

Глава 6

Советский Союз в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)

§ 1. Советские Вооруженные Силы накануне войны. Укрепление обороноспособности СССР

В конце 30-х гг. Красная Армия переживала серьезные перемены: росла ее численность, совершенствовалась структура, изменялись принципы комплектования и обучения войск.

В течение долгого периода из-за ограниченности финансовых средств и материальных ресурсов РККА строилась на основе смешанной — кадрово-милиционной системы. Хорошо обученные и технически оснащенные кадровые дивизии составляли основное ядро армии, а остальные дивизии являлись территориальными, т.е. комплектовались из людей, призывавшихся на краткосрочные военные сборы. Естественно, что уровень боевой подготовки территориальных частей был значительно ниже, чем кадровых. Это показали первые военные конфликты, в которых им довелось участвовать. «Наши территориальные дивизии были подготовлены из рук вон плохо. Людской материал, на котором они развертывались до полного состава, был плохо обучен, не имел ни представления о современном бое, ни опыта взаимодействия с артиллерией и танками. По уровню подготовки наши территори-

альные части не шли ни в какое сравнение с кадровыми», — считал крупнейший советский полководец Г.К. Жуков.

В условиях начавшейся мировой войны территориальная система организации армии не отвечала потребностям обороны страны. Для качественного освоения сложной боевой техники требовалось увеличить сроки военной службы и повысить уровень обучения. Жизнь заставила перейти к новой системе комплектования армии. К 1 января 1937 г. в сухопутных войсках было 58 кадровых, 4 смешанных и 35 территориальных стрелковых дивизий, а через два года все 98 дивизий и 5 бригад стали кадровыми.

1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял Закон о всеобщей воинской обязанности, закрепивший кадровый принцип построения армии. Призывной возраст был снижен с 21 года до 18 лет, а срок военной службы увеличен до 3—5 лет. Если в 1936 г. общая численность армии и флота составила 1,1 млн. человек, в 1938 г. — 1,5 млн. человек, то к 1 января 1941 г. — 4,2 млн. человек. На 22 июня 1941 г. в Вооруженных Силах СССР служило свыше 5 млн. человек.

За пять лет численный состав вырос почти в 5 раз, что потребовало больших организационных усилий и огромных материальных затрат. С 1937 по 1940 г. расходы армии и флота увеличились с 17 до 57 млрд. руб. Численно выросшую кадровую армию нужно было обмундировать, накормить, вооружить, обучить, обеспечить жильем и культурно-бытовыми благами.

Растущая армия нуждалась в большом количестве квалифицированных военных специалистов. В начале 1937 г. в армии насчитывалось 206 тыс. офицеров. Свыше 90% командного, военно-медицинского и военно-технического состава имели законченное высшее образование. Среди политработников и хозяйственников военное или специальное образование получили от 43 до 50%. По тем временам это был хороший уровень, но вскоре армию захлестнула волна репрессий. С мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. из армии были уволены 36 761 офицер, 3 тысячи офицеров было уволено с флота. На заседании Военного совета 29 ноября 1938 г. нарком обороны К.Е. Ворошилов сообщил об успехах по выкорчевыванию врагов народа: «Чистка была проведена радикальная и всесторонняя. Чистили мы, как и подобает большевикам, все, что подлежало очищению, начиная с самых верхов и кончая низами... достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек».

Репрессии вызвали огромную текучесть командных кадров. Ежегодно получали новые назначения десятки тысяч офицеров. Нередко, едва приступив к работе в новой должности, они вновь перебрасывались к следующему месту службы. Кадровая чехарда отрицательно сказывалась на уровне дисциплины и боевой выучке войск. Все это происходило в период стремительного роста численности армии, создания новых частей и соединений, увеличения числа командных должностей. Образовался огромный некомплект командиров, который год из года возрастал. В 1941 г. только в сухопутных войсках не хватало по штабам 66 900 командиров, в ВВС некомплект летно-технического состава достиг 32,3%.

Особенно сильно пострадал высший командный состав: в 1938—1940 гг. сменились все командующие войсками военных округов, на 90% были обновлены их заместители, помощники, начальники штабов, начальники родов войск и служб, на 80% — руководящий состав корпусных управлений и дивизий, на 91% — командиры полков, их помощники и начальники штабов полков. В сухопутных войсках были сняты с должностей и арестованы 27 командиров корпусов, 96 командиров дивизий, 184 командира полка.

Репрессиям подверглась основная часть руководящего состава Наркомата обороны. Погибли 9 заместителей наркома, 4 командующих ВВС, 5 начальников разведуправления Генштаба, 4 командующих Военно-морским флотом, многие ответственные работники военного ведомства. В общей сложности в предвоенные годы было репрессировано около 600 лиц высшего начальствующего состава. История не знает примеров, когда накануне большой войны с таким ожесточением и размахом уничтожался бы цвет собственной армии. В течение полутора лет было уничтожено вдвое больше генералов, чем погибло в боях Великой Отечественной войны.

Гнетущая атмосфера подозрительности и недоверия сковывала инициативу командиров, некоторые из них боялись принимать серьезные решения, так как в случае неудачи их могли обвинить в умышленном вредительстве. Кроме того, публичное шельмование командиров подорвало доверие к комсоставу среди красноармейцев, ведь за короткий срок были обвинены в предательстве тысячи командиров. Возникло самое пагубное для военного организма — недоверие к комсоставу, что привело к падению воинской дисциплины и боеготовности войск.

Разрушительные последствия происшедших в армии процессов выявила советско-финская война (30 ноября 1939 г. — 12 марта 1940 г.).

Эти 105 дней развеяли миф о могуществе Красной Армии. В войне против маленькой Финляндии советские войска потеряли 126 875 человек убитыми и пропавшими без вести, раненых, заболевших и обмороженных было 264 908. Потери Финляндии были значительно меньше — 48 тыс. убитых и 43 тыс. раненых. Весь мир увидел, что Красная Армия не является серьезной военной силой, не способна вести современную войну. Сталин попытался возложить всю вину за неудачи на Ворошилова, 15 лет возглавлявшего военное ведомство, но услышал в ответ: «Ты виноват в этом. Ты истребил военные кадры». Выступая на заседании комиссии Главного военного совета (ГВС), Сталин заявил, что опыта гражданской войны уже недостаточно для руководства современной армией, что вместо ветеранов надо выдвигать на руководящие посты более молодых командиров.

7 мая 1940 г. в Советском Союзе вводятся новые воинские звания, а через месяц свыше 1000 человек стали генералами и адмиралами. Сталин сделал ставку на более молодых военачальников. Народным комиссаром обороны СССР стал 45-летний маршал С.К. Тимошенко, а начальником Генштаба — 43-летний генерал армии К.А. Мерецков. Военно-морской флот возглавил 34-летний адмирал Н.Г. Кузнецов, а Военно-воздушные силы — 29-летний генерал П.В. Рычагов. Средний возраст командиров полков в то время был 29—33 года, командиров дивизии — 35—37 лет, а командиров корпусов и командармов — 40—43 года. Новые выдвиженцы по уровню образования и опыту уступали своим предшественникам. Несмотря на большую энергию и желание, они не успели освоить свои обязанности по руководству войсками в сложных условиях.

Уроки неудачной войны с Финляндией подтолкнули советское руководство к активным действиям по реорганизации армии и перестройке военного производства. В апреле 1940 г. принимается решение о снятии с производства устаревших конструкций танков и о принятии на вооружение Красной Армии созданного в КБ М.И. Кошкина великолепного среднего танка Т-34 и прекрасно показавшего себя в боях с финнами тяжелого танка КВ, спроектированного под руководством Ж.Я. Котина. В это время из 20 074 советских танков было лишь 9 экземпляров КВ, тридцатьчетверок не было ни одного. Кроме того, имелось 530 неповоротливых

многобашенных Т-28 и Т-35, 9012 танков — Т-26, 7300 — БТ и свыше 3 тыс. танкеток с пулеметным вооружением. Всю эту армаду устаревшей бронетехники было решено использовать в войсках до полного износа, а затем заменить тридцатьчетверками. Через год, в июне 1941 г., в армии насчитывалось 638 КВ и 1225 Т-34. Для полного переоснащения танкового парка требовалось не менее 2 лет.

Главной ударной силой сухопутных войск должны были стать механизированные корпуса, в каждом из которых полагалось иметь свыше 1000 танков. В конце 1940 г. началось формирование 9 мехкорпусов, а в марте 1941 г. — еще 20. Для их полного укомплектования требовалось 32 тыс. танков, из них 16 тыс. новых. По плану 1941 г. промышленность должна была выпустить 4 тыс. КВ и Т-34. Поэтому к началу Великой Отечественной войны лишь каждый десятый мехкорпус был полностью оснащен боевой техникой, еще пять были укомплектованы наполовину, остальные имели менее половины штатного количества танков, а 17-й и 20-й мехкорпуса не могли считаться боевыми соединениями, так как получили соответственно 3,5 и 9% боевых машин. Решение о формировании 29 мехкорпусов, начатое без учета реальных возможностей танковой промышленности, было ошибочным.

Накануне войны советская авиация находилась в стадии перевооружения. К этому времени большинство самолетов, принесших стране мировую славу и установивших 62 мировых рекорда, уже утратили свое превосходство над зарубежной техникой. Требовалось обновить самолетный парк, создать следующее поколение боевых машин. Сталин постоянно следил за развитием авиации, встречался с летчиками и конструкторами, со знанием дела рассуждал о конструктивных особенностях советских и зарубежных самолетов, давал конкретные указания по разработке новых типов истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков. Малейшие изменения в конструкции серийных машин производились только с его разрешения и оформлялись соответствующими постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

По числу самолетов советские ВВС превосходили любую страну мира, но по качественным показателям они начали отставать от лучших мировых образцов. После фейерверка авиационных рекордов признать свое отставание было нелегко. Вместо двух конструкторских бюро, являвшихся монополистами в деле создания истребителей и бомбардировщиков, было образовано около 20 новых КБ, получивших задание в минимальные сроки спроектировать и построить боевые са-

молеты, соответствующие мировому уровню. В напряженной конкурентной борьбе победили конструкторские коллективы С.В. Ильюшина, В.М. Петлякова, С.А. Лавочкина, А.И. Микояна и А.С. Яковлева, создавшие уникальный бронированный штурмовик Ил-2, скоростной пикирующий бомбардировщик Пе-2, а также истребители ЛаГГ-3 и Як-1, способные конкурировать с немецкими «Мессершмиттами».

С начала 1941 г. авиапромышленность полностью перешла на выпуск только новых самолетов и должна была произвести в первом полугодии 2925 истребителей, 2475 бомбардировщиков и 460 штурмовиков. До начала Великой Отечественной войны армия получила 2,7 тыс. новейших самолетов. Самолеты старых типов в это время составляли 82,7% самолетного парка, а новые — 17,3%. Лишь 10% строевых летчиков успели освоить новые машины. Таким образом, процесс перевооружения ВВС находился в самом начале, и для его завершения требовалось не менее полутора лет.

Новый глава военного ведомства С.К. Тимошенко понимал, что армия нуждается в серьезной перестройке всей системы боевой подготовки. Он требовал учить войска тому, что нужно на войне, и только так, как это делается на войне. Резко вырос объем полевых занятий, а сами учения стали проводиться в обстановке, максимально приближенной к реальным условиям войны. Будучи горячим сторонником единоначалия в армии, Тимошенко убедил Сталина отменить введенный в 1937 г. институт военных комиссаров. Наличие в каждой воинской части полномочного комиссара вело к двоевластию, ограничивало возможности командира при решении любых вопросов. Функционирование института военных комиссаров (1937—1940) пришлось на годы массовых репрессий в армии, это обстоятельство также следовало учесть. Летом 1940 г. вместо Политуправления РККА создается Главное управление политпропаганды. Функции заместителей командиров по политчасти были сведены к политическому воспитанию красноармейцев. Нарком требовал от замполитов помогать командованию в укреплении единоначалия и повышении авторитета командира. Тимошенко подчеркивал, что без полного единоначалия невозможно навести в армии настоящий порядок и вывести ее на уровень современных требований.

В 1940—1941 гг. улучшилась боевая подготовка красноармейцев, повысилась дисциплина, однако полностью перестроить армию за столь короткий срок не удалось.

Кадровая проблема по-прежнему оставалась острой. Для качественной подготовки офицеров нужны были годы учебы и практической работы на командных должностях. Военно-учебные заведения, понеся серьезный урон от репрессий, лишившись многих опытных преподавателей, не могли в короткие сроки дать армии достаточное число квалифицированных офицеров. Количество военных академий и училищ постоянно расширялось. С июля 1939 г. по декабрь 1940 г. открылось 77 военных училищ, к лету 1941 г. действовало 203 училища и 68 курсов усовершенствования, где обучалось свыше 300 тыс. курсантов. Подготовку офицеров с высшим и специальным образованием вели 19 академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах и 7 высших военно-морских училищ. Во всех командных академиях были восстановлены вечерние и заочные отделения. В 1941 г. в военных академиях обучалось 20 300 человек (в 1939 г. — 11 500). Для переподготовки офицеров запаса сеть специальных курсов увеличилась с 22 до 93, а их емкость возросла в 9 раз. Но потребности армии выросли еще больше. Поэтому до начала войны так и не удалось ликвидировать некомплект начальствующего состава.

5 мая 1941 г. в речи перед выпускниками военных академий Сталин признал, что учебные заведения по уровню оснащения современной техникой отстают от армии, однако он уклонился от анализа причин этого явления, сведя все к консерватизму преподавателей и нерасторопности снабжающих органов.

По качественным параметрам Красная Армия в 1941 г., безусловно, уступала фашистскому вермахту. Германскую армию отличали высокая дисциплина, прекрасная боевая выучка, первоклассная военная техника, опыт ведения современной войны, умение офицеров и генералов управлять войсками в сложных условиях, хорошее взаимодействие частей и соединений различных родов войск. Все это делало вермахт сильнейшей армией мира.

Летом 1940 г. Гитлер принял твердое решение об уничтожении СССР, время нападения зависело от продолжительности кампании: «Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой-то части территории будет недостаточно. Остановка действий зимой опасна. Поэтому лучше подождать, но принять твердое решение уничтожить Россию... Начало — май 1941 г. Продолжительность операции

— пять месяцев. Было бы лучше начать уже в этом году, однако это не подходит, так как осуществить операцию надо одним ударом. Цель — уничтожение жизненной силы России».

После тщательной проработки и детального обсуждения нескольких вариантов войны против СССР к концу 1940 г. был подготовлен и 18 декабря утвержден план, получивший наименование «Барбаросса». Уже 29 декабря советская разведка сообщила в Москву основное содержание этого документа. К сожалению, эти сведения, как и многие другие сообщения разведки, не были по достоинству оценены советским руководством. Сталин полагал, что Гитлер не начнет войну против СССР, предварительно не разгромив Великобританию или, по крайней мере, не заключив с ней договор о мире. Решимость правительства У. Черчилля продолжать с Германией войну до победного конца, в свою очередь, убеждала Сталина в необходимости никоим образом не провоцировать Гитлера, чтобы не лишиться в лице Великобритании потенциального союзника, если Гитлер все-таки развяжет войну против СССР.

В Генеральном штабе Наркомата обороны СССР оперативные планы войны с Германией разрабатывались и уточнялись несколько раз. Летом 1940 г. был подготовлен новый вариант, в соответствии с которым главный удар немцев следовало ожидать на центральном участке советско-германской границы, поэтому основные силы Красной Армии предлагалось сосредоточить в Белоруссии. При обсуждении плана Сталин высказал иную точку зрения, полагая, что противник нанесет главный удар на юго-западе, чтобы захватить наиболее богатые сырьевые, промышленные и сельскохозяйственные районы Украины, а затем — нефтеносные районы Кавказа.

Генштаб переработал план, теперь главные силы Красной Армии сосредоточивались на Украине. В феврале 1941 г. началась интенсивная переброска немецких войск на территорию Польши и Восточной Пруссии. Советская сторона не могла безучастно наблюдать за этим. Наркомат обороны и Генштаб неоднократно обращались в правительство с предложением провести частичную мобилизацию, укомплектовать войска приграничных округов до штатов военного времени и завершить оборудование укреплённых районов на границе. Руководители военного ведомства (С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков), видя концентрацию войск противника на наших границах, ясно представляли, что за этим последует и

пытались переубедить главу правительства, пребывавшего в плену своих ложных военно-политических прогнозов. Но в условиях режима личной власти принятие важнейших решений зависело не от профессионалов, а от узкого круга кремлевских политиков.

В последние мирные дни, когда немцы уже занимали исходные позиции для наступления, началась скрытая перегруппировка советских дивизий внутри приграничных округов, большая часть этих соединений подтягивалась к границе на расстояние от 20 до 80 км. Тогда же было приказано вывести фронтовые управления на полевые командные пункты. Эти полумеры уже не могли ничего изменить.

Накануне войны оборона западных границ СССР осуществлялась войсками пяти приграничных округов: Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского. Четыре округа с началом боевых действий должны были стать фронтами: Северным, Северо-Западным, Западным и Юго-Западным, а Одесский ВО выделял 9-ю армию.

В ночь на 22 июня Политбюро решило образовать еще Южный фронт. Считалось, что при возникновении угрозы войны правительство своевременно отдаст приказ о подготовке к нанесению по агрессору мощного ответного удара с целью отражения нападения и перенесения боевых действий на территорию противника. В первые дни войны армии прикрития, развернутые в приграничной полосе, должны были активными оборонительными действиями, при поддержке авиации и фронтовых резервов, отразить нападение и тем самым обеспечить сосредоточение и развертывание главных сил Красной Армии. В случае прорыва фронта нашей обороны планировалось ликвидировать прорвавшегося врага массированными ударами механизированных корпусов, противотанковых артиллерийских бригад и авиации.

Предполагалось, что советские войска смогут разгромить прорвавшегося на нашу территорию противника и перенесут боевые действия за пределы СССР. Введение в действие этого плана могло быть осуществлено только по особому решению правительства, а оно поступило в войска только в ночь с 21 на 22 июня. Однако даже если бы эта директива была приведена в действие на неделю раньше, все равно для перегруппировки войск этого срока было недостаточно.

Серьезным пороком данного замысла являлось предположение, что первоначально немцы предпримут вторжение лишь частью сил, как это было в 1914 г., затем разыграются пограничные сражения, под прикрытием которых и завер-

шатся мобилизация и развертывание основных сил обеих сторон. Здесь не учитывалось, что Германии не нужно проводить мобилизацию и развертывание сил, так как она их уже осуществила в ходе второй мировой войны. В боевых операциях против Польши и Франции фашисты сразу же вводили в бой главные силы и добивались успеха.

К 22 июня фашистская Германия и ее союзники сосредоточили у советских границ огромную армию в 5,5 млн. солдат и офицеров. Ей противостояли войска пяти приграничных округов, насчитывавшие 2,9 млн. человек. На всей территории СССР от Балтики до Тихого океана было 5 млн. 373 тыс. солдат и офицеров, т.е. меньше, чем в немецкой армии в момент вторжения. Агрессор имел 4,3 тыс. танков, около 5 тыс. самолетов и 47 тыс. орудий и минометов — в полтора-два раза меньше, чем было на вооружении в Красной Армии, но вполне достаточно, чтобы посредством внезапного массированного их применения достичь на первом же этапе войны полного стратегического превосходства.

Вечером 21 июня 1941 г. в Кремле собрались члены узкого состава Политбюро ЦК ВКП(б), которые в тот период решали все наиболее важные и срочные вопросы. На заседание, продолжавшееся с 19 до 22 часов, были приглашены начальник Генштаба и наркомы обороны Военно-морского флота и Госконтроля. Обсуждался вопрос о возможном нападении Германии. В приграничные округа была направлена директива, предписывавшая в ночь на 22 июня скрытно занять огневые точки укрепрайонов, рассредоточить и замаскировать на полевых аэродромах всю авиацию, все части привести в боевую готовность, но в то же время не поддаваться ни на какие провокационные действия. За час до полуночи члены высшего руководства страны покинули Кремль, а через пять часов германские войска вторглись на советскую землю.

Тысячи немецких самолетов и десятки тысяч орудий нанесли сокрушительный удар по советским военным городкам, казармам, железнодорожным узлам, аэродромам, бензозапасникам, складам боеприпасов, штабам, узлам связи и другим военным объектам. Первый удар застал Красную Армию врасплох. Никаких мер по приведению войск в боевую готовность в большинстве гарнизонов принято не было. В первые же часы войны приграничные округа понесли тяжелейшие потери, от которых они уже не смогли оправиться. Тысячи единиц боевой техники были выведены из строя в местах хранения, так и не вступив в бой. Из 1200 самолетов,

потерянных 22 июня, более двух третей сгорели на аэродромах, ни разу не поднявшись в небо. Разрушение линий связи привело к потере управления войсками. Командующие военных округов доложили в Генштаб о начале боевых действий, а начальник Генштаба Жуков передал эту новость Сталину.

В 5 часов 45 минут в Кремле вновь собрались Сталин, Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис и Жуков. У главы правительства еще теплилась надежда, что все случившееся является провокацией немецких генералов. Однако вскоре германский посол Шуленбург вручил наркому иностранных дел Молотову ноту германского МИДа, в которой говорилось, что вторжение немецких войск на территорию Советского Союза явилось вынужденным шагом, поскольку Вооруженные Силы СССР якобы сосредоточены и развернуты на границе в готовности к нападению. «Большевистская Москва готова нанести удар в спину национал-социалистической Германии, ведущей борьбу за существование. Правительство Германии не может безучастно относиться к серьезной угрозе на восточной границе. Поэтому фюрер отдал приказ германским вооруженным силам всеми силами и средствами отвести эту угрозу. Немецкий народ осознает, что в предстоящей борьбе он призван не только защитить Родину, но и спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма и расчистить дорогу к подлинному расцвету в Европе», — подчеркивалось в этом документе.

Никаких доказательств агрессивных намерений СССР у германской стороны не было. Напротив, немцам хорошо было известно о трудностях, которые переживала Красная Армия, о ее неготовности к большой войне. О мотивах, побудивших его к агрессии, Гитлер заявил на совещании в Ставке вермахта 9 января 1941 г.: «Особенно важен для разгрома России вопрос времени. Хотя русские вооруженные силы и являются глиняным колоссом без головы, однако точно предвидеть их дальнейшее развитие невозможно. Поскольку Россию в любом случае необходимо разгромить, то лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена и когда русским приходится преодолевать большие трудности в военной промышленности, созданной с посторонней помощью».

Разгром СССР, по мнению Гитлера, создал бы самые благоприятные условия для победы над Англией и позволил бы Японии сосредоточить все усилия против США, что удержало бы последние от вступления в войну против Германии. Уверенный в быстрой победе и достижении мирового господ-

ства, фюрер не слишком заботился об оправдательных аргументах, зная, что победителю не придется доказывать свою правоту... Но главарям третьего рейха все-таки пришлось отвечать за свои преступления, в том числе и за развязывание войны против СССР.

§ 2. Начало Великой Отечественной войны

Вторжение на территорию СССР неприятельских войск стало переломным моментом в жизни всего советского народа. В один день рухнули все планы и надежды десятков миллионов людей. Главной стала задача спасения Отечества от порабощения, сохранение его независимости и территориальной целостности. Перед этим отступили на второй план все внутренние проблемы. В первые часы войны, когда обстановка была еще неясна, Сталин наотрез отказался выступить по радио с сообщением о немецком вторжении. В полдень 22 июня с заявлением Советского правительства выступил заместитель председателя Совнаркома СССР и нарком иностранных дел В.М. Молотов. В заявлении выражалась твердая уверенность в победе над вероломным агрессором: «Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами». Начавшаяся война с первых дней получила наименование Великой Отечественной.

Для успешного ведения войны требовалось прежде всего укрепить вооруженные силы, увеличить их численность. С этой целью 22 июня была объявлена мобилизация мужчин в возрасте от 23 до 36 лет, что позволило вдвое увеличить размеры армии. До 1 июля советские вооруженные силы получили пополнение — 5,3 млн. человек. Исход вооруженной борьбы определялся численностью и уровнем боевой выучки войск, а также квалификацией командного состава. Наряду с красноармейцами в армию влились сотни тысяч офицеров запаса. Для пополнения действующей армии вначале использовались кадровые части и соединения, расположенные во внутренних военных округах. Но они не могли удовлетворить потребности фронта. Развернулась огромная работа по созданию новых частей. Для руководства этой работой при Наркомате обороны создается специальная группа по формированию новых стрелковых и танковых дивизий и артиллерийских полков. Вскоре группа была преобразована в Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии (Главупроформ).

Наркомат обороны получил задание сформировать к 1 августа 56 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий. Областным комитетам ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик были направлены шифровки с требованием оказать всемерную помощь военному командованию в обеспечении новых дивизий всем необходимым. Поскольку большая часть оружия, обмундирования, снаряжения находилась на складах, расположенных возле западных границ, и была потеряна в первые же дни войны, вооружение и оснащение новых дивизий были крайне затруднены. Командование военных округов должно было изыскать вооружение на окружных складах и ремонтных базах, а также изъять из добровольной оборонной организации Осоавиахим учебное и боевое оружие, транспорт и часть подготовленного командного состава. Промышленные наркоматы получили задание изготовить и поставить Красной Армии в третьем квартале сверх плана по 2 млн. пар шаровар и гимнастеров, по 1 млн. шинелей, теплогреек, армейских валенок и ушанок, 500 тыс. пар сапог, 900 тыс. котелков и другое имущество.

При формировании и боевой подготовке новых соединений возникали трудности иного рода. В ряде союзных и автономных республик значительная часть населения коренной национальности слабо владела русским языком, что очень затрудняло их военное обучение и удлиняло период создания и боевой подготовки частей. Выход был найден. Началось формирование грузинских, армянских, азербайджанских, казахских, татарских и башкирских дивизий и бригад. Создание литовской, латышской и эстонской стрелковых дивизий проводилось также с учетом политических проблем, которые придется решать после освобождения этих республик от фашизма. По подсчетам историка Н.А. Кирсанова, всего в качестве национальных было сформировано 2 корпуса, 20 стрелковых и 20 кавалерийских дивизий, 15 стрелковых бригад, 2 стрелковых полка и 1 авиационный, 2 отдельных стрелковых батальона и 1 авиаэскадрилья. Боевая подготовка и воспитательная работа в национальных частях осуществлялись на языке коренной национальности, что значительно сокращало сроки военного обучения. Впоследствии многие национальные формирования отлично сражались за многонациональный Советский Союз, за что были удостоены многих наград и почетных наименований.

Задача подготовки пополнений для фронта, несмотря на огромные трудности, была успешно решена. С 22 июня по 1 декабря 1941 г. в действующую армию были направлены 291

дивизия и 94 бригады, что позволило военному командованию своевременно возместить понесенные потери.

Вопрос о стратегическом руководстве в будущей войне не был проработан в предвоенный период, поэтому создание Ставки Главного Командования 23 июня явилось результатом импровизации. Поскольку решающее слово при обсуждении любых вопросов всегда принадлежало Сталину, ему и предлагалось возглавить высший орган стратегического руководства. Но вождь уклонился от этого и назначил председателем Ставки наркома обороны Тимошенко, который при сложившейся тогда системе не имел права принимать окончательные решения и был вынужден обращаться за подтверждением к фактическому Главкому. Членами Ставки были Сталин, Молотов, маршалы Тимошенко, Ворошилов, Буденный, начальник Генштаба Жуков и нарком Военно-морского флота адмирал Кузнецов. При Ставке существовал институт постоянных советников из 13 человек: маршалы Кулик, Шапошников, генерал Мерецков, первый заместитель начальника Генштаба Ватутин, начальник ВВС Жигарев, начальник ПВО Воронов, кандидаты и члены Политбюро Микоян, Каганович, Жданов, Берия, Вознесенский, Маленков и начальник ГУПП Мехлис.

Получился громоздкий неуправляемый орган из 20 человек, половина которых были профессиональными военными, а остальные — политиками. В полном составе Ставка ни разу не собиралась. Уже на следующий день Мерецков был объявлен шпионом и оказался в камере Лубянки, а Жуков, Шапошников, Кулик, Ворошилов, Буденный и Мехлис отбыли на фронты. Воронов, Кузнецов и Жигарев приглашались на заседания лишь при обсуждении вопросов, входивших в их компетенцию. Поэтому маршал Тимошенко, не входивший в высшее политическое руководство страны, часто оказывался в нелепом положении. По свидетельству адмирала Н.Г. Кузнецова, члены Ставки, входившие в Политбюро, совсем не собирались подчиняться Тимошенко, а требовали от своего номинального руководителя докладов, информации и даже отчета о действиях. Такое ненормальное положение не могло продолжаться долго, и 10 июля создается Ставка Верховного Командования под председательством Сталина. Вместе с ним членами высшего органа стратегического руководства стали Молотов, Жуков, Буденный, Ворошилов, Тимошенко и Шапошников. Институт постоянных советников упразднился. С 8 августа Сталин стал именоваться Верховным Главнокомандующим.

Боевые действия на фронтах разворачивались совсем не так, как представлялось до войны. Попытки советского командования остановить продвижение немецких войск и отбросить их за линию государственной границы потерпели неудачу. Спешно организованные контрудары механизированных корпусов лишь ненадолго задержали противника, привели к большим потерям, но не спасли положения. Против 5 советских дивизий первого эшелона приграничных округов, растянутых на огромном фронте, противник бросил 149 дивизий. Если же учесть, что ударные немецкие группировки были сконцентрированы против слабо защищенных участков нашей обороны, то их преимущество становилось подавляющим.

Несмотря на героическое сопротивление советских войск, немецкие танковые клинья прорывали нашу оборону и устремлялись в глубь страны, захватывая огромные трофеи и уничтожая сначала дивизии первого эшелона, затем — второго и, наконец, обрушиваясь на резервы округов.

В первые дни войны командующие фронтами из-за разрушения линий связи и частичной потери управления войсками сами не имели достоверных сведений об истинном положении дел и нередко сообщали в Ставку явно завышенные данные о потерях противника. Эти доклады поддерживали уверенность Сталина в скорейшем поражении немцев. Он не верно представлял себе масштабы постигшей страну катастрофы и те силы, которые действительно могли бы разгромить врага, поэтому он ставил перед войсками нереальные задачи, требуя их выполнения в невероятно короткие сроки. Эти некомпетентные указания привели к напрасной растрате сил и средств.

По мнению маршала Жукова, в этот период Сталин слабо разбирался в вопросах военной стратегии и еще хуже в оперативном искусстве, имел весьма поверхностное представление о взаимодействии различных родов войск, требовал вводить в сражение все новые и новые части, многие из которых еще не закончили обучения и формирования. На доводы военных, что это повлечет за собой излишние потери, Сталин отвечал: «Нечего хныкать, на то и война». Пренебрежение опытом профессионалов и попытки проявить свое личное оперативно-стратегическое творчество вели к неоправданым людским и территориальным потерям.

К исходу первой недели войны стало ясно, что остановить врага в ближайшее время не удастся, поэтому нужны серьезные меры по перестройке всей жизни страны на военный

лад. Члены Политбюро Молотов и Микоян и секретарь ЦК Щербаков подготовили проект директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, которая требовала подчинить интересам фронта всю деятельность тыла, организовать всестороннюю помощь действующей армии, снабдить ее всем необходимым, оперативно провести мобилизацию людей и эвакуацию материальных ценностей, а в занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы. Сталин и Маленков тщательно отредактировали представленный документ, и 29 июня директива была разослана на места.

В тот же день Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны и в Ставку. Накануне войска немецкой группы армий «Центр» захватили столицу Белоруссии Минск и окружили значительную часть войск нашего Западного фронта. В результате падения Минска произошло серьезное ухудшение военно-стратегической обстановки. Когда вечером 29 июня в здании Наркомата обороны внезапно появились члены Политбюро во главе со Сталиным, это вызвало некоторое замешательство среди военных. Подробности данного визита сообщили впоследствии Молотов и Микоян. Когда Жуков доложил об очередном отходе войск и о потере связи с Минском, Сталин вскипел: «Что за Генеральный штаб, что за начальник штаба, который так растерялся, что не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует».

После взаимных упреков и оскорблений гражданским лицам было предложено покинуть Наркомат обороны и не мешать военным изучать обстановку и принимать решения. В любое другое время расправа последовала бы немедленно. Лишь перед угрозой военного поражения острый конфликт между высшей государственной властью и руководством вооруженных сил смог разрешиться кадровыми перестановками. По пути во внутренний двор Наркомата Берия возбужденно нашептывал хозяину об опасности военного переворота. Выйдя из здания, Сталин заявил своим соратникам об отказе от руководства страной и уехал из Москвы на дачу. (При этом он, правда, решил подстраховаться, направив подальше от столицы наиболее авторитетных военачальников: Тимошенко получил назначение командующего войсками Западного фронта, а заместители Жукова генерал-лейтенанты Ватутин и Баландин стали начальниками штабов фронтов. Жуков оставался во главе Генштаба еще ровно месяц и был

снят с этой должности после очередного конфликта с вождем.)

Государственный комитет обороны. 30 июня 1941 г. в Кремле собрались Молотов, Берия, Ворошилов и Маленков. Обсудив сложившееся положение, они пришли к выводу о необходимости создания чрезвычайного органа управления с неограниченными полномочиями, в состав которого войдут они сами, а руководителем новой структуры будет Сталин. Решив главный вопрос, они пригласили Микояна и Вознесенского поехать на дачу к Сталину и убедить его вернуться к государственной деятельности. Молотов, посетивший накануне «хозяина», сообщил присутствующим, что тот пребывает в прострации, ничего не делает и ничем не интересуется.

Возмущенный капитулянтским поведением вождя, его самоустранением от дел, Вознесенский воскликнул: «Вячеслав, иди вперед, мы за тобой пойдем», т.е. он предложил Молотову самому возглавить руководство страной. Присутствующие эту идею не поддержали, они видели вождем только Сталина и надеялись использовать его авторитет в народе для организации обороны страны. В тот же день все шестеро приехали на дачу. Увидев среди приехавших Берию, охрана без разговоров пропустила их к хозяину, который был сильно напуган неожиданным визитом. Вероятно, он решил, что соратники намерены расправиться с ним за то, что он в трудную минуту бросил свой пост, свалить на него всю вину за постигшую страну катастрофу.

Молотов от имени прибывших стал уверять вождя, что еще не все потеряно, что в стране есть огромные людские и материальные резервы, народ полон решимости сражаться до победы, имеется возможность расширить военное производство, укрепить армию и разгромить врага. Чтобы реализовать эту программу, нужно сосредоточить всю полноту власти в руках нового чрезвычайного органа — Государственного Комитета Обороны (ГКО). Сталин воспрял духом и согласился возглавить ГКО.

Берия предложил включить в состав комитета 5 человек. Подобное предложение было неожиданным для Микояна и Вознесенского, тоже желавших стать членами всемогущего ГКО. Сталин не возражал против включения всех семерых, но Берия упорно отстаивал свою точку зрения. В конце концов пришли к компромиссу: пятеро стали членами, а двое — уполномоченными ГКО. Здесь же Маленков написал от руки текст решения о создании ГКО, которое после внесения по-

правок Сталина и Молотова было оформлено как совместное постановление Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б).

В постановлении, опубликованном 1 июля, говорилось, что в руках Государственного Комитета Обороны сосредоточивается вся полнота власти в государстве и все граждане, все партийные, советские, комсомольские и военные органы обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения ГКО.

3 июля Вознесенский был назначен уполномоченным ГКО по вопросам вооружения и боеприпасов, Микоян — по снабжению обозно-вещевым имуществом, продовольствием и горючим, а Каганович — по воинским перевозкам. В феврале 1942 г. все трое стали полноправными членами ГКО, который с этого времени работал в составе 8 человек, являвшихся одновременно высшими партийными руководителями и заместителями главы правительства, возглавлявшими Госплан, Управление кадров ЦК ВКП(б), транспортное, внешнеполитическое и силовые ведомства. Таким образом, в ГКО вошли лица, которые и прежде обладали огромной властью, решали важнейшие вопросы развития страны. В качестве членов ГКО каждый из них стал курировать определенную сферу политики, экономики и военного строительства. Так, Маленков отвечал за производство самолетов и моторов, формирование авиационных частей, Молотов — за производство танков, Микоян ведал вопросами снабжения Красной Армии, Ворошилов занимался формированием новых воинских частей, Кагановичу поручался транспорт, на Вознесенского возлагался контроль за производством черных и цветных металлов, нефти, химикатов. Иногда происходило перераспределение обязанностей. Например, в первые месяцы войны контроль за производством вооружения и боеприпасов осуществлял Вознесенский, а с февраля 1942 г. — Берия. В ноябре 1944 г. вместо исключенного Ворошилова в состав ГКО ввели Н.А. Булганина.

Работа вновь созданного чрезвычайного органа не была регламентирована какими-либо документами. Не было принято положение о структуре ГКО, порядке его работы. Комитет собирался нерегулярно и не в полном составе. Целый ряд вопросов решался путем опросов, либо единолично председателем или его заместителями — Молотовым (с 30 июня 1941 г.) и Берией (с 16 мая 1944 г.). Все, что касалось изменения структуры вооруженных сил, новой боевой техники и оружия, назначения и перемещения кадров, работы

административных и карательных органов, Сталин держа под личным контролем. Он сам решал, кому поручить подготовку того или иного вопроса, каких военных и хозяйственных руководителей вызвать на заседание. В то же время наркомы и военачальники часто сами вносили в ГКО важнейшие предложения. Начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев вспоминал: «В кабинет председателя ГКО всегда свободно входили члены ГКО, которые докладывали подготовленные проекты постановлений — каждый по своему кругу деятельности. Сюда беспрерывно являлись военные руководители, наркомы и другие ответственные лица не только по вызову, но и по своей инициативе, если у них возникал крупный и неотложный вопрос. Заседаний ГКО в обычном понимании, т. е. с определенной повесткой дня, секретарями и протоколами, не было. Процедура согласования с Госпланом, наркоматами и ведомствами вопросов снабжения армии, в том числе организации новых производств, была упрощена до предела. Этому способствовало постоянное стремление руководителей каждой отрасли народного хозяйства ценой любых усилий быстрее сделать все необходимое для фронта, для разгрома врага. Созидательная инициатива центральных и местных работников была ключом. Любимым нуждам армии они охотно шли навстречу».

Поскольку одни и те же лица являлись одновременно членами Политбюро, ГКО, СНК и Ставки, то, когда они собирались вместе, трудно было провести грань между этими органами. Маршал Жуков вспоминал, что не всегда можно было определить, на заседание какого органа он прибыл. При возникновении какой-либо проблемы Сталин говорил: «Маленков с Вознесенским, рассмотрите вместе с Жуковым то, что он просит, через два часа доложите». По словам Жукова, не всегда было ясно, в каком качестве выступали эти люди, какой высший орган они представляли в данный момент. В зависимости от характера обсуждаемого вопроса Сталин давал указание оформить решение как директиву Ставки или постановление ЦК, СНК или ГКО.

Усилившаяся в годы войны централизация управления, концентрация всех властных функций в руках узкого круга лиц несли в себе как положительные, так и отрицательные моменты. С одной стороны, повышалась оперативность принятия решений, не было необходимости в многочисленных согласованиях, что очень важно в военной обстановке. Но с другой стороны, гигантская бесконтрольная власть таила в себе потенциальную опасность произвола, беззакония, что,

к сожалению, имело место, кроме того, члены правящей верхушки, обремененные многочисленными должностями, были просто не в состоянии постоянно контролировать выполнение сотен принятых ими решений. Нередко приходилось корректировать поспешно принятые, несогласованные между собой постановления, а то и вовсе отменять их. Генерал армии А.В. Хрулев, знавший Сталина больше тридцати лет, вспоминал: «Для многих из ближайшего окружения Сталина самым важным было не возражать ему, на лету подхватывать его указания и мгновенно исполнять их. Некоторые думают, что Сталин никогда ничего не забывал и, упаси Бог, было не выполнить его указание. На самом деле это далеко не так. Ежедневно решая сотни больших и малых дел, Сталин давал подчас самые противоречивые указания, взаимно исключавшие друг друга. Поскольку обычно никаких стенограмм и протоколов при этом не велось, то некоторые его распоряжения оставались невыполненными. Конечно те, кто в силу различных причин рисковал идти на это, всегда имели наготове лазейку, чтобы свалить вину на другого...»

Разумеется, восемь членов ГКО не могли лично справиться с гигантским объемом работы. У каждого из них были официальные помощники и заместители, отвечавшие за определенные участки работы. По мере необходимости при ГКО создавались различные временные советы и комиссии. 14 февраля 1942 г. при ГКО был образован Транспортный комитет (ТК), в обязанности которого входили планирование и регулирование перевозок на железнодорожном, морском и речном транспорте, координация работы всех видов транспорта и выработка мероприятий по улучшению их материальной базы. ТК был наделен обширными правами, его решения подлежали неуклонному исполнению. Членами ТК являлись наркомы путей сообщения, морского и речного флота и представители НКО. Главой ТК был Сталин, а его заместителем — член Политбюро А.А. Андреев.

8 декабря 1942 г. создается Оперативное бюро (ОБ) ГКО (Молотов, Берия, Маленков и Минкоян) для контроля и наблюдения за работой всех наркоматов оборонного комплекса и тяжелой промышленности, выработки и внесения на рассмотрение председателем ГКО проектов решений по отдельным вопросам развития промышленности и транспорта. ОБ составляло квартальные и месячные планы производства важнейших отраслей народного хозяйства и снабжения металлом, углем, нефтепродуктами и электроэнергией. 11 мая 1944 г. ОБ было утверждено в новом составе: Берия (пред-

седатель), Маленков, Микоян, Вознесенский и Ворошилов. При этом ТК упразднился, а его функции передавались Оперативному бюро.

Не создавая собственного разветвленного аппарата на местах, ГКО руководил страной через существовавшие аппараты ЦК партии, Совнаркома СССР, а также через местные партийные и советские органы. В наиболее важных отраслях народного хозяйства действовал институт уполномоченных ГКО, обладавших неограниченными правами и отвечавших за выполнение заданий Комитета. Местные партийные, советские, хозяйственные и иные организации оказывали всяческое содействие уполномоченным в реализации их функций. Подводя итоги, можно констатировать, что создание в первые дни Великой Отечественной войны Государственного Комитета Оборона не было заранее запланировано, а было вызвано чрезвычайными обстоятельствами.

Члены ГКО ранее входили в узкий состав Политбюро ЦК ВКП(б) — неуставной орган, решавший все важнейшие вопросы государственной жизни. Образование ГКО не расширило права этих лиц, а лишь придало им легитимность. Полномочия нового чрезвычайного органа были безграничны. За 50 месяцев своего существования ГКО принял 997 постановлений, из которых примерно две трети касались проблем военной экономики и организации военного производства. Кроме того, Комитет реорганизовывал вооруженные силы, создавал различные органы управления, осуществлял кадровые перестановки, в некоторых случаях подменял собой правоохранительные органы, давая им прямые указания о вынесении приговоров без судебного разбирательства, о депортации целых народов и т.п.

После окончания второй мировой войны Государственный Комитет Оборона был упразднен, а его функции переданы органам государственной власти.

Выше уже говорилось о секретной директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б), направленной партийным и советским организациям прифронтовых областей 29 июня 1941 г. Основное содержание данного документа было изложено в выступлении Сталина по радио 3 июля. Это было первое выступление главы правительства за 12 дней войны. Необычной была сама форма обращения: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои».

Советские люди никогда не слышали таких слов из уст «гениального вождя мирового пролетариата». В течение

предшествующих дней войны официальная пропаганда стремилась приукрасить положение дел. Сейчас впервые была сказана правда о масштабах постигшего страну несчастья, о том, что враг продолжает захватывать огромные территории, а Красная Армия не может его остановить. Председатель ГКО призвал весь народ сплотиться перед лицом смертельной опасности и мобилизовать все силы на разгром врага. Сражаться до последней капли крови. При вынужденном отходе вывозить на восток оборудование заводов и фабрик, все ценное имущество, горючее, запасы продовольствия. Не оставлять врагу ни килограмма хлеба, ни литра бензина. Все, что невозможно вывезти, приказывалось уничтожить. Создавать на оккупированной территории партизанские отряды и подпольные группы, уничтожать оккупантов всеми средствами. К тому времени по инициативе москвичей и ленинградцев уже началось формирование народного ополчения. Сталин призвал и жителей других районов страны организовывать отряды ополченцев.

Как известно, россияне не раз создавали народное ополчение для борьбы с иноземными захватчиками. Оно сыграло большую роль в ликвидации польско-шведской интервенции в начале XVII в. и в отражении наполеоновского нашествия в 1812 г. Движимые горячей любовью к Отечеству, желанием защищать его с оружием в руках, патриоты добровольно вступали в ряды ополчения. Летом 1941 г. в новых исторических условиях граждане Советской страны продолжили эту традицию, обратившись к проверенной временем форме всенародного участия в борьбе с иноземным врагом. Пример москвичей и ленинградцев был подхвачен по всей стране.

4 июля ГКО принял постановление, определившее порядок формирования, вооружения и оснащения ополченских дивизий Москвы и правовое положение ополченцев. Было решено сформировать 25 ополченских дивизий и создать в каждом районе столицы запасной полк для подготовки пополнений. Снабжение транспортом, снаряжением, котелками и шанцевым инструментом производилось за счет ресурсов города и области, а также путем изготовления всего необходимого на местных предприятиях. Боевая подготовка ополченцев, обеспечение их оружием, боеприпасами и вещевым довольствием возлагались на штаб Московского военного округа. За ополченцами сохранялась средняя заработная плата на все время нахождения в ополчении. В случае смерти или инвалидности ополченца его семья пользовалась

правом получения пенсии наравне с призванными в состав Красной Армии.

В московском и ленинградском ополчениях командирами частей и подразделений назначали, как правило, кадровых военных, которых было немало в этих гарнизонах, а в Поволжье, на Урале и в Сибири источником командно-политических кадров являлись партийно-советский актив и комсостав запаса, еще не призванный в армию. Довольно остро стоял вопрос об оснащении ополченцев оружием и военным снаряжением, запасы которого со складов НКО направлялись в первую очередь в воинские части, уходившие на фронт.

Снабжение ополченцев производилось за счет предельной мобилизации местных ресурсов. Использовались оружие и имущество добровольных оборонных организаций, военных кабинетов школ и вузов. Все, что можно, изготовлялось на местных предприятиях. Ополчение прифронтовых городов почти без подготовки было вынуждено вступить в бой, понеся при этом серьезные потери. Ополченцы в первых же сражениях проявили мужество, стойкость и самоотверженность, но очень часто им не хватало оружия, а также военных навыков. Дивизии народного ополчения внесли свой вклад в будущую победу, многие из них были переформированы и стали регулярными частями Красной Армии, прошли славный боевой путь от стен Москвы до Германии.

Ополчение тыловых городов ждала другая участь. Рабочие и служащие Поволжья, Урала, Сибири, записавшись в ополчение, продолжали трудиться на предприятиях, а в свободное от работы время проходили военную подготовку. Поэтому когда пришла их очередь идти в армию, они уже владели основами военного дела. Всего по стране насчитывалось более миллиона ополченцев. Много добровольцев вступило в ополчение на Дону, Кубани, в Поволжье, Сибири, в Воронежской, Горьковской, Ивановской, Кировской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской областях, а также в других регионах СССР.

Существовал еще один вид добровольческих народных формирований — истребительные батальоны, в которые вступило 328 тыс. человек. Штатные подразделения НКВД не могли взять под охрану все важнейшие народнохозяйственные объекты: заводы, фабрики, железные дороги, мосты, электростанции, линии связи и здания госучреждений. Действенную помощь в этом деле оказали сформированные из добровольцев истребительные батальоны.

Летом 1941 г., несмотря на героическое сопротивление регулярных частей Красной Армии и народного ополчения, немецкие войска продолжали движение на восток. Однако противник в полной мере ощутил разницу между войной против Польши, Франции и других европейских стран и начавшейся Великой Отечественной войной советского народа. Сражения на земле СССР совсем не походили на легкую прогулку по территории Европы. Здесь пришлось воевать по всем правилам военного искусства. Начальник Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер признал: «В Польше и на Западе мы могли позволять себе отдельные вольности и отступления от основных принципов, что теперь уже недопустимо».

В донесениях с фронтов отмечалось, что русские всюду сражаются до последнего человека. Хотя Красная Армия терпела поражения, но она наносила врагу ощутимый урон. За первые 18 дней войны немцы потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 100 тыс. человек. Потери в танках к 10 июля составили около 40% от первоначального количества. В воздушных боях и на земле враг потерял около тысячи самолетов. Все это несколько ослабило силу дальнейших ударов и снизило темп продвижения армий вермахта.

В сложной обстановке первых недель войны высшим командованием РККА было допущено немало ошибок и просчетов, обусловленных недостаточной квалификацией и отсутствием боевого опыта, что стало поводом для новых репрессий.

После кровавых чисток конца 30-х гг., унесших жизни многих военачальников, наступило некоторое затишье и появилась надежда, что охота на «врагов народа» больше не повторится. Однако созданный в предшествующий период огромный аппарат не мог долго находиться в бездействии, он должен был постоянно демонстрировать Сталину свою полезность и необходимость.

За многие годы в НКВД скопился компрометирующий материал практически на всех высокопоставленных военных. В июле 1941 г. ведомство Берии доложило вождю об очередном «заговоре военных», участниками которого оказались 4 бывших заместителя наркома обороны (А.Д. Локтионов, К.А. Мерецков, И.И. Проскуров и П.В. Рычагов), нарком вооружения СССР Б.Л. Ванников, начальник штаба ВВС П.С. Володин, начальник ПВО Г.М. Штерн, помощник начальни-

ка Генштаба Я.В. Смушкевич и еще 8 генералов и ряд руководителей оборонной промышленности.

Неудачное начало войны дало повод для новой волны арестов. За 18 дней противник продвинулся на восток на 450—600 км, захватил большую территорию, на которой располагалось 200 складов с горючим, продовольствием, боеприпасами и другим имуществом. 28 советских дивизий были полностью разгромлены, а еще 72 дивизии потеряли свыше половины своего состава. Потери оружия и боевой техники были очень велики: 6 тыс. танков, 9,5 тыс. орудий, около 12 тыс. минометов, не менее 3,5 тыс. самолетов.

Большая часть потерь приходилась на Западный фронт, именно здесь немцы наносили главный удар. Как уже говорилось выше, именно это направление советский Генштаб считал наиболее опасным и предлагая стянуть сюда основные силы. Но Сталин приказал сосредоточить большую часть войск на юго-западном направлении (на Украине). Когда его прогнозы не сбылись, Главкомверх нашел «козлов отпущения». Он санкционировал арест и предание суду командующего, начальника штаба, начальника артиллерии и начальника связи Западного фронта, а также командующего 4-й армией «за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление позиций».

Приказав прочесть это постановление во всех ротах, батареях, эскадронах и авиаэскадрильях, Председатель ГКО хотел убедить всех военнослужащих, что именно эти генералы виноваты в трагических событиях начала войны, одновременно он предупреждал, что будет и впредь «железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии».

Подозрительность и недоверие к командным кадрам проявились в том, что 16 июля 1941 г. был восстановлен институт военных комиссаров, как это было в период самых массовых чисток в армии (1937—1940). Теперь вновь во всех частях, соединениях, штабах, учреждениях Красной Армии, а через несколько дней и на кораблях ВМФ устанавливались должности военных комиссаров, на которых возлагалась обязанность строго контролировать проведение в жизнь приказов высшего командования, своевременно сигнализировать вышестоящим о недостойных командирах и политработниках, руководить политорганами и парторганизациями войсковых частей. Без подписи комиссара ни один приказ не

имел законной силы. Это подрывало единоначалие в армии и возрождало губительное для военного организма двоевластие. Комиссар являлся не только «представителем партии и правительства», не только политическим воспитателем красноармейцев, но и представителем карательных органов в армии. Подобное положение сохранялось в течение 15 месяцев и было отменено в октябре 1942 г., когда по настоянию военачальников в РККА и РККФ военных комиссаров после присвоения им обычных воинских званий перевели на должности войсковых и военно-морских командиров.

20 июля 1941 г. в целях координации деятельности всех карательных органов происходит объединение народных комиссариатов внутренних дел и госбезопасности в единый НКВД СССР. Если учесть, что за три дня до этого и военная контрразведка (особые отделы) вошла в состав этого Наркомата, то отныне все карательные ведомства оказались под контролем наркома Берин. Эта мощная структура, состоявшая из десятков отделов, управлений, ведавшая политической и научно-технической разведкой, контрразведкой, тюрьмами, колониями, лагерями, строительством и эксплуатацией крупных народнохозяйственных объектов, просуществовала до весны 1943 г., когда разведка и контрразведка были выделены в самостоятельный Наркомат госбезопасности СССР (нарком В.Н. Меркулов), а особые отделы возвращены в состав НКО и преобразованы в Главное управление контрразведки (СМЕРШ) во главе с В.С. Абакумовым.

Убежденный в плодотворности карательных мер, Сталин считал аресты и наказания командиров «лучшим способом оздоровления фронта». 16 августа 1941 г. он подписал приказ Ставки № 270, в котором безосновательно обвинил ряд офицеров и генералов в измене и пригрозил, что за отступление без приказа командиров следует расстреливать, а их близких родственников — судить. Всего с июля 1941 г. по март 1942 г. было расстреляно 30 генералов: 1 генерал армии, 2 генерал-полковника, 12 генерал-лейтенантов, 15 генерал-майоров. Все они впоследствии были реабилитированы.

Подозрительность вождя в отношении собственного народа выразилась в изъятии у всех граждан радиоприемников, в установлении жесткой цензуры почтовой корреспонденции и введении уголовной ответственности за распространение слухов. Не исключая возможности народных выступлений против установленного режима, Сталин возлагал на истребительные батальоны Москвы борьбу с возможными контрреволюционными выступлениями. Крайним проявлением

этой тенденции явилась депортация целых народов: немцев Поволжья в 1941 г., калмыков, чеченцев, карачаевцев и многих других в 1943 и 1944 гг.

6 сентября 1941 г. нарком внутренних дел доложил Сталину, что содержащиеся в Орловской тюрьме 170 опасных преступников якобы ведут пораженческую агитацию и готовят побег для продолжения подрывной работы. Среди заключенных были известные революционеры Х. Раковский и М. Спиридонова. В тот же день ГКО постановил применить расстрел ко всем 170 заключенным, а военная коллегия Верховного суда СССР оформила приговор, который 11 сентября был приведен в исполнение.

В середине ноября в очередном докладе НКВД сообщалось, что в местах заключения содержится 10 640 человек, приговоренных к высшей мере наказания и ожидающих утверждения приговора высшими судебными инстанциями. Берия просил разрешения расстрелять их немедленно в нарушение существовавшего законодательства. 17 ноября разрешение было дано.

Кроме того, Особому совещанию НКВД СССР предоставлялось право выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела по делам, предусмотренным статьями 58 и 59 Уголовного кодекса РСФСР. Решение Особого совещания считалось окончательным. Так Берия получил неограниченную возможность внесудебной расправы. В одном из сообщений он докладывал, что Особое совещание за 8 дней работы осудило к различным мерам наказания 4905 человек. Естественно, что при такой «ударной работе» ни о каком судебном разбирательстве и установлении вины каждого не могло быть и речи. Всего Особым совещанием в 1941 г. было вынесено 26 534 приговора, в 1942 г. — 77 548, в 1943 г. — 25 134, в 1944 г. — 10 511 и в 1945 г. — 25 581.

Человек, попавший в застенки по политическим мотивам, как правило, был обречен. Но бывали и немногие счастливые исключения. Обычно это распространялось на специалистов в различных областях деятельности, в которых очень нуждались наука, военная промышленность и вооруженные силы. Так, после многочисленных пыток и собственного признания в «заговорщической деятельности» внезапно по указанию вождя был освобожден Герой Советского Союза генерал армии К.А. Мерецков. Остальные «генерал-заговорщики», среди которых было 8 Героев Советского Союза, в том числе один дважды, были расстреляны, многие даже без суда.

Прекрасно понимая, что никакого заговора не было, Сталин велел освободить тех людей, в которых нуждался, а прочих оставил на растерзание палачам. Острая нехватка опытных руководителей промышленности заставила вспомнить о томящихся на Лубянке специалистах Наркомата вооружения СССР во главе с наркомом Б.Л. Ванниковым.

Находясь в одиночной камере в ожидании смертного приговора, Ванников подготовил докладную записку о развитии производства оружия в условиях войны. Прямо из камеры он был доставлен к Сталину, который высоко оценил проделанную работу: «Вы во многом были правы. Мы ошиблись... А подлецы вас оклеветали...» Тогда же были амнистированы несколько руководящих работников военной промышленности и ряд крупных конструкторов в оборонной технике, в их числе выдающиеся ученые А.Н. Туполев и С.П. Королев. Ванников вскоре возглавил Наркомат боеприпасов СССР. За заслуги в укреплении оборонной мощи страны его удостоили звания генерал-полковника инженерно-технической службы и трижды Героя Социалистического Труда.

Под натиском превосходящих сил противника Красная Армия была вынуждена отступать. Противник оккупировал огромную территорию, где до войны проживало 40% населения СССР (32% рабочих и служащих), производилось 33% валовой продукции всей промышленности страны, выращивалось 38% зерна, 60% поголовья свиней и 38% крупного рогатого скота.

В результате потери большого количества производственных мощностей, планируемых для перевода на выпуск военно-промышленной продукции, не пришлось вводить в действие разработанные до войны планы всеобщей мобилизации промышленности; нарушились связи кооперировавшихся для производства военно-промышленной продукции предприятий, а накопленные ими мобилизационные запасы сырья, материалов и т.п. пришлось либо бросить, либо перебазировать. Из-за всеобщей неразберихи и чрезвычайной напряженности транспортных потоков осложнилась эвакуация стратегически важных промышленных предприятий в глубь страны. Вывозили все, что можно вывезти, без определенного плана и графика, а то, что вывезти не могли, уничтожали.

Для руководства эвакуацией из западных областей СССР населения, оборудования предприятий, учреждений, военных грузов и иных ценностей 24 июня 1941 г. был создан

Совет по эвакуации. На железных дорогах сложилась критическая ситуация: на восток шли эшелоны с людьми, промышленным оборудованием и материальными ценностями, а в противоположном направлении двигались воинские эшелоны. Перевозки проходили под бомбежкой авиации противника. Разрушения станций и железнодорожных путей приводили к срыву графика движения. Войска, боевая техника и грузы прибывали на фронт с опозданием.

16 июля Совет по эвакуации был реформирован: председателем его был назначен Н.М. Шверник, его первыми заместителями — А.Н. Косыгин и М.Г. Первухин, членами — А.И. Микоян, Л.М. Каганович, М.З. Сабуров и В.С. Абакумов. Совет по эвакуации определял места, куда должны были перевозиться предприятия, брал на учет производственные, административные, складские, учебные и другие здания, пригодные для размещения эвакуированных предприятий, давал задания НКПС о выделении необходимого числа вагонов.

В первую очередь требовалось перебазировать в Поволжье, на Урал, в Западную Сибирь и Среднюю Азию предприятия оборонного комплекса, большая часть которых до войны размещалась в европейской части СССР. Вместе с оборудованием заводов эвакуировалась часть рабочих, чтобы на новом месте начать монтаж оборудования и в максимально короткие сроки возобновить выпуск продукции. В течение второй половины 1941 г. удалось эвакуировать из угрожаемых районов только по железной дороге оборудование 2593 промышленных предприятий, в том числе 1523 крупных. Кроме того, было вывезено около 2,4 млн. голов крупного рогатого скота, 5,1 млн. овец и коз, 200 тыс. свиней, 800 тыс. лошадей.

§ 3. Все для фронта, все для победы

Конец 1941 г. ознаменовался резким спадом военного производства. Если в августе было выпущено 5 млн. артиллерийских снарядов, то в ноябре — лишь 3,2 млн., боевых самолетов — соответственно 2046 и 448. В сентябре промышленность произвела 22 100 автоматов и 317 700 винтовок и карабинов, а в ноябре — только 3345 автоматов и 221 200 винтовок и карабинов.

С июня по декабрь 1941 г. Красная Армия потеряла 20,5 тыс. танков, а получила за это время только 5,6 тыс.; потери

боевых самолетов за тот же период составили 17,9 тыс., а пополнение — 9,9 тыс. По артиллерии и стрелковому оружию картина была примерно та же. Танков, самолетов и другой боевой техники катастрофически не хватало и Сталин лично распределял их по фронтам, в то же время грозя руководителям предприятий наказанием за срыв производственной программы.

Не только страх перед наказанием, но и осознание того, что от их работы зависит судьба страны, помогло труженикам тыла преодолеть многочисленные трудности, решить организационные и технологические проблемы и дать армии достаточное количество качественного вооружения. В восточных районах страны расширялись производственные мощности старых заводов и фабрик, и одно за другим вступали в строй эвакуированные предприятия. Многие мирные фабрики и заводы переходили на выпуск военной продукции. В результате в октябре—ноябре 1941 г. была пройдена нижняя точка спада, и с декабря начался постепенный рост производства оружия и боевой техники.

В 1942 г. темпы военного производства постоянно нарастали. В третьем квартале 1942 г. вооружения производилось больше, чем в довоенном втором квартале 1941 г.: ручных и станковых пулеметов — в 4,2 раза, пистолетов-пулеметов — в 5,2 раза, артиллерийских орудий — в 6,3 раза, танков — в 5,2 раза и самолетов — в 2,1 раза. Производство большинства видов вооружения было переведено на поток со сборкой отдельных узлов и конечного изделия на конвейере. Конструкторы стремились максимально упростить конструкцию оружия, разумеется, не допуская при этом снижения боевых и эксплуатационных характеристик.

Совершенствовалась технология производства. Вместо литья иковки применялся процесс штамповки деталей. Изобретенный академиком Е.О. Патонов способ автоматической сварки брони произвел настоящую революцию в танкостроении. Внедрялась технология термической обработки деталей токами высокой частоты. Благодаря достижениям технологий удалось в производстве оружия и боеприпасов заменить дорогостоящие цветные металлы и легированные стали менее дефицитными и более дешевыми материалами. Были сэкономлены тысячи тонн никеля, молибдена, латуни, алюминия и других ценных металлов. Нормы расходования материалов в производстве важнейших видов продукции военного машиностроения за 1941—1944 гг. снизились на 30—35%.

Большая экономия была достигнута в расходовании электроэнергии и топлива. Механизация и автоматизация производства, применение прогрессивных технологий, конвейерная сборка в авиастроении, в танкостроении, в производстве стрелкового оружия и артиллерии позволили из года в год наращивать выпуск оружия и боевой техники без увеличения численности работающих в этих отраслях, при одновременном снижении себестоимости единицы продукции. Так, себестоимость среднего танка Т-34 в июле 1945 г. составляла 54,6% от уровня 1942 г. В целом по Наркомату танковой промышленности за 1942—1945 гг. экономия от снижения себестоимости была эквивалентна дополнительному выпуску 25 700 танков Т-34. В авиапромышленности экономия от снижения себестоимости за годы войны была эквивалентна поставке фронту 42 475 самолетов.

Объем производства основных видов вооружения и боевой техники

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Всего
Стрелковое оружие всех типов (в млн. ед.)	1,76	5,91	5,92	4,86	1,38	19,83
Танки и САУ (в тыс. шт.)	4,7	24,5	24,1	29	16	98,3
Орудия и минометы всех типов и калибров (в тыс. шт.)	53,6	287	126	47,3	11,3	525,2
Самолеты всех типов (в тыс. шт.)	11,5	25,4	34,9	40,2	10,1	122,1
В том числе боевые (в тыс. шт.)	8,2	21,7	29,9	33,2	8,2	101,2
Боевые корабли основных классов (в шт.)	35	15	14	4	2	70

Исход вооруженной борьбы зависел не только от количества оружия, но и от качественных характеристик. Этой стороне дела уделялось постоянное внимание. На заседаниях ГКО систематически рассматривался ход работы по созданию новых образцов оружия, намечались жесткие сроки, формулировались требования к новым танкам, самолетам и артиллерийским системам.

Основу советского арсенала составили принятые на вооружение накануне Великой Отечественной войны штурмовики Ильюшина, пикирующие бомбардировщики Петлякова,

истребители Яковлева и Лавочкина, средние танки Т-34 конструкции Кошкина, Морозова и Кучеренко, пистолеты-пулеметы Шпагина (ППШ) и Судаева (ППС), пушки Грабина, Иванова и Петрова, минометы Шавырина. Система вооружений, созданная в предвоенный период, выдержала суровую проверку войной. В ходе войны в этой сфере не пришлось ничего перестраивать радикально.

Потери оружия и боевой техники были велики. Советские войска каждый день войны в среднем теряли 30 самолетов, 68 танков, 224 орудия и миномета и 11 тыс. единиц стрелкового оружия. В период стратегических операций эти средние цифры возрастали в несколько раз. Однако в вопросах обеспечения армии оружием не обошлось и без ошибок. Перед самой войной прекратили производство пушек калибра 45 и 76 мм, составляющих основу артиллерийского вооружения сухопутных войск. Ошибочность этого решения стала ясна уже в первые дни войны. Пришлось в спешном порядке восстанавливать производство этих пушек не только на тех заводах, которые выпускали их прежде, но и на других, в том числе и гражданских, имевших подходящее оборудование. Уже к концу 1941 г. армия получила 6,5 тыс. 76-миллиметровых орудий, а за весь период войны их было выпущено 68,8 тыс.

Нарком вооружения СССР Д.Ф. Устинов вспоминал, как Сталин поставил перед промышленностью задачу обеспечить красноармейцев эффективными средствами борьбы с танками. Через 22 дня опытные образцы противотанковых ружей были сконструированы, изготовлены и поступили на испытания. 29 августа 1941 г. прошедшие испытания образцы осматривали в Кремле члены ГКО. В тот же день противотанковые ружья, созданные В.А. Дегтяревым (ПТРД) и С.Г. Симоновым (ПТРС), были приняты на вооружение, а заводы получили задание срочно освоить их массовое производство.

Выдающимся достижением в области авиастроения явилось создание уникального по своим качествам бронированного самолета-штурмовика. В разных странах мира неоднократно предпринимались попытки построить самолет, сочетающий в себе сильную бронезащиту, мощное вооружение и хорошие летные качества. Эти попытки обычно кончались неудачей: наличие брони и сильного вооружения вело к утяжелению самолета, снижению скорости и маневренности, а слишком тонкая броня не могла защитить пилота от оружейно-пулеметного огня противника. Накануне войны советским ученым удалось получить достаточно прочную и сравнитель-

но легкую авиационную броню, а талантливый авиаконструктор С.В. Ильюшин умело использовал новый материал в конструкции своего самолета. Все жизненные части штурмовика находились в бронекорпусе (мотор, бензобак и пилотская кабина). Ему был не страшен автоматный и пулеметный огонь с земли, поэтому штурмовик мог снижаться до бреющего полета и, используя свое мощное вооружение (9600 кг бомб, 8 реактивных снарядов, 2 автоматические авиапушки и 2 скоростных пулемета), уничтожать живую силу и боевую технику врага.

Самолет много критиковали за малую скорость и недостаточную высотность. Всем упрекам пришел конец, когда с первых дней войны Ил-2 продемонстрировал свои возможности. Стремительно атакуя с малых высот, штурмовики громили автомобильные и танковые колонны немцев, уничтожали мосты, полевые укрепления, артиллерийские батареи и пехоту.

Лучшим танком второй мировой войны был признан советский Т-34. Когда большинство танков в мире оснащалось бензиновыми двигателями, М.И. Кошкин установил на свою машину мощный дизель, надежный и безопасный. Мощный мотор и широкие гусеницы обеспечили танку хорошую проходимость в условиях бездорожья. Оптимальная форма башни и корпуса повышали снарядостойкость. Немецкие пушки калибра 37 и 45 мм не пробивали броню тридцатьчетверок, а 76-миллиметровая пушка, установленная на Т-34, легко поражала немецкие танки Т-III и Т-IV даже на предельных дистанциях. Первые же бои продемонстрировали превосходство Т-34 над немецкими машинами.

Такая ситуация сохранялась до 1943 г., когда в Германии были созданы новый средний танк Т-V («Пантера»), в котором воплотились некоторые лучшие качества тридцатьчетверки, тяжелый танк Т-VI («Тигр») и самоходная пушка «Фердинанд». На перевооружение танковых войск во время войны немцы были вынуждены пойти, чтобы ликвидировать качественное и количественное превосходство советских танков. На какое-то время им это удалось. «Тигры» и «Пантеры» имели лучшую броневую защиту и мощную пушку калибра 88 мм, позволявшую им поражать советские танки на дальней дистанции. Для борьбы с «Тиграми» и «Пантерами» советскими конструкторами были созданы самоходные артиллерийские установки: СУ-76, СУ-65, СУ-100, ИСУ-122 и ИСУ-152. Кроме того, прошла модернизация тридцатьчетверки: новый образец Т-34-85 был оснащен длинноствольной

85-миллиметровой пушкой, способной поражать новые немецкие танки. Был создан также более совершенный тяжелый танк ИС-2 (Иосиф Сталин), вооруженный мощной 122-миллиметровой пушкой. С 1944 г. Красная Армия, получив эти танки, вернула свое превосходство над противником как по количеству, так и по качеству бронетанковой техники.

В 1941 г. в СССР завершилась многолетняя работа по созданию реактивных минометов. 15 июля батарея реактивных установок из 7 машин под командованием капитана Флерова нанесла сокрушительный удар по скоплению вражеских войск на железнодорожной станции Орша. Результаты превзошли все ожидания. Один залп батареи надолго вывел станцию из строя. Простота конструкции нового оружия позволила быстро наладить его массовое производство на многих предприятиях, ранее выпускавших мирную продукцию. В короткий срок Красная Армия получила сотни, а затем и тысячи мощных реактивных минометных установок. В течение всей войны совершенствовалась их конструкция, расширялась сфера применения. Подразделения реактивной артиллерии получили наименование «гвардейских минометных частей» (ГМЧ), были выведены из подчинения начальника РККА. Командующий ГМЧ В.В. Аборенков стал заместителем наркома обороны СССР, что свидетельствовало об огромном значении, которое Ставка Верховного Главнокомандования придавала этому роду оружия. Попытки противника наладить у себя выпуск аналогичного оружия не увенчались успехом. Но немцы преуспели в создании ракетного оружия среднего и дальнего радиуса действия (ФАУ-1 и ФАУ-2), а также реактивной авиации.

В течение всей войны продолжалось противоборство авиаконструкторов СССР и Германии. Созданные В.М. Петляковым и А.Н. Туполевым пикирующие бомбардировщики Пе-2 и Ту-2 по своим техническим характеристикам с самого начала превосходили аналогичную продукцию фирм «Хенкель» и «Юнкерс». О штурмовике Ил-2 уже говорилось выше. А в области истребительной авиации в первый период войны преимущество имели Ме-109. Вилли Мессершмитт постоянно совершенствовал свое детище, увеличивая мощность мотора, усиливая вооружение, устанавливая более современное оборудование. Начиная с 1943 г. на советско-германском фронте появились скоростные и хорошо вооруженные истребители ФВ-190 фирмы «Фокке-Вульф». К этому времени советские ВВС получили самый легкий и маневренный истребитель в мире Як-3 и новую модель истребителя Ла-5 с мощ-

ным мотором конструкции Шевцова. Новые самолеты А.С. Яковлева и С.А. Лавочкина превосходили «Мессершмитты» и «Фокке-Вульфы» по скорости, маневренности и скороподъемности, что позволило советским летчикам захватить господство в воздухе сначала на отдельных участках фронта, а затем и в стратегическом масштабе.

Советская оборонная промышленность успешно восполняла потери в вооружении и боевой технике. На конец войны, к 9 мая 1945 г., Советская Армия имела 32,5 тыс. танков и САУ (в 1,6 раза больше, чем у нее было 22 июня 1941 г.), боевых самолетов — 47,3 тыс. (в 2,4 раза), орудий и минометов — 321,5 тыс. единиц (превышение в 2,9 раза).

Победы и поражения. В первые месяцы Великой Отечественной войны в составе высшего военного руководства произошли серьезные изменения. Ни один из генералов, командовавших фронтами в июне 1941 г., не удержался в этой должности: один погиб в бою, второй был расстрелян, а троих понизили в должности. Созданные в июле главные командования стратегических направлений, не имевшие в своем распоряжении резервов и лишенные самостоятельности в принятии оперативно-стратегических решений, оказались лишним управленческим звеном и были упразднены. Все три главкома — маршалы Ворошилов, Тимошенко и Буденный — не оправдали надежд Сталина, и он переместил их на второстепенные посты.

Став Верховным Главнокомандующим, Сталин еще долго не мог отрешиться от устаревших взглядов на военное искусство, при решении стратегических вопросов руководствовался не военными, а политическими соображениями, недооценивал роль Генштаба в планировании операций, лучшим способом преодоления возникавших трудностей считал перетряску кадров, замену одних генералов другими (например, с июня по октябрь 1941 г. должность командующего войсками Западного фронта занимали 5 человек: Д.Г. Павлов, А.И. Еременко, С.К. Тимошенко, И.С. Конев и Г.К. Жуков). Такая же кадровая чехарда была на некоторых других фронтах и в армиях.

В этот период кадровые перестановки проводились Сталиным под воздействием настроения, а не по соображениям стратегической целесообразности. Так было 29 июля 1941 г., когда Жуков внес единственно возможное в сложившейся обстановке предложение об оставлении Киева и отводе войск Юго-Западного фронта за Днепр, чтобы спасти их от окружения и гибели. Одновременно предлагалось нанести контр-

удар в районе Ельни для ликвидации образовавшегося выступа. Сталин назвал эти предложения чепухой, Жуков подал в отставку с поста начальника Генштаба. Верховный принял отставку со словами: «Мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся...»

Однако война показала, что обойтись без профессионалов такого уровня невозможно. Уже в качестве командующего войсками Резервного фронта Жуков осуществил запланированный контрудар, в результате которого Ельня была отбита у немцев. В этих боях родилась советская гвардия: четыре стрелковые дивизии, отличившиеся в наступлении, получили звание гвардейских. Было доказано, что наши части могут не только обороняться, но и успешно наступать.

Несмотря на отдельные частные успехи советских войск, противник продолжал владеть инициативой все лето и осень 1941 г. То в одном, то в другом месте немецкие ударные группы рассекали оборону и стремительно продвигались на восток, окружали целые армии. В котле под Уманью оказались 5-я и 12-я армии Юго-Западного фронта. Из окружения смогли вырваться только 11 тыс. человек из 65 тыс. Нежелание Верховного Главнокомандующего отвести за Днепр войска привело к окружению большей части этого фронта, гибели и пленению сотен тысяч бойцов и командиров во главе с командующим фронтом генерал-полковником М.П. Кирпоносом. Тогда же немецкие и финские части окружили Ленинград, и началась беспрецедентная девятисотдневная борьба ленинградцев с голодом, холодом, артобстрелами и бомбежками. На московском направлении группа армий «Центр» начала операцию под кодовым названием «Тайфун» по захвату советской столицы. В начале октября положение стало катастрофическим, в районе Вязьмы попали в окружение пять армий Западного и Резервного фронтов, в результате чего путь на Москву был практически открыт. В эти дни в телефонном разговоре с командующим Западным фронтом И.С. Коневым перетрусивший Главковерх, как бы оправдываясь, заговорил о себе в третьем лице: «Товарищ Сталин честный человек. Товарищ Сталин сделает все, чтобы исправить создавшееся положение».

Исправлять положение вновь пришлось срочно вызванному из Ленинграда генералу Жукову. Линия фронта в эти дни приблизилась к Кремлю на расстояние в несколько десятков километров. Советских войск на этом пространстве почти не было. Попавшие в окружение советские армии ожесточенно сражались, отвлекая на себя внимание фашистов

и спасая Москву. Оборону на подступах к столице пришлось создавать заново. В Москве было объявлено осадное положение. Правительство, Президиум Верховного Совета, Генеральный штаб и ряд других органов эвакуировались в тыл. Усилиями москвичей строились оборонительные сооружения. В бой были брошены последние резервы: курсанты военных училищ, ополченцы и рабочие батальоны. Спешно формировались новые армии, шла переброска дивизий с Дальнего Востока.

Чем ближе враг подходил к Москве, тем сильнее становилось сопротивление ее защитников. Несмотря на то что немцы стояли в нескольких десятках километров от Москвы, 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный парад, вселивший в сознание советских людей уверенность в победе над фашизмом. В этот день с трибуны Мавзолея прозвучали имена славных предков, не раз спасавших Отечество от иноземных захватчиков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова. Обращение к героическим страницам отечественной истории в критические дни обороны Москвы пробуждало у защитников столицы патристические чувства, укрепляло боевой дух. Хотя немецкие газеты трубили о скорой победе, сообщали о новых успехах группы армий «Центр», операция «Тайфун» провалилась. А в начале декабря 1941 г. войска Западного и Калининского фронтов под командованием Г.К. Жукова и И.С. Конева перешли в контрнаступление. Враг был отброшен от Москвы на сотни километров.

Кроме того, был достигнут успех и на южном фланге советско-германского фронта. При содействии Черноморского флота в Крыму высадился десант, освободивший Керчь и Феодосию. Победа в зимних боях 1941—1942 гг. продемонстрировала всему миру крах гитлеровской стратегии молниеносной войны, показала, что Красная Армия оправилась от летних неудач и способна не только стойко обороняться, но и успешно наступать. Красноармейцы и командиры накопили первый опыт ведения современной войны. Легенда о непобедимости вермахта была опровергнута. Во всем мире стали известны имена советских военачальников: Г.К. Жукова, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского, Л.А. Говорова и других героев битвы за Москву.

На совещании в Ставке 5 января 1942 г. Сталин, окрыленный первыми успехами, считал, что настало время для всеобщего наступления. Он требовал на юго-западе освобод-

доть Донбасс и Крым, на северо-западе — нанести поражение группе армий «Север» и ликвидировать блокаду Ленинграда, а на западном направлении разгромить основные силы группы армий «Центр» в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска. Ставилась задача гнать противника без остановки на всем протяжении от Ладоги до Черного моря, перемолоть немецкие резервы до весны, когда превосходство над врагом станет полным. Верховный Главнокомандующий решительно отверг возражения тех, кто не разделял его оптимизма, и приказал готовить наступление на всех фронтах. Ценой огромных потерь удалось в ряде мест отодвинуть линию фронта на запад. С июня 1941 г. по март 1942 г. Красная Армия потеряла убитыми, пленными и пропавшими без вести 3 млн. 813 тыс. человек, санитарные потери за тот же период превысили 2,5 млн. человек. К апрелю наступление Красной Армии выдохлось, людские резервы были в основном израсходованы и сил для развертывания крупных наступательных операций весной 1942 г. не осталось.

В этой обстановке важно было разгадать планы противника и в соответствии с этим скоординировать свои действия. Советское командование полагало, что немцы и в 1942 г. нанесут главный удар на московском направлении, хотя на самом деле противник готовился наступать на юге. Поскольку в распоряжении советского командования не было достаточных резервов, а промышленность в этот период еще не могла снабдить фронт нужным количеством вооружения, Генштаб предлагал ограничиться активной обороной, измотать и обескровить наступающего противника, а затем, накопив резервы, перейти летом к наступательным действиям. Сталин не согласился с этим разумным планом и приказал провести весной частные наступательные операции в Крыму, на харьковском направлении и северо-западе. Его поддержали Ворошилов и Тимошенко. Возражения Шапошникова и Жукова не были приняты во внимание.

Очередной просчет Ставки Верховного Главнокомандования обернулся трагедией для сотен тысяч красноармейцев и миллионов мирных жителей. На северо-западе не удалось прорвать блокаду Ленинграда. Участвовавшая в наступлении 2-я ударная армия попала в окружение и почти полностью погибла, а ее командующий генерал Власов сдался в плен. На юге Крымский фронт, не успев перейти в наступление, был разгромлен. После 250-дневной осады пал Севастополь, и весь Крым оказался в руках фашистов. Наступление Юго-Западного фронта с целью освобождения Харькова в первые

дни развивалось успешно. Но вскоре немцы, имевшие в этом районе сильную группировку, нанесли мощный контрудар и окружили наступавшие войска. Таким образом, все три наступательные операции (в Крыму, под Харьковом и на северо-западе) окончились неудачей. Стратегическая инициатива вновь перешла к Германии. Лавина немецких войск устремилась на Сталинград и Кавказ. Пали Ростов, Новочеркасск, Ворошиловград и многие другие города. Над страной опять нависла смертельная опасность. Наступил момент, когда скрывать горькую правду стало невозможно.

28 июля 1942 г. нарком обороны СССР подписал приказ № 227, суть которого концентрировалась в трех словах: пора кончить отступление. В приказе подчеркивалось, что после потери Украины, Белоруссии, Прибалтики и западных областей России у СССР уже нет преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба, каждый новый клочок оставленной территории будет всемерно усиливать врага и ослаблять оборону страны. Дальнейшее отступление означало бы гибель Родины. Если в июле 1941 г. Сталин заявлял, что «наши средства неисчислимы», то год спустя он оценивал ситуацию иначе: «...Наши средства безграничны. Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди, рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги». Суровая правда о нависшей над страной опасности сочеталась в приказе с умолчанием об истинных причинах возникновения этой ситуации. Ничего не сказано о просчетах Верховного Главнокомандующего, приведших к катастрофе.

Как всегда, главных виновников нашли в «низах»: в ротах, батальонах, полках и дивизиях, где, по мнению Сталина, не было твердого порядка и дисциплины. Сославшись на то, что в вермахте после введения штрафных подразделений и заградительных отрядов значительно улучшилась дисциплина и боеспособность войск, Сталин распорядился перенести этот опыт в Красную Армию и приказал сформировать для провинившихся солдат и офицеров штрафные роты и батальоны, которые должны сражаться на самых трудных участках фронта. Приказ наркома обороны № 227 сыграл большую роль в укреплении дисциплины и организованности на фронте. В то же время в условиях маневренной войны буквальное

выполнение приказа «ни шагу назад» сковывало инициативу командиров, лишало части возможности маневра, вело к неоправданным потерям, позволяло противнику окружать войска. Что касается штрафных рот и батальонов, не стоит преувеличивать их значение. Они действительно использовались на самых трудных участках при прорыве обороны противника, но из-за своей малочисленности не могли играть сколько-нибудь заметную роль в войне.

Понятно, что стоявшие перед армией задачи нельзя было решать только репрессивными мерами. Наряду с наказанием использовались меры поощрения. До весны 1942 г. отличившихся военнослужащих награждали существовавшими до войны орденами: Ленина, Боевого Красного Знамени и Красной Звезды. Массовый героизм красноармейцев и командиров привел к увеличению числа награжденных и необходимости учреждения новых орденов, связанных не с революционной традицией, а с русской историей. 20 мая 1942 г. в период крупнейших военных неудач учреждается орден Отечественной войны I и II степени. 29 июля, на следующий день после сурового приказа № 227, были учреждены ордена в честь великих русских полководцев Суворова, Кутузова и Александра Невского, предназначенные для награждения офицеров и генералов Красной Армии, показавших свое умение управлять войсками и одерживать победы. Первые награждения полководческими орденами состоялись после Сталинградской битвы. Позже, когда советские войска освобождали Украину, был учрежден орден Богдана Хмельницкого. В марте 1944 г. появляются специальные морские ордена, носящие имена флотоводцев Ушакова и Нахимова. Высшей военной наградой стал орден Победы, которым отмечались выдающиеся заслуги полководцев в проведении крупнейших операций Великой Отечественной войны. Орденом Победы были награждены 11 советских военачальников и 5 иностранцев. Одновременно с высшей полководческой наградой был учрежден солдатский орден Славы трех степеней. (Здесь явно просматривалось продолжение традиций русской армии, в которой самой почетной наградой для солдата был Георгиевский крест. Для ордена Славы была использована черно-оранжевая георгиевская лента. Награда давалась только за личный подвиг. Лица, удостоенные орденами Славы трех степеней, приравнивались в правах к Героям Советского Союза, пользовались всеобщим почетом и уважением.)

Драматические события первого военного года серьезно повлияли на расстановку сил в высшем советском руковод-

стве. Убедившись в невозможности руководить вооруженными силами по старинке, опираясь только на интуицию и опыт периода гражданской войны, Сталин все больше прислушивался к мнению военных специалистов. Кроме того, он сам за год войны многому научился, приобрел определенные навыки в управлении войсками, убедился в необходимости соотносить свои замыслы с реальными возможностями армий. Правда, эта учеба стоила огромных людских, экономических и территориальных потерь. Не обладая всей суммой знаний, необходимых Верховному Главнокомандующему, Сталин нуждался в квалифицированном заместителе. Война показала профнепригодность многих сталинских выдвиженцев — маршалов Советского Союза Кулика, Буденного, Ворошилова, Тимошенко. Признанный военный теоретик маршал Б.М. Шапошников был тяжело болен и о его назначении на должность первого заместителя Верховного Главнокомандующего не могло быть и речи.

Сталин долго присматривался к военачальникам и остановил свой выбор на кандидатуре генерала армии Г.К. Жукова, который, командуя войсками Резервного, Ленинградского и Западного фронтов, проявил недюжинные способности, огромную волю, смелость. По всем военно-стратегическим вопросам Георгий Константинович имел свою точку зрения, которую отстаивал до конца. Мнения Сталина и Жукова по ряду военных вопросов часто расходились, что иногда приводило к конфликтам между двумя сильными личностями. Но эти частности отошли на второй план, когда речь зашла о судьбе Отечества. В конце августа 1942 г. Жуков назначается первым заместителем наркома обороны и единственным заместителем Верховного Главнокомандующего.

Партизанская война в тылу врага. Важным фактором в достижении победы над фашистской Германией являлась вооруженная борьба советского народа против гитлеровцев на временно оккупированной территории.

Возможность и целесообразность подобной формы борьбы с оккупантами признавалась советским руководством задолго до начала Великой Отечественной войны. В конце 20-х гг. и первой половине 30-х гг. разрабатывалась теория партизанских действий в будущей войне, на военных маневрах отрабатывалось взаимодействие войск Красной Армии с партизанами, в западных областях страны закладывались базы, секретные хранилища оружия и снаряжения, предназначенные для использования специально созданными партизанскими

ми отрядами в случае оккупации противником данной территории.

Крутой поворот в отношении к будущему партизанскому движению произошел во второй половине 30-х гг. Все подготовительные работы были свернуты, обучение кадров прекращено, базы ликвидировались, кадры разведчиков и диверсантов подверглись репрессиям. Причины были следующие: с одной стороны, Сталин опасался, что заблаговременно созданная конспиративная сеть может быть использована оппозицией против него, а с другой стороны, господствовавшие тогда представления о будущей войне не допускали возможности захвата противником значительной части советской территории. Таким образом, в начале Великой Отечественной войны все пришлось начинать с нуля.

Оккупация в 1941 г. Прибалтики, западных областей России, Белоруссии и Украины привела к тому, что в этих регионах перед отступлением не успели наладить работу по развертыванию партизанского движения. В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., в выступлении по радио Председателя ГКО 3 июля и в постановлениях ЦК от 18 июля давались указания о подготовке подпольных групп и организации партизанских отрядов, развертывании вооруженной борьбы против немецких оккупантов.

Образование партизанских отрядов происходило по-разному: одни создавались из небольших групп, специально оставленных в намеченных районах перед приходом туда немецких войск или заброшенных в тыл врага, другие отряды были созданы военнослужащими, попавшими в окружение. В ряде случаев базой формирования партизанских отрядов послужили истребительные батальоны НКВД. Десятки тысяч бойцов-истребителей, прошедших предварительную подготовку, хорошо знавших свой район базирования и имевших связи среди местного населения, сыграли немалую роль в развертывании партизанского движения. В 1941 г. численность партизанских отрядов колебалась от нескольких десятков до сотен бойцов в каждом. К концу года на оккупированной территории действовало более 2 тыс. отрядов, в которых насчитывалось более 90 тыс. бойцов. В начале войны партизаны действовали самостоятельно, но по мере роста движения проблема координации их деятельности становилась все острее. Перед военными советами фронтов и подпольными обкомами ВКП(б) ставилась задача объединить боевую работу партизанских отрядов, сделать ее более результативной

и целенаправленной, скоординировать действия партизан и Красной Армии.

На первом этапе пришлось преодолеть немало трудностей: нехватка опытных кадров, отсутствие материальной базы, слабая вооруженность большинства партизанских подразделений и их разобщенность. Эти факторы негативно сказывались на размахе партизанского движения. До весны 1942 г. не было и единого центра по руководству партизанами в масштабах всей страны. Однако и в этих тяжелых условиях партизаны вели самостоятельную борьбу с оккупантами: совершали налеты на небольшие гарнизоны противника, устраивали диверсии на дорогах, пускали под откос вражеские эшелоны, взрывали мосты, разрушали линии связи, уничтожали предателей и фашистских пособников и занимались разведкой. Уже в августе 1941 г. появились первые Герои Советского Союза из партизан. Ими стали командир отряда «Красный октябрь» Полесской области Белоруссии Т.П. Бумажков и его заместитель Ф.И. Павловский. Совместно с одной воинской частью отряд провел в июле 1941 г. ряд успешных боевых операций, уничтожив 300 фашистов, взорвав 20 мостов, подбив 20 танков и более 30 автомашин и пуствив под откос бронепоезд.

Партизанское движение росло и крепло. Некоторые отряды укрупнились и становились партизанскими бригадами, насчитывавшими тысячи бойцов. Крупными партизанскими соединениями командовали знаменитые Ковпак, Федоров, Шмыров, Коляда, Наумов, Сабуров. Создавались областные и республиканские штабы партизанского движения, а 30 мая 1942 г. при Ставке Верховного Главнокомандующего образовался Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД), который возглавил первый секретарь ЦК компартии Белоруссии П.К. Пономаренко. Осенью 1942 г. вводится должность Главнокомандующего партизанским движением, на которую был назначен маршал Ворошилов.

В советском тылу действовали специальные школы, готовившие кадры для партизанской войны: разведчиков, радистов, подрывников и других специалистов. Деятельность народных мстителей с каждым месяцем все более подчинялась интересам фронта. Если летом 1942 г. радиосвязь с «Большой землей» имели только 30% отрядов, то к ноябрю 1943 г. почти 94% отрядов поддерживали радиосвязь с органами руководства партизанским движением. Партизаны строили посадочные площадки, на которых приземлялись самолеты с «Большой земли», доставлявшие различные грузы.

В 1943 г. авиация дальнего действия и гражданский воздушный флот совершили 12 тыс. самолето-вылетов, половина из них с посадкой на партизанских аэродромах. ЦШПД направил партизанам 59 960 винтовок и карабинов, 34 320 автоматов, 4210 ручных пулеметов, 2556 противотанковых ручей, 2184 миномета, 539 570 ручных гранат.

Война в тылу врага в 1943 и 1944 гг. приобрела небывалый размах. Партизанские соединения совершали длительные рейды по занятой врагом территории, уничтожая немецкие гарнизоны, разрушая военные и хозяйственные объекты, вдохновляя местное население на борьбу с оккупантами. После таких рейдов число партизан в этих районах значительно увеличивалось. По указанию ЦШПД летом и осенью 1943 г. проводятся операции «Концерт» и «Рельсовая война», в которых приняли участие соответственно 193 и 170 партизанских отрядов и соединений. Были подорваны сотни тысяч рельсов, пропускная способность железных дорог снизилась на 35—40%, а в ряде мест движение было полностью парализовано. Красная Армия вела успешные наступательные операции, а действия партизан не позволили немцам осуществлять переброски войск и тем самым внесли существенный вклад в разгром врага.

Партизаны проводили большую разведывательную работу, сообщали советскому командованию о расположении немецких частей и соединений, об их перемещениях, о командном составе и штатной численности. В специальном отряде Д.Н. Медведева, который базировался в районе Ровно, действовал разведчик Николай Кузнецов. В форме немецкого офицера он появлялся в городе, заводил ценные знакомства среди немецких военных и оккупационных властей и регулярно сообщал Центру важнейшие сведения. Он один из первых доложил о расположении гитлеровской Ставки в районе Винницы, о подготовке немецкого наступления под Курском и о готовившемся покушении на лидеров СССР, США и Великобритании во время Тегеранской конференции «Большой тройки». Донесения партизанских разведчиков позволили командованию своевременно осуществить необходимые мероприятия и сорвать планы гитлеровцев.

Боевая деятельность партизан наносила гитлеровцам огромный ущерб, вынуждала их усиливать охрану железнодорожных магистралей, мостов и других объектов, привлекая для этого не только полицейские формирования, но и регулярные воинские части, которые так нужны были на фронте. Желая покончить с партизанами, фашисты организовывали

карательные операции, снимая с фронта целые дивизии, оснащенные танками и авиацией. Каратели несли серьезные потери, а главной цели достичь не могли. На оккупированной территории образовывались «партизанские края» — обширные районы, куда оккупанты предпочитали не приходить, здесь люди жили по советским законам, действовала гражданская администрация, партийные и советские органы.

В период победоносного наступления Красной Армии в 1943—1944 гг. партизаны оказали ей неоценимую помощь. По согласованию с военным командованием они наносили удары с тыла по обороняющимся и отступающим немецким частям, срывали оперативные переброски немецких войск, громили штабы, захватывали переправы и удерживали их до подхода советских дивизий. Всего за время Великой Отечественной войны партизаны уничтожили, ранили и захватили в плен более 1 млн. неприятельских солдат и офицеров, вывели из строя 4 тыс. танков и бронемашин, 65 тыс. автомашин, 1100 самолетов, разрушили и повредили 1600 железнодорожных мостов, пустили под откос свыше 20 тыс. железнодорожных составов, что по эффективности сравнимо с успехом крупной войсковой стратегической операции, влияющей на исход войны.

§ 4. Коренной перелом в Великой Отечественной войне. Победа антигитлеровской коалиции

Планируя летнюю кампанию 1942 г., германское командование отводило важнейшую роль южному флангу советско-германского фронта. Для наступления на всем протяжении от Балтики до Черного моря, как это было летом 1941 г., ресурсов явно не хватало. Для ведения войны Германия нуждалась в нефти, поэтому нефтяные источники Кавказа очень интересовали Гитлера. В случае победы на этом направлении открывались перспективы продвижения на Ближний Восток, захвата британских владений.

Всю осень и зиму 1942 г. слово «Сталинград» не сходило со страниц газет. Этот город на Волге стал символом стойкости, мужества и беспримерного героизма. Взятие города противником не только означало бы потерю одного из промышленных центров, но и прервало бы важные транспортные артерии, связывающие центр страны с южными регионами. Кроме того, новая победа укрепила бы авторитет фашист-

ской Германии и подтолкнула бы ее сателлитов к более активным действиям против СССР. Выполнение этой задачи возлагалось на 6-ю немецкую армию под командованием генерала Ф. Паулюса — известного военачальника, одного из разработчиков плана «Барбаросса».

В период самых ожесточенных боев Жуков и Василевский предложили окружить и уничтожить всю немецкую группировку в районе Сталинграда. Необходимые резервы к этому времени уже создались. Одоблив эту идею, Главком приказал детально ее проработать. В обстановке особой секретности с привлечением очень узкого круга лиц был разработан план операции трех фронтов: Сталинградского (командующий А.И. Еременко), Донского (К.К. Рокоссовский) и Юго-Западный (Н.Ф. Ватутин).

19 ноября 1942 г. началось наступление советских войск, завершившееся окружением 22 дивизий противника. Все попытки прорвать кольцо окружения извне были отбиты. Гитлер приказал окруженным сражаться до конца и произвел Паулюса в генерал-фельдмаршалы. Советское командование предложило окруженным сложить оружие во избежание напрасного кровопролития. Ответ был отрицательным. Окруженная группировка была рассечена на части и уничтожена. Свыше 90 тыс. солдат и офицеров противника сдались в плен, среди них и фельдмаршал Ф. Паулюс.

Победа под Сталинградом положила начало коренному перелому в Великой Отечественной войне. Она показала всему миру силу Красной Армии, возросшее мастерство советских военачальников, крепость тыла, обеспечившего фронт достаточным количеством оружия, боевой техники и снаряжения. Неизмеримо вырос международный авторитет Советского Союза, а позиции фашистской Германии были серьезно поколеблены.

В январе 1943 г. в результате осуществления операции «Искра» войска Ленинградского и Волховского фронтов под командованием генералов Говорова и Мерецкова, ударив навстречу друг другу, прорвали фашистскую блокаду и восстановили связь Ленинграда с «Большой землей». Полное снятие блокады произошло через год, в январе 1944 г.

В январе и феврале 1943 г. советские войска наступали на Северном Кавказе и на Верхнем Дону. В результате были освобождены Краснодар, Воронеж, Ростов, Курск, Белгород и Харьков. Ставка планировала освободить главную угольно-металлургическую базу страны — Донбасс, харьковский промышленный район и основную железнодорожную маги-

страль, связывающую юг страны с центром. Эти цели удалось осуществить лишь частично, поскольку наступавшие войска Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов слишком оторвались от тыла и остались без снабжения.

В третьей декаде февраля в полосе между Днестром и Сев. Донцом развернулись сражения, в результате которых противник одержал победу и вновь захватил Харьков и Белгород. Линия фронта на данном направлении стабилизировалась, приняв форму гигантского выступа, получившего название «Курская дуга».

Конфигурация курского выступа создавала потенциальную возможность окружения и последующего уничтожения Центрального и Воронежского фронтов. В случае успешного решения этой задачи военно-политическая обстановка кардинально менялась в пользу Германии. Для наступления на Курск Гитлер сосредоточил 50 дивизий, из них 16 танковых и моторизованных. Здесь впервые предполагалось использовать в больших масштабах танки «Тигр», «Пантера», новые истребители «Фокке-Вульф-190».

Гитлеровское военное командование тщательно готовилось к проведению грандиозной операции под кодовым названием «Цитадель», которая должна была вернуть вермахту стратегическую инициативу, восстановить престиж Германии, подорванный поражением в Сталинграде.

Советское командование также готовилось к проведению летом 1943 г. крупной наступательной операции. Поначалу планировалось прорвать фронт противника на юго-западном направлении. Сил для этого у советской стороны было достаточно. После проработки разных вариантов было решено перейти к преднамеренной обороне, измотать наступающего противника, выбить его танки, а затем ввести в бой свежие резервы, перейти в наступление на всех фронтах. На направлениях главных ударов противника создавалась прочная глубоко эшелонированная оборона: восемь оборонительных полос и рубежей, насыщенных противотанковыми средствами. Позади Центрального и Воронежского фронтов создавался мощный стратегический резерв — Степной фронт. Было обеспечено превосходство над противником в людях в 1,4 раза, в артиллерии — в 1,9, в танках — в 1,2 раза. Никогда еще в одном месте не сосредоточивалось такое количество войск и техники.

Желая как можно лучше подготовиться к решающему сражению, Гитлер несколько раз переносил срок начала операции. Прошел май, затем июнь, начался июль, а на совет-

ско-германском фронте продолжалось затишье. Среди советских военачальников возникло опасение, что в ожидании немецкого удара можно упустить время. Командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Ватутин предлагал отказаться от преднамеренной обороны и самим перейти в наступление первыми. Его предложение не нашло поддержки в Ставке.

В ночь на 5 июля 1943 г. немецкие саперы проделали проходы в минных полях, а танковые и пехотные дивизии уже вышли на исходные позиции. Но за полчаса до наступления на них обрушился удар советской артиллерии. Таким образом фактор внезапности был утрачен, что привело немцев в замешательство. Но с опозданием на несколько часов наступление все же началось. Противник стремился прорваться к Курску с севера и юга и окружить войска Воронежского и Центрального фронтов. На отдельных направлениях на советские позиции была брошена огромная масса танков (до 100 машин на 1 километр фронта). Наткнувшись на заранее подготовленную оборону, немецкие танковые дивизии понесли существенные потери, но прорвать ее не смогли.

12 июля в районе Прохоровки произошло крупнейшее в истории танковое сражение, в котором с обеих сторон приняло участие 1200 танков и САУ. Немецкое наступление было окончательно сорвано. Советские летчики в ожесточенных воздушных боях завоевали господство в воздухе, что обеспечило уверенные действия наземных войск.

После провала наступления на Курск немцы перешли к обороне, но удержать позиции не смогли. Начавшееся контрнаступление советских войск, в котором приняли участие пять фронтов, завершилось полной победой. Были освобождены Орел, Белгород и Харьков. За 50 дней Курской битвы было разгромлено 30 отборных дивизий противника, из них 7 танковых. Враг лишился 3 тыс. орудий, 1,5 тыс. танков, 3,7 тыс. самолетов и 500 тыс. солдат. Потери советской стороны в Курской битве также были очень велики: 254,5 тыс. убитых и 608,8 тыс. раненых, 1626 боевых самолетов, 5244 орудия и миномета, 6064 танка. Но то была цена победы, которая позволила Красной Армии прочно завладеть стратегической инициативой.

Гитлер надеялся остановить наступающие советские войска на Днепре, приказав создать на этой крупной водной преграде неприступный «Восточный вал». Стремительное наступление Центрального (командующий генерал армии Ро-

коссовский), Воронежского (командующий генерал армии Ватутин) и Степного (командующий генерал армии Конев) фронтов не дало возможности противнику планомерно отвести войска и организовать прочную оборону по Днепру. К концу сентября советские войска вышли к Днепру на 700-километровом участке и с ходу форсировали его, захватив несколько важных плацдармов на западном берегу. Здесь большую помощь войскам оказали украинские партизаны.

Все попытки гитлеровцев сбросить советские войска с захваченных плацдармов и восстановить оборону по Днепру не увенчались успехом. Особенно ожесточенные бои развернулись на киевском направлении. С октября 1943 г. советские фронты, действовавшие на Украине, получили наименования: 1-й, 2-й и 3-й Украинские. 6 ноября части 1-го Украинского фронта под командованием Ватутина, проведя сложную перегруппировку войск, стремительным ударом освободили Киев — «мать городов русских».

Битва на Курской дуге и освобождение большей части Украины означали завершение коренного перелома в Великой Отечественной войне.

Антигитлеровская коалиция. Важнейшей внешнеполитической задачей Советского правительства являлось объединение всех прогрессивных и антифашистских сил в борьбе против гитлеровской Германии.

С первых дней Великой Отечественной войны правительства Великобритании и США заявили о своей поддержке Советского Союза в войне против фашистской Германии. 12 июля 1941 г. в Москве было подписано англо-советское соглашение о совместных действиях в войне против Германии, а 18 и 30 июля — советско-чехословацкое и советско-польское соглашения. Для борьбы против общего врага предусматривалось создание на территории СССР чехословацких и польских воинских формирований.

26 сентября правительство Советского Союза признало лидера движения «Свободная Франция» генерала де Голля в качестве руководителя всех свободных французов и заявило о своей твердой решимости оказать всестороннее содействие французскому народу в восстановлении независимости и величия Франции. Были установлены дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами ряда стран, оккупированных Германией, подтверждалось стремление к восстановлению их национальной независимости.

Большое беспокойство вызывало поведение наших южных соседей — Турции и Ирана, которые все больше попа-

дали под влияние фашистского блока. Чтобы обезопасить свои южные рубежи, Советский Союз в августе 1941 г. ввел войска в северную часть Ирана, одновременно в юго-западную часть этой страны вошли английские войска. Через пять месяцев СССР, Великобритания и Иран подписали договор о союзе, гарантирующий суверенитет и территориальную целостность Ирана. Договор обеспечивал надежные коммуникации для доставки в СССР военных грузов через порты Персидского залива. На московской конференции представителей СССР, США и Англии (29 сентября — 1 октября 1941 г.) рассматривались вопросы взаимной военно-экономической помощи. Однако выполнение обязательств по протоколу Московской конференции было сорвано западными странами: в самый трудный период лета и осени 1941 г. поставки оружия и боевой техники в Советский Союз были ниже запланированных. Великобритания в октябре—декабре 1941 г. поставила 48,7% обещанных танков, 55% танкеток, 83,6% самолетов.

Соединенные Штаты Америки с октября 1941 г. по конец июня 1942 г. свои обязательства по поставкам бомбардировщиков выполнили на 29,7%, истребителей — на 30%, средних танков — на 32,3%, легких танков — на 37,3%, грузовиков — на 19,4%.

После того как японская авиация нанесла внезапный сокрушительный удар по американской военно-морской базе Пирл-Харбор на Филиппинах, США вступили во вторую мировую войну. 1 января 1942 г. 26 государств, назвавших себя Объединенными Нациями, подписали декларацию, в которой брали на себя обязательства использовать все свои военные и экономические ресурсы в войне против фашистского блока. Наибольшим весом среди Объединенных Наций обладали СССР, США и Великобритания — «Большая тройка». Образование антигитлеровской коалиции стало важной вехой в борьбе народов мира против фашизма.

В течение долгого времени Красная Армия в одиночку сражалась против германского вермахта, а также финских, итальянских, румынских, венгерских и словацких дивизий. Исход войны с фашизмом, а следовательно, и судьба народов Европы зависели от военных усилий Советского Союза, от его способности противостоять натиску фашистского блока. Правительства США и Англии не спешили открывать второй фронт в Европе, который мог бы отвлечь на себя часть сил Германии, облегчить положение СССР и способствовать бы-

стрейшему окончанию войны, уменьшению количества ее жертв.

В мае—июне 1942 г. в ходе визита наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова в Англию и США была достигнута договоренность об открытии второго фронта в западной Европе в 1942 г. Однако союзники уклонились от выполнения взятых обязательств и в одностороннем порядке перенесли открытие второго фронта на 1943 г. Высадка союзников в Северной Африке (1942) и в Южной Италии (1943) отвлекли на себя незначительные силы вермахта. Советско-германский фронт продолжал оставаться главным фронтом второй мировой войны.

В 1942 и 1943 гг. на территории Советского Союза были сформированы национальные воинские части стран антигитлеровской коалиции. Из поляков, оказавшихся в начале второй мировой войны в СССР, была создана армия под командованием генерала Андерса, которая должна была сражаться на советско-германском фронте. Однако правительство Сикорского настояло на выводе армии Андерса из Советского Союза, что и было сделано.

В 1943 г. Союз польских патриотов предложил сформировать из поляков для участия в войне на советско-германском фронте дивизию имени Тадеуша Костюшко. Эта дивизия приняла участие в боях с гитлеровцами за освобождение советской земли и впоследствии превратилась в ядро Войска Польского. В том же 1943 г. начался боевой путь чехословацкой воинской части под командованием Людвика Свободы, принявшей участие в освобождении Украины, а затем и Чехословакии. Героически сражались с немецкими летчиками французские истребители из эскадрильи «Нормандия». В воздушных боях они сбили около трехсот немецких самолетов. Эскадрилья была преобразована в авиационный полк «Нормандия-Неман», дошедший с боями до Восточной Пруссии.

В декабре 1943 г., когда военные успехи Советского Союза уже предопределили будущее поражение фашистской Германии, на Тегеранской конференции лидеров «Большой тройки» союзниками было в очередной раз обещано, что открытие второго фронта произойдет не позднее 1 мая 1944 г. Этот срок был также нарушен.

Высадка англо-американских войск в Северной Франции состоялась 6 июня 1944 г.

Окончание Великой Отечественной войны. 1944 г. стал годом полного освобождения территории СССР. В те-

чение зимних и весенних наступательных операций Красной Армии была полностью снята блокада Ленинграда, окружена и пленена хорсунь-шевченковская группировка противника, освобожден Крым и большая часть Украины.

26 марта войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева первыми вышли на государственную границу СССР с Румынией. В третью годовщину нападения фашистской Германии на Советскую страну началась грандиозная Белорусская наступательная операция, завершившаяся освобождением от немецкой оккупации значительной части советской земли. Осенью 1944 г. государственная граница СССР была восстановлена на всем ее протяжении. Под ударами Красной Армии фашистский блок развалился. Вышла из войны Финляндия. В Румынии был свергнут режим Антонеску и новое правительство объявило войну Германии.

Советское правительство официально заявило, что вступление Красной Армии на территорию других стран вызвано необходимостью полного разгрома вооруженных сил Германии и не преследует цели изменить политическое устройство этих государств или нарушить территориальную целостность. Вместе с советскими войсками в освобождении своих стран приняли участие чехословацкий корпус, болгарская армия, Народно-освободительная армия Югославии, 1-я и 2-я армии Войска Польского, несколько румынских частей и соединений.

В конце 1944 г. в высшем военном руководстве произошли изменения. Сталин «высказал мнение», что надобность в представителях Ставки уже отпала и координацию действий фронтов можно осуществлять непосредственно из Москвы. Маршалу Жукову было приказано возглавить 1-й Белорусский фронт, который будет наступать на Берлин. С одной стороны, Жукову была оказана высокая честь лично взять столицу противника и поставить победную точку в войне, а с другой стороны, наносилась незаслуженная обида маршалу Рокоссовскому, которого переместили на второстепенное направление — 2-й Белорусский фронт. В феврале 1945 г. и другой заместитель наркома обороны маршал Василевский был освобожден от обязанностей начальника Генштаба и назначен командующим 3-м Белорусским фронтом.

В период, когда от мужества и таланта Жукова и Рокоссовского зависела судьба страны, Сталин сделал их своими ближайшими помощниками, удостоил высших наград и званий, но, когда все трудности остались позади, Верховный

удалил их от себя, чтобы единолично привести армию к великой победе. В это время заместителем наркома обороны, а также членом Ставки и ГКО назначается Булганин, плохо разбиравшийся в военном деле. Сделав этого сугубо штатского человека своей правой рукой в военном ведомстве, Сталин продемонстрировал всем, что не нуждается более в помощи профессиональных военных. 17 февраля 1945 г. ГКО утвердил Ставку в следующем составе: Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, начальник Генштаба генерал армии А.И. Антонов, заместитель наркома обороны генерал армии Н.А. Булганин, маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский.

В январе 1945 г. войска Жукова освободили столицу Польши Варшаву и стремительным броском вышли к Одеру, захватив важный плацдарм на его западном берегу. В феврале была разгромлена будапештская группировка немцев. В районе озера Балатон (Венгрия) противник предпринял последнюю попытку перейти в наступление, но был разгромлен. В апреле советские войска освободили столицу Австрии Вену, а в Восточной Пруссии овладели городом Кенигсберг.

16 апреля началась Берлинская операция, завершившаяся через две недели водружением красного знамени над поверженным рейхстагом. После взятия Берлина войска 1-го Украинского фронта совершили стремительный марш на помощь восставшей Праге и утром 9 мая вступили на улицы чехословацкой столицы. В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. в берлинском пригороде Карлсхорст представители немецкого командования подписали акт о безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил Германии. Война в Европе закончилась.

Существенный вклад в освобождение Западной и Центральной Европы внесли англо-американские войска, прошедшие путь от берегов Атлантики до центральных районов Германии. В апреле 1945 г. состоялась встреча советских и союзнических войск на Эльбе. Войска стран антигитлеровской коалиции принесли свободу народам Европы.

Через три месяца после разгрома фашистской Германии Советский Союз, выполняя свои союзнические обязательства, вступил в войну с Японией. Война на Дальнем Востоке продолжалась с 9 августа по 2 сентября и закончилась полным разгромом миллионной Квантунской армии, освобождением территории в 1,3 млн. кв. км с населением свыше 40 млн. человек.

Советский Союз утвердил свой суверенитет над Курильскими островами и южной частью острова Сахалин — территориями бывшей Российской империи, которые правительство царской России в 1905 г. уступило Японии в результате поражения в русско-японской войне 1904—1905 гг.

В ходе великой освободительной миссии в Европе и Азии советские войска полностью или частично освободили территорию 13 стран с населением свыше 147 млн. человек. Советский народ заплатил за это огромную цену. Безвозвратные потери Красной Армии и Флота на завершающем этапе Великой Отечественной войны составили более 1 млн. человек.

Отдавая дань уважения всем борцам против фашизма, необходимо подчеркнуть, что вклад в общую победу был различным. Главная заслуга в разгроме гитлеровской Германии, несомненно, принадлежит Советскому Союзу. На протяжении всей второй мировой войны советско-германский фронт оставался главным: именно здесь были разгромлены 507 дивизий вермахта и 100 дивизий союзников Германии, в то время как войска США и Англии нанесли поражение 176 дивизиям. На восточном фронте Германия потеряла большую часть своей авиации, артиллерии и танковых войск. Общие людские потери вооруженных сил Германии во второй мировой войне равны 13 448 тыс. человек. При этом безвозвратные потери на советско-германском фронте составили 6923,7 тыс. Кроме того, союзники Германии (Венгрия, Италия, Румыния и Финляндия) потеряли на советско-германском фронте 1725,8 тыс. человек. Таким образом, потери стран фашистского блока в войне против Советского Союза составили 8645,5 тыс. человек.

Разгромив основные силы фашистского блока, советский народ не только отстоял свободу, независимость и территориальную целостность своей Родины, но и принес освобождение сотням миллионов людей в Европе и Азии. В результате победы неизмеримо вырос международный авторитет СССР, ставшего мировой державой, без которой теперь не мог решаться ни один важный вопрос. Если в конце 1941 г. Советский Союз поддерживал дипломатические отношения с 17 государствами, то через четыре года их число выросло до 46. СССР, стоявший у истоков создания Организации

Объединенных Наций, по праву стал одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности этого влиятельного международного форума. Прямым следствием поражения реакционных сил стал приход к власти в ряде стран Восточной Европы правительств, ориентирующихся на Москву. Разгром милитаристской Японии облегчил освободительную борьбу народов Китая, Кореи и Вьетнама. В результате этих преобразований значительно улучшилось положение на большей части границ СССР. С этого времени страну окружали в основном дружественные государства.

За эти завоевания советский народ заплатил огромную цену. За годы Великой Отечественной войны погибло и умерло около 27 млн. наших соотечественников, из них 8 668 400 человек составили потери армии, флота, пограничных и внутренних войск. Колоссальным был и материальный ущерб. Фашисты разрушили 1710 городов и рабочих поселков, свыше 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. км железнодорожных путей, разорили свыше 100 тыс. колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций. Предстояло все это восстанавливать, надеясь только на собственные силы. Если материальный ущерб, как бы велик он ни был, подлежал восстановлению, то миллионы человеческих жертв относятся к невозможным потерям. Две трети людских потерь приходится на мирное население. Это свидетельствует о проводившейся гитлеровцами политике истребления ни в чем не повинных людей, о бесчеловечном оккупационном режиме, о попрании всех общепринятых международных норм в отношении советских людей.

В начальный период Великой Отечественной войны Советский Союз потерпел ряд жестоких военных неудач, потерял значительную часть своей территории, что явилось следствием серьезных просчетов в строительстве вооруженных сил, недостаточной боеспособности Красной Армии, незавершенности процесса перевооружения на новую технику и ошибками политического руководства страны. Но уже в эти тяжелые месяцы потерпела крах германская стратегия блицкрига, война приняла затяжной характер, к которой Германия оказалась не готова. Советский Союз сумел преодолеть последствия поражений, мобилизовать внутренние ресурсы страны и поставить их на службу одной цели. Жесткая централизация управления и дисциплина в сочетании с самоотверженным трудом рабочих, служащих и колхозников помогли Советской стране выиграть экономическое соревнование, произвести значительно больше оружия и боевой техники,

чем противник. Эта победа советского тыла создала материальную основу военных побед.

В годы войны усилилось внимание к отечественной истории, возрождались некоторые традиции русской армии, произошло сближение государственной власти с православной церковью. Не оправдались расчеты противника на то, что первые же военные неудачи приведут к обострению противоречий между многочисленными нациями и народностями, населявшими Советский Союз. Напротив, тяжелые испытания способствовали более тесному сплочению всех народов против общего врага. Дружба народов прошла суровую проверку в условиях войны и стала одним из источников победы. Патриотизм советских людей проявился в создании народного ополчения, добровольческих батальонов, полков и дивизий, в мощном партизанском движении, в массовом героизме на фронте и самоотверженном труде миллионов труженников тыла. Готовность народа преодолеть все невзгоды и лишения ради Победы позволила выиграть самую тяжелую и кровопролитную войну в истории Отечества.

Глава 7

После войны: общество и власть (1945—1952)

§ 1. Победа: страна и мир

1945 год открыл новую страницу в истории XX в. События на мировой арене после окончания войны развивались столь кардинально и стремительно и привели к таким переменах во всей системе международных отношений, что их можно оценивать как своего рода переворот революционного характера. Геополитическая структура мира в результате поражения Германии и ее союзников приобрела новые центры влияния, мир становился все более биполярным. В расстановке сил Запад—Восток главная роль принадлежала теперь Соединенным Штатам Америки и Советскому Союзу. СССР не только вышел из международной изоляции, но и приобрел

статус ведущей мировой державы. США, пострадавшие меньше других участников военного конфликта, после войны стали играть роль «первой скрипки» в международных делах. Это реальное соотношение сил, разделившее мир на два блока, всего за несколько лет получило свое организационное оформление в виде НАТО и Варшавского Договора. Раскол мира, таким образом, можно считать следствием войны. Но таким же следствием войны были процессы совершенно противоположной направленности.

Война изменила лицо мира, нарушила привычное течение судьбы многих народов. Общая угроза сблизила их, отодвинула на второй план прежние споры, сделала ненужными старую вражду и борьбу самолюбий. Мировая катастрофа, не принимающая в расчет доводы в пользу ни одной из общественных систем, в качестве своего парадокса явила миру приоритет общечеловеческих ценностей, идею мирового единства. Сразу после окончания войны эта идея как будто бы начала реализовываться, смягчая противоречия в рядах недавних союзников и умеряя пыл особо активных реваншистов. И даже пришедшие на смену лютости «холодная война», последующий атомный психоз не могли вовсе сбросить со счетов реальность идеи «Общего Дома». Именно эта идея начала питать процесс, который позднее назовут конвергенцией. И надо признать, что западные политики оказались более восприимчивы к реальностям послевоенного мира, нежели держава-победительница. Едва открыв «окно в Европу», она поспешила опустить «железный занавес», обрекая страну на годы изоляции, а значит, и несвободы. Нашим соотечественникам оставалось только догадываться, что действительно происходило в мире, а затем с горечью удивляться тому, как недавно поверженный противник быстро вставал на ноги, налаживая новую, крепкую жизнь, а победителей по-прежнему держали на полуголодном пайке, оправдывая все и вся ссылкой на последствия войны.

Так было. Однако это еще не значит, что так и должно было быть. Победа предоставила России возможность выбора — развиваться вместе с цивилизованным миром или по-прежнему искать «свой» путь в традициях социалистического мессианства.

Вопрос не в том, была ли альтернатива послевоенному развитию страны, а в качестве самих альтернативных тенденций, способных (или не способных) повернуть это развитие.

Сам факт военной победы поднял на небывалую высоту не только международный престиж Советского Союза, но и авторитет режима внутри страны. «Опьяненные победой, зазнавшиеся, — писал в этой связи писатель, фронтовик Ф. Абрамов, — мы решили, что наша система идеальная, (...) и не только не стали улучшать ее, а наоборот, стали еще больше догматизировать». Русский философ Г.П. Федотов, размышляя о влиянии роста авторитета Сталина на развитие внутриполитических процессов, тоже приходил к малоутешительному выводу: «Нашн предки, общаясь с иностранцами, должны были краснеть за свое самодержавие и свое крепостное право. Если бы они встретили повсеместно такое же рабопенное отношение к русскому царю, какое проявляют к Сталину Европа и Америка, им не пришло бы в голову задуматься над недостатками в своем доме».

Поговорка «Победителей не судят!» — не оправдание, но повод для раздумий. Как у В. Некрасова: «Увы! Мы простили Сталину все! Коллективизацию, тридцать седьмые годы, расправу с соратниками, первые дни поражения. И он, конечно же, понял теперь всю силу народа, поверившего в его гений, понял, что нельзя его больше обманывать, что только суровой правдой в глаза можно все объединить, что к потокам крови прошлого, не военного, а довоенного, возврата нет. И мы, интеллигентные мальчишки, ставшие солдатами, поверили в этот миф и с чистой душой, открытым сердцем вступили в партию Ленина—Сталина». Май 1945 г. — лик авторитета Сталина, имя которого в сознании большинства современников не только сливалось с победой, но и сам он воспринимался как чуть ли не носитель божественного промысла. Военный корреспондент А. Авдеенко вспоминал, как он пришел на парад Победы вместе с маленьким сыном: «Беру сына на руки, поднимаю. Мавзолее в десяти метрах или чуть больше. Трибуна и все, кто на ней, как на ладони. «Видишь?» — «Ага. Под дождем стоит. Старенький. Не промокнет?» — «Закаленная сталь не боится дождя». — «Значит, стальной человек? Потому и называется Сталин?» — «Человек обыкновенный. Воля стальная». — «Папа, почему он не радуется, он на кого-то рассердился?» — «На Бога, наверное. Не послал нам хорошую погоду». — «А почему Сталин не приказал Богу сделать хорошую погоду?..»

Сталин-человек к тому моменту уже настолько растворился в имидже вождя, что остался по сути один этот имидж — живой идол. Массовое сознание, наделившее идола, как и положено, мистической силой, одновременно освятило все,

что с этим идолом идентифицировалось — будь то авторитет системы или авторитет идеи, на которой держалась система. Такова была противоречивая роль Победы, которая принесла с собой дух свободы, но наряду с этим создала психологические механизмы, блокирующие дальнейшее развитие этого духа, механизмы, которые стали консерваторами позитивных общественных процессов, зародившихся в особой духовной атмосфере военных лет.

«Сейчас нет мучительнее вопроса, чем вопрос о свободе в России, — писал в 1945 г. Г.П. Федотов. — Не в том, конечно, смысле, существует ли она в СССР, — об этом могут задумываться только иностранцы, и то слишком невежественные. Но в том, возможно ли ее возрождение там после победоносной войны, мы думаем все сейчас — и искренние демократы, и полуфашистские попутчики». Задаваясь вопросом «возможно ли?», ни Федотов, ни другие трезвомыслящие умы внутри страны и за ее пределами не давали на него однозначного ответа и не представляли себе путь демократических изменений в СССР в виде одномоментного поворота. Просто они расценивали послевоенную ситуацию как шанс для развития подобного поворота, хотя и считали его небольшим.

§ 2. Общество, вышедшее из войны

Война, прошедшая по территории страны, оставила тяжелое наследие. Чрезвычайная государственная комиссия, занятая исчислением материального ущерба, нанесенного СССР в ходе военных действий и в результате расходов на войну, оценила его в 2569 млрд. руб. Было подсчитано количество разрушенных городов и сел, промышленных предприятий и железнодорожных мостов, определены потери в выплавке чугуна и стали, размеры сокращения автомобильного парка и поголовья скота. Однако нигде не сообщалось о количестве человеческих потерь (если не считать обнародованную Сталиным в 1946 г. цифру в 7 млн. человек). О величине людских потерь Советского Союза во второй мировой войне до сих пор ведутся дискуссии среди историков. Последние исследования основаны на методе демографического баланса. Людские потери, оцениваемые согласно этому методу, включают: всех погибших в результате военных и иных действий противника; умерших в результате повышения уровня смертности в период войны как в тылу, так и в

прифронтовой полосе и на оккупированной территории; тех людей из населения СССР на 22 июня 1941 г., которые покинули территорию СССР в период войны и не вернулись до ее конца (не включая военнотружущих, дислоцированных за пределами СССР). Эти потери в период Великой Отечественной войны составляют 26,6 млн. человек.

В общем объеме потерь 76%, т.е. около 20 млн. человек, приходится на мужчины, из них больше других пострадали мужчины, родившиеся в 1901—1931 гг., т.е. наиболее дееспособная часть мужского населения. Уже одно это обстоятельство свидетельствовало о том, что послевоенное общество ожидают серьезные демографические проблемы. В 1940 г. в Советском Союзе на 100,3 млн. женщин приходилось 92,3 млн. мужчин, источником дисбаланса в данном случае выступали старшие возрастные группы (начиная с 60 лет), что можно считать естественным. В 1946 г. на 96,2 млн. женщин приходилось 74,4 млн. мужчин, и в отличие от предвоенного времени превышение численности женщин над численностью мужчин начиналось уже с поколения 20—24-летних. В деревне демографическая ситуация складывалась еще более неблагоприятно: если в 1940 г. соотношение женщин и мужчин в колхозах было примерно 1,1:1, то в 1945 г. — 2,7:1.

Послевоенное советское общество было преимущественно женским. Это создавало серьезные проблемы — не только демографические, но и психологические, перераставшие в проблему личной неустроенности, женского одиночества. Послевоенная «безотцовщина» и порождаемые ею детская беспризорность и преступность родом из того же источника. И тем не менее, несмотря на все лишения и потери, именно благодаря женскому началу послевоенное общество оказалось удивительно жизнеспособным. Относительно высокий уровень рождаемости в стране, который рос в течение 1946—1949 гг. (за исключением 1948 г.), а затем стабилизировался, позволил в конце концов, если не исправить порожденные войной демографические перекосы, то восполнить демографические потери войны. Уже к началу 1953 г. численность населения СССР достигла уровня 1940 г. (в послевоенных границах, т.е. включая население территорий, присоединенных к СССР в 1945 г.).

Общество, вышедшее из войны, отличается от общества, находящегося в «нормальном» состоянии, не только своей демографической структурой, но и социальным составом. Его облик определяют не традиционные категории населения (например, городские и сельские жители, рабочие промыш-

ленных предприятий и служащие, молодежь и пенсионеры и т.д.), а социумы, рожденные военным временем. В этом смысле лицом послевоенного общества был прежде всего «человек в гимнастерке». К концу войны армия Советского Союза насчитывала более 11 млн. человек. Согласно закону о демобилизации 23 июня 1945 г. из армии началось увольнение военнослужащих 13 старших возрастов, а в 1948 г. процесс демобилизации в основном завершился. Всего из армии было демобилизовано 8,5 млн. человек.

Проблема перехода от войны к миру, которая так или иначе стояла перед каждым человеком, возможно, в наибольшей степени касалась фронтовиков. Тяжесть потерь, материальные лишения, переживаемые за малым исключением всеми, для фронтовиков усугублялись дополнительными трудностями психологического характера, связанными с переключением на новые задачи мирного обустройства. Поэтому демобилизация, о которой так мечталось на фронте, поставила перед многими серьезные проблемы. Прежде всего для самых молодых (1924—1927 гг. рождения), т.е. тех, кто ушел на фронт со школьной скамьи, не успев получить профессию, обрести устойчивый жизненный статус. Их единственным делом стала война, единственным умением — способность держать оружие и воевать. Кроме того, это поколение больше других пострадало численно, особенно в первый военный год. Вообще война до известной степени размывала возрастные границы, и несколько поколений соединились фактически в одно — «поколение победителей», создав таким образом новый социум, объединенный общностью проблем, настроений, желаний, стремлений. Конечно, эта общность была относительной (на войне тоже не было и не могло быть абсолютного единства воевавших), но дух фронтового братства, принесенный с войны, еще долго существовал как важный фактор, влияющий на всю послевоенную атмосферу.

Часто, особенно в публицистике, фронтовиков называют «неодекабристами», имея в виду тот потенциал свободы, который несли в себе победители. Потенциал этот, как известно, не был реализован — во всяком случае напрямую — в первые послевоенные годы, а был задавлен господствующим режимом. При этом почти никогда не возникает вопрос: а были ли фронтовики вообще способны реализовать себя как активную силу общественных перемен именно в первые годы после окончания войны? Вопрос этот представляется весьма серьезным не только для «измерения» запаса прочности по-

тенциала свободы, но и для установления момента, когда возможные прогрессивные реформы могли бы опереться на достаточно широкую общественную поддержку. Война сама по себе не формирует политических позиций и тем более не создает организационных форм для развития политической деятельности хотя бы потому, что у нее вообще другие задачи. Война влияет больше на изменение основ духовной жизни, дает импульс к перестройке мышления, т.е. создает нравственно-психологический задел для будущей деятельности. Вопрос о том, как он будет реализован, уже зависит от конкретных условий послевоенных лет. Однако следует признать, что первые годы после окончания войны — не самое благоприятное время для воплощения идей, так или иначе направленных против существующей власти. Невозможность открытого столкновения можно объяснить действием следующих факторов.

Во-первых, сам характер войны — отечественной, освободительной, справедливой — предполагает единство общества (и народа, и власти) в решении общей национальной задачи — противостояния врагу, поэтому и победа в такой войне воспринимается как общая победа. Спаянная единым интересом, единой задачей выживания, общность народ — власть начинает постепенно раскалываться, по мере налаживания мирной жизни, формирования комплекса «обманутых надежд» снизу и обозначения первых признаков кризиса верхов.

Во-вторых, необходимо учитывать фактор психологического перенапряжения людей, четыре года проводивших в окопах и нуждающихся в психологической разгрузке, в освобождении от экстремальности последних лет. Люди, уставшие от войны, естественно стремились к созиданию, к миру. Мир на тот момент был высшей ценностью, исключающей насилие в какой бы то ни было форме. «Великая бездомность миллионов людей, именуемая войной, надоедает», — писал с фронта Э. Казакевич, подчеркивая, что война «надоедает ... не опасностью и риском, а именно этой бездомностью своей». В К. Кетлинская, выступая в мае 1945 г. перед коллегами-писателями, призывала во всей сложности судеб и отношений, созданных войной, видеть «не только гордость победителя, но и большое горе пострадавшего, много пережившего народа».

После войны неизбежно наступает период «залечивания ран» — и физических, и душевных, — сложный, болезненный период возвращения к мирной жизни, в которой даже

обычные бытовые проблемы, например проблема дома, семьи (для многих за годы войны утраченной), подчас становятся в разряд неразрешимых. Ведущей психологической установкой на тот момент для фронтовиков была задача приспособиться к мирной жизни, вписаться в нее, научиться жить по-новому. «Всем как-то хотелось наладить свою жизнь, — вспоминал В. Кондратьев. — Ведь надо же было жить. Кто-то женился. Кто-то вступил в партию... Надо было приспособливаться к этой жизни. Других вариантов мы не знали...» Возможно, у кого-то были «варианты», но для большинства фронтовиков необходимость включенности в мирную жизнь имела на тот момент времени исключительно положительную заданность: обстоятельства принимались такими, как они есть, как данность, в которой предстояло жить.

В-третьих, восприятие окружающего порядка как данности, формирующее в целом лояльное отношение к режиму, само по себе не означало, что всеми фронтовиками без исключения этот порядок рассматривался как идеальный или во всяком случае справедливый. И практика предвоенных лет, и опыт войны, и наблюдения во время заграничного похода заставляли размышлять, ставя под сомнение если не справедливость режима как такового, то его отдельные реалии. Однако между фактом неудовлетворенности внутренним строем жизни и действием, направленным на изменение этого строя, не всегда существует прямая связь. Для установления такой связи необходимо промежуточное звено, содержащее программную конкретизацию будущих действий: замысел (что имеется в виду получить в результате перемен) и механизмы осуществления этого замысла (как, каким способом могут быть достигнуты первоначально заявленные цели). Этого промежуточного, по сути решающего, программного звена как раз и не хватало. «Мы многое не принимали в системе, но не могли даже представить какой-либо другой», — такое, на первый взгляд, неожиданное признание сделал В. Кондратьев. В нем — отражение характерного противоречия послевоенных лет, раскалывающего сознание людей ощущением несправедливости происходящего и безысходностью попыток этот порядок изменить, поскольку он воспринимался как неизменяемая данность, не зависящая от собственных воли, стремлений и желаний.

Подобные настроения были характерны не только для фронтовиков. Их вполне могли бы разделить, например, и те, к кому власть относилась, возможно, с наибольшим не-

доверием, — наши соотечественники, которые во время войны по своей или чужой воле оказались за пределами страны и теперь хотели вернуться обратно (или вынуждены были это сделать в принудительном порядке). Речь шла о нескольких миллионах человек, поэтому репатрианты для послевоенного общества — такое же характерное явление, как и фронтовики.

По данным Управления уполномоченного СНК СССР по репатриации на 1 февраля 1946 г. в Советский Союз с территории Германии и других государств было репатрировано всего 5,2 млн. человек, из них 1,8 млн. бывших военнопленных и 3,4 млн. гражданского населения. Все репатрианты, независимо от того, принадлежали они к военнопленным или гражданскому населению, должны были пройти проверочно-фильтрационный лагерь, где в основном и решалась их дальнейшая судьба. По возвращении на родину многие из них столкнулись с серьезными проблемами, прежде всего бытовыми: в ожидании решения своей дальнейшей судьбы им приходилось по несколько месяцев жить в непригодных для жилья помещениях, во временных палатках (в том числе в условиях поздней осени и наступающей зимы). Инспекторской проверкой ЦК ВКП(б) было установлено, что административные органы далеко не всегда считаются с желанием репатрируемых и направляют их в другие районы по своему усмотрению. Подобные решения репатрианты воспринимали как высылку, что в общем было недалеко от истины: несмотря на заверения официальных инстанций в том, что «основная масса советских людей, находившихся в немецком рабстве, осталась верной Советской Родине», отношение к репатриантам, особенно местных властей, было скорее негативным и почти всегда подозрительным. «Мы им тут контрреволюцию разводить не даем, сразу всех мобилизуем и отправляем на плоты, на сплав леса», — делился методами своей работы районный начальник.

Такое отношение соответствующим образом сказывалось на настроениях репатриантов. «Я не чувствую за собой вины перед родиной, — говорил один из них, — но я не уверен, что ко мне не будут применены репрессии. Здесь на пункте [проверочно-фильтрационном. — Е.З.] к нам относятся как к лагерникам, все мы находимся под стражей. Куда меня отправят — не знаю». Неясный правовой статус репатрированных, неизвестность будущего рождали сомнения и вопросы в их среде: «Будем ли мы иметь право голоса?», «Правда

ли, что мы будем работать под конвоем?», «Будут ли репатрированных принимать в учебные заведения?» и др.

Стремление изолировать репатрированных, несмотря на официальные заявления властей о лояльном отношении к этой категории граждан, в реальной практике, несомненно, имело место. Это объяснялось не только общим недоверием ко всем, кто на какое-то время вышел из-под контроля советской идеологической машины, но и опасениями властей, что люди, побывавшие на Западе, могут стать для своих соотечественников источником непрофильтрованной информации о жизни за пределами СССР. И информация такого рода от репатриантов действительно поступала: вернувшись на родину, они рассказывали о зажиточной жизни немецких крестьян, о чистых улицах и аккуратных домах. Эти рассказы резко контрастировали с советской действительностью и были совсем не похожи на удручающие картинки западной жизни, тиражируемые официальной пропагандой. Новое знание представляло для режима реальную угрозу, но его, это знание, уже нельзя было просто перечеркнуть, изолировав от общества всех, кто побывал по ту сторону государственной границы. Тогда пришлось бы помимо репатрированных изолировать еще и всю армию.

Для послевоенного общества, как для любого общества, переходящего из одного состояния в другое, характерна большая мобильность населения. После окончания войны и связанных с ней перемещений населения начинается процесс обратного движения: люди возвращаются к своему дому, семье или, по крайней мере, на прежнее место жительства. Эти возвратные миграционные потоки распределялись по двум основным направлениям: с запада на восток (демобилизация и репатриация) и с востока на запад (резэвакуация).

Среди населения, эвакуированного в восточные районы страны, процесс резэвакуации начался еще в военное время и становился шире по мере того, как война уходила дальше на запад. Но с окончанием военных действий стремление к возвращению в родные места стало массовым, однако не всегда выполнимым. Администрация эвакуированных и размещенных в восточных районах предприятий принимала специальные меры, закрепляющие рабочих на заводах. Подобные меры вызвали естественное недовольство людей: «Рабочие все свои силы отдали на разгром врага и хотели вернуться в родные края, — говорилось в одном из писем, — а теперь вышло так, что нас обманули, вывезли из Ленинграда и хотят оставить в Сибири. Если только так получится,

тогда мы все, рабочие, должны сказать, что наше правительство предало нас и наш труд! Пусть они подумают, с каким настроением остались рабочие!»

В течение августа—сентября 1945 г. на эвакуированных заводах в Новосибирске, Омске и Казани были отмечены волнения рабочих, а также массовые случаи самовольной резэвакуации. Люди, покинувшие рабочие места, не дожидаясь специального решения по этому вопросу, объявлялись дезертирами и привлекались к суду. Общество, вышедшее из войны, во многом продолжало жить по законам военного времени. Согласно этим законам личный интерес и личные потребности человека всегда отступали на второй план перед тем, что называли государственным интересом, или производственной необходимостью.

§ 3. Послевоенная экономика: основные проблемы и тенденции развития

Влияние войны на экономику страны невозможно оценить только с точки зрения утраченного. Масштабы человеческих потерь и размер материального ущерба действительно поставили экономику перед проблемой нехватки рабочих рук и перед необходимостью восстанавливать разрушенную производственную базу и инфраструктуру. Со сходными проблемами, хотя и не в таких масштабах, столкнулись практически все страны, по территории которых прошла война. Однако, оценивая возможности послевоенной экономики, специалисты заметили, что страны не только многое потеряли, но и в известном смысле выиграли от войны. От разрушений в большей степени пострадали коммуникации, жилища и другая недвижимость, ущерб же, нанесенный производственным мощностям, оборудованию, был сравнительно меньшим. Что же касается инвестиций, вложенных в производство военной продукции, они существенно выросли во всех странах. Кроме того, работа над новыми образцами вооружений способствовала развитию научной мысли, а большинство научных идей, рожденных в секретных лабораториях, с успехом могли быть использованы и в мирной экономике. Экономический подъем, который пережили в 50-е гг. все индустриальные страны, включая СССР, — одно из следствий использования этого технического и научного потенциала.

Наряду со структурными сдвигами в экономике, обусловленными преимущественным развитием отраслей военно-промышленного комплекса, в СССР существенно изменилось размещение промышленной базы. В результате эвакуации на востоке страны был создан новый промышленный комплекс, его основу составили оборонные предприятия, что предопределило в будущем роль этого региона в размещении и развитии ВПК.

Успешное восстановление экономики после войны зависело от решения трех основных задач: собственно реконструкции (восстановления разрушенного), реконверсии (перевода военного производства на выпуск гражданской продукции) и оздоровления финансовой ситуации. Одним из наиболее спорных вопросов, который активно дискутируется в научной и популярной литературе, является вопрос об источниках послевоенного восстановления СССР и главным образом о роли внешних источников, обеспечивших послевоенную реконструкцию экономики страны. Точных данных об объемах внешних поступлений (в денежном и натуральном выражении) до сих пор нет, однако даже на основании косвенных расчетов, сделанных специалистами, следует признать, что в послевоенном восстановлении советской экономики поступления извне — поставки по ленд-лизу и репарации с побежденных стран — играли существенную роль. Основной объем этих поставок составили оборудование, технические материалы и документация.

О размере материальной помощи, полученной СССР по ленд-лизу, можно судить по объему импорта, который в 1945 г., согласно официальным данным, составил 14 805 млн. руб. Поставки, например, паровозов по ленд-лизу еще в ходе войны позволили почти полностью покрыть их потери, а производственные возможности морского, автомобильного и воздушного транспорта по этой же причине превысили предвоенный уровень.

Более существенную роль в структуре внешних источников послевоенного восстановления сыграли репарации, полученные СССР из Германии, а также Румынии, Венгрии, Финляндии и Маньчжурии. По расчетам Г.И. Ханина, в четвертой пятилетке (1946—1950) репарационные поставки обеспечивали примерно 50% поставок оборудования для объектов капитального строительства в промышленности.

Демонтажом и вывозом оборудования с территории Восточной Германии, Польши и других государств занимались практически все промышленные наркоматы. Так, например,

в распоряжение Наркомата путей сообщения на 1 января 1946 г. поступило 20 598 единиц различного оборудования, из них 6519 металлообрабатывающего. Из Германии вывозились передовые технологические линии и целые производства, развитие которых в СССР до войны отставало от мирового уровня либо находилось в зачаточном состоянии (оптика, радиотехника, электротехника и др.). Для нужд Наркомата электропромышленности были демонтированы и поставлены в СССР заводы известных немецких фирм «Телефункен», «Лоренц», «Осрам», «Кох и Штерцель», «Радио-Менде» и др. Вместе с оборудованием вывозилась и техническая документация. С помощью этой документации удалось наладить в Советском Союзе производство многих видов отечественной продукции. «Охота за мозгами», начавшаяся еще во время войны, в которой участвовали в равной мере как СССР, так и его союзники — американцы и англичане, тоже сыграла свою роль в обеспечении научного потенциала конструкторских бюро и лабораторий.

Вместе с тем констатацией значительной доли внешних поступлений в структуре источников обеспечения послевоенного восстановления экономики вопрос не исчерпывался. Важны не только абсолютные цифры поставок, но и то, насколько эффективно они применялись и на развитие каких отраслей отечественной экономики направлялись. Что же касается эффективности использования полученного по репарациям оборудования, то в ряде случаев вследствие борьбы различных ведомственных интересов, а иногда и элементарной некомпетентности чиновников она была невысока. Уникальные технологические линии растаскивались по нескольким предприятиям, часть оборудования применялась вообще не по назначению. Создается впечатление, что вывезено было гораздо больше, чем советская промышленность оказалась в состоянии «переварить». Не хватало складских помещений, оборудование хранилось на открытых площадках, ржавело и приходило в негодность. Правда, подобная бесхозяйственность чаще встречалась на предприятиях, выпускающих гражданскую продукцию. Военные заводы, а тем более производства, работающие на развитие приоритетных направлений ВПК, в результате репарационных поставок значительно усилили свой потенциал. Именно в отраслях военно-промышленного комплекса отдача от репараций была наибольшей, эффективность их использования в отраслях гражданского ведомства была гораздо скромнее. Полагать же, что экономика Советского Союза выжила главным обра-

зом благодаря источникам внешних поступлений, вообще нет оснований. Английский историк А. Ноув в этой связи отмечал, что успехи восстановления зависели прежде всего от собственных усилий и упорства советских людей, хотя при этом нельзя отрицать значения репараций.

На послевоенное развитие советской экономики сильное давление оказывал международный политический контекст. Обретение статуса великой державы и неизбежное в этом случае противоборство с США, начавшаяся борьба за стратегическое превосходство поставили отечественный военно-промышленный комплекс в исключительное положение, которым он не обладал ни до, ни даже во время войны. Реконверсия экономики действительно проводилась, но отрасли, работающие на «войну», не прекратили свое развитие, они лишь модифицировались в соответствии с новыми политическими и научно-техническими задачами. Развитие ВПК требовало львиной доли государственного бюджета; включившись в соревнование с США, Советский Союз вынужден был тратить огромные средства на осуществление атомного проекта, а впоследствии на программу освоения космоса.

В этой области удалось добиться существенных достижений: первый ядерный реактор был введен в эксплуатацию уже в 1947 г., а летом 1949 г. состоялось испытание советской атомной бомбы. На освоение «мирного атома» потребовалось гораздо больше времени (первая атомная электростанция была пущена в 1954 г.).

Прорыв на приоритетных направлениях научно-технического прогресса, сопровождаемый концентрацией научной мысли в отраслях ВПК, не мог компенсировать отставания в других секторах советской экономики, особенно в сельском хозяйстве и промышленности группы «Б» (производство предметов потребления). По данным ЦСУ СССР, валовая продукция промышленности составила в 1945 г. 92% к уровню довоенного 1940 г., причем по группе «А» — 112%, а по группе «Б» — лишь 59%. Это значит, что основной объем промышленной продукции приходился в тот период на отрасли военного комплекса.

Средние цифры скрывали большой разрыв в исходном уровне послевоенного развития разных регионов страны: промышленность районов, подвергшихся оккупации, произвела в 1945 г. только 30% довоенного объема своей продукции, а промышленность ряда восточных регионов благодаря работе эвакуированных предприятий, напротив, превзошла свой довоенный уровень.

Перевод предприятий на выпуск гражданской продукции и связанная с этим их перепрофилизация привели уже в следующем 1946 г. к существенному падению темпов роста промышленной продукции, объем которой составил только 77% к уровню 1940 г. Чтобы восстановить довоенный объем промышленного производства, проводя одновременно реконверсию, вышедшей из войны экономике потребовалось три года (в 1948 г. валовая продукция промышленности составила 118% к уровню 1940 г.).

Положение в аграрной сфере было далеко не столь оптимистичным. В 1945 г. посевные площади составили лишь 75%, а валовый сбор зерновых культур (амбарный урожай) был вдвое меньше, чем в 1940 г. Программу развития сельского хозяйства, предусмотренную плановыми заданиями четвертой пятилетки, выполнить не удалось; лишь в 1952 г. производство зерна в стране достигло довоенного уровня. Неудачи в аграрной сфере объяснялись между тем не только следствиями войны; причины этих неудач надо искать и в самой концептуальной направленности политики послевоенного восстановления. Стержнем этой политики была идея первоочередного восстановления тяжелой промышленности. Сельскому хозяйству, а также промышленным отраслям, работающим на потребление, отводилась явно подчиненная роль.

При определении приоритетов послевоенного экономического развития, при разработке четвертого пятилетнего плана — плана восстановления — руководство страны фактически вернулось к довоенной модели развития экономики и довоенным методам проведения экономической политики. Это значит, что развитие промышленности, в первую очередь тяжелой, должно было осуществляться не только в ущерб интересам аграрной экономики и сферы потребления (т.е. в результате соответствующего распределения бюджетных средств), но и во многом за их счет, так как продолжалась предвоенная политика «перекачки» средств из аграрного сектора в промышленный (отсюда, например, беспрецедентное повышение налогов на крестьянство в послевоенный период).

Послевоенное восстановление экономики требовало оздоровления финансовой системы. Расстроенные финансы и прогрессирующая инфляция — проблемы, с которыми пришлось столкнуться практически всем воевавшим странам. Поэтому в течение 1944—1948 гг. в ряде европейских стран были проведены денежные реформы: сначала в Бельгии, за-

гем в Голландии, Франции, Великобритании, Германии, Австрии и др. Денежные реформы способствовали постепенному отказу от введенной во время войны нормированной (карточной) системы снабжения населения. Вместе с тем мероприятия по борьбе с инфляцией (денежная реформа) и отмена карточек не обязательно совпадали во времени: в Великобритании, например, карточная система просуществовала до 1954 г.

Советское правительство в своих планах проведения денежной реформы и отмены карточек (которые стали своеобразным символом военного времени) стремилось опередить ведущие европейские страны, демонстрируя тем самым не только возможности державы-победительницы, но и «преимущества социализма». Первоначально отмену карточек намечалось провести в 1946 г. Однако низкий уровень жизни населения и продовольственный кризис 1946 г., причиной которого стала засуха, вынудили советское руководство несколько скорректировать прежние планы и перенести отмену карточек на конец 1947 г. Одновременно с отменой карточек должна была проводиться денежная реформа.

Обмен денег начался 15 декабря 1947 г., старые деньги обменивались на новые в соотношении 10:1. Льготному обмену подлежали вклады в сберкассах (до трех тысяч рублей — в соотношении один к одному). Пропаганда представляла реформу как главный удар по «спекулятивным элементам», на самом деле именно эта категория, т.е. дельцы теневой экономики, успели обезопасить свою наличность, своевременно разукрупнив свои вклады или переведя наличность в золото, драгоценности и т.д. Пострадали в результате обмена денег прежде всего люди, которые не хранили сбережений в сберкассах, но имели наличные деньги: среди них подавляющее большинство составляли не «спекулянты», а рабочие высоких разрядов, техническая интеллигенция, занятые во вредных производствах, сельском хозяйстве и др. Вместе с тем, несмотря на издержки, реформа 1947 г. способствовала стабилизации финансовой ситуации в стране.

Менее подготовленной оказалась отмена карточной системы. Руководство страны приняло решение об отмене карточек, когда существующий объем продовольственных и промышленных товаров не мог удовлетворить свободного спроса населения. Только в Москве и Ленинграде специальным решением правительства к моменту перехода к торговле без карточек были созданы необходимые товарные резервы. В других местах уже в первые дни и месяцы после отмены

карточек люди столкнулись с нехваткой самых необходимых товаров: хлеба, круп, масла, сахара и др. В результате в ряде регионов стихийно стала восстанавливаться нормированная система снабжения — в виде спецпропусков, заборных книжек, карточек.

Европейские государства в решении вопроса финансового оздоровления своей экономики опирались не только на собственные ресурсы. Важную роль в обеспечении послевоенного восстановления Европы сыграла финансовая помощь США, предоставляемая в рамках «плана Маршалла». Воспользоваться американскими кредитами мог и СССР, однако это не было сделано по политическим соображениям: принять «план Маршалла» означало для Сталина утратить контроль над странами Восточной Европы, что было равносильно разрушению сложившегося советского блока. Подобную цену за финансовую помощь советское руководство платить не собиралось. Восстановление страны осуществлялось за счет внутренних источников финансирования. Ограниченность собственных финансов еще больше обостряла проблему выбора приоритетов: если промышленность в основном справлялась с программой восстановления, то уровень жизни людей изменялся не столь заметно. Послевоенная жизнь медленно входила в мирное русло.

§ 4. Жизнь после войны: ожидания и реальность

«Весной сорок пятого люди — не без основания — считали себя гигантами», — делился своими ощущениями Э. Казакевич. С этим настроением фронтовики вошли в мирную жизнь, оставив — как им тогда казалось — за порогом войны самое страшное и тяжелое. Однако действительность оказалась сложнее, совсем не такой, какой она виделась из окопа. «В армии мы часто говорили о том, что будет после войны, — вспоминал журналист Б. Галин, — как мы будем жить на другой день после победы, — и чем ближе было окончание войны, тем больше мы об этом думали, и многое нам рисовалось в радужном свете. Мы не всегда представляли себе размер разрушений, масштабы работ, которые придется провести, чтобы залечить нанесенные немцами раны». «Жизнь после войны казалась праздником, для начала которого нужно только одно — последний выстрел», — как бы продолжал эту мысль К. Симонов. Иных представлений трудно было ждать от людей, четыре года находившихся под

психологическим прессом чрезвычайной военной обстановки, сплошь и рядом состоявшей из нестандартных ситуаций. Вполне понятно, что «нормальная жизнь, где можно «просто жить», не подвергаясь ежеминутной опасности, в военное время виделась как подарок судьбы. Война в сознании людей — фронтовиков и тех, кто находился в тылу, привнесла переоценку и довоенного периода, до известной степени идеализировав его. Испытав на себе лишения военных лет, люди — часто подсознательно — скорректировали и память о прошедшем мирном времени, сохранив хорошее и забыв о плохом. Желание вернуть утраченное подсказывало самый простой ответ на вопрос «как жить после войны?» — «как до войны».

«Жизнь-праздник», «жизнь-сказка» — с помощью этого образа в массовом сознании моделировалась и особая концепция послевоенной жизни — без противоречий, без напряжения, стимулом развития которой был фактически только один фактор — надежда. И такая жизнь существовала... но только в кино и книгах. Интересный факт: за время войны и в первые послевоенные годы в библиотеках отмечался рост спроса на литературу приключенческого жанра и даже сказки. С одной стороны, подобный интерес объясняется изменением возрастного состава работающих и пользующихся библиотеками; за время войны на производство пришли подростки (на отдельных предприятиях они составляли от 50 до 70% занятых). После войны читательскую аудиторию библиотеки приключений пополнили молодые фронтовики, процесс интеллектуального роста которых прервала война и которые в силу этого после фронта вернулись к юношескому кругу чтения. Но есть и другая сторона этого вопроса: рост интереса к такого рода литературе и кинематографу был своеобразной реакцией отторжения той жестокой реальности, которую несла с собой война. Нужна была компенсация психологическим перегрузкам. Поэтому еще на войне можно было наблюдать, свидетельствует, например, фронтовик М. Абдулин, — «страшную жажду всего, что не связано с войной. Нравился немудрящий фильм с танцами и весельем, приезд артистов на фронт, юмор». Жажда мира, подкрепленная верой, что жизнь после войны быстро будет меняться к лучшему, сохранялась на протяжении трех—пяти послевоенных лет.

Огромным успехом у зрителей пользовался фильм «Кубанские казаки» — самый популярный из всех послевоенных кинолент. Сейчас он подвергается резкой и во многом справедливой критике за несоответствие реальности. Но критика

подчас забывает, что у фильма «Кубанские казаки» есть своя правда, что этот фильм-сказка несет весьма серьезную информацию ментального характера, передающую дух того времени. Журналист Т. Архангельская вспоминает интервью с одной из участниц съемок фильма; она рассказала, как голодны были эти нарядные парни и девушки, на экране весело рассматривавшие муляжи фруктов, изобилие из папье-маше, а потом добавила: «Мы верили, что так и будет и что всего много будет — и велосипедов, и седел, и чего захочешь. И нам так нужно было, чтобы все было нарядно и чтобы песни пели».

Надежда на лучшее и питаемый ею оптимизм задавали ударный ритм началу послевоенной жизни, создавая особую — послепобедную — общественную атмосферу. «Все мое поколение, за исключением разве некоторых, переживало... трудности, — вспоминал то время известный строитель В.П. Сериков. — Но духом не падали. Главное — война была позади... Была радость труда, победы, дух соревнования». Эмоциональный подъем народа, стремление приблизить своим трудом по-настоящему мирную жизнь позволили довольно быстро решить основные задачи восстановления. Однако этот настрой, несмотря на его огромную созидательную силу, нес в себе и тенденцию иного рода: психологическая установка на относительно безболезненный переход к миру («Самое тяжелое — позади!»), восприятие этого процесса как в общем непротиворечивого, чем дальше, тем больше вступали в конфликт с реальной действительностью, которая не спешила превращаться в «жизнь-сказку».

Проводимые в 1945—1946 гг. инспекторские поездки ЦК ВКП(б) зафиксировали целый ряд «ненормальностей» в материально-бытовых условиях жизни людей, прежде всего жителей промышленных городов и рабочих поселков. В декабре 1945 г. группа Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) провела такое инспектирование предприятий угольной промышленности Щекинского района Тульской области. Результаты обследования оказались весьма неутешительными. Условия жизни рабочих были признаны «очень тяжелыми», особенно плохо жили репатринированные и мобилизованные рабочие. Многие из них не имели нательного белья, а если оно было, то ветхое и грязное. Рабочие месяцами не получали мыла, в общежитиях — большая теснота и скученность, рабочие спали на деревянных топчанах или двухъярусных нарах (за эти топчаны администрация вычитала 48 руб. из ежемесячного заработка рабочих, что составляло его

десятую часть). Рабочие получали в день 1200 г хлеба, однако несмотря на достаточность нормы, хлеб был плохого качества: не хватало масла и поэтому хлебные формы смазывали нефтепродуктами.

Многочисленные сигналы с мест свидетельствовали о том, что факты подобного рода не единичны. Группы рабочих из Пензы и Кузнецка обращались с письмами к В.М. Молотову, М.И. Калининну, А.И. Микояну, в которых содержались жалобы на тяжелые материально-бытовые условия, отсутствие большинства необходимых продуктов и товаров. По этим письмам из Москвы выезжала бригада Наркомата, признавшая по результатам проверки жалобы рабочих обоснованными. В Нижнем Ломове Пензенской области рабочие завода № 255 выступали против задержки хлебных карточек, а рабочие фанерного завода и спичечной фабрики жаловались на длительные задержки заработной платы. Тяжелые условия труда после окончания войны сохранялись на реконструируемых предприятиях: приходилось работать и под открытым небом, и, если дело было зимой, по колено в снегу. Помещения часто не освещались и не отапливались. В зимнее время положение усугублялось еще и тем, что людям часто нечего было надеть. По этой причине, например, секретари ряда обкомов Сибири обратились в ЦК ВКП(б) с беспрецедентной просьбой: разрешить им не проводить 7 ноября 1946 г. демонстрацию трудящихся, мотивируя свою просьбу тем, что «население недостаточно обеспечено одеждой».

Сложная ситуация складывалась после войны и в деревне. Если город не так страдал от недостатка рабочих рук (там главная проблема заключалась в налаживании труда и быта уже имеющихся рабочих), то колхозная деревня помимо материальных лишений испытывала острый недостаток в людях. Все наличное население колхозов (с учетом возвратившихся по демобилизации) к концу 1945 г. уменьшилось на 15% по сравнению с 1940 г., а число трудоспособных — на 32,5%. Особенно заметно сократилось количество трудоспособных мужчин (из 16,9 млн. в 1940 г. их к началу 1946 г. осталось 6,5 млн.). По сравнению с предвоенным временем понизился и уровень материальной обеспеченности колхозников: если в 1940 г. для распределения по трудодням выделялось в среднем по стране около 20% зерновых и более 40% денежных доходов колхозов, то в 1945 г. эти показатели сократились соответственно до 14 и 29%. Оплата в ряде хозяйств выглядела чисто символической, а значит, колхозники, как и до войны, нередко работали «за палочки». На-

стоящим бедствием для деревни стала засуха 1946 г., охватившая большую часть европейской территории России, Украину, Молдавию. Правительство использовало засуху для применения жестких мер продразверстки, заставляя колхозы и совхозы сдавать государству 52 % урожая, т.е. больше, чем в годы войны. Изымалось семенное и продовольственное зерно, включая предназначенное к выдаче по трудодням. Собранный таким образом хлеб направлялся в города, жители деревни в областях, пострадавших от неурожая, были обречены на массовый голод. Точных данных о количестве жертв голода 1946—1947 гг. нет, поскольку медицинская статистика тщательно скрывала истинную причину возросшей за это время смертности (например, вместо дистрофии ставились другие диагнозы). Особенно высока была детская смертность. В охваченных голодом районах РСФСР, Украины, Молдавии, население которых насчитывало примерно 20 млн. человек, в 1947 г. по сравнению с 1946 г. за счет бегства в другие места и роста смертности произошло его сокращение на 5—6 млн. человек, из них жертвы голода и связанных с ним эпидемией составили, по некоторым расчетам, около 1 млн. человек, в основном сельского населения. Последствия не замедлили сказаться на настроениях колхозников.

«На протяжении 1945—1946 гг. я очень близко столкнулся, изучил жизнь ряда колхозников Брянской и Смоленской областей. То, что я увидел, заставило меня обратиться к Вам, как к секретарю ЦК ВКП(б), — так начал свое письмо, адресованное Г.М. Маленкову, слушатель Смоленского военно-политического училища Н.М. Меньшиков. — Как коммунисту мне больно выслушивать от колхозников такой вопрос: «Не знаете, скоро ль распустят колхозы?». Свой вопрос, как правило, они мотивируют тем, что «жить так нет сил дальше». И действительно, жизнь в некоторых колхозах невыносимо плохая. Так, в колхозе «Новая жизнь» (Брянск. обл.) почти половина колхозников уже по 2—3 месяца не имеют хлеба, у части нет и картошки. Не лучше положение и в половине других колхозов района. Это присуще не только для этого района».

«Изучение положения дел на местах показывает, — шел аналогичный сигнал из Молдавии, — что голод охватывает все большее количество сельского населения... Необычайно высокий рост смертности, даже по сравнению с 1945 г., когда была эпидемия тифа. Основной причиной высокой смертности является дистрофия. Крестьяне большинства районов Молдавии употребляют в пищу различные недоброкачествен-

венные суррогаты, а также трупы павших животных. За последнее время имеются случаи людоедства... Среди населения распространяются эмигрантские настроения».

В 1946 г. произошло несколько заметных событий, так или иначе растревоживших общественную атмосферу. Вопреки достаточно распространенному суждению, что в тот период общественное мнение было исключительно молчаливым, действительные свидетельства говорят о том, что это утверждение не вполне справедливо. В конце 1945 г. — начале 1946 г. проходила кампания по выборам в Верховный Совет СССР, которые состоялись в феврале 1946 г. Как и следовало ожидать, на официальных собраниях люди в основном высказывались «за» выборы, безусловно поддерживая политику партии и ее руководителей. Как и раньше, на избирательных бюллетенях в день выборов можно было встретить здравицы в честь Сталина и других членов правительства. Но наряду с этим встречались суждения совершенно противоположного толка.

Вопреки официальной пропаганде, подчеркивающей демократический характер выборов, люди говорили о другом: «Государство напрасно тратит средства на выборы, все равно оно проведет тех, кого захочет»; «Все равно по-нашему не будет, они что напишут, за то и голосуют»; «У нас слишком много средств и энергии тратится на подготовку к выборам в Верховный Совет, а сущность сводится к простой формальности — оформлению заранее намеченного кандидата»; «Предстоящие выборы нам ничего не дадут, вот если бы они проводились, как в других странах, то это было бы другое дело»; «В избирательный бюллетень включают только одну кандидатуру, это нарушение демократии, так как при желании голосовать за другого, все равно будет избран указанный в бюллетене».

В народе по поводу выборов распространялись слухи, причем самые разные. Например, в Воронеже ходили разговоры: списки избирателей проверяются для того, чтобы выявить неработающих для посылки в колхозы. Люди закрывали свои квартиры и уходили из дома, чтобы не попасть в эти списки. В то же время за уклонение от выборов полагались специальные санкции; в высказываниях некоторых людей прочитывается прямое осуждение такого рода «палочной демократии»: «Выборы проводятся неверно, дается один кандидат на выборный район, а избирательный бюллетень контролируется каким-то особым способом. В случае нежелания голосовать за определенного кандидата, зачеркнуть нельзя,

это будет известно НКВД и отправят куда следует»; «У нас в стране нет никакой свободы слова, если я сегодня что-нибудь скажу о недостатках в работе советских органов, то меня завтра же посадят в тюрьму».

Невозможность высказать открыто свою точку зрения, не опасаясь при этом санкций властей, рождала апатию, а вместе с ней субъективное отчуждение от властей: «Кому нужно, тот пусть и выбирает, и изучает эти законы (имеются в виду законы о выборах. — Е.З.), а нам и так все это надоело, выберут и без нас»; «Выбирать я не собираюсь и не буду. Я от этой власти ничего хорошего не видел. Коммунисты сами себя назначили, пусть они и выбирают».

В ходе обсуждения и разговоров люди высказывали сомнения в целесообразности и своевременности проведения выборов, на которые затрачивались большие средства, в то время как тысячи людей находились на грани голода: «О неубранном на полях хлебе не заботятся, а уже начали «звонить» о перевыборах правительства. Пользы от этого никому нет»; «Чем заниматься бездельем, они лучше накормили бы народ, а выборами не накормишь»; «Выбирают-то они хорошо, а вот хлеба в колхозах не дают».

Сильным катализатором роста недовольства была дестабилизация общей экономической ситуации, прежде всего ситуации на потребительском рынке, идущей еще со времен войны, но в то же время имеющей и послевоенные причины. Последствия засухи 1946 г. ограничили объем товарной массы хлеба. Однако и без того тяжелое положение с продовольствием усугубилось из-за проведенного в сентябре 1946 г. повышения пайковых цен, т.е. цен на товары, распределяемые по карточкам. Одновременно сокращался контингент населения, охваченного карточной системой: численность снабжаемого населения, проживающего в сельской местности, с 27 млн. человек была сокращена до 4 млн., в городах и рабочих поселках с пайкового снабжения хлебом были сняты 3,5 млн. неработающих взрослых иждивенцев и 500 тыс. карточек уничтожилось за счет упорядочения карточной системы и ликвидации злоупотреблений. Всего расход хлеба по пайковому снабжению был сокращен на 30%.

В результате подобных мер были снижены не только возможности гарантированного снабжения людей основными продуктами питания (прежде всего хлебом), но и возможности приобретения продовольственных товаров на рынке, где цены быстро поползли вверх (особенно на хлеб, картофель, овощи). Возросли масштабы спекуляции хлебом. В

ряде мест дело доходило до открытого выражения протеста. Наиболее болезненно известие о повышении пайковых цен встретили низкооплачиваемые и многодетные рабочие, женщины, потерявшие мужей на фронте: «Питание обходится дорого, а семья из пяти человек. Семье денег не хватает. Ждали, будет лучше, а теперь опять трудности, да когда же мы их переживем?»; «Как пережить трудности, когда не хватает денег на то, чтобы выкупить хлеб?»; «От продуктов придется или отказаться, или выкупать их на какие-то другие средства, о покупке одежды нечего и думать»; «Раньше мне было тяжело, но я имела надежду на продкарточки с низкими ценами, теперь и последняя надежда пропала и мне придется голодать».

Еще более откровенными были разговоры в очередях за хлебом. «Нужно теперь больше воровать, иначе не проживешь»; «Новая комедия — зарплату повысили на 100 рублей, а цены на продукты повысили в три раза. Сделали так, чтобы выгодно было не рабочим, а правительству»; «Мужей и сыновей убили, а нам вместо облегчения повысили цены»; «С окончанием войны ждали улучшения положения и дождались улучшения, сейчас стало жить труднее, чем в годы войны».

Обращает на себя внимание неприятие желаний людей, требующих всего лишь установления прожиточного минимума и ничего сверх того. Мечты военных лет о том, что после войны «всего будет много», наступит счастливая жизнь, начали довольно быстро приземляться, девальвироваться, а набор благ, входящих в «предел мечтаний», оскудел настолько, что зарплата, дающая возможность прокормить семью, и комната в коммунальной квартире уже считались подарком судьбы. Но миф о «жизни-сказке», живущий в обыденном сознании и, кстати, поддерживаемый мажорным тоном всей официальной пропаганды, любые трудности преподносящей как «временные», часто мешал адекватному осознанию причинно-следственных связей в цепи волнующих людей событий. Поэтому, не находя видимых причин для объяснения «временных» трудностей, которые попадали бы под категорию объективных, люди искали их в привычных чрезвычайных обстоятельствах. Выбор и здесь был не слишком широк, все трудности послевоенного времени объяснялись последствиями войны. Неудивительно, что осложнение ситуации внутри страны тоже связывалось в массовом сознании с фактором войны — теперь уже будущей. На собраниях часто звучали вопросы: «Будет ли вой-

на?», «Не вызвано ли повышение цен сложной международной обстановкой?». Некоторые высказывались и более категорично: «Настал конец мирной жизни, надвигается война, вот и цены повысили. От нас это скрывают, а мы-то ведь разбираемся. Перед войной всегда цены повышают». Что касается слухов, то здесь народная фантазия вообще не знала границ: «Америка порвала мирный договор с Россией, скоро будет война. Говорят, что в город Симферополь доставили уже эшелоны с ранеными»; «Я слышал, что война идет уже в Китае и в Греции, куда вмешались Америка и Англия. Не сегодня-завтра нападут и на Советский Союз».

Война в народном сознании еще долго будет восприниматься как главное мерило трудностей жизни, а приговорка «только бы не было войны» — служить надежным оправданием всех лишений послевоенного времени, которым, кроме нее, не было уже никаких разумных объяснений. После того как мир переступил черту «холодной войны», эти настроения только усилились; они могли держаться под спудом, но при малейшей опасности или намеке на опасность сразу давали себя знать. Например, уже в 1950 г. во время войны в Корее активизировались панические настроения среди жителей Приморского края, которые посчитали, что раз поблизости идет война, значит, она не минует границ СССР. В результате из магазинов стали исчезать товары первой необходимости (спички, соль, мыло, керосин и др.): население создавало долговременные «военные» запасы.

Одни видели причину повышения пайковых цен осенью 1946 г. в приближении новой войны, другие считали подобное решение несправедливым по отношению к итогам войны прошедшей, по отношению к фронтовикам и их семьям, пережившим тяжелое время и имеющих право на нечто большее, чем полуголодное существование. Во многих высказываниях на этот счет нетрудно заметить и чувство оскорбленного достоинства победителей, и горькую иронию обманутых надежд: «Жизнь-то краше становится, веселее. На сто рублей зарплату увеличили, а 600 отняли. Довоевались, победители!»; «Ну, вот и дожили. Это называется забота о материальных нуждах трудящихся в четвертую сталинскую пятилетку. Теперь понятно нам, почему по этому вопросу собрания не проводят. Бунты будут, восстания, и рабочие скажут: «За что воевали?».

Однако, несмотря на наличие весьма решительных настроений, на тот момент времени они не стали преобладающими: слишком сильной оказалась тяга к мирной жизни,

слишком серьезной усталость от борьбы, в какой бы то ни было форме, слишком велико было стремление освободиться от экстремальности и связанных с ней резких поступков. Кроме того, несмотря на скепсис некоторых людей, большинство продолжали доверять руководству страны, верить, что оно действует во имя народного блага. Поэтому трудности, в том числе и те, что принес с собой продовольственный кризис 1946 г., чаще всего, если судить по отзывам, воспринимались современниками как неизбежные и когда-нибудь преодолимые. Достаточно типичными были высказывания вроде следующих: «Хотя и трудно будет жить низкооплачиваемым рабочим, но наше правительство, партия никогда ничего плохого для рабочего класса не делали»; «Мы вышли победителями из войны, окончившейся год тому назад. Война принесла большие разрушения и жизнь не может сразу войти в нормальные рамки. Наша задача — понять проводимые мероприятия Совета Министров СССР и поддержать его»; «Мы верим, что партия и правительство хорошо продумали проводимое мероприятие, с тем чтобы быстрее ликвидировать временные трудности. Мы верили партии, когда под ее руководством боролись за Советскую власть, верим и теперь, что проводимое мероприятие временное...»

Обращает на себя внимание мотивировка негативных и «одобрительных» настроений: первые опираются на реальное положение вещей, вторые же идут исключительно от веры в справедливость руководства, которое «никогда ничего плохого для рабочего класса не делало». Можно определенно утверждать, что политика верхов первых послевоенных лет строилась исключительно на кредите доверия со стороны народа, который после войны был достаточно высок. С одной стороны, использование этого кредита позволило руководству стабилизировать со временем послевоенную ситуацию и в целом обеспечить переход страны от состояния войны к состоянию мира. Но с другой стороны, доверие народа к высшему руководству дало возможность последнему оттянуть решение жизненно важных реформ, а впоследствии фактически блокировать тенденцию демократического обновления общества.

§ 5. Политика центра и возможности ее трансформации.

В 1946 г. закончила работу комиссия по подготовке проекта новой Конституции СССР. В проекте, выдержанном в

общем и целом в рамках довоенной политической доктрины, вместе с тем содержался ряд прогрессивных положений, особенно в плане развития прав и свобод личности, демократических начал в общественной жизни. Признавая государственную собственность господствующей формой собственности в СССР, проект Конституции допускал существование мелкого частного хозяйства крестьян и кустарей, «основанного на личном труде и исключающего эксплуатацию чужого труда». В предложениях и откликах на проект Конституции (он был разослан специальным порядком в республики и наркоматы) звучали идеи о необходимости децентрализации экономической жизни, предоставлении больших хозяйственных прав на местах и непосредственно наркоматам. Поступали предложения о ликвидации специальных судов военного времени (прежде всего, так называемых «линейных судов» на транспорте), а также военных трибуналов. И хотя подобные предложения были отнесены редакционной комиссией к категории нецелесообразных (причина: излишняя детализация проекта), их выдвижение можно считать вполне симптоматичным.

Аналогичные по направленности идеи высказывались и в ходе обсуждения проекта Программы ВКП(б), работа над которым завершилась в 1947 г. Эти идеи концентрировались в предложениях по расширению интранипартной демократии, освобождению партии от функций хозяйственного управления, разработке принципов ротации кадров и др. Поскольку ни проект Конституции СССР, ни проект Программы ВКП(б) не были опубликованы и обсуждение их велось в относительно узком кругу ответственных работников, появление именно в этой среде достаточно либеральных по тому времени идей свидетельствует о новых настроениях части советских руководителей.

Правда, во многом это были действительно новые люди, пришедшие на свои посты перед войной, во время войны или год-два спустя после победы. Условия военного времени диктовали особую кадровую политику — ставка на людей смелых, инициативных и главное высокопрофессиональных. Их знания, опыт, способность к риску создавали благоприятную почву для развития и вполне радикальных настроений. Однако не стоит переоценивать степень данного радикализма, который был ограничен, в сущности для всех, восприятием действительности вне критики существующей системы как таковой. Все разногласия внутри правящего центра сводились поэтому не столько к выбору концепции развития (она

определялась господствующей доктриной и не подлежала обсуждению), сколько к определению условий реализации этой концепции — более «жестких» или более «мягких».

Возможности трансформации режима в сторону какой бы то ни было либерализации были весьма ограничены из-за крайнего консерватизма идеологических принципов, благодаря устойчивости которых охранительная линия имела безусловный приоритет. Теоретической основой «жесткого» курса в сфере идеологии можно считать принятое в августе 1946 г. постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», которое, хотя и касалось области художественного творчества, фактически было направлено против общественного инакомыслия как такового.

Однако одной только «теорией» дело не ограничилось. В марте 1947 г. по предложению А.А. Жданова было принято постановление ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах», согласно которому создавались особые выборные органы «для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». Одним из самых громких дел, прошедших через «суд чести», было дело профессоров Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина (июнь 1947 г.), авторов научной работы «Пути биотерапии рака», которые были обвинены в антипатриотизме и сотрудничестве с зарубежными фирмами. За подобные «прегрешения» в 1947 г. выносили пока еще общественный выговор (таковы были полномочия «судов чести»), но уже в этой превентивной кампании угадывались основные подходы будущей борьбы с космополитизмом.

Однако все эти меры на тот момент еще не успели оформиться в очередную кампанию против «врагов народа». Ситуация вообще не складывалась столь однозначно: в сентябре 1947 г., например, на совещании представителей коммунистических партий в Польше Г.М. Маленков, представлявший вместе с А.А. Ждановым советскую делегацию, высказался в том духе, что внутриполитическая обстановка в стране после войны коренным образом изменилась и «вся острота классово-вой борьбы для СССР передвинулась теперь на международную арену». На том уровне подобное заявление могло расцениваться как позиция советского руководства в целом. Хотя на самом деле оно свидетельствовало скорее о неустойчивости данной позиции; окончательный выбор еще не был сделан.

О колебаниях руководства свидетельствует и тот факт, что сторонники самых крайних мер, «ястребы», как правило,

не получали поддержки. Известно, например, что Л.З. Мехлис, ставший после войны министром Госконтроля, потребовал предоставить министерству право проводить окончательное следствие по различным хозяйственным нарушениям, а затем сразу, минуя прокуратуру, передавать дела на виновных в суд. Его предложение принято не было.

Поскольку путь прогрессивных изменений политического характера был заблокирован, сузившись до возможных (и то не очень серьезных) поправок на либерализацию, наиболее конструктивные идеи, появившиеся в первые послевоенные годы, касались не политики, а сферы экономики: Центральный Комитет ВКП(б) получил не одно письмо с интересными, подчас новаторскими мыслями на этот счет. Среди них есть примечательный документ 1946 г. — рукопись «Послевоенная отечественная экономика», принадлежащая С.Д. Александру (беспартийному, работавшему бухгалтером на одном из предприятий Московской области). Суть его предложенный сводилась к следующему: 1) преобразование государственных предприятий в акционерные или паевые товарищества, в которых держателями акций выступают сами рабочие и служащие, а управляет полномочный выборный совет акционеров; 2) децентрализация снабжения предприятий сырьем и материалами путем создания районных и областных промснабов вместо снаббывтов при наркоматах и главках; 3) отмена системы госзаготовок сельскохозяйственной продукции, предоставление колхозам и совхозам права свободной продажи на рынке; 4) реформа денежной системы с учетом золотого паритета; 5) ликвидация государственной торговли и передача ее функций торговым кооперативам и паевым товариществам.

Эти идеи можно рассматривать в качестве основ новой экономической модели, построенной на принципах рынка и частичного разгосударствления экономики, — весьма смелой и прогрессивной для того времени. Правда, идеям С.Д. Александра пришлось разделить участь других радикальных проектов: они были отнесены к категории «вредных» и списаны в «архив». Центр, несмотря на известные колебания, в принципиальных вопросах, касающихся основ построения экономической и политической моделей развития, сохранял стойкую приверженность прежнему курсу. Поэтому центр был восприимчив лишь к тем идеям, которые не затрагивали основ несущей конструкции, т.е. не покушались на исключительную роль государства в вопросах управления, финансового обеспечения, контроля и не противоречили главным

постулатам идеологии. Добиться каких-либо позитивных сдвигов можно было только при соблюдении этих весьма жестких принципов.

Информация, хотя и весьма скудная, о жизни на Западе давала пищу для размышлений. Контраст уровней благосостояния между победителями и побежденными, между бывшими союзниками в сознании большинства наших соотечественников, как правило, не находил объяснений конструктивного характера и чаще всего фиксировался на уровне эмоциональной реакции, провоцируя чувство «попранной справедливости». Отсюда общая неудовлетворенность итогами войны и обида на союзников, которые, как казалось, одни ответственны не только за ухудшение международной обстановки (иницирование «холодной войны»), но и повинны во внутренних трудностях. Подчас возникали сомнения — была ли минувшая война доведена «до победного конца?», а иногда можно было услышать и следующее: «Плохо сделали, что после взятия Берлина не разгромили «союзников». Надо было бы спустить их в Ла-Манш. И сейчас Америка не бряцала бы оружием».

Столь «простое» решение больших проблем — вполне в духе того времени. Точно так же, как и списывание своих трудностей на происки «враждебного окружения». Долговременная обработка умов приносила свои плоды, направляя народное недовольство в то русло, которое было нужно режиму. Когда же объяснений типа «враждебного окружения» не хватало, находились аргументы другого порядка — и не только из арсенала официальной идеологии, но и на уровне обыденного видения. Вот одно из типичных высказываний на этот счет: «Сейчас жить тяжело. Все обжираются, наедают животы, никто ничего не делает, сидят и только Сталина обманывают».

Представления о неких «темных силах», которые «обманывают Сталина», создавали особый психологический фон, который, и в этом парадокс, возникнув из противоречий сталинского режима, по сути из его (пусть не всегда осознанного) отрицания, в то же время мог быть использован для укрепления этого режима, для его стабилизации. Выведение Сталина за скобки критики спасало не просто имя вождя, но и сам режим, этим именем одушевленный. Такова была реальность: для миллионов современников Сталин выступал в роли последней надежды, самой надежной опоры. Казалось, не будь Сталина, жизнь рухнет. И чем сложнее становилась ситуация внутри страны, тем больше укреплялась особая

роль Вождя. Обращает на себя внимание тот факт, что среди вопросов, заданных людьми на лекциях в течение 1948—1950 гг., на одном из первых мест те, что связаны с беспокойством за здоровье «товарища Сталина»: в 1949 г. он отметил свое 70-летие.

§ 6. 1948 год и новая волна репрессий

1948 год положил конец послевоенным колебаниям руководства относительно выбора «мягкого» или «жесткого» курса. Представления о «монолитном единстве» общества и его абсолютной преданности Вождю, в общем верные на победный момент сорок пятого, чем дальше, тем больше превращались в иллюзию; в растущем отчуждении «верхов» и «низов» единственным звеном, скрепляющим этот политический конгломерат в видимое целое, был сам Сталин. Но и он, похоже, переоценил силу своего положения и способность концентрировать в себе волю и желания общества: не все соотечественники торопились демонстрировать «верноподданность» Вождю. Это Сталин знал. Но не знал, сколько их было — «не всех» — и насколько опасным, в том числе и для него лично, становилось начинающееся противостояние. До открытого протеста дело не доходило, но брожение умов было реальностью, которую подтверждали сводки о настроениях разных категорий населения.

Сохранять спокойствие духа руководству мешали события и за пределами страны. Вместе с началом «холодной войны» Сталин стал утрачивать позиции первого политика мира, которым он себя чувствовал после победы. Правда, в сфере его контроля оставалась Восточная Европа, народы (а точнее, правители) которой, казалось бы, уже начали строить свою жизнь по образу и подобию «старшего брата». Речь шла по сути об унификации внутренних режимов этих стран согласно советскому образцу, что и зафиксировали материалы первого заседания Информбюро 1947 г. Однако не всех восточноевропейских руководителей устраивало подобное подчиненное положение и силовое давление со стороны Советского Союза.

Кульминацией процесса роста разногласий между СССР и странами Восточной Европы стала советско-югославская встреча в Москве (февраль 1948 г.), после которой последовал разрыв между Сталиным и Тито. Для Сталина это было поражением.

Подобное стечение событий не могло не отразиться на внутренней жизни: «пропустив» оппозицию на международном уровне, Сталин не мог допустить теперь даже зародыша ее у себя в «доме». Последствия международного фиаско и обстановка «холодной войны» по-своему повлияли на развитие внутренней карательной кампании, придав ей внешнюю форму борьбы с западничеством, или, по терминологии тех лет, «низкопоклонством». В качестве носителей «инородного» начала были выбраны советские евреи («безродные космополиты»), в результате чего вся кампания получила дополнительную антисемитскую окраску. В ее печальной истории два наиболее известных процесса — дело Еврейского антифашистского комитета (1948—1952) и «дело врачей» (1953).

Между тем основная роль постепенно отводится идеологическим кампаниям, т.е. кампаниям борьбы с «инакомыслием», выполняющим одновременно известную «профилактическую» функцию.

Роль «пробного камня» в истории борьбы с «инакомыслием» конца 40-х — начала 50-х гг. выполнили две кампании, одна из которых была организована вокруг журналов «Звезда» и «Ленинград», а другая — учебника Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Вся организация этой кампании свелась по сути к выступлению Жданова в духе «постановки задач» и постановлению ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», которое для всех идеологических работников становилось руководством к действию. «Объекту» в данном случае отводилась пассивная роль «принятия к сведению» спущенных сверху установок. Несколько иной сценарий был апробирован в отношении философов: здесь «объекту» была предоставлена известная свобода действий, видимость которой позволила придать кампании идеологического давления внешне привлекательную «демократическую» форму. Так в нашей политической практике возник особый феномен — «творческие дискуссии».

Во всей философской дискуссии изначально присутствовал любопытный нюанс: в качестве объекта нападения выступал не проштрафавшийся чем-то автор, а, напротив, человек, чья книга незадолго перед этим была удостоена Сталинской премии. В декабре 1946 г. в адрес учебника Г.Ф. Александрова сделал серьезные замечания Сталин. Трудно сказать, попала книга в руки Сталина случайно или здесь имел место умысел, но в последующих кампаниях «замечания Сталина» станут уже необходимым атрибутом организации дискуссий. В случае с учебником Александрова по

замечаниям Сталина было решено провести дискуссию, которая и состоялась в январе 1947 г. Но философы, не обладавшие еще опытом организации подобных кампаний, видимо, не оценили фактора политического значения, который наверху придавался философской дискуссии. ЦК остался недоволен и назначил повторную дискуссию, для которой уже был разработан специальный сценарий.

Нет необходимости пересказывать содержание дискуссии: не эта сторона дела была тогда решающей. Главный смысл дискуссии вокруг учебника Александрова сводился к тому, что в ходе ее была фактически отработана стандартная модель организации борьбы с инакомыслием и насаждения идеологического монизма. Форма дискуссии представлялась очень удобной — из-за своего внешнего демократизма и соответствия популярным лозунгам критики и самокритики. Внешне привлекательная оболочка сыграла роль политической ширмы, за которой разыгрывалось действие обратного свойства, где, как справедливо заметил философ Ю. Фурманов, «сила аргументов подменялась аргументом силы».

Учебник Александрова, посвященный проблемам западноевропейской философии, был, кроме того, удобной мишенью для апробации основных подходов объявленной тогда же борьбы с «низкопоклонством». Место признанных авторитетов классической философии предстояло занять новому «хорифею» (что и было сделано), а сама философская мысль была отнесена к ведению Центрального Комитета партии, который помимо прочего становился руководящим центром общественных наук. Ученым отводилась роль комментаторов и популяризаторов решений, принятых «теоретическим штабом» страны. Кто ошибался, должен был публично покаяться, что также соответствовало дискуссионному сценарию.

На этом уровне замысел Жданова, можно сказать, удался совершенно: философы сделали «правильные» выводы. Предстояло теперь отбатывать механизм трансляции принятых решений, т.е. направить дискуссию вниз для проработки и извлечения политических уроков. И это оказалось самым сложным — не только потому, что в силу абстрактности поднятых дискуссионных проблем ее трудно было «привязать» к чему-либо конкретному (к проблемам производства, например), но и прежде всего из-за отсутствия профессионалов-«трансляторов». Поход против инакомыслия был уязвимым именно в этом, решающем, звене: люди, которым предстояло доводить политические решения до народа, сплошь и рядом

оказывались некомпетентными, а то и просто элементарно неинформированными.

С этим фактом столкнулись уполномоченные ЦК, выезжающие с проверками состояния политико-пропагандистской работы на местах. Как свидетельствуют их докладные записки, немалая часть партийных агитаторов и пропагандистов (причем не только рядовых, но и руководителей отделов пропаганды и агитации райкомов) не имела элементарного представления о том, какие решения принимаются наверху, не знали, что происходит в стране, в мире. Приведем ответы на вопросы уполномоченных ЦК некоторых работников райкомов: «1. Что читаете из политической литературы? — Первый том товарища Сталина.

2. Что прочитали из этого тома? — Забыл, не могу вспомнить, не отвечу.

3. Что еще читаете? — О буржуазных теориях т. Александра читал.

4. О каких буржуазных теориях? — Кажется, об идеалистических.

5. Что читаете из художественной литературы? — Читаю «Ивана Грозного», это книга нашего писателя. Мне не нравится эта книга. О народе в ней говорится хорошо, а вот из буржуазии и капиталистов там нет ни одного хорошего человека. В этом году больше ничего не читал»; «1. Читали вы доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»? — Нет, этого доклада я не читал.

2. Какими последними решениями ЦК ВКП(б) вы руководствуетесь в своей работе? — Не могу вам сейчас назвать.

3. Какие политические партии вы знаете в Англии? — Не помню.

4. Кто возглавляет правительство в Югославии? — Не помню, или в Югославии, или в Болгарии у правительства Тито».

На уровне рядовых агитаторов дело обстояло еще хуже: «1. Назовите высший орган власти в СССР. — Рабочий класс, ЦК? РКК? ВКП(б)?

2. Кем работает товарищ Сталин? — У него много должностей, не могу сказать.

3. Кто глава советского правительства? — Не знаю.

4. Кем работает товарищ Молотов? — Он ездит за границу.

5. Что происходит в Греции? — Банда воюет с рабочим классом».

Эти документы в силу своей выразительности не нуждаются в каких-либо дополнительных комментариях. Хотя в то время они, вероятно, были подробно проанализированы, потому что ЦК принимает ряд мер для исправления создавшейся ситуации. Первым делом взялись за укрепление системы партийных школ и курсов. В 1947 г. в стране насчитывалось около 60 тыс. политшкол, в них обучалось 800 тыс. человек. Всего за год количество школ увеличилось до 122 тыс., а число обучающихся в них достигло более 1,5 млн. человек. Также в два раза увеличилось число кружков, изучающих историю партии, с 45,5 тыс. в 1947 г. до 88 тыс. в 1948 г., соответственно выросло количество посещающих эти кружки — с 846 тыс. до 1,2 млн. человек.

Одновременно с мерами, направленными на укрепление идеологического фронта подготовленными кадрами, охранительная линия распространяла свое влияние на различные сферы науки и культуры. В августе 1948 г. сессия ВАСХНИЛ завершила долголетнюю дискуссию биологов, в мае—августе 1950 г. прошла дискуссия по проблемам языкознания, а в конце 1951 г. — по проблемам политэкономии социализма.

Все эти дискуссии, как и философская, развивались по отработанному сценарию и были организованы сверху. Однако приписывать их полностью инициативе Центра все же нельзя. Действительность была сложнее, а оттого драматичнее: проводя эти дискуссии, власти использовали и реальные тенденции, реальные стремления, существующие в духовной жизни послевоенных лет. Потребность широкого обсуждения проблем, рожденных войной, и вопросов послевоенного бытия тревожила мысли интеллигенции. Общественному мнению нужна была трибуна, чтобы обсудить эти наболевшие вопросы: профессиональная дискуссия была вполне подходящим поводом для реализации такой потребности, не случайно почти все «отраслевые» дискуссии охватывали более широкий круг проблем, чем предусматривал первоначальный предмет обсуждения.

Дискуссии нуждались в прикрытии мощным авторитетом, который взял бы на себя функцию главного арбитра. Ход старый и апробированный: еще в 30-е гг. Сталин громил своих противников, используя авторитет «ленинского курса», истинность которого не могла быть подвергнута сомнению. Похожую позицию заняли Лысенко и его сторонники, выбрав для защиты своих позиций имя Мичурина. Однако ссылки на мичуринское учение, удобные для демонстрации патриотизма в условиях борьбы с «космополитизмом», не

могли служить достаточно надежным щитом от научных доводов оппонентов. Для создания такого рода щита необходим был авторитет, чье мнение обсуждению не подлежит, поскольку всегда является «единственно правильным». В огромной стране таким мнением обладал только один человек — Сталин. Логика функционирования абсолютной власти предопределила дальнейший ход событий: у Сталина не было иного пути, как сделаться «великим философом», «великим экономистом», «великим языковедом» и т.д. Поскольку механизм борьбы с инакомыслием в качестве опорной конструкции предполагал высший авторитет, авторитет должен был произнести свое Слово. Слово авторитета становилось поворотным моментом дискуссии: вмешательство Сталина предопределило победу лысенковцев, дало «нужное» направление экономической дискуссии и дискуссии по проблемам языкознания.

События 1948—1952 гг. для многих наших соотечественников стали временем прозрения: с иллюзией о том, что сталинский режим способен к какой-либо трансформации либерального типа, пришлось расстаться окончательно. Конечно, кого-то могли ввести в заблуждение слова Сталина о необходимости покончить с монополизмом в науке, о борьбе с «аракчеевским режимом». Но тот, кто за словесной оболочкой умел распознавать сущность процесса, уже не мог обмануться фразой. Тем более что был опыт разгрома генетиков в 1948 г., тоже проходившего под флагом борьбы с «монополизмом». Однако вся дискуссионная кампания была рассчитана не на думающих, а на тех, кто привык, не рассуждая, «принимать к сведению». Последних было пока что большинство. Это большинство все и решало: общество, подготовленное психологически к кампании террора, в массе своей на удивление легковерно восприняло и версию о происках «безродных космополитов», и о «врачах-вредителях», не увлекаясь существом дискуссионных полемик, оно в то же время готово было осудить признанные «вредными» философские, биологические, экономические и какие угодно другие взгляды.

Состояние общественной атмосферы начала 50-х гг., думается, наиболее ярко передает массовая реакция на «дело врачей»: проблемы медицины, охраны здоровья, в отличие от далеких научных тем, затрагивают интересы каждого. «После сообщения ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей», — вспоминал один из участников этого дела известный советский патологоанатом профессор Я.Л. Рапопорт, — в обы-

вательской среде распространялись слухи, один нелепее другого, включая «достоверные» сведения о том, что во многих родильных домах умерщвлены новорожденные или что некий больной умер непосредственно после визита врача, тут же, естественно, арестованного и расстрелянного. Резко упало посещение поликлиник, пустовали аптеки».

Подобным образом нагнеталась атмосфера массовой истерии, а общество, доведенное до такого состояния, становится легко управляемым, — но на уровне эмоций. Оно способно разрушить, преодолеть все препятствия — подлинные, но чаще мнимые. К конструктивному действию такое общество не способно. Потому что это уже не общество в истинном смысле этого слова — это толпа. Для воздействия на общественный разум нужны более тонкие средства. Идеологическая обработка умов с помощью организованных дискуссий и должна была выполнить роль такого средства. Однако атмосфера массового психоза давила своей эмоциональной агрессивностью, подчиняя рациональное чувственному. В результате грань между откровенным террором и идеологическим диктатом часто становилась едва различимой, а угроза расправы — вполне реальная — заслоняла собой аргументы разума. Процесс был настолько тотальным, что публичные покаяния сделались нормой жизни. Не надо думать, что всеми владел только страх. Он, конечно, присутствовал, однако сильнее страха (во всяком случае весомее) было, думается, осознание отсутствия перспектив борьбы. Если считать, что, организуя дискуссии, власти добивались именно этого результата, то он был в конце концов достигнут.

§ 7. Снижение цен и «великие стройки коммунизма»

Психологическое воздействие репрессий на общество, преследующее цель парализации коллективной способности к сопротивлению, основано тем не менее на принципе избирательности террора, каким бы масштабным тот ни был. Избирательный подход призван был заложить в массовое сознание идею «праведного гнева» и «справедливости» репрессивных мер. Формула «невинных у нас не сажают», достаточно распространенная в бытовом обиходе тех лет, показывает, что идея эта попадала на вполне подготовленную почву. Нетерпение обывателя, поднятое до эмоциональ-

ного горения нехватками послевоенного бытия, требовало немедленной разрядки. В таких условиях росла сила агрессивных эмоций, а объяснение причин житейских неурядиц сводилось по сути к ответу на вопрос «кто виноват?». Подобная реакция заложена в механизме поведения толпы, которая тяготеет к упрощенному поиску причинно-следственных связей, сводящегося к выявлению «крайнего». Этот известный стереотип массового поведения использовал Сталин, когда начал делить общество на «своих» и «врагов».

Массовое сознание, в принципе малоприспособленное в качестве носителя конструктивных политических решений, в данном случае сыграло роль психологического фона, на котором вся карательная кампания проходила под лозунгом «всеобщей поддержки». Но могло ли так продолжаться долго? Террор, сопровождающийся нагнетанием экстремальности, всегда имеет психологический предел. «Общество, охваченное паническим настроением, — писал известный психолог Л.Н. Войтоловский, — не только утрачивает чуткость к дисгармониям общественной жизни (это как раз режиму было выгодно. — Е.З.), но... само становится источником угнетающих и тревожных эмоций, доводящих его до мертвящей немощи, заботности и апатии».

Подобный исход находился в прямом противоречии с принципами функционирования существующей государственной модели, рассчитанной на постоянное поддержание высокого тонуса общественной жизни. Если эта модель органично включала в себя механизм террора для исполнения охранительной функции, то с такой же необходимостью она нуждалась и в иных средствах своего жизнеобеспечения, призванных стимулировать духовный подъем, ударный ритм, трудовой энтузиазм. С помощью террора удавалось отвлечь внимание людей от анализа истинных причин общественного неблагополучия, отправив их по ложному следу поиска «врагов». Однако негативная реакция таким образом не исчезала, она просто переключалась на другой объект. Поэтому нужны были специальные меры, способные сформировать в массах позитивные эмоции, стимулировать созидательные устремления и действия. Такого рода меры создают и поддерживают авторитет власти. Их отличительная особенность состоит в том, что целесообразность решений этого типа измеряется не столько долей практической отдачи (например, экономической эффективностью), сколько степенью популярности в массах, т.е. эти меры, какое бы конкретное содержание в них ни вкладывалось, по сути своей всегда являются попу-

листскими. В ряду подобных популистских решений на первом месте всегда стоит снижение цен. Поэтому в 1947 г. Сталин выбрал именно этот, в общем политически беспроигрышный (если смотреть с точки зрения момента), путь.

С 1947 по 1954 г. было проведено семь снижений розничных цен (первое — вместе с денежной реформой). Тактический ход принес огромный стратегический выигрыш: по сей день послевоенные снижения цен используются неосталинистами как главный аргумент в борьбе против оппонентов, как свидетельство постоянной заботы Сталина о «благах» народа. Расчеты специалистов, показывающие, что с экономической точки зрения все эти снижения цен оказались несостоятельными, просто не принимаются во внимание. Сам этот факт может послужить еще одним доказательством не экономической, а идеологической природы решений о ценах, они воздействовали не на разум, а на эмоции людей. Возможно поэтому их защита сегодня происходит исключительно на эмоциональном уровне. А как реагировали на снижение цен современники?

В большинстве своем исключительно положительно, что вполне естественно. Но были случаи отдельных выступлений с критикой. «Из-за такого небольшого снижения цен не нужно поднимать столько шума, — рассуждал один ленинградец после очередного снижения 1949 г. — Это снижение цен имеет лишь агитационный характер».

Несмотря на приоритет политических целей, решения о снижении цен, как и любая мера, вторгающаяся в сферу хозяйственной жизни, не могли остаться без экономических последствий. Снижение цен, естественно, привело к увеличению спроса, причем, в первую очередь, на те группы товаров, которых оно коснулось в наибольшей степени, т.е. в основном на промышленную группу. Согласно данным обследования, проведенного в 40 крупнейших городах страны, в марте 1949 г. после снижения цен среднесуточная продажа мяса увеличилась в среднем на 13%, масла сливочного и сала — почти на 30%, тогда как по некоторым промышленным товарам этот прирост распределился следующим образом: продажа патефонов в марте по сравнению с февралем выросла в 4,5 раза, во столько же раз увеличилась продажа велосипедов и в 2 раза часов.

Рост спроса рождал сомнения: хватит ли товаров для продажи по новым ценам? Поскольку же снижение цен мало затрагивало товары первой необходимости, естественно, возникали вопросы: «почему недостаточно снижены цены на

хлеб, муку, растительное масло?»; «почему не снижены цены на сахар, мыло, керосин?». Можно спорить о том, насколько эти претензии обоснованны в каждом конкретном случае, но, сформулированные в виде вопросов, требования людей представляют интерес с другой стороны: они показывают, как политика, рассчитанная на обретение имиджа «заботы о благе народа», начинает работать во вред сама себе. В людях постепенно формируется привыкание к такого рода «благотворениям», растет комплекс иждивенчества, а по мере удовлетворения первейших потребностей растут и запросы. Поскольку акция снижения цен спускалась сверху и конкретный человек долей своего труда напрямую никак не был с ней связан (может быть, только ограничен в своих претензиях уровнем зарплаты), ему в сущности было безразлично, из какого источника эта акция обеспечивалась. Сам же источник — государственная казна — реагировал на эту акцию болезненно, потому что именно она меньше всего напоминала «рог изобилия». Приняв волевое решение о регулярном снижении цен, центр затянул себя в ловушку: угроза прогрессирующей инфляции стала реальностью. По логике надо было отказаться от этой практики, но тогда мог пострадать престиж государственной власти. Решение продолжало сохранять силу по инерции, а люди по той же инерции продолжали каждый год ждать нового снижения цен.

Решения о снижении цен не затрагивали трудовых стимулов. Вообще в послевоенный период сфера действия материальных стимулов была существенно ограничена. Безусловно, сказывались последствия войны: жесткая финансовая дисциплина и ограниченность ресурсов устанавливали различного рода «потолки», в том числе и по заработной плате. Поэтому трудовой подъем, духовный пафос восстановления — несомненная реальность послевоенных лет — имели иной, нежели материальный интерес, источник вдохновения. Недостаточность материальных стимулов компенсировалась действием психологических и идеологических факторов. Принцип работы этой группы стимулов в основе своей опирался на «эффект большой цели». Так было во время войны, когда люди сражались и работали во имя одной, общей и великой цели — Победы. В мае сорок пятого цель была достигнута. Образовавшийся вакуум надо было чем-то заполнить. Наверху, видимо, не нашли ничего лучшего, как вновь сделать ставку на образ будущего — построение коммунизма. В проекте Программы ВКП(б) 1947 г. было записано: «Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) ста-

внт своей целью в течение ближайших 20—30 лет построить в СССР коммунистическое общество».

Однако преимущество победы в ее имидже «большой цели» заключалось не только в ее огромной притягательности, но и сама эта притягательность была связана с максимальной конкретностью: с каждым взятым городом, освобожденной деревней эта цель из идеальной все более становилась реально достижимой. Идее построения коммунизма необходимо было придать такую же конкретность. Так в общественное сознание был внесен своеобразный символ будущего — «великие стройки коммунизма». Гидроэлектростанции на Дону, Волге, Днепре, Волго-Донской и Туркменский каналы... Для них, этих строек, варилась сталь и чугун, создавались новые конструкции машин и механизмов. Пуск каждой очереди «великих строек», осуществление «великого плана преобразования природы» и даже начало строительства высотных зданий в Москве должны были восприниматься как очередная веха, как еще один практический шаг на пути к коммунизму. То обстоятельство, что «стройки коммунизма» большей частью сооружались руками заключенных, мало тревожило идеологов страны. Многие соотечественники об этом просто не знали, а те, кто знал, обязаны были смотреть на эти стройки как на места «перековки» и «перевоспитания» людей в духе коммунизма.

Отличительная особенность советской системы 30—50-х гг. состояла в том, что формально она как будто бы всегда была открыта для критики (лозунг «критики и самокритики» был в числе наиболее употребимых официальной пропагандой). И это был не просто пропагандистский трюк: постоянные поиски «отдельных недостатков», чередуемые с временными кампаниями против «врагов народа», не только направляли общественные эмоции в подготовленное русло, но и повышали мобилизационные возможности самой системы, ее устойчивость, ее иммунитет. На основе манипуляции общественными настроениями создавался особый механизм преодоления кризисных ситуаций. Система не допускала такого развития событий, когда критически заряженные эмоции масс сформируются в блок конкретных претензий, задевающих основы правящего режима. Неудивительно поэтому, что отсутствие конструктивизма, набора положительных идей составляет одну из характерных черт групповых претензий этого периода. Умение режима овладевать общественными настроениями на уровне эмоций обеспечивало управляемость системы, страховало от непредсказуемых реакций сни-

зу. С этой своей функцией механизм контроля за умонастроениями справлялся достаточно успешно. Однако, добиваясь управления эмоциями, с помощью этого механизма не всегда удавалось обеспечивать программу позитивного поведения, т.е. нужную практическую отдачу.

Это хорошо видно на примере развития внутрипартийной политики. XIX съезд ВКП(б), состоявшийся в 1952 г., среди прочих решений внес ряд изменений в Устав партии, т.е. тот документ, который регламентирует поведение каждого коммуниста. Главный смысл тех изменений заключался в усилении контроля партийных органов над рядовыми членами партии: если раньше коммунист «имел право», то теперь он «был обязан» сообщать о всех недостатках в работе любых лиц, а сокрытие правды объявлялось «преступлением перед партией». В партии начался поход против «недостатков». Однако организованный в столь жестких условиях, поход этот на деле превратился в последовательную цепочку перекладывания вины на плечи нижестоящего. Местные партийные работники, опасаясь быть уличенными в недостаточной бдительности или «преступной бездеятельности», стремились перестраховаться: районные комитеты партии буквально захлестнул поток персональных дел. Даже «Правда» с тревогой сообщала о многочисленных фактах проявления подобного чрезмерного усердия.

Это был предел: механизм контроля из фактора, обеспечивающего системе устойчивость, грозил превратиться в фактор дестабилизирующего действия. Если что и помешало тогда дальнейшей эскалации ситуации, то это сопротивление снизу, где помимо законов системы продолжали действовать, несмотря ни на что, законы человеческие. Они часто решали судьбы людей.

Историк Ю.П. Шарапов вспоминает, как осенью 1949 г., когда он учился в аспирантуре МГУ, у него был повторно арестован отец: «Меня вызвали в партком, а затем на факультетское партсоборание... Мне грозило исключение из партии. Но когда это было сказано вслух, из последних рядов поднялся мой довоенный однокурсник, тоже аспирант, прошедший войну, вышел на трибуну и сказал слово в мою защиту... А потом было заседание Краснопресненского бюро райкома партии. Меня защищали двое — секретарь партбюро факультета Павел Волобуев и член бюро райкома, начальник окружной дороги, железнодорожный генерал Карпов. И бюро райкома оставило меня в партии».

Случай, о котором рассказал Ю.П. Шарапов, в практике работы партбюро исторического факультета МГУ, когда его возглавлял П.В. Волобуев (ныне академик РАН), был не единичным, хотя не всегда позицию секретаря поддерживало большинство. Тем не менее, используя особое положение партийной организации при решении кадровых вопросов, даже в тех условиях обостренной «бдительности» удавалось оказывать помощь людям достойным и способным, но имеющим определенные трудности с «анкетой» (детям репрессированных родителей, побывавшим в плену или на оккупированной территории и т.п.). «Я просто выступал против всяких крайностей, — вспоминает то время П.В. Волобуев. — Например, крайностей в борьбе с космополитизмом. Нет, что касается трескотни насчет космополитизма, в том числе и в моих докладах, она продолжалась. Но ни один человек с факультета уже не был уволен, хотя и существовали своего рода «черные списки». Время не бывает одноцветным: кто-то, рискуя карьерой (а иногда и головой), вступался за близкого или вовсе незнакомого человека, кто-то публично отказывался от родителей, учителей, наставников. Возможно, пространство выбора было тогда небольшим, но способность к нравственному сопротивлению сохраняется всегда — при любых обстоятельствах и при любых режимах. Тем более что уже была война, оставившая в наследство законы фронтового братства и взаимной выручки. Это тоже помогало жить. И выжить.

Самые мрачные — из всех послевоенных — годы заканчивались если не надеждой, то предчувствием какого-то просвета. В реальной жизни, казалось бы, ничто не свидетельствовало о грядущих переменах. Но они уже были в известном смысле запрограммированы: был жив Вождь, но больной и все больше дряхлеющий, он не мог, как раньше, контролировать поведение своего окружения, в котором началось размежевание, предопределившее последующую расстановку сил в борьбе за «наследство». Экономические решения, принятые после войны, загоняли страну в тупик сверхпрограмм: «великие стройки» ложились тяжелым бременем на государственный бюджет. Основу экономической политики определял старый курс на индустриализацию. Он не только оставил безусловными приоритеты тяжелой промышленности, но и фактически законсервировал развитие научно-технического прогресса. Социальные программы, особенно важные с точки зрения помощи вышедшему из войны народу, были сведены до минимума. Кампании по снижению цен имели большой

политический эффект, но уровень жизни людей изменили мало.

Деревня была поставлена на грань разорения. Зона подневольного труда, рассредоточенная между колхозной деревней, с одной стороны, и ГУЛАГом — с другой, создавала постоянный источник социальной напряженности.

Репрессии 1948—1952 гг. не уничтожили дестабилизирующий фактор, репрессивная политика спасла на время правящий режим от критического давления снизу, но она не смогла предотвратить сползание страны к кризисной черте. Более того, репрессии осложнили процесс преодоления кризисных явлений, поскольку уничтожили или серьезно деформировали рожденные войной конструктивные общественные силы, которые могли встать во главе процесса обновления общества. Для массовых настроений был характерен синдром ожидания Единственный путь преодоления кризисных явлений, на развитие которого можно было рассчитывать в этих условиях, был путь реформ сверху. А единственным барьером, стоящим на этом пути, была фигура Вождя. В этом смысле Сталин был обречен, хотя на деле ситуация разрешилась самым естественным образом. Это случилось 5 марта 1953 г.

Кризис и крах советской системы

Глава 8

Оттепель (1953—1964)

§ 1. Ситуация «без Сталина» и изменение общественной атмосферы

«...Возле Мавзолея толпилось человек 200. Было холодно. Все думали, что выносить саркофаг с телом Сталина будут через главный вход. Никто не обратил внимания, что с левой стороны от Мавзолея стояли деревянные щиты, над которыми горели электролампочки.

Поздно вечером справа к Мавзолею подъехала крытая грузовая военная машина... Кто-то крикнул: «Выносят!»... Из боковой двери Мавзолея солдаты вынесли стеклянный саркофаг и погрузили его в машину... Вот тут-то мы и увидели, что за щитами солдаты роют могилу... Ни кино, ни телерепортеров в то время возле Мавзолея не было».

Такими запомнились журналисту В. Стрелкову вторые похороны Сталина, совсем не похожие на те, что состоялись в пятьдесят третьем. Вождь умер, и 6 марта в «Правде» было опубликовано правительственное сообщение об этом событии.

«Я хотел задуматься: что теперь будет со всеми нами? — вспоминал свои ощущения того дня И. Эренбург. — Но думать я не мог. Я испытывал то, что тогда, наверное, переживали многие мои соотечественники: оцепенение».

А потом была Трубная площадь в Москве. «Дыхание десятков тысяч прижатых друг к другу людей, поднимавшееся над толпой белым облаком, было настолько плотным, что на нем отражались и покачивались тени голых мартовских деревьев. «Это было жуткое, фантастическое зрелище, — напишет потом Е. Евтушенко, оказавшийся в той многотысячной толпе на Трубной. — Люди, аливавшие сзади в этот поток, напирали и напирали. Толпа превратилась в страшный водоворот... Вдруг я почувствовал, что иду по мягкому. Это было человеческое тело. Я поджал ноги, и так меня несла толпа. Я долго боялся опустить ноги. Толпа все сжималась и сжималась. Меня спас только мой рост. Люди маленького роста задыхались и погибали. Мы были сдавлены с одной стороны стенками зданий, с другой стороны — поставленными в ряд военными грузовиками».

Люди шли к Колонному залу, где был установлен гроб с телом Сталина. «Я стоял с писателями в почетном карауле, — вспоминал И. Эренбург. — Сталин лежал набальзамированный, торжественный, без следов того, о чем говорили медики, а с цветами и звездами. Люди проходили мимо, многие плакали, женщины поднимали детей, траурная музыка смешивалась с рыданиями. Плачущих я видел и на улицах. Порой раздавались крики: люди рвались к Колонному залу. Рассказывали о задавленных на Трубной площади. Привезли отряды милиции из Ленинграда. Не думаю, чтобы история знала такие похороны».

А дальше — главное: «Мне не было жалко бога, который скончался от инсульта в возрасте семидесяти трех лет, как будто он не бог, а обыкновенный смертный; но я испытывал страх: что теперь будет?... Я боялся худшего».

Похожие ощущения испытывали в момент смерти Сталина многие. «Это было потрясающее событие, — вспоминал А.Д. Сахаров. — Все понимали, что что-то вскоре изменится, но никто не знал, в какую сторону. Опасались худшего (хотя что могло быть хуже?...). Но люди, среди них многие, не имеющие никаких иллюзий относительно Сталина и строя, боялись общего развала, междуусобицы, новой волны массовых репрессий, даже — гражданской войны».

Не надежды на перемены к лучшему, а опасения «как бы не было хуже» формировали главную психологическую установку тех дней. Она же определяла состояние общественной атмосферы и на более длительный период — пока люди выходили из психологического шока, вызванного смертью Вождя. В такой обстановке руководство страны оказалось

даже в более выгодном положении, чем в ситуации обостренного желания перемен, обычно сопровождающей кризис власти. В данном случае кризис власти, казалось, был обусловлен естественной утратой, невозможность возмещения которой и неизвестные следствия какой бы то ни было замены рождали столь же естественное желание — оставить все как есть. Любые начинания послесталинского руководства, рассматриваемые под углом зрения «как бы не было хуже», должны были, казалось, в массовом сознании получать однозначно положительную оценку. Но тоже при одном условии: новые руководители обязаны были действовать как «наследники» Сталина, т.е. сохранять преемственность курса или хотя бы ее внешнюю форму. В реальной политике это приводило к увеличению заведомо тупиковых решений. Не случайно поэтому среди влиятельных лиц, вошедших в так называемое «коллективное руководство», не было ни одного (за исключением, пожалуй, В.М. Молотова), кто бы отстаивал сохранение прежнего курса в неизменном виде.

Однако понимания обреченности пути назад при определении нового политического курса было мало. Предстояло выбрать, хотя бы на уровне общих принципов, направление движения вперед. И здесь иного пути, кроме преодоления сталинского наследия, просто не было. Доверие народа, оплаченное принадлежностью к «наследникам» Сталина, и исчерпание политической эффективности «наследства» — это противоречие серьезно осложнило перспективные планы правящей группы и отношения внутри нее, которые и без того были непростыми.

Смерть Сталина уже сама по себе внесла серьезные коррективы в систему отношений между народом и властью. Вместе с Вождем исчезло главное звено, обеспечивающее общность этих разноуровневых подсистем, перестал функционировать главный механизм гармонизации их интересов. Эта гармония всегда была относительной (о чем свидетельствует обязательное наличие в палитре общественных настроений претензий и выпадов в адрес властей, прежде всего местных). Обратной стороной этой относительной гармонии было прогрессирующее отчуждение народа от власти: после смерти Сталина оно приобретает тенденцию перерастания в абсолютное (окончательно этот процесс завершился при Л.И. Брежнев). Самым простым выходом из положения было бы обретение нового Вождя, нового баланса. Однако возвращение к системе вождизма, в ее надчеловеческой просталинской форме, вряд ли представлялось возможным: сама

смерть Сталина блокировала этот путь. Земной бог перестал существовать как простой смертный — именно это обстоятельство долго не укладывалось в сознании многих людей.

Восприятие Сталина как человека в массовом сознании изменило и отношение к его преемникам наверху, которые тоже становились «простыми людьми». Власть лишилась божественного ореола. Но не вполне: от высшей власти по-прежнему ждали «подарков» как от «бога», а ее действия уже рассматривали по законам простых смертных. Этой новой ситуации не оценили
ный кредит доверия
кредит придется ре
туации помешали
группе, в которой н

§ 2. Несостоявшийся триумvirат и лидеры «оттепели»

Процесс преодоления кризиса власти, вызванного смертью Сталина, и выдвижение Хрущева в качестве единоличного лидера прошел в своем развитии четыре этапа: 1) период триумvirата — Берия, Маленков, Хрущев (март—июнь 1953 г.); 2) период формального лидерства Маленкова (июнь 1953 г. — январь 1955 г.); 3) период борьбы Хрущева за единоличную власть (февраль 1955 г. — июнь 1957 г.); 4) период единоличного лидерства Хрущева и формирования оппозиции «молодого» аппарата (июнь 1957 г. — октябрь 1964 г.).

Смерть Сталина открыла дорогу реформам, необходимость которых ощущалась обществом и частью руководителей сразу после окончания второй мировой войны, но которые вряд ли были возможны при жизни вождя. Экономическая и политическая ситуация внутри страны и обстановка «холодной войны» на международной арене формировали ряд узловых проблем (своего рода «болевых точек»), решать которые или реагировать на существование которых пришлось бы так или иначе любому руководству, вставшему у государственного руля в 1953 г.

Первый комплекс проблем был связан с развитием репрессивной политики конца 40-х — начала 50-х гг., превратившей органы МВД—МГБ в особую систему тотального контроля, охватившую практически все сферы общественной

жизни и все слои общества — от низов до высшего эшелона руководства. Закон самосохранения требовал от правящего слоя внести в эту систему известные коррективы, чтобы отвести от себя угрозу очередных кадровых чисток. Следующий вопрос, решение которого тоже требовало реформирования органов МВД—МГБ, был вопрос о системе ГУЛАГа, сохранение которой в неизменном виде не только не отвечало задачам экономической целесообразности, но и создавало угрозу политической стабильности. Смерть Сталина привела ГУЛАГ в движение: докладные записки МВД информировали о «массовом неповиновении», «бунтах» и «восстаниях» в лагерях и колониях, из них наиболее значительных — летом 1953 г. в особом лагере № 2 (Норильск) и особом лагере № 6 (Воркута), в мае—июне 1954 г. — в особом лагере № 4 (Карагандинская область, «Кенгирское восстание»).

Пересмотр репрессивной практики не мог ограничиться просто изменением режима в лагерях и колониях или частичными кадровыми перестановками в органах внутренних дел, в конечном счете речь шла о возможностях либерализации политического режима в целом, хотя вопрос о пределах этих возможностей оставался открытым.

Не менее важный комплекс проблем, требующих неотложного решения, сложился в сфере аграрной политики. Два раза за послевоенный период, в 1948 и 1952 гг., повышался сельскохозяйственный налог, форсированными темпами шел процесс укрупнения колхозов, создавший немало проблем для жителей деревни, не обошла колхозников стороной и послевоенная волна репрессий. В результате к началу 50-х гг. бегство из деревни, несмотря на паспортный режим в городах, стало массовым явлением: только за четыре года — с 1949 по 1953 г. — количество трудоспособных колхозников в колхозах (без учета западных областей) уменьшилось на 3,3 млн. человек. Положение в деревне было настолько катастрофическим, что подготовленный проект увеличения сельхозналога в 1952 г. до 40 млрд. рублей, абсурдный в основе своей, не был принят. Вместе с тем базовые принципы аграрной политики при жизни Сталина оставались неизменными, их придерживались и весьма последовательно воплощали в реальность даже те люди из окружения Сталина, которые после его смерти станут инициаторами совершенно иной линии в решении аграрного вопроса.

Серьезные проблемы для московского руководства создавало положение дел в западных областях Белоруссии и Украины, а также в Латвии, Литве и Эстонии. Политика сове-

тизации по-прежнему встречала здесь сопротивление, хотя и не такое активное, как в первые годы после окончания войны. В течение 1952 г. в ЦК КПСС несколько раз обсуждались вопросы, связанные с ситуацией именно в этих регионах.

Наконец, большой круг вопросов, которые пришлось бы решать новому руководству, кто бы ни оказался во главе его, касался области внешней политики: диктат Москвы в отношении стран Восточной Европы и откровенная конфронтация с Западом не прибавляли авторитета советскому режиму.

Таким образом, направления возможных перемен в известном смысле были как бы заранее заданы. В данном случае интерес правящего слоя совпал с широким общественным интересом, поэтому осуществление реформ, помимо практического, обещало большой пропагандистский эффект, т.е. работало на авторитет новой власти как внутри страны, так и за ее пределами. Однако — и это особенно важно — задано было только направление движения, поисков. Главный вопрос — в каких формах и насколько последовательно будет проводиться новый политический курс, как будут определяться его конкретное содержание и темпы реализации, как и вопрос, состоится ли политика реформ вообще, — в своем решении зависел от расстановки сил в руководстве страны и от выбора лидера (или группы лидеров). При проведении реформ сверху личный фактор играет одну из ключевых ролей.

Затяжной характер кризиса власти 1953 г., длительная борьба за лидерство среди бывших сталинских соратников имели под собой достаточно очевидную причину: отсутствие официального (формального) лидера, обладающего реальной властью. Не случайно первое перераспределение ролей в высшем эшелоне руководства (март 1953 г.) не решило вопроса о лидере. Реально власть тогда сосредоточилась в руках «тройки» — Берин, Маленкова и Хрущева, занявших три ключевых поста: Маленков стал Председателем Совета Министров СССР, Берин — министром внутренних дел (МВД было объединено с МГБ), Хрущев возглавил секретариат ЦК КПСС.

Маленков, Берин и Хрущев принадлежали к тому поколению советских руководителей, родословная которого начиналась от времен революции и гражданской войны. Почти все представители этого поколения были обязаны своим повышением кадровым чисткам 20—30-х гг., они составили костяк «сталинской гвардии», элиту нового слоя партийной

номенклатуры. Общность происхождения и профессионального продвижения формировала не только общий статус этого слоя, но и известную общность мышления и образа действий его представителей. Если большевики с дореволюционным партийным стажем начинали свою деятельность в условиях известного партийного плюрализма, то вступившие в большевистскую партию после революции принадлежали уже к партии правящей, причем правящей монопольно. Политические течения небольшевистской ориентации были ликвидированы, а впоследствии были уничтожены различные группировки и внутри партии большевиков. Для тех, кто остался в ее рядах после внутрипартийных дискуссий, принцип единовластия партии, враждебное отношение к какой бы то ни было оппозиции превратились в устойчивые стереотипы сознания.

Сформировавшиеся как политическая элита в условиях режима личной власти Сталина, представители этого поколения партийной номенклатуры усвоили именно сталинскую модель организации власти в качестве личного опыта, никакой другой они просто не знали. Личный опыт, как известно, во многом определяет и пределы возможного на перспективу: это важно иметь в виду при характеристике реформаторских возможностей данного слоя. От людей, не усвоивших демократии в качестве личного опыта, трудно было ожидать существенного продвижения в этом направлении. Груз прошлого — очевидность, с которой приходилось считаться, выбирая между общественным благом и личной ответственностью за вершившиеся в стране беззакония.

Георгий Максимиланович Маленков. По формальным признакам он более других подходил на роль преемника Сталина. Маленков делал доклад от имени ЦК на последнем съезде партии в 1952 г., в отсутствие Сталина вел заседания Президиума ЦК и Совета Министров, после смерти Сталина наследовал его пост Председателя Совмина. Уже с конца 30-х гг. Маленков работал в непосредственной близости от Сталина, возглавлял сначала Управление кадров ЦК, затем секретариат. Для него, выходца из дворянской семьи, за плечами которого была классическая гимназия, — это была необычная карьера. От других соратников Сталина, по большей части «практиков», Маленкова отличал довольно высокий для этой среды образовательный уровень (он учился в МВТУ) и особый стиль общения с людьми, который не раз давал повод упрекать его в «мягкотелости» и «интеллигентности». Его называли хорошим организатором. Маленкова

вообще вряд ли можно рассматривать как самодостаточного лидера. По складу характера он таковым не был; он мог играть роль первого, оставаясь по сути вторым. Так было в его отношениях с Берией и так могло сложиться (но не сложилось) в его отношениях с Хрущевым. И тем не менее именно Маленков стоит у истоков тех реформ, которые связаны с понятием «оттепель».

Никита Сергеевич Хрущев. По складу характера — полная противоположность Маленкову. Резкий, решительный, неосторожный в словах и поступках, он прошел все ступени партийной работы, возглавлял крупные парторганизации (Москва, Украина). Нигде и ничему серьезно не учившийся, Хрущев компенсировал недостаток образования удивительным политическим чутьем, почти всегда верно угадывая главную тенденцию времени. В отличие от Маленкова или Берии, Хрущев попадает в «ближний круг» Сталина только в 1949 г., когда его после 10-летнего перерыва вновь избирают главой московских коммунистов. При распределении ролей в марте 1953 г. Хрущева явно отодвинули на второй план и он вынужденно занял выжидательную позицию. Однако после активизации Берии, в которой Хрущев увидел угрозу своему положению, он начал действовать. Результатом этих усилий стало устранение Берии, после чего решение вопроса о единоличном лидере оставалось лишь делом времени.

Лаврентий Павлович Берия. Самая загадочная фигура среди «наследников» Сталина. Безусловно, одаренный от природы, умный и расчетливый, он долгое время был шефом советской разведки и контрразведки. Однако в историю Берия вошел все-таки не как «главный разведчик», а прежде всего как глава карательного ведомства, с именем которого связана репрессивная политика конца 30-х и начала 50-х гг. (хотя в 1946 г. Берия не возглавлял, а лишь курировал органы МВД—МГБ). После смерти Сталина для Берии пробил «звездный час».

В течение марта—июня 1953 г. он выступил с рядом предложений, главные из которых были направлены на реформирование системы МВД—МГБ. Предложения Берии включали следующие основные позиции: передать лагеря и колонии из МВД в ведение Министерства юстиции (кроме особых лагерей для политических заключенных), ограничить сферу применения принудительного труда в экономике и отказаться от нерентабельных «великих строек коммунизма», пересмотреть сфабрикованные дела, отменить пытки при

проведении следствия, провести широкую амнистию (последняя также не должна была касаться осужденных по политическим мотивам) и др.

В мае—июне Берия обратился в Президиум ЦК КПСС с тремя записками по национальному вопросу — «Вопросы Литовской ССР», «Вопросы Западных областей Украинской ССР» и «Вопросы Белорусской ССР». В этих записках Берия обосновывал необходимость пересмотра принципов национальной политики, которые заключались в отказе от насильственной русификации и выдвижении на руководящие посты национальных кадров. Берия в данном случае действовал в пределах своей компетенции, поскольку его предложения касались прежде всего смены руководящего состава органов внутренних дел и государственной безопасности. Впоследствии, уже после ареста Берии, именно его позиция по национальному вопросу станет одним из главных пунктов среди предъявленных обвинений. Между тем во время обсуждения этих записок в ЦК Берия получил почти единодушную поддержку.

Попытки решить вопрос о выдвижении национальных кадров в республиках предпринимались и до 1953 г., однако существовавшая с 1936 г. практика, согласно которой любое назначение на номенклатурную должность предполагало обязательное утверждение через органы госбезопасности, делала эти попытки заведомо безуспешными: в западных областях Украины и Белоруссии или в Прибалтике трудно было найти человека с «чистой», с точки зрения чиновника НКГБ, анкетой, т.е. не находившегося на оккупированной территории, не имеющего родственников за границей и т.д. В феврале 1952 г. секретариат ЦК ВКП(б) специально обсуждал этот вопрос в связи с отчетом о работе Вильнюсского обкома ЦК КП(б) Литвы. Председательствовавший на том заседании Маленков говорил о необходимости менять политику в отношении национальных кадров и прежде всего тот порядок, по которому получалось, что «бандиты у себя друг другу больше доверяют, нежели наши работники в МГБ».

Записки Берии соответствовали принятым еще в 1952 г. решениям, конкретизировав и расширив их. Выступление с инициативой по национальному вопросу, безусловно, сулило большие политические дивиденды. Поэтому стремившийся всегда действовать в духе времени и заботившийся о росте личной популярности и личного влияния, Хрущев тоже решил поддержать предложения Берии. В июне 1953 г. Хрущев, по примеру Берии, сам готовит записку в Президиум

ЦК «О положении дел в Латвийской ССР» и проект постановления ЦК по этому вопросу. Текстуальное сравнение записок Берин по Украине, Белоруссии и Литве с запиской Хрущева по Латвии доказывает не только общность подходов обоих лидеров, но и то, что Хрущев при составлении своей записки непосредственно руководствовался материалами Берин, а возможно, и использовал их.

На Пленуме ЦК КПСС в июле 1953 г., посвященном «делу Берин», об инициативе Хрущева не только не упоминалось, но и сам Хрущев в своей речи на пленуме говорил о Берин как о единственном авторе всех записок по национальному вопросу, в том числе и по Латвии. Любопытен и такой факт: на пленуме с осуждением предложений Берин по этой позиции выступили первые секретари ЦК компартий Украины, Белоруссии и Литвы. От ЦК КП Латвии таких разоблачений не последовало.

Данный случай является весьма показательным для того времени, когда судьба инициатив, даже прогрессивных в своей основе, ставилась в зависимость от исхода борьбы за политическое лидерство. У новой линии в сфере национальной политики, конечно, были свои издержки (об этом, например, свидетельствовали жалобы на ущемление в правах, поступавшие от русскоязычного населения), но отвергнута она была вовсе не по этой причине, а потому, что была связана с именем Берин. Возможно, по этой же (личной) причине Хрущев впоследствии отказался от проведения «маленковской» аграрной политики. Последующий опыт как будто бы подтверждает это предположение: насколько Хрущев был равнодушен к «чужим» идеям, настолько же активно он стремился проводить в жизнь свои. Надо признать, что Хрущев весьма болезненно относился к проблеме первенства. Молотов, например, вспоминал, что после выступления Маленкова с аграрной программой в августе 1953 г. Хрущев был буквально возмущен: он, Хрущев, должен был об этом сказать первым.

Опасения Хрущева упустить первенство, думается, сыграли не последнюю роль в смещении Берин. Некоторые документы из секретариата Хрущева свидетельствуют о том, что он внимательно наблюдал за изменениями расстановки сил и настороженно относился к усилению позиций других членов «тройки» — Берин и Маленкова. Один из таких документов — полученная методом радиоперехвата и направленная Хрущеву для информации радиограмма одного из руководителей национального подполья на Украине (ОУН) В.

Кука. Автор радиogramмы следующим образом комментировал ситуацию в московском руководстве на июнь 1953 г.: «...Берия далеко еще не хозяин положения в Кремле. Он вынужден делить свою власть с Маленковым и другими, и даже вынужден был уступить ему первенство... В этих персональных сменах необходимо ожидать еще различных ревелаций, они будут продолжаться еще долго, до тех пор, пока снова не появится один мудрый вожь, на весь СССР. Кто это будет? Я думаю, что не Маленков, а Лаврентий (Берия. — Е.З.) — это потому, что в его руках конкретная и надежная сила, а это при всякой политике — самый сильный правовой аргумент».

Последняя фраза текста специально выделена — самим Хрущевым или для Хрущева, но именно в ней заключался главный смысл информации: был назван первый претендент на место «вождя». Это во-первых. И во-вторых, имя Хрущева среди первых лиц вообще не упоминается. Подобная оценка ситуации в московских верхах, видимо, вполне соответствовала действительности. Хрущев принял решение ее изменить. Он начал борьбу за власть, имея по сравнению с другими претендентами самые неблагоприятные формальные шансы, однако авторитет должности и изменение соотношения сил после ликвидации «тройки» позволили Хрущеву в конечном счете выйти из этой борьбы победителем.

Берия в качестве единоличного лидера не устраивал не только Хрущева, но и других бывших сталинских приближенных, подозрения в стремлении его к личной диктатуре решили судьбу этого политика. После ареста Берия (июнь 1953 г.) власть на короткое время переходит в руки Маленкова.

§ 3. 1953 год и новая аграрная политика

Политика Маленкова складывалась из трех составляющих: социальная переориентация экономики, изменение политики в отношении деревни, разрядка в международных делах. В марте 1953 г. Министерством финансов для Маленкова был подготовлен проект докладной записки о налоговой политике в деревне. На основе расчетов доходности крестьянских хозяйств в соотношении с ростом налогов за 1949—1953 гг. в записке был сделан вывод о возникновении «диспропорции в сторону экономической неоправданности увеличения налогового обложения крестьян». Этот вывод был

поддержан и обоснован в докладе министра сельского хозяйства и заготовок А. Козлова, направленном Маленкову в июле 1953 г. Доклад можно считать первичным документом, который лег в основу речи Маленкова на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. и речи Хрущева на Пленуме ЦК КПСС через месяц после выступления Маленкова. Доклад Козлова представляет собой документ аналитического характера, где в обобщенном и систематизированном виде говорится о недостатках в аграрной политике и предлагаются конкретные меры по выводу сельского хозяйства из кризиса (хотя само понятие «кризис» не употребляется). О многих проблемах российской деревни в докладе было сказано впервые: например, о резком снижении за послевоенный период жизненного уровня колхозников, о массовом бегстве из села и т.д. В качестве главного вывода в докладе обосновывался тезис о необходимости делать ставки на материальный интерес крестьянина. Предложения Министерства сельского хозяйства и заготовок о снижении налогов, норм обязательных поставок сельскохозяйственной продукции и списании задолженности колхозников за прошлые годы впоследствии были оформлены как решения сессии Верховного Совета СССР.

По свидетельству помощника Маленкова Д.Н. Суханова первоначально Пленум ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства намечалось провести в августе 1953 г. С докладом на пленуме должен был выступить Маленков. Основные положения своего доклада он изложил на заседании Президиума ЦК в июле 1953 г. Как вспоминает присутствовавший на том заседании Суханов, позиция Маленкова по аграрному вопросу вызвала возражения большинства членов Президиума ЦК, пленум был перенесен на сентябрь и делать доклад на нем было поручено уже не Маленкову, а Хрущеву. Однако полностью перехватить инициативу в тот момент Хрущеву не удалось. В августе 1953 г. Маленков все-таки осуществляет свое первое большое публичное выступление, но не на пленуме ЦК КПСС, а на сессии Верховного Совета. Это выступление носило программный, а по ряду положений новаторский характер. Маленков говорил о необходимости смены приоритетов во внутренней политике, о повороте экономики лицом к человеку. Под этим углом зрения предлагалось пересмотреть соотношение темпов роста тяжелой индустрии и промышленности, работающей непосредственно на нужды населения, развернуть социальные программы, включающие развитие жилищного строительства, торговли, здравоохранения и т.д. Особое внимание в докладе Маленкова

уделялось обоснованию нового курса в аграрной политике. На той же сессии Верховного Совета был принят новый закон о сельскохозяйственном налоге, представлявший собой коренную реформу системы налогообложения, действовавшую с 1930 г. (До 1953 г. сельскохозяйственный налог был построен на принципе прогрессивных ставок, т.е. исчислялся от общей суммы доходов с крестьянского хозяйства по отдельным видам продукции, независимо от размеров хозяйства. В результате наиболее продуктивные хозяйства оказывались в самом невыгодном положении. С 1 июля 1953 г. вводился принцип твердого налогообложения, т.е. с 1 га приусадебного хозяйства, независимо от его доходности. Общая сумма сельскохозяйственного налога в результате реформы снизилась с 9,5 млрд. руб. в 1952 г. до 4,1 млрд. руб. в 1954 г.)

(После выступления в августе 1953 г. имя Маленкова, особенно среди крестьян, стало очень популярным. Газету с докладом Маленкова «в деревне зачитывали до дыр, и простой бедняк-крестьянин говорил «вот этот — за нас!» — можно было прочесть в одном из писем, направленных в ЦК КПСС.

Позиция Хрущева в аграрном вопросе на тот момент вряд ли могла быть инициативной еще по одной причине: в 1951 г. он уже «обжегся» на сельскохозяйственной теме, когда написал свою знаменитую статью «О строительстве и благоустройстве в колхозах». Эта статья, как известно, послужила одним из поводов для принятия 2 апреля 1951 г. Закрытого письма ЦК ВКП(б), в котором позиция Хрущева подверглась решительной критике, в том числе и по вопросу недооценки значения личных подсобных хозяйств для жителей деревни. Поэтому репутация Хрущева как «аграрника» была сильно подорвана, напротив, Маленков в послевоенный период курировал именно сельское хозяйство. В своих воспоминаниях Хрущев весьма нелестно отзывался о компетентности Маленкова в вопросах сельского хозяйства, ссылаясь при этом на замечание Сталина. Однако именно при Сталине Маленков в течение семи лет (с 1945 по 1952 г. с перерывом в 1946 г.) занимался аграрными проблемами, проводя сталинскую линию. Эта политика, естественно, в корне отличалась от той, которую Маленков принял в 1953 г., когда получил возможность действовать самостоятельно. Уровень компетентности во многом зависит от уровня информированности, а Маленков был, несомненно, одним из самых информированных в вопросах сельского хозяйства членом Политбюро. Правда,

информированность его имела довольно односторонний характер, поскольку источником информации для руководителей такого ранга всегда служил аппарат. Значит, Маленков, как и другие, получал уже «просеянную» и соответствующим образом организованную информацию. Не случайно, например, знаменитый тезис о якобы решенной в СССР зерновой проблеме неоднократно повторяется Маленковым. И не только им.

Хрущев первым из руководителей в своей последующей деятельности пытался сломать эту систему односторонней связи: он часто выезжал на места, чтобы лично, не доверяя аппаратной информации, знакомиться с положением дел. Ему принадлежит приоритет в пересмотре вывода о благополучном положении в обеспечении хлебом. Результатом размышлений Хрущева на эту тему является его записка в Президиум ЦК КПСС «Пути решения зерновой проблемы» (январь 1954 г.), которая стала инициативным документом для принятия постановления об освоении целины. За период, прошедший после смерти Сталина, это была первая личная инициатива Хрущева в области аграрной политики.

В 1953 г. все складывалось иначе, и хотя позади была победа над Берией, Хрущев не чувствовал себя достаточно уверенным. Если сравнить, например, его выступление на сентябрьском пленуме в 1953 г. с его публичными речами более позднего периода, то сразу можно отметить различия, причем не столько по уровню содержательному, сколько по стилистическому: сентябрьское выступление — совсем не «хрущевское», его стиль очень сдержанный, подчеркнуто деловой, без ставших потом привычными оживленных отступлений. Если Маленков в августе выступает с программной речью, то Хрущев на пленуме фактически конкретизирует и развивает его основные положения по аграрному вопросу. Случай сам по себе примечательный: Пленум ЦК не выдвигает, а лишь подтверждает те решения, которые уже были приняты на сессии Верховного Совета. Больше подобного не повторится: партия во главе с Хрущевым возьмет инициативу в свои руки, что получит закрепление даже на формальном уровне. С 1955 г. все совместные партийно-правительственные решения будут приниматься как постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, хотя раньше они подписывались, как правило, в обратном порядке — как постановления Совета Министров и ЦК. При жизни постановления от имени Совета Министров визировал сам Сталин, от имени ЦК ВКП(б) — Маленков. После смерти Сталина прежняя

практика сначала была сохранена, и совместные постановления подписывали Маленков как Председатель Совета Министров и Хрущев как секретарь ЦК КПСС. Маленков формально как будто занял место Сталина. Хрущев нарушит эту формальность: не случайно изменение порядка подписания официальных документов хронологически совпадает с отстранением Маленкова от должности премьера.

Личное соперничество между Хрущевым и Маленковым отразилось, однако, не только на порядке подписания документов, оно имело гораздо более серьезные последствия. Маленков был фактически отстранен от власти, но недоверие к аграрному курсу 1953 г. (хотя и названному теперь «курсом сентябрьского пленума», однако в сознании Хрущева все равно связанному с именем Маленкова) у Хрущева осталось. Результатом этого недоверия, а может быть, и ревности будет постепенное свертывание «маленковской» политики.

Эффект от решений 1953 г. в области сельского хозяйства, по оценкам специалистов, сохранялся примерно до 1957—1958 гг. Период 1954—1958 гг. считается поэтому самым успешным за всю историю советской деревни. Прирост валовой продукции сельского хозяйства за эти годы на 35,3% по сравнению с предшествующим пятилетием (что уже само по себе было беспрецедентно) по целому ряду показателей был достигнут в основном за счет увеличения продуктивности личных подсобных хозяйств. С 1954 по 1956 г. в СССР впервые за послевоенный период наблюдался прирост сельского населения. Приостановилось бегство из деревни, а вместе с тем закономерный процесс урбанизации постепенно входил в нормальное русло. Росту валовой продукции сельского хозяйства способствовало и освоение целинных земель. Однако вопрос о соразмерности затрат, направленных на поднятие целины, с практической отдачей до сих пор остается спорным.

Бесспорно одно: примерно с середины 50-х гг. аграрный курс 1953 г., стержнем которого была ставка на материальную заинтересованность колхозников, на подъем личных подсобных хозяйств, претерпел настолько серьезные изменения, что от него по сути уже ничего не осталось. Наступление на личные подсобные хозяйства велось поэтапно. 6 марта 1956 г. принимается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели». Этим постановлением запрещалось увеличивать размер при-

усадебного участка колхозников за счет общественных земель и даже рекомендовалось сокращать его. Здесь же был закреплён принцип ограничения количества скота, находящегося в личной собственности колхозников, «с учетом местных условий».

27 августа 1956 г. постановлением Совета Министров СССР колхозникам и другим гражданам, держащим скот в личной собственности, запрещалось использовать в качестве корма для скота хлеб, крупу и другие продукты, приобретаемые в государственных и кооперативных магазинах. При отсутствии иных доступных источников обеспечения личного хозяйства кормами (кроме сенокоса и огорода) это постановление, в общем верное, если не принимать во внимание конкретную ситуацию, ставило крестьянина в тупик. Ему приходилось либо нарушать только что принятое постановление, либо сокращать количество скота в своем хозяйстве.

Борьба с личными подсобными хозяйствами велась не только непосредственно, но и косвенно — через осуществление других кампаний, призванных закрепить «линию партии» в деревне. По своим негативным последствиям среди этих кампаний выделяются по крайней мере две: новый этап укрупнения колхозов и кампания «догнать и перегнать Америку». Определенным стимулом для возвращения к идее укрупнения колхозов послужила реабилитация позиции Хрущева, высказанной им в статье об агрогородах в 1951 г. 1 апреля 1958 г. Президиум ЦК КПСС отменил Закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1951 г., а идеи Хрущева, подвергшиеся тогда критике, были признаны «правильными и объективными». В позиции Хрущева 1951 г., как и в попытках развить ее в дальнейшем, было рациональное зерно, ибо он писал о необходимости не только решать производственные проблемы колхозов, но и благоустраивать деревню, думать об улучшении условий жизни крестьян. Однако казавшаяся столь очевидной мысль о том, что благоустраивать легче (и дешевле) крупные поселки, расходилась со сложной реальностью устоявшегося сельского быта, желаниями самих сельских жителей, разнообразием сельских укладов на огромной территории СССР.

Впрочем, вопросами психологии, а также общественным мнением наверху тогда просто не интересовались, и Хрущев не был исключением из общего правила.

Весьма ощутимый удар по личным хозяйствам колхозников нанесла кампания «догнать и перегнать». Некоторые местные руководители, стремившиеся выполнить обязательст-

ва по сдаче мяса государству любой ценой, принуждали колхозников сдавать личный скот в счет госпоставок. «Рязанское дело», закончившееся самоубийством секретаря райкома Ларнонова, — только одно звено в той цепи произвола, который позволяли себе местные чиновники в ходе пресловутой кампании.

Следующим шагом на пути ограничения личной собственности крестьян стало принятие в 1961 г. новой Программы партии. На фоне главной программной идеи — движение к коммунистическому будущему — личные хозяйства казались досадным «пережитком капитализма» и должны были исчезнуть, по крайней мере, в течение отведенных 20 лет. Столь же «буржуазной» в свете партийной программы выглядела и ставка на материальный интерес. Во времена Хрущева получила развитие другая тенденция, тяготеющая к уравнительному принципу распределения заработной платы и общественных благ: повышение минимальной заработной платы, рост выплат и пособий из так называемых общественных фондов потребления, безусловно, решили ряд социальных проблем для малообеспеченных групп населения, но этот процесс имел и обратную сторону — падение престижа высококвалифицированного труда.

Примерно за два года до отставки Хрущев вновь возвратился к идее материального интереса, размышлял над экономической реформой и даже санкционировал дискуссию по этому вопросу. Он снова сделал ставку на эксперимент, в данном случае весьма перспективный. Но он опоздал: «экспериментальный период» для политики реформ уже закончился, лимит времени, отпущенный Хрущеву, оказался исчерпанным. Чтобы делать новую политику, нужен был новый лидер. Даже не столько новый лидер, сколько новое имя.

§ 4. Экономика СССР в 50-е — начале 60-х годов: основные тенденции развития и реформы управления

50-е и начало 60-х гг. считаются самым успешным периодом в развитии советской экономики с точки зрения как темпов экономического роста, так и эффективности общественного производства. Средние темпы экономического роста — 6,6% в 50-е гг. и 5,3% в 60-е гг. — были беспрецедентными за всю историю СССР. Советская экономика раз-

вивалась в русле общемировых тенденций: замедление темпов экономического роста и спад производства, вызванные сначала предвоенной депрессией, а затем войной и послевоенной реконструкцией, в 50-е гг. сменились в европейских странах и Японии длительной фазой экономического подъема. Самым влиятельным из всех факторов, лежавших в основе динамики послевоенного развития западных стран, — считает, например, известный бельгийский историк и экономист Г. Ван дер Вее, — являлся феномен так называемого «наверстывания».

Гипотеза «наверстывания», весьма популярная в исследованиях послевоенной экономики, предполагает, что законы развития мировой экономической конъюнктуры подталкивают государства, пережившие длительную стагнацию, после накопления необходимого потенциала догонять страны, вырвавшиеся за это время вперед (в послевоенном мире в роли безусловного лидера выступали США). Под влиянием общемировой тенденции «наверстывания» в 50—60-е гг. находились и Советский Союз, и другие страны восточного блока, перенявшие советскую модель экономического развития. Так что знаменитый лозунг Хрущева «Догнать и перегнать Америку!», несмотря на известную карикатурность практического воплощения, имел под собой и реальное основание.

К началу 50-х гг. восстановительный период в СССР завершился, за эти годы был создан достаточный инвестиционный и научный потенциал, позволивший в дальнейшем обеспечить высокие темпы экономического роста. Особенно успешно советская экономика развивалась во второй половине 50-х гг.: в этот период повысилась эффективность использования основных производственных фондов в промышленности и строительстве, быстро росла производительность труда в ряде отраслей народного хозяйства. Повышение эффективности производства способствовало значительному росту внутрихозяйственных накоплений, за счет этого стало возможно более полноценно финансировать непродовольственную сферу. На осуществление социальных программ была также направлена часть средств, полученных в результате сокращения расходов на оборону.

Постепенное переключение внимания с накопления на потребление можно рассматривать как начало преобразования сталинской модели экономического развития, основанной на идее ускоренной индустриализации. Правда, самим советским руководством подобная трансформация вряд ли

осознавалась: по крайней мере, в официальных заявлениях и документах курс на преимущественное развитие индустриальных отраслей экономики продолжал оставаться неизменным. Основные принципы экономической доктрины никогда не подвергались пересмотру. Поэтому, несмотря на обилие реорганизаций, пик которых пришелся на 1957—1962 гг., они не изменили кардинально советской экономической системы. Даже рассуждая о «революционной перестройке», Хрущев не думал трогать основы — государственную собственность и плановую экономику.

Созданная в 20—30-е гг. государственная система (и соответствующая ей экономика) воспринималась Хрущевым, и не только им, как правильная, в развитии которой, однако, время от времени появляются отдельные «ненормальности». Их и нужно исправлять. Не случайно наиболее крупные постановления и решения 50—60-х гг. принимались даже на уровне формулировок как решения о «дальнейшем совершенствовании» или «дальнейшем развитии»; например: «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» (1954); «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» (1957); «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» (1958) и др.

Как человек, прошедший большую школу партийной работы снизу доверху, Хрущев почти во всех своих начинаниях стремился действовать по-партийному. Это значит, что главный механизм реализации принятых решений представлялся ему как хорошо отлаженная система пропаганды и дисциплинарной ответственности. При этом безусловный приоритет отдавался организационному фактору и коммунистической сознательности. Отсюда, например, известные пассажи Хрущева типа: если кукуруза не родится, то виноват в этом не климат, виноваты руководители. Так определялись общие подходы к реорганизации экономики и системы управления.

Поскольку сама экономическая система воспринималась руководством страны как правильная, трудности и проблемы экономического развития объяснялись прежде всего недостатками руководства и управления — излишней бюрократизацией, сверхцентрализацией и т.п. Отсюда одни из самых громких начинаний 50—60-х гг. — борьба с бюрократизмом и ряд реорганизаций, призванных дать больше экономической самостоятельности республикам и регионам. Оба явления — и возросший бюрократизм в работе государственного

аппарата, и излишняя централизация управления — действительно, существовали как реальное «зло» и были тесно связаны между собой. Процедура планирования, составления бюджетных и любых других документов была громоздкой и малоэффективной. Так, проект государственного бюджета РСФСР на 1954 г. включал 52 340 показателей (для сравнения: в 1945 г. — 15 865 показателей), а проект бюджета Клинского района Московской области на 1954 г. состоял из 75 таблиц, включавших около 15 тыс. показателей.

Принятый порядок согласования интересов и полномочий различных ведомств создавал много проблем как для управляющих, так и для управляемых. Любое решение, относившееся к компетенции местных органов, требовало санкции вышестоящих инстанций. Приведем несколько примеров. Райисполкомы Сахалинской области обратились в исполком областного Совета с просьбой утвердить должность кочегара вместо имеющейся в их штате должности истопника. Сахалинский облисполком запросил по этому вопросу Министерство финансов СССР, а то в свою очередь не могло принять решение, не договорившись предварительно с Советом Министров РСФСР.

Больше года длилась переписка по аналогичному вопросу: Рязанская психиатрическая больница договаривалась с областной больницей им. Семашко о передаче старого котла. Однако, поскольку одна из больниц находилась на бюджете Министерства здравоохранения, а другая — на областном бюджете, не только городские, областные и районные учреждения, но и само Министерство здравоохранения не могло решить этот вопрос. Решение было принято на уровне Совета Министров России.

Чтобы исправить это положение, ЦК КПСС в январе 1954 г. принял постановление «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата», в котором говорилось о необходимости расширения прав местных органов управления. Во время обсуждения этого постановления на местах было внесено дополнительно более тысячи предложений по совершенствованию хозяйственной деятельности в районе, области, республике. Самое большое количество предложений (319) касалось упрощения бюджетно-финансовой отчетности, совершенствования вопросов планирования (197), сельского хозяйства (151), народного образования, здравоохранения и культуры (121).

Следующим шагом в том же направлении стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О существ-

важных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению работы государственного аппарата» (октябрь 1954 г.). Постановлением предусматривалось упрощение структуры министерств и других звеньев управления, сокращение управленческого аппарата. Всего было упразднено около 10 тыс. главков, отделов, трестов и других организаций.

В мае 1955 г. были приняты решения по расширению функций и прав союзных республик в области планирования и капитального строительства, по бюджетным вопросам, в решении вопросов труда и заработной платы, в образовании фондов предприятий и др.

Все эти решения по децентрализации управления подготовили главную реорганизацию 50-х гг. — перестройку системы управления промышленностью и строительством по территориальному принципу и создание совнархозов (1957). Большинство общесоюзных и союзно-республиканских министерств, в ведении которых находились промышленность и строительство, были упразднены, кроме министерств электростанций, оборонной, авиационной, судостроительной, радиотехнической и химической промышленности. Страна была разделена на несколько крупных экономических районов, для управления которыми создавались Советы народного хозяйства (совнархозы).

Первые результаты реформы были вполне обнадеживающими: уже в 1958 г. прирост национального дохода составил 12,4% по сравнению с 7% в 1957 г. Однако уже тогда специалисты сделали интересное наблюдение: основной прирост пришелся на период, когда предприятия остались «бесхозными», т.е. министерства были упразднены, а совнархозы еще не успели возникнуть в суть дела. В дальнейшем начались проблемы, одна из которых заключалась в том, что внутри совнархоза взаимосвязь между предприятиями складывалась в целом благополучно, тогда как в отношениях с предприятиями «чужого» совнархоза постоянно возникали трудности. Тогда эту проблему называли местничеством и часто списывали за счет «несознательности» руководителей совнархозов.

Но дело было не только в разногласиях типа «свое» — «чужое»: переход на новую систему управления, сопровождавшийся упразднением центральных министерств, оставил практически неприкосновенной существующую до реорганизации систему производственных связей, так называемый принцип сложившейся кооперации. В результате получалось

так, что, например, Ленинградский совнархоз ввозил чугунное литье с Украины, а Ленинградский завод им. Свердлова в то же самое время вывозил литье в Харьков. Московский областной совнархоз в 1959 г. отгрузил 25,6 тыс. т чугунного литья более чем в 18 районов, а получил 21,4 тыс. т из 25 районов.

При сохранении подобного порядка в конце концов должна была вновь возникнуть потребность в центральных координирующих и управляющих органах, напоминающих прежние министерства. Сначала такие органы были созданы в виде государственных комитетов Совета Министров СССР, в распоряжение которых были переданы ведущие научные, проектные и конструкторские институты (1962 г.). Собственно производство на том этапе оставалось по-прежнему в ведении совнархозов, однако сама система совнархозов также подверглась дальнейшей реорганизации: сначала в трех наиболее крупных республиках — в России, на Украине и в Казахстане были созданы республиканские Советы народного хозяйства (1960), затем Совет народного хозяйства СССР (1962) и Высший совет народного хозяйства СССР (1963).

Реорганизации верхнего эшелона управления сопровождались дальнейшими попытками совершенствования низового звена: в русле этих попыток можно рассматривать разделение партийных органов по производственному принципу на промышленные и сельскохозяйственные (ноябрь 1962 г.). Однако эта реорганизация оказалась еще более недолговечной, чем совнархозы.

Достигнутые высокие темпы экономического роста действительно могли создать иллюзию, что путь наиболее эффективного развития экономики уже найден. Между тем, как считает, например, экономист Г.И. Ханин, проведенные в 50-е гг. мероприятия по повышению эффективности использования ресурсов носили краткосрочный, зачастую технический характер (замена угля нефтью и газом, гидроэлектростанций теплостанциями, паровозов электровозами и т.п.). Не было найдено устойчивых глубинных факторов повышения эффективности производства, которые могли бы действовать и после исчерпания прежних факторов. Падение темпов экономического роста уже с начала 60-х гг. стало реальностью. Это обстоятельство в числе других, возможно, заставило Хрущева от идеи реорганизации управления повернуться к идее экономической реформы.

§ 5. Решения о «культе личности» и их влияние на общество

Теперь уже трудно восстановить доподлинно и точно, кому принадлежит сомнительная творческая находка — подвести под политические и экономические просчеты целых десятилетий теоретическое обоснование в виде ссылки на «культ личности». Одно можно сказать определенно: появление этого понятия в лексиконе политических лидеров и на страницах печати первоначально вовсе не преследовало цель заложить краеугольный камень новой теории. Его употребление было достаточно условным, призванным как-то оформить «на словах» отказ от ритуального чествования вождей.

Вопрос этот поднимался уже на первом после похорон Сталина Президиуме ЦК 10 марта 1953 г., когда Г.М. Маленков, выступив с критикой центральной печати, подытожил: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности». Секретарю ЦК П.Н. Поспелову было дано поручение обеспечить необходимый контроль за прессой, а Н.С. Хрущеву — непосредственно за материалами, посвященными памяти И.В. Сталина. Таким образом, первоначально весь вопрос преодоления культовой традиции свелся к перестройке пропаганды.

Видимо, в ЦК существовала стойкая тенденция на этом и ограничиться, потому что спустя несколько месяцев в июле на Пленуме ЦК Г.М. Маленков сделал новое уточнение: «...Дело не только в пропаганде. Вопрос о культе личности прямо и непосредственно связан с вопросом о коллективности руководства». Так был сделан еще один шаг к изменению основ партийной жизни. «Вы должны знать, товарищи, — говорил на Пленуме Маленков, — что культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовали. Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной».

На пленуме приводились конкретные факты, когда Сталин единолично при молчаливом одобрении остальных принимал заведомо ошибочные решения. Вспоминалась его инициатива нового повышения налогов с деревни, идея строи-

тельства Туркменского канала без обоснованных экономических расчетов. Были заложены первые сомнения под научную состоятельность некоторых теорий «корифея». Маленков, например, говорил о том, что идея продуктообмена была выдвинута в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» «без достаточного анализа и экономического обоснования» и что она поэтому «может стать препятствием на пути решения важнейшей еще на многие годы задачи всемерного развития товарооборота».

Однако главным пунктом в комплексе ошибок «вождя», если следовать логике обсуждения этого вопроса на пленуме, был феномен Берин (пленум и собрался прежде всего в связи с делом Берин, незадолго до этого арестованного). «Пронски» Берин, — говорил, например, на пленуме Молотов, — результат недостаточной бдительности нашего ЦК, в том числе и товарища Сталина. Берин нашел некоторые человеческие слабости и у И.В. Сталина, а у кого их нет? Он ловко их эксплуатировал и это удавалось ему в течение целого ряда лет». Каганович: «Он ловко втерся в доверие товарища Сталина. Хрущев: «Он очень крепко впился своими грязными лапами в душу товарища Сталина, он умел навязывать свое мнение товарищу Сталину».

Шаг за шагом, от выступления к выступлению по адресу Берин не только усиливается резкость высказываний, но и постепенно выстраивается общая концепция, определяющая отношение партийного руководства к феномену Берин. Основой конструирования этой концепции становится мотив отчуждения, по мере развития которого Берин объявляется сначала «внутренним врагом», а затем и «агентом международного империализма». Провозглашенный «чужаком», человеком другого лагеря, Берин тем самым как бы изгоняется из общности «мы» и переходит во враждебную — «они». Отсюда оценки личности Берин, имеющие исключительно отрицательную окраску («перерожденец», «интриган», «морально разложившийся человек» и т.д.). Прочность данной психологической конструкции нарушает только одно обстоятельство: до недавнего времени «чужак» считался «своим» и даже одним из первых среди «своих». Это противоречие разрешается с помощью комплекса «нашей вины», которая сводится к признанию «недостаточной бдительности». Впрочем, и для объяснения этой «вины» быстро находится смягчающий мотив, указывающий на особые свойства «чужака», который «маскировался» и «втирался в доверие» к остальным. Их ошибки, таким образом, становятся результатом

злого умысла «чужака», а общая ответственность, персонализируясь, превращает последнего в единственного носителя комплекса вины. Мотив отчуждения играет и другую принципиальную роль, которая выводит за скобки возможной критики не только конкретных лиц, но и систему в целом: деятельность «чужого» субъекта носит внесистемный и даже враждебный существующей системе характер.

«Вина» Сталина, переключенная на «происки» Берии, тоже получает внесистемную оценку, т.е. оценку, не связанную с законами функционирования государственной власти. Она объявляется «человеческим грехом». В этой точке Сталин отделяется от сталинизма, система — от носителя. Вся последующая политика, направленная против культа Сталина, будет строиться уже на основе этого разделения понятий. Это будет борьба с именем, борьба с идолом, но не с причинами, его породившими.

Строго говоря, критика Сталина вообще не могла пойти по варианту Берии. Сталина нельзя было сделать, скажем, «иностранным шпионом», т.е. его нельзя было вывести за рамки системы. Он все равно оставался «своим». Эта внутренняя встроенность феномена Сталина в систему, названную его же именем, изначально задавала предельный уровень результативности всех организованных сверху антикультовых мероприятий, всегда останавливающихся у порога внутрисистемного анализа. Где-то здесь — «ключ» к разгадке неустойчивости и прерывистости всей истории борьбы против «культа личности».

Чтобы адекватно оценить феномен Сталина, требовалась другая логика мышления, иное ментальное измерение, просто недоступное людям той системы. Новый взгляд мог появиться только извне или постепенно развиваться на основе внутренней эволюции прежней власти, а его носителями должны были стать люди, относительно свободные от комплекса прошлой вины. На начальном же этапе все вопросы, так или иначе связанные с именем Сталина, вообще не вышли за пределы обсуждения узкого круга посвященных. Все, о чем шла речь на Пленуме ЦК в июле 1953 г., о чем спорили, с чем не соглашались его участники, для народа оставалось тайной «за семью печатями».

Однако попытка сделать из Сталина фигуру умолчания произвела эффект, который лидерам страны в общем трудно было предвидеть.

В канун 8 марта 1954 г. (прошел год со дня смерти Сталина) в студенческом общежитии на Стромынке по традиции

к женскому дню показывали фильм «Член правительства». В фильме есть финальная сцена, когда в огромный зал под гром аплодисментов собравшихся входит Сталин. И вот, как только Сталин появился на экране, зрительный зал тоже встал и зааплодировал. Эти ребята не были фанатами Сталина, во всяком случае тот поступок питался другими чувствами: контраст между прежней шумихой, сопровождавшей имя «вождя», и внезапным провалом молчания был настолько искусствен, что казался безнравственным.

«Когда имя Сталина исчезло со страниц газет, а потом очень быстро появилась формулировка «культ личности», то этим было как-то задето нравственное чувство, чувство справедливости, — рассказывал И.А. Дедков, тогда студент МГУ, а впоследствии — известный журналист, критик, публицист. — Как же так? То он заполнял собой все газеты, все на него молились. И кто в первую очередь молился? Все эти «начальники», руководители страны. Почему вы раньше кричали «ура!», а теперь молчите? В общем, это было сделано как-то безнравственно. Не по-человечески».

Они тогда еще не задумывались о сущности таких понятий, как Сталин и сталинизм, но их путь преодоления Сталина в итоге оказался конструктивнее и глубже тех антикультовых мер, которые были предложены верховной властью. Задача, на первый взгляд, была как будто бы одна, но разные общественные силы подошли к ее решению с различными нравственными критериями и разной степенью восприимчивости к грядущим политическим изменениям. Одни были готовы отдать в залог общественному мнению Сталина-человека, оставив в сущности неприкосновенным, хотя и слегка модернизированным, государственный режим. Другие шли в своих исканиях и сомнениях от человека и потому не только не приняли Сталина в виде жертвы (или сочли ее недостаточной), но и сразу встали на иной, более высокий уровень восприятия общественных проблем и возможностей их решения. К кульминационной точке — XX съезду партии — руководство страны и та часть общества, которая за это время успела наработать известный запас переосмысленных реалий и идей, подошли с разной степенью готовности к переменам и разной глубиной видения этих перемен.

25 февраля 1956 г. — последний день работы XX съезда партии — впоследствии войдет в историю. Именно тогда, неожиданно для абсолютного большинства присутствовавших на съезде делегатов, Хрущев вышел на трибуну с докладом «О культе личности и его последствиях». И хотя заседание

было закрытым и делегатов предупредили о секретности происходившего, тайны, долгие годы окружавшей имя Сталина, с того момента больше не существовало. Поэтому документы, рожденные XX съездом, до сих пор стоят на особом счету среди всех других партийно-правительственных материалов. В них воплотилась фактически первая серьезная попытка осмыслить суть пройденного этапа, извлечь из него уроки, дать оценку не только прошлой истории как таковой, но и ее субъективным носителям.

Слово правды о Сталине, произнесенное с трибуны съезда, стало для современников потрясением — независимо от того, были ли для них приведенные факты и оценки открытием или давно ожидаемым восстановлением справедливости.

5 марта 1956 г. студенты Тбилиси вышли на улицу, чтобы возложить цветы к монументу Сталина в память третьей годовщины со дня его смерти. Чествование «вождя» превратилось в акцию протеста против решений XX съезда. Демонстрации и митинги не прекращались в течение пяти дней, а вечером 9 марта в город были введены танки. До Будапешта оставалось всего несколько месяцев, до Новочеркасска — шесть лет.

Тбилисские события — это своего рода индикатор состоятельности и продуманности всей антисталинской кампании. Уже в истоках ее — серьезный просчет как результат пренебрежения общественной психологией. Момент, выбранный для решительного разоблачения Сталина, практически совпал с датой его смерти, т.е. днем памяти. Подобные совпадения, даже если они не умышленны, а являются следствием обычной случайности, могут привести к психологическим «ошибкам», провоцирующим реакцию отторжения даже «благих» в своей основе начинаний. Именно с такого рода реакцией пришлось столкнуться Хрущеву в марте 1956 г.

Многие не приняли, например, концепцию личной вины Сталина как абсолютно достаточное объяснение. Общее настроение сомневающихся выразило, думается, одно из писем, направленных в те годы в редакцию журнала «Коммунист»: «Говорят, что политика партии была правильной, а вот Сталин был неправ. Но кто возглавлял десятки лет эту политику? Сталин. Кто формулировал основные политические положения? Сталин. Как-то не согласуется одно с другим».

Сомнения рождали раздумья, раздумья — новые вопросы. Шли собрания, неформальные обсуждения, споры и ди-

жиссии. «Повсюду говорили о Сталине — в любой квартире, на работе, в столовых, в метро, — вспоминал И. Эренбург. — Встречаясь, один москвич говорил другому: «Ну, что вы скажете?...» Он не ждал ответа: объяснений прошлому не было. За ужином глава семьи рассказывал о том, что услышал на собрании. Дети слушали. Они знали, что Сталин был мудрым, гениальным... и вдруг они слышали, что Сталин убивал своих близких друзей... что он свято верил в слово Гитлера, одобрявшего пакт о ненападении. Сын или дочь спрашивали: «Папа, как ты мог ничего не знать?»

Одна дискуссия питала другую, волна общественной активности становилась шире и глубже. Не обошлось и без крайних выступлений. К такому размаху событий политическое руководство оказалось не готовым. Было принято решение временно прекратить чтение закрытого доклада Хрущева.

В обществе начала складываться особая ситуация. Свергнув Сталина с его пьедестала, Хрущев снял вместе с тем «ореол неприкосновенности» с первой личности и ее окружения вообще. Система страха была разрушена (и в этом несомненная заслуга нового политического руководства), казавшаяся незыблемой вера в то, что сверху все видней, была сильно поколеблена. Тем самым Хрущев, хотел он того или нет, поставил себя под пристальный взгляд современников. Все властные структуры оставались прежними, но внутренний баланс интересов этот новый взгляд на лидера, безусловно, нарушал. Теперь люди вправе были не только ждать от руководства перемен к лучшему, но и требовать их. Изменение ситуации снизу создавало особый психологический фон нетерпения, который, с одной стороны, стимулировал стремление к решительным действиям властей, но, с другой стороны, усиливал опасность трансформации курса на реформы в пропагандистский популизм. Как показало развитие дальнейших событий, избежать этой опасности так и не удалось.

§ 6. Венгерский кризис и судьба «оттепели»

Вторая половина 50-х гг. была отмечена большими переменами в жизни советского общества. Менялась общественная атмосфера в стране, Советский Союз открывал для себя мир и сам становился более открытым для мира: международные обмены и контакты, поездки делегаций за рубеж и

визиты в страну; всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Но самое существенное — иной становилась жизнь внутри страны. Она уже меньше напоминала улицу с односторонним движением и активно впитывала новые формы открытого общения. На волне общественного подъема рождались новая литература, живопись, театр. «Современник» вызывал на откровенный разговор современника, возрожденный «авангард» отстаивал право на свое видение мира, литература и публицистика — почти неразделимые — активно вторгались в повседневную жизнь, заставляя каждого определить свое место по ту или иную сторону «баррикад». Процессы духовного освобождения и духовного возрождения, энергия которых накапливалась десятилетиями, вдруг вырвались наружу, получив мощный импульс и новое качество.

В спорах, дискуссиях, организованных, а чаще импровизированных, рождался новый для советской действительности феномен — общественное мнение. О том, что это было именно мнение (а не настроения, эмоции, чувства), свидетельствует аналитический, оценочный характер высказываний и суждений. Достаточная массовость и публичность подобных выступлений заставляет отнести к ним как к явлению общественному, т.е. отражающему интересы определенных социальных слоев и групп. Для формирования института общественного мнения, помимо общеполитических условий, создающих возможность для открытого публичного выражения идей и взглядов, необходим, как правило, конкретный объект, на котором общественное мнение может быть сконцентрировано. После смерти Сталина роль фокуса общественных оценок и суждений — по российской традиции — взяла на себя литература.

В восьмом номере за 1956 г. журнал «Новый мир» начал печатать роман В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым», повествующий о жизненных коллизиях молодого инженера-изобретателя Лопаткина, его столкновениях с чиновничьим аппаратом в лице директора Дроздова, сложной, порой драматичной, судьбе «нестандартной» личности в мире устоявшихся стандартов. Конечно, и сам Дудинцев понимал, что его книга по тем временам — это вызов, и члены редколлегии журнала отдавали себе отчет в том, что публикуют в общем-то далеко не безобидную вещь, но вряд ли кто из них мог тогда предположить, что роман вызовет буквально взрывную общественную реакцию.

Социальную сущность романа, его по сути антиаппаратную направленность сразу оценили читатели, которых не смутили отрицательные отзывы на роман, появившиеся сначала в «Известиях», а затем в «Литературной газете». «Я совершенно не согласен с вашей оценкой, — писал в редакцию «Литературной газеты» инженер А. Щербаков, — и считаю появление романа на страницах нашей печати очень важным делом... Он... зовет к борьбе против бюрократов и карьеристов во всех инстанциях, вплоть до главков и министерств, к борьбе против монополистов-консерваторов в науке, дает почувствовать (странно, как вы это не увидели в романе?) наряду с существующим бюрократизмом и волокитой такую жизнь, где о них не будет и речи».

«Не будем говорить о художественной силе этого произведения, давайте поговорим, как нам бороться против дроздовых, — звучала мысль во время обсуждения романа в Ленинградском университете. Тогда же из Ленинграда в Московский университет студенты направили письмо с призывом: «Давайте объединяться для совместных действий против дроздовых».

Официальная критика романа, к которой примкнула и часть читательской аудитории, упрекала автора в «очернительстве», «нетипичности» представленных фактов, «политической незрелости» и т.д. Но подоплека подобных обвинений строилась на более широких, нежели ошибки отдельного автора, принципах: речь шла о пределах дозволенного, о тех рамках, в которых должна была держать себя общественность, если она не хотела идти на конфликт с властями. Один из ответственных работников бюро ЦК КПСС по РСФСР, вероятно, выражая не только личное мнение, по поводу Дудинцева как-то заметил: «Пусть обобщает, как это делал Ажаев. Или вот у Малышкина, старик говорит о чайнике: «Вот, Советская власть какая, даже чайник не умеет сделать». Мы и это допускаем. Но мы не можем допускать, чтобы отдельные элементы влияли на молодежь. Нам нужно единство. Не та сейчас обстановка. Планка «дозволенной» критики не случайно опустилась до «уровня чайника»: обстановка действительно была «не та».

А связь событий складывалась тем временем следующим образом. «В тот самый день, — вспоминает известный диссидент, литератор Л. Копелев, — ... когда для нас важнее всего было — состоится ли обсуждение романа Дудинцева, издадут ли его отдельной книгой, именно в эти дни и в те же часы в Будапеште была опрокинута чугунная статуя Ста-

лина, шли демонстрации у памятника польскому генералу Бему, который в 1848 г. сражался за свободу Венгрии. Там начиналась народная революция».

Так внутренняя жизнь страны оказалась вписанной в международный контекст: венгерский вопрос для советского руководства стал своего рода индикатором, определяющим степень взрывоопасности внутриполитической обстановки. Венгерский кризис на том уровне был воспринят как перспективная модель развития общественного движения в Советском Союзе, вызвав опасение повторения уроков Будапешта в «советском варианте». Среди партийных функционеров осенью-зимой 1956 г. распространялись панические настроения, ходили слухи о том, что уже тайно составляются списки коммунистов для будущей расправы. Слухи дополняли газетные публикации, фотоматериалы которых были, как нарочно, подобраны, чтобы служить средством устрашения. С помощью кампании, организованной в советской прессе, из отдельных сюжетов и комментариев лепился образ «кровавой контрреволюции», на фоне которого ввод советских войск в Будапешт выглядел не противозаконным действием, попирающим все нормы международного права, а как чуть ли не акт спасения.

Венгерский кризис стал одновременно и кризисом нового курса советского руководства: «будапештская осень» как будто проверила его на прочность, обнаружив самые уязвимые точки обновительного процесса, существование которых ставило возможность его поступательного развития под сомнение. И самым уязвимым, поскольку самым важным вопросом в этой связи был вопрос об отношении советских властей к политической оппозиции как к одному из гарантов необратимости прогрессивных реформ. Вмешательство в дела Венгрии и последующие события внутри страны показали, что о легализации оппозиции при той структуре и том составе власти не могло быть и речи. Руководители, добившиеся высоких постов в ходе борьбы с разного рода «оппозициями» и «уклонами» 20—30-х гг., само понятие оппозиционности воспринимали как безусловно враждебное, подлежащее поэтому уничтожению — еще в зародыше, в тенденции, в помысле. Среди тех, кто вершил судьбу страны в 50-е, не было, пожалуй, ни одного человека, кто исповедовал бы другие принципы.

Венгерские события стали поворотным пунктом в развитии внутриполитических реформ, продемонстрировав всему миру пределы возможного либерального курса Хрущева. Для

советского лидера настал момент решительных действий. Тем более что его поведение, гораздо более самостоятельное и независимое, не могло не настораживать остальных членов Президиума ЦК. В руководстве постепенно сложилась антихрущевская оппозиция, названная впоследствии «антипартийной группой». Ее открытое выступление пришлось на июнь 1957 г. Прошедший тогда же пленум ЦК КПСС, на котором «оппозиционеры» (Молотов, Маленков, Каганович и др.) потерпели поражение, положил конец периоду «коллективного руководства», Хрущев же в качестве Первого секретаря стал единоличным лидером. (В 1958 г., когда он занял пост Председателя Совета Министров СССР, этот процесс получил свое логическое завершение.)

Вместе с тем «венгерский синдром» имел и более широкие (и гораздо более серьезные для судеб реформ) последствия, поскольку руководство страны поспешило принять меры перестраховочного характера, призванные блокировать развитие внутренних событий по «венгерскому варианту».

В декабре 1956 г. ЦК КПСС обратился ко всем членам партии с «закрытым» письмом, название которого говорит само за себя — «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». В письме были подробно перечислены «группы риска», особенно поддающиеся влиянию чуждой идеологии, в число которых в первую очередь попали представители творческой интеллигенции и студенчества. Письмо, фразеология и дух которого настолько узнаваемы, что оно вполне могло быть отнесено ко времени самых яростных разоблачительных кампаний 30—40-х гг., особенно выразительно в своей заключительной части, где ЦК КПСС считает уместным специально подчеркнуть: «... в отношении вражеского охвоста у нас не может быть двух мнений по поводу того, как с ним бороться. Диктатура пролетариата по отношению к антисоветским элементам должна быть беспощадной». Примечательна также оговорка — о «части советских людей», которые «иногда не проявляют достаточной политической зрелости»: «таких людей нельзя сваливать в одну кучу с вражескими элементами». Оставалось только отделить «таких» от «не таких». Итог же слишком хорошо известен, чтобы обольщаться самой возможностью выбора.

Первой жертвой кампании по борьбе с «венгерским синдромом» стала отечественная интеллигенция, прежде всего писатели: В. Дудинцев («Не хлебом единым»), авторы аль-

манаха «Литературная Москва», Б. Пастернак («Доктор Живаго»).

Казалось, возвращаются недоброй памяти времена борьбы с космополитизмом и разного рода «буржуазными» веяниями. В мае 1957 г. состоялась встреча руководителей партии с писателями — участниками правления СП СССР — первая в ряду ставших затем традиционными «исторических встреч». В. Каверин, присутствовавший на той встрече, впоследствии вспоминал, что у писателей тогда еще была жива надежда на Хрущева, силу его авторитета, который мог поддержать либеральное направление в литературе. Но произошло совершенно обратное. Хрущев заговорил о Сталине, упрекая литераторов в том, что они поняли критику культа личности «односторонне». «Сталин займет должное место в истории Советского Союза, — разъяснял собравшимся Первый секретарь. — У него были большие недостатки, но Сталин был преданным марксистом-ленинцем, преданным и стойким революционером... Наша партия, народ будут помнить Сталина и воздавать ему должное». Обозначив таким недвусмысленным образом принципиальные идеологические подходы, Хрущев перешел к их конкретизации. «Как ни бессвязна была речь Хрущева, — писал В. Каверин, — смысл ее был совершенно ясен... Пахло арестами, тем более что Хрущев в своей речи сказал, что «мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов».

«Рассеяние последних иллюзий», — так прокомментировал ситуацию 1957 г. А. Твардовский. Это был поворот, отступление, тревожное даже не столько фактом своим (колебания в политике всегда неизбежны), сколько тем обстоятельством, что коснулось оно по сути главного достижения последних лет — свободы слова — относительной, еще очень ограниченной, но свободы. После 1957 г., прошедшего под лозунгом восстановления единомыслия, о свободе слова, о гласности, даже урезанной, уже не могло быть и речи. А без гласности, как известно, не может быть и полноправного общественного мнения.

§ 7. Начало 60-х: общественное мнение и политика центра

«Мы не только раскритиковали недостатки прошлого, но провели такую перестройку, которую без преувеличения

можно назвать революционной в деле управления и руководства всеми областями хозяйственного и культурного строительства», — сказал Хрущев в одном из своих публичных выступлений 1960 г. И добавил: «...Мы в Президиуме ЦК очень довольны положением, которое сейчас сложилось в партии и в стране. Очень хорошее положение!» Таково было мнение лидера страны. А что думал народ?

Многие, безусловно, могли бы разделить оптимизм позиции руководителей. В начале 60-х гг. институт общественного мнения «Комсомольской правды» провел анкетный опрос молодого поколения страны с целью выяснения жизненных ориентаций молодежи, понимания ею смысла жизни, ее идеалов и планов на будущее. По результатам этого опроса (хотя они, конечно, не могли отразить настроения молодых во всех частностях) нетрудно воссоздать мироощущение наших «шестидесятников». В качестве наиболее характерных черт, свойственных молодому поколению, чаще других назывались целеустремленность, жизненная активность, оптимизм, подкрепленный «повседневной работой на коммунистический идеал».

Вместе с тем вера молодежи в коммунистический идеал, оптимизм восприятия настоящего и будущего отнюдь не заслоняли собой недостатки действительности. «...Сейчас мы не имеем права видеть только хорошее, то, что у нас уже есть и чего у нас нельзя отнять, — писал в своей анкете Г. Лаврентьев из Москвы. — Конечно, ошибочно видеть и только плохое, но, с другой стороны, нельзя закрывать на него глаза, как это бывало (порой, оправданно) прежде. Сегодня надо кричать о плохом, поднимать на борьбу с ним весь народ». В чем же конкретно виделось это «плохое»? Интересно, что, несмотря на достаточно мощный критический запал, представления молодежи о недостатках и трудностях современного момента были в общем ограничены набором социально-нравственных проблем. Именно нравственные аспекты развития общества выдвигались ими на первый план, а в качестве наиболее нетерпимых черт, нашедших, по мнению участников опроса, распространение в молодежной среде, назывались равнодушие, пассивность, иждивенчество и т.п. Отсюда призывы встать «контролерами» у входа в будущее, «чтобы не пропустить никакой грязи в его чистые и светлые залы». Можно говорить о недостаточной глубине критического анализа и наивности суждений, присутствовавших в оценках молодых, но, пожалуй, единственно, чего нельзя отрицать, — это высокого нравственного потенциала

молодого поколения шестидесятых, его созидательной активности, готовности к «Большой Работе». Этот настрой тогда, в начале 60-х, был преобладающим, он как бы возвышался над скепсисом, равнодушием к жизни и эгоизмом, имевшим место у части молодежи. Во всяком случае, именно они — «романтики» — определяли лицо поколения.

Мысли и размышления молодых — весьма характерный, однако только один из срезов общественных настроений. К сожалению, мы не всегда располагаем социологическими данными, чтобы представить более или менее адекватную картину общественного мнения на конец 50-х — начало 60-х гг. Но хотя бы в самой общей форме сделать это не только можно, но и необходимо. Знание того, о чем люди думали и разговаривали, причем не в официальной обстановке и даже не на страницах печати, а между собой, для понимания проблем и характера времени дает подчас больше, чем констатирующий текст того или иного постановления.

Примерно в то же время, когда Хрущев заверял соотечественников, что в стране, наконец, сложилось «очень хорошее положение», редакцией журнала «Коммунист» было получено любопытное письмо, автор которого (подписавшийся как К. Гай из г. Дрогобыча) решил собрать наиболее часто встречающиеся в разговорах людей критические замечания в адрес партийного руководства. Свое письмо он предварил замечанием: «Прошу поместить следующие подслушанные в пути мысли и ответить на них людям».

Что же это за мысли, которые, не высказанные публично (кстати, так и не опубликованные), имели «хождение в народе»? Приведем текст письма с некоторыми сокращениями: «Н.С. Хрущев... называет наших руководителей «слугами народа», это все равно, что черное назвать белым... Всегда слуга плату получал у хозяина, хозяин ему ее устанавливал. У нас наоборот. Страшно широкий замкнутый круг общегосударственных и местных вождей, считающих себя гениями против руководимой ими черни, сами себе установили огромные оклады, боятся разрешить самому народу подумать об установлении оплаты руководителям, о выборе руководителей... Опубликуйте, кто из депутатов и сколько получал «за» и «против» (персонально), зачем скрывать это от избирателей?.. Программу коммунистов Югославии нужно же дать почитать всем желающим, а то детективные романы переводят с любого языка, а небольшую программу коммунистов (пусть и ошибающихся) прячут... В судах должно быть больше нарзасов (народных заседателей. — Е.З.), чем присяж-

ных, доверяйте людям, приобщайте к руководству страной, решению общегосударственных дел... Проводите референдумы.

Люди хотят снижения цен. Его нет несколько лет

Нужно, чтобы хотя бы по внешнему виду наши руководители были похожи на трудящихся больше, чем на буржуев...

По радио и в газетах меньше восхвалять сегодняшний день, а больше звать к завтрашнему. Культ личности был не только Сталина и не по его только вине, а большинства руководителей, по их вине. А они в седле».

Из этих разрозненных суждений складывается своеобразная «фотография» общественного мнения с выделением «болевых точек» действительности, существование которых наиболее остро ощущалось на уровне обыденного сознания. Конечно, во все времена были недовольные, и любая, сколько-нибудь серьезная перестройка не приносит быстрых улучшений в положении людей, а на определенном этапе может привести и к снижению жизненного уровня. И все-таки за высказанными критическими мыслями важно увидеть не голый скепсис, а общественную проблему, ущемленное чувство социальной справедливости, которое всегда было важным «индикатором» состояния общества. А после этого уже решать, в каком случае претензии и беспокойство обоснованы, а где имеет место упрощенное понимание принципов социального распределения или недопонимание особенностей момента. С точки зрения особенностей момента, чья же позиция — верхов или определенной части общества — была более жизненной, насколько был обоснован оптимизм одних и пессимизм других?

Закончилась крупная реорганизация управления народным хозяйством (1957), которая на первом этапе была несомненно эффективной. Принят новый план на семилетку. Форсируется развитие науки, готовятся новые космические программы. Политическая жизнь внутри страны стала более стабильной: критическая волна явно пошла на спад, все реже поднимался вопрос о борьбе с культом личности, который в свое время дал импульс общественной активности. Еще в 1959 г. на стадии верстки была остановлена публикация закрытого доклада Хрущева на XX съезде партии: нет Сталина — нет и культа личности, а развенчание «антипартийной группы» легко было представить как последний аккорд в борьбе со «сталинистами».

Международное положение тоже не внушало пока особых опасений. Напротив, произошла некоторая стабилизация ситуации в Западной Европе, мир следил за развитием национально-освободительных движений в Африке, за событиями на Кубе, вновь поднявшими популярность идеи социалистического выбора. В общем положение дел как внутри страны, так и за ее пределами при одномоментной оценке ситуации могло служить основанием для оптимизма. Правда, с одним лишь условием: если считать это положение неизменяемым или способным к развитию лишь в одну сторону — от хорошего к лучшему.

Между тем любой непредвзятый анализ ситуации показывал, что она чревата серьезными осложнениями. Постепенно сбывались прогнозы тех, кто предупреждал об ограниченности структурной реорганизации практики управления и видел просчеты проведенной совнархозовской реформы. Реорганизационная система управления народным хозяйством отличалась от существовавшей ранее «министерской», но не была принципиально новой. Сохранился старый принцип разверстки сырья и готовой продукции, экономически ничего не изменивший в отношениях потребителя и поставщика. Диктат производителя по-прежнему воспроизводил ненормальную хозяйственную ситуацию, при которой предложение определяет спрос. Экономические рычаги не заработали. С помощью административной «погонялки» обеспечить стабильный экономический рост было невозможно (хотя конкретные цифры развития экономики, предусмотренные Программой партии, были как раз ориентированы на поддержание достигнутых к концу 50-х гг. темпов экономического роста — без учета подвижности конъюнктуры и возможностей базового уровня).

Существование ряда проблем — экономических, социальных, политических, нравственных — выявило обсуждение проектов Программы и Устава партии, которые были приняты на XXII съезде (1961). Большинство этих проблем концентрировалось в той области, которая определяет отношения между народом и государственной властью. Приглушение критики, снижение демократического настроя в общественной жизни не прошли незаметно для современников. Очевидная возможность утраты позиций, заявленных на XX съезде партии, с необходимостью ставила вопрос о поиске гарантий необратимости начатых реформ. Если судить по читательской почте того времени, то гарантии от рецидивов культа личности связывались прежде всего с преодолением

отчуждения между общественностью и представителями власти. В качестве мер, направленных на преодоление этого отчуждения, предлагалось ограничить срок пребывания на руководящих партийных и государственных должностях, ликвидировать систему привилегий для номенклатурных работников, проводить строгий контроль за соблюдением принципов социальной справедливости. Наиболее радикальные предложения (о ротации кадров, ограничении привилегий для номенклатуры и т.д.) остались за рамками решений съезда. Позиция Хрущева, заявленная на съезде, носила неизбежно компромиссный характер и была отражением той борьбы, которая шла в верхах в ходе подготовки программных документов. Однако если не сенсацией, то известной неожиданностью для большинства современников стало не выступление Хрущева по Программе партии, а его возврат к вопросу о культе личности, о Сталине и сталинизме.

«После бесцветного XXI съезда, втуне и безмолвни оставившего все славные начинания ХХ, никак было не предвидеть ту внезапную заливинистую яростную атаку на Сталина, которую назначит Хрущев XXII съезду! — напишет А.И. Солженицын. — И объяснить ее мы, неосведомленные, никак не могли! Однако она была, и не тайная, как на XX съезде, а открытая! Давно я не помнил такого интересного чтения, как речи на XXII съезде. Я читал, читал эти речи — и стены моего затаенного мира заколебались, и меня колебали и разрывали: да не пришел ли долгожданный страшный радостный момент — тот миг, когда я должен высунуть макушку из-под воды?» Именно в тот момент, по признанию А. Солженицына, у него созрело решение передать свою повесть «ИЦ-854» в журнал «Новый мир», где уже в 1962 г. она увидела свет под известным всему миру названием — «Один день Ивана Денисовича».

Это произошло в ноябре 1962 г., а месяцем раньше «Правда» опубликовала стихотворение Е. Евтушенко «Наследники Сталина». И повесть А. Солженицына, появившаяся благодаря личному участию Хрущева — «с ведома и одобрения ЦК», и антисталинское выступление Е. Евтушенко в центральном партийном органе должны были продемонстрировать общественности, что руководство страны хранит верность курсу на десталинизацию и намерено твердо идти по пути познания прошлого. Возможно, это и не была «чистая» демонстрация, но тогда это — те самые «благие намерения», мало общего имеющие с результатами их реализации. И вот почему: объявив новый подход в прошлое, руко-

водство страны опять натолкнулось на «подводный камень», о который в сущности разбились наиболее радикальные планы XX съезда. Речь идет о степени коррекции опыта прошлого и опыта настоящего, поскольку критически-аналитический подход обладает той особенностью, что он не знает хронологических границ; напротив, история, если относиться к ней серьезно, всегда служит инструментом познания не только прошлого, но и настоящего. На пути развития этого естественного процесса облеченные властью критики Сталина сразу же выставили ограничитель — 1953 г., разделивший историю на «старое» и «новое» время. Все, что относилось к «новому» времени, проверялось не духом решений по культуре личности, а идеями партийной Программы с ее непротиворечиво-положительной заданностью.

Об отсутствии должной взаимообусловленности между двумя принципиальными решениями XXII съезда — по культуре личности и по Программе партии, об опасности углубляющегося разрыва между ними с тревогой писали современники. «Для того чтобы решения съезда были правильно и всесторонне поняты разными слоями нашего народа, усвоены и закреплены надолго, — обращался к Н.С. Хрущеву писатель Э. Казакевич, — необходимо, мне кажется, сейчас же, без промедления, организовать открытые и прямые выступления мастеров культуры и науки всех оттенков и специальностей в поддержку двух основных вопросов, решенных съездом и взаимосвязанных: Программы партии и развенчания Сталина... Мне кажется, что именно так может быть достигнуто то, чего нельзя добиться только официальными комментариями, переименованием городов и другими административными мерами: создание сильного и устойчивого общественного мнения и ликвидация некоторого разброда, сомнений и даже недовольства, которое, как Вы и предвидели в своем докладе, имеет место в отдельных слоях нашего народа... Народу станет еще яснее, что строительство коммунизма и развенчание Сталина — неразрывное целое, что нельзя быть за первое, не будучи и за второе, что полная ликвидация культа Сталина — необходимость».

Наверху считали по-другому. Секретарь ЦК Ф.Р. Козлов, выступая после XXII съезда перед слушателями Высшей партийной школы, говорил о том, что на съезде произошел известный перекося: вместо обсуждения главного события — новой Программы партии — неожиданно получилось «второе издание» XX съезда и критики сталинизма. Этот перекося, наставлял секретарь ЦК, надо исправлять.

Снова, как в 1956 г., общественная мысль в интерпретации принятых руководством страны решений пошла значительно дальше, чем нужно было властям: «упрямые» интеллигенты не хотели видеть в сталинизме отжившее явление и настойчиво предупреждали о его возможных рецидивах.

Факты для такого рода выводов были очевидны: на месте низвергнутого авторитета постепенно ставился новый. Уже на XXII съезде КПСС имя Хрущева было окружено всеми необходимыми внешними атрибутами, которые формально возводили его в ранг «вождя» и одновременно ограждали от какой бы то ни было критики. Поэтому не все современники искренне поверили Хрущеву, когда он снова выступил против культа Сталина.

Эмоциональность и непосредственность советского лидера, с любопытством и доброжелательством воспринимаемые его западными коллегами, «дома» раздражали. Обитатели политического Олимпа часто сами провоцировали негативную реакцию на свои действия, демонстрируя контраст в уровне жизни верхов и низов: газеты, радио и даже пока еще не очень привычное телевидение, соперничая друг с другом, информировали о пышных банкетах, торжественных обедах, дорогих приемах. И все это на фоне убывающего ассортимента городских (не говоря уже о сельских) прилавков. Чтобы как-то нейтрализовать общественное раздражение от увиденного и услышанного, главный редактор «Правды» П. Сатюков, например, обратился в ЦК КПСС с письмом, где предложил до минимума сократить разного рода «гастрономическую» информацию из жизни высших сфер, заражающую общество негативными эмоциями против власть имущих.

В этой ситуации решение правительства повысить с 1 июня 1962 г. розничные цены на ряд продовольственных товаров произвело эффект, который был совершенно не предусмотрен властями. Уже в тот же день, когда в печати появилось сообщение о повышении цен, в разных местах были обнаружены листовки с весьма характерным и в общем типичным содержанием: «Сегодня повышение цен, а что нас ждет завтра?» (Москва); «Нас обманывали и обманывают. Будем бороться за справедливость» (Донецк) и др. Комитет государственной безопасности ежедневно информировал ЦК КПСС о реакции населения на повышение цен. Среди негативных настроений преобладали старые мотивы: недовольство политикой «братской помощи» и слишком роскошной жизнью верхов, пытающихся собственные просчеты исправить

за счет народа. Но на фоне неизбежного в таких случаях всплеска эмоций встречались и попытки более глубокого анализа продовольственного кризиса: «Неправильно было принято постановление о запрещении иметь в пригородных поселках и некоторых селах скот. Если бы разрешили рабочим и крестьянам иметь скот, разводить его, то этого бы (т.е. повышения цен на мясо. — Е.З.) не случилось, мясных продуктов было бы сейчас достаточно»; «Все плохое валят на Сталина, говорят, что его политика развалила сельское хозяйство. Но неужели за то время, которое прошло после его смерти, нельзя было восстановить сельское хозяйство? Нет, в его развале лежат более глубокие корни, о которых, очевидно, говорить нельзя».

Долгое время трагические события июня 1962 г. в Новочеркасске рассматривались, как чуть ли не единственная акция протеста против решения правительства о ценах (хотя в действительности повышение цен было скорее поводом для волнений). На самом деле рабочие Новочеркаска были не одиноки, но они единственные, кто отважился идти до конца. Что касается предзабастовочных ситуаций, то они отмечались тогда во многих промышленных центрах. Причем события развивались довольно быстро: если 1 июня сообщения КГБ о настроениях населения фиксировали в основном оценочную реакцию — удивление и недовольство повышением цен, то уже со 2 июня в сводках начинает преобладать информация о начале активных действий — о призывах к забастовкам и демонстрациям, порой довольно резких: «Долой позорное решение правительства. С 4-го — забастовка» (Челябинск); «Нужно иметь автомат и перестрелять всех» (Читинская область); «Вы — коммунисты, что же молчите? Власть народная, давайте, делайте переворот» (Хабаровск). Вполне вероятно, что распространение подобных настроений ускорило трагическую развязку в Новочеркасске.

Очевидно одно: власти тогда по-настоящему испугались. Ситуация поставила их перед выбором: уступить или предпринять решительное наступление, чтобы в дальнейшем блокировать саму возможность повторения событий, аналогичных новочеркасским. И такой выбор действительно был сделан, о чем свидетельствует, например, появление одного документа, датированного июлем 1962 г.: «Всему руководящему и оперативному составу органов государственной безопасности, не ослабляя борьбы с подрывной деятельностью разведок капиталистических стран и их агентуры, принять меры к решительному усилению агентурно-оперативной ра-

боты по выявлению и пресечению враждебных действий антисоветских элементов внутри страны... Создать... Управление, на которое возложить функции по организации агентурно-оперативной работы на крупных и особо важных промышленных предприятиях». Вновь поворот к реакции, только теперь, в отличие от 1957 г., уже недвусмысленный и вполне очевидный.

1962 год. Это он открыл миру А. Солженицына. Но он же — знаменовал собой кровавую драму Новочеркасска и зыбкий баланс Карибского кризиса. А под занавес — шумный скандал в московском Манеже и не менее скандальная «историческая встреча» Хрущева с интеллигенцией. Последнее событие, пожалуй, окончательно решило вопрос об отношении к лидеру демократически настроенной части общества. Хрущев остался один, точнее, один на один с партапаратом, который вскоре решил и его собственную судьбу, и судьбу начатых в 50-е гг. реформ.

§ 8. У истоков экономической реформы, в поисках идей

Начало 60-х гг. с точки зрения развития экономической ситуации в стране было не таким благоприятным, как предыдущее десятилетие. Высокие темпы экономического роста, сопровождавшиеся, особенно во второй половине 50-х гг., повышением эффективности производства, заметными достижениями в ряде областей науки и техники, расширением сферы потребления и т.д., в начале 60-х гг. стали уменьшаться. (Согласно данным ЦСУ СССР, в 1963 г. по сравнению с 1962 г. снизился прирост национального дохода с 5,7 до 4,0%, продукции промышленности — с 9,7 до 8,1%, а валовая продукция сельского хозяйства составила 92,5% от уровня 1962 г.) Объяснение возникших проблем традиционными недостатками руководства после стольких реорганизаций, направленных на их устранение, вряд ли выглядело убедительно (последняя попытка такого рода относится к ноябрю 1962 г., когда партийные и советские органы разделились по производственному принципу).

Экономическая ситуация требовала научного осмысления, критического анализа, с тем чтобы не только поставить объективный диагноз современному состоянию экономики, но и определить принципы ее развития на будущее. Необходи-

димось подключения научной мысли к разработке экономической политики стал понимать и сам Хрущев: при его непосредственной поддержке в начале 60-х гг. начались экономические дискуссии.

Первая из них коснулась далеких от практической экономики проблем и была посвящена общим вопросам политической экономии социализма. В конкретном плане дискуссия сконцентрировалась на проблемах развития научного курса политической экономии социализма, который, как было признано, давно нуждался в совершенствовании. Но в каком? — в этом и заключалась вся суть вопроса.

По мнению «большинства», совершенствование заключалось главным образом в структурных изменениях схемы построения курса. Те, кто видел глубинные пороки экономической теории, обусловленные ошибочностью подходов к анализу социалистической экономики как таковой, остались в меньшинстве. Более того, их встречали буквально в «штыки» как покушавшихся на достижения отечественной науки. Достаточно было даже такому признанному экономисту, как Л.А. Леонтьев, высказать мысль о застойных явлениях в развитии экономического знания после 20-х гг., — его позиция почти сразу же подверглась коллективному осуждению. Логика «большинства» была проста: раз социализм, как считалось, уже построен, значит, была и есть теория его построения, т.е. наука. Наука как бы освещалась самим фактом построения социализма, независимо от результатов и цены этого строительства. «Меньшинство» же предпочитало задумываться именно о цене и результатах уже сделанного и еще больше — о содержании и направлениях предстоящей экономической работы.

В этом плане определенный интерес представляют мысли Л.Д. Ярошенко, который в ходе дискуссии 1951 г. был подвергнут критике Сталиным и осужден, как и другие ученые, оказавшиеся в оппозиции официальной точке зрения. Естественно, что в то время Ярошенко так и не добился обнародования своих идей. Что же изменилось десять лет спустя — уже после публичной критики сталинской работы «Экономические проблемы социализма в СССР» и самой дискуссии 1951 г.? В конце 1961 г. в журнале «Коммунист» появилась статья, в которой позиция Ярошенко по-прежнему была отнесена в разряд «порочных», а автор упрекался в стремлении «ликвидировать политическую экономию», подменив ее «богдановщиной». Статья, подписанная Л. Гатовским, почти дословно воспроизвела формулировки, данные Сталиным в

«Экономических проблемах...». Мы останавливаемся на судьбе Ярошенко вовсе не потому, что считаем его концепцию совершенной (любая научная теория нуждается в обстоятельном разборе), просто здесь, как в зеркале, отразились судьба научного поиска и особенности развития науки в тот период.

В чем же конкретно выражалась названная «немарксистской» точка зрения Ярошенко на проблемы политэкономии социализма?

«...Ключ к правильному теоретическому решению основных вопросов политэкономии социализма, — писал Ярошенко, — я вижу в признании того, что в условиях социализма и коммунизма не существует потребности отраслей народного хозяйства в рабочей силе, а существует потребность людей, работников в отраслях хозяйства (выделено мной. — Е.З.).

Человек как цель экономического прогресса, а не абстрактная «производительная сила» или «трудовой ресурс» — в этом подходе суть поворота, который должен был определить доминанту в развитии и экономической теории, и хозяйственной практики. И не в последнюю очередь — определить место и роль экономической науки в реальной политике. Разность позиций по этому вопросу сам Ярошенко понимал так: «Политическая экономия в условиях социализма изучает и объясняет социалистический способ производства. Изучает и объясняет существующее — точка зрения Л. Гатовского и его единомышленников. Политическая экономия социализма разрабатывает теорию развития социалистического способа производства, теорию развития действительного и с этой точки зрения изучает социалистический способ производства — точка зрения Л. Ярошенко».

Можно было бы рассуждать о преимуществах и ограниченности того или иного подхода к проблемам развития экономической теории. Однако эти рассуждения вряд ли имели смысл в тех условиях, когда монополия «большинства» фактически закрывала право на существование другой точки зрения. Такой способ разрешения общих вопросов не мог не сказаться и на результатах разрешения более частных вопросов.

Частные вопросы касались конкретных проблем хозяйственной практики, организации производства, стиля и методов управления. Все они в конце концов сосредоточились на одной задаче: как обеспечить максимальную эффективность работы предприятий, при которой рост производства сопро-

вождался бы постоянным улучшением качества продукции? Этой проблемой экономисты занимались давно, но с начала 60-х гг. их выступления уже приобрели характер целенаправленной дискуссии. Предметом спора стали предложения харьковского экономиста Е.Г. Либермана, сделанные им на основе анализа опыта работы Экономической лаборатории Харьковского совнархоза и опубликованные в 1962 г. в журнале «Вопросы экономики», а затем и в «Правде» (статья «План, прибыль, премия»). В обобщенном варианте эти предложения сводились к следующему:

1. Современный порядок планирования работы предприятий не заинтересовывает их в эффективной, качественной работе. Одна из причин такого положения — ограничение хозяйственной самостоятельности и инициативы предприятий.

2. Задача расширения инициативы и самостоятельности предприятий может быть решена на основе использования принципа «долевого участия в доходе»: чем больше ценностей создало предприятие для общества, тем большая сумма должна отчисляться в его поощрительный фонд, независимо от того, произведены эти ценности в рамках плана или сверх него.

3. Принцип «долевого участия» реализуется в форме планового норматива длительного действия по рентабельности производства. Формирование нормативов происходит дифференцированно по различным отраслям и группам предприятий, находящимся примерно в одинаковых естественных и технических условиях.

4. Использование нормативов длительного действия позволит оценивать работу предприятий по конечной эффективности, а не по большому числу показателей, детально регламентирующих хозяйственную жизнь предприятий.

5. Дело не в показателях, а в системе взаимоотношений предприятия с народным хозяйством. Необходимы существенные коррективы в порядке планирования производства сверху донизу.

6. Усилить и улучшить централизованное планирование путем доведения обязательных заданий только до совнархозов. Ликвидировать практику разверстки заданий совнархозами между предприятиями «по достигнутому уровню».

7. Планы предприятий после согласования и утверждения объемно-номенклатурной программы полностью составляются самими предприятиями.

8. Необходимо разработать порядок использования **единых фондов поощрения** из прибылей предприятий, имея в виду расширение прав предприятий в расходовании фондов на нужды коллективного и личного поощрения.

Идеи Е. Либермана представляли собой попытку создания концепции «сквозного» совершенствования хозяйственного механизма сверху донизу — от реорганизации централизованного планирования до разработки экономических основ развития производственного самоуправления (принцип «долевого участия»).

Идею «сквозной» экономической реформы разрабатывал тогда целый ряд экономистов. В одном из наиболее проработанных вариантов ее представлял В.С. Немчинов. В его работах мысль о переводе экономики на научные основы управления проводилась в предложениях по построению плановых моделей народного хозяйства (модели расширенного воспроизводства, модели отраслевого и территориального общественного разделения труда, модели планового ценообразования и др.), с помощью которых стал бы возможен расчет различных балансов и оптимумов, в том числе и определение оптимального режима экономического развития на тот или иной период.

«Составление плана — дело расчетное, нное дело — его выполнение», — утверждал В.С. Немчинов, обосновывая целесообразность доведения до предприятий минимального числа плановых показателей, исключая из них большинство, необходимых только как расчетные. Он же активно отстаивал идею введения платы за основные фонды предприятия, перевода материально-технического снабжения на принципы оптовой торговли, переориентации работы экономики с промежуточных на конечные результаты.

Во время дискуссии по статье Е. Либермана именно Немчинов призывал коллег к лояльности и взаимопониманию: «Главное в нашей дискуссии — это выявить, что объединяет сторонников различных точек зрения по обсуждаемому вопросу. Если же мы будем без конца насаживать наши разногласия, решение этого вопроса не сдвинется с мертвой точки». Решение вопроса между тем все-таки сдвинулось, правда, не совсем в том направлении, которое было предложено в начале обсуждения. Дискуссия незаметно сосредоточилась на одной проблеме — проблеме материального стимулирования (привлечение внимания общественности к этому вопросу было признано фактически единственным достоинством выступления Либермана). Научный совет по хозяйственному

расчету и материальному стимулированию производства при Академии наук СССР на своем заседании признал «схему Е.Г. Либермана» в принципе неприемлемой, поскольку ее автор, «нарушив меру и необходимые пропорции, доводит ряд правильных положений до такой их трактовки, которая вместо пользы сулит отрицательные последствия».

Справедливости ради надо отметить, что в критике было и рациональное зерно, например, когда речь шла о недопустимости абсолютизации того или иного показателя учета и оценки работы предприятий. Однако главный пункт обвинений, предъявленных Либерману, заключался в другом: его упрекали не более и не менее как в покушении на основу основ социалистической экономики — централизованное государственное планирование. Здесь мы подходим к очень важному моменту — важному для понимания не только экономической дискуссии первой половины 60-х гг., но и особенностей последовавшей за ней экономической реформы.

Парадоксы хозяйственной реформы 1965 г., половинчатый характер экономических реорганизаций послевоенного времени отнюдь не случайны, если рассматривать их с точки зрения объективных и субъективных пределов возможного. Применительно ко времени 60-х объективная потребность обновления экономической стратегии столкнулась с наличием серьезных барьеров субъективного порядка, которые не позволили провести тогда радикальные преобразования. Эти барьеры создавались прежде всего господствующей экономической концепцией. Ее стержневая идея, основанная на противопоставлении «либо план, либо рынок», определяла особое место централизованного государственного планирования в системе экономических отношений, при котором все споры по вопросу хозяйственной самостоятельности производственных звеньев становились простой формальностью или определенной данью времени перемен. Известна позиция Хрущева, который считал, что «единое централизованное планирование... в социалистическом хозяйстве... должно быть обязательно... Иначе надо обращаться к рынку, тогда... уже не социалистические отношения между предприятиями на основе единого плана, а рыночные... Это — спрос и предложение. Но это уже элементы капиталистические...». И дело здесь даже не в личной позиции Хрущева, а в том, что, согласно существовавшей политической традиции, личная точка зрения лидера — это уже официальная установка, определяющая направление развития и хозяйственной практики, и хозяйственного мышления.

Были попытки выйти за рамки старой экономической концепции. Академик В.С. Немчинов, например, выступая против «коронации» централизованного планирования, в 1964 г. писал: «В современных условиях система всеобъемлющего и всеохватывающего планирования вступает в противоречие с действительностью. Хозяйственный процесс непрерывен. Он неадекватен процессу планирования... народного хозяйства». Эту истину хорошо понимали некоторые хозяйственники, которые приходили к осознанию ограниченности принципов плановой разверстки в результате долголетнего практического опыта. Они высказывались за практическую апробацию идей Е. Либермана, а руководители Воронежского совнархоза, например, выступили с конкретным предложением «при участии научных работников институтов, в порядке опыта применить на ряде своих предприятий предложения, выдвинутые в статье «План, прибыль, премия». Но опыт, эксперимент получали право на жизнь лишь в том случае, если они не выходили за рамки общепринятой экономической концепции. Отсюда — бесконечные призывы к «совершенствованию», «развитию», «улучшению» хозяйственной практики, и отсюда же — невозможность состыковать неприкосновенность единого централизованного планирования с борьбой против постоянного вмешательства центральных ведомств в деятельность производственных коллективов. В результате «банк идей», созданный усилиями отечественных экономистов, в наиболее конструктивной части оказался неработающим. Предложения по организации оптовой торговли средствами производства, гибкого ценообразования, прямых договорных связей и др., направленные на развитие социалистического товарного производства, получились заведомо обреченными, поскольку их не к чему было приложить. Существующая экономическая теория их активно отторгала, новой создано не было. Дальнейший экономический поиск попадал таким образом в логический тупик: с одной стороны, он направлялся идеей использования стоимостных рычагов в социалистическом хозяйстве, но с другой — существовала непререкаемая позиция, отрицающая связь социалистической экономики с рыночным механизмом (а значит, и с законом стоимости). По-видимому, не найдя выхода из этого тупика, экономическая мысль стала дробиться, склоняться к детализации: экономическая дискуссия, охватившая вначале широкий спектр проблем, постепенно сужалась до спора о показателях эффективности, о «главном» показателе, а затем приобрела ярко выраженную антиваловую направленность.

В результате уже на стартовом уровне возможности будущей экономической реформы оказались существенно заниженными. Политическая ситуация после отставки Хрущева в октябре 1964 г. тоже не способствовала углублению творческого поиска. Самая крупная за послевоенный период реформа опоздала, так как ее практическое воплощение пришлось на тот момент, когда наиболее благоприятное, с точки зрения состояния общественной атмосферы, время для осуществления реформ осталось уже позади.

Казалось, для успеха реформ во второй половине 50-х — начале 60-х гг. были созданы все условия. Общество находилось на эмоциональном подъеме. Общественная мысль сбрасывала одежды старых стереотипов и активно генерировала новые идеи. Появился феномен общественного мнения, способного фокусироваться на узловых проблемах политики и оказывать влияние на выбор политических решений. Центр после завершения довольно длительного периода борьбы за власть наконец приобрел единоличного лидера, способного возглавить процесс социальных преобразований. И тем не менее большинство прогрессивных начинаний, задуманных в те годы, потерпели полное или частичное поражение. Почему так произошло?

Думается, что главная причина неудач реформ 50—60-х гг. заключается в разности потенциала перемен, которым располагало общество, с одной стороны, и его лидеры — с другой. Расхождение в первоначальных устремлениях, которое наметилось между ними в ходе предварительной работы 1953—1955 гг., в дальнейшем углублялось и конкретизировалось, мешая достигнуть взаимоприемлемого компромисса. Общество всегда ждало от лидеров больше, чем те стремились ему дать. Поскольку же принципиальные политические решения (как, например, решение о культе личности) носили не вполне законченный характер, общественная мысль и общественное мнение развивали их до пределов ожидаемого, радикализируя и уточняя первоначальный замысел. Подобная трансляция почти всегда встречала сопротивление правящего центра, который за расширительной трактовкой своих решений видел (и не без основания) угрозу собственной власти. Поэтому, едва приняв решение, центр предпринимал действия, ограничивающие свободу его применения. В результате общество (прежде всего интеллектуалы) постоянно попадало в ситуацию обманутых надежд. Политические реформы, не касающиеся всерьез проблем власти, успеха не имели.

Социальные реформы, направленные на подъем жизненного уровня, несмотря на известную отдачу, тоже не прибавили авторитета руководству страны, но уже по другой причине: приносила свои неизбежные плоды патерналистская политика.

Реорганизации системы управления экономикой (из них самая крупная — создание совнархозов) часто несли в себе рациональное зерно, но вырванные из общего контекста преобразовательной политики (которая отличается, например, тем, что требует точного программирования как самих реформ, так и их возможных последствий), они сформировали достаточно серьезную оппозицию реформам среди слоя управленцев. Хозяйственные реорганизации и непоследовательность Хрущева в вопросах политики и идеологии, который то шел навстречу либеральной интеллигенции, то вставал на сторону более консервативно настроенного аппарата, способствовали усилению влияния номенклатурной оппозиции.

В то же время пределы возможного, которые продемонстрировал Хрущев в последние годы своего пребывания у власти, лишили его кредита доверия той части общества, которая сначала безусловно поддерживала новый курс лидера. Частые смены курса, обилие начинаний, которые как паллиативы были малорезультативны, постепенно сформировали в обществе комплекс усталости от реформ, тягу к стабильности и порядку. Этот комплекс стал социально-психологической основой, обеспечившей заинтересованным политическим силам победу не только над Хрущевым, но и в конечном счете над политикой реформ вообще.

Глава 9

К новой модели общественного устройства

§ 1. Советское общество на переломе

Социокультурные предпосылки кризиса. Шестидесятые годы стали переломными в истории советского общества. До этого времени сложившаяся в СССР модель хозяйствования достаточно успешно решала встававшие перед

страной задачи. К началу 60-х гг. в Советском Союзе ценой огромных усилий и жертв был создан мощный индустриальный и научный потенциал. Только на территории Российской Федерации функционировало свыше 400 отраслей и подотраслей промышленности, включая авто- и кораблестроение, нефтехимию и электронику. Страна первой в мире вышла в космос, овладела новейшими военными технологиями. Не менее впечатляющим результатом ускоренной модернизации по «социалистическому проекту» стала демографическая революция, изменившая жизнедеятельность и характер естественного воспроизводства населения. Советское общество стало не только индустриальным, но городским и образованным.

По данным ЮНЕСКО, в 1960 г. СССР делил 2—3-е место в мире по интеллектуальному потенциалу страны. Доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80% (1928) до 25% к концу 60-х гг., а в промышленности и строительстве возросла с 8 до 38%. Соответственно изменилась и структура валового национального дохода: доля промышленности и строительства увеличилась с 29 до 42%, а сельского хозяйства, наоборот, уменьшилась с 54 до 24%.

Тем не менее к середине XX в. модернизирующие процессы в СССР были далеки от завершения. Советский Союз еще не был подлинно индустриальной державой. И в экономике, и социальной сфере оставалось много архаичных, доиндустриальных черт.

Экономика была плохо сбалансированной, требовала для своего роста постоянного наращивания производственных ресурсов. Тяжелая и сырьевая отрасли промышленности, а также военно-промышленный комплекс, представлявший собой «государство в государстве», совершенно замкнутую технологическую группу, развивались успешно, чего нельзя было сказать о гражданских отраслях машиностроения, практически лишенных притока новейших технологий и обреченных на отставание.

К 1970 г. СССР превосходил США по уровню производства угля, кокса, тракторов, цемента. Железной руды, к примеру, добывалось в 6 раз больше, чем в США, и примерно во столько же раз меньше производилось предметов потребления.

Гипертрофия добычи ресурсов и первичной обработки тяжелого машиностроения определяли максимальную энергоемкость производства. На Западе для производства одного килограмма потребляемой человеком продукции расходовалось

лось четыре килограмма исходного материала, а в СССР — сорок.

Хронически отставал аграрный сектор экономики. Страна, имея более половины мировых площадей черноземов (в 1985 г. площадь всех сельхозугодий СССР составляла 607,8% млн. га, из них 227,1 млн. га пашни), не могла накормить население, создать надежную базу для развития индустрии и сферы услуг.

При достаточно высоком удельном весе валового внутреннего продукта СССР, составлявшего 10% мирового, на долю СССР приходилось лишь 4% объема мировой торговли, тогда как на долю США — около 14%. Замкнутость стала своего рода официальной доктриной, вытекавшей из идеологии «вражеского окружения». Мировая экономика по-прежнему рассматривалась как источник неприятностей и бед, а независимость от нее представлялась громадным достижением.

Таким образом, советская экономика носила автаркический и «самоедский» характер, ее большая часть работала не на человека, а на себя. Не меньшую опасность для будущего развития советского общества представляли диспропорции, подспудно накапливавшиеся в социальной сфере.

В результате форсированной урбанизации численность городского населения быстро росла, но советское общество по-прежнему оставалось полугородским, несло на себе печать промежуточности, маргинальности. Советские люди в своем большинстве были горожане в первом поколении: наполовину или четверть крестьяне. Вырванные индустриализацией из своих родных мест, оказавшись в совершенно новой и чуждой для них городской среде, они довольно быстро обнаружили отсутствие навыков самостоятельного участия в общественной жизни, недостаточную гражданскую зрелость. Советская урбанизация не сопровождалась также формированием полноценной городской среды, ростом динамичного, инициативного и экономически независимого среднего класса, хранителя городской культуры и одновременно создателя новых духовных ценностей.

В период с начала 60-х до начала 80-х гг. при росте численности населения почти на 25% (по переписи населения 1959 и 1979 гг.) наметилась устойчивая тенденция к снижению рождаемости и увеличению смертности населения. Прирост численности населения СССР за эти годы происходил за счет народов Средней Азии: более 100% имели узбеки, туркмены, таджики, близко к ним стояли азербайд-

жанцы, казахи; 40% имели грузины, армяне, молдаване. Наиболее низкий прирост наблюдался у русских (20%), украинцев (13%), белоруссов (19,5%), литовцев, латышей, эстонцев.

В эти годы продолжался, постепенно затухая, структурный сдвиг в занятости и расселении населения. Миграция сельских жителей в города и на «ударные стройки» составляла около 2 млн. в год. Из деревень в города переселилась еще 1/5 населения страны. Если в 1939 г. в городах проживало 60,4 млн. человек, то к началу 1980 г. городское население страны насчитывало уже более 163 млн. Переход значительной части населения из разряда сельских жителей в городские существенно сказался на развитии общества в эти годы. Культурный мир новых горожан резко изменился за счет доступа к новым видам и формам труда, к более сложным урбанизированным отношениям, но сами города приобрели новые черты. Одним из свидетельств этого стало широкое распространение зародившейся в годы первых пятилеток специфической барачной субкультуры с соответствующим типом «промежуточного», маргинального человека.

С 1970 по 1985 г. численность рабочих в стране увеличилась на 16,8 млн. человек, что более или менее обеспечивало возможность экстенсивного развития экономики. Однако сверхиндустриализация исчерпала возможности человеческих ресурсов, создав тем самым естественный предел для развития экономики вширь. Из года в год прирост трудовых ресурсов в промышленности сокращался, а их качество неуклонно снижалось. В общей численности рабочих и служащих в начале 80-х гг. женщины составляли 51%, тогда как даже в послевоенном 1950 г. этот показатель был равен 47%. В стране насчитывалось около 20 млн. инвалидов, более 21 млн. алкоголиков, 5,3 млн. человек страдали различными психическими заболеваниями.

В эти годы быстро росла численность интеллигенции. Высшее образование имело высокий престиж, и это способствовало тому, что основная часть молодежи после окончания средней школы устремлялась в вузы. В начале 80-х гг. специалисты, получившие высшее и среднее специальное образование, составляли 32,7% городского населения. В результате возник определенный дисбаланс рабочих мест — технические и инженерные должности в городах были заполнены с избытком, зато образовались вакансии рабочих мест, не требующих особой квалификации и связанных в основном с физическим трудом. Ставка на всеобщую автоматизацию процесса производства в этот период себя не оправдала. Труд

инженерно-технических работников начал постепенно обесцениваться. Уравниловка при оплате труда в течение многих лет способствовала тому, что даже высококвалифицированные рабочие начинали терять интерес к труду. В научно-исследовательских институтах работа большей части сотрудников сводилась к «отсиживанию» на рабочем месте, их потенциал оставался не востребуемым, в результате — потеря квалификации и деградация специалистов.

Этот процесс усилила система жесткого распределения молодых специалистов. Получая по «разнарядке» выпускника вуза или техникума, предприятие не могло обеспечить его работой по специальности и вынуждено было его использовать на «подхвате» для выполнения технической или неквалифицированной работы. Ввиду оттока большого числа людей из сельской местности там стали возникать трудности из-за нехватки рабочих рук. В результате получила большое распространение практика «шефской помощи» колхозам и совхозам.

Многие годы советское общество было одним из самых мобильных в мире. Доступное всем слоям бесплатное образование открывало перед каждым широкие возможности для продвижения. В то же время, в силу сохранявшегося все годы Советской власти внеэкономического принуждения, оно оставалось по существу сословным. Внеэкономический силовой характер перекачки людских ресурсов государством порождал и закреплял жесткую систему социальных рангов и статусов. Юридически они не были закреплены. Место правового закреплённого социального статуса заняло идеологическое и партийное. Человек продвигался вверх или спускался вниз по социальной лестнице в зависимости от идеологической лояльности и партийности. Особые функции социальных групп, их фактическое правовое неравенство вели к уничтожению «социальных лифтов», к все большей замкнутости этих групп, превращению их в касты.

Таким образом, отягощенная грузом многочисленных неразрешимых противоречий, советская система оказалась объективно не готова к глобальным переменам в характере и тенденциях развития мировой экономики, человеческой цивилизации в целом, начавшимся на рубеже 50—60-х гг.

Компьютерная революция, означавшая начало нового этапа НТР, совпала во времени с мировым энергетическим кризисом, многократным подорожанием нефти и других энергоносителей.

Технологическое отставание не позволило СССР быстро наладить выпуск нового поколения ЭВМ — персональных компьютеров. В течение долгого времени работа советской промышленности оценивалась главным образом по количественным показателям. В таких условиях промышленность и наука мало нуждались друг в друге, с одной стороны, предприятия не предъявляли постоянного спроса на научные разработки. С другой стороны, ученые, не имея спроса на свою «продукцию», часто занимались никому не нужной тематикой. Вследствие этого, несмотря на рост расходов на научные разработки из государственного бюджета, советская наука неуклонно теряла позиции даже в таких областях, где ранее лидировала. Высадка в июле 1969 г. на поверхность Луны американских астронавтов во главе с Н. Армстронгом закончила с лидерством Советского Союза в освоении космического пространства. За весь послевоенный период советские ученые получили в 14 раз меньше Нобелевских премий, чем американские ученые, хотя в научной сфере СССР было занято почти в два раза больше сотрудников.

«Отставание в развитии и использовании вычислительной техники, — констатировал впоследствии академик Н.Н. Моисеев, — было на самом деле симптомом, точным индикатором абсолютно смертельной болезни».

Мировой кризис обнажил (пока главным образом для внешних наблюдателей, поскольку внутри страны симптомы кризиса, а тем более необходимость смены общественного строя мало кто ощущал) односторонность, а в конечном счете тупиковость советской модели модернизации, во многом повторявшей черты и формы дореволюционных, имперских моделей модернизации, в ряде принципиальных моментов углублявших их недостатки.

Как и до революции, государство, власть, «верхи», а не общество, народ являлись главным инициатором и проводником реформ. Необходимость догнать Запад диктовала более высокий темп индустриализации, огромные инвестиции в тяжелую индустрию. Это в конечном счете оборачивалось неразвитостью социальной сферы и общественных сил, заинтересованных в переменах, закрывало всякую легальную возможность формирования и деятельности оппозиции.

В условиях «догоняющего развития» Советская власть во имя грядущего торжества равенства и социальной справедливости абсолютизировала российские традиции коллективизма, соборности, основанные на полновластии большинства

ва, признававших только «мы», исключавших несогласие и тем более оппозицию.

Без сдерживающего фактора индивидуализма в советском обществе, без демократических свобод, при отсутствии гражданского общества в СССР произошла подмена цели средствами, главной жертвой которой стала свобода как необходимое, хотя и не единственное условие развития человека, его инициативы и предприимчивости.

Вместо расширения индивидуальных и коллективных свобод, являвшихся сутью всех органических модернизаций в мире, целью советской модернизации в 30—50-е гг. становится выборочное заимствование технических и организационных достижений более развитых западных стран. Без соответствующих им естественных форм жизнедеятельности западных обществ, таких, как рынок, гражданское общество, правовое государство, технические и технологические заимствования лишь маскировали прогрессирующее отставание СССР от передовых стран Запада, ставили его в заведомо проигрышную позицию вечно догоняющего.

Советская система могла быть и была эффективной до тех пор, пока внутренняя потребность в свободе для советских граждан была минимальной и вполне замещалась потребностью в равенстве, пусть даже и в нищете. Пока свобода граждан и экономики не была фактором выживания системы.

Ситуация кардинально меняется к началу 70-х гг. Многократное подорожание энергоносителей заставило развитые государства мира быстро осуществить структурную перестройку промышленности, перейти на новую организацию производства, освоить ресурсосберегающие и так называемые «высокие» технологии.

Советская модель хозяйствования, лишенная гибкости и внутренних импульсов саморазвития, не смогла ответить тем же: обеспечить в новых условиях высокую эффективность и социальную направленность экономики. Идеологические догмы и непосредственно связанные с ними ограничения на свободу слова, передвижения (в секретной части постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР» имелись статьи, запрещающие, в частности, политическим заключенным возвращаться на прежнее место жительства, и т.п. ограничения), индивидуальный выбор по своей сущности противоречили главному

императиву НТР — наличию в обществе инициативной, самостоятельной, думающей личности.

Преобладание в советском обществе «спартанского» типа личности, ориентированной на указания «сверху», строгое выполнение санкционированных государством ролей, вопреки всем партийным установкам блокировало «разворачивание НТР», современных гражданских производств в стране. Закрытость советской системы, недемократичность, отсутствие в ней обратных связей между властью и народом неотвратимо вели ее в тупик. Уже в 60-е гг. начинается медленное, но верное саморазложение системы. Прежде всего меняется социальный вектор развития. Сутью своеобразного, молчаливого соглашения между брежневским режимом и населением СССР становится ориентация общества на потребительские стандарты, «потребительское» общество. Ко времени провозглашения «эпохи развитого социализма» в Советском Союзе происходит становление нового типа личности с иной, чем прежде, иерархией ценностей. На смену «спартанскому» типу с потребностями «ссылнопоселенца», с четким делением людей на своих и чужих, человеку-винтику приходит человек, нуждающийся в целом мире вещей, ценностях семьи, самоуважении. Потребности нового социального типа личности в автомобилях, дачах, дорогой электронике, модных вещах и украшениях, объективно возникающие в силу усложняющегося общественного производства, переходу от коммуналки к отдельным квартирам, «демонстрационному эффекту» западных потребительских стандартов, ни по масштабам средней зарплаты советского человека, ни по производственным возможностям советской бюрократизированной и милитаризированной экономики не могли быть в те годы удовлетворены. Реальностью начала 70-х гг. становится их трудноразрешимый в рамках существующих отношений конфликт.

Внутренние потребности общества в большей свободе граждан в плюрализме мнений и деятельности находят в 70-е гг. отражение в появлении новых параллельных структур и в экономике, и в социальной организации советского общества, и в идеологии. Наряду с «плановой» централизованной экономикой укрепляются «цеховики», разрастается «теневая экономика», дающая возможность распределения продукции и доходов в соответствии с предпочтениями потребителей; рядом с официальной атеистической коммунистической идеологией возникает разноликое диссидентство, наряду с ра-

бочим классом, колхозным крестьянством — предпринимательские слои, номенклатура.

Вялая борьба брежневского режима с этими «чуждыми социалистической системе элементами» придает им уродливый, криминальный характер, но не останавливает разложение системы.

Ростки гражданского общества. Важнейшим следствием хрущевской либерализации становится резкое возрастание в советском обществе критического потенциала, кристаллизация независимых от государства ростков, разрозненных элементов гражданского общества. Начиная с конца 50-х гг. в Советском Союзе образуются и заявляют о себе различные идейные течения, неформальные общественные объединения, оформляется и крепнет общественное мнение. Именно в духовной сфере, наиболее устойчивой к тотальному государственному вмешательству, в эти годы происходит быстрый рост элементов и структур гражданского общества. Другая важная особенность этого процесса, обусловленная стремлением Советского государства к полной управляемости, контролируемости, планируемости общественной жизни, — быстрая эволюция независимых общественных сил — от попыток улучшения советской системы, борьбы с отдельными ее недостатками к различным формам сопротивления диктату государства и, наконец, отрицанию в целом «социалистического» общественного строя.

Нелегитимность альтернативных официальным отношений, структур, форм поведения заранее лишала их широкой общественной поддержки, обрекала зарождающиеся гражданские структуры на односторонность, конфликтность, маргинальность. Противостояние брежневскому режиму в 70-е гг. — удел отдельных личностей или крайне малочисленных групп граждан. Они начиная с середины 50-х гг. пытались сформулировать общие требования в социально-экономической области. Группы Краснопевцева и генерала П. Григоренко в Москве, «Колокол» в Ленинграде в своих программах и распространяемых листовках выставляли требования свободы слова, печати, освобождения политзаключенных, повышения заработной платы рабочим и стипендий студентам, улучшения жилищных условий. Инициатором создания первого в СССР независимого профсоюза стал донбасский инженер В. Клебанов. Нелегальность положения групп делала их деятельность неэффективной. Информация о них доходила до общественности в искаженном и фрагментарном виде.

В основе позиции большинства людей, причислявших себя к «детям XX съезда», лежало искреннее убеждение, что открытая конфронтация с властями — удел одиночек, ненужная бравада. Свое предназначение они видели в повседневной конструктивной работе на пользу отечества. Одной из распространенных форм критического осмысления действительности, демократизации советской системы становятся письма в различные правительственные инстанции, прессу, на радио. Их авторы требовали введения конституционных гарантий против нового культа личности, права «безбоязненно мыслить и высказывать свое мнение».

Толчком к поляризации общественного сознания стал судебный процесс в феврале 1966 г. над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем, обвиненными за публикацию на Западе (под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак) литературных произведений критической направленности.

Процесс над писателями стал мощным катализатором диссидентского движения, различных форм гражданской активности. Он способствовал дальнейшему формированию в стране общественного мнения. В распространении «самиздата», сборе правозащитной информации, помощи репрессированным принимали участие многие сотни человек. Еще большее число людей пользовалось правозащитной информацией и литературой. В 60-е—70-е гг. в «самиздате» выпускаются многочисленные машинописные литературные и общественно-политические журналы: «Вече», «Поиски», «Память» — в Москве, «Сигма», «37», «Часы» — в Ленинграде и многие другие. Через «самиздат» и «тамиздат» советское общество начало познавать себя, осваивать забытое культурное наследие, знакомиться с передовой зарубежной мыслью. С их помощью опальный физик А. Д. Сахаров смог первым поднять вопрос о цивилизационном отставании России от Запада. На страницах «самиздатовских» изданий летом 1968 г. появились его «Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе», благодаря которым тысячи соотечественников стали сторонниками теории конвергенции, т.е. мирного сближения социализма и капитализма, слияния их в единое открытое плюралистическое общество. Чуть раньше определяется еще одно альтернативное официальному направление общественной мысли — приверженцы «настоящего социализма», «социализма с человеческим лицом», историк Рой Медведев и его сторонники видели несовершенство советского общества в недостаточной его демократизации и считали возможной его модернизацию и реформи-

вание. Массовое разубеждение в способности советского общества к демократизации после подавления «пражской весны» создало почву для «неославянофильского» направления общественной мысли. Его знаменем становится к середине 70-х гг. А.И. Солженицын. Идеи возвращения к дооктябрьским понятиям и ценностям — православию, сословной беспартийной монархии, величию России, семье — находят определенную поддержку в общественном мнении. Тогда же начинается постепенный отход сторонников русского национального движения от правозащитников, большинство которых разделяли либеральные ценности.

С середины 70-х гг. начинается новый — «хельсинкский» — этап диссидентского и правозащитного движения. В мае 1976 г. физиком Юрием Орловым была создана общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, которая собирала и анализировала материалы о нарушениях прав человека в стране и направляла свои отчеты правительствам всех стран — участниц соглашения, в советские государственные органы. В сфере правозащитной деятельности в 70-е гг. формируется целый ряд независимых от государства организаций: Инициативная группа защиты прав человека (май 1969 г.), Комитет прав человека (1970), Московская и республиканские группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений (начиная с 1976 г.), Комитет защиты прав верующих, Комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. Важнейшей функцией диссидентского движения в СССР было формирование и сохранение определенных общественных идеалов, утверждение самооценности и суверенности личности. «Диссидентские» лозунги гласности, демократизации общественной жизни, создания правового государства, радикальной реформы в экономике, открытого общества находили отклик в среде писателей, философов, художников. Правственным ориентиром в литературе до 1970 г. оставался руководимый А. Твардовским журнал «Новый мир», важным событием духовной жизни стали публикация журналом «Москва» романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». В эти годы театр становится мощным средством противостояния господствующему конформизму. Пользуясь любой возможностью, прогрессивные режиссеры пытались откликнуться на важнейшие события общественного бытия.

В 70-х — начале 80-х гг. вновь возрождающееся гражданское общество делало лишь первые, робкие шаги. Укорененность в народе советских реалий, мощь репрессивной госу-

дарственной машины сдерживали процесс становления независимых от государства институтов. Как следствие этого, советское общество на рубеже 80-х в массе своей ещё не переросло старые социокультурные рамки. Для кардинального, революционного перехода общества в новое состояние требовалась внешняя сила. Такой силой стал правящий класс.

Новый класс у власти. В 30—50-е гг. главным субъектом модернизации в СССР являлось государство в лице И.В. Сталина и очень узкого круга его соратников из числа членов Политбюро ЦК, а главным ее критерием и ориентиром — «военная мощь» и «динамика развития».

В 60—70-е гг. ключевая роль в управлении советским обществом, определение характера и темпов его развития переходят к «новому классу», классу управляющих. После отстранения Н.С. Хрущева от власти происходит окончательное формирование этого класса как мощной политической силы. И в сталинский период высший слой партийных и хозяйственных функционеров был наделен огромной властью и привилегиями. Тем не менее в те годы отсутствовали признаки целостности, сплоченности и, следовательно, консолидации номенклатуры как класса. Шаг за шагом этот привилегированный слой укреплял свое положение. Идея сохранения власти, расширения льгот и полномочий спланировала, объединяла его ряды. Однако до середины 50-х гг. любой самый высокопоставленный представитель «нового класса» был лишен личной безопасности, испытывал постоянный страх за свою судьбу, свою карьеру, целиком зависел от воли «хозяина». Сталин репрессиями и подачками держал номенклатуру «в узде», блокировал ее стремление «приватизировать» свою власть, превратить ее в собственность. Не в малой степени этому способствовала и коллективистская коммунистическая идеология, вера революционеров первого призыва в скорое осуществление идеала социального равенства.

Но чем больше появлялось у правящего слоя материальных возможностей, чем больше деградировала революционная идеология, тем острее становилась потребность в настоящей собственности не только на предметы потребления, но и на промышленные и сельскохозяйственные предприятия и землю. К тому же и сами привилегии — госдачи, персональные автомашины, спецпайки — имели относительный статус: их нельзя было передать детям в качестве наследства.

После смерти Сталина «правлящий класс» освобождается от страха за собственную жизнь, обретает стабильность. С приходом Брежнева к власти номенклатура освобождается от многих моральных запретов. Основную часть аппарата 60—70-х гг., управляющего партией и страной, составляли люди, начинавшие карьеру после репрессий 30-х гг. В отличие от большевистских руководителей первого призыва они были лишены фанатической веры в социальную справедливость. Основу «нового класса» составлял высший слой партийных функционеров. В 60 — 70-е гг. ряды «класса управляющих» расширяются за счет верхушки профсоюзов, ВПК, привилегированной научной и творческой интеллигенции.

Его общая численность достигает 500—700 тыс. человек, а вместе с членами семей — порядка 3 млн., т. е. 1,5% всего населения страны.

Новое поколение номенклатуры несло с собой и новые настроения. По уровню общей культуры, профессиональным знаниям оно было на голову выше старого поколения: все имели высшее образование, а многие и ученые степени, неоднократно бывали на Западе, пользовались плодами «потребительского общества». Для нового поколения правящего класса марксистская идеология была лишь привычной риторикой.

Соответственно меняются и представления номенклатуры о характере развития советского общества. Новые элементы, внесенные в социалистическую систему в годы хрущевской «оттепели» и хозяйственной реформы 1965 г., такие, как социалистическая законность, материальное стимулирование, хозрасчет, прибыль, расширили диапазон возможных путей развития советского общества в рамках официальной доктрины. Если в середине 60-х гг. номенклатура предпочитала стабильное, даже стагнирующее развитие (к каким бы кризисным последствиям оно ни вело), то в 70-е гг. сначала такой целью становится «социалистически оформленная модернизация», т. е. постепенная трансформация существующего общества, не требующая слома режима и других серьезных потрясений, а затем и «неидеологическая модернизация». «Давайте решим, как правильно делать, — предлагал на лекциях известный профессор А. Бирман, — а цитаты из классиков мы подберем».

Не менее важная трансформация происходит в эти годы в распределении функций и, следовательно, реальной власти внутри правящего класса. Уже к концу хрущевского «великого десятилетия» возникли многочисленные корпоративные структуры со своими интересами и рычагами власти.

В партийных органах формировались «министерские лобби», на предприятиях действовали «толкачи», которые «пробивали» для своего министерства, региона, предприятия фонды, капитальные вложения, заниженные плановые показатели. Хозяйственная элита в условиях всеобщего дефицита, имея на руках материальные, финансовые и трудовые ресурсы, реально формировала и направляла власть, участвовала в выработке политического курса страны. В борьбе за свои интересы верхний эшелон хозяйственников широко опирался на работников своих отраслей экономики. Рядовые строители и ИТР Минводхоза не меньше чиновников были заинтересованы в реализации разорительного для страны и губительного для природы проекта переброски стока великих сибирских рек на юг. Реализация этой «стройки века» гарантировала бы им на многие годы работу и повышенную зарплату.

Монопольные, корыстные интересы хозяйственников и региональной элиты, усилившиеся в результате хрущевских реформ, ослабляли власть центра, разрушали монолитность, целостность советской системы.

Импульсивные реформаторские действия Хрущева, который чувствовал, что власть уходит из рук, во многом определялись именно этим обстоятельством.

Под воздействием хозяйственных элит (особенно из ВПК) более прагматичными становятся идеологическая и региональная элиты, которые все более ориентировались на динамическое развитие экономики страны и социальную стабильность. Таким образом, советский правящий класс, несмотря на острую борьбу и разногласия составляющих его элит, становится все более сплоченной социальной группой, реально осуществляющей свое всевластие в стране.

Созданная брежневским руководством атмосфера безнаказанности и вседозволенности окончательно меняет общественную психологию и поведение правящего класса. Формируется закрытый для посторонних «свой круг», в котором поддерживалось ощущение собственной исключительности, пренебрежительное отношение к нравственным ценностям, к простым людям.

«Обкомовские чиновники, — констатирует в своем дневнике публицист И. Дедков, — в большинстве были важны и как бы заключали в себе некое преимущество перед прочими. Это было написано на их лицах: они знали и ведали то, что не знали и не ведали мы».

У многих высокопоставленных руководителей накапливались уже не предметы потребления, а капиталы. Сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, искренне считавший, что в стране «на зарплату» никто не живет, коллекционировал иностранные автомобили. Использовал власть для личного обогащения министр внутренних дел Н. А. Щелоков.

Погрязли в коррупции Узбекистан, Казахстан, Киргизия, где огромные суммы денег перекачивались в виде взяток в карманы первых секретарей обкомов и их окружения. Так называемое «узбекское дело» раскрыло масштабы их коррумпированности в 80-е гг.

Главным источником обогащения, «предпервоначального» накопления капитала правящего класса в 60-х — начале 80-х гг. становятся всевозможные злоупотребления должностями, систематические взятки, приписки, протекционизм, «зоны вне критики». Хозяйственная реформа 1965 г., оживившая товарно-денежные отношения в стране, дала мощный импульс собственническим ориентациям номенклатуры. Крупные расхитители, взяточники перестают скрывать нажитое нечестным путем богатство, а охотно выставляют его напоказ. Возрастают значимость и цена людей «полезных», способных что-либо достать и чем-либо помочь. Через систему привилегированного образования, а затем и назначений и выдвижений по службе «новый класс» пытается создать систему передачи власти или хотя бы привилегий по наследству.

Следующим закономерным шагом перерождения советской правящей элиты становится фактический переход высших государственных чиновников, министров, директорского корпуса от роли управляющих «социалистической» собственностью к положению ее реальных хозяев. К середине 80-х гг. окончательно сформировавшийся «новый класс» по существу уже не нуждался в общественной собственности и искал выход для возможности свободно управлять, а затем и владеть собственностью своей, личной, частной

§ 2. Новые попытки модернизации страны

Реформы экономики 60-х — 70-х гг. Объективная необходимость кардинальных, революционных, а не эволюционных перемен в советской экономике назрела уже к концу 50-х — началу 60-х гг. Оторванность планирования от

жизни, отраслевого управления от регионального, монополия производителя в условиях всеобщего дефицита, незаинтересованность предприятий в научно-техническом прогрессе — все это требовало коренных преобразований уже тогда.

Экономическая реформа 1957 г. не улучшила положение в народном хозяйстве. Оно развивалось экстенсивно, ресурсоемкость экономики нарастала, а эффективность падала. Серьезных структурных изменений также не произошло. Главным предметом экспорта по-прежнему оставались нефть и другие виды сырья.

Уже в конце 50-х гг. отчетливо обозначился спад темпов экономического развития. Замедлился рост национального дохода. В 1961—1965 гг. он вырос всего на 5,7%. Это было намного меньше, чем в предыдущую пятилетку, и недостаточно для решения основных социально-экономических задач. В эти же годы за счет роста производительности труда было получено лишь 62% прироста промышленной продукции, а 38% — за счет быстро возрастающей численности рабочих. Все это свидетельствовало об отсутствии заинтересованности предприятий в эффективном использовании основных и оборотных фондов, во внедрении достижений научно-технического прогресса.

К началу 60-х гг. экономистам и руководителям производства стало ясно, что хозяйственный механизм устарел. Для преодоления «временных» трудностей требовались иные методы управления экономикой, иные принципы планирования. Из центра было невозможно путем прямого администрирования управлять десятками тысяч промышленных предприятий и организаций. В связи с этим проблема совершенствования управления и планирования становится главной в научных дискуссиях, развернувшихся в конце 50-х — начале 60-х гг. Математическая школа (Л. Канторович, В. Немчинов, В. Новожилов) сосредоточивается на поиске «оптимального планирования», вновь в научный оборот вводятся такие ранее отвергнутые понятия, как полезность, редкость, маржинальный счет. После статьи в газете «Правда» в 1962 г. Е. Либермана в прессе разворачивается дискуссия о возможности использования прибыли в качестве критерия эффективности работы предприятия. Часть ученых доказывала необходимость перехода к экономическим методам управления, активизации товарно-денежных отношений.

Необходимость перемен ощущало и советское руководство. Венгерское восстание и польские события 1956 г. недвусмысленно предостерегали против бездействия. Непосле-

довательные, хаотичные реформы Н.С. Хрущева не заложили прочной правовой и политической основы для последовательной и эффективной модернизации. 14 октября 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрушев был смещен со всех государственных и партийных постов и отправлен на пенсию. По существу, его смещение отвечало глубоким интересам и потребностям общества. Однако сделано это было тайно от народа, без гласного обсуждения и анализа уроков реформ. Главным результатом противоречивого десятилетия стало утверждение в стране более свободной атмосферы, в жизнь вошло поколение людей, не знавших тотального страха.

Официально провозглашенный после октября 1964 г. курс нового руководства на дальнейшее развитие социалистической демократии, освобождение партии от несвойственных ей хозяйственных функций, на научное руководство обществом был заранее обречен на неудачу. Назначенный первым секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежнев представлял собой полную противоположность Хрущеву своей смелостью, жаждой новизны и перемен. И по характеру, и по интеллекту Брежнев не обладал качествами руководителя великой державы, необходимыми для реализации коренного обновления общества. Брежнев не был теоретиком, не задумывался глубоко над стратегией и перспективами развития страны. Он, по отзывам ближайшего окружения, не любил, когда ему предлагали слишком «теоретизированные» фрагменты в проектах его речей и выступлений. Отсюда и такие качества нового лидера, как исключительная осторожность при принятии серьезных решений, постоянная потребность выслушивать советы. Брежнев оказался у руля Советского государства в результате сложного переплетения политических сил. Многие в руководстве страны рассматривали его как временную фигуру. В стране ощущалась усталость от нововведений Хрущева. Слабость Брежнева как руководителя открывала широкие возможности для всевластия партийно-государственной бюрократии. Ее социальный заказ состоял вовсе не в том, чтобы в интересах народа «строго соблюдать ленинские нормы партийной жизни и принципы коллективного руководства», устранить волюнтаризм и субъективизм, а в обеспечении ей режима наибольшего благоприятствования. Выдвинутый Брежневым лозунг «стабильности» означал отказ от всяких попыток радикального обновления общества. В руководстве республик и областей, министерств практически прекратились перемещения. Глубинные причины кризисных явлений продолжали действовать.

Встав во главе партии и советского общества, Брежнев и сформированная им «команда» на первых порах вынуждены были продолжать курс XX и XXII съездов КПСС. Вновь был провозглашен принцип коллективного руководства. На смену поспешным реорганизациям народу были обещаны научно обоснованные долгосрочные комплексные программы.

В стране возникло мощное технократическое движение, повсеместно велись разговоры о способах совершенствования управления хозяйством, научной организации труда (НОТ), автоматизированных системах управления, изучался зарубежный опыт менеджмента. Именно тогда впервые всерьез заговорили о ценовой реформе, призванной привести в соответствие с требованиями НТР стоимостную структуру производства и цену рабочей силы. Искусственная дешевизна рабочей силы, доставшаяся в наследство от сталинского времени, низкая зарплата приводили к тому, что предприятиям было невыгодно внедрять новые технологии, проще и дешевле было нанять новых людей для ручных операций. В результате в промышленности почти половина людей была занята на подсобных работах, что не соответствовало требованиям времени.

Вокруг Л.И. Брежнева на начальном этапе его деятельности образовалась группа прогрессивных советников, в которую входили Г. Арбатов, Н. Иноземцев, А. Бовин. Брежнев называл их «мои социал-демократы». Воодушевленные идеями перемен, специалисты с энтузиазмом работали над проектами реформ, но вскоре эта деятельность начала затухать: система быстро дала понять, что даже самые правильные директивы реально мало что могут изменить. Тем не менее вскоре после отстранения Хрущева от власти была реабилитирована генетика. В феврале 1965 г. президент АН СССР М.В. Келдыш решительно осудил Т. Лысенко, августовскую сессию ВАСХНИЛ 1948 г. и административные меры, которые за ней последовали. Наконец, стала возможной открытая научная критика так называемой мичуринской биологии.

Были исправлены некоторые «волюнтаристские» ошибки прежнего руководства, главным образом не устранившие партийно-государственную бюрократию.

Выбор дальнейших путей развития страны происходил в условиях противоборства мнений в верхнем эшелоне власти. Одна его часть во главе с А.Н. Шелепным ориентировалась на консервацию сложившихся методов руководства, другая (секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов и др.) предлагала достаточно емкую программу преобразований, включавшую в

себя и экономическую реформу, и развитие демократии и самоуправления, и прекращение бессмысленной гонки вооружений, и выход СССР на мировой рынок с целью приобщения к новым технологиям.

В конечном счете победил умеренно-консервативный курс, который разделял и Брежнев. Новый курс опирался на настроение тех слоев общества, чьи ожидания не оправдались в хрущевское десятилетие и которые теперь требовали наведения «твердой рукой» порядка.

Итоги общественных дискуссий подвел сентябрьский (1965) Пленум ЦК КПСС, поставивший задачу существенно изменить соотношение между административными и экономическими методами управления в пользу последних. Таким образом, изначально речь шла о полумерах. Реформа не меняла основ административно-командной системы. Адресное директивное планирование не устранялось, но ограничивалось всего несколькими показателями (вместо 30—9), среди которых были объем реализации продукции, фонд заработной платы, прибыль, рентабельность и др. Выполнение плана теперь выражалось не в валовых показателях, а в объеме реализованной продукции, т.е. учитывалось только то, что действительно было продано.

Предприятия получали небывалую свободу: они могли самостоятельно планировать темпы роста производительности труда, снижение себестоимости, устанавливать величину средней заработной платы.

Руководители предприятий получили возможность более свободно распоряжаться имеющейся у них прибылью — можно было использовать эти средства и на повышение заработной платы рабочим. Все это создавало заинтересованность предприятий в рентабельной работе и улучшении экономических показателей.

Процесс освоения нового хозяйственного механизма затянулся на годы. Еще до начала реформы в промышленности были ликвидированы совнархозы, руководство отраслями перешло к вновь созданным министерствам. Были организованы единый Госплан СССР, Госснаб и Госкомцен СССР. Вслед за этим весной 1965 г. была проведена реформа в сельском хозяйстве. Мартовский (1965) Пленум ЦК КПСС принял новый порядок планирования в сельскохозяйственном производстве. Вновь были повышены закупочные цены, сокращены налоги, снимались ограничения с личных подсобных хозяйств, введенные при Хрущеве. Планы закупки стали устанавливать сразу на пять лет. Имея твердый план закупки

на длительный срок, предприятия могли самостоятельно составлять производственный план, определять наиболее рациональную специализацию. На первых порах эта мера способствовала росту сельскохозяйственного производства.

Осенью 1965 г. 43 предприятия легкой и пищевой промышленности были переведены в порядке эксперимента на новые условия хозяйствования. По мере накопления опыта их число расширялось, и лишь к 1972 г. удалось перевести около 90% промышленных предприятий на новые условия работы. Не удалась попытка реформировать строительство. Номенклатуру вполне устраивал такой замедленный ход реформ. Министерства и ведомства работали по-старому. Их аппарат увеличился, возникали новые главки. Но принимать важное решение без согласия с соответствующим отраслевым отделом ЦК КПСС они не могли. В Политбюро часть его членов, включая Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного, полагали, что условия для реформ еще не созрели.

Тем не менее даже медленное, частичное реформирование промышленности дало неплохие результаты. Восьмая пятилетка (1965 — 1970), совпавшая с началом реформ, оказалась лучшей за все послевоенные годы. По официальным (завышенным) данным, валовой общественный продукт увеличился на 43%, национальный доход — на 45%, продукция промышленности выросла на 50%. Происходившее три предыдущие пятилетки снижение темпов роста производства было на время приостановлено.

Инициатору реформ А.Н. Косыгину не удалось осуществить их до конца. В силу многих причин она потерпела крушение, «ушла в песок». В чем же причины неудачи? Их несколько. Прежде всего, даже небольшое расширение самостоятельности позволило предприятиям занижать плановые задания, выбирать более легкие для себя варианты решений. В итоге начался опережающий рост заработной платы по сравнению с ростом производительности труда. А.Н. Косыгину пришлось пойти на временное, как тогда казалось, заимствование средств для покрытия бюджетного дефицита из фондов предприятий.

Кроме того, реформам, даже крайне умеренным, эволюционным, противостояли реальные силы — старые производственные отношения, сложившийся аппарат управления, закостеневшее экономическое мышление. Попытка изменить принудительную мотивацию труда на материальную недовольно показала, что это ведет к немедленному разруше-

нию всей плановой системы, и от этой идеи тут же отступили.

Реформа была обречена и по другой причине. Преобразования в экономике страны не были поддержаны преобразованиями в политической и социальной сферах.

Изменения в политической системе. Многообразие общественных интересов, складывавшееся в советском обществе на рубеже 60-х гг., требовало кардинального обновления политической системы, признания теории разделения властей, парламентского характера демократии, ликвидации монополии одной партии на власть, обеспечения уважения и расширения гарантий прав человека. Догматическая теоретическая установка партийных идеологов рассматривать советскую политическую систему полностью тождественной общественному строю, а любые попытки ее обновления трактовать как покушение на социализм не позволили осуществить изменения в политической системе в годы брежневского правления. Социальный заказ правящего класса в 1965 — 1984 гг. состоял в том, чтобы любой ценой сохранить существующее положение, статус-кво. Поэтому внешне советская политическая система в эти годы изменилась мало. Но именно курс на стабильность требовал от властей укрепления «властной вертикали», которую в эти годы упорно разъедали ведомственный монополизм и падающая политическая активность, апатия советских людей. В то же время поворот нового руководства к более жесткому, более консервативному курсу во многом был продиктован инстинктивным стремлением правящего класса восстановить разрушенную хрущевской «оттепелью» целостность советской системы.

В 60 — 70-е гг. на партийных съездах, Пленумах ЦК КПСС принимались многочисленные резолюции о дальнейшей демократизации общественной жизни, об ограничении влияния бюрократического аппарата. Укрепление Советского государства, и прежде всего Советов, рассматривалось как главные вопросы официальной внутренней политики. В соответствии с этими решениями, главным образом до середины 70-х гг., были предприняты определенные практические шаги. Прежде всего были расширены полномочия сельских Советов: в их ведение перешли вопросы, бывшие ранее в компетенции районных Советов. В сентябре 1972 г. был принят закон о полномочиях депутатов всех уровней. Однако на практике повысить роль местных Советов не удалось. Они по-прежнему не имели собственных источников финансирования и целиком зависели от средств центра. В целом Советы всех уровней оставались бессильными и безгласными. Вер-

ховный Совет СССР по существу был декоративным органом, призванным «единогласно» одобрять подготовленные аппаратом решения. Важнейшие решения, такие, как ввод войск в Афганистан в 1979 г., принимались без ведома Верховного Совета. Высший законодательный орган практически не контролировал правительство, расходы отдельных министерств и ведомств (как это принято в парламентской практике). С середины 70-х гг. сессии представительных органов всех уровней становились все короче, а заседания депутатских комиссий собирались все реже. Советы мало влияли на реальную жизнь общества.

С завершением процесса формирования номенклатурной системы фактически утрачивает свой элитный статус Коммунистическая партия. Формально она остается стержнем советской политической системы. Все крупные государственные и хозяйственные вопросы решались в партийных «инстанциях». Общественному мнению навязывался тезис о «возрастающей руководящей роли КПСС и ее становлении как партии всего советского народа». Ряды КПСС стремительно росли, достигнув к середине 80-х гг. 19 млн. человек. Однако именно быстрый рост рядов партии и сосредоточение реальной власти в исполнительных органах — бюро, секретариатах, парткомах, а фактически в аппарате (который достиг почти 500 тыс. человек) — снижали бывшее значение членства в партии. (Вместе с тем вступление в ряды КПСС по-прежнему являлось единственным реальным путем в «новый класс».) Как следствие бюрократизации КПСС рядовые коммунисты отстранялись от реального участия в определении политики партии, критика снизу глушилась. Партийные съезды все больше носили парадный характер. Выступления делегатов сводилось к самоотчетам и восхвалениям Политбюро во главе с «верным ленинцем» Л.И. Брежневым. Отчетный доклад Л.И. Брежнева на XXVI съезде КПСС в феврале 1981 г. прерывался аплодисментами 78 раз, продолжительными аплодисментами — 40 раз, бурными продолжительными аплодисментами — 8 раз.

Правящий класс был заинтересован в стабильности высшего политического руководства, жесткой централизации управления, позволяющей на деле контролировать общество и саму номенклатуру. По этой причине в 1965 — 1984 гг. кадровые перестановки в высших эшелонах власти были сведены к минимуму. В составе ключевого органа власти — Политбюро ЦК КПСС — большинство его членов находилось более 15 лет, в ЦК КПСС — более 12 лет. При этом

некоторые члены его находились в ЦК от 34 лет (Б.Н. Пономарев, М.В. Зимяннин) до 25 лет (М.С. Соломенцев, А.А. Громыко, Н.А. Тихонов). К началу 80-х гг. средний возраст членов Политбюро достиг 70 лет. Заседания его нередко длились лишь 15 — 20 минут.

Одним из средств консолидации правящего класса становится формирование клановых структур. Л.И. Брежнев продвигал тех, кто работал с ним в Днепропетровске, а позднее в Молдавии и Казахстане. В свою очередь окружение Брежнева делало все, чтобы раздуть его авторитет и несуществующие таланты.

Номенклатура непрерывно наращивала бюрократический аппарат. За брежневское двадцатилетие число общесоюзных и союзно-республиканских министров выросло с 29 в 1965 г. до 160 к середине 80-х гг. Тогда же общая численность управленцев составила 18 млн. человек (на 6—7 работающих — один управленец), из них около 1,6 млн. человек работало в высших и средних звеньях министерств, 11,5 млн. человек составляли управленческий аппарат предприятий и организаций, а еще 3,5 млн. — технический и обслуживающий персонал (машинистки, водители, охрана). Быстрый рост бюрократии обеспечивался многочисленными льготами и привилегиями. На содержание такого аппарата к середине 80-х гг. ежегодно расходовалось более 40 млрд. рублей, или 10% государственного бюджета.

К началу 80-х гг. только в управлении народным хозяйством накопилось до 200 тыс. различных приказов, инструкций и других подзаконных актов, которые регламентировали каждый шаг хозяйственников, сковывали их инициативу.

Наращение противоречий в экономике. На рубеже 70 — 80-х гг. в мире начинается новый этап научно-технической революции (НТР), получивший название «микроэлектронная революция». С этого момента уровень развития той или иной страны определяется уже не количеством выплавленной стали, добытого угля, а использованием микроэлектронной техники.

По этому показателю СССР отставал не только от западных стран, но и от новых индустриальных стран (Южной Кореи, Тайваня) на десятилетия. Экономика продолжала развиваться экстенсивно, в ее основе по-прежнему находились устаревшие, традиционные отрасли по производству продукции, в которых Советский Союз уже к 1970 г. был «впереди планеты всей». СССР производил больше всех в мире стали, чугуна, кокса, железной и марганцевой руды. Устаревшие

отрасли требовали колоссальных природных ресурсов — электроэнергии, металла, которые к тому же использовались нерационально, поэтому сырьевой сектор работал с перегрузками. Ресурсы страны все больше истощались. Лишь небольшую часть советской экономики составляли наиболее современные производства высокой технологии, которые полностью работали на военные заказы, а в производстве современной бытовой техники СССР также отставал на десятилетия.

В 70-е гг. экономика страны была предельно милитаризована, «работала» в основном на ВПК. В общем объеме продукции машиностроения производство военной техники составляло более 60%, а доля военных расходов в валовом национальном продукте — около 23%.

Долгие годы существования ВПК как сверхведомства, интересам которого была подчинена вся советская экономика, создали у военных определенный потребительский менталитет. ВПК не располагал стратегией развития военной экономики.

По данным зарубежных источников, в начале 80-х гг. заводы СССР в год выпускали танков в 4,5 раза больше, чем США, БТР — в 5 раз, артиллерийских орудий — в 9 раз, атомных подводных лодок — в 3 раза. При этом в оборонной промышленности США работало 2,2 млн. человек, в советской в эти же годы — 5—8 млн.

Чрезмерная военная нагрузка на народное хозяйство привела к колоссальным диспропорциям. Из-за огромной разницы издержек в разных отраслях экономики покупательная способность рубля также была различной (в «оборонке» она равнялась 4—6 долларам США, в других отраслях — значительно ниже).

В стране практически не было единой денежной системы, а потому не срабатывали бюджетные методы регулирования экономики. Госплан не мог реально поддерживать баланс инвестиций и материальных ресурсов. Планируемые цифры увеличения добычи нефти, угля, производства электроэнергии были по существу фикцией.

Министерства и ведомства, распоряжающиеся ресурсами, а с 1965 г. наделенные и государственной властью, стали крупной экономической силой, монопольно господствовавшей в своей отрасли. Практически они подчинили себе государственный аппарат.

В 70-е гг. министерства предпочитали строить новые предприятия, а не переоснащать действующие. Следствие такой политики — в стране ручным и малоквалифицирован-

ным трудом было занято более половины работников материального производства — свыше 50 млн. В годы девятой пятилетки (1971 — 1975) экономический рост фактически прекратился. Видимость благополучия народного хозяйства, сохранявшаяся все 70-е гг., обеспечивалась за счет «нефтяного допинга».

Именно экспорт нефти, цены на которую на мировом рынке выросли в эти годы почти в 20 раз, позволял стране относительно безбедно существовать, «решая» продовольственную, космическую и другие «комплексные» программы. Главным образом за счет экспорта невозможных природных ресурсов в 60—70-е гг. шло интенсивное освоение восточных районов страны, формировались и развивались крупные народнохозяйственные комплексы — Западно-Сибирский, Саянский, Канско-Ачинский. За эти годы появились соответствующие мировому уровню ВАЗ и КамАЗ, новые нефтехимические комплексы и предприятия оборонной промышленности.

В 70-е гг. в принципе еще были возможны другие варианты дальнейшего развития страны. Однако «пражская весна» 1968 г. всерьез напугала советское руководство. Оно увидело, что экономические формы неотделимы от политических. Поэтому даже А.Н. Косыгин, реалистичнее других членов брежневского Политбюро представлявший истинное положение в экономике, не был склонен к принятию каких-либо радикальных мер. Тем более к этому не был расположен сменивший его на посту Председателя Совмина СССР в 1980 г. Н.А. Тихонов. После 1968 г. вместо реальных реформ проводились затяжные эксперименты с расширением хозрасчета на предприятиях (бригадный метод строителя Николая Злобина; на комбинате «Азот» в Шекино близ Тулы) и введением показателя условно чистой продукции.

Этот показатель, по замыслу его создателей, должен был исправить недостатки централизованного планирования и в первую очередь блокировать стремление производителей выпускать продукцию по высоким ценам.

В начале 70-х был нанесен удар по всем концепциям поворота к рыночной экономике. Само слово «рынок» стало критерием идеологической неблагонадежности. Со второй половины 70-х гг. начала меняться организация промышленного производства. Появились производственные и научно-производственные объединения (НПО). Практическим результатом подобных мер стал лишь гигантизм. Желаемого же слияния науки и производства не произошло. Зато в эти

годы быстро и успешно шло слияние, переплетение официальной экономики с теневой — разного рода полузаконной и незаконной производственной и торговой деятельностью, в которую были втянуты целые предприятия. Доходы теневой экономики исчислялись многими миллиардами. К началу 80-х гг. стала очевидна неэффективность попыток ограниченного реформирования советской системы. Страна вступила в период глубокого кризиса.

§ 3. Крушение Советской власти

От перестройки к революции. К середине 80-х гг. возможность постепенного, безболезненного перехода к новой системе общественных отношений в России была безнадежно упущена. Стихийное перерождение системы изменило весь жизненный уклад советского общества: перераспределялись права руководителей и предприятий, усилилась ведомственность, социальное неравенство. Изменился характер производственных отношений внутри предприятий, начала падать трудовая дисциплина, массовыми стали апатия и безразличие, воровство, неуважение к честному труду, зависть к тем, кто больше зарабатывает. В то же время в стране сохранялось внеэкономическое принуждение к труду. Советский человек, отчужденный от распределения произведенного продукта, превратился в исполнителя, работающего не по совести, а по принуждению. Выработанная в послереволюционные годы идейная мотивация труда слабела вместе с верой в близкое торжество коммунистических идеалов, параллельно этому сокращался поток нефтедолларов и рос внешний и внутренний долг государства.

В начале 80-х гг. все без исключения слои советского общества страдали от несвободы, испытывали психологический дискомфорт. Интеллигенция хотела подлинной демократии и индивидуальной свободы.

Большинство рабочих и служащих необходимость перемен связывали с лучшей организацией и оплатой труда, более справедливым распределением общественного богатства. Часть крестьянства рассчитывала стать подлинными хозяевами своей земли и своего труда.

Однако в конечном счете совсем другие силы определили направление и характер реформирования советской системы. Этими силами была советская номенклатура, тяготивша-

яся коммунистическими условностями и зависимостью личного благополучия от служебного положения.

Таким образом, к началу 80-х гг. советская тоталитарная система фактически лишается поддержки в обществе и перестает быть легитимной. Ее крах становится вопросом времени.

Смерть в ноябре 1982 г. Л.И. Брежнева и приход к власти более здравомыслящего политика Ю.В. Андропова пробудили в обществе надежды на возможное изменение жизни к лучшему. Однако этим надеждам не суждено было сбыться.

Попытки Ю.В. Андропова придать эффективность бюрократической системе без структурных изменений, усиление требовательности и контроля, борьба с отдельными пороками не вывели страну из кризисного состояния.

Избрание в марте 1985 г. М.С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС вновь возродило надежду на возможности реальных перемен в жизни общества. Энергичные выступления нового Генерального секретаря показали его решимость приступить к обновлению страны.

В условиях монопольного господства в обществе одной партии — КПСС, наличия мощного репрессивного аппарата перемены не могли начаться «снизу», народ ждал изменений «сверху» и готов был их поддержать.

Горбачев был убежден, что после реформы, проведенной «сверху», страна обретет второе дыхание. Ядром экономических преобразований стала концепция ускорения социально-экономического развития страны на основе использования новейших достижений научно-технического прогресса. Провозглашая курс на ускорение, М.С. Горбачев надеялся с минимальными затратами за счет «скрытых резервов» в короткий срок добиться подъема экономики. Однако все попытки в рамках старой системы провести преобразование экономики были обречены на провал. Первые три года перестройки, в течение которых были испробованы практически все известные методы ускорения развития общества, показали, что тоталитарная система не поддается реформированию. Неудачи первого этапа перестройки заставили искать новые пути. На фоне ухудшающейся с каждым днем экономической ситуации впервые был поставлен вопрос о политической реформе общества. Была провозглашена политика гласности — открытое обсуждение острых проблем экономики и политики на страницах средств массовой информации. После десятилетий запретов и искажений информации «для народа» на страницы печати были буквально выплеснуты все нега-

тивные факты и тенденции, накопившиеся за весь период развития социалистического общества. Эта лавина информации привела в шок значительную часть населения страны. Результатом политики гласности было пробуждение общественного сознания значительной части населения страны. Интерес людей к политике был настолько велик, что стал неотъемлемой частью жизни в тот период времени. За выступлениями делегатов XIX партконференции КПСС, проходившей летом 1988 г. и транслировавшейся по радио и телевидению, следила буквально вся страна. В повестку дня этой конференции был поставлен вопрос об изменении политической структуры общества. Политической целью перестройки была провозглашена передача власти от КПСС Советам. Однако преобладание на конференции консервативно настроенных сил («агрессивно-послушного большинства») и стремление сохранить контроль аппарата КПСС над развитием событий не позволили принять исторических решений, которые изменили бы судьбу страны. Вместо этого была предложена, а затем внесена в Конституцию новая громоздкая, недемократическая структура дублирующих друг друга высших органов государственной власти — Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР.

Выборы народных депутатов в марте 1989 г. проводились по новому избирательному закону, чем вызвали к жизни беспрецедентную активность избирателей. Благодаря этому в депутатском корпусе были представлены практически все группы и слои населения. Первый съезд стал действительно историческим событием, свидетельствующим о нарождающейся демократии. В адрес руководства страны впервые публично прозвучала острая и резкая критика, что само по себе было беспрецедентным явлением. На съезде был сформирован первый в истории страны профессионально работающий парламент — Верховный Совет СССР, председателем Президиума которого был избран М.С. Горбачев.

Наращение социальной напряженности. После лета 1989 г. реформаторское руководство страны столкнулось с кризисом доверия. Непосредственной причиной падения авторитета власти стали пустые прилавки магазинов, рост преступности, политическая нестабильность. На многотысячных митингах выражалось открытое недовольство ходом перестройки, подвергались критике действия как самого М.С. Горбачева, так и правительства СССР, возглавляемого Н.И. Рыжковым. В стране происходила поляризация политических сил. Выделилась группа сторонников реформ, проводимых Горбаче-

вым, и группа консервативно настроенных лидеров партноменклатуры, не хотевших никаких перемен в обществе. На повестку дня вновь был поставлен вопрос о власти. Созванный в марте 1990 г. внеочередной съезд народных депутатов СССР отменил шестую статью Конституции, законодательно закреплявшую монополию КПСС на власть в стране. Этот же съезд утвердил пост Президента СССР. М.С. Горбачев был выбран на съезде первым Президентом СССР.

1990 год ознаменовался также односторонним решением некоторых союзных республик (в первую очередь прибалтийских) о самоопределении и создании независимых национальных государств.

Попытки союзного центра экономическими мерами воздействовать на эти решения в конечном счете не имели успеха. По стране прокатилась волна провозглашения суверенитетов союзных республик, избрания в них своих президентов, введения новых названий. Республики стремились избавиться от диктата центра, объявив о своей независимости.

Реальная опасность неуправляемого распада СССР, грозящая непредсказуемыми последствиями, заставляла центр и республики искать путь к компромиссам и соглашениям. Идея заключения нового союзного договора была выдвинута народными фронтами Прибалтики еще в 1988 г. Но до середины 1989 г. она не находила поддержки ни у политического руководства страны, ни у народных депутатов, еще не освободившихся от пережитков имперских настроений. В то время многим казалось, что договор — не главное. Окончательно центр «дозрел» до осознания важности Союзного договора лишь после того, как «парад суверенитетов» до неузнаваемости изменил Союз, когда центробежные тенденции набрали силу.

Россия не могла оставаться в стороне от этого процесса.

Вопрос о российском суверенитете стал главным на первом съезде народных депутатов республики. 12 июня 1990 г., выражая волю своих избирателей, делегаты съезда с редким для этого съезда единодушием, большинством голосов приняли Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации. Ее принятие стало рубежом как в развитии Российской Федерации, так и всего Советского Союза, который мог существовать только до тех пор, пока Россия служила объединяющим началом.

Выбор российских депутатов во многом был определен поведением других союзных республик, уже провозгласив-

ших свою независимость. В то же время многие из них были убеждены, что пример независимой демократической России будет способствовать победе демократических сил в других республиках.

Согласно Декларации, государственный суверенитет распространялся на всю территорию республики. Органы власти РСФСР имели право решать все вопросы государственной и общественной жизни, за исключением тех, которые она добровольно передавала в ведение Союза ССР. Декларация подтвердила необходимость существенного расширения прав автономных республик, краев и областей.

Формально Декларация лишь законодательно разграничивала полномочия центра и республики и в этом смысле не выходила за пределы союзной Конституции. Тем не менее провозглашение государственной независимости Российской Федерацией означало на деле двоевластие в стране. Проголосовав за независимость, народные депутаты подтолкнули и без того сильные сепаратистские настроения на Украине и в Прибалтике.

Объявление суверенитета России было продиктовано и экономическими причинами. Неспособность центра вывести страну из кризиса, затягивание им проведения радикальных экономических реформ подтолкнули Россию к этому шагу. Россия решила первой начать движение к рыночным отношениям, не дожидаясь, когда такое решение будет принято Верховным Советом СССР. Отвергнутая центральным руководством, программа перехода к рынку («500 дней»), предложенная С. Шаталиным и Г. Явлинским, была взята российским руководством на вооружение.

Стремление Российской Федерации начать с 1 октября 1990 г. переход к рынку резко обострил противостояние центра и республик, «война законов» переросла в новую стадию. Защищая свой суверенитет, РСФСР приняла ряд постановлений, ограничивающих действие союзных законов и союзной власти на территории республики.

1991 год оказался переломным в истории страны. За шесть лет перестройки ни одна из ее задач до конца не была решена. К лету ситуация, сложившаяся во всех областях жизни, характеризовалась как кризисная. Колебания и противоречия Президента СССР М.С. Горбачева, его «центризм», стремление встать над «схваткой» больше не устраивали ни левых, ни правых, справедливо видевших в такой флюгерности слабость государственной власти, предательство национальных интересов. Каждая новая неделя противо-

стояния «центра» и республик, «демократов» и «партократов» усиливала в обществе стихийные антиноменклатурные настроения. Большинство населения на мартовском референдуме 1991 г., сказав «да» сохранению единого отечества, высказалось против сохранения старой государственной власти. Авторитет КПСС стремительно падал даже среди крупных хозяйственников. Весной 1990 г., как свидетельствуют социологические опросы, 23% из них еще полностью доверяли КПСС, к лету доля недоверявших поднялась до 72%.

Победа 12 июня 1991 г. в первом же туре президентских выборов в РСФСР Б.Н. Ельцина также свидетельствовала о расшатывании основ номенклатурного строя. Дело принимало оборот, смертельно опасный для тоталитарной системы и корпоративных интересов партноменклатуры. Экономическая политика правительства В. Павлова была последней отчаянной попыткой консервативных сил спасти империю и самих себя легальным конституционным путем. Наименее гибкая и недальновидная часть правящего класса, сосредоточенная главным образом в аппарате ЦК КПСС, других высших звеньях законодательной и исполнительной власти, силовых министерствах, не понявшая вовремя, что происходит, и не успевшая занять выгодные позиции, видела единственный выход в том, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение для наведения «порядка».

С другой стороны, и демократические силы не могли пассивно ожидать развития событий. Перестройка, основывавшаяся на идеях демократического социализма, революция «сверху», потерпела крах. Страна разваливалась. Народ требовал глубоких реформ. В сложившихся условиях силовое столкновение становилось неизбежным. Консерваторы попытались опередить демократов и «спасти» отечество. Уже к осени 1990 г. руководство госбезопасности приступило к детальной проработке плана введения чрезвычайного положения в стране. Органы КГБ установили слежку за народными депутатами, политическими партиями, независимыми профсоюзами, вели планомерную работу по дезинформации высших руководителей Союза с целью принятия жестких мер для наведения «порядка». М.С. Горбачев оказался заложником формально подчиненных ему структур партии, госбезопасности и армии. В течение зимы и весны 1991 г. делалось несколько «примерок» силовой политики. В середине января прокоммунистический Комитет общественного спасения (прообраз ГКЧП) в Литве пытался отстранить от власти силой оружия правительство Народного фронта. В результате

этой акции погибло 13 ни в чем не повинных людей. К этим событиям оказались непосредственно причастны министр обороны СССР Д. Язов, председатель КГБ В. Крючков, министр МВД Б. Пуго. Спустя неделю аналогичная попытка государственного переворота была предпринята в Латвии. В конце марта в день открытия внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР в Москву были введены войска, взявшие в кольцо центр столицы. Только после решительного протеста депутатов, приостановивших из-за этого работу съезда, войска были выведены из города.

В феврале 1991 г. Президент М. Горбачев был по существу поставлен перед выбором: или поддержать силы, ориентирующиеся на силовые методы сохранения старых структур власти, или окончательно стать на сторону демократов. Президент выбрал путь политического наблюдателя и тем самым предрешил свою судьбу.

В апреле 1991 г. на Пленуме ЦК КПСС 45 первых секретарей обкомов из 75 потребовали освобождения Горбачева от должности Генерального секретаря ЦК КПСС. М. С. Горбачев смог сохранить свой пост лишь благодаря достигнутой 23 апреля в Ново-Огареве договоренности с лидерами девяти республик о подписании в ближайшем будущем нового Союзного договора суверенных государств, который стал известен как соглашение «9 + 1» (девять лидеров союзных республик + Президент СССР). В нем шла речь о новой концепции Союза. Согласно этому документу, республики получали значительно больше прав, центр из управляющего превращался в координирующий. В результате многие союзные структуры, прежде всего министерства и ведомства, кабинет министров, претерпели бы серьезные изменения. В руках союзного руководства оставались лишь вопросы обороны, финансовой политики, внутренних дел, все остальные вопросы должны были решаться на республиканском уровне.

Провал августовского путча. Намеченное на 20 августа 1991 г. подписание нового Союзного договора подтолкнуло консерваторов на решительные действия, так как соглашение лишало верхушку КПСС реальной власти, постов и привилегий. Согласно секретной договоренности М. Горбачева с Б. Ельциным и Президентом Казахстана Н. Назарбаевым, о которой стало известно председателю КГБ В. Крючкову, после подписания договора предполагалось заменить премьер-министра СССР В. Павлова Н. Назарбаевым. Такая же судьба ожидала министра обороны, самого Крюкова, и ряд других высокопоставленных лиц.

Другим непосредственным поводом развития событий стал указ российского Президента от 20 июля 1991 г. о департизации в РСФСР госучреждений, нанесший по монополии КПСС сильный удар. На местах началось вытеснение партноменклатуры из областных структур и замена ее новыми людьми.

С 5 по 17 августа шла активная подготовка к введению в стране чрезвычайного положения. Идеологом введения ЧП являлся А.И. Тизяков, президент Ассоциации госпредприятий. Председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов должен был по плану заговорщиков обеспечить принятие Верховным Советом положения о введении ЧП в стране на законной основе.

Наконец, в ночь на 19 августа 1991 г. Президент СССР М.С. Горбачев, находившийся в это время на отдыхе в Форосе, в Крыму, был насильственно отстранен от власти. Группа высокопоставленных чиновников, в которую входили вице-президент Г. Янаев, председатель КГБ В. Крючков, министр обороны Д. Язов, премьер-министр В. Павлов образовали самозванный, неконституционный Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП).

Постановлениями ГКЧП в ряде регионов страны, главным образом в РСФСР, вводился режим чрезвычайного положения, запрещались митинги, манифестации, забастовки. Приостанавливалась деятельность демократических партий и организаций, газет, устанавливался контроль над средствами массовой информации. Введением чрезвычайного положения «гэкачеписты» рассчитывали вернуть страну назад: ликвидировать гласность, многопартийность, коммерческие структуры. В обращении «К советскому народу» ГКЧП объявлял себя истинным защитником демократии и реформ, щедро обещал в кратчайший срок благодетельствовать все слои советского общества — от пенсионеров до предпринимателей. В течение 1991—1992 гг. всем желающим горожанам обещалось предоставить земельные участки.

Главные события этих дней развернулись в Москве. 19 августа в столицу были введены танки и бронетранспортеры, которые перекрыли основные магистрали города. Был объявлен комендантский час. Однако эти действия вызвали обратную реакцию. Путчисты просчитались в главном — за годы перестройки советское общество сильно изменилось. Свобода стала для людей высшей ценностью, окончательно исчез страх. Большая часть населения страны отказалась поддерживать неконституционные методы выхода из кризиса. К вече-

ру 19 августа десятки тысяч москвичей устремились к Дому Советов РСФСР («Белому дому»), где находились члены Верховного Совета РСФСР во главе с Президентом Б. Ельциным, чтобы защитить и поддержать российское руководство, отказавшееся признать самозванный ГКЧП.

Только три дня ГКЧП смог продержаться у власти, с первых дней натолкнувшись на активное сопротивление россиян. В срыве заговора огромную роль сыграла мужественная позиция руководства Российской Федерации, предпринявшего решительные шаги по защите Конституции и пресечению деятельности самозванного комитета на территории РСФСР. В своем обращении к гражданам России 19 августа 1991 г. Президент Б. Ельцин, Председатель Совмина РСФСР И. Силаев, Председатель Верховного Совета республики Р. Хасбулатов призвали население республики поддержать законно избранные органы власти и использовать в борьбе с заговорщиками различные формы гражданского протеста. Указом Президента РСФСР деятельность ГКЧП признавалась незаконной, а его приказы на территории республики — не подлежащие выполнению. Все органы исполнительной власти Союза ССР, действовавшие на территории России, перешли в непосредственное подчинение российского Президента. Еще в дни путча президентским указом деятельность КПСС и РКП на территории России прекращалась. С 23 августа 1991 г. КПСС перестала существовать как правящая государственная структура. В итоге была ликвидирована сама основа старой системы. Путч, таким образом, закончился не просто провалом, а по существу крушением тоталитаризма.

События 19—21 августа 1991 г. изменили страну. Ушла в прошлое перестройка как «революция сверху» в рамках старой системы с ее ориентацией на раз и навсегда сделанный социалистический выбор.

Результатом августовских событий 1991 г. явился распад СССР. Все попытки М.С. Горбачева возобновить работу по подписанию нового Союзного договора оказались безуспешными. Украина и Белоруссия проголосовали за независимость своих республик и отказались от подписания Союзного договора. В этой ситуации объединение с другими республиками теряло смысл. 8 декабря 1991 г. под Минском президентами Украины, Белоруссии и России было подписано Беловежское соглашение об образовании Содружества Независимых Государств. Позже к ним присоединились Казахстан и другие республики (кроме Прибалтики и Грузии). Подпи-

санием этого договора заканчивалось существование Советского Союза как единого государства. Президент СССР Горбачев был вынужден сложить свои полномочия.

§ 4. Первые шаги новой российской государственности

Россия на пороге радикальной экономической реформы. В декабре 1991 г. Российская Федерация вместе с другими республиками бывшего Союза вступила на путь самостоятельного существования.

Падение союзного центра требовало от российского руководства срочно определить цели внешней и внутренней политики России, отношение к наследию Союза, решить принципиальные вопросы социально-экономического и политического выбора, а также государственного устройства. После августовских событий по существу рухнула и советская система. Таким образом, во времени совпали две сложнейшие задачи: становление новой российской государственности, социального и духовного возрождения России.

Россия сократилась в своих геополитических параметрах, она оказалась в принципиально новом окружении с запада и юга и потеряла ряд важных морских портов, военных баз, курортов. Появился анклав — Калининградская область, отделенная от России Белоруссией и Литвой. Россия как бы удалилась от Европы, стала еще более северной и континентальной страной.

В новых условиях перед Российской Федерацией открывались различные варианты развития. Однако при всем их многообразии основное направление было очевидно. Оно определялось общемировым движением к постиндустриальному обществу, что на практике означало коренное технологическое переоснащение экономики с одновременной перестройкой ее структур, переориентацию хозяйства на наукоемкие отрасли, демилитаризацию жизни страны.

Осенью 1991 г. для политического руководства России вопрос сводился к тому, чтобы, в полной мере учитывая культурно-историческое своеобразие России, в кратчайшие сроки и с минимальными потерями перейти к рыночному хозяйству. В мировой практике существовало два разных пути движения от командно-административной к рыночной экономике — медленно, шаг за шагом, либо через «шоковую

терапию». Первый из них — постепенный — исходил из того, что созданные тоталитарной системой институты могут сосуществовать с новыми рыночными структурами, постепенно врастая в них. Второй — радикальный — предполагал максимально быстрое включение рыночных регуляторов (свободных цен, либерализацию условий деятельности предприятий на внутреннем и мировом рынке), решительную ломку многих государственных структур. Но и в первом и во втором вариантах для успеха реформ требовалась твердая политическая воля, широкая общественная поддержка.

Между тем у государственной власти и поддерживающих ее демократических сил не оказалось проработанной программы конкретных экономических и политических преобразований.

Бездействие российского правительства в первое время после августовских событий негативно отразилось на тяжелой социально-экономической ситуации. Неясность экономических перспектив, дискуссии о денежной реформе и повышении цен толкнули население России на скупку товаров, создание запасов предметов первой необходимости. Из магазинов исчезли практически все товары и продукты. Введение принципа распределения товаров среди населения по талонам, организация распродаж на предприятиях не смогли улучшить ситуацию. Все это способствовало усилению противостояния политических сил. Начали постепенно возвращаться к активной политической жизни коммунисты, создавшие несколько партий, в итоге политическая опора правительства резко сузилась.

Осенью 1991 г. существовал реальный шанс реорганизации старой государственной машины на демократической основе, т.е. посредством перевыборов Советов всех ступеней, однако Б. Ельцин решил сохранить статус-кво в организации государственной власти, чтобы сосредоточить все внимание на проведении реформ.

Между новым российским руководством и старой партийно-хозяйственной элитой возникло не скрепленное никакими формальными договорами, но вполне определенное соглашение, суть которого состояла в отказе от демонтажа советской системы и реформировании ее лишь в ограниченных пределах. Союз двух политических элит, новой и старой, стал основой послеавгустовской российской государственности. При этом система Советов сохранялась, выборы в новые структуры были отложены.

Как показало дальнейшее развитие событий, такое решение было ошибочным. Старая номенклатура продолжала дей-

ствовать в Советах и хозяйственных структурах и начиная с весны 1992 г. стала оказывать серьезное противодействие проводимым экономическим реформам. Положение осложнялось также нарастающей угрозой распада самой России, созданной в свое время на тех же принципах, что и Союз.

Сохранение целостности Российского государства. Распад Союза подтолкнул «парад суверенитетов» бывших автономных республик и даже автономных областей в России. Осенью 1991 г. все автономные республики России провозгласили себя суверенными государствами. Большинство бывших автономных областей заявило о своем преобразовании в республики. Край и области также начали открытую борьбу за равноправие субъектов Федерации. Судьба российской государственности в 1991—1993 гг. во многом определялась противостоянием республиканских региональных властей с федеральной властью. Угроза распада России нарастала в течение всего 1992 г.

К лету десятки субъектов Федерации — Татарстан, Башкортостан, Якутия (Саха), Удмуртия, Новосибирская и Тюменская области — задерживали или вообще прекратили отчисление налогов в федеральный бюджет. Более того, они начали сами устанавливать цены на товары, производимые на их территории.

Отдельные субъекты Федерации предлагали преобразовать ее в конфедерацию. Проект Основного закона Башкортостана прямо провозглашал верховенство республиканской Конституции над федеральными законами.

Причины, приведшие к распаду СССР, также сказались на нарастании центробежных, сепаратистских тенденций внутри России. В их основе лежало желание самостоятельно распоряжаться плодами своего труда. Не случайно в Татарии болезненно воспринималась почти безвозмездная перекачка нефти за пределы республики, а в Якутии — алмазов. Край, дающий более 80% алмазных поступлений России, занимающий первое место в стране по добыче золота, основной поставщик олова и единственный сурьмы, не был способен прокормить себя.

В условиях обострения экономического кризиса, разрыва хозяйственных связей, обнищания большинства населения республиканско-хозяйственная элита, умело апеллируя к реальным фактам национальной дискриминации, упрочила свое влияние на массы.

Правительство Российской Федерации проводило осторожную и часто непоследовательную национально-государ-

ственную политику. Незаконные вооруженные формирования Д. Дудаева, разогнавшие в сентябре 1991 г. Верховный Совет Чечено-Ингушской автономии и демонстративно объявившие об отделении Чечни от России, не были разоружены, что в итоге обернулось впоследствии тяжелым кризисом в этом регионе, а в 1995 г. привело к войне.

В течение 1992 г. продолжалось субсидирование республик, взявших курс на отделение от России, из федерального бюджета, несмотря на отказ этих республик отчислять налоги в госбюджет.

Правительство заняло выжидательную позицию, и лишь в конце октября 1992 г. после начала столкновения между осетинами и ингушами Президент России впервые не исключил возможность использования силовых методов для защиты территориальной целостности страны и государственных интересов.

Первым серьезным шагом на пути сохранения единства России стал Федеративный договор, включивший в себя три близких по содержанию договора о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Федерации всех трех типов (суверенных республик в составе РФ, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, автономных областей и автономных округов).

Работа над этим договором началась еще в 1990 г. и шла очень медленно. Было рассмотрено около 30 различных вариантов проекта договора. В ходе их обсуждения стало очевидно, что идея национальной государственности за годы Советской власти пустила глубокие корни и вернуться к территориальным образованиям невозможно. Поэтому были отвергнуты и возврат к дореволюционному губернскому устройству на территориальной основе, и федерация национальных государств с преимущественными правами на территории титульных наций и минимальными полномочиями центра.

В основу компромиссного Федеративного договора был заложен принцип учета интересов всех народов России.

31 марта 1992 г. в Кремле Федеративный договор был подписан большинством субъектов Федерации. Республики, согласно договору, получили больше прав, чем другие субъекты Федерации. Федеративный договор несколько снизил внутривнутриполитическое напряжение в России, но не снял его полностью.

На пути к рыночной экономике. 1992 г. стал для России годом экономических реформ, переходом к рынку, к

легитимной частной собственности. Решающее слово в выборе стратегии экономической политики оказалось за Президентом Российской Федерации Б. Ельциным. В конце 1991 г. для выхода страны из кризиса им был выбран путь шоковой терапии. На первый план выдвигалась задача достижения макроэкономической стабилизации, т.е. равновесия между платежеспособным спросом (предприятий и населения) и товарным предложением. Для этого намечалось единовременное размораживание всех цен и освобождение доходов, проведение жесткой бюджетной и денежно-кредитной политики, приватизация государственной собственности.

Главным архитектором шоковой терапии стал 35-летний экономист, внук знаменитого советского писателя Егор Гайдар. Он был назначен вице-премьером нового правительства, которое возглавил сам Президент.

Авторитет Б. Ельцина в это время был так высок, что Верховный Совет республики предоставил ему дополнительные полномочия на время проведения болезненных реформ.

Сформированное в ноябре 1991 г. правительство России впервые за всю историю России состояло главным образом из молодых экономистов, приверженцев рыночной экономики. Это была команда единомышленников, руководимая Е. Гайдаром. А. Шохин, А. Чубайс, П. Авеи, А. Нечаев вместе с Гайдаром взяли на себя ответственность за проведение радикальных преобразований в экономике, за осуществление «прыжка» в рынок.

Правительство Е. Гайдара приступило к либеральным реформам после шести лет бесплодных разговоров о рынке. К этому времени сложилась крайне тяжелая ситуация. Только за 1991 г. розничные цены выросли в 8—11 раз, валовой национальный продукт сохратился на 15—20%.

В российской экономике накопилось множество структурных перекосов: доминировали добывающие отрасли и ВПК, процветала гигантомания, потребительский рынок не был насыщен, а то же время многие устаревшие производства выпускали никому не нужную продукцию. Ситуация усугубилась распадом союзного государства и дезинтеграцией единого народнохозяйственного комплекса. Россия как правопреемница СССР имела громадный внешний долг в размере около 70 млрд. долларов, лишь для выплаты по нему процентов требовались гигантские суммы. Нерешенным оставался вопрос о разделе союзной собственности. К моменту начала проведения реформ в Российской Федерации не было закончено формирование многих государственных структур,

поэтому изначально шансы на успех «шокоterapiи» были невелики.

Надежды на положительный результат реформ связывали главным образом с благоприятной политической ситуацией: доверием населения к российским властям и готовностью россиян к проведению реформ.

Согласно опросам общественного мнения, осенью 1991 г. около 47% опрошенных были готовы ради будущего процветания России и изобилия потребительских товаров терпеть на начальном этапе реформы и безработицу, и рост цен, и «временное» снижение уровня жизни. Лишь 17,8% были настроены решительно против реформ.

После поражения августовского путча хозяйственные руководители из ВПК и аграрного сектора, ориентированные на сохранение старой советской системы, были деморализованы и не могли оказать серьезного противодействия реформам. Наконец, важным аргументом в пользу шоковой терапии являлась возможность получения крупных кредитов от Международного валютного фонда (МВФ). Их предоставление связывалось с реализацией классической стандартной стабилизационной программы. Классической она называлась потому, что была положена в основу экономических реформ во многих странах мира, успешно осуществивших переход от тоталитарных систем к рыночному хозяйству. В соответствии с ней в переходный период отпусались цены, вводилась свободная торговля, осуществлялась приватизация, т.е. большая часть государственной собственности продавалась частным лицам.

В начале января 1992 г. правительство освободило цены на большинство товаров от государственного контроля. Это было трудное, но необходимое решение в условиях пустой государственной казны, при отсутствии товарных запасов, серьезной угрозе холода и голода. Был введен новый порядок внешнеэкономической деятельности. На первое место была поставлена задача бездефицитного бюджета. Правительство резко сократило затраты на содержание армии и производство оружия. Социальные расходы бюджета были также сведены до минимума.

Реформы, связанные с именем Гайдара, продолжались около 15 месяцев. Их ход с самого начала стал отклоняться от намеченного. Прогнозируемое реформаторами повышение цен в 5—10 раз на деле обернулось повышением их в 100 и более раз, в результате чего большинство населения республики оказалось за чертой бедности.

Уже через два месяца после начала реформ правительство было вынуждено поднять заработную плату. За начавшимся повышением зарплаток весной 1992 г. вновь последовал неудержимый рост цен. Надежды на достижение рыночного равновесия, сдерживание инфляции были похоронены.

Вторая серьезная проблема, с которой столкнулись реформаторы, — взаимные неплатежи предприятий, достигшие к осени 1992 г. 3,5 триллионов рублей. Они были порождены самой природой материальной ответственности, технической отсталостью банковской системы. Предприятия-должники сумели в очередной раз переложить свои проблемы на плечи государства. Центральный банк России провел частичные взаиморасчеты между предприятиями, было резко расширено кредитование народного хозяйства. Такие меры привели в конечном итоге к увеличению массы наличных денег и новому витку инфляции. В целом за 1992 г. выпуск наличных денег увеличился в 54 раза по сравнению с 1990 г. и в 17 раз по сравнению с 1991 г.

Основной проблемой правительства стала борьба с инфляцией. Необходимо было прорвать образовавшийся замкнутый круг — рост цен — повышение зарплаты — рост цен. Однако надежды на быструю остановку инфляции не оправдались, необходимо было адаптироваться к функционированию в условиях длительной высокой инфляции.

Противостояние двух властей. На протяжении 1992—1993 гг. повсеместно с начала проведения радикальных рыночных реформ шла борьба между законодательной и исполнительной ветвями власти. Разочарование ходом радикальных реформ значительной части общества, экономические трудности лишили реформаторские силы поддержки многими слоями населения и усилили блок старой номенклатуры. В условиях, когда власть продолжала оставаться главным источником собственности, стратегия оппозиции реформаторам изменилась. Ее перестала устраивать возможность влиять на исполнительную власть за счет численного преобладания в парламенте (Верховном Совете). Целью оппозиции стал полный захват власти, ослабление президентских структур, жесткий парламентский контроль над правительством. Именно эту цель отражал лозунг «Вся власть Советам» многочисленных митингов «Трудовой Москвы», Фронта национального спасения и других прокоммунистических организаций. В свою очередь, к весне 1992 г. сторонники жесткой линии в окружении Президента взяли курс на роспуск парламента и прежде всего ликвидацию Съезда народных депутатов.

В феврале 1992 г. Президент Российской Федерации предложил законодательной власти сделать выбор: или заключить с исполнительной властью соглашение о продолжении курса радикальных реформ, или предоставить возможность избирателям на референдуме выбрать, кому вручить власть: Президенту или парламенту.

В течение 1992 г. борьба вокруг основ конституционного строя России шла с переменным успехом. Верховный Совет во главе с Р. Хасбулатовым все более активно вмешивался в дела исполнительной власти. Исполнительная власть и в центре, и на местах была представлена органами Советской власти. Лидеры парламента пытались решать все практические вопросы государственной политики, не желая ограничивать себя рамками законодательного творчества. В стране фактически возникло новое двоевластие.

Референдум о доверии Президенту. В марте 1993 г. борьба двух ветвей власти достигла опасных пределов. После того как внеочередной VIII съезд народных депутатов России снова отклонил инициативу Президента о проведении всенародного референдума, Б. Ельцин в телеобращении к гражданам России объявил об особом порядке управления страной «вплоть до преодоления кризиса власти» и назначил на 25 апреля 1993 г. референдум о доверии Президенту и его проекту Конституции. В стране практически вводилось президентское правление. В ответ на эти действия Президента внеочередной IX съезд народных депутатов пытался отстранить Б. Ельцина от его должности, однако, не набрав большинства голосов, вынужден был согласиться на проведение референдума, но со своей формулировкой вопросов. Три из четырех предлагаемых вопросов были направлены непосредственно против Президента.

В референдуме 25 апреля 1993 г. приняло участие около 64% избирателей. Из них за доверие Президенту высказалось 58,7%, социально-экономическую политику одобрило 53%. Предложение о досрочных перевыборах и Президента, и парламента не прошло.

Референдум, безусловно, упрочил позиции Президента, однако его победа не была абсолютной. Конституционный кризис преодолен не был. Непримируемая оппозиция, расценив по-своему итоги референдума — как поражение Ельцина и его сторонников, — продолжала конфронтацию с исполнительной властью, боролась за отстранение от должности Президента и правительства.

Борьба за новую Конституцию. Камнем преткновения разработки новой Конституции стал вопрос о форме

правления: либо президентская республика, сильный Президент, формирующий правительство и имеющий в определенных обстоятельствах право роспуска парламента, либо парламентская республика, в которой большими прерогативами пользовалась законодательная власть. Другой серьезной проблемой был вопрос о федеративном устройстве России.

Чтобы выйти из тупика, весной 1993 г. после референдума от имени Президента был предложен альтернативный проект Конституции. В нем было много общего с проектом Конституционной комиссии, но были и существенные различия. Оппозиция расценила его как «монархический», «авторитарный». В поисках согласия с народными депутатами Президент летом 1993 г. создал Конституционное совещание. В ходе его работы в президентский проект было внесено множество положений, разработанных Конституционной комиссией, достигнуты определенные компромиссы, но они не устранили законодательную власть. Председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов, возглавлявший парламентскую оппозицию, вице-президент А.В. Руцкой и др. блокировали все инициативы Президента.

Непримиримая оппозиция для реализации своих целей широко использовала многочисленные митинги и марши протеста. Первая «проба сил» состоялась 1 мая 1993 г., когда демонстранты в Москве на Ленинском проспекте дали настоящий бой силам милиции. Острая борьба законодательной и исполнительной власти продолжалась все лето 1993 г. Конституционный кризис принимал для страны все более опасный, разрушительный характер. Налицо были его негативные последствия для российского общества: инфляция, сепаратизм, падение авторитета власти и государства, попытки ограничения основных прав и свобод граждан. Противостояние законодательной и исполнительной власти усиливалось с каждым месяцем и закончилось кровавой развязкой в октябре 1993 г.

Октябрьские события 1993 г. К осени 1993 г. Россия оказалась в состоянии глубокого политического кризиса. Его дальнейшему разрастанию способствовало много объективных и субъективных факторов. Прежде всего, отсутствие у России реального опыта, устойчивых традиций демократии и парламентаризма.

Во-вторых, отсутствие полноценной правовой базы, определявшей предел компетенции законодательной и исполнительной власти, механизм их взаимодействия.

Начиная с весны 1992 г. депутатский корпус был нацелен на постепенное ограничение власти и полномочий Президен-

та, на радикальное изменение курса реформ. Для этого использовалась существующая устаревшая Конституция и «машина» голосования, поскольку к этому времени оппозиция уже располагала устойчивым большинством на съезде и в Верховном Совете Российской Федерации.

Проведение реформ в России оказалось под угрозой. Чтобы обеспечить продолжение курса на радикальные экономические преобразования, Б. Ельцин предпринял решительный шаг: указом № 1400 от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в России» объявил о роспуске съезда и Верховного Совета и проведении 12 декабря 1993 г. референдума по новой Конституции и выборов в двухпалатное Федеральное собрание (Государственную думу и Совет Федерации). К этому же сроку предполагалось завершить работу по подготовке новой Конституции.

Указ Президента формально противоречил ряду статей действующей Конституции. Срочно собравшийся в этот же день Конституционный суд во главе с его Председателем В.Д. Зорькиным посчитал это достаточным основанием для импичмента Президента.

Президентская сторона рассчитывала, что при проведении избирательной кампании в стране лидеры оппозиции не смогут остаться в стороне и тем самым тяжелейший политический кризис разрешится демократическим путем. Однако оппозиция отвергла этот вариант развития событий и перешла к решительной атаке на Президента. В ночь на 23 сентября 1993 г. чрезвычайный X съезд народных депутатов, на котором даже не было кворума, принял постановление, объявившее действия Б.Н. Ельцина «государственным переворотом». Съезд отстранил от должности Президента Ельцина и избрал А.В. Руцкого исполняющим обязанности Президента.

Получив полномочия, А. Руцкий быстро создает для охраны «Белого дома» вооруженные формирования, сюда же свозятся оружие и боеприпасы. Чтобы избежать возможных беспорядков, правительство установило оцепление вокруг «Белого дома» из нарядов милиции и ОМОНа и потребовало сдачу имеющегося в «Белом доме» оружия. 1—2 октября еще существовала возможность мирного развития событий. Председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин выступил с предложением так называемого «нулевого варианта», сущность которого заключалась в отмене всех решений Президента и Верховного Совета после 21 сентября и назначении одновременных перевыборов Президента и парламента. Однако оппозиция организовала 3 октября в центре Москвы

на Смоленской площади массовые беспорядки. К 10 часам вечера вооруженные боевики, прибывшие в телецентр «Останкино» по призыву Руцкого, предприняли попытку штурма здания телецентра.

Складывалась напряженная ситуация. Взяв на себя всю полноту ответственности, Б. Ельцин отдал приказ о вводе в Москву танковой дивизии и блокаде «Белого дома». В результате предпринятого штурма «Белого дома» с обеих сторон были жертвы, в том числе среди жителей города. Руководители парламента были арестованы.

События октября 1993 г. были неоднозначно восприняты различными слоями российского общества. Несомненно, что это — трагическая страница в российской истории. Вместе с тем очевидно, что «черный октябрь» окончательно разрушил систему Советов и Советской власти. Всенародное голосование по доработанному проекту новой Конституции должно было дать ответ на вопрос, что же придет на смену власти Советов.

Выборы 12 декабря 1993 г. В соответствии с принятым решением Президента 12 декабря 1993 г. состоялись выборы в Совет Федерации и Государственную думу. Одновременно с ними проводился референдум по проекту новой Конституции. Это была не единственная особенность декабрьских выборов. Выборы в Государственную думу проводились по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе: половина мест разыгрывалась по мажоритарной системе (от каждого избирательного округа в парламент попадал 1 кандидат-победитель) и половина — по пропорциональной системе, означавшей распределение депутатских мандатов между партиями в зависимости от количества поданных за них голосов.

Между политическими партиями и блоками развернулась настоящая предвыборная борьба за голоса избирателей. Ожидалось, что наибольшие шансы на успех имеет блок Е. Гайдара «Выбор России», наиболее близкий к Президенту. Однако результаты выборов оказались иными. Избиратели продемонстрировали свое разочарование ходом радикальных реформ. Выборы проводились в атмосфере высокой общественной напряженности, вызванной распадом СССР, октябрьским путчем. В итоге ни одна из политических партий, поддерживающих курс Президента, не набрала более 15% голосов от общего числа избирателей.

Наибольшей неожиданностью выборов стал успех Либерально-демократической партии во главе с В. Жириновским. Избиратели отдали ей более 25% голосов.

Всего на выборах 12 декабря в Государственную думу было избрано 444 депутата, в том числе 225 по общенациональному избирательному округу и 219 по одномандатным избирательным округам.

Одним из первых решений Государственной думы стало Постановление об амнистии лицам, находящимся под следствием или содержащимся под стражей в связи с событиями 19—21 августа 1991 г., 1 мая 1993 г. и 21 сентября — 4 октября 1993 г.

Решение Думы об амнистии было неоднозначно встречено в обществе, однако оно смогло снять остроту политических противоречий, царивших в обществе после событий 3—4 октября 1993 г.

Другим важным шагом в стабилизации общественной жизни явилась поддержка большинством фракций Государственной думы Договора об общественном согласии, провозглашавшего гражданский мир до проведения следующих выборов 1996 г.

За проект новой Российской Конституции проголосовала большая часть из числа пришедших на выборы россиян.

Новая Конституция России. Принятие новой Конституции РФ явилось важнейшим этапом демократического обновления России. «Такой Конституции Россия еще не имела», — заявил президент Б. Ельцин перед референдумом в декабре 1993 г.

К моменту принятия новой Конституции в России еще не закончилось формирование политических и экономических структур нового общества. Не оформились новые социальные группы и партии. В силу этих причин новая российская Конституция несла в себе черты переходного времени, определенных компромиссов. Наиболее очевидный из них — заметный дисбаланс силы между Президентом и парламентом. Согласно новому Основному Закону, Президент получил чрезвычайно широкие полномочия. В качестве главы государства он определяет политику, назначает главу правительства, выдвигает кандидатуры судей в Конституционный суд. Российский Президент получил также право распускать Думу и назначать новые выборы в случае трехкратного отклонения ею предложенной Президентом кандидатуры премьер-министра. В то же время заложенный в Конституции правовой механизм системы взаимных сдержек и противовесов не позволяет сделать эту власть абсолютной, установить единоличное правление.

Разграничение полномочий парламента и Президента исключает возможность появления на этой почве конфликтов

между двумя ветвями власти, имевших место в период политического кризиса до принятия новой Конституции.

Наконец, вопрос о территориально-политической организации общества и государства, разграничении предметов ведения между Федерацией и составляющими ее частями (субъектами) решается в новой Конституции на основе принципа федерализма

В целом новый Основной Закон представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с конституциями советского времени. Государственный строй в Российской Федерации определен как конституционный, а не общественный. Новая Российская Конституция максимально деполитизирована, именно поэтому в ней не определяется общественный строй. В Конституции четко заявлено, что Российская Федерация — демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ. Человек, его права и свободы являются, по Конституции, высшей ценностью. Признание человека (а не коллектива, класса, партии, как это было в старой Конституции) высшей ценностью, признание идеологического и политического многообразия, многопартийности, признание принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, признание частной собственности равноправной с государственной и частной собственности на землю — все это ставит новую Российскую Конституцию в один ряд с законодательствами правовых государств цивилизованного мира.

Впервые в истории был принят документ, в котором уровень гарантируемых прав и свобод человека, механизм их защиты соответствует современным международным стандартам.

Среди новых прав человека — право частной собственности, право граждан иметь в частной собственности землю. Провозглашены также избирательные и судебные права граждан.

Конституция подвела окончательную черту под советским периодом отечественной истории. Однако реформирование общества и государства далеко еще не завершено. России предстоит пройти немалый путь к открытому демократическому обществу, к созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5

Раздел I

Россия на переломе

Глава 1. ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ, СМУТЫ, НАДЕЖД	9
§ 1. Парадоксы социальной трансформации. Российская буржуазия в начале XX в.	9
§ 2. Русско-японская война. Социальное брожение в стране. Безумие русской смуты: начало революции 1905 г.	17
§ 3. Дилемма власти: потребности времени и возможности системы. Манифест 17 октября 1905 г.	27
§ 4. Опыт русского парламентаризма. Первая и Вторая Государственные думы	38
§ 5. Революция 1905—1907 гг. и облик государственной системы. Либералы и власть: упущенные возможности .	50
§ 6. Партии социалистической ориентации в начале XX в. .	61
Глава 2. ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ.	84
§ 1. Третья Государственная дума и П.А. Столыпин. «Вперед на малом тормозе».	84
§ 2. Историческое значение столыпинской аграрной реформы	94
§ 3. Гибель П.А. Столыпина. Хозяйственные успехи и общественная ситуация. Распутин	101
§ 4. Между миром и войной: противостояние коалиций .	113
§ 5. Имперская рулетка. Первая мировая война.	124
§ 6. Кульминация монархической драмы: отречение Николая II	133
Глава 3. ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	146
§ 1. Опасный крен	146
§ 2. Февральский рубеж	154
§ 3. Октябрь, Советы, большевики	171
§ 4. Этап гражданской войны.	179
§ 5. Эпилог.	190

Раздел II

От компромисса к новому штурму

Глава 4. СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО В 20-е ГОДЫ	197
§ 1. От гражданской войны к гражданскому миру	197
§ 2. Россия изгнорская.	211
§ 3. Образование СССР.	231
§ 4. Политическая борьба в 20-е годы и «сумерки» нэпа. .	241
§ 5. Год «великого перелома».	259
Глава 5. ЧЕРТЫ НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ .	279
§ 1. От великого кризиса к мировой войне	280
§ 2. Технологический прорыв.	302

§ 3. Бремя «большого скачка»	334
§ 4. Народ и власть в годы индустриальной революции	352
§ 5. Развивающаяся диктатура	370
§ 6. Роль урбанизации в российском историческом процессе	395

Раздел III

Испытание войной и миром

Глава 6. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945)	411
§ 1. Советские Вооруженные Силы накануне войны. Укрепление обороноспособности СССР	411
§ 2. Начало Великой Отечественной войны	422
§ 3. Все для фронта, все для победы	439
§ 4. Коренной перелом в Великой Отечественной войне. Победа антигитлеровской коалиции	455
Глава 7. ПОСЛЕ ВОЙНЫ: ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ (1945—1952)	466
§ 1. Победа: страна и мир	466
§ 2. Общество, вышедшее из войны	469
§ 3. Послевоенная экономика: основные проблемы и тенденции развития	476
§ 4. Жизнь после войны: ожидания и реальность	482
§ 5. Политика центра и возможности ее трансформации	491
§ 6. 1948 год и новая волна репрессий	496
§ 7. Снижение цен и «великие стройки коммунизма»	502

Раздел IV

Кризис и крах советской системы

Глава 8. ОТТЕПЕЛЬ (1953—1964)	510
§ 1. Ситуация «без Сталина» и изменение общественной атмосферы	510
§ 2. Несостоявшийся триумvirат и лидеры «оттепели»	513
§ 3. 1953 год и новая аграрная политика	520
§ 4. Экономика СССР в 50-е — начале 60-х годов: основные тенденции развития и реформы управления	526
§ 5. Решения о «культе личности» и их влияние на общество	532
§ 6. Венгерский кризис и судьба «оттепели»	537
§ 7. Начало 60-х: общественное мнение и политика центра	542
§ 8. У истоков экономической реформы, в поисках идей	551
Глава 9. К НОВОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА	559
§ 1. Советское общество на переломе	559
§ 2. Новые попытки модернизации страны	573
§ 3. Крушение Советской власти	584
§ 4. Первые шаги новой российской государственности	593

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — "Книги по почте".

Боханов Александр Николаевич
Зырянов Павел Николаевич
Дмитренко Владимир Петрович и др.

ИСТОРИЯ РОССИИ. XX ВЕК

Учебное пособие

Ведущий редактор Н. А. Еремина
Редактор Н. М. Подъяпольская
Художественный редактор Н. В. Белов

Подписано в печать с готовых диапозитивов 31.10.00.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 33,6. Доп. тираж 16 000 экз. Заказ 2205.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ». Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Римчино, д. 84.

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.650.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.